

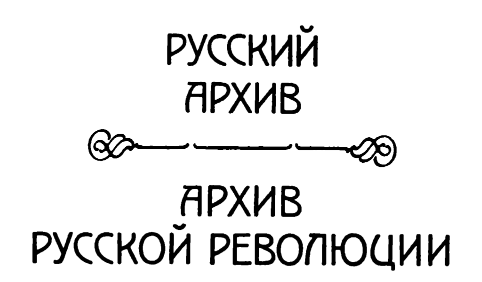

АРХИВ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

17-18

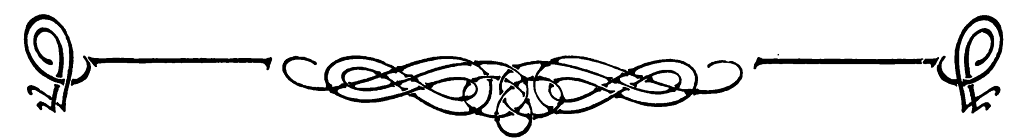
«ТЕРРА»

РУССКИЙ АРХИВ

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РУССКИЙ АРХИВ

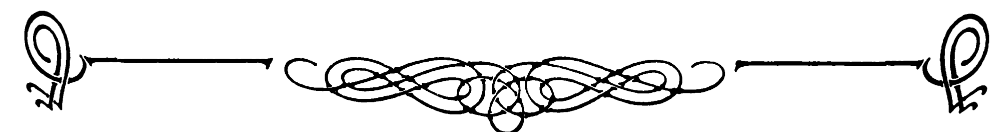

17-18

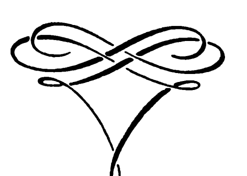
«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА 1993

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изданный
И. В. ГЕССЕНОМ

17-18

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА 1993

ББК 63.3(2)711
А87

А $\frac{0503020000-045}{А30(03)-93}$ Подписное

ISBN 5-85255-291-7 (т. 17—18)
ISBN 5-250-01774-6

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

І. В. Гессеномъ

XVII

БЕРЛИНЪ 1926

СОДЕРЖАНІЕ

Крушеніе Имперіи — М. В. Родзянко 5

Изъ воспоминаній — проф. Н. Н. Алексѣева 170

Лагерь Ля-Куртинъ — Ю. Лисовскаго 256

Попытка освобожденія Царской Семьи — К. Соколова 280

Въ Екатеринбургѣ — З. Диля 293

Документы

Тобольскій дневникъ 301

Последние дни последнего царя 305

Крушеніе Имперіи

(Записки предсѣдателя Русской Государственной Думы) М. В. Родзянко

Предисловіе А. И. Ксюнина

Никто не устраиваетъ революцію и никто въ ней неповиненъ. Виновны всѣ.

(Талейранъ).

Съ записками Михаила Владиміровича Родзянко, съ его лиловыми тетрадями, мелко исписанными имъ самимъ или подъ его диктовку, — я познакомился еще при его жизни. М. В. передалъ ихъ мнѣ для подготовки къ изданію: онъ видѣлъ, что даже послѣ всего пережитого въ широкихъ массахъ русскихъ людей мало и плохо ознакомлены съ событіями, предшествовавшими революціи. М. В. испыталъ это на себѣ, вѣрнѣе, испытывалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ періодъ добровольчества и послѣ — въ эмиграціи — озлобленные, нечестные и просто сбитые съ толку своими несчастіями люди бросали Родзянко тяжкое обвиненіе, что это онъ «возглавилъ революцію» и «заставилъ Николая II отречься отъ престола».

Записки М. В. съ безпристрастіемъ лѣтописца, излагающія ходъ политической жизни въ Россіи за послѣдніе пять лѣтъ до момента революціи — лучшій отвѣтъ на всѣ эти обвиненія. Онѣ же, эти записки, вскрываютъ и безысходную трагедію Родзянко. Ему, убѣжденному монархисту, выросшему въ глубокомъ уваженіи къ достоинству Царя, невыразимо тяжко было сознавать, что онъ долженъ осуждать дѣйствія Монарха и бороться съ его распоряженіями для пользы его же самого и родины, которую Николай II, не сознавая увлекалъ въ пропасть.

Камеръ-пажъ при Императорѣ Александрѣ II, офицеръ кавалергардскаго полка, предводитель дворянства, камергеръ, пропитанный монархическими идеями по воспитанію, положенію и средѣ, въ которой жилъ, — становится свидѣтелемъ, какъ приближенными Царя и его министрами эта идея приносится въ жертву своекорыстнымъ интересамъ карьеры, выгоды и обогащенія. Какъ Предсѣдатель Думы,

какъ представитель народа, онъ считалъ преступнымъ скрывать отъ Царя истину, какъ бы жестока она ни была. Широко пользуясь правомъ доклада, онъ до послѣднихъ дней съ упорствомъ, пренебрегая оскорбленіями, наносившимися его самолюбію, старался открыть глаза Николаю II на настоящее положеніе, но рѣдко, когда въ этомъ успѣвалъ. Другія вліянія, безотвѣтственныя, шедшія не наперекоръ, а угождавшія настроеніямъ, неизмѣнно брали верхъ. Во время войны, когда всѣ усилія должны были быть сосредоточены на помощи фронту, — министры царскаго правительства и дворцовые круги вели борьбу не съ врагомъ, а съ народнымъ представительствомъ и общественными организаціями. Ходомъ этой борьбы Предсѣдатель Думы выдвигается на первое мѣсто. Послѣ военныхъ неудачъ 1915 года на промышленныхъ съѣздахъ онъ провозглашаетъ лозунгъ «все для войны» и добивается учрежденія Особого Совѣщанія по оборонѣ. Послѣ, когда начался развалъ тыла, союзы земствъ и городовъ, земскія и дворянскія собранія и даже совѣтъ объединеннаго дворянства черезъ Предсѣдателя Думы подаютъ свой голосъ, предупреждающій, что «Родина въ опасности» и что надо призвать къ власти людей, пользующихся довѣріемъ страны. Родзянко объ этомъ неоднократно доводитъ до свѣдѣнія Государя — но опять напрасно.

Къ Предсѣдателю Думы обращаются офицеры и генералы съ фронта тоже съ самыми тревожными предупрежденіями; къ нему пріѣзжаютъ великіе князья, братъ Государя проситъ его какъ человѣка, «которому всѣ довѣряютъ», предупредить бѣдствіе, надвигающееся на Россію, наконецъ одна изъ великихъ княгинь въ присутствіи своихъ сыновей предлагаетъ М. В. взять на себя иниціативу «устраненія» Царицы. Всѣ и все тянулось къ Предсѣдателю Думы, но передъ престоломъ Родзянко неизмѣнно оказывался одинокимъ, потому что кромѣ него почти никто не рѣшался говорить тѣхъ правдивыхъ и смѣлыхъ словъ, которыя тогда озлобляли Императора и которыя Николай II вспомнилъ слишкомъ поздно, — когда послѣ отреченія онъ сказалъ генералу Рузскому: «Только одинъ Родзянко говорилъ мнѣ чистую правду».

Такимъ же одинокимъ оказался М. В. и вскорѣ послѣ переворота: какъ раньше при Царѣ онъ не умѣлъ и не хотѣлъ льстить у престола, такъ и съ приходомъ власти народа онъ не могъ потворствовать толпѣ демагогіей.

Родзянкѣ пришлось подобрать выпавшую изъ слабыхъ царскихъ рукъ власть, но онъ ни минуты не думалъ ее узурпировать.

Членъ Думы и первый комендантъ Таврическаго дворца Б. А. Энгельгардтъ въ письмѣ послѣ смерти М. В. вспоминаетъ эти первые дни революціи еще до отреченія Николая II:

«Въ кабинетѣ Предсѣдателя Думы собрался весь временный комитетъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ за длиннымъ зеленымъ столомъ сидитъ Михаилъ Владиміровичъ Родзянко и на его, всегда увѣренномъ, лицѣ видны сомнѣнія и тревога. Члены временнаго комитета въ одинъ голосъ настаиваютъ на томъ, чтобы М. В. взялъ власть въ свои руки. Ему говорятъ, что этого «отъ него ждетъ страна, что это его обязанность и отъ нея онъ не имѣетъ права уклоняться».

«Что вы мнѣ предлагаете, господа? — отвѣчаетъ М. В. — Взять власть въ свои руки — да вѣдь это прямой революціонный актъ. Развѣ я могу на это пойти...»

Тщетно взывая къ Царю, онъ еще тогда надѣялся предотвратить бѣдствіе и, только убѣдившись, что прежней власти не существуетъ, что носители ея позорно бѣжали, онъ пытался остановить развалъ, но это уже была задача неосуществимая.

Когда всѣ были опьянены революціей, М. В. оставался абсолютно трезвъ. Въ то время имя Родзянки произносилось съ восторгомъ: толпа на улицахъ встрѣчала его криками «ура», солдаты и рабочіе, являвшіеся въ Таврическій дворецъ, прежде всего шли къ нему, большинство общества превозносила его до небесъ и выраженія благодарности сыпались со всѣхъ сторонъ. Ему присылали благословенія иконами, писали трогательныя посланія о томъ, что онъ «своимъ геройскимъ поведеніемъ спасъ тысячи жизней», что если бы не онъ, «столица была бы залита кровью» и т. д. Характерно, какъ выраженіе мнѣнія аристократіи, письмо стараго графа С. Д. Шереметьева. Онъ писалъ: «Я понимаю ваши страданія, зная васъ за честнаго русскаго человѣка, преданнаго Монархіи и Россіи, но вамъ другого выхода не было изъ трагическаго положенія и мы васъ благодаримъ и благословляемъ».

Во временномъ комитетѣ и въ общественныхъ кругахъ было теченіе, выдвигавшее на постъ главы временнаго правительства Родзянку, но противъ его кандидатуры появились возраженія слѣва и особенно энергичныя со стороны П. Н. Милюкова.

«Въ избраніи князя Львова для занятія должности министра предсѣдателя и въ отстраненіи Родзянки, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. Д. Набоковъ, — дѣятельную роль сыгралъ Милюковъ и мнѣ пришлось впослѣдствіи слышать отъ Павла Николаевича, что онъ не рѣдко ставитъ себѣ мучительный вопросъ: не было бы лучше, еслибы Львова оставили въ покоѣ, а поставили Родзянко, человѣка, во всякомъ случаѣ, способнаго дѣйствовать рѣшительно и смѣло, имѣющаго свое мнѣніе и умѣющаго на немъ настаивать».

Какъ при Царѣ — Н. Маклаковъ, Воейковъ, Вырубова, Распутинъ и другіе больше всего клеветали на Родзянко, такъ и послѣ переворота агитація изъ среды рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ была устремлена не противъ кого другого, какъ противъ Родзянки. Первый предсѣдатель с. р. д. Чхеидзе не стѣсняется въ Таврическомъ дворцѣ возбуждать солдатъ противъ Родзянки, а въ это время на фабрикахъ, въ казармахъ и на улицахъ усиленно распускаютъ слухи, что «Родзянко владѣетъ такими огромными землями, которыя превосходятъ территорію датскаго королевства». Агитація эта имѣла своей цѣлью скомпрометировать въ глазахъ народа и устранить съ политической арены одного изъ наиболѣе популярныхъ дѣятелей того времени, человѣка, стремившагося предотвратить развалъ Россіи.

Понимая всю шаткость и ненормальность временнаго правительства, поставленнаго въ положеніе непогрѣшимой и несмѣняемой власти, М. В. доказывалъ необходимость созданія Верховнаго Совѣта,

избраннаго изъ среды народныхъ представителей. Если бы эта мысль была проведена — явилось бы возглавленіе власти и было бы кому смѣнять оказавшихся не на мѣстѣ членовъ временнаго правительства.

Послѣ первыхъ же дней революціи М. В. оказался почти одинокимъ: большинство депутатовъ либо прекратило посѣщать Таврическій дворецъ, либо вовсе бѣжало изъ столицы. Глава правительства, которому М. В. доказывалъ всю пагубность его распоряженія объ отмѣнѣ всей администраціи на мѣстахъ, уже не считался съ думскимъ комитетомъ, а комитетъ этотъ не только возглавлялся, но и представлялся чуть ли не единолично однимъ Родзянко. У него осталась только моральная власть, въ то время, какъ юридическая принадлежала правительству князя Львова, а фактическая—уже совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Открыто объявить о томъ, что Дума отошла въ прошлое и что ни у Думы, ни у ея Предсѣдателя больше нѣтъ власти — значило бы похоронить идею народнаго представительства и съ головою выдать членовъ Думы, обѣляя себя самого. Этого по своему характеру М. В. сдѣлать не могъ. Кромѣ того, предвидя неминуемый крахъ временнаго правительства, онъ считалъ нужнымъ сохранить идею Думы (о чемъ не разъ говорилъ), надѣясь, что она можетъ еще сослужить службу. Позже, въ деникинскіе дни, онъ пытался воскресить эту идею и созвать Думу въ Екатеринодарѣ, но его не поддержали и не захотѣли слушать.

Еще до революціи 1905 года М. В. было ясно, что тогдашнее государственное устройство Россіи отжило свое время: еще въ январѣ 1905 г. на дворянскомъ собраніи въ Екатеринославѣ М. В. проводилъ мысль, что дворянство «на основаніи ст. 65 положенія о дворянствѣ» обязано довести до свѣдѣнія Государя о тѣхъ настроеніяхъ, которыя неразрывно связаны съ неудачами нашего оружія въ Манджуріи. Онъ предлагалъ «повернуть къ стопамъ его величества вѣрноподданнѣйшія чувства дворянства съ указаніемъ, что существующее положеніе о государственномъ совѣтѣ является устарѣлымъ и что въ совѣтъ слѣдуетъ влить свѣжія силы изъ выбранныхъ отъ дворянскихъ обществъ и земскихъ собраній». Это крайне скромное пожеланіе было тогда признано екатеринославскимъ дворянствомъ слишкомъ радикальнымъ. Передъ революціей тѣ же дворяне черезъ Родзянко просили объ отвѣтственномъ министерствѣ...

Человѣкъ исключительной политической честности, сильной воли, благороднаго патріотизма — Родзянко въ то же время обладалъ рѣдкимъ даромъ государственнаго предвидѣнія, чѣмъ были награждены далеко не многіе его современники. Онъ предупреждалъ — его голосу не хотѣли внять; его съ разныхъ сторонъ, снизу и сверху, звали на авантюру — онъ не пошелъ.

Когда братъ Царя великій князь Михаилъ Александровичъ, прежде чѣмъ подписать отреченіе, спросилъ М. В. можетъ ли онъ гарантировать ему безопасность въ случаѣ, если онъ вступитъ на престолъ — Родзянко отвѣтилъ: «Единственно, что я вамъ могу гарантировать — это умереть вмѣстѣ съ вами».

На исходѣ хилаго владычества Керенскаго, котораго Родзянко не разъ убѣждалъ, усовѣщевалъ, которому грозилъ — М. В. взялся орга-

низовать въ россійскомъ масштабѣ процессъ томившагося тогда въ Быховѣ генерала Корнилова. Защиту Корнилова брали на себя лучшіе адвокаты Москвы и Петрограда и М. В. заручился обѣщаніемъ нѣкоторыхъ капиталистовъ дать нужныя для веденія процесса средства, — но... пришелъ большевистскій переворотъ. И на стѣнахъ Петрограда среди множества красныхъ плакатовъ можно было прочесть объявленіе большевиковъ, обѣщавшихъ пятьсотъ тысячъ тому, кто живымъ или мертвымъ доставитъ въ Смольный институтъ бывшаго Предсѣдателя Думы Михаила Родзянко.

Подъ охраной донскихъ офицеровъ М. В. долженъ былъ спасаться изъ столицы, но и на этомъ не окончились его муки. Красновскій періодъ на Дону, Ледяной походъ, въ который пошелъ Предсѣдатель Думы вмѣстѣ съ зеленой молодежью — горстью храбрецовъ, потому, что, какъ онъ говорилъ, ему некуда было больше идти, затѣмъ добровольческій періодъ и эмиграція — принесли не мало новыхъ обидъ и оскорбленій Родзянко и приблизили конецъ его жизни.

Записки Предсѣдателя Думы Михаила Владиміровича Родзянко— лучшій памятникъ этому большому русскому человѣку, для котораго превыше всего была — Родина.

Послѣдній предсѣдатель Государственной Думы

В. Садыкова

«Родзяко сдѣлалъ революцію, онъ виновникъ всего нашего горя и несчастья» — вотъ кличъ, пущенный съ легкой руки безчестныхъ людей, стремившихся всѣми помыслами своими хотя какъ нибудь сложить съ себя ту долю отвѣтственности, которая всею тяжестью ложится на всю русскую интеллигенцію и въ особенности на тѣ классы, которые непосредственно стояли у власти послѣднее десятилѣтіе передъ революціей или были близки къ правящимъ кругамъ того времени.

Этотъ кличъ былъ съ особой легкостью воспринятъ на чужбинѣ бѣженскою массою въ Сербіи и эту клевету усиленно культивировали въ народѣ люди, стоявшіе на верхахъ, взявшіе добровольно на себя заботы о бѣженцахъ.

Необходимо имъ было, не щадя силъ и здоровья, поддерживать это нелѣпое, если не сказать больше, обвиненіе, ибо совершенно ясно — они боялись вопроса, обращеннаго къ нимъ: «А вы, господа хорошіе, что дѣлали въ то время, что вы сдѣлали, чтобы спасти родину и несчастнаго Царя, портретами котораго вы такъ старательно себя обвѣшиваете здѣсь, на чужбинѣ?».

Еще болѣе обидно то, что какъ на виновника несчастья всего русскаго народа указывали на Михаила Владиміровича и среди военной среды, среди остатковъ той доблестной арміи, которую такъ любилъ покойный Предсѣдатель Г. Думы и на заботы о которой онъ положилъ столько силъ и здоровья.

Когда въ Сербіи началась самая настоящая травля Михаила Владиміровича, чѣмъ особенно отличалась натасканная въ соотвѣтствующемъ духѣ военная молодежь, онъ долго, коротко и съ громаднымъ достоинствомъ переносившій всевозможныя оскорбленія и издѣвательства, наконецъ не выдержалъ и отправился къ уполномоченному по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ Палеологу, къ которому сходились всѣ нити указанной травли.

На вопросъ, чѣмъ объясняется такая линія поведенія этого почтеннаго политическаго дѣятеля, Палеологъ отвѣтилъ коротко и довольно опредѣленно:

«Я творю волю, пославшаго меня»*).

Пришлось идти къ «пославшему» и свиданіе съ генераломъ Врангелемъ объяснило все.

«Армія не должна заниматься политикой. Намъ нужно было указать на кого нибудь, какъ на виновника революціи, и мы избрали васъ».

Свой тяжелый крестъ Михаилъ Владиміровичъ безропотно несъ до конца и никто, за исключеніемъ быть можетъ самыхъ близкихъ ему людей, не чувствовалъ и не понималъ той драмы, которую переживалъ этотъ кристальной честности человѣкъ и политическій дѣятель.

Рѣдко, въ минуты слабости онъ, смотря въ глаза, ища, какъ бы немедленнаго отвѣта, говорилъ: «А быть можетъ, дѣйствительно, я не все сдѣлалъ, чтобы предотвратить гибель Россіи».

Эта фраза красной нитью проходила черезъ всѣ его страданія, а первый разъ она была имъ произнесена рано утромъ въ знаменательный день 27 февраля 1917 года и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Съ 23 февраля начались безпорядки на улицахъ Петрограда, принявшіе къ 26-му стихійный характеръ. Въ этотъ день входныя двери Михаила Владиміровича не закрывались и къ нему, какъ бы ища спасенія, стекались люди всѣхъ ранговъ и состояній. Сохраняя наружное спокойствіе, Михаилъ Владиміровичъ для всѣхъ по обыкновенію находилъ слова утѣшенія, успокаивалъ по мѣрѣ силъ и возможности, не скрывая однако серьезности положенія.

Въ это время онъ тщетно ждалъ отвѣта на свои отчаянныя телеграммы, посланныя имъ въ ставку государю.

Тревожное настроеніе усугублялъ окончательно окрѣпшій къ этому дню слухъ о томъ, что въ карманѣ у министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова уже лежитъ подписанный царемъ указъ о роспускѣ Г. Думы. Всѣ понимали, а Михаилъ Владиміровичъ особенно больно это чувствовалъ, что распустить Думу въ такой моментъ—это бросить зажженную спичку въ пороховой погребъ, ибо если еще что сдерживало и что могло еще продлить хоть относительное спокойствіе, такъ это Дума, на которую были обращены всѣ взоры.

Около десяти часовъ вечера я уѣхалъ домой. Съ трудомъ успокоившись послѣ всего видѣннаго и слышаннаго, я былъ около трехъ часовъ ночи разбуженъ тревожнымъ телефоннымъ звонкомъ. У апа-

---

*) Палеологъ былъ назначенъ уполномоченнымъ по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ генераломъ Врангелемъ.

рата былъ Михаилъ Владиміровичъ, который просилъ меня немедленно явиться къ нему. Я засталъ его въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Онъ молча протянулъ мнѣ бумагу... Я понялъ, — это былъ указъ.

Настала мучительная пауза. Михаилъ Владиміровичъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ и нервно перебиралъ пальцами свою бородку. Затѣмъ онъ всталъ и началъ быстро ходить изъ угла въ уголъ.

«Все кончено... Все кончено!..» — повторялъ онъ нѣсколько разъ, какъ бы про себя.

Видно было, какъ дорого стоили ему эти нѣсколько часовъ. Многое, я думаю, передумалъ и перечувствовалъ этотъ человѣкъ за это короткое время. Онъ какъ то сразу осунулся, постарѣлъ, глубокая тѣнь печали легла на его открытое, честное лицо, тѣнь, которая оставила свой грубый слѣдъ на всю его жизнь.

Онъ быстро остановился и съ нескрываемой брезгливостью и злобой сказалъ:

«Позвоните сейчасъ «этому» Протопопову».

Я взялся за апаратъ, но всѣ мои попытки связаться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ были тщетны.

«Очевидно, сбѣжалъ герой» — съ усмѣшкой замѣтилъ Михаилъ Владиміровичъ и вновь заходилъ по кабинету. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ письменному столу, бралъ роковой указъ, бѣгло прочитывалъ его снова и снова и опять бросалъ на мѣсто.

Время подходило къ разсвѣту, я потушилъ электричество. Въ комнатѣ стало какъ то еще печальнѣе. Мнѣ бросилось въ глаза необыкновенно блѣдное лицо Михаила Владиміровича.

«Попробуйте дозвониться князя Голицына, быть можетъ на этотъ разъ вамъ посчастливится».

Я вновь взялся за трубку телефона и мнѣ наконецъ удалось нарушить мирный сонъ предсѣдателя совѣта министровъ и вызвать его къ телефону.

Михаилъ Владиміровичъ подошелъ къ апарату и я услышалъ теперь уже ровный, спокойный голосъ:

«Съ добрымъ утромъ, ваше сіятельство».

Но тутъ онъ вдругъ быстро, не отнимая трубки отъ уха, повернулся ко мнѣ лицомъ и по его широко открытымъ глазамъ я понялъ, что происходитъ что-то недоброе.

Рѣзкимъ движеніемъ Михаилъ Владиміровичъ повѣсилъ, почти бросилъ, телефонную трубку на апаратъ и я услышалъ уже другой голосъ:

«Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, что сейчасъ заявилъ мнѣ этотъ предсѣдатель совѣта министровъ: «Очень прошу васъ, Михаилъ Владиміровичъ, болѣе ни съ чѣмъ ко мнѣ не обращаться. Я больше не министръ, я подалъ въ отставку».

Съ этими словами Михаилъ Владиміровичъ грузно опустился на стоящее въ углу кресло и закрылъ лицо обѣими руками.

Настала полная тишина. Слышенъ былъ малѣйшій шорохъ въ комнатѣ... Звякнулъ телефонный звонокъ... Отбой... Телефонъ разъединили. Я понялъ, что разъединили навсегда.

Снова тишина и я услышалъ почти шопотъ:

«Боже мой, какой ужасъ!.. Безъ власти... Анархія... Кровь...»

И первый разъ я увидѣлъ на лицѣ Михаила Владиміровича слезы. Онъ тихо плакалъ.

Быстро всталъ, провелъ рукою по лицу, какъ бы стряхнувъ съ себя этимъ жестомъ минутную слабость и, взявъ меня за руки, притянулъ къ себѣ и прошепталъ:

«Нѣтъ, нѣтъ, все это ничего... Все можно перенести, но меня мучаетъ одно, и эта проклятая мысль гвоздемъ засѣла въ мою голову. Скажите мнѣ скорѣе, неужели я не сдѣлалъ всего, что отъ меня зависитъ, чтобы предотвратить этотъ кошмаръ? этотъ ужасъ! Вѣдь это гибель Россіи».

Какъ могъ, я старался успокоить Михаила Владиміровича и дѣлалъ это отъ чистаго сердца, ибо втеченіи трехъ слишкомъ лѣтъ я видѣлъ собственными глазами безкорыстную, неустанную борьбу за правду, безгранично честную, глубокопатріотическую дѣятельность Предсѣдателя Г. Думы.

«Идемте скорѣе въ Думу, — услышалъ я снова спокойный голосъ Михаила Владиміровича, — быть можетъ, еще можно что нибудь сдѣлать. Надо спѣшить».

Съ этими словами мы вышли въ переднюю. Какъ бы забывъ что-то важное, Михаилъ Владиміровичъ быстро вернулся обратно, подошелъ къ иконѣ и какъ глубоковѣрующій человѣкъ опустился на колѣни и трижды перекрестился.

Мы вышли. Шли пѣшкомъ. Слышался какой то отдаленный гулъ. Щелкали одиночные выстрѣлы.

* * *

Честность, правдивость и безграничная доброта — вотъ отличительныя черты покойнаго Предсѣдателя Г. Думы. За эту правду его многіе ненавидѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись. Я утверждаю, что за время моего секретарствованія не было случая, чтобы когда нибудь хоть кто-либо изъ министровъ осмѣлился отказать М. В. Родзянкѣ въ его просьбѣ. А писалъ и просилъ онъ очень много. Не для себя, не ради близкихъ, а для всѣхъ тѣхъ ,кто только къ нему ни обращался. Каждый день къ нему на пріемъ являлись десятками люди всѣхъ сословій и состояній съ самыми разнообразными просьбами. Почти всѣхъ принималъ Михаилъ Владиміровичъ лично, выслушивалъ, для каждаго находилъ доброе, ласковое слово, а затѣмъ отсылалъ ко мнѣ съ краткимъ приказаніемъ: «Выслушайте подробно и напишите соотвѣтствующему министру».

Бывали случаи, когда я, усумнившись въ личности просителя, докладывалъ объ этомъ Михаилу Владиміровичу и всегда онъ мнѣ говорилъ:

«Какой вы злой человѣкъ. Всегда вы стремитесь найти въ человѣкѣ что нибудь отрицательное. Помните одно: пусть я лучше помогу десяти недостойнымъ, чѣмъ лишу этой помощи одного несчастнаго».

«Я калифъ на часъ, — говорилъ онъ часто послѣднее время, — надо пользоваться, пока я у власти. Богъ знаетъ, быть можетъ меня завтра сошлютъ въ Сибирь или повѣсятъ, а пока я цѣлъ — я долженъ помогать ближнимъ».

Все же я довольно часто, памятуя, что отказа въ просьбѣ Михаила Владиміровича быть не можетъ, кривилъ душой и никому никакихъ писемъ не посылалъ и на этой почвѣ мы неоднократно ссорились съ Михаиломъ Владиміровичемъ.

Послѣднее время часто приходилось слышать и читать о томъ, что правительство боялось Г. Думы. Это утвержденіе не совсѣмъ точно: правительство абсолютно не считалось съ Думой, какъ таковой, оно презирало это, мѣшавшее имъ разваливать государство, учрежденіе, но оно боялось ея Предсѣдателя, ибо всѣ твердо знали и не разъ въ этомъ убѣждались, что Михаилъ Владиміровичъ Родзянко на компромиссы не пойдетъ, онъ не остановится ни передъ чѣмъ и ради правды и справедливости пригвоздитъ къ позорному столбу всякаго, безотносительно его положенія и вліянія, кто осмѣлится посягнуть на честь и достоинство или благополучіе родины.

* * *

Помню характерный случай. Ждали Государя въ Думу. Взволнованный приставъ Г. Думы доложилъ Михаилу Владиміровичу, что въ Золотой Книгѣ всѣ первыя страницы были уже заполнены и предлагалъ вплести для подписи Императора на первомъ мѣстѣ чистый листъ.

«Никакихъ фокусовъ и подлоговъ не надо, — отвѣтилъ Михаилъ Владиміровичъ, — Государь распишется на первомъ свободномъ листѣ». Онъ приказалъ только купить георгіевскую ленту*) и ею заложилъ книгу тамъ, гдѣ нужно.

Когда Государь, послѣ сказаннаго имъ членамъ Думы слова, прошелъ въ такъ называемый Полуциркульный залъ, Михаилъ Владиміровичъ подвелъ его къ Золотой Книгѣ и попросилъ расписаться.

Государь открылъ первый листъ, затѣмъ второй, третій. Видя это, Михаилъ Владиміровичъ обратился къ нему и сказалъ:

«Опоздали, Ваше Величество, теперь уже придется расписаться тамъ, гдѣ заложено».

Государь улыбнулся и расписался на указанномъ ему мѣстѣ.

Сказанная Государемъ рѣчь была съ точностью записана двумя стенографистками. Эту коротенькую рѣчь Михаилъ Владиміровичъ распорядился золотыми буквами вырѣзать на мраморной доскѣ, которую предполагалъ помѣстить въ Екатерининскомъ залѣ, гдѣ эта рѣчь была произнесена.

---

*) Государь какъ разъ въ это время получилъ Георгіевскій крестъ.

Каково же было его удивленіе, когда въ тотъ же день вечеромъ отъ министра Двора пришла бумага, на которой была написана рѣчь, якобы сказанная Государемъ. Эта рѣчь была очень мало похожа на простыя хорошія слова Императора.

Михаилъ Владиміровичъ принялъ это къ свѣдѣнію и тутъ же отмѣнилъ свое распоряженіе, заявивъ:

«Вывѣшивать то, чего никогда не говорилъ Государь, я никому не позволю», о чемъ и довелъ до свѣдѣнія министра Двора.

* * *

Однимъ изъ первыхъ послѣ переворота въ полномъ составѣ въ Думу явился запасный батальонъ Л.-Гв. Преображенскаго полка со всѣми офицерами и командиромъ полковникомъ кн. Аргутинскимъ-Долгоруковымъ. Батальонъ первые нѣсколько дней несъ наружную и внутреннюю охрану Таврическаго дворца, а также и караулы у министерскаго павильона, гдѣ находились арестованные министры. Солдаты были дисциплинированы и безпрекословно подчинялись всѣмъ приказаніямъ своихъ офицеровъ.

Но вотъ черезъ нѣсколько дней батальонъ смѣнилъ другой полкъ, а преображенцы отправились къ себѣ въ казармы.

Въ тотъ же день картина совершенно измѣнилась. Въ казармы явились агитаторы и къ вечеру всѣ офицеры были уже арестованы, подвергались всевозможнымъ издѣвательствамъ и, какъ потомъ мнѣ разсказывали, къ нимъ въ комнату ворвались окончательно распропагандированные, обезумѣвшіе и вооруженные до зубовъ ихъ же солдаты, обезоружили всѣхъ офицеровъ, хватали ихъ и тащили для немедленной расправы во дворъ казармъ.

Кто-то догадался крикнуть: «Товарищи, тащите ихъ въ Думу — тамъ разберутъ»...

Этотъ призывъ спасъ несчастныхъ. Всѣхъ офицеровъ, какъ они были, безъ шинелей, безъ фуражекъ, гурьбой, по морозу и снѣгу, гнали въ Думу. Ихъ втащили въ Екатерининскій залъ. Возбужденіе росло съ каждой минутой. Уже раздавались крики: «Бей измѣнниковъ, бей предателей».

Случайно увидѣвъ эту картину, я понялъ, что спасти положеніе можетъ только Михаилъ Владиміровичъ. Я бросился къ нему.

Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ появилась могучая фигура Предсѣдателя Г. Думы. Воцарилась тишина. Громовымъ голосомъ онъ приказалъ немедленно освободить всѣхъ офицеровъ и вернуть имъ оружіе, а затѣмъ, обратившись къ солдатамъ, громилъ ихъ и въ концѣ концовъ выгналъ обратно въ казармы. Въ полномъ порядкѣ солдаты, молча, покинули помѣщеніе Думы. Послѣ этого случая въ батальонѣ надолго воцарился относительный порядокъ.

Офицеры со слезами на глазахъ благодарили Михаила Владиміровича за спасеніе и просили разрѣшенія на эту ночь остаться въ Думѣ. Они говорили, что только за спиною ея Предсѣдателя они чувствуютъ себя внѣ опасности.

Не одну тысячу жизней спасъ Михаилъ Владиміровичъ, за то и отблагодарили они его впослѣдствіи, забывъ, какъ въ свое время цѣловали ему руки.

Громадный кабинетъ Предсѣдателя Г. Думы былъ переполненъ и ночь и день людьми, искавшими спасенія. Въ большинствѣ случаевъ это были видные военные и сановники, бросившіе все и бѣжавшіе отъ опасности, которая часто имъ даже и не угрожала. Здѣсь они чувствовали себя какъ за каменной стѣной.

Помню, какъ сейчасъ, видную фигуру начальника военно-автомобильной части генерала Секретева. Этотъ почтенный генералъ, пользовавшійся въ свое время, благодаря Распутину, большимъ вліяніемъ, гдѣ только могъ, всегда старался выказать свое пренебреженіе Предсѣдателю Г. Думы. Теперь онъ сюда прибылъ однимъ изъ первыхъ и съ разрѣшенія Михаила Владиміровича безъ зазрѣнія совѣсти расположился въ его кабинетѣ, какъ у себя дома.

Какъ то увидѣвъ меня, онъ обратился со слѣдующими словами: «Если я не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ секретаремъ Предсѣдателя Думы?»

Я поклонился.

«Не откажите въ любезности доложить его превосходительству, что я умоляю его дать мнѣ возможность работать на общее святое дѣло, хотя бы въ роли вашего писца. Я вѣдь канцелярію хорошо знаю».

Гадко вспомнить. Я посовѣтовалъ генералу лучше вернуться въ свою часть, гдѣ навѣрное онъ гораздо нужнѣе и полезнѣе, чѣмъ въ Думѣ.

Мы разстались, а генералъ вновь вернулся въ «свой» кабинетъ.

Въ эти первые дни, вообще, не было отбоя отъ предложенія своихъ услугъ со стороны людей, занимавшихъ видное положеніе до переворота, а въ Думу шли работать всѣ, начиная съ рабочихъ и кончая сановниками.

Помню по телефону изъ дворца великаго князя Константина Константиновича ко мнѣ обратились два его сына и просили передать Предсѣдателю Г. Думы, что они не могутъ въ такое время ничего не дѣлать и предлагали себя въ распоряженіе его превосходительства.

Я доложилъ объ этомъ Михаилу Владиміровичу, который приказалъ благодарить молодыхъ князей, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительно просить ихъ сидѣть во дворцѣ и никуда не выходить.

* * *

Помню послѣдній докладъ Михаила Владиміровича Государю. Тучи на политическомъ горизонтѣ сгущались все болѣе и болѣе. Какая то невидимая рука старательно разрушала все, что съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ созидалось немногими благомыслящими людьми, стоявшими на стражѣ интересовъ государства. Положеніе становилось невыносимымъ.

Михаилъ Владиміровичъ рѣшилъ снова ѣхать къ Государю и еще разъ попытаться открыть ему весь ужасъ создавшагося положенія. Аудіенція была получена и Михаилъ Владиміровичъ уѣхалъ.

По обыкновенію я выѣхалъ на вокзалъ встрѣтить его по возвращенію изъ Царскаго Села. Подошелъ поѣздъ. Изъ вагона въ придворномъ мундирѣ вышелъ Михаилъ Владиміровичъ. По его лицу и фигурѣ я безъ словъ понялъ, что мало хорошаго онъ привезъ съ собой.

Проходя молча по перрону, мы встрѣтили начальника станціи, который низко поклонился. «Здравствуйте», — любезно отвѣтилъ Михаилъ Владиміровичъ, а затѣмъ, обратившись ко мнѣ, замѣтилъ:

«Вотъ человѣкъ и не подозрѣваетъ, что видитъ меня въ этомъ нарядѣ послѣдній разъ».

Мы сѣли въ автомобиль. На мой вопросъ, что означаютъ его послѣднія слова, Михаилъ Владиміровичъ мнѣ отвѣтилъ:

«Я сегодня сказалъ Государю, что я у него въ послѣдній разъ и больше его никогда не увижу. Я убѣжденъ, что это дѣйствительно такъ, я это ясно чувствую».

Разговоръ умолкъ. Михаилъ Владиміровичъ задумался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вновь взволнованно заговорилъ:

«Вы подумайте только, что дѣлается. Я лишенъ возможности сдѣлать секретъ изъ моего посѣщенія Государя, а что же получается. Сегодня, прибывъ во дворецъ, я узналъ, что передо мной Государемъ былъ принятъ Протопоповъ. Совершенно ясно — это было стремленіе въ соотвѣтствующемъ духѣ подготовить Государя къ моему докладу и это я почувствовалъ съ первыхъ же произнесенныхъ мною словъ. Быть можетъ мнѣ все же горячею рѣчью, неопровержимыми доводами и удалось хоть немного поколебать Государя и заставить его задуматься надъ тѣмъ бѣдствіемъ, которое неминуемо грозитъ престолу и государству, но что же далѣе... при выходѣ я столкнулся съ Щегловитовымъ. Это уже тяжелая артиллерія и я убѣжденъ, что послѣ выступленія «этого орудія», отъ моего доклада въ головѣ Государя ничего не осталось. Я ломлюсь въ открытую дверь и ясно вижу, что спасенія нѣтъ и быть не можетъ».

Михаилъ Владиміровичъ былъ правъ: это было его послѣднее свиданіе съ Государемъ.

* * *

Съ 27 февраля, день за днемъ, съ утра и до вечера, къ Думѣ являлись всевозможныя делегаціи, приходили непрерывной вереницей полки въ полномъ составѣ, рабочіе всѣхъ заводовъ и фабрикъ, учащіеся и т. д. Въ толпѣ царило радостное и восторженное настроеніе, всюду сохранялся полный порядокъ. У всѣхъ на устахъ было имя М. В. Родзянко, къ которому шли и шли безъ конца. По много разъ приходилось Михаилу Владиміровичу выходить къ толпѣ и объяснять народу создавшееся положеніе. Михаилъ Владиміровичъ выбивался изъ силъ.

Свившій себѣ тутъ же въ Думѣ прочное гнѣздо совѣтъ рабочихъ депутатовъ первое время держался какъ то въ сторонѣ. Появлялись и изъ

ихъ лагеря ораторы, рѣчи которыхъ сначала лились въ унисонъ съ тѣмъ, что говорилось отъ имени Г. Думы. Однако скоро картина рѣзко измѣнилась. Тонъ представителей этой организаціи сталъ мѣнять свою окраску. Уже чувствовались демагогія и пораженчество. Послѣднее обстоятельство сильно безпокоило Михаила Владиміровича, который не могъ одинъ бороться съ этими явленіями. Ряды членовъ Г. Думы, раздѣлявшихъ первое время непосильный одному человѣку трудъ, стали рѣдѣть. Наконецъ настало время, когда уже окончательно изнемогавшій Михаилъ Владиміровичъ не могъ найти себѣ замѣстителя. Часто онъ разсылалъ во всѣ концы гонцовъ за поисками членовъ Г. Думы, которыхъ найти, однако, не удавалось. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ блестяще воспользовался создавшимся положеніемъ и быстро, очень талантливо, наладилъ дѣло пропаганды. И вотъ народъ, стремившійся узнать правду и желавшій понять происходящее, шелъ за разъясненіями въ Думу, а здѣсь его встрѣчали не депутаты и народъ получалъ «соотвѣтствующія» разъясненія и инструкціи, приведшія его въ результатѣ къ 25 октября.

Использовавъ до конца Г. Думу, совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ легкой душой переѣхалъ въ полномъ составѣ въ Смольный институтъ, гдѣ и продолжалъ свою разрушительную работу.

Пять сутокъ не выходилъ Михаилъ Владиміровичъ изъ Думы. Съ большимъ трудомъ его удалось уговорить поѣхать домой отдохнуть. Но едва онъ добрался до своей квартиры, какъ снова явились делегаты и умоляли Михаила Владиміровича пріѣхать немедленно въ Думу, гдѣ его появленія ждетъ громадная толпа.

Всѣ улицы были запружены народомъ. Автомобиль съ трудомъ передвигался впередъ. Люди, давя другъ друга, стремились къ автомобилю, чтобы ближе увидѣть своего Предсѣдателя Г. Думы. Многіе пытались поцѣловать его руку, многіе плакали. Противъ американскаго посольства толпа остановила автомобиль и требовала слова Предсѣдателя Г. Думы. Эту картину увидѣлъ со своего балкона посолъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Фрэнсисъ и жестомъ пригласилъ Михаила Владиміровича къ себѣ. Мы поднялись къ послу и здѣсь съ балкона Михаилъ Владиміровичъ произнесъ рѣчь, все время прерываемую восторженными криками народа. Михаила Владиміровича на рукахъ донесли до автомобиля.

Послѣ произнесенной имъ около Думы рѣчи, народъ снова на рукахъ отнесъ его въ автомобиль. Здѣсь къ Михаилу Владиміровичу подошли начальники военно-учебныхъ заведеній и просили сказать нѣсколько словъ воспитанникамъ, выстроеннымъ шпалерами вдоль улицы.

Слова Михаила Владиміровича были покрыты несмолкаемыми криками «ура» военной молодежи и звуками оркестровъ.

Царило повсюду восторженное ликующее настроеніе и если кто былъ печаленъ въ эти дни, такъ это только одинъ Михаилъ Владиміровичъ Родзянко.

* * *

Да проститъ меня незабвенный Михаилъ Владимiровичъ за эти скромныя строки, которыя я посвятилъ его памяти. Не для его защиты хотѣлъ я по мѣрѣ силъ и возможности возстановить въ памяти приведенные мною факты изъ его жизни.

Въ защитѣ Михаилъ Владимiровичъ Родзянко не нуждается.

Я считалъ необходимымъ дополнить тотъ обширный матерьялъ, который въ этой работѣ даетъ самъ покойный, описанiемъ событiй, которымъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ и о которыхъ естественно не могъ упомянуть покойный Предсѣдатель Г. Думы въ своихъ запискахъ.

Недалеко то время, когда историкъ разберется въ уже накопленномъ громадномъ матерьялѣ и будетъ наконецъ сказано вѣское слово, которое положитъ предѣлъ всѣмъ тѣмъ нелѣпымъ слухамъ, сплетнямъ и инсинуацiямъ, такъ старательно распускаемымъ вольными и невольными врагами правды и справедливости.

Бѣлградъ 1924 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Приступая къ изложенію событій, предшествовавшихъ революціи, и обстоятельствъ, при которыхъ или, вѣрнѣе, въ силу которыхъ появился при Дворѣ Императора Николая II Григорій Распутинъ и получилъ столь пагубное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, я отнюдь не имѣю въ виду стремленіе набросить тѣнь на личность мученически погибшаго русскаго Царя. Жизнь его несомнѣнно была полна лучшихъ пожеланій блага и счастья своему народу. Однако, онъ не только ни въ чемъ не достигъ, благодаря своему безволію, мягкости и легкому подчиненію вреднымъ и темнымъ вліяніямъ, а, напротивъ, привелъ страну къ царящей нынѣ смутѣ, а самъ со своей семьей погибъ мученической смертью.

Мнѣ, какъ близко стоящему къ верхамъ управленія Россіей, кажется, что я не вправѣ сохранять въ тайнѣ эти темныя страницы жизни русскаго царства, страницы — раскрывшіяся во время такой несчастливой для насъ міровой войны. Потомство наше себѣ въ назиданіе должно знать все прошлое своего народа во всѣхъ его подробностяхъ и въ ошибкахъ прошлаго черпать опытъ для настоящаго и будущаго. Поэтому всякій, знающій болѣе или менѣе интимныя детали, имѣющія историческій интересъ и государственное значеніе, не имѣетъ права скрывать ихъ, а долженъ свой опытъ и освѣдомленность безъ всякаго колебанія оставить потомству.

Съ этой точки зрѣнія я и прошу читателей отнестись къ настоящимъ запискамъ. Быть объективнымъ въ своемъ изложеніи — моя цѣль, рѣзкаго же или пристрастнаго отношенія къ разсматриваемой эпохѣ я буду тщательно избѣгать.

Такъ или иначе, но начало разложенія русской общественности, паденіе престижа Царской власти, престижа и обаянія самой личности Царя роковымъ образомъ связаны съ появленіемъ при русскомъ Дворѣ и его вліяніемъ на жизнь Двора Григорія Распутина. И виновнымъ въ томъ, что его вліяніе имѣло гибельныя послѣдствія для всего государства, нельзя считать однако Императора Николая II, но несомнѣнно и главнымъ образомъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей и приближенныхъ къ Императорскому Двору лицъ, которые не поняли или не хотѣли понять въ своихъ личныхъ выгодахъ и разсчетахъ глубину той пропасти, въ которую могутъ быть ввержены не только Императорская Семья, но и вся Россія. Обаяніе Царскаго престола было замарано наличіемъ вблизи его безнравственнаго и грязнаго проходимца. Эти лица должны были, не щадя себя, если имъ интересы и судьбы родины были выше личныхъ выгодъ и соображеній, мужественно сплотиться во имя блага Родины и спасти ее отъ могущихъ

быть страшныхъ потрясеній. На дѣлѣ этого не было. Люди, долгъ которыхъ заключался въ упорной борьбѣ съ нарождающимся зломъ, этого долга передъ Родиной не исполнили. Они, напротивъ, въ личныхъ выгодахъ поддерживали тлетворное вліяніе Распутина на Царскую Семью, видя въ немъ вѣрное орудіе для достиженія своихъ тщеславныхъ и корыстныхъ цѣлей.

Я самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ отбрасываю появившіяся въ послѣдніе дни царствованія Николая II недостойныя и грязныя инсинуаціи на Царскую Чету, всѣ тѣ памфлеты бульварнаго характера, которые принимались легко на вѣру взбудораженной, легковѣрной толпой. Долгомъ совѣсти я считаю завѣрить, что причины вліянія Распутина лежатъ болѣе глубоко. Онѣ относятся къ области болѣзненнаго мистицизма Императрицы Александры Феодоровны, мистицизма, который постоянно и искусственно поддерживался Распутинымъ и его приспѣшниками, но ни въ какой степени не основывались на интимныхъ отношеніяхъ.

Въ своемъ изложеніи я буду базироваться на многихъ документахъ, имѣющихся у меня, и на сохранившихся личныхъ запискахъ. Мнѣ придется, однако, иногда приводить и бродившіе въ русскомъ обществѣ слухи и разсказы, которые даютъ прямое отраженіе настроенія умовъ описываемой эпохи.

I

Мистицизмъ Царицы и „пророки" съ Запада. Епископъ Феофанъ и появленіе Распутина. Въ чемъ сила его вліянія на Царицу. Столкновеніе съ Гермогеномъ и Иліодоромъ и об. прокуроръ Синода Саблеръ.

Къ тому времени, когда послѣ Японской войны я по избранію екатеринославскаго губернскаго земства сдѣлался членомъ Г. Совѣта, относится и знакомство мое, болѣе или менѣе, близкое, съ высшими правящими сферами, а слѣдовательно сдѣлались доступными многія интимныя подробности быта этихъ сферъ, недоступныя и неизвѣстныя широкой русской публикѣ.

Общее мнѣніе, и несомнѣнно правильное, заключалось въ томъ, что Императрица Александра Феодоровна еще съ малыхъ лѣтъ имѣла склонность къ мистическому міросозерцанію; это свойство ея природы, по мнѣнію многихъ наслѣдственное, крѣпло и усиливалось съ годами, а въ описываемый мною періодъ достигло религіозной маніи, скажу даже, религіознаго экстаза: — вѣра въ возможность предсказаній будущаго со значительной долей суевѣрія.

Причины такого ея душевнаго состоянія объяснить, конечно, трудно. Было ли это послѣдствіемъ частаго дѣторожденія, упорной мысли о желаніи имѣть Наслѣдника, когда у нея рождались все дочери, или крылось ли это настроеніе въ самомъ ея душевномъ существѣ — опредѣлить я не берусь.

Но фактъ ея болѣзненнаго мистическаго и склоннаго къ вѣрѣ въ сверхъестественныя явленія настроенія, даже къ оккультному, — внѣ всякаго сомнѣнія.

Это обстоятельство было немедленно учтено дальновидными политиками Западной Европы, изучавшими всегда болѣе внимательно насъ, русскихъ, и особенно придворныя настроенія. Чтобы имѣть сильную руку при дворѣ русскомъ и, быстро оріентировавшись въ создавшемся положеніи, они немедленно рѣшили использовать это настроеніе.

Въ началѣ 1900 года стали появляться при Императорскомъ русскомъ дворѣ нѣсколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущаго, которые пріобрѣтали значительное вліяніе на мистически настроенный умъ Императрицы Александры Феодоровны. Въ силу довѣрія, которое оказывалось этимъ проходимцамъ Царской Семьей, вокругъ нихъ образовывались кружки придворныхъ, которые начинали пріобрѣтать нѣкоторое значеніе и даже вліяніе на жизнь императорскаго двора.

Въ этихъ кружкахъ тайное, незамѣтное участіе принимали безъ сомнѣнія и агенты нѣкоторыхъ иностранныхъ посольствъ, черпая такимъ образомъ всѣ необходимыя для нихъ данныя и интимныя подробности о русской общественной жизни. Такъ напримѣръ, за это время появился нѣкій Филиппъ. Онъ отвѣчалъ, какъ нельзя лучше, тому типу людей, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ на психологію царственной Четы, готовы служить всякому дѣлу и всякимъ цѣлямъ за достаточное вознагражденіе.

Ко двору этотъ господинъ былъ введенъ двумя великими княгинями. Но вскорѣ агентъ русской тайной полиціи въ Парижѣ Рачковскій донесъ въ Петербургъ, что Филиппъ темная и подозрительная личность, еврей по національности и имѣетъ какое то отношеніе къ масонству и обществу «Грандъ Альянсъ Израелитъ». Между тѣмъ Филиппъ пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе. Онъ продѣлывалъ какіе то спиритическіе пассы и сеансы, предугадывалъ будущее и убѣждалъ Императрицу, что у нея непремѣнно явится на свѣтъ въ скоромъ будущемъ сынъ, Наслѣдникъ престола своего отца. Филиппъ пріобрѣлъ такую силу при дворѣ, что агентъ Рачковскій былъ смѣненъ за доносъ его на Филиппа. Но какъ то загадочно исчезъ и Филиппъ при своей поѣздкѣ въ Парижъ.

Не успѣлъ онъ исчезнуть съ петербургскаго горизонта, какъ ему на смѣну появился въ высшемъ обществѣ такой же проходимецъ, якобы, его ученикъ, нѣкій Папюсъ, который въ скоромъ времени и тѣмъ же путемъ былъ введенъ ко двору.

Не могу не отдать справедливости тогдашнимъ руководителямъ русской внутренней политики и высшимъ іерархамъ Церкви. Они были озабочены столь быстро пріобрѣтаемымъ вліяніемъ пріѣзжающихъ, а можетъ быть, и подсылаемыхъ загадочныхъ субъектовъ.

Власти свѣтскія были озабочены возможностью сложныхъ политическихъ интригъ, такъ какъ въ силу довѣрія, оказываемаго имъ Царями, вокругъ нихъ образовывались кружки придворныхъ, имѣвшихъ, конечно, въ виду только свои личныя дѣла, но способные и на худшее.

Власть духовная въ свою очередь опасалась возникновенія въ высшемъ обществѣ сектантства, которое могло бы пойти изъ придвор-

ныхъ сферъ и которое пагубно отразилось бы на православной русской церкви, примѣры чему русская исторія знаетъ въ царствованіе Императора Александра I.

Совокупными ли усиліями этихъ двухъ властей или въ силу другихъ обстоятельствъ и происковъ, но Папюсъ вскорѣ былъ высланъ и его мѣсто занялъ епископъ Феофанъ, ректоръ С. П. Б. духовной Академіи, назначенный къ тому же и еще духовникомъ Ихъ Величествъ. По разсказамъ, передаваемымъ тогда въ петербургскомъ обществѣ, вѣрность которыхъ документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашеніе высшихъ церковныхъ іерарховъ въ томъ смыслѣ, что на болѣзненно настроенную душу молодой Императрицы должна разумно вліять православная Церковь, стоя на стражѣ и охранѣ православія, и, всемѣрно охраняя его, бороться противъ тлетворнаго вліянія гнусныхъ иностранцевъ, преслѣдующихъ очевидно совсѣмъ иныя цѣли.

Личность преосвященнаго Феофана стяжала себѣ всеобщее уваженіе своими прекрасными душевными качествами. Это былъ чистый, твердый и христіанской вѣры въ духѣ истаго православія и христіанскаго смиренія человѣкъ. Двухъ мнѣній о немъ не было. Вокругъ него низкія интриги и происки имѣть мѣста не могли бы, ибо это былъ нравственный и убѣжденный служитель Алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивыхъ запросовъ.

Тѣмъ болѣе непонятнымъ и страннымъ покажется то обстоятельство, что къ Императорскому двору именно имъ былъ введенъ Распутинъ.

Надо полагать, что епископъ Феофанъ глубоко ошибся въ оцѣнкѣ личности и душевныхъ свойствъ Распутина. Этотъ умный и тонкій, хотя почти неграмотный, мужикъ ловко обошелъ кроткаго, незлобиваго и довѣрчиваго епископа, который по своей чистотѣ душевной не угадалъ всю глубину разврата и безнравственности внутренняго міра Григорія Распутина. Епископъ Феофанъ полагалъ несомнѣнно, что на болѣзненные душевные запросы молодой Императрицы всего лучше можетъ подѣйствовать простой, богобоязненный, вѣрующій православный русскій человѣкъ ясностью, простотою и несложностью своего духовнаго міровоззрѣнія простолюдина. Епископъ Феофанъ, конечно, думалъ, что богобоязненный старецъ, какимъ онъ представлялъ себѣ Распутина, именно этой ясной простотой вѣрнѣе отвѣтитъ на запросы Государыни и легче, чѣмъ кто другой, разсѣетъ сгустившійся въ душѣ ея тяжелый мистическій туманъ. Но роковымъ образомъ честный епископъ былъ жестоко обмороченъ ловкимъ пройдохой и впослѣдствіи самъ тяжко поплатился за свою ошибку.

Кто же былъ по существу своему Григорій Распутинъ. Его **curriculum vitae** до появленія его на государственной аренѣ установлено документально.

Крестьянинъ села Покровскаго Тобольской губерніи, Распутинъ, повидимому, мало чѣмъ отличался отъ своихъ односельчанъ, былъ рядовымъ мужикомъ средняго достатка.

Изъ слѣдственнаго о немъ дѣла видно, что съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ наклонности къ сектантству; его недюжинный пытливый умъ

искалъ какіе то неизвѣданные религіозные пути. Ясно, что прочныхъ христіанскихъ основъ въ духѣ православія въ его душѣ заложено не было и поэтому и не было въ его міровоззрѣніи никакихъ соотвѣтствующихъ моральныхъ качествъ. Это былъ, еще до появленія его въ Петербургѣ, — субъектъ, совершенно свободный отъ всякой нравственной этики, чуждый добросовѣстности, алчный до матеріальной наживы, смѣлый до нахальства и не стѣсняющійся въ выборѣ средствъ для достиженія намѣченной цѣли.

Таковъ нравственный обликъ Григорія Распутина на основаніи слѣдственнаго о немъ дѣла, бывшаго у меня въ рукахъ. Изъ этого же дѣла я почерпнулъ и слѣдующія свѣдѣнія. Мѣстный священникъ с. Покровскаго сталъ замѣчать странныя явленія во дворѣ Григорія Распутина.

Была возведена въ глухомъ углу двора какая то постройка, безъ оконъ, якобы баня. У Распутина съ сумерками стали собираться какія то таинственныя сборища. Самъ Распутинъ часто сталъ отлучаться въ Абалакскій монастырь вблизи Тобольска, гдѣ содержались разныя лица, сосланныя туда за явную принадлежность къ разнымъ религіознымъ сектамъ. Пока мѣстный священникъ выслѣживалъ подозрительныя обстоятельства, происходящія во дворѣ Распутина, этотъ послѣдній рѣшилъ испытать счастье внѣ родного села и махнулъ прямо въ Петербургъ. Документально установить, какимъ образомъ Распутинъ сумѣлъ втереться въ довѣріе къ епископу Феофану, мнѣ не удалось. Слуховъ было такъ много, что на точность всѣхъ этихъ разговоровъ полагаться нельзя. Указывали, какъ на посредника между епископомъ Феофаномъ и Распутинымъ, на священника Ярослава Медвѣдя, духовника одной изъ русскихъ великихъ княгинь, ѣздившаго почему то въ Абалакскій монастырь или туда сосланнаго, гдѣ онъ будто бы познакомился съ Распутинымъ и привезъ его съ собой. Эта версія наиболѣе вѣроятная, но были и другія. Но какъ бы тамъ ни было, въ началѣ 1900 годовъ, еще до китайской войны, мы видѣли уже Распутина въ большой близости къ епископу Феофану, духовнику ихъ Величествъ; недальновидный архипастырь ввелъ его и ко Двору въ качествѣ старца и начетника, которыми еще при московскихъ Царяхъ кишмя кишѣли терема Царицъ московскихъ.

Распутинъ на первыхъ порахъ держалъ себя очень осторожно и осмотрительно, не подавая виду о своихъ намѣреніяхъ. Естественно, что онъ осматривался, изучалъ придворный бытъ и придворныхъ людей, придворные нравы и своимъ недюжиннымъ умомъ дѣлалъ изъ своихъ наблюденій надлежащіе для своей дальнѣйшей дѣятельности выводы. Этимъ онъ не только укрѣпилъ вѣру въ себя своего покровителя епископа Феофана, но пріобрѣлъ еще вліятельнаго сторонника въ лицѣ епископа саратовскаго Гермогена, впослѣдствіи члена св. Синода, сознавшаго въ концѣ концовъ свое заблужденіе и много за него пострадавшаго. Сторонникомъ же Распутина явился и небезызвѣстный іеремонахъ Иліодоръ, но про послѣдняго опредѣленно говорили, что это карьеристъ и провокаторъ, хотя своимъ пылкимъ темпераментомъ и горячимъ краснорѣчіемъ былъ одно время въ Саратовѣ идоломъ толпы, народнымъ трибуномъ и несомнѣнно пользовался огром-

нымъ вліяніемъ на народныя массы въ Саратовѣ и Царицынѣ, имѣя тамъ могучаго покровителя въ лицѣ мѣстнаго епископа Гермогена.

Въ этотъ періодъ времени Распутинъ не выходилъ изъ роли богобоязненнаго, благочестиваго старца, усерднаго молитвенника и ревнителя православной церкви Христовой. Во время тяжелаго лихолѣтія японской войны и революціи 1905 года онъ всячески утѣшалъ Царскую Семью, усердно при ней молился, завѣрялъ, что де при его усердной молитвѣ съ Царской Семьей и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ не можетъ случиться никакой бѣды, незамѣтно пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе и наконецъ получилъ званіе «Царскаго лампадника», т. е. завѣдывающаго горѣвшими передъ святыми иконами неугасимыми лампадами.

Такимъ образомъ онъ получилъ безпрепятственный входъ во дворецъ Государя и сдѣлался его ежедневнымъ посѣтителемъ по должности своей, вмѣсто спорадическихъ его тамъ появленій по приглашенію. Надобно при этомъ замѣтить, что Императоръ Николай II былъ большой любитель, знатокъ и цѣнитель св. иконъ древняго письма и обладалъ рѣдкой и высокоцѣнной коллекціей таковыхъ, которую очень бережно хранилъ . Надо полагать, что ввѣряя попеченію Распутина столь чтимое имъ собраніе иконъ, Государь несомнѣнно проявлялъ къ новопожалованному царскому лампаднику извѣстное довѣріе, считая проявляемое имъ благочестіе искреннимъ и правдивымъ, а его самого достойнымъ хранителемъ св. ликовъ.

Почувствовавъ такимъ образомъ подъ собою твердую почву, Распутинъ постепенно мѣняетъ тактику, отдаваясь мало по малу своимъ безнравственнымъ наклонностямъ и сектантскимъ побужденіямъ.

По мѣрѣ того, какъ затихли революціонныя волны и жизнь государства входила исподволь въ нормальное русло, стали ходить, сначала неопредѣленно, не ясно слухи о продѣлкахъ этого пройдохи. Потомъ опредѣленнѣе и точнѣе стали указывать на то, что Распутинъ основываетъ хлыстовскіе корабли съ преобладаніемъ въ нихъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Стали поговаривать, что Распутина часто видятъ въ отдѣльныхъ номерахъ петербургскихъ бань, гдѣ онъ предавался дикому разврату. Стали называть имена лицъ высшаго общества, якобы послѣдовательницъ хлыстовскаго вѣроученія Распутина. Мало по малу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутинъ соблазнилъ такую то, что двѣ сестры, молодыя дѣвицы, имъ опозорены, что въ извѣстныхъ квартирахъ происходятъ оргіи, свальный грѣхъ. Въ моемъ распоряженіи находилась цѣлая масса писемъ матерей, дочери которыхъ были опозорены наглымъ развратникомъ. Въ моемъ же распоряженіи имѣлись фотографическія группы такъ называемаго «хлыстовскаго корабля». Въ центрѣ сидитъ Распутинъ, а кругомъ около сотни его послѣдователей: все какъ на подборъ молодые парни и дѣвицы или женщины. Передъ нимъ двое держатъ большой плакатъ съ избранными и излюбленными хлыстами изрѣченіями св. Писанія. Я имѣлъ также группу гостинной Распутина, гдѣ онъ снятъ въ кругу своихъ поклонницъ изъ высшаго общества и, къ удивленію своему, многихъ изъ нихъ узналъ. Мнѣ доставили два портрета Распутина: на одномъ изъ нихъ онъ въ своемъ крестьянскомъ одѣяніи

съ наперснымъ крестомъ на груди и съ поднятой, сложенной трехперстно, рукою, якобы для благословенія. На другомъ онъ въ монашескомъ одѣяніи, въ клобукѣ и съ наперснымъ крестомъ. У меня образовался цѣлый томъ обличительныхъ документовъ. Если бы десятая доля только того матерьяла, который былъ въ моемъ распоряженіи, была истинной, то и этого было бы довольно для производства слѣдствія и преданія суду Распутина. Ко мнѣ, какъ къ Предсѣдателю Г. Думы, отовсюду неслись жалобы и обличенія преступной дѣятельностии и развратной жизни этого господина.

Наконецъ дѣло перешло на страницы повседневной печати. Цензурный комитетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ переполошились не на шутку, конечно, имѣя черезъ департаментъ полиціи и его агентуру гораздо болѣе точныя свѣдѣнія и неопровержимыя доказательства справедливости бродящихъ въ обществѣ слуховъ. Положеніе государственной власти было до нельзя трудное. Она не могла не понимать, въ какую бездну влечетъ Распутинъ царскую Чету, а съ другой стороны вліяніе на послѣднюю отвратительнаго сектанта становилось все сильнѣе и могущественнѣе.

Чѣмъ же объяснить это роковое вліяніе, несомнѣнно положившее начало русской революціи, ибо оно первое поколебало вѣру въ престижъ царской власти и растлило народную совѣсть.

Внѣ всякаго сомнѣнія, Григорій Распутинъ помимо недюжиннаго ума, чрезвычайной изворотливости и ни передъ чѣмъ не останавливающейся развратной воли, обладалъ большой силой гипнотизма. Думаю, что въ научномъ отношеніи онъ представлялъ исключительный интересъ. Въ этомъ сходятся рѣшительно всѣ, его сколько нибудь знавшіе, и силу этого внушенія я испыталъ лично на себѣ, о чемъ буду говорить впослѣдствіи.

Само собой разумѣется, что на нервную, мистически настроенную Императрицу, на ея мятущуюся душу, страдавшую постояннымъ страхомъ за судьбу своего сына, Наслѣдника престола, всегда тревожную за своего Державнаго мужа, — сила гипнотизма Григорія Распутина должна была оказывать исключительное дѣйствіе. Можно съ увѣренностью сказать, что онъ совершенно поработилъ силою своего внушенія волю молодой Императрицы. Этою же силою онъ внушилъ ей увѣренность, что пока онъ при Дворѣ, династіи не грозитъ опасности. Онъ внушилъ ей, что онъ вышелъ изъ простого сѣраго народа, а потому лучше, чѣмъ кто либо, можетъ понимать его нужды и тѣ пути, по которымъ надо идти, чтобы осчастливить Россію. Онъ силою своего гипнотизма внушилъ Царицѣ непоколебимую, ничѣмъ непобѣдимую вѣру въ себя и въ то, что онъ избранникъ Божій, ниспосланный для спасенія Россіи.

Вдобавокъ, по мнѣнію врачей, въ высшей степени нервная Императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутинъ примѣнялъ въ это время силу своего внушенія и облегчалъ ея страданія. И только въ этомъ заключался секретъ его вліянія. Явленіе чисто патологическое и больше ничего. Мнѣ помнится, что я говорилъ по этому поводу съ быв-

шимъ тогда предсѣдателемъ совѣта министровъ И. Л. Горемыкинымъ, который прямо сказалъ мнѣ: **„C'est une question clinique"** *).

Тѣмъ отвратительнѣе было мнѣ всегда слышать разныя грязныя инсинуаціи и разсказы о какихъ то интимныхъ отношеніяхъ Распутина къ Царицѣ. Да будетъ грѣшно и позорно не только тѣмъ, кто это говорилъ, но и тѣмъ, кто смѣлъ тому повѣрить. Безупречная семейная жизнь царской Четы совершенно очевидна, а тѣмъ, кому какъ мнѣ довелось ознакомиться съ ихъ интимной перепиской во время войны, и документально доказана. Но тѣмъ не менѣе, Григорій Распутинъ былъ настоящимъ оракуломъ Императрицы Александры Феодоровны и его мнѣніе было для нея закономъ. Съ другой стороны Императрица Александра Феодоровна, какъ натура исключительно волевая, даже деспотическая, имѣла неограниченное подавляющее вліяніе на своего, лишеннаго всякаго признака воли и характера, августѣйшаго Супруга. Она сумѣла и его расположить къ Распутину и внушить ему довѣріе, хотя я положительно утверждаю на основаніи личнаго опыта, что въ тайникахъ души Императора Николая II до послѣднихъ дней его царствованія все же шевелилось мучительное сомнѣніе. Но тѣмъ не менѣе Распутинъ имѣлъ безпрепятственный доступъ къ Царю и вліяніе на него.

Мнѣ говорилъ слѣдующее мой товарищъ по Пажескому корпусу и личный другъ, тогда дворцовый комендантъ, генералъ-адъютантъ В. Н. Дедюлинъ: «Я избѣгалъ постоянно знакомства съ Григоріемъ Распутинымъ, даже уклонялся отъ него, потому что этотъ грязный мужикъ былъ мнѣ органически противенъ. Однажды послѣ обѣда Государь меня спросилъ: «Почему вы, В. Н., упорно избѣгаете встрѣчи и знакомства съ Григоріемъ Ефимычемъ?» Я чистосердечно ему отвѣтилъ, что онъ мнѣ въ высшей степени антипатиченъ, что его репутація далеко нечистоплотная и что мнѣ, какъ вѣрноподданному, больно видѣть близость этого проходимца къ священной Особѣ моего Государя. «Напрасно вы такъ думаете, — отвѣтилъ мнѣ государь, — онъ хорошій, простой, религіозный русскій человѣкъ. Въ минуты сомнѣній и душевной тревоги я люблю съ нимъ бесѣдовать и послѣ такой бесѣды мнѣ всегда на душѣ дѣлается и легко, и спокойно».

Вотъ какое вліяніе черезъ Императрицу имѣлъ Распутинъ на Императора Николая II. Удивляться поэтому, что всякіе честолюбцы, карьеристы и разные темные аферисты окружали толпою Распутина, видя въ немъ доступное орудіе для проведенія личныхъ корыстныхъ цѣлей, — нечего. И въ этомъ обстоятельствѣ заключалась затруднительность государственной власти, обязанной свято хранить и блюсти неприкосновенность ореола и престижа власти верховной. Не надо забывать при этомъ, что въ кружкѣ Распутина были весьма вліятельные сановники, какъ напримѣръ: Штюрмеръ, оберъ-прокуроръ св. Синода Саблеръ, митрополитъ Питиримъ и др.

Какъ я уже сказалъ, разговоры о похожденіяхъ Распутина перешли на страницы печати. Толки эти пока концентрировались въ столичной прессѣ, а провинція еще не ознакомилась съ ними и время упу-

---

*) Это клиническій вопросъ.

щено не было. Разгорѣвшійся пожаръ возможно было легко потушить. Но вмѣсто того, чтобы понять весь ужасъ создавшагося положенія, чреватаго самыми мрачными послѣдствіями, вмѣсто того, чтобы, дружно сплотившись, въ корнѣ пресѣчь возраставшую вокругъ царскаго престола грозную опасность, въ размѣрахъ и значеніи которой Императоръ и Императрица, очевидно, не отдавали себѣ отчета, высшіе государственные чины раздѣлились на два враждебныхъ лагеря — распутинцевъ и антираспутинцевъ. Къ сожалѣнію, была и третья группа сановниковъ — нейтральная, которая хотя и понимала положеніе и скорбѣла искренно о немъ, но, имѣя возможность противустоять бѣдѣ, изъ малодушія, а можетъ быть и личныхъ разсчетовъ — упорно безмолствовала, не противясь злу. Къ группѣ, которая открыто держала сторону Распутина, надо отнести: об. прокурора св. Синода В. К. Саблера, его товарища Даманскаго, законоучителя Царскихъ дѣтей протоіерея Васильева, генерала Воейкова, митрополита Питирима, гофмейстера Танѣева, его дочь г. Вырубову, Б. В. Штюрмера и многихъ имъ подобныхъ. Во главѣ второй группы стоялъ до своей смерти П. А. Столыпинъ, со своими сотоварищами министрами, митрополитъ петербургскій Антоній, сознавшій свою ошибку епископъ Гермогенъ и Феофанъ и многіе другіе. Ясно, что такое дѣленіе высшихъ сановныхъ лицъ только облегчало дѣйствіе распутинскихъ сторонниковъ. Пользуясь его вліяніемъ, послѣдніе просто устраняли своихъ противниковъ интригою и происками, очищая послѣдовательно всѣ препятствія на своемъ пути, усиливая этимъ значеніе и удѣльный вѣсъ своего предстателя. Нельзя забывать при этомъ, что постепенное возвышеніе и успѣхъ въ своихъ начинаніяхъ сторонниковъ Распутина создавалъ соблазнъ для инако вѣрующихъ и случаи перебѣжки изъ антираспутинскаго лагеря въ распутинскій стали учащаться. Даже въ нейтральной группѣ чувствовалось колебаніе... Но несомнѣнно, что если бы высшіе слои русскаго общества дружно сплотились и Верховная власть встрѣтила серьезное, упорное сопротивленіе ненормальному положенію вещей, если бы Верховная власть увидала бы ясно, что мнѣніе о Распутинѣ одинаковое у всѣхъ, что ей не на кого опираться, — то отъ Распутина и его клики не осталось бы и слѣда. Если бы всѣ безъ исключенія болѣли душой за наростающую угрозу Монарху, даже монархіи, и глубокій патріотизмъ, а не личный эгоизмъ былъ бы ихъ политическимъ символомъ вѣры, то не было бы двухъ мнѣній, двухъ лагерей, одинъ изъ которыхъ Верховная власть могла взять себѣ для опоры, пренебрегая неразумно другимъ, антираспутинскимъ, искренно преданнымъ Царю и Россіи. Распутинцы положили вмѣстѣ съ крайне правыми теченіями начало русской революціи, отчуждая Царя отъ народа и допуская умаленіе ореола Царскаго престола. Императоръ Николай II, видя расколъ мнѣній среди людей, его окружающихъ, и находясь подъ вліяніемъ своей августѣйшей супруги и не чувствуя иной опоры себѣ, не могъ по существу своему избрать иной путь на почвѣ антитезы распутинству. Вотъ почему я и позволилъ себѣ опредѣленно утверждать, что вина за начавшуюся разруху не можетъ быть отнесена исключительно на отвѣтственность Императора Николая II, но всею тяжестью должна лежать на той части правящихъ классовъ, которая,

одержимая исключительно честолюбіемъ, карьеризмомъ и преслѣдованіемъ личныхъ выгодъ, ослѣпленная этими побужденіями, забыла про громадную опасность для Царя и Россіи.

Какъ только Распутинъ почувствовалъ подъ собой твердую почву, онъ сталъ постепенно измѣнять свою тактику изъ пассивной въ агрессивную и наглѣлъ съ каждымъ днемъ, не видя препонъ своимъ изувѣрскимъ выходкамъ. Тѣмъ не менѣе надо удивляться, какъ быстро Распутинъ пріобрѣлъ послѣдователей и учениковъ среди общества. Послѣднихъ онъ имѣлъ значительный кругъ и преимущественно женщинъ, которыя льнули къ нему, какъ мухи къ меду.

Вотъ, что мнѣ разсказывали про силу внушенія, которою обладалъ Распутинъ. Одна дама, наслышавшись въ провинціи про вліяніе Распутина при Дворѣ, рѣшила поѣхать въ Петроградъ хлопотать черезъ него о повышеніи по службѣ своего горячо любимаго мужа. Эта дама была счастливой и образцовой семьянинкой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она добилась пріема у Распутина, но тотъ, выслушавъ ее сурово и властно, сказалъ ей: «Хорошо, я похлопочу, но завтра явись ко мнѣ въ открытомъ платьѣ, съ голыми плечами. Да иначе ко мнѣ и не ѣзди». Причемъ пронизывалъ ее глазами, позволяя себѣ много лишняго въ обращеніи. Дама эта, возмущенная словами и обращеніемъ Распутина, покинула его съ твердымъ намѣреніемъ прекратить свои домогательства. Но вернувшись домой, она стала чувствовать въ себѣ непреоборимую тоску, сознавала, что она что-то непремѣнно должна выполнить и на другой день добыла платье декольтэ и въ назначенный часъ была въ немъ у Распутина. Мужъ ея повышеніе получилъ впослѣдствіи. Этотъ разсказъ документально точенъ.

Легко себѣ представить, какое отталкивающее впечатлѣніе производила эта женско-распутинская вакханалія на окружающую этихъ лицъ прислугу, для которой не существуетъ альковныхъ тайнъ, да и вообще на простолюдиновъ. Какое въ нихъ должно было подниматься презрѣніе къ «господамъ», предающихся цинично позорному разврату? Какими же соображеніями религіи и исканія высшей правды можно это оправдать? Ясно было всѣмъ, что только самыя низменныя цѣли руководили искателями покровительства Распутина и ничего другого. Характерно то, что на сѣрыхъ людей, обслуживающихъ прихоти этого развратника: — извозчиковъ, возившихъ его съ женщинами въ баню, баньщиковъ, отводившихъ ему банные номера, половыхъ въ трактирахъ, служащихъ ему во время его пьяныхъ оргій, городовыхъ и агентовъ тайной полиціи, охранявшихъ драгоцѣнную его жизнь и мерзнувшихъ ночами на улицахъ для этой цѣли и т. д., Распутинъ вовсе не импонировалъ своею святостью, ибо вся повседневная, видимая его жизнь говорила совсѣмъ о другомъ. Ихъ сужденія сводились къ выраженію: «господа балуются». Но вѣдь Распутинъ находился въ приближеніи и подъ покровительствомъ высочайшихъ Особъ. Какіе же дѣлались отсюда выводы — судите сами.

Развертывающаяся безнравственность и цинизмъ Распутина открыли, наконецъ, глаза его первородному покровителю епископу Феофану на то, что такое въ сущности его дѣтище. Епископъ сталъ къ нему въ открытую оппозицію, старался убѣдить молодую Царицу, что

мнимый праведный старецъ не заслуживаетъ того вниманія и почета, которые ему оказываются, что присутствіе его компрометируетъ Дворъ и что онъ долженъ быть удаленъ,—но было уже поздно. Недостойный старецъ оказался сильнѣе праведнаго святителя. Борьба оказалась неравная. Епископъ Феофанъ былъ довольно быстро отрѣшенъ отъ званія царскаго духовника и отъ ректорства петербургской духовной Академіи и былъ переведенъ на епископскую кафедру въ Таврической епархіи въ Симферополѣ.

Распутинъ побѣдилъ и, почувствовавъ легкость своей побѣды, сознавъ окончательно силу своего вліянія, сталъ сначала истреблять лицъ, не поклонявшихся ему при высочайшемъ Дворѣ, а засимъ перенесъ этого рода дѣятельность въ ряды высшихъ духовныхъ іерарховъ, а позднѣе обратилъ свое вниманіе и на высшихъ государственныхъ дѣятелей и сановниковъ. Судьбу епископа Феофана раздѣлилъ и другой покровитель его епископъ Гермогенъ, тоже наконецъ убѣдившійся въ мнимой святости рекомендованнаго имъ сгоряча старца, но удаленіе или, вѣрнѣе, паденіе преосвященнаго Гермогена сопровождалось уже общественнымъ скандаломъ. Преосвященный Гермогенъ, не имѣвшій доступа ко Двору, рѣшилъ повести дѣло инымъ образомъ. Убѣдившись въ безнравственности Распутина и огромной опасности для Царской Семьи, которая грозила ей отъ близости этого проходимца, онъ вызвалъ послѣдняго къ себѣ и въ присутствіи іеромонаха Иліодора, войскового старшины Родіонова (автора небезызвѣстной книги «Наше Преступленіе»), келейника епископа и страника Мити — сталъ обличать всѣ его грязныя дѣла и увѣщевать его, убѣждая добровольно покаяться и уйти отъ Царскаго дома.

«Ты обманщикъ и лицемѣръ, — говорилъ епископъ Гермогенъ Распутину (разсказъ привожу со словъ Родіонова), — ты изображаешь изъ себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошелъ, а теперь я вижу, какой ты есть на самомъ дѣлѣ, и вижу, что на мнѣ лежитъ грѣхъ — приближенія тебя къ царской Семьѣ. Ты позоришь ее своимъ присутствіемъ, своимъ поведеніемъ и своими разсказами ты порочишь имя Царицы, ты осмѣливаешься своими недостойными руками прикасаться къ ея священной Особѣ. Этого нельзя терпѣть дальше. Я заклинаю тебя именемъ Бога живого исчезнуть и не волновать русскій людъ своимъ присутствіемъ при царскомъ Дворѣ».

Распутинъ дерзко и нагло возражалъ негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутинъ, обозвавъ площадными словами преосвященнаго, наотрѣзъ отказался подчиниться требованію епископа и пригрозилъ ему, что раздѣлается съ нимъ по своему и раздавитъ его. Тогда выведенный изъ себя епископъ Гермогенъ воскликнулъ: «Такъ ты, грязный развратникъ, не хочешь подчиниться епископскому велѣнію, ты еще мнѣ грозишь. Такъ знай, что я, какъ епископъ, проклинаю тебя!» При этихъ словахъ осатанѣвшій Распутинъ бросился съ поднятыми кулаками на владыку, причемъ, какъ разсказывалъ Родіоновъ, въ его лицѣ исчезло все человѣческое. Опасаясь, что въ припадкѣ ненависти Распутинъ покончитъ съ владыкой, Родіоновъ, выхвативъ шашку, поспѣшилъ съ остальными присут-

ствующими на выручку. Съ трудомъ удалось оттащить безумнаго отъ владыки, и Распутинъ, обладавшій большой физической силой, вырвался и бросился на утекъ. Его, однако, нагнали Иліодоръ, келейникъ и странникъ Митя и порядочно помяли. Все же Распутинъ вырвался и выскочилъ на улицу со словами: «Ну, погоди же ты, будешь меня помнить», что онъ и исполнилъ съ точностью, воспользовавшись слѣдующими привходящими обстоятельствами.

Мнѣ разсказывалъ епископъ, членъ Синода, что въ одномъ изъ секретныхъ засѣданій Синода об. прокуроръ Саблеръ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сторонниковъ Распутина, предложилъ Синоду рукоположить Распутина въ іереи. Св. Синодъ съ горячимъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и, несмотря на настояніе Саблера, указывавшаго на высокій источникъ этого предложенія, склонить ему на свою сторону Синодъ не удалось. При этомъ епископъ Гермогенъ произнесъ въ засѣданіи громовую рѣчь, изобличая всю грязную жизнь и дѣятельность мнимаго святого старца. Конечно, Распутину это стало извѣстно черезъ Саблера.

Къ тому же времени относятся слѣдующія обстоятельства. Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы, возбудила ходатайство объ учрежденіи первыхъ вѣковъ христіанства общества дьякониссъ. Эти общины полумонашескія имѣли въ древнія времена цѣлью молитвенныя собранія, устройство общежитій съ пріютами при нихъ, устройство пріютовъ для дѣтей и богадѣленъ, а также уходъ за больными и калѣками. Дѣло это было на разсмотрѣніи Синода приблизительно одновременно съ инцидентомъ по вопросу о рукоположеніи Распутина въ іереи. Въ засѣданіи Синода по этому вопросу возникли ожесточенныя пренія. Душою оппозиціи ходатайству великой княгини оказался тотъ же Гермогенъ. Возражая по существу ходатайства, онъ доказывалъ, что учрежденіе общинъ дьякониссъ противорѣчило бы каноническимъ правиламъ, ибо такія общины первыхъ вѣковъ христіанства были уничтожены постановленіемъ одного изъ вселенскихъ соборовъ.

Одновременно съ предложеніемъ великой княгини Саблеръ, видя, что Синодъ неумолимъ въ вопросѣ о рукоположеніи Распутина, придумалъ новую комбинацію. Онъ предложилъ возвести въ санъ епископа викарнаго Каргопольскаго, нѣкоего архимандрита Варнаву, сторонника Саблера и Распутина, малообразованнаго монаха, бывшаго до постриженія своего простымъ огородникомъ. Саблеръ разсчитывалъ, что этотъ послушный об. прокурору епископъ исполнитъ его волю и рукоположитъ Распутина въ священническій санъ. Надо отдать справедливость Синоду: онъ и противъ этого возсталъ единодушно и отвѣтилъ отказомъ. Но Саблеръ не смутился. Онъ объяснилъ іерархамъ, что лично онъ тутъ не причемъ и что это—воля лицъ, повыше его стоявшихъ, и Синодъ заколебался. Первоприсутствующій въ Синодѣ петербургскій митрополитъ Антоній былъ такъ потрясенъ этой интригой, что послѣ засѣданія слегъ въ постель и проболѣлъ всю зиму, не принимая участія въ засѣданіяхъ Синода. Въ концѣ концовъ Саблеръ уломалъ таки большинство членовъ Синода: подъ предсѣдательствомъ епископа Сергія финляндскаго, который замѣщалъ митрополита Антонія, во-

просъ о возведенiи Варнавы въ епископы былъ разрѣшенъ большинствомъ голосовъ въ утвердительномъ смыслѣ. Епископъ Гермогенъ остался вѣренъ себѣ; онъ не унимался, громя и об. прокурора, и малодушныхъ членовъ Синода и наконецъ вызывающе покинулъ засѣданiе, заявивъ, что не желаетъ принимать никакого участiя въ этомъ нечестивомъ дѣлѣ и грозя участникамъ постановленiя церковной анафемой за отсутствiе въ нихъ ревности къ достоинству православной Церкви. По странной игрѣ судьбы всѣ эти интриги совпали по времени. Результатъ обличительной рѣчи епископа Гермогена былъ совсѣмъ неожиданный: послѣдовало Высочайшее повелѣнiе, безотлагательно приказывавшее ему вернуться въ свою епархiю съ исключенiемъ изъ числа членовъ Синода. Одновременно былъ высланъ изъ столицы и iеромонахъ Илiодоръ, бывшiй совершенно не при чемъ въ рѣшенiи Синода. Этотъ остракизмъ въ отношенiи двухъ ярыхъ враговъ старца ясно показываетъ, кто руководилъ этимъ дѣйствiемъ и кто мстилъ и устранялъ со своего пути противниковъ.

Распутинъ съ образовавшимся уже тогда кружкомъ началъ проявлять себя. Однако, строптивый владыка Гермогенъ отказался подчиниться постигшей его опалѣ. Онъ написалъ Государю горячее искреннее письмо, умоляя его вырвать выросшiя вокругъ трона плевелы, доказывая силою неопровержимыхъ доводовъ все малодушiе Синода и всю кривду возникшаго гнуснаго дѣла. Всей мощью своего краснорѣчiя онъ молилъ Императора поберечь себя, Наслѣдника и всю царскую Семью отъ того ужаснаго вреда, который имъ приносится, требовалъ суда епископовъ надъ собой, который только и можетъ по каноническимъ правиламъ отстранить его отъ участiя въ Синодѣ. Письмо это осталось безъ отвѣта, но об. прокуроръ Саблеръ увѣдомилъ епископа Гермогена, что за ослушанiе Царскому приказу онъ ссылается на покой въ Жировецкiй монастырь и, если не уйдетъ туда добровольно, то будетъ высланъ силой. Владыка серьезно заболѣлъ, но оправившись, смирился, подчинился приказу и добровольно отправился въ ссылку.

Iеромонахъ Илiодоръ, однако, иначе использовалъ свою высылку, поднявъ по этому поводу шумиху вокругъ своего имени. Онъ помѣщалъ, гдѣ могъ, откровенныя интервью, прямо указывая на Распутина, какъ на инициатора и вдохновителя всего происшедшаго. Затѣмъ онъ таинственно исчезъ, отправившись въ Саратовъ пѣшкомъ. Корреспонденты гнались за нимъ по пятамъ, описывая это путешествiе, превратившееся такимъ образомъ въ трiумфальное шествiе. Въ концѣ концовъ Илiодоръ былъ арестованъ и водворенъ въ предназначенное ему мѣсто ссылки. Общественный скандалъ получился изрядный. Выраженiя сочувствiй летѣли къ епископу Гермогену со всѣхъ сторонъ и возмущенiе было всеобщее. Я помню хорошо, какъ членъ Г. Думы В. М. Пуришкевичъ въ то время пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ въ возбужденномъ состоянiи и съ ужасомъ и тоской въ голосѣ говорилъ мнѣ: «Куда мы идемъ? Послѣднiй оплотъ нашъ стараются разрушить — Св. православную Церковь. Была революцiя, посягавшая на Верховную власть, хотѣли поколебать ея авторитетъ и опрокинуть ее, — но это не удалось. Армiя оказалась вѣрной долгу, — и ее явно пропагандируютъ. Въ довершенiе темныя силы взялись за послѣднюю на-

дежду Россiи, за Церковь. И ужаснѣе всего то, что это какъ бы исходитъ съ высоты престола Царскаго. Какой то проходимецъ, хлыстъ, грязный неграмотный мужикъ играетъ святителями нашими. Въ какую пропасть насъ ведутъ? Боже мой! Я хочу пожертвовать собой и убить эту гадину, Распутина»... А вѣдь Пуришкевичъ принадлежалъ къ крайне правому крылу Думы. Но онъ былъ честный убѣжденный человѣкъ, чуждый карьеризма и искательства и горячiй патрiотъ. Насилу удалось мнѣ успокоить взволнованнаго депутата, убѣдивъ его, что не все пропало, что Дума еще можетъ сказать свое слово и быть можетъ Верховная власть внемлетъ голосу народныхъ избранниковъ.

Характерно при этомъ, что Императоръ Николай II лично ничего не имѣлъ против сосланнаго владыки. Послѣднiй, по прибытiи на свое новое мѣстожительство, прислалъ ко мнѣ своего секретаря съ письмомъ, въ которомъ призывалъ меня къ исполненiю моего долга въ томъ отношенiи, чтобы я раскрылъ всю правду Царю и со своей стороны предостерегъ бы Его Величество отъ надвигающейся опасности.

Въ одномъ изъ ближайшихъ моихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ я доложилъ всю подноготную инцидента въ св. Синодѣ и просилъ смягчить участь невинно пострадавшаго владыки. Государь отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Я ничего не имѣю противъ епископа Гермогена. Считаю его честнымъ, правдивымъ архипастыремъ и прямодушнымъ человѣкомъ, способнымъ стойко и безстрашно отстаивать правду и непоколебимымъ въ служенiи истинѣ и достоинству православной Церкви. Онъ будетъ скоро возвращенъ. Но я не могъ не подвергнуть его наказанiю, такъ какъ онъ открыто отказался подчиниться моему повелѣнiю».

Но прощенiе все же не послѣдовало. Вѣроятно иныя воздѣйствiя оказались сильнѣе и поколебали слабую волю Императора.

Для разслѣдованiя дѣла Илiодора Государемъ былъ посланъ въ Царицынъ флигель-адьютантъ Мандрыка. Попутно онъ узналъ многое и о преступной дѣятельности Распутина. Вернувшись въ Петербургъ, Мандрыка, какъ честный человѣкъ, рѣшилъ довести обо всемъ до свѣдѣнiя Государя и въ присутствiи Императрицы, сильно волнуясь (онъ такъ волновался, что ему сдѣлалось дурно, и Государь самъ приносилъ ему стаканъ воды), разсказалъ, что онъ узналъ о хлыстовской дѣятельности Распутина въ Царицынѣ. Это подтверждаетъ, что въ сущности Государь не былъ въ невѣдѣнiи относительно Распутина.

Общественная совѣсть была возмущена и требовала правды. Въ печати появились мельчайшiя подробности этого дѣла. Газеты платили большiе штрафы въ цензуру, но все же статьи свои помѣщали. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стороны ни подходить къ этому дѣлу, правда все же останется на сторонѣ Гермогена. Какое преступленiе совершилъ онъ въ сущности, что навлекъ столь жестокую кару. Какъ человѣкъ безъ страха и упрека онъ считалъ долгомъ высказаться прямо и честно, согласно велѣнiю своей пастырской совѣсти, онъ смѣло и не боясь никакихъ возмездiй боролся за правое дѣло, отстаивая высокое достоинство Церкви. Гдѣ же составъ его преступленiя? И все же онъ палъ въ угоду низкихъ проходимцевъ.

Вотъ какое могучее влiянiе уже тогда въ концѣ 1911 года имѣлъ

Распутинъ и его кружокъ. Могло ли русское общество оставаться спокойнымъ равнодушнымъ зрителемъ происходящаго? Но кто же боролся противъ развивающагося зла?

II

П. А. Столыпинъ о Распутинѣ. Инцидентъ съ нянюшкой Царскихъ дѣтей. Опала петербургскаго митрополита Антонія. Запросъ о Распутинѣ въ Г. Думѣ. Разговоръ съ вдовствующей Императрицей о Распутинѣ.

Возвращаясь нѣсколько назадъ, а именно къ 1908—1910 г. г., я долженъ сказать, что предсѣдатель совѣта министровъ и мининстръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ уже тогда былъ не мало озабоченъ неожиданнымъ и послѣдовательно упорнымъ возрастаніемъ значенія и вліянія Распутина при Императорскомъ Дворѣ. На той же точкѣ зрѣнія стояли и оберъ-прокуроры св. Синода за время премьерства Столыпина—П. П. Извольскій и Лукьяновъ. Столыпинъ неоднократно указывалъ Императору Николаю II на гибельныя послѣдствія, могущія произойти отъ близости къ Царской Четѣ несомнѣннаго сектанта. Но Распутинъ въ періодъ 1905—1909 г. держалъ себя сравнительно въ тѣни, подготовляя себѣ твердую почву медленно и методично. Чувствуя все возрастущую свою силу, этотъ изувѣръ мало по малу распоясывается. Похожденія эротическаго характера дѣлаются все наглѣе и отвратительнѣе, число его жертвъ все увеличивается и захватывается имъ все большій кругъ послѣдователей и поклонницъ. Въ виду такого обстоятельства тогдашній об. Прокуроръ св. Синода Лукьяновъ совмѣстно съ предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ предприняли обслѣдованіе документальныхъ данныхъ, имѣвшихся въ наличности о Распутинѣ, чтобы пролить свѣтъ на загадочную и неясную еще тогда личность этого проходимца. Истина не замедлила вылиться во всемъ своемъ неприглядномъ видѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ секретныя дѣла архива Синода, об. прокурору Лукьянову было легко приступить къ расшифровкѣ личности «великаго старца». Документы, на основаніи которыхъ это обслѣдованіе производилось, были впослѣдствіи въ моемъ обозрѣніи и изученіи. Результаты обслѣдованія оказались довольно убѣдительными и на основаніи этого обильнаго слѣдственнаго матерьяла предсѣдателемъ совѣта министровъ П. А. Столыпинымъ былъ составленъ исчерпывающій всеподданнѣйшій докладъ, приведшій, однако, къ совершенно неожиданному результату. Императоръ Николай II внимательно выслушалъ докладъ премьера, не принялъ однако по немъ опредѣлённаго рѣшенія, но поручилъ Столыпину вызвать къ себѣ Распутина и лично убѣдиться въ томъ, каковъ онъ есть человѣкъ. Объ этомъ поворотѣ дѣла мнѣ лично говорилъ при моемъ докладѣ о томъ же дѣлѣ Государь Императоръ Николай II. Отъ самого Столыпина я слышалъ, что онъ дѣйствительно вызывалъ къ себѣ Распутина. Послѣдній немедленно, войдя въ кабинетъ министра, сталъ испытывать надъ нимъ силу своего гипнотическаго свойства: «Онъ бѣгалъ по мнѣ своими бѣлесоватыми глазами,— говорилъ Столыпинъ, — произносилъ какія то загадочныя и безсвязныя изрѣченія изъ Священнаго Писанія, какъ то необычайно водилъ

руками, и я чувствовалъ, что во мнѣ пробуждается неопредолимое отвращеніе къ этой гадинѣ, сидящей противъ меня. Но я понималъ, что въ этомъ человѣкѣ большая сила гипноза и что онъ на меня производитъ какое-то довольно сильное, правда отталкивающее, но все же моральное впечатлѣніе. Преодолѣвъ себя, я прикрикнулъ на него и, сказавъ ему прямо, что на основаніи документальныхъ данныхъ онъ у меня въ рукахъ и я могу его раздавить въ прахъ, предавъ суду по всей строгости законовъ о сектантахъ, въ виду чего рѣзко приказалъ ему немедленно, безотлагательно и притомъ добровольно покинуть Петербургъ и вернуться въ свое село и больше сюда не появляться».

Это было въ началѣ 1911 года. Премьеръ оказался сильнѣе гипнотизера, который понялъ, что дѣло грозило принять крайне невыгодный для него оборотъ и, дѣйствительно, очень быстро и неожиданно исчезъ съ петербургскаго горизонта и долгое время на немъ не появлялся. Но надо при этомъ замѣтить, что если на такого желѣзной воли человѣка, какимъ былъ по существу своему Столыпинъ, Григорій Распутинъ все же оказывалъ скрытой въ немъ силой гипноза извѣстное вліяніе, то какой же силы вліяніе могло быть на натурахъ, менѣе крѣпкихъ нервами и самообладаніемъ.

Однако, несмотря на кажущееся безмолвное согласіе Государя на изгнаніе Распутина по настоянію Столыпина, дѣло приняло нѣсколько иной оборотъ. Въ скоромъ времени послѣ отъѣзда «старца» въ родное село, слѣдомъ за нимъ отправилась одна изъ приближенныхъ къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ дамъ А. А. Вырубова и съ нею онъ вернулся, но не въ Петербургъ, а въ Кіевъ, куда прибыла Царская Семья на торжества введенія земскихъ учрежденій въ юго-западномъ краѣ. Надо при этомъ помнить, что положеніе Столыпина сильно поколебалось въ это время при Дворѣ. Законъ о введеніи земства въ юго-западномъ краѣ, принятый въ г. Думѣ, былъ отклоненъ въ Г. Совѣтѣ. П. А. Столыпинъ заявилъ Государю Императору, что онъ выходитъ въ отставку. Но состоялся компромиссъ, въ силу котораго законодательныя палаты были распущены на три дня и въ это время законъ о введеніи земства въ юго-западномъ краѣ былъ обнародованъ по 87 ст., въ точной редакціи принятаго Г. Думой законопроекта и П. А. Столыпинъ взялъ свою отставку обратно. Негодованію членовъ Г. Совѣта не было границъ, но и въ придворныхъ кругахъ поднялась по этому поводу усиленная агитація противъ предсѣдателя совѣта министровъ.

Много было толковъ въ обществѣ о томъ, что уже сформировавшійся тогда кружокъ Распутина принималъ въ этой кампаніи дѣятельное участіе. Какъ бы то ни было, но фактъ поѣздки Вырубовой въ с. Покровское, очевидно, за Распутинымъ до нѣкоторой степени подтверждалъ эти разговоры. Опредѣленно уже говорилось тогда, что Распутинъ успѣлъ убѣдить Царскую Чету въ томъ, что пока онъ при ней въ наличности, никакого несчастья ни съ ней, ни въ особенности съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ случиться не можетъ. Императрица Александра Феодоровна, души не чаявшая въ своемъ сынѣ, дрожавшая за него постоянно, въ силу своего мистическаго настроенія вполнѣ подчинилась этимъ внушеніямъ ловкаго гипнотизера. Ей казалось,

что она обязана принимать всѣ мѣры, не брезгать ничѣмъ, лишь бы оберечь и охранить своего обожаемаго сына. Поэтому въ ея міровоззрѣніи естественно сложилось твердое убѣжденіе, что Распутинъ долженъ находиться неотлучно при Царской Семьѣ и въ Кіевѣ, гдѣ предстоялъ рядъ торжествъ и многочисленныя появленія Царственной Четы среди народа. Во всякомъ случаѣ Распутинъ былъ привезенъ Вырубовой въ Кіевъ, а затѣмъ отправился вслѣдъ за Императорской Фамиліей въ Крымъ, въ Ливадію, гдѣ жилъ въ Ялтѣ въ гостинницѣ «Эдинбургъ», но подъ именемъ Никонова. Когда это обстоятельство дошло до свѣдѣнія тогдашняго градоначальника города Ялты генерала Думбадзе, этотъ честный человѣкъ немедленно выслалъ Никонова (Распутина) изъ Ялты административнымъ порядкомъ, не считаясь съ опасностью для своей карьеры. По возвращеніи Царской Семьи въ Петербургъ Распутинъ былъ уже тамъ и вновь занялъ прежнюю позицію при Дворѣ.

Такимъ образомъ кажущаяся побѣда Столыпина и об. прокурора Лукьянова была лишь временной имъ уступкой и все вошло въ прежнюю колею. Въ Кіевѣ во время торжествъ Столыпинъ былъ предательски убитъ во время параднаго спектакля и на его мѣсто былъ назначенъ Коковцевъ. Лукьяновъ понялъ, что ему безъ Столыпина не сохранитъ своего поста, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ В. К. Саблеромъ, убѣжденнымъ сторонникомъ Распутина, при которомъ уже и разыгрались всѣ, описанные мною выше, инциденты въ Синодѣ, окончившіеся опалой еп. Гермогена и Иліодора.

Послѣдовательныя политическія побѣды все болѣе и болѣе окрылили Распутина и онъ закусилъ удила.

Стало извѣстно, что онъ соблазнилъ нянюшку царскихъ дѣтей, воспитанницу императорскаго воспитательнаго дома. Мнѣ извѣстно, что въ этомъ она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своимъ соблазнителемъ въ баню, потомъ одумалась, поняла свой глубокій грѣхъ и во всемъ призналась молодой Императрицѣ, умоляя ее не вѣрить Распутину, защитить дѣтей отъ его ужаснаго вліянія, называя его «дьяволомъ». Нянюшка эта, однако, вскорѣ была объявлена ненормальной, нервно больной и ее отправили для излѣченія на Кавказъ. Побывавъ у лѣчившагося тамъ митрополита Антонія, она чистосердечно призналась ему въ своемъ грѣхѣ и обрисовала во всѣхъ подробностяхъ преступную дѣятельность Распутина въ царскомъ дворцѣ, умоляя владыку митрополита спасти изъ когтей этого «чорта» Наслѣдника Цесаревича.

Вернувшись въ началѣ 1911 года въ Петербургъ, митрополитъ Антоній, испросивъ всеподданнѣйшій докладъ, подробно доложилъ Императору о всемъ ему извѣстномъ. Государь съ неудовольствіемъ возразилъ ему, что эти дѣла его, митрополита, не касаются, такъ какъ эти дѣла его семейныя. Митрополитъ имѣлъ твердость отвѣтить: «Нѣтъ, Государь, это не семейное дѣло только, но дѣло всей Россіи. Наслѣдникъ Цесаревичъ не только вашъ сынъ, но нашъ будущій повелитель и принадлежитъ всей Россіи». Когда же Царь вновь остановилъ

владыку, сказавъ, что онъ не позволитъ, чтобы кто либо касался того, что происходитъ въ его дворцѣ, митрополитъ, волнуясь, отвѣтилъ: «Слушаю, Государь, но да позволено будетъ мнѣ думать, что русскій Царь долженъ жить въ хрустальномъ дворцѣ, доступномъ взорамъ его подданныхъ».

Государь сухо отпустилъ митрополита, съ которымъ вскорѣ послѣ этого сдѣлался нервный ударъ, отъ котораго онъ уже не оправился.

Очевидно вліяніе Распутина крѣпло, а число его апологетовъ росло. Къ нему уже начали обращаться за помощью и покровительствомъ со всѣхъ сторонъ. У него завелось нѣсколько секретарей, онъ, какъ высокопоставленное лицо, имѣлъ пріемные часы и сдѣлался даже малодоступнымъ. Явиться передъ его ясные очи сдѣлалось уже дѣломъ довольно сложнымъ: записывались въ очереди и все же шли со всякаго рода возможными и невозможными просьбами въ полномъ убѣжденіи, что «всемогущій» старецъ все сдѣлаетъ. Повидимому, и Распутинъ убѣдилъ себя въ томъ же. По крайней мѣрѣ еще предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, а впослѣдствіи другіе высшія должностныя лица стали получать отъ него безграмотно написанныя записки въ довольно императивной редакціи на «ты» — «помоги такому-то» или «сдѣлай то, что проситъ такой-то», «я его знаю, онъ хорошій человѣкъ».

Къ сожалѣнію, надо сказать, что отказъ эти домогательства встрѣчали рѣдко. Лично я одинъ разъ тоже получилъ такую записку, но, конечно, ничего не сдѣлалъ по ней и послѣ принятыхъ мною довольно суровыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, этого больше не повторялось. Просители, видя, что заступничество Распутина помогаетъ, разсказывали о немъ другимъ и слава его росла. Пріѣзжали даже спеціально изъ далекой провинціи ходатайствовать о помощи пресловутаго Григорія Ефимовича.

И такъ, безграмотный ,безнравственный, развратный мужикъ, сектантъ, человѣкъ порочный, явился, какъ бы въ роли всесильнаго временщика, котораго, къ сожалѣнію, часть общества поддерживала и окружила организованнымъ кружкомъ. Что хорошаго могло сулить Россіи такое мрачное явленіе? Какъ назвать психологію тѣхъ, кто являлись апологетами «старца», какъ не низкопробнымъ карьеризмомъ, сервилизмомъ низкой марки, корыстью и преслѣдованіемъ узкихъ личныхъ выгодъ. Этимъ людямъ не было дѣла до величія и ореола Верховной власти, основы которой явно ими колебались. Имъ не было никакого дѣла и до Россіи.

Въ это время въ силу исключительнаго положенія, занятого Распутинымъ, вокругъ него стали образовываться темные дѣловые кружки сомнительнаго финансоваго свойства, чаявшіе черезъ вліятельнаго «старца» втихомолку обдѣлать свои дѣлишки и было фактически извѣстно, что своихъ цѣлей эти люди достигали. Г. Дума, конечно, не могла остаться въ сторонѣ отъ всѣхъ толковъ о значеніи для государства создавшагося соблазна. Среди членовъ Думы царило не малое безпокойство. Но Г. Дума была въ извѣстной степени безсильна что либо предпринять для успокоенія общества по самому существу круга

своей дѣятельности. Наконецъ члены Думы до нельзя опасались гласнаго признанія съ думской кафедры, что проходимецъ и хлыстъ является какъ бы въ исключительной роли царскаго совѣтника и взялъ такую силу, что цѣлое законодательное учрежденіе оказалось вынужденнымъ вступить съ нимъ въ борьбу. Къ прискорбію, однако, избѣжать этого не удалось. Воздерживаясь до поры до времени отъ вмѣшательства въ дѣло Распутина, члены Г. Думы, тѣмъ не менѣе, не могли не быть озабочены все возрастающимъ его вліяніемъ.

Если бы дѣло ограничивалось исключительно увлеченіемъ Императрицы Александры Феодоровны воображаемымъ даромъ пророчества этого человѣка и гипнотической его силой, облегчавшей ея нервное страданіе и умѣрявшей ея страхи и опасенія за свою семью, въ особенности за жизнь Наслѣдника, — то, конечно, это особой тревоги возбудить бы не могло. Но Распутинъ, завладѣвъ неограниченнымъ довѣріемъ Царской Семьи, организовалъ (или вокругъ него былъ другими организованъ) плотно спаянный кружокъ единомышленниковъ, который сначала преслѣдовалъ личныя цѣли, а засимъ мало по малу сталъ вмѣшиваться сначала въ церковныя, а затѣмъ весьма основательно и въ государственныя дѣла, устраняя популярныхъ дѣятелей и замѣняя ихъ своими ставленниками. Наконецъ, подросталъ Наслѣдникъ престола. Всѣмъ было извѣстно, что Распутинъ вмѣшивается въ интимныя семейныя дѣла Царской Семьи и, не безъ основанія, являлось опасеніе, что постоянная проповѣдь сектантства можетъ оказать вліяніе на впечатлительную дѣтскую душу и что этою проповѣдью Наслѣдникъ престола можетъ быть совращенъ изъ лона православной Церкви, а фанатическая проповѣдь изувѣра мало по малу привьетъ его міросозерцанію вредный мистицизмъ и можетъ сдѣлать изъ него въ будущемъ нервнаго и неуравновѣшеннаго человѣка. Наконецъ, близость къ царскому престолу завѣдомо безнравственнаго и развратнаго, безграмотнаго мужика, слава о безобразныхъ похожденіяхъ котораго гремѣла, очевидно, способна была въ корнѣ подорвать высокое чувство уваженія и почитанія Верховной власти. Были темные слухи о томъ, что именно это и входило въ планъ вдохновителей распутинскаго кружка, причемъ дѣло, якобы, не обходилось безъ зарубежныхъ вліяній изъ другихъ странъ. По крайней мѣрѣ, когда я собиралъ матерьялъ для предстоящаго мнѣ всеподданнѣйшаго доклада, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ. Въ нихъ говорилось, что на масонскомъ съѣздѣ въ Брюсселѣ, кажется въ 1909 или 1910 г., проводилась мысль, что Распутинъ удобное орудіе для проведенія въ Россіи лозунговъ партій и что подъ разлагающимъ его вліяніемъ династія не продолжится болѣе двухъ лѣтъ. Видя и оцѣнивая общее настроеніе, я понялъ, что предсѣдателю Г. Думы не избѣжать подробнаго доклада Государю о наростающихъ общественныхъ настроеніяхъ. Событія, однако, развернулись быстрѣе, чѣмъ я думалъ.

Когда въ концѣ 1910 года разыгралось нашумѣвшее по всей Россіи дѣло епископа Гермогена и Иліодора, приватъ-доцентъ московской духовной Академіи Новоселовъ, спеціалистъ по дѣламъ сектантства, выпустилъ въ свѣтъ брошюру, въ которой онъ шагъ за шагомъ слѣдя за дѣятельностью Распутина, документально изобличаетъ его въ хлы-

стовствѣ. Новоселовъ рѣзко обвинялъ въ своемъ трудѣ высшую церковную іерархію въ попустительствѣ сектантсву. Брошюра эта была немедленно изъята изъ продажи, конфискована и за выдержки изъ нея въ горячей статьѣ того же автора, помѣщенной имъ въ газетѣ «Голосъ Москвы», газета заплатила большой штрафъ и номеръ былъ полиціей конфискованъ. Эти репрессіи имѣли, однако, обратное дѣйствіе: брошюра Новоселова и номеръ газеты въ уцѣлѣвшихъ экземплярахъ стали покупаться за баснословныя деньги, а въ газетахъ всѣхъ направленій появлялись статьи о Распутинѣ и незаконной конфискаціи брошюры; печатались во всеобщее свѣдѣніе письма его бывшихъ жертвъ, прилагались фотографіи, гдѣ онъ изображенъ въ кругу своихъ послѣдователей. И чѣмъ больше усердствовала цензура и полиція, тѣмъ болѣе писали и платили штрафы. Дѣло епископа Гермогена не могло не возбудить волненія среди членовъ Г. Думы, а появившаяся брошюра Новоселова и начавшаяся газетная кампанія только подлили масла въ огонь. Въ виду такихъ обстоятельствъ я рѣшилъ безотлагательно испросить всеподданнѣйшій докладъ. Но совершенно неожиданно для меня безъ предварительныхъ со мной переговоровъ нѣкоторыми членами Думы былъ предъявленъ запросъ по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій предержащихъ властей по конфискаціи брошюры Новоселова и номера газеты «Голосъ Москвы».

На основаніи Наказа Г. Думы я не имѣлъ права не поставить на обсужденіе запросъ, внесенный въ порядкѣ спѣшности. Но такъ какъ можно было ожидать и по поводу обсужденія спѣшности его большого скандала въ Думѣ, я предварительно собралъ лидеровъ отдѣльныхъ думскихъ фракцій. Я старался убѣдить перваго, подписавшаго запросъ, А. И. Гучкова обождать съ запросомъ въ цѣляхъ охраны Верховной власти отъ страстнаго осужденія во время преній. Мнѣ казалось, что еще не настало время выносить всѣ мрачныя явленія на судъ общества и страны, что подобное широкое преданіе дѣла всеобщей гласности преждевременно. Я находилъ, что было бы цѣлесообразнѣе и осторожнѣе, имѣя въ рукахъ обильный матерьялъ, попытаться путемъ доклада предсѣдателя Г. Думы ясно показать Государю Императору всю опасность для него же развертывающихся событій и добиться удаленія совсѣмъ отъ Двора вреднаго лжеучителя.

А. И. Гучковъ возразилъ на это, что общее настроеніе до нельзя повышенное и задержка запроса умѣренныхъ партій повлечетъ къ тому, что таковой будетъ предъявленъ соціалистами, которые не поскупятся внести такіе мотивы, которые не разрядятъ, но еще сгустятъ атмосферу. При предъявленіи же запроса центральными партіями можно достигнуть соглашенія и скандала въ Думѣ избѣжать. Гучковъ полагалъ, что путемъ запроса въ настоящихъ обстоятельствахъ можно избѣжать обсужденія распутинства при разсмотрѣніи смѣты св. Синода: сейчасъ пренія могутъ ограничиться рамками дѣла еп. Гермогена и брошюры Новоселова, тогда какъ при обсужденіи смѣты св. Синода пренія развернутся во всю ширь. Мнѣніе Гучкова одержало верхъ и запросъ по вопросу о спѣшности былъ поставленъ на обсужденіе.

Надо отдать справедливость Г. Думѣ, что всѣ ея члены держали себя во время обсужденія запроса вполнѣ корректно и никакого скан-

дала не произошло. Говорили по вопросу о спѣшности А. И. Гучковъ и В. Н. Львовъ. Спѣшность запроса была принята единогласно.

Здѣсь не лишнее упомянуть о томъ, какъ относилась государственная власть къ создавшемуся положенію.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда А. А. Макаровъ. Когда предъявленъ былъ запросъ по поводу конфискаціи брошюры Новоселова, я обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ сдѣлать распоряженіе о присылкѣ мнѣ экземпляра брошюры, въ виду необходимости изучать дѣло и знать, какъ вести пренія. Макаровъ отвѣтилъ, что у него брошюры Новоселова въ распоряженіи нѣтъ и что онъ, вообще, не видитъ надобности въ ея распространеніи. Меня такое отношеніе взорвало и я поѣхалъ къ нему лично. Макаровъ, очевидно, не ожидалъ моего пріѣзда. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, то къ немалому моему удивленію увидѣлъ на его письменномъ столѣ нѣсколько экземпляровъ брошюры Новоселова. Такимъ образомъ и такой порядочный человѣкъ, какъ Макаровъ, былъ не чуждъ извѣстной доли сервилизма во имя спасенія Распутина. Произошла бурная сцена между нами, послѣ чего я все же брошюру получилъ. Вотъ еще яркій примѣръ, какъ силенъ былъ Распутинъ, если государственная власть считала необходимымъ его защищать, вмѣсто того, чтобы заниматься болѣе важными государственными дѣлами.

Въ сущности запросъ вынесъ цѣликомъ дѣло на судъ общества. Статья въ «Голосѣ Москвы», за которую номеръ былъ конфискованъ, приведенная полностью въ текстѣ запроса, попала въ стенографическіе отчеты и была напечатана поэтому во всѣхъ газетахъ. Вотъ, что въ статьѣ этой говорилось: «Въ № 19 «Голоса Москвы» было помѣщено письмо въ редакцію, подъ заглавіемъ: «Голосъ православнаго мірянина», за подписью редактора-издателя «Религіозно - Философской Библіотеки» Михаила Новоселова слѣдующаго содержанія: «Quo usque tandem !». Эти негодующія слова невольно вырываются изъ груди православныхъ людей по адресу хитраго заговорщика противъ святыни Церкви государственной, растлителя чувствъ и тѣлесъ человѣческихъ — Григорія Распутина, дерзко прикрывающагося этой святыней Церковью. „Quo usque“ — этими словами вынуждаются со скорбью и съ горечью взывать къ Синоду чада русской Церкви православной, видя страшное попустительство высшаго церковнаго управленія по отношенію къ названному Григорію Распутину. Долго ли, въ самомъ дѣлѣ, Синодъ, передъ лицомъ котораго нѣсколько лѣтъ уже разыгрывается эта преступная комедія, будетъ безмолвствовать и бездѣйствовать? Почему безмолвствуетъ и бездѣйствуетъ онъ, когда Божеская заповѣдь блюсти стадо отъ волковъ, казалось, должна была съ неотразимой силой сказаться въ сердцахъ іерарховъ русскихъ, призванныхъ править словомъ Истины.

Почему молчатъ епископы, которымъ хорошо извѣстна дѣятельность наглаго обманщика и растлителя? Почему молчатъ и стражи Израилевы, когда въ письмахъ ко мнѣ нѣкоторые изъ нихъ откровенно называютъ этого лжеучителя — лжехлыстомъ, эротоманомъ, шарлатаномъ. Гдѣ его святѣйшество, если онъ по нерадѣнію или малодушеству не блюдетъ чистоты вѣры Церкви Божьей и попускаетъ

развратнаго хлыста творить дѣло тьмы подъ личиной свѣта? Гдѣ его правящая десница, если онъ пальцемъ не хочетъ шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкаго растлителя и еретика изъ ограды церковной? Быть можетъ, ему недостаточно извѣстна дѣятельность Григорія Распутина? Въ такомъ случаѣ прошу прощенія за негодующія дерзновенныя слова и почтительнѣйше прошу меня вызвать въ высшее церковное учрежденіе для представленія данныхъ, доказывающихъ истину моей оцѣнки хлыстовскаго обольстителя».

Такимъ образомъ появленіемъ въ печати брошюры Новоселова и запроса въ Г. Думѣ по поводу ея конфискаціи, всѣ разговоры, слухи и свѣдѣнія о дѣятельности и значеніи при Высочайшемъ Дворѣ Григорія Распутина были поставлены на твердую почву документа и уже ни въ комъ не могло быть сомнѣній въ истинѣ циркулирующихъ о немъ слуховъ. Предъявленіемъ документальнаго запроса въ Г. Думѣ Верховная Власть была поставлена лицомъ къ лицу съ необходимостью рѣшить безотлагательно вопросъ: быть или не быть Распутину. Всякому было ясно, что борьба распутинскаго кружка съ Россіей должна была разрѣшиться побѣдой или пораженіемъ той или другой стороны. Силы, однако, были неравныя. На сторонѣ Распутина стояла волевая и властная Императрица Александра Феодоровна, имѣвшая подавляющее вліяніе на своего Августѣйшаго Супруга, и поддержанная придворной камарильей, хорошо знавшей, чего она хочетъ. А въ лагерѣ пртивниковъ царила нерѣшительность, опасеніе энергичнымъ вмѣшательствомъ разгнѣвить верхи и отсутствовало объединеніе, потому что не помнили главнаго — блага Россіи.

Императоръ Николай II колебался и искалъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы поставили его въ положеніе, вынуждающее въ силу вещей удалить Распутина. Въ этотъ періодъ онъ еще смутно отдавалъ себѣ отчетъ о значеніи всѣхъ переживаемыхъ событій, но склонялся передъ болѣе сильной волей своей Августѣйшей Супруги.

Такимъ образомъ вся тяжесть борьбы легла на Г. Думу и это обстоятельство подало поводъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ обвинить ее въ революціонныхъ тенденціяхъ; на самомъ же дѣлѣ Дума боролась за неприкосновенность царскаго престижа.

Послѣ запроса въ Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ Коковцевъ былъ вызванъ къ Государю. Онъ мнѣ говорилъ, что Императрица Александра Феодоровна требовала непремѣнно роспуска Думы. Если до запроса я колебался, ѣхать ли мнѣ съ докладомъ о Распутинѣ или нѣтъ, то послѣ запроса я уже безповоротно рѣшилъ, что поѣду съ докладомъ и буду говорить съ Государемъ о Распутинѣ.

Я цѣлый мѣсяцъ собиралъ свѣдѣнія; помогали Гучковъ, Бадмаевъ, Родіоновъ, Гр. Сумароковъ, у котораго былъ агентъ, сообщавшій свѣдѣнія изъ заграницы. Черезъ кн. Юсупова же мы знали о томъ, что происходитъ во дворцѣ. Бадмаевъ сообщилъ о Гермогенѣ и Иліодорѣ въ связи съ Распутинымъ. Родіоновъ далъ подлинникъ письма Императрицы Александры Феодоровны къ Распутину, которое Иліодоръ вырвалъ у него во время свалки, когда они со служкой били его въ коридорѣ у Гермогена. Онъ же показывалъ и три письма великихъ княженъ: Ольги, Татьяны и Маріи.

Въ февралѣ 1912 года кн. Юсуповъ сказалъ мнѣ, что Императрица Марія Феодоровна очень взволновалась тѣмъ, что ей пришлось слышать о Распутинѣ и что, по его мнѣнію, слѣдовало бы мнѣ поѣхать ей все доложить.

Вскорѣ послѣ того ко мнѣ явился генералъ Озеровъ, состоящій при Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, по ея порученію.

Онъ говорилъ, что Императрица Марія Феодоровна желала бы меня видѣть и все отъ меня узнать. Императрица призвала кн. Юсупова и у него распрашивала, какъ онъ думаетъ, какой я человѣкъ и можетъ ли предсѣдатель Думы ей все откровенно сказать. Кн. Юсуповъ отвѣтилъ: «Это единственный человѣкъ, хорошо освѣдомленный, на котораго вполнѣ можно положиться, онъ вамъ скажетъ лишь святую правду».

Вся Царская фамилія съ трепетомъ ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутинѣ и какое впечатлѣніе произведетъ мой докладъ. В. к. Ольга Александровна говорила кн. В. М. Волконскому, что она очень надѣется, что предсѣдатель Думы будетъ говорить съ Государемъ.

За нѣсколько дней до моего доклада позвонилъ телефонъ и мнѣ сообщили, что Императрица Марія Феодоровна ждетъ меня на другой день въ одиннадцать часовъ утра. Я взялъ съ собой всѣ матерьялы и поѣхалъ. Немедленно былъ введенъ въ ея маленькій кабинетъ, гдѣ она уже ожидала. Императрица обратилась ко мнѣ со словами: «Неправда ли, вы предупреждены о мотивѣ нашего свиданія? Прежде всего я хочу, чтобы вы объяснили мнѣ причины и смыслъ запроса. Неправда ли, въ сущности цѣль была революціонная, почему же вы тогда этого не остановили»*).

Я ей объяснилъ, что хотя я самъ былъ противъ запроса, но что я категоричеси долженъ отвергнуть, будто тутъ была какая нибудь революціонная цѣль. Напротивъ, это было необходимо для успокоенія умовъ. Толки слишкомъ далеко зашли, а мѣры правительства только увеличивали возмущеніе.

Она пожелала тогда осмотрѣть всѣ документы, которые у меня были. Я ей прочелъ выдержки изъ брошюры Новоселова и разсказалъ все что зналъ. Тутъ она мнѣ сказала, что она только недавно узнала о всей этой исторіи. Она, конечно, слышала о существованіи Распутина, но не придавала большого значенія.

«Нѣсколько дней тому назадъ одна особа мнѣ разсказала всѣ эти подробности и я была совершенно огорошена. Это ужасно, это ужасно», повторяла она.

«Я знаю, что есть письмо Иліодора къ Гермогену (у меня дѣйствительно была копія этого обличительнаго письма) и письмо Императрицы къ этому ужасному человѣку. Покажите мнѣ, — сказала она.

Я сказалъ, что не могу этого сдѣлать. Она сперва требовала непремѣнно, но потомъ положила свою руку на мою и сказала:

«Неправда ли, вы его уничтожите?»

«Да, ваше величество, я его уничтожу».

---

*) Разговоръ передается въ переводѣ съ французскаго, на которомъ происходилъ.

«Вы сдѣлаете очень хорошо».

Это письмо и по сейчасъ у меня: я вскорѣ узналъ, что копіи этого письма въ извращенномъ видѣ ходятъ по рукамъ, тогда я счелъ нужнымъ сохранить у себя подлинникъ.

Императрица сказала мнѣ:

«Я слышала, что вы имѣете намѣреніе говорить о Распутинѣ Государю. Не дѣлайте этого. Къ несчастью, онъ вамъ не повѣритъ и къ тому же это его сильно огорчитъ. Онъ такъ чистъ душой, что во зло не вѣритъ».

На это я отвѣтилъ Государынѣ, что я, къ сожалѣнію, не могу при докладѣ умолчать о такомъ важномъ дѣлѣ. Я обязанъ говорить, обязанъ довести до свѣденія моего Царя. Это дѣло слишкомъ серьезное и послѣдствія могутъ быть слишкомъ опасныя.

— Развѣ это зашло такъ далеко?

— Государыня, это вопросъ династіи. И мы, монархисты, больше не можемъ молчать. Я счастливъ, ваше величество, что вы предоставили мнѣ счастье видѣть васъ и вамъ говорить откровенно объ этомъ дѣлѣ. Вы меня видите крайне взволнованнымъ мыслью объ отвѣтственности, которая на мнѣ лежитъ. Я всеподданнѣйше позволяю себѣ просить васъ дать мнѣ ваше благословеніе.

Она посмотрѣла на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положивъ свою руку на мою:

— Господь да благословитъ васъ.

Я уже уходилъ, когда она сдѣлала нѣсколько шаговъ и сказала:

— Но не дѣлайте ему слишкомъ больно.

Впослѣдствіи я узналъ отъ князя Юсупова, что послѣ моего доклада Государю Императору Императрица Марія Феодоровна поѣхала къ Государю и объяснила: «Или я, или Распутинъ», что она уѣдетъ, если Распутинъ будетъ здѣсь.

Когда я вернулся домой, ко мнѣ пріѣхалъ князь В. М. Волконскій, кн. Ф. Ф. и З. Н. Юсуповы и тутъ же князь мнѣ сказалъ: «Мы отыгрались отъ большой интриги».

Оказывается, что въ придворныхъ кругахъ старались всячески помѣшать разговору Императрицы М. Ф. со мной, и когда это не удалось, В. Н. Коковцевъ поѣхалъ къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, чтобы черезъ нее уговорить меня не докладывать Государю. Между тѣмъ у меня уже все было готово для доклада и я просилъ меня принять.

III

Аудіенція по дѣлу о Распутинѣ. Докладъ о Распутинѣ. Документы о Распутинѣ. Разговоръ съ царскимъ духовникомъ. Отказъ въ Аудіенціи.

Я отлично отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что докладъ предсѣдателя Г. Думы не дастъ достаточныхъ результатовъ, ибо не дастъ той почвы Государю, стоя твердо на которой, онъ неопровержимо могъ бы сказать: non possumus, отвергая всякую защиту развратнаго временщика. Надо было добиться коллективнаго доклада, дабы ясно было, что не одна Дума, а всѣ слои общества видятъ глубину той пропасти, въ которую ведетъ Царя и Россію злой обманщикъ. Мнѣ каза-

лось, что соединенный докладъ предсѣдателей совѣта министровъ, Г. Думы и первоприсутствующаго въ св. Синодѣ митрополита, достигъ бы этой цѣли, доказавъ, что вся страна возмущается близостью къ престолу наглаго проходимца и его вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, что совѣсть народная не спокойна и этимъ смущена. Къ сожалѣнію, попытка моя въ этомъ направленіи не имѣла успѣха. По тѣмъ или инымъ причинамъ указанныя мною лица уклонились отъ совмѣстнаго со мной доклада. Пришлось ѣхать одному и взять всю отвѣтственность за послѣдствія на себя.

26 февраля Государь назначилъ мнѣ явиться въ шесть часовъ вечера. Утромъ въ этотъ день я ѣздилъ съ женой въ Казанскій соборъ и служилъ молебенъ. Докладъ мой продолжался въ кабинетѣ Государя около двухъ часовъ. Сперва я доложилъ текущія дѣла, коснулся положенія артиллерійскаго вѣдомства подъ управленіемъ в. к. Сергѣя Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа подъ сомнительнымъ управленіемъ графа Воронцова-Дашкова, а потомъ перешелъ къ главному.

— Ваше величество, — началъ я, — докладъ мой выйдетъ далеко за предѣлы обыкновенныхъ моихъ докладовъ. Если послѣдуетъ на то ваше высочайшее разрѣшеніе, я имѣю ввиду подробно и документально доложить вамъ о готовящейся разрухѣ, чреватой самыми гибельными послѣдствіями...

Государь взглянулъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Я имѣю ввиду, — продолжалъ я, — старца Распутина и недопустимое его присутствіе при Дворѣ вашего величества. Всеподданнѣйше прошу васъ, Государь, угодно ли вамъ выслушать меня до конца или вы слушать меня не хотите, въ такомъ случаѣ я говорить не буду.

Опустивъ голову и не глядя на меня, Государь тихо сказалъ:

— Говорите...

— Ваше величество, присутствіе при Дворѣ въ интимной его обстановкѣ человѣка, столь опороченнаго, развратнаго и грязнаго, представляетъ изъ себя небывалое явленіе въ исторіи русскаго царствованія. Вліяніе, которое онъ оказываетъ на церковныя и государственныя дѣла, внушаетъ не малую тревогу рѣшительно во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ защиту этого проходимца выставляется весь государственный апаратъ, начиная съ министровъ и кончая низшими чинами охранной полиціи. Распутинъ оружіе въ рукахъ враговъ Россіи, которые черезъ него подкапываются подъ Церковь и Монархію. Никакая революціонная пропаганда не могла бы сдѣлать того, что дѣлаетъ присутствіе Распутина. Всѣхъ пугаетъ близость его къ Царской Семьѣ. Это волнуетъ умы.

— Но отчего же такіе нападки на Распутина, — перебилъ Государь, — отчего его считаютъ вреднымъ?

— Ваше величество, всѣмъ извѣстно изъ газетъ и изъ разсказовъ о томъ, что благодаря Распутину въ Синодѣ произошелъ расколъ и что подъ его вліяніемъ перемѣщаются іерархи.

— Какіе? — спросилъ Государь.

— Исторія Гермогена всѣхъ глубоко оскорбила, какъ незаслуженное оскорбленіе іерарха. У Гермогена есть много приверженцевъ. Я

получилъ прошеніе ходатайствовать за него передъ вашимъ величествомъ, подписанное десятью тысячами подписей.

— Гермогена я считаю хорошимъ человѣкомъ, — сказалъ Государь, — онъ будетъ скоро возвращенъ. Но я не могу не подвергнуть его наказанію, когда онъ открыто отказался подчиниться высочайшему повелѣнію.

— Ваше величество, по каноническимъ правиламъ іерарха судитъ собраніе іерарховъ. Преосвященный Гермогенъ былъ осужденъ по единоличному обвиненію оберъ-прокурора, по его докладу, — это нарушеніе каноническихъ правилъ.

Государь промолчалъ.

— Исторія Иліодора тоже произвела тяжелое впечатлѣніе. Послѣ разслѣдованія, назначеннаго вашимъ величествомъ, судъ надъ нимъ былъ годъ тому назадъ прекращенъ. Теперь онъ безъ всякаго суда заключенъ во Флорищеву Пустынь и это послѣ его открытаго выступленія противъ Распутина. Подобнымъ же образомъ пострадали: Феофанъ, который былъ лишенъ званія духовника Императрицы и перемѣщенъ въ Симферополь, и Антоній тобольскій, первый указавшій Синоду на Распутина, какъ на хлыста и потребовавшій суда надъ нимъ. Его перемѣстили въ Тверь. Всѣ, кто поднимаетъ голосъ противъ Распутина, преслѣдуются Синодомъ. Терпимо ли это, ваше величество? И могутъ ли православные люди молчать, видя развалъ православія? Можно понять всеобщее негодованіе, когда глаза всѣхъ раскрылись и всѣ узнали, что Распутинъ хлыстъ.

— Какія у васъ доказательства?

— Полиція прослѣдила, что онъ ходилъ съ женщинами въ баню, а вѣдь это изъ особенностей ихъ ученія.

— Такъ что жъ тутъ такого? У простолюдиновъ это принято.

— Нѣтъ, ваше величество, это не принято. Можетъ быть ходятъ мужъ съ женой, но то, что мы имѣемъ здѣсь — это развратъ. Позвольте прочесть вамъ во-первыхъ письма его жертвъ, которыя сперва попали въ ловушку, а затѣмъ раскаялись въ своемъ грѣхѣ. Вотъ письмо одного сибирскаго священника, адресованное нѣкоторымъ членамъ Думы (я не хотѣлъ сказать, что Гучкову), въ которомъ онъ умоляетъ довести до свѣдѣнія начальства о поведеніи Распутина, о развратной его жизни и о томъ, какіе слухи онъ распространяетъ о своемъ значеніи въ Петербургѣ и при Дворѣ. (Это письмо я прочелъ цѣликомъ).

Вотъ письмо, въ которомъ одна барыня кается, что Распутинъ ее совратилъ, нравственно изуродовалъ; отшатнулась отъ него, покаялась и послѣ этого она вдругъ видитъ, что Распутинъ выходитъ изъ бани съ ея двумя дочерьми. Жена инженера Л. тоже увлеклась этимъ ученіемъ. Она сошла съ ума и теперь еще въ сумасшедшемъ домѣ. Провѣрьте, ваше величество...

— Я вамъ вѣрю.

Я прочелъ ему письма, выдержки изъ брошюры Новоселова, я указалъ ему на впечатлѣніе, которое произвело запрещеніе писать о Распутинѣ. Онъ не подходитъ подъ категорію лицъ, о которыхъ нельзя писать, онъ не высокопоставленное лицо, не принадлежитъ къ

Царской Фамиліи. Мы видимъ, что часто критикуютъ министровъ, предсѣдателей Думы и Совѣта, — для этого запрещенія нѣтъ, — а о Распутинѣ запрещено писать что бы то ни было. Это невольно вызываетъ мысль, что онъ близокъ къ Царской Семьѣ.

— Но отчего вы думаете, что онъ хлыстъ?

— Ваше величество, прочтите брошюру Новоселова: онъ спеціально занялся этимъ вопросомъ. Тамъ есть указаніе на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дѣло почему то было прекращено. Кромѣ того, извѣстно, что радѣнія приверженцевъ Распутина происходили на квартирѣ Сазонова, гдѣ Распутинъ жилъ. Позвольте вамъ показать вырѣзку изъ заграничной газеты, гдѣ сказано, что на съѣздѣ масоновъ въ Брюсселѣ говорили о Распутинѣ, какъ объ удобномъ орудіи въ ихъ рукахъ. Интрига эта въ связи съ послѣдующими обстоятельствами совершенно ясна. Дѣло идетъ не только о тронѣ и престижѣ Царской Семьи: вѣдь можетъ быть и серьезная опасность для Наслѣдника.

— Какъ? — произнесъ съ волненіемъ Государь.

— Ваше величество, вѣдь при Наслѣдникѣ нѣтъ серьезнаго отвѣтственнаго лица, при немъ деревенскій парень Деревенько—онъ можетъ быть очень хорошій человѣкъ, но это простой крестьянинъ — невѣжественные люди, вообще, склонны къ мистицизму. Что, если съ Наслѣдникомъ случится что нибудь? — Это всѣхъ волнуетъ... Обаятельный ребенокъ, котораго всѣ такъ любятъ.

Государь, видимо, все время волновался. Онъ бралъ одну за другой папиросы и опять бросалъ.

Тогда я рѣшилъ подойти съ другой стороны и убѣдить Государя, что Распутинъ обманщикъ. Я показалъ ему фотографію Распутина съ наперснымъ крестомъ.

— Вы видите, ваше величество, Распутинъ не іерархъ; онъ здѣсь изображенъ какъ бы священникомъ.

Государь на это сказалъ:

— Да, ужъ это слишкомъ. Онъ не имѣетъ права надѣвать наперснаго креста.

— Ваше величество, это кощунство. Онъ, невѣжественный мужикъ, не можетъ надѣвать клобукъ и, кромѣ того, это дается при священствѣ. Вотъ другая фотографія, «хлыстовскій корабль», эта фотографія была въ «Огонькѣ», ее видѣла вся Россія. Вотъ Распутинъ, окруженный молодыми дѣвушками, а вотъ и мальчики, онъ среди нихъ. Вотъ Распутинъ съ двумя молодыми людьми: они держатъ доску и на ней текстъ хлыстовскій, а у Распутина въ рукахъ икона Божьей Матери хлыстовская. Корабль, ведущій къ повальному грѣху.

— Что это такое? — спросилъ Государь.

— Прочитайте брошюру Новоселова, которую я вамъ представлю. Вотъ его фотографія, гдѣ Распутинъ съ двумя женщинами и подписано: «Путь, ведущій къ спасенію». Вѣдь это соблазнъ. А запрещеніе писать о немъ невольно возбуждаетъ мысль, что Царь покровитель хлыстовъ. А если вспыхнетъ война? Гдѣ же престижъ царской власти? Многія лица, близко стоящія ко Двору, называются какъ приверженцы Распутина. Слухи о томъ, что высшее общество подпало

вліянію Распутина, какъ хлыста, даетъ поводъ пренебрежительно относиться къ этому обществу — это унижаетъ общество, унижаетъ Дворъ. Несмотря на запрещеніе писать о немъ, слухи и толки о Распутинѣ съ жадностью перепечатываются въ провинціальныхъ газетахъ.

— Читали ли вы докладъ Столыпина? — спросилъ меня Государь.

— Нѣтъ, я зналъ о немъ, но не читалъ.

— Я ему отказалъ, — сказалъ Государь.

— Жаль, — отвѣтилъ я, — всего этого не было бы. Ваше величество, вы меня видите крайне взволнованнымъ, мнѣ тяжело было говорить вамъ жестокую истину. Я молчать не могъ, не могъ скрывать опасности положенія и возможности страшныхъ послѣдствій. Я вѣрю, что Господь поставилъ меня посредникомъ между Царемъ и представителями народа, собранными по его Державной волѣ, и мой долгъ русскаго и вѣрноподданнаго сказать вамъ, Государь: враги хотятъ расшатать тронъ и Церковь и замарать дорогое для насъ имя Царя. Я всегда помню слова присяги: «О всякомъ же вредѣ и убыткѣ его величеству своевременно извѣщать и предотвращать тщатися». Умоляю васъ во имя всего святого для васъ, Россіи, для счастья вашего Наслѣдства прогоните отъ себя грязнаго проходимца, разсѣйте мрачныя опасенія вѣрныхъ трону людей...

— Его теперь здѣсь нѣтъ, — произнесъ Государь.

— Позвольте мнѣ всѣмъ говорить, что онъ не вернется?

Государь помолчалъ немного и сказалъ:

— Нѣтъ, я не могу вамъ этого обѣщать — вашимъ же словамъ вѣрю вполнѣ.

— Вѣрите ли вы, Государь, что возбудившіе запросъ были движимы самыми вѣрноподданническими чувствами и преданностью къ престолу, что ихъ побудили къ тому тѣ же чувства, которыя заставили и меня вамъ докладывать?

— Въ вашемъ докладѣ я чувствовалъ искренность и вѣрю Думѣ, потому что вѣрю вамъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, остался ли доволенъ Государь моимъ докладомъ.

— Ваше величество, — сказалъ я, — я шелъ сюда, готовый понести кару въ случаѣ, если бы я имѣлъ несчастье разгнѣвать ваше величество. Если я превысилъ свои полномочія, скажите слово и я сниму съ себя званіе предсѣдателя Г. Думы. Я думалъ исполнить свой долгъ. Я считалъ своей прямой обязанностью довести все до вашего свѣдѣнія. Видя, какое волненіе вызываетъ это дѣло въ Думѣ, я не могъ молчать своему Государю.

— Я васъ благодарю. Вы поступили, какъ честный человѣкъ, какъ вѣрноподданный.

— Ваше величество, позвольте мнѣ просить у васъ въ знакъ особой милости ко мнѣ счастья быть представленнымъ наслѣднику Цесаревичу.

— Развѣ вы его не знаете?

—Я никогда его не видалъ.

Государь велѣлъ позвать Наслѣдника и я представился ему, какъ «самый большой и толстый человѣкъ въ Россіи», чѣмъ вызвалъ его

веселый смѣхъ. На мой вопросъ, удаченъ ли былъ наканунѣ сборъ въ пользу «колоса ржи» — этотъ удивительно симпатичный ребенокъ весь просіялъ и сказалъ: «Да, я одинъ собралъ пятьдесятъ рублей», это очень много.

Государь съ доброй улыбкой смотрѣлъ на сына и добавилъ:

— Онъ цѣлый день не разставался со своей кружкой.

Здѣсь Государь всталъ и, протянувъ руку, сказалъ: «До свиданія Михаилъ Владиміровичъ». И когда уходилъ, услышалъ громкій шопотъ Наслѣдника: «Кто это?» и отвѣтъ Государя: «Предсѣдатель Думы».

Наслѣдникъ выбѣжалъ за мной въ переднюю и все время смотрѣлъ въ стеклянную дверь. «Не простудитесь, — сказалъ я ему, — здѣсь дуетъ». Онъ закричалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, ничего». Рядомъ появился улыбающійся Деревенько и я обратилъ вниманіе на всѣхъ, выстроенныхъ въ шеренгу лакеевъ, солдатъ и казаковъ. Съ какой любовью они смотрѣли на Наслѣдника.

Характерно, что старшій камердинеръ Государя Чемодуровъ, провожая меня, сказалъ: «Ваше превосходительство, вы бы почаще пріѣзжали къ намъ. У насъ мало кто бываетъ и мы ничего новаго не знаемъ».

Я былъ растроганъ довѣріемъ къ себѣ и терпѣніемъ, съ какимъ былъ выслушанъ до конца, особенно послѣ всѣхъ предупрежденій: «Онъ не будетъ слушать, онъ заупрямится, онъ разсердится и т. д.»

Когда я вернулся домой, у меня произошелъ интересный разговоръ съ управляющимъ собственной его Величества канцеляріей А. С. Танѣевымъ въ телефонъ:

— Михаилъ Владиміровичъ, скажите мнѣ, отчего меня хотятъ видѣть два члена Думы?

— Не могу вамъ сказать, ничего отъ нихъ не слышалъ.

— Я боюсь, что они по поводу Григорія.

— Какого Григорія?

— Да вы знаете... Григорія (заикаясь) Распутина.

— Что общаго между вами и Распутинымъ, какая связь?

— Такъ знаете... Я думалъ...

— Радъ, что вы сами признаете, что съ вами есть причина говорить объ этомъ мерзкомъ хлыстѣ. Я вамъ скажу, что если вы честный человѣкъ, вы должны его убрать изъ Царскаго — и вы знаете какъ.

— Я ничего не знаю.

— Нѣтъ, вы знаете и если не исполните своего долга честнаго человѣка, вся ненависть Россіи падетъ на вашу голову. Ваше имя всѣ связываютъ съ проклятіемъ Россіи — Распутинымъ.

— (Издаетъ какіе то звуки...) До свиданія...

Въ тотъ же вечеръ я поѣхалъ въ Думу и былъ моментально окруженъ депутатами, которымъ въ краткихъ словахъ сообщилъ содержаніе доклада и о милостивомъ отношеніи ко мнѣ Государя. На всѣхъ мой разсказъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Самымъ близкимъ же я передалъ все дословно.

---

28 февраля утромъ мнѣ изъ Царскаго Села позвонилъ по телефону дворцовый комендантъ генералъ-адъютантъ В. Н. Дедюлинъ и просилъ заѣхать къ нему на городскую его квартиру. Съ Дедюлинымъ мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговоръ нашъ носилъ интимный характеръ.

Дедюлинъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: «Стало извѣстно, что послѣ твоего доклада Государь почти не прикасался къ ѣдѣ за обѣдомъ, былъ задумчивъ и сосредоточенъ. На докладѣ моемъ на другой день я позволилъ себѣ спросить его: «Ваше величество, у васъ съ докладомъ былъ Родзянко. Кажется онъ очень утомилъ васъ?» Государь отвѣтилъ: «Нѣтъ, нисколько не утомилъ. Видно, что Родзянко вѣрноподданный человѣкъ, не боящійся говорить правду. Онъ сообщилъ мнѣ многое, чего я не зналъ. Вы съ нимъ товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы онъ произвелъ разслѣдованіе по дѣлу Распутина. Пусть онъ изъ Синода возьметъ всѣ секретныя дѣла по этому вопросу, хорошенько все разберетъ и мнѣ доложитъ. Но пусть объ этомъ пока никто не будетъ знать».

Я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и вечеромъ того же дня собралъ Чл. Гос. Совѣта В. И. Карпова и депутатовъ Каменскаго, Шубинскаго и Гучкова. Мы до поздней ночи обсуждали, какъ лучше поступить. На другой день я вызвалъ Даманскаго, товарища оберъ-прокурора, въ Думу съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ требуемое дѣло. Даманскій явился. Я рѣшилъ представиться ничего не знающимъ, чтобы лучше все выпытать отъ Даманскаго. Это очень ловко удалось. Онъ выболталъ все, что надо было знать. Стараясь убѣдить меня въ чистотѣ и святости Григорія, онъ сказалъ, что многія почтенныя и видныя лица уважаютъ старца и любятъ съ нимъ бесѣдовать; назвалъ много именъ и подтвердилъ многія данныя, переданныя мнѣ раньше разными людьми. Сказалъ, что Распутинъ живетъ у Сазонова, почтенную семью котораго онъ, Даманскій, знаетъ хорошо, что тамъ бываютъ: гофмейстеръ Танѣевъ, генеральша Орлова, «такой уважаемый человѣкъ», какъ епископъ Варнава, графиня Витте и многіе другіе. На все это я выражалъ удивленіе и поддакивалъ. Даманскій держалъ все время портфель въ рукахъ и доказывалъ мнѣ, что никакого значенія это дѣло не имѣетъ и не стоитъ его смотрѣть. Расписывая далѣе добродѣтели старца, Даманскій выражалъ негодованіе на всѣ сплетни и клевету, которыя распускаются всюду про него: «Говорятъ, что онъ хлыстъ, развратникъ и даже дошли до того, что будто бы Императрица Александра Феодоровна живетъ съ нимъ»...

Здѣсь я ударилъ кулакомъ по столу, всталъ во весь ростъ, сбросилъ наивный видъ, сдѣлалъ свирѣпое лицо и закричалъ такъ, чтобы рядомъ было слышно:

— Вы, милостивый государь, съ ума сошли? Какъ вы смѣете говорить при мнѣ подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите!.. Я васъ слушать не желаю.

Мой гнѣвъ для него былъ такъ неожиданъ, что онъ поблѣднѣлъ, согнулъ спину и сталъ извиняться. Его грязная цѣль понятна: онъ вообразилъ, что одурачилъ меня, хотѣлъ вызвать меня на скользкій путь сплетни, услышать отъ меня какія нибудь сальныя подробности и пе-

редать кому слѣдуетъ. Онъ былъ увѣренъ, что я, удовольствуясь его объясненіями, дѣла совсѣмъ не возьму, и былъ пораженъ, когда я рѣшительнымъ жестомъ взялъ папку у него изъ рукъ, заперъ въ столъ и положилъ ключъ въ карманъ со словами: «По приказанію Государя Императора я подробно ознакомлюсь съ этимъ дѣломъ и васъ извѣщу».

Получивъ нужные документы, я немедленно засадилъ всю канцелярію, всѣхъ присяжныхъ переписчицъ за копированіе дѣла въ полномъ его объемѣ и вмѣстѣ съ начальникомъ Думской канцеляріи Я. В. Глинкой мы составили планъ работъ по столь щекотливому дѣлу. На другой же день Даманскій по телефону потребовалъ отъ меня частной бесѣды у меня на квартирѣ. Я сразу понялъ, что здѣсь готовится подвохъ и отвѣтилъ ему, что въ служебныхъ дѣлахъ я не признаю частныхъ бесѣдъ и прошу его пожаловать въ три часа въ мой кабинетъ — въ Г. Думу и сразу же повѣсилъ трубку во избѣжаніе ненужныхъ объясненій.

Когда я пріѣхалъ въ Думу, то Даманскій былъ уже тамъ, но къ моему не малому удивленію его сопровождалъ протоіерей Александръ Васильевъ, законоучитель царскихъ дѣтей. Такое появленіе отца протоіерея меня не мало удивило и, догадываясь, что на меня готовится какой то натискъ, я рѣшилъ разъединить ихъ. Я разсадилъ ихъ по разнымъ кабинетамъ.

Первая моя бесѣда была съ Даманскимъ, который заявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ порученіе получить обратно все дѣло о Распутинѣ. Я выразилъ удивленіе такому требованію и сказалъ, что разъ состоялось Высочайшее повелѣніе по данному дѣлу, то оно можетъ быть отмѣнено только такимъ же путемъ — Высочайшимъ повелѣніемъ или словесно переданнымъ черезъ генералъ-адьютанта или статсъ-секретаря, или же письменнымъ повелѣніемъ. Тогда Даманскій, нѣсколько волнуясь, путаясь и понизивъ голосъ, сталъ мнѣ объяснять, что Высочайшаго повелѣнія онъ не имѣетъ, но что это требуетъ одно очень высокопоставленное лицо.

— Кто же это, Саблеръ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, повыше, — махнувъ рукой, отвѣтилъ Даманскій.

— Да кто же? — сказалъ я, дѣлая удивленное лицо.

Помявшись немного, Даманскій отвѣчалъ:

— Императрица Александра Феодоровна.

— Въ такомъ случаѣ передайте ея Величеству, что она такая же подданная своего августѣйшаго Супруга, какъ и я, и что оба мы обязаны въ точности исполнять его повелѣніе. А потому я ея желанія исполнить не могу.

— Какъ, — воскликнулъ недоумѣнно Даманскій, — я долженъ ей это передать? Но вѣдь она этого хочетъ.

— Къ сожалѣнію, — отвѣтилъ я, — я ея желанія, всетаки, исполнить не могу, — и въ виду попытокъ Даманскаго убѣдить меня, я прекратилъ съ нимъ разговоръ.

Затѣмъ я вызвалъ отца Васильева. Онъ передалъ мнѣ, что Императрица Александра Феодоровна поручила ему высказать мнѣ свое мнѣніе о старцѣ:

— Это вполнѣ богобоязненный и вѣрующій человѣкъ, безвредный и даже скорѣе полезный для Царской Семьи.

— Какая же его роль особенно по отношенію къ дѣтямъ въ Царской Семьѣ?

— Онъ съ дѣтьми бесѣдуетъ о Богѣ, о вѣрѣ.

Меня эти слова взорвали:

— Вы мнѣ это говорите, вы, православный священникъ, законоучитель царскихъ дѣтей. Вы допускаете, чтобы невѣжественный, глупый мужикъ говорилъ съ ними о вѣрѣ, допускаете, чтобы его вредный гипнозъ вліялъ на дѣтскія души? Вы видите роль и значеніе въ семьѣ этого невѣжественнаго сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измѣна вашему сану и присягѣ. Вы все знаете и изъ угодливости молчите, когда Богъ вамъ далъ власть, какъ служителю Алтаря, открыто бороться за вѣру. Значитъ, вы сами сектантъ и участвуете въ сатанинскомъ замыслѣ враговъ Царя и Россіи— забросать грязью престолъ и Церковь...

Несчастный священникъ былъ страшно пораженъ моими словами, блѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Никто никогда не говорилъ со мной такъ, какъ вы. Ваши слова открыли мнѣ глаза. Скажите, что я долженъ дѣлать?

— Идите и скажите отъ моего имени Царицѣ, что если она не хочетъ губить мужа и сына и расшатать престолъ, она должна навсегда прогнать отъ себя этого грязнаго хлыста. Положеніе серьезное: никакая революціонная пропаганда не могла бы сдѣлать болѣе вреда монархіи и болѣе уронить достоинство Царскаго дома. Если вы опять будете молчать и не откроете всю правду — крестъ, который вы носите на груди, сожжетъ вамъ душу и сердце.

Онъ потомъ говорилъ Волконскому: «Я трепещущій вышелъ отъ предсѣдателя и почувствовалъ, сколько въ его словахъ силы и истины».

Впослѣдствіи мнѣ сообщили, что священникъ Васильевъ все передалъ Императрицѣ въ исковерканномъ видѣ, еще болѣе возстановивъ ее противъ меня. Онъ поддерживалъ ее въ увлеченіи Распутинымъ и, однимъ словомъ, игралъ все ту же двойственную роль.

Отъ Гучкова я узналъ, что всѣ приверженцы Распутина забезпокоились, смущенные моимъ продолжительнымъ докладомъ у Государя и рѣшили выписать Распутина.

Кн. З. Н. Юсупова по телефону сообщила, что высылка Распутина такъ подѣйствовала на Императрицу, что она захворала и легла въ постель. Интересенъ фактъ, что послѣ запроса въ Думѣ Императрица написала З. Ю. отчаянное письмо на восьми страницахъ, гдѣ она жаловалась на клевету и несправедливыя нападки на нихъ: «Насъ не любятъ и стараются намъ повредить. Этотъ запросъ — революціонный актъ». Она въ этомъ письмѣ писала столько жалобъ на ихъ ужасное положеніе, что Юсуповой стало жалко Царицу и она передала въ телефонъ, что собирается придти къ Царицѣ на другой день. Но, вѣроятно, происками Вырубовой ей сказали, что Императрица больна и никого не принимаетъ.

Только 9 марта 1912 года ей удалось быть у Императрицы. Это уже было послѣ рѣчи Гучкова по поводу смѣты Синода, гдѣ онъ упоминалъ о Распутинѣ.

Кн. З. Н. Юсупова серьезно и убѣдительно говорила, подтверждая мои слова Государю, но со стороны Императрицы встрѣтила сильный отпоръ, возбужденіе и негодованіе. Она высказала свое неудовольствіе по поводу моего доклада Государю и особенно сердилась на мой отказъ вернуть дѣло о Распутинѣ: «По какому праву онъ задерживаетъ дѣло и не хочетъ его вернуть».

Кн. З. Юсупова убѣждала ее вѣрить словамъ предсѣдателя Думы: «Это честный и вѣрный человѣкъ».

— Нѣтъ, вы не знаете, что онъ сказалъ отцу Васильеву, Родзянко и Гучкова мало повѣсить.

Кн. З. Н. Юсупова въ порывѣ негодованія сказала:

— Какъ вы можете говорить подобныя вещи. Благодарите Бога, что находятся еще честные люди, которые правду доводятъ до свѣдѣнія Государя. Распутинъ долженъ быть изгнанъ. Это хлыстъ, который злоупотребляетъ своимъ положеніемъ при васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, на него клевещутъ, онъ святой человѣкъ.

Когда дѣла, переданныя Даманскимъ были изучены, во всей полнотѣ, раскрылась грязная эпопея этого вреднаго человѣка.

Первый доносъ, обвиняющий Распутина въ сектантствѣ хлыстовскаго толка, былъ сдѣланъ тобольскимъ уѣзднымъ исправникомъ тобольскому губернатору еще въ 1902 году на основаніи оффиціальнаго сообщенія мѣстнаго священника села Покровскаго. Губернаторъ препроводилъ все дѣло на распоряженіе мѣстнаго архіерея преосвященнаго Антонія. Послѣдній поручилъ сдѣлать дознаніе одному изъ миссіонеровъ епархіи. Миссіонеръ энергично взялся за дѣло. Онъ представилъ обширный докладъ, изобилующій документальными данными, сдѣлалъ обыскъ въ квартирѣ Распутина, произвелъ нѣсколько выемокъ вещественныхъ доказательствъ и раскрылъ много бывшихъ неясными обстоятельствъ, несомнѣнно изобличающихъ принадлежность Распутина къ хлыстовству. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, указанныя въ докладѣ, были до того безнравственны и противны, что безъ отвращенія нельзя было ихъ читать.

Получивъ докладъ миссіонера, епископъ Антоній поручилъ изучить его спеціалисту по сектантскимъ дѣламъ инспектору тобольской духовной семинаріи Березкину. Дѣло затянулось и во время его производства Распутинъ успѣлъ уѣхать въ Петербургъ и тамъ постепенно, какъ уже мною сообщено, втерся въ довѣріе ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и получилъ доступъ къ Высочайшему Двору. Между тѣмъ при обозрѣніи слѣдствія, произведеннаго весьма толково и обстоятельно Березкинымъ, подкрѣпленнаго свидѣтельскими показаніями, письмами, ссылками на догматы хлыстовскаго вѣроученія, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Распутинъ заправскій хлыстъ, притомъ высшаго полета, умѣлый пропагандистъ и растлитель душъ православнаго простодушнаго люда. Онъ имѣлъ по даннымъ слѣдствія несомнѣнную связь со многими пророками хлыстовства, между которыми игралъ не послѣднюю роль. Березкинъ въ сво-

емъ докладѣ тобольскому епископу заявилъ, что для него нѣтъ никакихъ сомнѣній въ сектантствѣ Распутина, но, считая, что дѣло должно быть направлено свѣтской власти для судебнаго преслѣдованія вреднаго еретика, Березкинъ полагалъ необходимымъ произвести нѣкоторыя дополнительныя изслѣдованія и засимъ уже передать дѣло прокурорскому надзору. Преосвященный Антоній тобольскій на основаніи такого заключенія предписалъ тобольской духовной консисторіи въ точности исполнить указанія Березкина и передать Григорія Ефимова Распутина въ распоряженіе судебной власти. Пока длилась эта процессуальная волокита, Распутинъ вернулся изъ Петербурга въ родное село. Но вернулся онъ оттуда съ значительными денежными средствами, началъ строить себѣ прекрасный домъ съ богатой обстановкой. Онъ хвастается уже открыто милостями членовъ Царскаго дома, показываетъ всѣмъ ихъ подарки: напримѣръ, богатый золотой крестъ на золотой цѣпи, медальонъ съ портретомъ Императрицы Александры Феодоровны, портреты высокопоставленныхъ лицъ съ соотвѣтствующими надписями, щеголяетъ въ богатыхъ собольихъ шубахъ, словомъ, изъ гонимаго сектанта преображается во вліятельное лицо, передъ которымъ многіе уже начинаютъ заискивать.

Послѣ резолюціи епископа о привлеченіи Распутина къ суду — дѣло заканчивается указомъ Синода о бытіи по Высочайшему повелѣнію преосвященному Антонію, епископу тобольскому, — архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ — т. е. перемѣщеніемъ епископа. Такъ и не состоялся судъ надъ еретикомъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ весьма компетентныхъ лицъ, что во избѣжаніе излишняго скандала тобольскому епископу предложили на выборъ: или прекратить начатое противъ Распутина дѣло и ѣхать съ повышеніемъ въ архіепископы въ Тверь, или же удалиться на покой. Онъ избралъ первый варіантъ и дѣло Распутина заглохло.

Изучивъ всесторонне и обстоятельно все порученное мнѣ дѣло, я составилъ сжатый докладъ и 8 марта 1912 года послалъ Государю свою просьбу о пріемѣ меня для доклада ему во исполненіе возложеннаго на меня Высочайшаго порученія.

На мое ходатайство о всеподданнѣйшемъ докладѣ долго не было отвѣта. Мнѣ стало извѣстно, что Императрица упорно сопротивляется моему вторичному докладу съ документами въ рукахъ. Наконецъ за нѣсколько дней до отъѣзда Царской Семьи въ Крымъ, предсѣдатель совѣта министровъ В. Н. Коковцевъ получилъ мое ходатайство о пріемѣ, на которомъ Государь начерталъ: «Прошу В. Н. передать предсѣдателю Думы, что я его принять не могу и не вижу въ этомъ надобности, такъ какъ полторы недѣли тому назадъ я его принималъ. Кромѣ того, пренія по смѣтѣ Синода приняли неправильное направленіе, которое мнѣ не нравится. Прошу васъ и предсѣдателя Думы принять мѣры къ тому, чтобы этого не повторялось».

Мы оба обомлѣли, читая эти строки, которыми былъ нанесенъ афронтъ Думѣ и оскорбленіе ея предсѣдателю, такъ какъ по основнымъ законамъ послѣдній сносится непосредственно съ верховной

властью. Здѣсь же передавалось порученіе черезъ премьера, который на это правъ не имѣлъ. Я объявилъ Коковцеву, что достоинство Думы оскорблено и мнѣ придется выйти въ отставку и снять съ себя придворное званіе. Получился бы конфликтъ между Думой и Царемъ, т. е. какъ бы революціонное направленіе Думы, что еще болѣе осложнило бы и безъ того тяжелое положеніе.

Тогда мы рѣшили слѣдующее: Коковцевъ долженъ ѣхать на слѣдующій день въ Царское, объяснить Государю неловкость его отвѣта и добиться или пріема, или личнаго письма по адресу предсѣдателя Думы. Такъ и было сдѣлано. Коковцевъ хорошо исполнилъ порученіе, передалъ мои слова и желаніе выйти въ отставку и снять придворное званіе. На что Государь сказалъ:

— Я обижать его не хотѣлъ, напротивъ, я имъ очень доволенъ. Дума стала другая при немъ: ассигновали на флотъ и артиллерійское вѣдомство... Что же дѣлать?

Коковцевъ посовѣтовалъ написать собственноручное письмо и на другой день я получилъ его со слѣдующимъ содержаніемъ: «Не имѣя времени передъ отъѣздомъ въ Крымъ принять васъ, прошу доставить письменный докладъ».

Письмо я сохранилъ у себя.

Отъ Думы я скрылъ этотъ инцидентъ и сообщилъ только о собственноручномъ письмѣ съ просьбой прислать письменный докладъ.

И то многіе выражали негодованіе, что Государь принималъ Балашева, студентовъ-академиковъ, многихъ представлявшихся лицъ, а для предсѣдателя Думы времени не нашлось.

Я тотчасъ же принялся за составленіе письменнаго доклада, въ чемъ мнѣ особенно помогалъ В. И. Карповъ и начальникъ канцеляріи Думы Я. В. Глинка.

Докладъ вышелъ убѣдительный, въ особенности въ заключеніи, гдѣ говорилось о томъ, какія надо принять мѣры для успокоенія взволнованнаго общества и упорядоченія Церкви. Вернуть Гермогена, выгнать Распутина и созвать соборъ. Во время составленія доклада ко мнѣ отъ лица Гермогена явился Родіоновъ, чтобы передать, что онъ знаетъ о моемъ разговорѣ съ Царемъ въ защиту православія, что посылаетъ свое благословеніе, молится за меня и проситъ и впредь крѣпко стоять за вѣру православную.

Распутинъ между тѣмъ опять явился въ Петербургъ и, какъ сообщали газеты, былъ встрѣченъ сборищемъ своихъ приверженцевъ на квартирѣ госпожи Головиной. Этотъ разъ по пятамъ за нимъ слѣдила полиція и корреспонденты. Друзья Распутина доставили его въ Царское, но несмотря на ихъ старанія до Императрицы онъ допущенъ не былъ. На шестой недѣлѣ Великаго поста Царская Фамилія уѣхала въ Крымъ. Вырубова умудрилась посадить Распутина въ свитскій поѣздъ въ купэ князя Туманова. Кто то доложилъ объ этомъ Государю. Государь страшно разсердился, что его ослушались, велѣлъ остановить поѣздъ на станціи Тосно, высадить Распутина и съ агентомъ тайной полиціи отправить въ тобольскую губернію.

Итакъ, мои слова достигли желаемаго результата. Съ тѣхъ поръ Распутинъ при Дворѣ нѣкоторое время не появляется. Онъ пріѣз-

жаетъ въ Петербургъ на два дня, оставаться дольше онъ не смѣетъ. Директоръ департамента полиціи жаловался мнѣ:

«Онъ такъ мнѣ надоѣлъ. За нимъ надо слѣдить — онъ прямо съ вокзала отправляется въ баню съ двумя какими нибудь барынями».

Я увѣренъ, что Императрица, конечно, моего вмѣшательства не простила. О судьбѣ моего доклада я ничего не зналъ: ни отвѣта, ни возраженія. Читалъ ли его Государь — я свѣдѣній не имѣлъ. Говорили, впрочемъ, что Государь читалъ въ Крыму докладъ вмѣстѣ съ герцогомъ Гессенскимъ.

IV

Пріемъ членовъ Думы и недовольство Царя. Послѣдствія пріема. Бородинскія торжества. Выборная кампанія въ IV Думу. Аудіенція Родзянки, переизбраннаго въ Предсѣдатели.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1912 года въ Москвѣ на освященіи памятника Александру III Государь былъ со мной холоденъ, тогда какъ вся Царская Семья демонстративно выражала мнѣ вниманіе.

Весной, передъ окончаніемъ работъ Думы, многіе члены, какъ правые, такъ и октябристы, а главнымъ образомъ крестьяне всѣхъ партій, выражали желаніе представиться Государю. Въ этомъ я видѣлъ побужденія самыя искреннія и благородныя, а также и проявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ. Я энергично началъ черезъ предсѣдателя совѣта министровъ Коковцева хлопотать объ этомъ. Государь отнесся подозрительно къ этому заявленію и сперва наотрѣзъ отказался принять членовъ Думы, вѣроятно подъ вліяніемъ Императрицы, которая присутствовала при разговорѣ съ Коковцевымъ и все время повторяла, что это совершенно лишнее. Съ другой стороны велись переговоры съ барономъ Фредериксомъ, министромъ Высочайшаго Двора, съ просьбой о томъ же. Только послѣ того, какъ Коковцевъ и Фредериксъ объявили, что они выходятъ въ отставку, если Дума не будетъ принята, Государь, нехотя, на это согласился. Извѣстіе было встрѣчено радостно и ѣхали въ приподнятомъ хорошемъ настроеніи. И велико было разочарованіе и оскорбленіе, когда на пріемѣ Государь недовольнымъ тономъ высказалъ только слова осужденія и неудовольствія по поводу «слишкомъ страстныхъ, недовольно спокойныхъ преній по разнымъ вопросамъ». Патріотическія же заслуги: ассигнованіе на флотъ, работы по земельной реформѣ и многія другія, какъ Холмщина, западное земство, Финляндія — ничего не было упомянуто Царемъ и впечатлѣніе получилось, что Государь Думой недоволенъ, сердитъ на нее. И всѣ поняли, что тому причиной распутинское дѣло и вліяніе Императрицы. Въ оффиціальномъ сообщеніи въ печати слова Государя были очень смягчены. Но всѣ мы, пережившіе эти минуты, помнимъ, какая была у всѣхъ на душѣ горькая обида за незаслуженное оскорбленіе.

Послѣдними словами Государя было напоминаніе объ ассигнованіи на церковно-приходскія школы, причемъ онъ выразилъ надежду, что ассигнованіе на дѣло, близкое сердцу его покойнаго родителя, будетъ принято Думой.

Мы всѣ были какъ въ воду опущенные, и насколько всѣ ѣхали туда съ радужными надеждами, настолько теперь всѣ предавались мрачнымъ мыслямъ.

На другой день настроеніе въ Думѣ было подавленное и когда я черезъ лидеровъ и вліятельныхъ членовъ старался узнать, какого результата можетъ достигнуть голосованіе объ ассигнованіи на церковно-приходскія школы, всѣ категорически (кромѣ нѣсколькихъ крайнихъ правыхъ) заявили ,что вопросъ этотъ будетъ проваленъ. Говорили о томъ даже націоналисты, что Государь насъ не цѣнитъ: «Онъ съ нами, Богъ знаетъ, какъ обращается. Саблеръ и Распутинъ дороже насъ...» и т. д.

Мое положеніе было очень затруднительное: ставить на голосованіе вопросъ, о которомъ упоминалъ Государь, зная, что онъ непремѣнно провалится — было невозможно. Это значило бы создать конфликтъ между Государемъ и Думой и закончить сессію демонстраціей противъ его желанія. Я рѣшилъ снять вопросъ съ повѣстки, чтобы весь одіумъ этого инцидента палъ только на меня, а не на Думу. Правые, особенно духовенство, очень возмутились такимъ моимъ рѣшеніемъ. Не разобравъ дѣла, подняли крикъ и объявили, что они на прощаніе устроятъ колоссальный скандалъ. Когда я шелъ предсѣдательствовать, мнѣ пришлось окружить себя думскими приставами, чтобы избѣжать какой нибудь непріятной выходки со стороны духовенства. Во время перерыва я вызвалъ епископа Евлогія къ себѣ въ кабинетъ, объяснилъ ему, что меня побудило поступить такъ. Онъ увидѣлъ свою ошибку, извинялся, такъ же какъ и многіе правые, выражавшіе сперва свое негодованіе.

Во время пребыванія моего лѣтомъ заграницей въ Наугеймѣ я прочелъ въ газетахъ и узналъ изъ письма члена Думы Ковзана, что роспускъ Думы предполагается за три дня до Бородинскихъ торжествъ, назначенныхъ на 26 августа, такъ что народные представители не будутъ участвовать на торжествахъ. Зная, какое непріятное впечатлѣніе произведетъ это распоряженіе, я тотчасъ написалъ Коковцеву письмо съ усердной просьбой, во что бы то ни стало, убѣдить Государя на распускать Думы до 26 августа. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отвѣтъ, что Дума будетъ распущена 30 августа. Вернувшись въ Петербургъ, я сейчасъ же поѣхалъ въ Думу, гдѣ засталъ человѣкъ двадцать депутатовъ; среди нихъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, съѣхавшихся въ надеждѣ получить билетъ для присутствія на торжествахъ. Разочарованіе ихъ было велико, когда, прочитавши церемоніалъ, они увидѣли, что мѣстъ для членовъ Думы не назначено ни на Бородинскомъ полѣ, ни въ Москвѣ. Ознакомившись съ церемоніаломъ, я обратилъ вниманіе на то, что хотя предсѣдатель Думы всюду поставленъ наравнѣ съ предсѣдателемъ г. Совѣта, — члены обѣихъ палатъ не уравнены. Члены г. Совѣта имѣютъ мѣсто на торжествахъ, члены Думы, даже товарищи предсѣдателя — нигдѣ не упомянуты.

Меня такое отношеніе къ народному представительству крайне возмутило и мое первое движеніе было отказаться отъ участія въ торжествахъ. Но меня убѣдили члены Думы, особенно изъ крестьянъ,

которые говорили: «Если не мы, такъ хотя бы предсѣдатель долженъ быть на этой великой годовщинѣ славы народной».

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній я рѣшился на слѣдующее: 26 августа ѣхать на Бородино и уклониться отъ другихъ церемоній. Причину своего отсутствія въ Москвѣ я объяснилъ Коковцеву и церемоніймейстеру барону Корфу. Послѣдній далъ мнѣ довольно характерный отвѣтъ: «Члены Думы не имѣютъ пріѣзда ко Двору», на что я возразилъ: «Это торжество народное, а не придворное, и не церемоніймейстеры спасли Россію, а народъ».

На Бородинскомъ полѣ Государь, проходя очень близко отъ меня, мелькомъ взглянулъ въ мою сторону и не отвѣтилъ мнѣ на поклонъ. Я понялъ, что причина его неблаговоленія ко мнѣ была снятіе съ повѣстки ассигнованія на церковно-приходскія школы и опять таки докладъ по Распутинскому дѣлу.

Послѣ Бородинкаго торжества повидимому было рѣшено въ правительственныхъ сферахъ принять самыя рѣзкія мѣры, чтобы при предстоящихъ выборахъ въ четвертую г. Думу прошли исключительно элементы, способные оказать слѣпую поддержку правительству. Въ этихъ цѣляхъ были использованы всевозможныя мѣры для «разъясненія» нежелательныхъ и непокорныхъ элементовъ.

Меня переизбрали въ предсѣдатели Г. Думы. Въ глупомъ положеніи оказались правые и націоналисты. Въ видѣ протеста противъ моего избранія они демонстративно вышли, желая показать, что не хотятъ слушать рѣчь предсѣдателя, который прошелъ лѣвыми голосами (кадеты клали за меня, благодаря этому я получилъ большинство. Соціалисты и трудовики, какъ всегда, уклонились отъ выборовъ). Часть правыхъ однако не совсѣмъ была послушна своимъ лидерамъ — они столпились у дверей, когда революціонная, по ихъ понятіямъ, часть Думы рукоплескала словамъ о выздоровленіи Наслѣдника, а они стояли молча. Даже самые лѣвые депутаты, какъ бы на зло имъ, кричали и апплодировали, какъ можно громче. Сконфуженные правые говорили потомъ, что если бы они знали, какая будетъ рѣчь, они конечно бы остались.

Всѣ газеты подхватили это происшествіе. Правая печать молчала.

Тотчасъ послѣ своего избранія я испросилъ аудіенцію у Государя. Государь встрѣтилъ меня съ нѣкоторымъ волненіемъ, причемъ, вопреки обычаю, пріемъ происходилъ стоя и продолжался всего двадцать минутъ.

Я сказалъ:

— Честь имѣю явиться, какъ вновь избранный предсѣдатель Г. Думы.

— Да, скажите, какъ это скоро случилось... — со смущеніемъ началъ Государь. — Я съ удовольствіемъ, Михаилъ Владиміровичъ, узналъ о вашемъ избраніи. Благодарю васъ за вашу прекрасную рѣчь. Такъ долженъ думать и чувствовать каждый русскій человѣкъ. Но отчего вы нашъ строй называете конституціоннымъ?

— Государь, вамъ угодно было великодушно призвать къ участію въ законодательныхъ работахъ представителей народа. Это участіе есть конституція и я не счелъ возможнымъ, хотя бы единымъ словомъ, идти противъ Державной воли вашего величества.

— Да, да, я теперь васъ понимаю. Но объясните мнѣ, почему ушли отъ вашей рѣчи правые и націоналисты? Какъ это было неумѣстно и непонятно, когда вы произносили вашу глубоко патріотическую рѣчь.

— Государь, они ждали другихъ словъ и, такъ сказать, авансомъ хотѣли протестовать и не участвовать въ «революціонныхъ выступленіяхъ», но смѣю васъ увѣрить, что несмотря на рядъ несправедливостей, которыя позволило себѣ правительство во время избирательной кампаніи, — въ Г. Думѣ или по крайней мѣрѣ въ ея большинствѣ революціоннаго настроенія нѣтъ. Моя рѣчь является вѣрнымъ отраженіемъ мыслей и чувствъ, царящихъ среди членовъ Думы. Такимъ образомъ уходомъ во время моей рѣчи націоналисты и правые поставили себя въ оппозиціонное положеніе: они не приняли участія въ воодушевленномъ порывѣ Думы, когда я предложилъ выразить вашему величеству чувство радости по поводу выздоровленія Наслѣдника Цесаревича, чѣмъ и были наказаны за свою безтактность.

— Императрица и я мы были очень тронуты вашими словами и я прошу васъ передать Думѣ нашу благодарность.

Черезъ два дня послѣ пріема я получилъ отъ министра Двора барона Фредерикса бумагу слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ. По всеподданнѣйшему докладу на ходатайство члена Г. Думы въ должности егермейстера Балашева отъ имени группы депутатовъ о счастьѣ представиться Государю Императору, послѣдовало принципіальное согласіе Его Императорскаго Величества на пріемъ членовъ Думы IV созыва по примѣру 1907 и 1908 г.г.

Сообщая вамъ о таковой Высочайшей волѣ, прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ списки тѣхъ изъ членовъ Г. Думы, которые заявили о желаніи имѣть счастье быть принятыми Его Императорскимъ Величествомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

Баронъ Фредериксъ.

27 ноября 1912 г.».

Оказалось, что націоналисты и правые, желая передъ Государемъ оправдать свое странное поведеніе, рѣшили просить представленія помимо предсѣдателя, какъ группа «вѣрноподданныхъ правыхъ». Государю это, видимо, не понравилось и онъ, не отвѣчая ничего Балашеву, направилъ отвѣтъ прямо предсѣдателю Думы.

Депутаты стали записываться на пріемъ. Самъ я поѣхалъ къ барону Фредериксу узнать, пожелаетъ ли Государь принять кадетъ. Баронъ мнѣ сказалъ, что Государь приметъ всѣхъ, кто захочетъ явиться, даже соціалистовъ. Многіе кадеты хотѣли ѣхать и въ ихъ фракціи

рѣшено было представить каждому свободу дѣйствія. Я очень старался склонить къ поѣздкѣ наибольшее число депутатовъ. Я долго уговаривалъ Милюкова (разговоръ происходилъ въ коридорѣ Маріинского театра на представленіи «Юдифи» съ Шаляпинымъ), но Милюковъ отказывался и подъ конецъ сказалъ: «Я боюсь, что видъ мой вызоветъ у Государя Императора слишкомъ непріятныя воспоминанія». Онъ, очевидно, намекалъ на выборгское воззваніе.

Такъ Милюковъ и не поѣхалъ, но было, всетаки, двадцать шесть кадетовъ, сорокъ четыре прогрессиста, поляки, бѣлорусско-литовское коло, мусульмане и безпартійные, всего отъ оппозиціи восемьдесятъ семь человѣкъ, а всѣхъ депутатовъ было триста семьдесятъ четыре изъ четыреста сорока человѣкъ общаго состава. Это знаменательно, такъ какъ до сихъ поръ ѣздило меньше, а кадеты ни разу на пріемъ, вообще, не ѣздили.

Государь встрѣтилъ депутатовъ очень любезно. Подалъ руку предсѣдателю и сталъ обходить депутатовъ, которые стояли по губерніямъ. Церемоніймейстеръ баронъ Корфъ называлъ ихъ по фамиліямъ, но Государь его остановилъ: «Мнѣ будетъ представлять депутатовъ предсѣдатель Думы, не безпокойтесь, баронъ». Съ каждымъ Государь о чемъ нибудь говорилъ, а съ правыми былъ даже какъ будто холоднѣе, чѣмъ съ другими.

Депутатъ Хвостовъ явился съ большимъ бантомъ союза русскаго народа, что даже не по этикету, такъ какъ нельзя на мундиръ надѣвать самодѣльные ордена и украшенія. Государь его спросилъ: «Что это за значекъ?», Хвостовъ отвѣтилъ: «Это знакъ принадлежности къ союзу русскаго народа».

Государь, отходя, тихо сказалъ, пожавъ плечами: «Странно». Послѣ чего Хвостовъ снялъ свой значекъ.

Когда Государь обошелъ всѣхъ, правые двинулись впередъ, чтобы его окружать, но Государь прошелъ въ центръ толпы и сказалъ нѣсколько словъ съ пожеланіями дружной и плодотворной работы и пожелалъ всѣмъ счастливо встрѣтить праздники.

V

Торжество по случаю 300-лѣтія Дома Романовыхъ. Изгнаніе Распутина изъ собора. Радко Дмитріевъ въ Петербургѣ.

Въ Думѣ начали упорно говорить, что Распутинъ опять появился въ Петербургѣ. Я получилъ бумагу изъ Царицына со многими подписями, въ которой просили принять мѣры и сообщали, что жителямъ Царицына извѣстно, будто Распутинъ находится у В. К. Саблера и снова бываетъ при дворѣ. Я послалъ эту бумагу Саблеру съ письмомъ, прося дать этимъ лицамъ исчерпывающій отвѣтъ. Саблеръ отвѣтилъ письменно довольно непріятнымъ тономъ, что Распутина онъ не видалъ и съ нимъ ничего общаго не имѣетъ. Вслѣдъ за его письмомъ ко мнѣ оффиціально пріѣхалъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ и заявилъ, что Государю Императору извѣстно, будто въ Думѣ готовятъ опять запросъ по поводу Распутина и что предсѣдатель этотъ запросъ поддерживаетъ. Государь поручилъ Маклакову

передать, что это ему не нравится и онъ не желаетъ, чтобы вопросъ о Распутинѣ вновь поднимался въ Думѣ. Я отвѣтилъ Маклакову, что ничего подобнаго нѣтъ, а что вѣроятно донесъ объ этомъ Саблеръ и разсказалъ ему о письмѣ изъ Царицына. Въ скоромъ времени на обѣдѣ у Коковцева я встрѣтился съ Саблеромъ и высказалъ ему свое негодованіе по поводу того, что онъ позволилъ себѣ извратить жалобу царицынскихъ гражданъ на присутствіе Распутина въ домѣ оберъ-прокурора Синода. Саблеръ былъ чрезвычайно сконфуженъ и въ замѣшательствѣ завѣрялъ, что я не такъ его понялъ. Съ своей стороны я предупредилъ Саблера, что буду имѣть всеподданнѣйшій докладъ по этому дѣлу. При первомъ же докладѣ я представилъ дѣло въ такомъ видѣ:

«Бью вашему величеству челомъ на оберъ-прокурора св. Синода въ томъ, что онъ преднамѣренно ввелъ васъ въ заблужденіе относительно петиціи царицынскихъ гражданъ, покрытой чуть ли не пятью стами подписей. Разъ жалоба касалась дѣйствій оберъ-прокурора, то вѣдь нормальный порядокъ требуетъ, чтобы это дѣло было передано первоисточнику, т. е. самому оберъ-прокурору — напрасно онъ на это жаловался вашему величеству. Что же касается второй стадіи дѣла, переданной мнѣ по высочайшему повелѣнію Н. А. Маклаковымъ, то здѣсь уже сплошной вымыселъ. Настроеніе Думы совершенно не вѣрно истолковано: о Распутинѣ разговоры въ Думѣ затихли, никакихъ запросовъ о немъ не предполагается дѣлать и поэтому я считаю, что г. оберъ-прокуроръ св. Синода просто наклеветалъ на меня, въ какихъ цѣляхъ — мнѣ, конечно, не извѣстно».

Государь, внимательно выслушавъ мой докладъ, вполнѣ согласился съ моими доводами.

На томъ же докладѣ я воспользовался милостивымъ расположеніемъ Государя и доложилъ ему дѣло о священникѣ Дмитріевѣ.

Священникъ Дмитріевъ, членъ Г. Думы III созыва, за свою принадлежность къ партіи октябристовъ, послѣ окончанія сессіи подвергся преслѣдованіямъ екатеринославскаго архіерея Агапита. Послѣдній лишилъ его мѣста, отстранилъ его отъ преподаванія въ гимназіи. Несчастный священникъ остался безъ куска хлѣба, на рукахъ бывшихъ прихожанъ, которые содержали его изъ милости, и терпѣлъ преслѣдованія. Я ходатайствовалъ о возстановленіи священника Дмитріева во всѣхъ правахъ. Государь записалъ это все въ книжку, обѣщалъ удовлетворить ходатайство, что дѣйствительно и совершилось.

Несмотря на то, что при докладѣ пришлось затронуть щекотливый вопросъ о Распутинѣ, аудіенція окончилась милостиво и, когда я попросилъ позволенія при Романовскихъ торжествахъ сказать привѣтственное слово, его Величество разрѣшилъ мнѣ это *).

Торжества назначены были въ февралѣ. Въ то время въ Думѣ стали ходить слухи, будто Государственный Совѣтъ намѣревается преподнести Императорской семьѣ икону. Провѣривъ этотъ слухъ, члены Думы рѣшили, что и они не должны отстать отъ Г. Совѣта.

***) Никакихъ рѣчей на этихъ торжествахъ, согласно церемоніалу, не должно было быть.**

Я собралъ сеньоренъ-конвентъ, на которомъ согласились, что Дума должна преподнести икону Царской семьѣ. Былъ командированъ Щепкинъ, секретарь предсѣдателя Думы, въ Москву къ профессору Остроухову, который указалъ на чудный, рѣдкій старинный образъ. Тотъ же Остроуховъ предложилъ купить старинный платъ, на которомъ изображена встрѣча Михаиломъ Феодоровичемъ своего отца Филарета Никитича, въѣзжающаго въ Москву. Платъ этотъ длиной въ двадцать четыре аршина изъ бѣлаго холста, по которому шелками вышиты процессіи бояръ и боярынь въ разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ костюмахъ, рынды съ оружіемъ, Филаретъ, выходящій изъ колымаги, крестьяне съ хлѣбомъ-солью, Михаилъ Феодоровичъ, простирающійся ницъ передъ отцомъ; вдали Москва, Кремль и купола церквей, а надъ всѣмъ этимъ Пресвятая Троица и ангелы, трубящіе славу. Купили подъ старинный рисунокъ парчу и сдѣлали два футляра. Они перевязывались длинными золотыми шнурами, на концахъ которыхъ висѣли старинные орлы съ драгоцѣнными камнями и золотыя кисти. Все вышло очень красиво и подходило къ случаю. Дума одобрила и согласилась пополнить излишекъ истраченной суммы.

Въ день открытія Романовскихъ торжествъ, которыя начались съ литургіи и молебна въ Казанскомъ соборѣ, которые совершалъ патріархъ Антіохійскій въ облаченіи, пожалованномъ ему Государемъ, мнѣ сообщили, что Г. Думѣ отведено неподходящее ея достоинству мѣсто. Дѣйствительно, оказалось, что Г. Дума была поставлена далеко сзади не только Г. Совѣта, но и Сената. Если Романовскія торжества должны были носить характеръ народнаго празднества, то нельзя было забывать, что въ 1613 году народъ въ лицѣ земскаго собора, а не группа сановниковъ избрала Царемъ Михаила Феодоровича Романова.

Я указалъ на это оберъ-церемоніймейстерамъ барону Корфу и графу Толстому и послѣ непріятнаго спора добился того, что Сенатъ долженъ былъ уступить намъ свое мѣсто и былъ отодвинутъ значительно вглубь собора. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я вышелъ на паперть отдохнуть, такъ какъ до пріѣзда членовъ Думы было достаточно времени. Долженъ оговориться: чтобы упрочить «занятую позицію», я оцѣпилъ мѣста депутатовъ наличнымъ составомъ приставовъ Г. Думы. Не прошло и десяти минутъ, какъ за мной прибѣжалъ взволнованный старшій приставъ баронъ Ферзенъ и доложилъ, что не взирая на протесты его и его помощника, какой то человѣкъ въ крестьянскомъ платьѣ и съ крестомъ на груди всталъ впереди Г. Думы и не хочетъ уходить. Догадавшись, въ чемъ дѣло, я направился въ соборъ къ нашимъ мѣстамъ и тамъ, дѣйствительно, засталъ описанное барономъ Ферзеномъ лицо. Это былъ — Распутинъ. Одѣтъ онъ былъ въ великолѣпную темно-малиноваго цвѣта шелковую рубашку косоворотку, въ высокихъ лаковыхъ сапогахъ, въ черныхъ суконныхъ шароварахъ и такой же черной поддевкѣ. Поверхъ платья у него былъ наперсный крестъ на золотой художественной цѣпочкѣ. Подойдя къ нему вплотную, я внушительнымъ шопотомъ спросилъ его: «Ты зачѣмъ здѣсь?» Онъ на меня бросилъ нахальный взглядъ и отвѣчалъ: «А тебѣ какое дѣло?»

«Если ты будешь со мною говорить на «ты», то я тебя сейчасъ же за бороду выведу изъ собора. Развѣ ты не знаешь, что я предсѣдатель Г. Думы».

Распутинъ повернулся ко мнѣ лицомъ и началъ бѣгать по мнѣ глазами: сначала по лицу, потомъ въ области сердца, а потомъ опять взглянулъ мнѣ въ глаза. Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній.

Лично я совершенно не подверженъ дѣйствію гипноза, испыталъ это много разъ, но здѣсь я встрѣтилъ непонятную мнѣ силу огромнаго дѣйствія. Я почувствовалъ накипающую во мнѣ чисто животную злобу, кровь отхлынула мнѣ къ сердцу и я сознавалъ, что я мало по малу прихожу въ состояніе подлиннаго бѣшенства.

Я въ свою очередь началъ прямо смотрѣть въ глаза Распутину и, говоря безъ каламбуровъ, чувствовалъ, что мои глаза вылѣзаютъ изъ орбитъ. Вѣроятно, у меня оказался довольно страшный видъ, потому что Распутинъ началъ какъ то ежиться и спрашивалъ: «Что вамъ нужно отъ меня?»

«Чтобы ты сейчасъ убрался отсюда, гадкій еретикъ, тебѣ въ этомъ святомъ домѣ нѣтъ мѣста».

Распутинъ нахально отвѣчалъ: «Я приглашенъ сюда по желанію лицъ болѣе высокихъ, чѣмъ вы» — и вытащилъ при этомъ пригласительный билетъ.

«Ты извѣстный обманщикъ, — возразилъ я, — вѣрить твоимъ словамъ нельзя. Уходи сейчасъ вонъ, тебѣ здѣсь не мѣсто»...

Распутинъ искоса взглянулъ на меня, звучно опустился на колѣни и началъ бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнулъ его въ бокъ и сказалъ: «Довольно ломаться. Если ты сейчасъ не уберешься отсюда, то я своимъ приставамъ прикажу тебя вынести на рукахъ».

Съ глубокимъ вздохомъ и со словами: «О, Господи, прости его грѣхъ», Распутинъ тяжело поднялся на ноги и, метнувъ на меня злобный взглядъ, направился къ выходу. Я проводилъ его до западныхъ дверей, гдѣ выѣздной казакъ подалъ ему великолѣпную соболью шубу, усадилъ его въ автомобиль и Распутинъ благополучно уѣхалъ.

Этотъ эпизодъ былъ разсказанъ гораздо позже лѣтомъ 1913 года самимъ Распутинымъ члену Думы Ковалевскому, который случайно ѣхалъ съ нимъ въ одномъ поѣздѣ. Распутинъ началъ съ того, что бранилъ меня и спрашивалъ, за что члены Думы любятъ своего предсѣдателя, а потомъ сказалъ: «Онъ не хорошій человѣкъ. Вы знаете, что онъ сдѣлалъ во время торжествъ? Онъ меня даже изъ Казанскаго собора выгналъ, а не спросилъ, что самъ Царь сказалъ мнѣ, чтобы я тамъ былъ».

Ковалевскій, разсказывая мнѣ объ этой встрѣчѣ, добавилъ: «Я, признаться, не вѣрилъ вамъ, думалъ, что вы прихвастнули, когда говорили, что выгнали его изъ храма».

На поздравленіи во дворцѣ, гдѣ присутствовала вся Дума, я сказалъ свое привѣтственное слово и поднесъ икону и платъ, который держали развернутымъ за мной товарищи предсѣдателя. Особенно же

знаменательно казалось то, что никто не говорилъ привѣтствій, такъ какъ официально было заявлено, что рѣчей не будетъ*).

Балканская война съ Турціей была въ полномъ разгарѣ. Въ Думѣ съ большимъ вниманіемъ и воодушевленіемъ слѣдили за геройской борьбой славянъ за свободу. Сочувствіе къ нимъ было полное. Оно росло одновременно съ негодованіемъ на промахи нашей дипломатіи и въ особенности на министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова, который, по мнѣнію Думскихъ круговъ, заставлялъ Россію играть ничтожную роль въ международныхъ событіяхъ. Чувство всеобщаго недовольства и національной обиды кромѣ Думы высказывалось и въ газетахъ всѣхъ направленій.

Въ мартѣ 1913 года въ Петербургъ пріѣхалъ болгарскій герой этой войны Радко Дмитріевъ и предсѣдатель болгарскаго народнаго собранія. Ихъ встрѣчали славянскія общества, толпа молодежи, многіе члены Думы и устроили имъ овацію на вокзалѣ. Кажется, на другой день ихъ пріѣзда получено было извѣстіе, что Адріанополь взятъ. Въ Думѣ это произвело огромное впечатлѣніе. Засѣданіе было прервано, начали кричать «ура», потребовали молебна и послали нѣкоторыхъ депутатовъ привезти въ Думу Радко Дмитріева, Данева и болгарскаго посланника Бобчева.

Когда они пріѣхали, ихъ поднимали на «ура», обнимали, цѣлова-

---

*) Рѣчь Родзянки: „Тому назадъ три вѣка, когда казалось, что русскому царству настaлъ конецъ, велѣніемъ Небеснаго Промысла и Божьимъ благословеніемъ былъ призванъ на царство единодушнымъ голосомъ народа Державный предокъ вашъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ.

Вдохновенный единеніемъ со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ, подъ сѣнью святой православной Церкви, русскій народъ грудью защитилъ родную землю отъ дерзновенныхъ на нее вражьихъ посягательствъ. Великъ былъ тогда Царскій подвигъ — великъ и сегодняшній торжественный день.

Три вѣка славнаго царствованія Дома Романовыхъ свидѣтельствуютъ, что подъ скипетромъ державныхъ преемниковъ перваго Царя нынѣ царствующаго Дома, святая Русь стойко пережила всѣ посылаемыя ей испытанія, росла, крѣпла, ширилась и достигла современнаго своего величія.

Любвеобильное сердце русскихъ Царей всегда радостно билось радостями и успѣхомъ отечества и преисполнялось тяжкой скорбью въ годину бѣдствій и смутъ. Благо россійскаго Государя было народнымъ благомъ, печаль его была народной печалью и русскій народъ, какъ триста лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, благоговѣйно чтитъ и беззавѣтно любитъ своего Царя. Великій Государь, обширны царственные труды и заботы ваши о благѣ народа и неустанно ваше о немъ попеченіе. Вѣря, какъ и встарь, что могущество Родины въ тѣсномъ единеніи Царя со своимъ народомъ, вѣря въ его государственный разумъ, вы призвали къ законодательному строительству людей, избранныхъ отъ населенія. И народные избранники, члены Г. Думы, одушевленные Монаршимъ довѣріемъ, безгранично счастливы лично повергнуть передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшія поздравленія по случаю высокознаменательнаго праздника русскаго государства.

Примите же, Государь, эту святую икону Христа Спасителя какъ благословеніе народное, какъ видимый знакъ тѣхъ горячихъ молитвъ, которыя сегодня возносятся во всѣхъ уголкахъ Россіи о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и всей Царствующей Семьи.

Да благословитъ васъ Всевышній, да сохранитъ Онъ подъ небеснымъ Покровомъ своего Помазанника на счастье и радость всей русской земли“.

ли. Воодушевленіе было полное, всеобщее, безъ различія партій, забыли и личные счеты, пожимали руки и поздравляли лругъ друга съ общеславянской радостью. Славяне были тронуты до слезъ. Молебенъ служили священники, члены Думы, въ Екатерининскомъ залѣ. Хоръ составился изъ депутатовъ подъ моимъ управленіемъ. Пѣли гимнъ и «Шуми Марица». Въ самый разгаръ этого энтузіазма я былъ вызванъ къ телефону предсѣдателемъ совѣта министровъ Коковцевымъ:

— Что у васъ дѣлается въ Думѣ? Нельзя ли прекратить эти манифестаціи.

Я отвѣтилъ:

— Это невозможно, подъемъ народнаго чувства остановить нельзя. Но зачѣмъ вамъ это нужно?

— Помилуйте, Михаилъ Владиміровичъ, это можетъ не понравиться Австріи и создать непріятныя осложненія.

— Попробуйте, пріѣзжайте и постарайтесь остановить это воодушевленіе сами. Я не могу...

Оказалось, что дѣйствительно о манифестаціи узнали въ австрійскомъ посольствѣ и сдѣлали представленіе предсѣдателю совѣта министровъ.

На другой день у меня былъ большой обѣдъ съ болгарскими гостями: Бобчевымъ, Даневымъ и Радко Дмитріевымъ и раутъ, къ которому собралось 60 членовъ Думы, лидеры всѣхъ партій, бюро фракціи октябристовъ и видные октябристы. Вечеръ прошелъ очень оживленно. Всѣ окружили Радко Дмитріева, который охотно разсказывалъ про войну и положеніе дѣлъ на Балканахъ. Всѣхъ поразилъ тактъ и спокойствіе славянъ: они ни слова, ни намека не сказали о нашей дипломатіи и даже не очень возмущались Австріей, хотя не скрывали, что ей не довѣряютъ.

За обѣдомъ я сказалъ имъ приблизительно слѣдующее:

«Я поднимаю бокалъ за геройскіе славянскіе народы, которые удивили весь міръ своей необычайной побѣдоносной войной. Всѣ мы слѣдимъ съ напряженіемъ за геройскимъ шествіемъ во имя креста и свободы. Но съ такимъ же напряженіемъ и волненіемъ ждемъ мы окончанія этой войны. Вѣдь мало окончить побѣдоносно войну. Въ ея благополучномъ исходѣ я ни минуты не сомнѣваюсь, видя геройство вождей братскихъ намъ войскъ и безграничную отвагу ея воиновъ. Сомнѣній быть не можетъ. Турція будетъ побѣждена. Однако, результаты всякой кампаніи оцѣниваются въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности не успѣшными и блестящими военными дѣйствіями, но успѣшнымъ завершеніемъ войны, мирнымъ договоромъ. По этому поводу позвольте вамъ отъ имени вашей старшей сестры Россіи дать добрый совѣтъ: храните миръ между собой, между союзниками и соратниками. Да не ослѣпятъ васъ ратныя побѣды и да не возбудятъ онѣ между вами опасной и нежелательной ревности къ содѣяннымъ подвигамъ. Нѣтъ ничего опаснѣе этого пути. Поэтому мы, ваши братья, ликующіе о бранныхъ побѣдахъ славянства, молимъ васъ всѣ силы ума и воли напречь для предупрежденія междуусобныхъ треній, опасныхъ для достиженія блестящаго конца войны. Я провозглашаю гром-

кую здравицу за побѣдоносныхъ братьевъ-славянъ, въ дружномъ союзѣ отважно побѣждающихъ общаго врага, и за то, чтобы ихъ братское сердечное единеніе росло и крѣпло и послужило основаніемъ и для дальнѣйшаго сплоченія братско-славянской семьи».

Переглянувшись съ другими, Радко Дмитріевъ всталъ и отвѣтилъ слѣдующее: «Вы правильно называете насъ младшими братьями. Славянскіе народы всегда съ уваженіемъ, съ братской любовью смотрѣли на Россію, отъ которой ждали нравственной поддержки и помощи. Благодаря великодушію русскихъ братьевъ, славяне были вызваны къ исторической жизни и они никогда не могутъ забыть всѣхъ великихъ благодѣяній, которыя на нихъ сыпала великая Россія. Теперь, въ нашей первой самостоятельной борьбѣ съ исконнымъ врагомъ, мы съ вѣрой и упованіемъ смотримъ на старшаго брата и просимъ, чтобы онъ отстранилъ всѣ чуждыя, вредныя вліянія. Россія должна оказать намъ содѣйствіе тѣмъ, чтобы своею мощной рукою предотвратить всякую возможность возникновенія недоразумѣній между славянами. Мощною же рукою она должна пресѣчь эти недоразумѣнія, если бы онѣ возникли. Только великая Россія имѣетъ право вмѣшиваться и только Россіи подчинятся славянскіе народы».

Сказалъ онъ это глубоко взволнованнымъ голосомъ. Послѣ обѣда, бесѣдуя, славяне говорили: «Вы не представляете себѣ, какъ велико обаяніе Россіи на Балканахъ, съ какимъ довѣріемъ и съ какой надеждой славяне смотрятъ на Россію, какъ боятся ее въ Европѣ. Теперь или никогда Россія должна себя показать». На это пришлось имъ отвѣтить: «Вы видите отношеніе къ вамъ общества и печати, вы видѣли энтузіазмъ народныхъ представителей, а дальше мы ничего сказать не можемъ, ни за что поручиться».

Радко Дмитріевъ отозвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ: «Я пріѣхалъ съ секретной миссіей повергнуть къ стопамъ Его Величества Константинополь. Какъ мнѣ быть, какъ говорить съ Государемъ?»

Я отвѣтилъ ему:

— Говорите ему прямо. Онъ любитъ правду и это, во всякомъ случаѣ, будетъ вѣрнѣе. Я со своей стороны полагаю, что до вашего представленія Государю было бы полезно мнѣ испросить спеціальный докладъ.

Радко Дмитріевъ благодарилъ и просилъ это исполнить.

Хотѣлось вѣрить и вѣрилось, что Россія скажетъ твердое слово, побѣдно двинется на югъ и поддержитъ славянскіе народы. Какъ оказалось потомъ, все это были пустыя надежды.

16 марта по поводу паденія Адріанополя происходили славянскія манифестаціи на улицахъ. Славянское общество устроило торжественную обѣдню съ шереметьевскими пѣвчими въ храмѣ Воскресенья. При выходѣ Радко Дмитріевъ былъ поднятъ на «ура». Огромная толпа вышла на Невскій проспектъ съ пѣніемъ «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица». Потомъ направилась къ болгарскому посольству. Бобчевъ вышелъ на балконъ и сказалъ рѣчь, которую закончилъ словами: «Да здравствуетъ великая Россія». Толпа отвѣтила болгарскимъ и русскимъ гимнами. Затѣмъ толпа, еще возросшая, отправилась къ сербскому посольству. Сербскій посолъ тоже вышелъ на балконъ, но не

успѣлъ онъ сказать нѣсколько словъ, какъ налетѣли конные городовые и начали избивать толпу. Никакія указанія на то, что толпа мирная и поетъ «Боже, Царя храни», не помогали. Полиція, очевидно, получившая опредѣленное приказаніе, усердно дѣлала свое дѣло. Особенно она охраняла министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова, около дома котораго было два эскадрона конныхъ жандармовъ, и австрійское посольство, къ которому толпа и не думала направляться. Да и состояла толпа изъ серьезныхъ и благонамѣренныхъ людей: были офицеры, дамы общества, сенаторы, чиновники. Говорятъ даже, что полиція избила какого то сенатора.

Въ тотъ же день происходилъ обѣдъ у министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова.

— Входя къ вамъ, я былъ пріятно пораженъ, — сказалъ я Сазонову, — я счастливъ видѣть, что наша дипломатія наконецъ стоитъ на правильной почвѣ.

— Почему? — удивился Сазоновъ.

— Вы начали вооружаться на помощь славянамъ: у васъ во дворѣ два эскадрона солдатъ.

На другой день въ Думѣ былъ запросъ по поводу избіенія полиціей манифестантовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ далъ совершенно неудовлетворительное объясненіе въ извиненіе полиціи, но два послѣдующіе дня повторили то же самое. Самъ градоначальникъ Драчевскій пріѣхалъ въ автомобилѣ разгонять толпу, которая пѣла: «Боже, Царя храни». Изъ толпы ему начали кричать: «Поютъ гимнъ, извольте встать, встать». Онъ нехотя всталъ и приложилъ руку къ козырьку. Настроеніе общества, все-таки, безпокоило министерство и Сазоновъ рѣшилъ дать кое-какія объясненія. Онъ позвалъ членовъ Думы на «чашку чая», причемъ раздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи: правыхъ и лѣвыхъ, и принялъ въ разные дни.

Разъясненій Сазоновъ въ сущности никакихъ не далъ и только кадеты остались довольны и газета «Рѣчь» его расхвалила.

VI

Интриги правыхъ. Бойкотъ Думы. На открытіи памятника Столыпина. Епископъ Агапитъ. Предупрежденія А. И. Гучкова.

Съ самаго начала сессіи въ Думѣ сталъ чувствоваться разладъ. Правительство было разочаровано, что несмотря на всѣ старанія при выборахъ, Дума вышла не такого направленія, какъ оно ожидало. Надѣялись на большинство правыхъ, этого не оказалось и даже президіумъ былъ выбранъ лѣвымъ большинствомъ. Чѣмъ дальше шли событія, тѣмъ болѣе враждебнымъ становилось правительство по отношенію къ Думѣ. Славянскія манифестаціи, критика дѣйствій правительства, строгая отповѣдь Думы Сухомлинову по поводу незаконнаго измѣненія устава Военно-медицинской Академіи, который даже Сенатъ отказался распубликовать, — все это раздражало и стали носиться упорные слухи о желаніи правительства «разогнать» Думу. Князь Мещерскій (издатель крайняго праваго органа «Гражданинъ»)

писалъ громоносныя статьи противъ Думы и ея предсѣдателя. Всѣ знали, что его «Гражданинъ» единственная газета, которую читаетъ Государь, и можно было думать, что курсъ политики зависитъ отъ вліянія этого оплаченнаго публициста. Все это очень удручало членовъ Думы. Со стороны правительства видно было желаніе, если не активными дѣйствіями, то хотя бы изморомъ убить Думу. Несмотря на громкія обѣщанія внести новые законопроекты, правительство упорно ничего не дѣлало и на долю Думы оставались только запросы и бюджетъ. Причемъ даже справки, необходимыя для бюджетной комиссіи, и тѣ задерживались министерствами. Члены Думы праваго крыла, обиженные тѣмъ, что они оказались въ меньшинствѣ, и не гласно поддерживаемые правительствомъ, стали интриговать противъ большинства Думы. Они собрались на засѣданіе соединенныхъ монархическихъ организацій, на повѣсткѣ котораго первымъ номеромъ стояло о необходимости разгона IV-ой Думы. Это они старались сдѣлать тайно, но, конечно, все стало извѣстно, а повѣстка цѣликомъ была напечатана въ «Вечернемъ Времени» и въ другихъ газетахъ. Отсутствіе крѣпкаго сплоченнаго большинства въ самой Думѣ, неопредѣленное положеніе, волнующее ожиданіе роспуска, безплодная работа — на важнѣйшіе запросы и законопроекты не было отклика въ правительствѣ, — все это не могло не отражаться на настроеніи Думы.

На Страстной недѣлѣ я поѣхалъ съ докладомъ къ Государю. Встрѣченъ былъ, какъ всегда, любезно, но долженъ былъ сообщить много непріятныхъ фактовъ. По поводу устава военно-медицинской академіи и запроса Думы указалъ на незакономѣрность дѣйствій военнаго министра Сухомлинова, который отвѣтственность своего поступка свалилъ на Высочайшую власть.

Я сказалъ:

— Вамъ неправильно доложили дѣло, Ваше Величество, давъ вамъ подписать утвержденіе устава въ порядкѣ верховнаго управленія, тогда какъ по закону онъ долженъ былъ пройти черезъ законодательныя палаты.

Государь на это ничего не отвѣтилъ.

По поводу дѣйствій полиціи во время манифестаціи я сказалъ объ оскорбленномъ народномъ чувствѣ и всеобщемъ недовольствѣ, которое не скоро забудется. Государь какъ будто бы соглашался, находя дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ неосторожными.

Я сказалъ также и о внѣшней политикѣ, о недовольствѣ всѣхъ тѣмъ, что русская дипломатія своей нерѣшительностью заставляетъ играть Россію унизительную роль. Я совѣтовалъ дѣйствовать рѣшительно. Съ одной стороны двинуть войска на Эрзерумъ, съ другой идти на Константинополь. Я нѣсколько разъ повторялъ:

— Ваше Величество, время еще не упущено. Надо воспользоваться всеобщимъ подъемомъ, проливы должны быть наши. Война будетъ встрѣчена съ радостью и подниметъ престижъ власти.

Государь упорно молчалъ.

Говоря объ административномъ произволѣ, я разсказалъ подробно фактъ преданія суду предсѣдателя черниговской губернской управы Савицкаго, всѣми уважаемаго земскаго дѣятеля, за побѣгъ полити-

ческаго арестанта. Его предалъ суду Н. А. Маклаковъ, въ бытность свою черниговскимъ губернаторомъ. Цѣль этого преданія суду болѣе чѣмъ ясна, такъ какъ по закону лица, находящіяся подъ слѣдствіемъ или судомъ, лишены какъ активныхъ, такъ и пассивныхъ избирательныхъ правъ, а бывшій тогда губернаторомъ Маклаковъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ Савицкимъ. Предлогъ для преданія суду не можетъ считаться основательнымъ, такъ какъ былъ только побѣгъ изъ земской больницы политическаго арестанта. Если виноватымъ оказался не завѣдующій палатой врачъ, а предсѣдатель управы, то по преемственности власти такимъ же образомъ можно считать виновникомъ сначала губернатора, а затѣмъ и министра, тѣмъ болѣе, что это тотъ же Маклаковъ, который былъ тогда губернаторомъ.

Государь на это замѣтилъ:

— Да, вы правы.

Подъ конецъ сессіи Думы произошелъ небольшой инцидентъ, самъ по себѣ не важный, но чреватый послѣдствіями. Марковъ 2-ой по поводу смѣты министерства финансовъ вздумалъ сказать: «Красть нельзя». Предсѣдательствовавшій князь Волконскій не нашелся его своевременно остановить, а министръ финансовъ Коковцевъ принялъ оскорбленіе на свой счетъ и объявилъ, что Дума вся виновата, если не реагировала на слова депутата, и должна извиниться передъ правительствомъ и что «пока это не будетъ исполнено предсѣдателемъ Думы, министры не будутъ посѣщать Думу».

Дума рѣшила, что она не отвѣтственна за слова одного депутата и я никакихъ извиненій приносить не намѣревался. Все это, и рѣзкія слова праваго депутата по отношенію къ правительству, и неожиданная обидчивость министровъ — похоже было на провокацію. Сначала надъ этимъ смѣялись, но потомъ создалось невозможное положеніе; вслѣдствіе отсутствія министровъ работа въ комиссіяхъ совершенно затормозилась. Для разъясненія по бюджету пріѣзжали даже не товарищи министровъ, а какіе то дѣлопроизводители и предсѣдатель бюджетной комиссіи Алексѣенко отказывался ихъ выслушивать.

При докладѣ въ концѣ іюня 1913 года въ Петергофѣ послѣ роспуска Думы я опять говорилъ Государю о внѣшней политикѣ, настаивалъ на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, а потомъ сказалъ о министрахъ:

— Ваше Величество, министры не являются въ Думу, не желаютъ принимать участія въ законодательной работѣ. Вѣдь это можетъ породить въ народѣ нѣсколько озорную мысль.

— Какую?

Да ту, что можно и безъ нихъ обойтись.

На это Государь сказалъ:

— Къ осени они одумаются.

Осенью 1913 года мы отправились въ Кіевъ на торжество открытія памятника П. А. Столыпину. Характерно при этомъ, что элементы,

относившіеся враждебно или недоброжелательно къ Думѣ, вообще и въ частности къ ея предсѣдателю, воспользовались этой поѣздкой, чтобы высказать свое отрицательное къ нимъ отношеніе. Такъ напримѣръ, мнѣ было предоставлено въ оффиціальномъ поѣздѣ самое неудобное отдѣленіе. По пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ никто меня не встрѣтилъ, квартиры отведено не было и мѣстный губернаторъ позволилъ себѣ нѣсколько неудобныхъ и даже рѣзкихъ выходокъ. Съ другой стороны широкіе общественные круги наперерывъ старались оказать представителямъ Думы подобающее вниманіе.

На закладкѣ зданія губернской земской управы у меня произошелъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ слѣдующій разговоръ. Я подошелъ къ Коковцеву, который стоялъ въ сторонѣ, и сказалъ ему:

— Ну что же, Владиміръ Николаевичъ, вы кончите бойкотъ Думы? Есть надежда, что вы осенью будете въ Думѣ.

— Пока Дума не извинится — всѣ мы рѣшили туда не ѣздить.

— Я долженъ вамъ сказать, что на моемъ послѣднемъ докладѣ Государь выразилъ надежду, что вы одумаетесь къ осени.

Черезъ нѣсколько дней въ газетѣ «Русское Слово» появился этотъ разговоръ съ явнымъ желаніемъ выставить меня въ каррикатурномъ видѣ. Тутъ же было сказано, что Коковцевъ въ скоромъ времени ѣдетъ съ докладомъ въ Ливадію. Такъ какъ во время разговора съ Коковцевымъ никого рядомъ не было, я понялъ, что напечаталъ это самъ Коковцевъ. Цѣль его, вѣроятно, была та, чтобы отвезти эту вырѣзку Государю Императору и указать ему, какъ легко предсѣдатель Думы обращается со словами Государя Императора и даже позволяетъ себѣ печатать о нихъ въ довольно лѣвой газетѣ.

Прочитавъ эту замѣтку, я напечаталъ опроверженіе, въ которомъ сказалъ, что разговоръ происходилъ съ глазу на глазъ и въ совершенно другихъ выраженіяхъ, а потому объ авторѣ этой замѣтки сомнѣній быть не можетъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ мнѣ былъ представленъ порядокъ рѣчей. Изъ членовъ Думы былъ назначенъ только Балашевъ. Поспѣшность, съ которой былъ представленъ этотъ списокъ, обнаруживала желаніе помѣшать мнѣ или кому нибудь другому говорить рѣчь. Оскорбленные октябристы рѣшили не говорить рѣчей и Гучковъ, возлагавшій вѣнокъ, молча до земли поклонился памятнику. Это краснорѣчивое молчаніе какъ то еще больше выражало чувство скорби по поводу смерти Столыпина.

Послѣ кіевскихъ торжествъ вмѣстѣ съ членами Думы, которые ѣхали осматривать пороги, въ связи съ предстоящей ассигновкой на шлюзованіе Днѣпра, я пріѣхалъ на пароходѣ въ Екатеринославъ.

Населеніе при остановкахъ парохода привѣтствовало своихъ избранниковъ членовъ Г. Думы. Такъ напримѣръ, въ Кременчугѣ чуть ли не весь городъ пришелъ къ пристани. Городской Голова принесъ хлѣбъ-соль и сказалъ прочувствованную рѣчь. Такія встрѣчи устраивались даже въ селахъ, а представители сельскихъ обществъ привѣтствовали путешественниковъ безхитростными, но очень задушевными рѣчами.

На раутѣ у екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства князя Урусова у меня произошелъ интересный разговоръ съ архіепископомъ Агапитомъ*).

При выборахъ въ IV Думу Агапитъ принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи противъ октябристовъ, а послѣ выборовъ съ амвона произнесъ обличительную рѣчь, въ которой сказалъ:

— Кого выбираете? Октябрей христопродавцевъ!

На раутѣ я естественно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, но Агапитъ самъ подошелъ и сказалъ:

— Позвольте, Михаилъ Владиміровичъ, васъ благословить въ знакъ примиренія. Я знаю, что вы на меня сердитесь.

— Нѣтъ, владыко, отъ васъ благословенія не приму. Вы меня жестоко оскорбили во время выборовъ, а послѣ называли насъ даже «христопродавцами».

— Не васъ, не лично васъ, Михаилъ Владиміровичъ, — вставилъ Агапитъ, прижимая руки къ груди.

— Это безразлично: меня или тѣхъ, за кого я стою. Вы оскорбили октябристовъ, значитъ, и меня. Хотя я, быть можетъ, болѣе православный, чѣмъ многіе изъ вашихъ священниковъ, особенно тѣхъ неучей, которымъ вы такъ щедро раздаете приходы. Вспомните, когда я пріѣхалъ въ Екатеринославъ въ прошломъ году, я явился тотчасъ же къ вамъ, уважая вашъ санъ. Право, вы сдѣлали бы гораздо лучше, если бы бросили заниматься политикой. Ваше мѣсто въ церкви и вы должны любовью привлекать ея членовъ, какъ добрый пастырь, а не сѣять раздоры обличительными рѣчами и указаніями священникамъ, кого они должны выбирать. Оставьте священниковъ быть пастырями. Чего вы этимъ достигли? Вы уничтожили послѣднее уваженіе, которое было къ сану священника.

— Простите, Михаилъ Владиміровичъ, — сказалъ смущенный Агапитъ.

— Вы можете говорить «простите», но я забыть не могу. Я не искалъ съ вами встрѣчи, вы сами подошли ко мнѣ. Я сдерживалъ то, что во мнѣ накипѣло, но теперь я молчать не могу. Я долженъ вамъ высказать все мое негодованіе. Вспомните, что вы говорили мнѣ, когда я къ вамъ явился. Я не просилъ вашей поддержки, вы сами увѣряли меня, что вы считаете октябристовъ надежными православными людьми. Вы говорили мнѣ и всѣмъ постоянно, что я вашъ ставленникъ. А что же мы видимъ послѣ выборовъ? Вы не можете отрицать, что духовенство было использовано противъ насъ.

— Позвольте, Михаилъ Владиміровичъ, — попробовалъ вставить Агапитъ.

Но я, сильно взволнованный, не далъ ему говорить.

— Никто васъ не заставлялъ высказывать свое мнѣніе. Зачѣмъ было кривить душой, зачѣмъ до выборовъ говорить одно, а дѣлать другое. Чего вы этимъ достигли? Вы только унизили свой санъ, а также и все духовенство въ глазахъ избирателей.

---

*) Этотъ епископъ впослѣдствіи въ дни революціи произнесъ на молебнѣ слово Петлюрѣ послѣ его вступленія въ Кіевъ передъ большевиками.

Тутъ подали шампанское и Агапитъ, взявъ бокалъ, сказалъ:

— За ваше здоровье, Михаилъ Владиміровичъ, и за нашу слѣдующую болѣе дружескую встрѣчу.

— Я готовъ выпить за ваше здоровье, — сказалъ я, — а встрѣтимся мы должно быть на томъ свѣтѣ и я могу съ увѣренностью сказать, что за тѣ слова, которыя я вамъ сказалъ сегодня, я Богу не отвѣчу.

Мы чокнулись и я отошелъ.

Во время разговора Агапитъ производилъ впечатлѣніе провинившагося школьника, который старается какъ нибудь оправдаться передъ старшими. Объ разговорѣ узнали въ Екатеринославѣ. Большинство радовалось, что Агапиту «досталось» за его постыдную дѣятельность, нѣкоторые же осуждали меня.

На другой день я поѣхалъ къ князю Урусову извиниться, что рѣзко говорилъ съ его гостемъ въ его домѣ и очень былъ удивленъ услышать отъ него, что Агапитъ, уѣзжая, благодарилъ хозяина, особенно за то, что ему удалось «такъ хорошо поговорить съ Михаиломъ Владиміровичемъ».

Результатомъ этого разговора было то, что назначеніе въ епархіи малограмотныхъ священниковъ рѣзко пріостановилось и, вообще, всѣ замѣтили, что Агапитъ сталъ гораздо скромнѣе.

По открытіи Думы вновь возникъ вопросъ о забастовкѣ министровъ. Передъ открытіемъ я поѣхалъ къ Харитонову, государственному контролеру, и тотъ посовѣтовалъ на открытіе сессіи министровъ не приглашать, такъ какъ они все равно не придутъ и это создастъ новый поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ и сдѣлали. И министерская ложа блистала своей пустотой. Такое положеніе продолжалось недѣлю или двѣ. Наконецъ правительство поняло невыгодность своего положенія и сдѣлало шагъ къ примиренію. Министры рѣшили удовлетвориться извиненіемъ одного Маркова. Это дали понять Маркову и онъ 1 ноября въ думскомъ засѣданіи въ сжатой формѣ принесъ свои извиненія, которыя онъ читалъ по запискѣ. Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ. Дума сохранила свое достоинство, а министры стали еще менѣе популярны. Эта побѣда Думы особенно порадовала: передъ тѣмъ ходили слухи, что правительство хочетъ Думу разогнать и, такъ какъ объ этомъ много писалось въ «Гражданинѣ», можно было думать, что это состоится. Незадолго передъ тѣмъ Коковцевъ вернулся изъ заграницы, гдѣ онъ очень самоувѣренно заявилъ французскому корреспонденту, что «въ Россіи за сто верстъ отъ столицы и за тридцать верстъ отъ уѣздныхъ городовъ никто политикой не занимается». Это съ насмѣшкой подхватили газеты, а какъ бы въ противовѣсъ заявленію Коковцева, на съѣздѣ октябристовъ, который открылся 8 ноября въ Петербургѣ, Гучковъ въ блестящей рѣчи обрисовалъ внѣшнее и внутреннее положеніе политики Россіи. Онъ говорилъ о томъ, что надо одуматься, что Россія наканунѣ второй революціи и что положеніе очень серьезное и правительство неправильной своей политикой ведетъ Россію къ гибели. Въ сущности

рѣчь Гучкова, напечатанная не вполнѣ точно въ газетахъ, была антидинастическая, и октябристамъ, какъ лояльной партіи, не слѣдовало бы вставать на тотъ путь, на который ее толкалъ Гучковъ.

На съѣздѣ была принята слѣдующая резолюція по отношенію къ думской фракціи: «Парламентской фракціи союза 17 октября какъ его органу, наиболѣе вооруженному средствами воздѣйствій, надлежитъ взять на себя неуклонную борьбу съ вреднымъ и опаснымъ направленіемъ правительственной политики и съ тѣми явленіями произвола и нарушенія закона, отъ которыхъ нынѣ такъ тяжко страдаетъ русская жизнь. Въ парламентской фракціи должны быть использованы въ полной мѣрѣ всѣ законные способы парламентской борьбы; какъ то: свобода трибуны, право запросовъ, отклоненіе законопроектовъ и отказъ въ кредитахъ».

На правительство эта резолюція произвела сильное впечатлѣніе до смѣшного. На другой же день были Думѣ представлены всѣ матерьялы, которыхъ нельзя было добиться отъ разныхъ вѣдомствъ въ теченіе года.

Подоспѣло время выборовъ въ президіумъ. Близкіе люди меня уговаривали не идти въ предсѣдатели:

— Все равно Царь васъ не хочетъ слушать. Въ Думѣ большинства нѣтъ, положеніе шаткое, только безконечная трепка нервовъ.

Но, къ сожалѣнію, обстоятельства такъ слагались, что отказаться было нельзя. Другого кандидата даже и не предлагали. Наконецъ, сочетаніе политическихъ коньюнктуръ было таково, что послѣ моей вступительной рѣчи отказъ былъ бы равносиленъ отказу отъ намѣченной цѣли — программы и поэтому былъ бы равносиленъ сдачѣ безъ боя позицій. Иниціаторъ политическаго курса при открытіи Думы уподобился бы капитану, бѣжавшему съ своего корабля. Въ силу этихъ соображеній я долженъ былъ согласиться и былъ избранъ огромнымъ большинствомъ — 272 противъ 70, лучше всѣхъ предыдущихъ разовъ. Я сказалъ рѣчь, которая хотя и была встрѣчена апплодисментами, понравилась меньше прошлогодней, и самъ я находилъ ее слабѣе и, главное, безцвѣтнѣе. Я колебался, надо ли, вообще, говорить рѣчь и повторять ли то, что было сказано въ прошломъ году. Послѣ выборовъ президіума въ партіи октябристовъ начался разладъ: правое крыло на первомъ фракціонномъ засѣданіи подъ давленіемъ правительства стало оспаривать резолюцію съѣзда октябристовъ, даже порицало эту резолюцію. Среднее крыло рѣшило, что оно принимаетъ ее къ свѣдѣнію, а лѣвое требовало принятія къ руководству. Лѣвые октябристы подъ давленіемъ Гучкова устраивали районныя совѣщанія, центръ не принималъ въ нихъ участія. Они заявили, что не примыкаютъ къ правымъ октябристамъ и въ то же время не желаютъ слѣпо подчиняться указаніямъ Гучкова. Произошелъ расколъ. Я созвалъ совѣщаніе и постарался склеить партію, но это не удалось. Лѣвые вышли изъ фракціи въ числѣ 22 человѣкъ. Главные: Сергѣй Шидловскій, Хомяковъ, Звегинцевъ, Годневъ и др. Было собрано второе совѣщаніе на квартирѣ, чтобы спасти положеніе. Савичъ, Николай Шидловскій, Алексѣенко и я рѣшили создать новую партію, подъ названіемъ «земцевъ-октябристовъ». Въ партіи приняли рѣшеніе от-

межеваться отъ правыхъ октябристовъ. Когда это узнали въ Думѣ, явилась масса желающихъ, и скоро въ нашей группѣ было 50 членовъ, а за время рождественскихъ каникулъ записалось до 70. Этимъ счастливымъ исходомъ было создано вновь большинство партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость стать во главѣ этой партіи энергичному человѣку. Бывшій предсѣдатель фракціи въ началѣ раскола не сумѣлъ сплотить партію и, когда все разразилось, поспѣшилъ уйти. Я сталъ подумывать о томъ, чтобы уйти изъ предсѣдателей Думы и стать во главѣ новой партіи.

VII

Аудіенція 22/XII 1913 г. Споръ о покупкѣ дреднаутовъ заграницей. Встрѣча эскадры адмирала Битти. Гавань въ Ганге.

По возвращеніи Царя изъ Крыма, я послалъ заявленіе о желаніи быть принятымъ для доклада и 22 декабря 1913 года былъ принятъ Царемъ. Необходимо было указать Царю на отсутствіе планомѣрности въ дѣйствіяхъ правительства: незадолго передъ тѣмъ въ Г. Совѣтѣ Коковцевъ защищалъ одинъ законопроектъ, въ то время, какъ Маклаковъ далъ тайное распоряженіе его провалить. Большая часть членовъ Г. Совѣта по назначенію не явилась на засѣданіе, а другая часть голосовала противъ законопроекта и къ большому удивленію Коковцева, который ничего не подозрѣвалъ, законопроектъ этотъ провалился. Надо было обратить на это вниманіе Государя и на ближайшемъ докладѣ я обратился къ нему съ такими словами:

— Ваше величество, позвольте вамъ доложить, что у насъ нѣтъ правительства.

— Какъ нѣтъ правительства?

— Мы привыкли думать такъ, что верховная власть въ управленіи часть своей власти делегируетъ министрамъ и членамъ Г. Совѣта по назначенію. Послѣдніе исполняютъ волю правительства и отстаиваютъ ее въ законодательномъ учрежденіи. Такъ привыкли думать мы, члены нижней Палаты. Что же мы видимъ? Въ прошлую сессію разсматривался законопроектъ о допущеніи польскаго языка въ школахъ въ Привислянскихъ губерніяхъ. Воля вашего императорскаго величества была, чтобы языкъ этотъ былъ допущенъ съ цѣлью улучшить положеніе поляковъ, сравнительно съ положеніемъ въ Австріи, и тѣмъ привлечь ихъ симпатіи на сторону Россіи.

— Да, это именно я имѣлъ въ виду, — отвѣтилъ Государь.

— Мы такъ и понимали тогда и въ этомъ смыслѣ и разработали этотъ законопроектъ въ Г. Думѣ. Теперь этотъ законопроектъ проходитъ въ Г. Совѣтѣ и представитель правительства въ своей рѣчи защищаетъ эту точку зрѣнія. Между тѣмъ члены Г. Совѣта по назначенію частью отсутствуютъ, частью голосуютъ противъ, и законопроектъ проваливается. Согласитесь, ваше величество, что члены правительства или не желаютъ исполнять вашей воли, или не даютъ себѣ труда ее понять. Населеніе не знаетъ, что дѣлать. Министры — каждый имѣютъ свое мнѣніе. Большей частью кабинетъ раздѣленъ на-

двое, Г. Совѣтъ — третье, Дума—четвертое, а вашего мнѣнія страна не знаетъ. Такъ нельзя продолжать, ваше величество, это не правительство, это анархія.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Я не могу вліять на свободу мнѣнія членамъ Г. Совѣта.

— Въ вашихъ рукахъ, ваше величество, списки назначенныхъ членовъ Г. Совѣта. Измѣните эти списки, назначьте болѣе либеральныхъ, согласныхъ съ вашимъ мнѣніемъ. Заставьте министровъ васъ слушаться.

Этотъ разговоръ не имѣлъ дѣйствія. Списки членовъ Г. Совѣта остались почти тѣ же и, если были измѣнены, то какъ разъ въ обратномъ направленіи.

На томъ же свиданіи я показалъ Государю двѣ вырѣзки: изъ «Колокола» — синодскаго оффиціоза и изъ «Вечерняго Времени». Въ «Колоколѣ» было написано приблизительно слѣдующее: «Благодаря святымъ старцамъ, направляющимъ внѣшнюю политику, мы избѣгли войны въ прошломъ году и должны благословить судьбу. Благодаря имъ, мы видимъ теперь назначеніе новыхъ іерарховъ и будемъ надѣяться, что и тутъ вліяніе старцевъ будетъ такъ же благотворно».

Въ «Вечернемъ Времени» была отповѣдь «Колоколу» въ томъ смыслѣ, что руководство высшей политикой принадлежитъ верховной власти «и мы напоминаемъ «Колоколу», — писали тамъ, — что ни о какихъ старцахъ рѣчи быть не можетъ. Руководство внѣшней политикой принадлежитъ верховной власти, а назначеніе іерарховъ тоже принадлежитъ Государю».

Прочитавъ, Государь сказалъ:

— Какіе старцы... О какихъ старцахъ здѣсь говорится?

— Ваше величество, — отвѣтилъ я, — старецъ на Руси есть одинъ и вы знаете, кто онъ. Онъ составляетъ горе и отчаяніе всей Россіи.

Государь промолчалъ.

— Ваше величество, у меня есть еще важное сообщеніе — вопросъ государственной важности, который прямо не касается моего доклада, но который я очень хотѣлъ бы довести до вашего свѣденія.

— Я васъ прошу говорить.

Въ комиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ стало извѣстно, что заводы Армстронга и Виккерса имѣютъ пять сверхъ-дреднаутовъ, готовыхъ для продажи, всѣ за сто двадцать милліоновъ. Цѣна каждому изъ нихъ на десять милліоновъ дешевле той, какую исчисляли въ Россіи. Если ихъ купить, получилась бы экономія въ пятьдесятъ милліоновъ. Дреднауты всѣ были очень хорошіе и уже готовы или почти готовы, а при постройкѣ въ Россіи подобныхъ имъ прошли бы года. Министерство почему то не хотѣло ихъ покупать. Въ Думѣ очень волновались и возлагали большія надежды на докладъ у Государя.

Государь сказалъ:

— Да, но какое значеніе имѣетъ покупка для Балтійскаго моря, если намъ надо усилить Черное. Не можемъ же мы перевезти ихъ туда.

— Если нѣмцы будутъ тревожить насъ въ Черномъ, мы будемъ тревожить ихъ съ сѣвера и при дипломатическихъ сношеніяхъ мы

всегда можемъ напомнить имъ, что мы сильнѣе ихъ въ Балтійскомъ морѣ.

— Да, вы правы, — сказалъ Государь, — помните, въ прошломъ году, когда вы мнѣ говорили про Балканскій вопросъ, вѣдь вы были правы. Тогда надо было дѣйствовать рѣшительнѣе, проливы были бы наши теперь.

— Ваше величество, время еще не упущено. Если мы купимъ эти дреднауты, мы будемъ сильнѣе Германіи и тогда строительство наше пойдетъ безъ форсировки, мы улучшимъ старые корабли и къ 1915 г будемъ обладать мощной эскадрой.

Государь, повидимому, заинтересовался, благодарилъ за сообщеніе и выразилъ желаніе непремѣнно купить указанные корабли.

— Только не разрѣшайте обсуждать это морскому министерству, — сказалъ я при прощаніи. — Прикажите, ваше величество, прямо купить ихъ, потому что министерство будетъ противъ.

— Почему?

— Да потому, ваше величество, что отъ этой покупки ничего къ рукамъ не прилипнетъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Ваше величество, не мнѣ вамъ объяснять. Вы лучше меня знаете...

— Да, это за ними водилось, я помню. Ну, а какъ же Дума, вѣдь она распущена. Придется эту покупку провести по 87 статьѣ, съ Думой выйдутъ непріятности.

— Ваше величество, я вамъ ручаюсь, что Дума будетъ только аплодировать.

На другой день морской министръ позвонилъ мнѣ по телефону:

— Что вы наговорили во время доклада? Зачѣмъ меня экстренно требуютъ въ Царское?

Я отклонилъ разговоръ по телефону и поѣхалъ къ Григоровичу самъ.

Мы два часа кричали другъ на друга, отстаивая каждый свою точку зрѣнія, не замѣчая даже присутствія матроса, подававшаго чай.

Вскорѣ послѣ этого Государь приказалъ созвать особое совѣщаніе изъ министровъ и высшихъ чиновъ морского вѣдомства для обсужденія этой покупки. Совѣщаніе высказалось противъ покупки и дѣло было отложено. Тѣмъ временемъ Турція, субсидируемая Германіей, купила самый сильный дреднаутъ изъ этихъ пяти, тотъ, который какъ разъ подходилъ по типу къ имѣющимся у насъ. Два дреднаута усиліями Германіи были заводами изъяты изъ продажи, а на два послѣдніе заводы повысили цѣну. Въ то время какъ высшіе чины морского вѣдомства противились покупкѣ, рядовые офицеры то и дѣло спрашивали: «Скоро ли состоится покупка?» Нѣкоторые говорили: «Нашъ дѣдъ (морской министръ) дуритъ. Убѣдите вы его въ Думѣ».

Въ комиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ очень волновались результатами этихъ переговоровъ и, когда Григоровичъ туда явился, его встрѣтили во всеоружіи. Я нарочно не пришелъ, чтобы онъ не думалъ, что комиссія дѣйствуетъ подъ давленіемъ предсѣда-

теля, но о ходѣ переговоровъ меня все время извѣщали пристава Думы. Представители всѣхъ партій оказались одного мнѣнія и всѣ доводы Григоровича были разбиты съ цифрами въ рукахъ. Въ особенности же его уничтожило то, что трудовики и соціалисты убѣждали въ выгодности этого шага. «Если тратить деньги на военные расходы, — говорили они, — то лучше сэкономить по 10 милліоновъ на каждомъ кораблѣ».

Григоровичу ничего не оставалось болѣе, какъ сказать, что онъ поддержитъ желаніе комиссіи передъ Государемъ. Эти слова его были покрыты бурными аплодисментами. Онъ сдержалъ свое слово. Когда передъ отъѣздомъ на Пасху я былъ снова у Государя, онъ сказалъ:

— Удивительно, морской министръ сперва былъ противъ этой покупки, говорилъ, что могутъ выйти непріятности съ Думой. Теперь, оказывается, что Дума за покупку и онъ самъ поддерживаетъ это мнѣніе.

Григоровичъ же просилъ передать мнѣ:

— Скажите предсѣдателю Думы, что два дреднаута будутъ куплены, и передайте также, что отъ этой покупки морскому министру не будетъ никакой личной выгоды.

Для покупки назначали адмирала Стеценко, на котораго указывала Дума, извѣстнаго своей неподкупной честностью.

Встрѣтивъ меня на свадьбѣ князя Феликса Юсупова, Григоровичъ сказалъ:

— Я надѣюсь, что теперь вы нами довольны.

Общее впечатлѣніе зимой 1913—1914 года было такое, точно высшее петербургское общество вдругъ прозрѣло. Всюду были разговоры о Распутинѣ и всѣхъ онъ волновалъ. То, что въ Думской средѣ говорилось два года назадъ, докатилось и до придворныхъ круговъ. Такіе люди, которые раньше строго молчали обо всемъ, даже извѣстномъ имъ въ Царской семьѣ, изъ чувства ли порядочности или просто уваженія къ своему Государю, говорили теперь, нѣкоторые со страхомъ, другіе съ отвращеніемъ, третьи съ улыбкой объ этомъ человѣкѣ. Привожу здѣсь характерные разсказы о томъ, какимъ неограниченнымъ вліяніемъ пользовался Распутинъ. Однажды Наслѣднику оказалось необходимымъ сдѣлать небольшую операцію. Лейбъ - хирургъ Федоровъ, приготовивъ нужное въ операціонной комнатѣ Зимняго дворца, отправился звать Наслѣдника. Каковъ же былъ его ужасъ когда онъ увидѣлъ, что все приготовленное, тщательно дезинфецированное имъ (бинты, перевязочный матерьялъ и т. д.) оказалось покрытымъ какой то грязной принадлежностью туалета. На вопросъ къ своему помощнику, что это значитъ, онъ получилъ отвѣтъ, что приходилъ Григорій Ефимовичъ, молился и крестился и покрылъ все приготовленное къ операціи своей одеждой. Федоровъ отправился къ Государю съ жалобой, но Государь отнесся довольно снисходительно.

Въ продолженіе весны вся сессія Думы прошла въ борьбѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Маклаковымъ, который, дѣлая рядъ не-

законныхъ распоряженій, назначилъ недостойныхъ лицъ въ губернаторы, а въ Царскомъ пріобрѣталъ все большее вліяніе. По свѣдѣніямъ изъ придворныхъ сферъ онъ тамъ разыгрывалъ роль шута. Разсказывалъ веселые анекдоты, передразнивалъ разныхъ лицъ, подражалъ звукамъ животныхъ; передъ великими княжнами изображалъ влюбленную пантеру, вообще, былъ тамъ свой человѣкъ, а въ обществѣ, какъ представитель власти, заслужилъ презрѣніе. Сессія Думы продолжалась очень долго, до самаго лѣта. Работа ея была значительно заторможена продолжавшимся бойкотомъ со стороны правительства.

Въ маѣ мѣсяцѣ члены комиссіи по оборонѣ отправились въ Ревель для осмотра работъ доковъ и укрѣпленій. Это совпало съ пріѣздомъ въ Петербургъ англійской эскадры подъ командой адмирала Битти. Въ виду такого совпаденія и неизбѣжности посѣщенія членами Думы англійской эскадры въ Ревелѣ, что носило бы характеръ почетной встрѣчи до пріѣзда ихъ въ столицу, я испросилъ докладъ у Государя, чтобы освѣдомиться о его мнѣніи, какъ въ данномъ случаѣ надлежитъ Думѣ поступить.

Государь нашелъ, что намъ необходимо посѣтить эскадру въ Ревелѣ и далъ свое разрѣшеніе на возможно предупредительныя и любезныя рѣчи. Имѣя Высочайшую санкцію, мы въ довольно большомъ составѣ, причемъ въ наличіи былъ весь президіумъ Думы, отправились на крейсерѣ «Богатырь» подъ конвоемъ миноносца «Генералъ Кондратенко» въ Ревель и были встрѣчены салютами русской эскадры и англійской, причемъ адмиралъ Битти на броненосцѣ „Lion" поднялъ русскій національный флагъ въ честь г. Думы. Немедленно же прибылъ флагъ-капитанъ адмирала съ приглашеніемъ къ завтраку на „Lion". Я рѣшилъ свою привѣтственную рѣчь сказать по русски и просилъ переводить члена Думы Звегинцева.

Когда я окончилъ рѣчь, адмиралъ Битти обратился къ Звегинцеву съ просьбой быть перводчикомъ его отвѣта. На что, какъ было условлено, Звегинцевъ сказалъ: «Это вовсе не нужно, такъ какъ предсѣдатель Думы понимаетъ англійскую рѣчь и ею владѣетъ».

На этотъ отвѣтъ адмиралъ Битти и всѣ присутствующіе командиры другихъ судовъ и офицеры протянули: «О, о, о...», затѣмъ дали понять, что они оцѣнили желаніе предсѣдателя Думы говорить англичанамъ, на языкѣ своей страны. Потомъ самые офицеры, показывая членамъ Думы свой великолѣпный корабль, говорили, что въ виду неизбѣжнаго союза съ Россіей пора англичанамъ изучать русскій языкъ.

Послѣ торжествъ на англійскихъ судахъ и осмотра ревельскихъ укрѣпленій, члены Думы предприняли поѣздку по шхерамъ съ заходомъ въ портъ Ганге, а англійская эскадра направилась въ Петербургъ.

Присутствіе въ Ревелѣ цѣлой депутаціи отъ Г. Думы съ предсѣдателемъ произвело на англичанъ большое впечатлѣніе. Они поняли это какъ особую любезность по отношенію къ нимъ. Объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. Въ Германіи же это произвело переполохъ. Ее обезпокоилъ визитъ англичанъ, а тѣмъ болѣе присутствіе въ Ревелѣ

народныхъ представителей. Можетъ быть это, а также пріѣздомъ французовъ, ускорили объявленіе войны. Говорятъ, Вильгельмъ сказалъ: „Jetzt oder niemals“ *).

4 іюня 1914 года газеты принесли извѣстіе, что Распутинъ убитъ. Какая то уродливая безносая женщина подошла къ нему въ селѣ Покровскомъ Тобольской губерніи и «пырнула» ножемъ въ животъ. Распутинъ послалъ въ Царское телеграмму: «Кака то стерва пырнула меня въ животъ ножемъ». Это сдѣлала бывшая его поклонница. Она заявила, что хотѣла его убить за то, что онъ обманывалъ всѣхъ, за то, что онъ ложный пророкъ, что задумала это она сама и сообщниковъ не имѣетъ. Въ газетахъ писали, что благословилъ ее на это дѣло Иліодоръ, но она отрицала. Истеричная женщина на допросѣ то плакала, то была очень возбуждена. Газеты обрадовались случаю и опять начали писать о похожденіяхъ Распутина; вспоминали все старое, забытое. Писали, что выѣхалъ лейбъ-хирургъ Федоровъ, что поѣхали изъ Петербурга поклонницы, въ томъ числѣ и Вырубова, что у Распутина началась агонія. Однако, ликованіе оказалось преждевременнымъ. Слѣдующія извѣстія были, что Распутинъ твердитъ: «Выживу, выживу». Ему дѣйствительно становилось лучше и писать о немъ прекратили.

Въ результатѣ онъ, все-таки, выжилъ.

Вниманіе было отвлечено пріѣздомъ къ намъ гостей дружественныхъ державъ, моряковъ — англичанъ и французовъ. Ихъ широко и гостепріимно принимали въ Петербургѣ и пока офицеровъ и матросовъ кормили обѣдами — дипломаты сговаривались и тройственное согласіе превратилось, повидимому, въ союзъ.

На возвратномъ пути изъ Ревеля группа членовъ Думы заѣхала по настоянію адмирала Эссена въ Ганге, портъ Финляндіи противъ Ревеля. Тамъ была устроена великолѣпно оборудованная гавань на случай большого дессанта для нѣмцевъ. Финляндцы объяснили это, какъ сооруженіе для торговыхъ судовъ, и говорили, что истратили десять милліоновъ марокъ. Однако, при осмотрѣ становилось очевиднымъ, что все это было сооружено для дессанта. Окружающіе же эту гавань выступы берега, на которыхъ еще Петръ Великій опредѣлилъ устроить форты, оставались не укрѣпленными.

Эссенъ просилъ объ этомъ доложить Государю, что я и сдѣлалъ въ своемъ докладѣ по окончаніи сессіи. Государь ничего объ этомъ не зналъ. Эссенъ говорилъ, что онъ во всякомъ случаѣ, если будетъ война, взорветъ всѣ эти сооруженія. Въ первый же день объявленія войны онъ это и сдѣлалъ.

VIII

Объявленіе войны. Непорядки въ Красномъ Крестѣ. На варшаво-вѣнскомъ вокзалѣ. Роль ген. Рененкампфа. Сапоги для арміи и министръ Н. А. Маклаковъ. Государь во Львовѣ.

Австрійскій престолонаслѣдникъ, глава военной партіи, угнетатель славянъ въ Босніи и Герцоговинѣ, былъ убитъ 15 іюня въ Сараевѣ патріотомъ славяниномъ. Съ нимъ вмѣстѣ погибла и его жена. Ав-

*) **Теперь или никогда.**

стрія обвинила въ томъ сербское правительство. Послѣ нотъ и ультиматумовъ вспыхнула война. Австрійцы перешли Дунай. Сербы покинули Бѣлградъ и отступили вглубь страны.

Послѣдніе дни передъ войной застали меня въ Наугеймѣ, гдѣ я лѣчился.

Вернувшись изъ заграницы, я узналъ, что накунунѣ нѣсколько разъ звонилъ по телефону военный министръ Сухомлиновъ и, освѣдомившись, что меня ожидаютъ въ Петербургѣ съ часа на часъ, просилъ немедленно ему позвонить, когда я пріѣду. Я вызвалъ къ телефону военнаго министра. Генералъ Сухомлиновъ заявилъ, что ему необходимо видѣть меня немедленно, не взирая ни на какія обстоятельства, самъ же онъ пріѣхать не можетъ, въ виду массы дѣла. Я тотчасъ же отправился и вотъ какой произошелъ разговоръ:

— Я вызвалъ васъ къ себѣ, — сказалъ Сухомлиновъ, — потому что нахожусь въ безвыходномъ положеніи. Представьте себѣ, ужасъ какой. Государь Императоръ внезапно заколебался и приказалъ пріостановить мобилизацію военныхъ округовъ, назначенныхъ для дѣйствій противъ австрійцевъ. Чѣмъ объяснить такое рѣшеніе — я положительно не знаю. Въ случаѣ настойчиваго его повелѣнія положеніе можетъ стать катастрофическимъ. Всѣ карточки и мобилизаціонныя распоряженія уже разосланы на мѣста. Вернуть ихъ не представляется возможнымъ и всякая задержка въ дѣлѣ будетъ гибельна. Что дѣлать? Посовѣтуйте...

— Я долженъ вамъ доложить, — отвѣтилъ я министру, — что объявленіе намъ войны Германіей совершенно неизбѣжно и, если произойдетъ малѣйшее замедленіе, то германцы перейдутъ границу безъ сопротивленія. Проѣзжая черезъ Вержболово, я уже видѣлъ по всей границѣ кордонъ германской кавалеріи, одѣтый въ защитный цвѣтъ и вполнѣ готовый къ военнымъ дѣйствіямъ. Все это вы безотлагательно должны довести до свѣдѣнія Государя.

— А я, наоборотъ, требую, чтобы вы, Михаилъ Владиміровичъ, немедленно испросили аудіенцію въ Петергофѣ и лично доложили объ этихъ обстоятельствахъ его Величеству.

— Я съ радостью готовъ это исполнить, но время не терпитъ, минуты терять нельзя, между тѣмъ процедура испрошенія доклада длительная. Надо ѣхать вамъ и немедленно.

— Но я уже нѣсколько разъ и по телефону, и лично объ этомъ говорилъ. Ясно, что онъ мнѣ не довѣряетъ. Я положительно теряюсь, что дѣлать?

Я посовѣтовалъ немедленно ѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову. Мы застали его собирающимся въ Петергофъ. Повидимому, онъ ничего не зналъ о новыхъ настроеніяхъ Царя. Мы ознакомили Сазонова съ обстоятельствами дѣла. Приэтомъ я просилъ оффиціально Сазонова передать Императору, что я, какъ глава народнаго представительства, категорически заявляю, что народъ русскій никогда не проститъ проволочку времени, которая вовлечетъ страну въ роковыя осложненія. Повидимому, докладъ министра иностранныхъ дѣлъ, подкрѣпленный вѣскими документами военнаго министра и предсѣдателя Думы, произвелъ надлежащее дѣйствіе и Государь Им-

ператоръ отказался отъ своихъ настроенiй, преодолѣлъ ихъ и мобилизацiя не была остановлена и продолжала протекать въ нормальномъ порядкѣ.

Характерно здѣсь отмѣтить, что слухъ о прiостановкѣ мобилизацiи произвелъ самое тяжелое впечатлѣнiе среди войскъ петербургскаго гарнизона. Цѣлый рядъ офицеровъ посѣщали меня, требуя рѣшительнаго отвѣта: будетъ ли отсрочка мобилизацiи или нѣтъ, причемъ настроенiе ихъ къ верхамъ власти было далеко недружелюбное и отказъ отъ мобилизацiи несомнѣнно грозилъ бы довольно опасными осложненiями.

Въ Петербургѣ происходили непрерывныя манифестацiи. Обычно онѣ направлялись къ сербскому посольству, помѣщающемуся на Фурштадтской улицѣ, противъ моей квартиры. Толпа ежедневно подходила и къ моему подъѣзду и требовала, чтобы я выходилъ. Я выходилъ на балконъ, а разъ вечеромъ, когда требованiя были очень настойчивыми, пришлось сойти внизъ на улицу къ толпѣ съ нѣкоторыми бывшими у меня въ то время членами Думы. Меня просили встать на свободный автомобиль и сказать рѣчь.

Въ день манифеста о войнѣ съ Германiей огромная толпа собралась передъ Зимнимъ дворцомъ. Послѣ молебна о дарованiи побѣды Государь обратился съ нѣсколькими словами, которыя закончилъ торжественнымъ обѣщанiемъ, не кончать войны, пока хоть одна пядь русской земли будетъ занята непрiятелемъ. Громовое «ура» наполнило дворецъ и прокатилось отвѣтнымъ эхомъ въ толпѣ на площади. Послѣ молебствiя Государь вышелъ на балконъ къ народу, за нимъ Императрица. Огромная толпа заполнила всю площадь и прилегающiя къ ней улицы и когда она увидѣла Государя, ее словно пронизала электрическая искра и громовое «ура» огласило воздухъ. Флаги, плакаты съ надписями: «Да здравствуетъ Россiя и славянство» склонились до земли и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, упала передъ Царемъ на колѣни. Государь хотѣлъ что то сказать, онъ поднялъ руку, переднiе ряды зашикали, но шумъ толпы, несмолкавшее «ура», не дали ему говорить. Онъ опустилъ голову и стоялъ нѣкоторое время, охваченный торжественностью минуты единенiя Царя со своимъ народомъ, потомъ повернулся и ушелъ въ покои.

Выйдя изъ дворца на площадь, мы смѣшались съ толпой. Шли рабочiе. Я остановилъ ихъ и спросилъ, какимъ образомъ они очутились здѣсь, когда незадолго передъ тѣмъ бастовали и чуть ли не съ оружiемъ въ рукахъ предъявляли экономическiя и политическiя требованiя. Рабочiе отвѣтили: «То было наше семейное дѣло. Мы находили, что черезъ Думу реформы идутъ слишкомъ медленно. Но теперь дѣло касается всей Россiи. Мы пришли къ своему Царю какъ къ нашему знамени и мы пойдемъ съ нимъ во имя побѣды надъ нѣмцами».

* * *

26 iюля 1914 года были созваны Г. Дума и Г. Совѣтъ. Передъ занятiями Государь принялъ ихъ въ Зимнемъ дворцѣ. Поѣхали всѣ, даже трудовики. Патрiотическое чувство охватило всѣхъ и заставило

забыть партіи. Въ Николаевскомъ залѣ собрались всѣ министры и высшіе чины Двора, весь Г. Совѣтъ и Г. Дума.

Государь вошелъ съ главнокомандующимъ Великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и обратился со слѣдующими словами:

— Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ и Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ любви къ Родинѣ и преданности престолу, который какъ ураганъ пронесся по всей землѣ нашей, служитъ въ моихъ глазахъ, и думаю, и въ вашихъ — ручательствомъ въ томъ, что наша великая Матушка Россія доведетъ ниспосланную Богомъ войну до желаннаго конца. Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, я черпаю возможность поддерживать свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее. Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ братьевъ-славянъ. И въ нынѣшнюю минуту я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ такъ же крѣпко и неразрывно со всей Россіей. Увѣренъ, что вы всѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, поможете мнѣ перенести ниспосланныя испытанія и что всѣ, начиная съ меня, исполнятъ свой долгъ до конца. Великъ Богъ земли Русской».

«Ура» пронеслось по залу.

Затѣмъ сказалъ рѣчь исполняющій обязанность предсѣдателя Г. Совѣта Голубевъ (Акимовъ былъ боленъ и вскорѣ умеръ). Послѣ него рѣчь говорилъ я:

— Ваше императорское величество, съ глубокимъ чувствомъ и гордостью вся Россія внимала словамъ русскаго Царя, призывающаго свой народъ къ полному съ нимъ единенію въ трудный часъ ниспосланныхъ отечеству испытаній. Государь, Россія знаетъ, что воля и мысли ваши всегда были направлены къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда и что любвеобильное сердце ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой вамъ жизни вашихъ подданныхъ. Но пробилъ грозный часъ. Отъ мала до велика всѣ поняли значеніе и глубину развернувшихся историческихъ событій. Объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, — а честь народная намъ дороже жизни. Пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимою стѣной своего вѣнценоснаго вождя съ твердой вѣрой въ Небесный Промыселъ. Государь, настала пора грозной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность русской земли и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній, ни колебаній. Призванное къ государственной жизни по волѣ вашей народное представительство нынѣ предстало передъ вами. Г. Дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всѣхъ областей Россіи и сплоченная одною объединяющею всѣхъ мыслью, поручила мнѣ сказать вамъ, Государь, что народъ вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу отечества. Безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій Г. Дума отъ лица русской земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: «Дерзайте, Государь, русскій народъ

съ вами и, твердо уповая на милость Божію, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено».

У Государя были слезы на глазахъ. Онъ отвѣтилъ:

— Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами патріотическія чувства, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ. Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха. Съ нами Богъ.

Государь перекрестился, за нимъ всѣ присутствующіе и запѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Подъемъ былъ необычайный. Великій князь Николай Николаевичъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и сказалъ:

— Ну, Родзянко, теперь я тебѣ другъ по гробъ. Все для Думы сдѣлаю. Скажи, что надо.

Я воспользовался этимъ и попросилъ возобновить газету «Рѣчь», которую великій князь распорядился закрыть за антипатріотическія статьи противъ Сербіи.

— Милюковъ наглупилъ, — сказалъ я, — и самъ не радъ. Возьмите съ него слово и онъ измѣнитъ направленіе: А газеты теперь намъ такъ будутъ нужны.

На другой день «Рѣчь» была открыта и органъ Милюкова во время войны поддерживалъ національное направленіе.

Послѣ пріема во дворцѣ депутаты отправились въ Таврическій дворецъ. Тамъ былъ сперва молебенъ, затѣмъ засѣданіе, на которомъ присутствовали всѣ министры и дипломаты дружественныхъ державъ. Хоры были набиты публикой*).

Послѣ предсѣдателя Думы говорилъ предсѣдатель Совѣта мини-

---

*) Рѣчь предсѣдателя Г. Думы: Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, созвать Г. Думу во имя единенія русскаго Царя съ вѣрнымъ ему народомъ. Г. Дума отвѣтила своему Государю на его призывъ на сегодняшнемъ высочайшемъ пріемѣ. Мы всѣ знаемъ хорошо, что Россія не желала войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій, но самой судьбѣ угодно было втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства. Въ этомъ небываломъ еще въ міровой исторіи стремительномъ круговоротѣ событій, отрадно видѣть то величіе и преисполненное достоинства спокойствіе, которое охватило всѣхъ безъ исключенія и которое ярко подчеркиваетъ передъ всѣмъ міромъ величавую силу русскаго духа. Спокойно и безъ задора мы можемъ сказать нападающимъ на насъ: „Руки прочь. Не дерзайте касаться нашей Святой Руси". Народъ нашъ миролюбивъ и добръ, но страшенъ и могучъ, когда вынужденъ за себя постоять. „Смотрите, — можемъ мы сказать, — вы думали, что насъ раздѣляютъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народы, населяющіе Россію, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда.

И не повѣситъ головы въ уныніи русскій богатырь, какія бы испытанія ни пришлось ему переживать. Все вынесутъ его могучія плечи и, отразивъ врага, вновь засіяетъ миромъ, счастьемъ и довольствомъ единая, нераздѣльная Родина во всемъ блескѣ своего несокрушимаго величія. Г. г. члены Г. Думы! Въ этотъ часъ наши мысли и пожеланія тамъ, на границахъ нашихъ, гдѣ безтрепетно идетъ въ бой наша доблестная армія, нашъ славный флотъ. Мы мысленно тамъ, гдѣ наши дѣти и братья съ присущей имъ доблестью защищаютъ наше отечественное величіе. Помоги имъ Всевышній Господь, укрѣпи ихъ и защити, а наши горячія пожеланія успѣха и славы будутъ всегда съ ними нашими героями. Мы, оставшіеся дома, должны работать, не покладая рукъ, въ дѣлѣ обезпеченія оставшихся безъ своихъ кормильцевъ семей и пусть въ арміи нашей знаютъ, что не только на словахъ, но и на дѣлѣ мы не допустимъ ихъ до нужды".

стровъ Горемыкинъ, потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ. Ему устроили овацію, видимо сильно его взволновавшую. Онъ долго не могъ начать свою великолѣпную рѣчь. Говорятъ, ее написалъ князь Г. Н. Трубецкой.

Сазоновъ закончилъ рѣчь со слезами въ голосѣ и опять его бурно привѣтствовала вся Дума, вставъ со своихъ мѣстъ.

За нимъ министръ финансовъ Баркъ доложилъ Думѣ о блестящемъ состояніи финансовъ. Хранившіеся въ Берлинѣ деньги были во время вывезены. Это заявленіе было встрѣчено большимъ одобреніемъ.

Послѣ министровъ говорили депутаты всѣхъ партій и національностей. Всѣ слились въ одномъ крикѣ: постоять за цѣлость и достоинство родины. Особенно сильна была рѣчь латыша, который заявилъ: «Непріятель въ каждой нашей хижинѣ найдетъ своего злѣйшаго врага, которому онъ можетъ отрубить голову, но и отъ умирающаго онъ услышитъ: «Да здравствуетъ Россія».

Въ день выступленія Преображенскаго полка у Преображенскаго Собора на площади днемъ былъ молебенъ для всего войска. Картина была величественная. Въ соборѣ не хватало мѣстъ и полкъ былъ выстроенъ на площади въ видѣ карре. Преображенцы выглядѣли молодцами. Когда полкъ проходилъ въ казармы, толпа передъ нимъ снимала шапки. На проводахъ на вокзалѣ каждый вагонъ встрѣчали криками «ура». Съ такимъ же подъемомъ провожали и другія части.

Послѣ историческаго засѣданія 26 іюля Дума была распущена.

Послѣ первыхъ боевъ начали приходить извѣстія съ фронта о возмутительной постановкѣ санитарнаго дѣла по доставкѣ раненыхъ съ фронта. Неразбериха была полная. Въ Москву приходили товарные поѣзда, гдѣ лежали раненые безъ соломы, часто безъ одежды, плохо перевязанные, не кормленные нѣсколько дней. Въ то же время изъ отрядовъ Елизаветинской общины моя жена, попечительница ея, получала извѣстія, что такіе поѣзда проходятъ мимо ихъ отряда и даже стоятъ на станціяхъ, а сестеръ въ вагоны не пускаютъ и стоятъ онѣ безъ дѣла не развернувшись. Между военнымъ вѣдомствомъ и вѣдомствомъ Краснаго Креста было соревнованіе. Каждое вѣдомство дѣйствовало самостоятельно и не было согласованности.

Всего хуже была подача первой помощи у военнаго вѣдомства: не было ни повозокъ, ни лошадей, ни перевязочныхъ средствъ, а между тѣмъ другія организаціи впередъ не пускались. Не было другого выхода, какъ довести все это до свѣдѣнія в. к. Николая Николаевича. Я отправилъ ему письмо, въ которомъ указывалъ на слѣдующее: всеобщій патріотическій подъемъ вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ добровольныхъ санитарныхъ организацій. Но эти добровольныя организаціи становятся какъ бы на дорогѣ пресловутымъ начинаніямъ военно-санитарнаго вѣдомства съ г. Евдокимовымъ во главѣ. Чувствуя, что добровольныя организаціи значительно выше по своимъ качествамъ, но не желая въ этомъ сознаться, онъ принимаетъ давно излюбленный пріемъ проволочекъ, задержекъ и тормазовъ. Между тѣмъ

раненые ждать не могутъ, ихъ надо перевязывать и лѣчить, надо снабжать наступающія въ боевой линіи части войскъ летучими отрядами и перевязочными средствами. Терять времени невозможно. Такъ какъ соглашенія между военно-санитарнымъ вѣдомствомъ и добровольческими организаціями быть не можетъ, то необходимо возглавить всю санитарную часть арміи и тыла однимъ лицомъ съ диктаторскими правами, которому и поручить привести дѣло въ надлежащій порядокъ.

Одновременно я поѣхалъ къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ на Елагинъ островъ и разсказалъ ей, какъ обстоитъ дѣло. Она пришла въ ужасъ.

— Скажите мнѣ, что же нужно сдѣлать? — спросила Императрица.

Я посовѣтовалъ послать телеграмму Николаю Николаевичу съ просьбой заставить начальника военно-санитарной части Евдокимова упорядочить дѣло и приказать ему допускать къ дѣлу организаціи Краснаго Креста, которыя онъ систематически отстранялъ отъ работы на фронтѣ. Императрица тотчасъ попросила отъ ея имени написать телеграмму. Въ результатѣ предпринятыхъ шаговъ была получена отъ в. к. Николая Николаевича телеграмма, а затѣмъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что вполнѣ согласенъ съ предсѣдателемъ Думы и что приметъ мѣры. Вскорѣ послѣ этого Евдокимовъ былъ вызванъ въ Ставку, а затѣмъ верховнымъ начальникомъ санитарно-эвакуаціонной части былъ назначенъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ диктаторскими правами.

В. к. Николай Николаевичъ писалъ мнѣ, что на удаленіи Евдокимова онъ давно настаивалъ, но его не удалили, потому что онъ пользовался расположеніемъ Сухомлинова и Императрицы Александры Феодоровны, которые убѣдили Государя оставить его на мѣстѣ. Говорили, что Императрица Александра Феодоровна настаивала на этомъ только потому, что желала сдѣлать наперекоръ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Когда послѣ открытія военныхъ дѣйствій выяснилось, что молодая Императрица не у дѣлъ, былъ созванъ верховный совѣтъ исключительно въ тѣхъ видахъ, чтобы Александрѣ Феодоровнѣ дать видное положеніе въ общихъ работахъ для войны. Составъ совѣта получился чрезвычайно громоздкій. Предсѣдателемъ была Императрица, но предсѣдательствующій въ засѣданіяхъ былъ предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ и поэтому въ веденіи дѣла получалась ни съ чѣмъ несообразная двойственность. Горемыкинъ старался угадать желаніе Императрицы, а Императрица въ сущности не знала, что ей надо дѣлать. Главный источникъ дѣятельности совѣта — денежныя средства, какъ бы висѣли въ воздухѣ, потому что законныхъ ассигновокъ не имѣлось и средства должны были назначаться изъ военнаго фонда, который въ свою очередь находился въ распоряженіи совѣта министровъ.

Участники совѣта съ первыхъ же засѣданій поняли, что обсужденіе вопросовъ будетъ носить чисто платоническій характеръ и разрѣшеніе ихъ будетъ зависѣть въ концѣ концовъ отъ какихъ то другихъ

учрежденій при полной неясности и неизвѣстности какъ къ этимъ вопросамъ учрежденія будутъ относиться. Поэтому засѣданія носили чисто формальный характеръ, всѣхъ тяготили, а присутствіе Императрицы производило леденящее впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Варшаву въ ноябрѣ 1914 года пріѣхалъ ко мнѣ уполномоченный земскаго союза Вырубовъ и предложилъ посѣтить варшаво-вѣнскій вокзалъ, гдѣ находилось около восемнадцати тысячъ раненыхъ въ бояхъ подъ Лодзью и Березинами. На вокзалѣ мы застали потрясающую картину: на перронахъ въ грязи, слякоти и холодѣ подъ дождемъ лежало на полу, даже безъ соломы, невѣроятное количество раненыхъ, которые оглашали воздухъ раздирающими душу стонами и жалобно просили: «Ради Бога, прикажите перевязать насъ, мы пятый день не перевязаны». Надобно при этомъ сказать, что послѣ кровопролитныхъ боевъ эти раненые были привезены въ полномъ безпорядкѣ въ товарныхъ вагонахъ и брошены на варшаво-вѣнскомъ вокзалѣ безъ помощи. Единственныя медицинскія силы, которыя обслуживали этихъ несчастныхъ, были варшавскіе врачи, подкрѣпленные добровольными сестрами милосердія. Это былъ отрядъ польскаго общества въ составѣ около пятнадцати человѣкъ. Нельзя не отозваться съ восторгомъ о самоотверженной дѣятельности этихъ истинныхъ друзей человѣка. Я не помню ихъ фамилій, но отъ души желалъ бы, чтобы моя сердечная благодарность русскаго человѣка достигла до нихъ, какъ доказательство сердечнаго къ нимъ уваженія и восхищенія. Въ моментъ моего пріѣзда на вокзалъ эти почтенные люди работали третьи сутки подрядъ безъ перерыва и отдыха. Глубоко возмущенный такимъ положеніемъ раненыхъ воиновъ, я немедленно вызвалъ по телеофну начальника санитарной части Данилова и уполномоченнаго по Красному Кресту генерала Волкова. Когда эти лица явились, то мы съ ними и Вырубовымъ стали обсуждать, какъ выйти изъ такого трагическаго и ужасающаго положенія. Генералъ Даниловъ, какъ и генералъ Волковъ, заявили категорически, что у нихъ никакихъ медицинскихъ силъ нѣтъ, а между тѣмъ при посѣщеніи мною одного лазарета Кр. Креста я видѣлъ совершенно свободныхъ отъ дѣла шесть врачей и около тридцати сестеръ милосердія. На мое указаніе, что они должны быть немедленно обращены въ дѣло, генералъ Даниловъ категорически заявилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ этотъ персоналъ предназначенъ для обслуживанія формирующихся санитарныхъ поѣздовъ. И это говорилось, когда на перронѣ лежало около восемнадцати тысячъ страдальцевъ. Я потребовалъ отъ генерала Данилова, чтобы онъ немедленно озаботился формированіемъ поѣздовъ теплушекъ для эвакуаціи раненыхъ съ вокзала. Даниловъ заявилъ, что онъ сдѣлать этого не можетъ, такъ какъ по распоряженію верховнаго начальника санитарной части раненые должны слѣдовать внутрь страны не иначе, какъ въ санитарныхъ поѣздахъ, которыхъ у него имѣется около восьми. Возмущенный такимъ бездушнымъ отношеніемъ къ участи измученныхъ людей, я пригрозилъ, что буду телеграфировать принцу Ольденбургскому о творя-

цемся безобразіи и буду требовать, чтобы начальствующія лица были преданы суду и отрѣшены отъ должности за преступное бездѣйствіе. Страхъ передъ принцемъ былъ такъ великъ, что угроза моя подѣйствовала и они энергично принялись за дѣло. Нашлись свободные врачи и сестры и въ теченіе 2—3 дней всѣ раненые были перевязаны и вывезены въ тылъ.

Вотъ какіе порядки царили въ военно-санитарномъ вѣдомствѣ во время боевыхъ дѣйствій.

Въ Варшавѣ я побывалъ у генерала Рузскаго. Главнокомандующій производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Удивительно скромный, почти застѣнчивый. Я въ разговорѣ назвалъ его народнымъ героемъ и сказалъ, что счелъ долгомъ явиться къ нему по пріѣздѣ въ Варшаву. Онъ страшно смутился, замахалъ руками: «Да что вы... причемъ тутъ я».

Изъ Варшавы я испросилъ у в. к. Николая Николаевича разрѣшенія пріѣхать въ Ставку. Мнѣ хотѣлось довести до свѣдѣнія Главнокомандующаго то, что я видѣлъ и слышалъ въ Варшавѣ. Генералъ Рузскій жаловался въ разговорѣ на недостатокъ въ снарядахъ и дурное обмундированіе; особенно плохо обстояло дѣло съ сапогами. На Карпатахъ солдаты сражались босикомъ и уполномоченный земскаго союза просилъ объ этомъ похлопотать. Рузскій говорилъ, что отсутствіе снарядовъ создаетъ чрезвычайно тяжелое положеніе: чтобы удержаться, приходится искусно маневрировать.

Госпитали и лазареты Кр. Креста, которые пришлось видѣть, оказались на высотѣ. Скверно было только въ военныхъ госпиталяхъ: тамъ постановка была небрежной, чувствовался недостатокъ въ перевязочныхъ средствахъ, а главное — не было согласованности между вѣдомствами. Чтобы дойти на фронтѣ отъ военныхъ госпиталей до госпиталей Кр. Креста, иногда приходилось тащиться пѣшкомъ десять и больше верстъ, негдѣ было даже нанять телѣги, такъ какъ жители либо бѣжали, либо были разорены.

Принялъ великій князь меня любезно, сказалъ, что онъ долженъ ѣхать въ Брестъ на совѣтъ командующихъ арміями и предложилъ проѣхать туда съ нимъ. Мое предложеніе о приспособленіи арбъ, наложенныхъ сѣномъ, для перевозки раненыхъ встрѣтило полное сочувствіе и черезъ нѣсколько дней въ нашей губерніи уже шла реквизиція и арбы, и лошади поѣхали на фронтъ.

Вообще, великій князь очень охотно выслушивалъ все, что я говорилъ ему, а въ заключеніе просилъ пріѣзжать почаще и обо всемъ его освѣдомлять. Когда зашла рѣчь о Распутинѣ, я передалъ ему петроградскіе слухи. Говорили, что Распутинъ хотѣлъ пріѣхать въ Ставку и запросилъ телеграммой и будто-бы Николай Николаевичъ отвѣтилъ: «Пріѣзжай — повѣшу». На вопросъ, правда ли это, великій князь засмѣялся и сказалъ:

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

По его отвѣту было ясно, что что-то въ этомъ родѣ имѣло мѣсто.

Великій князь жаловался на пагубное вліяніе Императрицы Александры Феодоровны. Онъ откровенно говорилъ, что она всему очень мѣшаетъ. Въ Ставкѣ Государь бываетъ со всѣмъ согласенъ, а прі-

ѣхавъ къ ней, мѣняетъ свое рѣшеніе. Онъ сознавалъ, что Императрица его ненавидитъ и опредѣленно желаетъ его удаленія. Онъ говорилъ о Сухомлиновѣ, которому онъ не довѣряетъ и который старается вліять на рѣшеніе Государя. Великій князь сказалъ, что его вынуждаетъ къ временной остановкѣ военныхъ дѣйствій отсутствіе снарядовъ, а также недостача сапогъ для арміи.

— Вотъ вы имѣете вліяніе, — замѣтилъ великій князь, — вамъ довѣряютъ. Устройте мнѣ, какъ можно скорѣе, поставку сапогъ для арміи.

Я отвѣтилъ, что это можно устроить, если привлечь къ работѣ земства и общественныя организаціи. Въ особенности въ данномъ вопросѣ могутъ помочь губернскія земства. Матерьяла въ Россіи много, рабочихъ рукъ также, но въ одной губерніи кожи, а въ другой дратва, подметки, гвозди, а еще въ какой нибудь — дешевыя рабочія руки, кустари сапожники. Лучше всего было бы созвать съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и съ ихъ помощью наладить дѣло. Великій князь отнесся къ этому очень сочувственно.

Вернувшись въ Петроградъ, я былъ въ организаціонномъ комитетѣ Думы и распрашивалъ членовъ Думы, какъ по ихъ мнѣнію лучше наладить доставку сапогъ. Обсудивъ, рѣшили циркулярно запросить предсѣдателей управъ и городскихъ головъ. Это было скоро сдѣлано и сразу посыпались благопріятные отвѣты. Такъ какъ возможно было ожидать противодѣйствія со стороны правительства къ созыву такого съѣзда, то я рѣшилъ объѣхать и поговорить съ нѣкоторыми министрами въ отдѣльности. Кривошеинъ, Сухомлиновъ и Горемыкинъ отнеслись къ идеѣ съѣзда сочувственно и обѣщали поддержать мое предложеніе въ совѣтѣ министровъ. Свиданіе же съ министромъ Маклаковымъ вышло весьма оригинальнымъ. На мое заявленіе, что главнокомандующій поручилъ спѣшно заняться поставкой сапогъ для арміи при посредствѣ земствъ и созвать для этого въ Петроградѣ предсѣдателей городскихъ и земскихъ управъ, Маклаковъ сказалъ:

— Да, да, то, что вы говорите, вполнѣ совпадаетъ съ имѣющимися агентурными свѣденіями.

— Съ какими свѣдѣніями?

— По моимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ подъ видомъ съѣзда для нуждъ армій будутъ обсуждать политическое положеніе въ странѣ и требовать конституцію...

Это заявленіе министра было до того неожиданно и нелѣпо, что я даже привскочилъ въ креслѣ и рѣзко ему отвѣтилъ:

— Вы съ ума сошли... Какое право вы имѣете такъ оскорблять меня. Чтобы я,. предсѣдатель Г. Думы, прикрываясь въ такое время нуждами войны, сталъ созывать съѣздъ для поддержки какихъ то революціонныхъ проявленій. Кромѣ того, вы вообще ошибаетесь, потому что конституція у насъ уже есть...

Маклаковъ, видимо, опѣшилъ и сталъ сглаживать:

— Вы, Михаилъ Владиміровичъ, пожалуйста, не принимайте это за личную обиду, во всякомъ случаѣ безъ совѣта министровъ я не могу дать разрѣшенія на такой съѣздъ и внесу этотъ вопросъ на ближайшее засѣданіе.

Я сообщилъ Маклакову, что нѣкоторые изъ министровъ обѣщали поддержать мое ходатайство и ушелъ отъ него возмущенный и разстроенный

О съѣздѣ были уже разговоры съ членами Думы и неоффиціально многіе изъ предсѣдателей управъ были уже извѣщены о желаніи главнокомандующаго привлечь земства къ работѣ на армію. Многіе тотчасъ же откликнулись. Прислали нужныя свѣденія, а нѣкоторые, не дожидаясь приглашенія, сами пріѣхали въ Петроградъ. Затѣмъ стали поступать отвѣты изъ земствъ, что заказы уже даны кустарямъ и мастерскимъ, скупаются кожи и что работа идетъ во всю. Одно изъ земствъ въ виду недостатка дубильныхъ веществъ послало своего человѣка въ Аргентину. Даже нѣкоторые изъ губернаторовъ и тѣ откликнулись и писали, что вполнѣ сочувствуютъ привлеченію земствъ къ военнымъ поставкамъ. Министръ Маклаковъ и тутъ постарался мѣшать, какъ могъ. Онъ распорядился, чтобы заказы шли черезъ губернаторовъ, что возмутило общественные круги и затормозило дѣло. Въ тоже время Маклаковъ издалъ знаменитый приказъ, въ которомъ запрещалось вывозить продукты изъ одной губерніи въ другую. Это уже совершенно стѣсняло и нарушало планъ использованія продуктовъ и возможностей различныхъ губерній. Черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ Маклакова, въ которомъ предсѣдатель Думы извѣщался, что его предложеніе о созывѣ съѣзда совѣтомъ министровъ отклонено и что дѣло поставки сапогъ передано главному интенданту Шуваеву, который и долженъ входить въ сношенія съ земствами и городами. На другой же день является Шуваевъ и откровенно заявляетъ, что онъ не можетъ этимъ заняться, что никогда съ земствами дѣла не велъ и что, по его мнѣнію, земства не отнесутся съ достаточнымъ довѣріемъ къ интендантству и не станутъ съ нимъ непосредственно работать. Шуваевъ просилъ какъ нибудь помочь ему. Я откровенно ему отвѣтилъ, что разъ совѣтъ министровъ находитъ, что мнѣ нельзя поручать этого дѣла, мнѣ остается вовсе отъ него отказаться.

Вскорѣ послѣ этого у меня былъ Горемыкинъ для обсужденія вопросовъ о созывѣ Думы. Я напомнилъ ему въ разговорѣ о его обѣщаніи поддержать предложеніе о земскомъ съѣздѣ.

Какой съѣздъ? — удивился Горемыкинъ, — ничего такого мы вовсе не обсуждали въ совѣтѣ...

Я показалъ Горемыкину письмо Маклакова. Онъ прочелъ съ большимъ изумленіемъ и опять повторилъ, что вопросъ въ совѣтѣ министровъ вовсе не обсуждался, а про Маклакова онъ замѣтилъ: „Il a menti comme toujours“ *).

Несмотря на противодѣйствія правительства—земства продолжали работать. Шуваевъ получалъ готовыя партіи сапогъ, а къ распоряженіямъ Маклакова относились съ презрѣніемъ и возмущеніемъ. Особенно раздражало всѣхъ запрещеніе вывозить изъ губерніи въ губернію. Благодаря этой мѣрѣ въ однихъ мѣстахъ получался избытокъ продуктовъ, а въ другомъ недостатокъ, а случалось и такъ, что помѣщики,

---

*) Оно солгалъ, какъ всегда.

имѣвшіе имѣнія въ разныхъ губерніяхъ, не могли перевозить для посѣвовъ собственное зерно.

Когда я докладывалъ объ этихъ обстоятельствахъ Государю, онъ выслушалъ, но повидимому не обратилъ особаго вниманія. Я спросилъ Государя, какъ онъ смотритъ на мои посѣщенія Ставки, не находитъ ли онъ ихъ неумѣстными. Государь сказалъ, что онъ знаетъ, что великій князь очень цѣнитъ меня и что онъ лично будетъ радъ, если я буду чаще ѣздить въ Ставку. На этотъ разъ Государь былъ очень любезенъ. Я просилъ ускорить созывъ Думы и разсказалъ Государю содержаніе письма Маклакова и о его неосновательныхъ подозрѣніяхъ противъ земствъ.

Дума была созвана для обсужденія бюджета, но первое же засѣданіе вылилось въ историческую манифестацію, какъ и въ первые дни войны. Не приняли участія въ манифестаціи только крайніе лѣвые и странное молчаніе хранили прибалтійскіе и другіе думскіе нѣмцы. Незадолго до созыва Думы было арестовано нѣсколько соціалъ-демократовъ, въ томъ числѣ четыре члена Думы. Было обнаружено, что они пропагандировали противъ войны и даже найдены были документы, доказывающіе, что одинъ изъ нихъ открыто писалъ, что для Россіи было бы благомъ, если бы побѣдила Германія. Соціалъ-демократическая фракція собиралась по этому поводу внести запросъ правительству. Если бы они это сдѣлали, цѣльность засѣданія была бы нарушена и, вообще, это произвело бы нехорошее впечатлѣніе. Для запроса требовалось не менѣе тридцати подписей, а у лѣвыхъ такого количества депутатовъ не было и внесеніе запроса зависѣло отъ того, дадутъ ли подписи кадеты, какъ это они дѣлали во многихъ другихъ случаяхъ. Однако, кадеты подписей не дали и все обошлось благополучно. Милюковъ произнесъ прекрасную патріотическую рѣчь, упомянувъ о только что убитомъ на войнѣ членѣ ихъ партіи Колюбакинѣ, и сказалъ это такъ тепло, что память погибшаго Колюбакина почтила вставаніемъ не только вся Дума, но и члены правительства.

Послѣ предсѣдателя Думы говорили Горемыкинъ и Сазоновъ. Оба они указывали на то, что чаяніе побѣды переходитъ въ увѣренность, что мы прочно завоевали Галицію и убѣдились на дѣлѣ, что въ боевомъ отношеніи хорошо подготовлены къ войнѣ. Горемыкинъ упомянулъ, что жизнь выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ внутренняго характера, которыми придется заняться, однако, только послѣ войны. Военный министръ Сухомлиновъ заявилъ, что армія обезпечена боевымъ снаряженіемъ и что къ марту мѣсяцу снарядовъ и ружей будетъ въ избыткѣ. Такъ какъ съ фронта приходили извѣстія, что снарядовъ не хватаетъ, то слова военнаго министра и его категорическія заявленія многихъ успокоили.

Вскорѣ послѣ этого засѣданія, въ февралѣ появилось сообщеніе верховнаго главнокомандующаго о томъ, что повѣшенъ полковникъ Мясоѣдовъ съ соучастниками. Всѣмъ было извѣстно, что Мясоѣдовъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ и часто у него бываетъ. Первую нашу неудачу подъ Сольдау послѣ этого многіе склонны были приписать участію въ катастрофѣ Мясоѣдова. Довѣріе къ Сухомлинову окончательно подрывалось, говорили даже объ из-

мѣнѣ. Непоколебимой оставалась только вѣра въ верховнаго главнокомандующаго в. к. Николая Николаевича. Въ связи съ повѣшеніемъ Мясоѣдова вспомнили о разоблаченіяхъ, которыя еще въ третьей Думѣ дѣлалъ Гучковъ, обвиняя Сухомлинова и Мясоѣдова. Гучковъ тогда указывалъ на несомнѣнную связь между Сухомлиновымъ и Мясоѣдовымъ и нѣкіимъ Альтшуллеромъ, австрійскимъ тайнымъ агентомъ. Этотъ Альтшуллеръ вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ стоялъ во главѣ фирмы, черезъ которую при посредствѣ Сухомлинова дѣлались артиллерійскія поставки на армію. Роль Альтшуллера и Мясоѣдова вскрылъ генералъ Н. І. Ивановъ. Въ то же время Гучковъ ставилъ въ вину Сухомлинову, что онъ устроилъ тайный надзоръ за офицерами и поручилъ это Мясоѣдову. Несмотря, однако, на возрастающее возмущеніе противъ Сухомлинова, Государь продолжалъ выражать ему свое благоволеніе.

На фронтѣ въ теченіе зимы мы продвигались въ Галиціи. Съ неимовѣрными трудностями войска преодолѣвали Карпатскія горы и спускались въ Венгерскую долину. 9 марта палъ Перемышль. Безъ штурма, почти безъ боя. Генералъ Селивановъ, отчаявшійся взять Перемышль, собирался было снимать осаду, но неожиданно, чуть ли не въ тотъ же день когда хотѣли уходить, Перемышль сдался. Тамъ мы взяли 117 тысячъ плѣнныхъ. Оказалось, что въ крѣпости не хватало продовольствія и что славяне враждовали съ венграми. Кусманеку, коменданту крѣпости, запертые въ Перемышлѣ солдаты грозили смертью. Онъ приказалъ дѣлать вылазку и идти на прорывъ. Послушалась только часть — венгерскіе полки. Попытка ихъ, однако, не удалась и большинство изъ нихъ бѣжало обратно въ крѣпость. Говорятъ, что Кусманекъ аэропланомъ запрашивалъ Вѣну и ему разрѣшили сдаться. Послѣ взятія Перемышля в. к. Николай Николаевичъ получилъ бриллiантовую шпагу съ надписью: «За завоеваніе Червонной Руси».

Въ началѣ апрѣля, желая провѣрить свѣдѣнія, доходившія съ фронта до членовъ Думы, я рѣшилъ поѣхать въ Галицію. Мнѣ удалось побывать на фронтѣ до самаго Дунайца въ арміяхъ Радки Дмитріева, Лечицкаго и Брусилова. Вездѣ свѣдѣнія сходились на одномъ главномъ: что въ арміяхъ не хватаетъ снарядовъ. На это жаловался еще осенью 1914 года генералъ Рузскій. Когда я потомъ передалъ о разговорѣ съ Рузскимъ въ Ставкѣ, великій князь успокоилъ, заявивъ, что это временная заминка и что черезъ двѣ недѣли снаряды поступятъ въ большомъ количествѣ. Теперь повторялись тѣ же самыя жалобы. Генералы были въ отчаяніи и просили помочь. Поѣздку эту я совершилъ въ сопровожденіи моей жены, ея сестры и Я. В. Глинки, который велъ записи при объѣздѣ фронта. Въ поѣздѣ съ нами ѣхала в. к. Ксенія Александровна. На вокзалѣ во Львовѣ мы увидѣли группу какихъ то людей, штатскихъ, повидимому кого то ожидавшихъ.

Здѣсь же стоялъ и в. к. Александръ Михайловичъ, встрѣчавшій свою жену. Мы вышли изъ вагона, а когда группа штатскихъ приблизилась къ намъ, то мы естественно уступили мѣсто великокняжеской четѣ, предполагая, что это ихъ встрѣчаютъ. Произошло замѣша-

тельство. Затѣмъ изъ группы штатскихъ выдѣлился пожилой человѣкъ, обратившійся ко мнѣ съ привѣтствіемъ. Оказалось, что это галицiйскіе общественные дѣятели во главѣ съ Дудыкевичемъ, явившіеся встрѣтить предсѣдателя русской Государственной Думы. (Упоминаю объ этой встрѣчѣ, потому что министръ Н. А. Маклаковъ умудрился изобразить Государю и эту скромную встрѣчу и все мое пребываніе въ Галиціи въ совершенно превратномъ свѣтѣ).

Красивый веселый Львовъ, весь въ зелени, производилъ отрадное впечатлѣніе. Чистыя улицы, оживленная толпа, русскіе военные и даже городовые на углахъ — все это не говорило о завоеванномъ краѣ. Казалось, что мы у себя среди друзей, гдѣ незамѣтно враждебнаго отношенія и гдѣ даже крестьяне по своей одеждѣ и говору напоминали нашихъ хохловъ.

Перемышль — послѣднее слово военной науки, гдѣ природныя условія дополнялись чудомъ фортификаціи: казалось, что взять его было нельзя и только предательство Кусманека помогло сдачѣ крѣпости. Множество орудій стояли рядами по пути къ крѣпости и въ самой крѣпости. Въ земскомъ союзѣ, гдѣ мы остановились, разсказывали много интереснаго про первые дни «нашего» Перемышля. Населеніе и войска въ немъ голодали, въ госпиталяхъ больныхъ оставляли безъ помощи, а послѣ занятія крѣпости мы нашли большіе запасы муки, картофеля и мяса. У Кусманека была прекрасная ферма изъ ста коровъ, которая перешла въ вѣдѣніе земскаго союза.

Вернувшись во Львовъ, мы узнали, что черезъ два дня ожидается пріѣздъ Государя и в. к. Николая Николаевича. Имъ готовили торжественную встрѣчу, строили арки, украшали городъ гирляндами и флагами. Мнѣ это посѣщеніе казалось несвоевременнымъ и я въ душѣ осуждалъ в. к. Николая Николаевича.

Въ день высочайшаго пріѣзда всѣ собрались во временномъ соборѣ. На улицахъ стояли шпалерами войска и толпы народа и «ура» перекатывалось и усиливалось по мѣрѣ приближенія царскаго поѣзда. Послѣ молебна архіепископъ Евлогій произнесъ трогательную рѣчь, всѣ чувствовали себя умиленными и вѣрили въ нашу окончательную побѣду. Въ тотъ же день былъ обѣдъ. Послѣ обѣда Государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Думали ли вы, что когда нибудь встрѣтимся съ вами во Львовѣ?

— Нѣтъ, ваше величество, я не думалъ и при настоящихъ условіяхъ очень сожалѣю, что вы, Государь, рѣшились предпринять поѣздку въ Галицію.

— Почему?

— Да потому, что недѣли черезъ три Львовъ вѣроятно будетъ взятъ обратно нѣмцами и нашей арміи придется очистить занятыя ею позиціи.

— Вы, Михаилъ Владиміровичъ, всегда меня пугаете и говорите непріятныя вещи.

— Я, ваше величество, не осмѣлился бы говорить неправду. Я былъ на фронтѣ и удивляюсь верховному главнокомандующему, какъ онъ допустилъ, чтобы вы пріѣхали сюда при теперешнемъ положеніи вещей. Земля, на которую вступилъ русскій монархъ, не можетъ быть

дешево отдана обратно: на ней будутъ пролиты потоки крови, а удержаться на ней мы не можемъ...

Послѣ обѣда Государь выходилъ на балконъ, говорилъ съ народомъ, упоминая о старыхъ исконныхъ русскихъ земляхъ. Толпа кричала «ура», дамы махали платками. На другой день Царь съ великимъ княземъ поѣхалъ въ Перемышль.

Черезъ недѣлю жена и сестра вернулись въ Петроградъ, а я съ сыномъ поѣхалъ по фронту и по учрежденіямъ Кр. Креста. Однако, не успѣли мы вернуться во Львовъ, какъ началось наше катастрофическое отступленіе. Подтвердилось то, что предсказывалъ мой сынъ и всѣ серьезные военные: недостатокъ снаряженія сводилъ на нѣтъ всѣ наши побѣды, всю пролитую кровь.

Сынъ Николай со своимъ отрядомъ, прикомандированный къ дивизіи Корнилова, былъ окруженъ, но, благодаря знанію мѣстности, выбрался и вывезъ до Сана не только отрядъ и раненыхъ, но и часть обозовъ и боевыхъ припасовъ. За это дѣло онъ получилъ Владиміра съ мечами. Корниловъ не хотѣлъ оставить своей дивизіи, которая растянулась на двадцать верстъ; онъ настоялъ на томъ, чтобы санитарный отрядъ уходилъ, а самъ поѣхалъ къ отставшимъ полкамъ, былъ раненъ, окруженъ и съ частью дивизіи оказался въ плѣну.

IX

Въ Ставкѣ послѣ отступленія. Проектъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ. На съѣздѣ промышленниковъ. Николай II и Н. Маклаковъ. Архангельскій портъ. В. К. Сергѣй Михайловичъ.

На возвратномъ пути изъ Галиціи я заѣхалъ въ Ставку, чтобы передать главнокомандующему свои впечатлѣнія. Великій князь показался мнѣ совершенно другимъ: насколько при поѣздкѣ онъ былъ умиленъ бодрымъ видомъ войскъ, устройствомъ тыла, санитаріей, интендантствомъ и увѣренностью всѣхъ въ побѣдѣ, настолько удручающе дѣйствовали на него недостатки командного состава, бездарность плановъ Иванова и главнымъ образомъ плохое снабженіе арміи патронами, снарядами и ружьями. Въ Ставкѣ настроеніе было подавленное. Великій князь сознавалъ, что планъ Иванова на Карпатахъ не удался. Радко Дмитріевъ былъ поставленъ въ тяжелыя условія. На пути его отступленія нигдѣ не было приготовлено укрѣпленныхъ позицій, отказъ прислать ему своевременно помощь (по общему голосу въ этомъ былъ виноватъ Владиміръ Драгоміровъ, враждовавшій съ Радко), растянутость фронта съ недостаточнымъ количествомъ войскъ вмѣстѣ съ отсутствіемъ снарядовъ сдѣлали его положеніе безвыходнымъ. Третья армія должна была отступить за Санъ и отдать всю западную часть Галиціи, завоеванную цѣною столькихъ жертвъ.

Въ такія минуты было не до церемоній и я счелъ за необходимость говорить великому князю чистую правду.

— Ваше высочество, вы губите даромъ народъ и должны требовать отъ артиллерійскаго вѣдомства совершенно точный отчетъ, что

у него готово и въ какомъ количествѣ они могутъ давать вамъ снабженіе: до сихъ поръ всѣ ихъ обѣщанія не исполнены.

На это великій князь отвѣтилъ:

— Я ничего не могу добиться отъ артиллерійскаго вѣдомства. Мое положеніе, вообще, крайне затруднено: Государя возстанавливаютъ противъ меня.

Великій князь жаловался на вліяніе министра Маклакова, благодаря которому не удалась его попытка провѣрить дѣятельность казенныхъ заводовъ. Великій князь убѣдилъ Государя назначить Литвинова-Фалинскаго (директоръ департамента промышленности и старшій фабричный инспекторъ) обревизовать заводы, работавшіе на нужды войны. Государь въ Ставкѣ съ этимъ согласился и подписалъ назначеніе, но, пріѣхавъ въ Петроградъ, измѣнилъ свое рѣшеніе; Литвиновъ-Фалинскій былъ отставленъ безъ всякихъ объясненій.

Разговоръ съ великимъ княземъ былъ весьма продолжителенъ: я настойчиво доказывалъ ему, что при создавшемся положеніи на фронтѣ нельзя замалчивать и уступать, нельзя идти на компромиссы, надо все прямо и откровенно говорить Государю, настаивая до конца на своихъ предложеніяхъ. Кто, какъ не верховный главнокомандующій, можетъ не только говорить, но и требовать.

На это великій князь замѣтилъ:

— Ого, какъ вы сильно выражаетесь.

— Не сильно, ваше высочество, — отвѣчалъ я, — воюетъ весь народъ и весь народъ возстанетъ въ случаѣ неудачной войны, если онъ увидитъ, что всѣ принесенныя жертвы, вся пролитая кровь были напрасны. Народъ показалъ себя достойнымъ своей великой родины, зато царское правительство совсѣмъ недостойно Россіи. Прежде всего необходимо настоять на отставкѣ Маклакова и в. к. Сергѣя Михайловича, надо разогнать воровскую шайку артиллерійскаго вѣдомства, которая прикрывается именемъ великаго князя.

Говоря о своемъ безсиліи что нибудь сдѣлать съ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, верховный главнокомандующій упомянулъ, что онъ знаетъ объ участіи и вліяніи на артиллерійскія дѣла балерины Кшесинской, черезъ которую получали заказы различныя фирмы. Когда я замѣтилъ, что пора убрать наконецъ и Сухомлинова, великій князь отвѣтилъ:

— Въ этомъ я тоже безсиленъ: Сухомлиновъ за послѣднее время пользуется особымъ благоволеніемъ Государя.

Разговоръ этотъ оставлялъ очень тяжелое впечатлѣніе: великій князь недостаточно энергиченъ.

Прощаясь со мной, великій князь спросилъ, что можно сдѣлать, чтобы спасти положеніе. Я предложилъ свой старый проектъ, который давно имѣлъ въ умѣ — составить комитетъ изъ членовъ Думы, представителей отъ промышленности, отъ артиллерійскаго и другихъ военныхъ вѣдомствъ, съ широкими полномочіями вѣдать всѣ вопросы военнаго снаряженія. Великій князь ухватился за эту мысль съ радостью и обѣщалъ сказать Государю, котораго ожидалъ въ Ставкѣ. Послѣ великаго князя у меня былъ длинный разговоръ съ его приближенными: Янушкевичемъ и Даниловымъ. Оба они производили впе-

чатлѣніе полной растерянности и удрученности, оба понимали ужасъ положенія и повторяли одно и то же: «Вы одинъ можете спасти положеніе». Янушкевичъ даже со слезами на глазахъ откровенно говорилъ о нравственныхъ пыткахъ, которыя онъ переживаетъ, не будучи въ состояніи добиться нужнаго отъ артиллерійскаго вѣдомства и зная, въ какихъ нечестныхъ рукахъ оно находится.

Вернувшись въ Петроградъ, я пригласилъ Литвинова-Фалинскаго и заодно съ депутатами: Савичемъ, Протопоповымъ, Дмитрюковымъ мы обсуждали вопросъ о созданіи комитета. Литвиновъ и Савичъ сообщили о многочисленныхъ отказахъ вѣдомства заводамъ, предлагавшимъ использовать ихъ заказами на шрапнели, снаряды и прочее. Съ частными заводами не хотѣли имѣть дѣло, а казенные, благодаря отчаянной организаціи, производили пятую часть того, что могли производить. О нечестности и взяткахъ артиллерійскаго вѣдомства тогда открыто говорили въ столицѣ. Порядки вѣдомства бросались въ глаза даже обывателямъ: патронный заводъ на Литейномъ совершенно не охранялся, тоже было и на другихъ заводахъ, а взрывъ на пороховомъ заводѣ окончательно вселилъ недовѣріе къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ вѣдомства. Во главѣ многихъ казенныхъ заводовъ все еще сидѣли германскіе подданные, которыхъ, благодаря покровительству министра Маклакова, нѣкоторыхъ великихъ княгинь и клики придворныхъ, нельзя было выслать. Измѣна чувствовалась во всемъ и ничѣмъ инымъ нельзя было объяснить невѣроятныя событія, происходившія у всѣхъ на глазахъ. А тутъ еще было оглашено дѣло Мясоѣдова.

Собравъ подробныя данныя, я отправилъ письмо въ Ставку великому князю, еще разъ повторивъ то, что я ему говорилъ при свиданіи, подкрѣпляя на этотъ разъ свои доводы ссылками на факты и документы. Одновременно я описалъ ему всѣ ужасы, которые происходятъ въ арміи отъ недостатка въ снарядахъ, отъ нераспорядительности высшихъ военныхъ властей и главнымъ образомъ Сухомлинова. Государь поѣхалъ въ Ставку, а я получилъ отъ в. к. Николая Николаевича слѣдующую телеграмму: «Съ вашимъ проектомъ слѣдуетъ подождать». На слѣдующій день, однако, изъ Ставки пришла телеграмма, въ которой меня вызывали, и поручалось, чтобы я привезъ лицъ, коихъ сочту полезными. Поѣхали Литвиновъ-Фалинскій, Вышнеградскій и Путиловъ. Въ Ставкѣ я былъ принятъ Государемъ и съ полной откровенностью доказывалъ необходимость созыва комитета съ участіемъ общественныхъ дѣятелей, передалъ о возбужденіи умовъ въ тылу, о недовѣріи арміи къ тыловымъ военнымъ руководителямъ и о томъ, что это недовѣріе неминуемо будетъ расти по мѣрѣ отхода войскъ. Государь былъ очень взволнованъ, блѣденъ, руки его дрожали. Повидимому, особенно сильное впечатлѣніе произвело на него, когда я, тоже волнуясь и еле сдерживая слезы, говорилъ ему о беззавѣтной любви и преданности въ войскахъ къ Царю и родинѣ, о ихъ готовности жертвовать собой и о спокойномъ, безъ всякой рисовки, исполненіи долга. Обрисовавъ положеніе на фронтѣ и въ странѣ, я просилъ Государя удалить Маклакова, Саблера, Щегловитова и Сухомлинова. Въ то время, когда проливается кровь столькихъ людей, нельзя тер-

пѣть у власти людей, испытывающихъ общественное мнѣніе, «съ которыми вы все же должны считаться, ваше величество».

Государю показалась счастливой моя мысль объ учрежденіи Особаго Совѣщанія и сразу же была намѣчена въ общихъ чертахъ его организація: въ составъ совѣщанія должны были войти представители банковъ, субсидировавшихъ заводы, представители промышленности, общественные дѣятели и представители законодательныхъ учрежденій и военнаго вѣдомства. Первыми были призваны Литвиновъ-Фалинскій, Путиловъ, Вышнеградскій, банкиръ Утинъ, Гучковъ и другіе. Государь спросилъ:

— Кто же будетъ предсѣдательствовать въ Особомъ Совѣщаніи?

Я отвѣтилъ, что предсѣдателемъ долженъ быть военный министръ, такъ какъ дѣло касается снабженія арміи. Другого выхода не было, такъ какъ если бы предсѣдателемъ не былъ назначенъ Сухомлиновъ, то Совѣщанію на каждомъ шагу ставили бы палки въ колеса.

Когда слухи о возникновеніи Совѣщанія, оффиціально еще не утвержденнаго, дошли до военнаго министерства, тамъ, понятно, заволновались: Государю старались доказать, что возникновеніе Совѣщанія незаконно, что это какъ бы новое министерство, для чего нуженъ новый законъ и соблюденіе цѣлаго ряда формальностей, требующихъ времени. Къ счастью, интриги не удавались и Государь съ этими доводами не соглашался. Тогда ему стали доказывать, что во время роспуска палатъ предсѣдателя Думы не существуетъ и потому его участіе въ Совѣщаніи было бы незаконно, но Государь и на это не обратилъ вниманія. Учрежденіе Особого Совѣщанія должно было пройти черезъ совѣтъ министровъ и поступить на утвержденіе Государя для проведенія въ жизнь въ порядкѣ 87 статьи. Противъ учрежденія Совѣщанія особенно старались министры: Маклаковъ и Щегловитовъ. Маклаковъ, забѣгая ко всѣмъ близкимъ къ Царю, усиленно добивался быть принятымъ, но Царь его не принялъ, а передъ засѣданіемъ, въ которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о Совѣщаніи, Царь вызвалъ къ себѣ Сухомлинова и сказалъ ему: «Передайте въ совѣтѣ министровъ, что я очень сочувствую возникновенію этого Особаго Совѣщанія и привѣтствую, что оно будетъ при участіи членовъ законодательныхъ палатъ».

Сухомлиновъ во время засѣданія передалъ слова Государя и Горемыкинъ, воспользовавшись этимъ, заявилъ: «Я думаю, что въ такомъ случаѣ намъ нечего долго обсуждать этотъ вопросъ: намъ остается только преклониться передъ волей Государя Императора».

При голосованіи Саблеръ и Щегловитовъ, сговорившись въ сторонѣ, подали голосъ за проектъ, противъ поднялся только одинъ Маклаковъ. (Говорили, что это было очень непріятно Государю). Проектъ былъ утвержденъ Государемъ и Особое Совѣщаніе по оборонѣ начало дѣйствовать.

Передъ окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о совѣщаніи въ законодательномъ порядкѣ я счелъ себя обязаннымъ внести этотъ запросъ на обсужденіе членовъ Г. Думы. Въ концѣ мая былъ собранъ совѣтъ старѣйшинъ и я доложилъ имъ весь ходъ предшествовавшихъ событій и все то, что привело къ мысли о созданіи Совѣщанія. Харак-

терно отношеніе различныхъ партій къ этому вопросу. Правые, какъ и слѣдовало ожидать, хранили упорное молчаніе, націоналисты и октябристы горячо привѣтствовали всѣ предпринятые мною шаги, а кадеты, устами своего лидера П. Н. Милюкова, совершенно неожиданно возстали противъ моей затѣи, доказывая, что всякое общеніе и совмѣстная работа съ военнымъ министерствомъ Сухомлинова явилась бы позорнымъ для Думы и поэтому они, кадеты, ни въ какомъ случаѣ участія во вновь образуемомъ Совѣщаніи не примутъ. Къ еще большему моему изумленію такое мнѣніе вызвало жестокій отпоръ со стороны Керенскаго. Съ горячностью и стремительностью онъ въ страстной рѣчи напалъ на Милюкова, доказывая всю нелѣпость его точки зрѣнія. «Кадеты, — говорилъ онъ, — всегда исходятъ изъ теоретическихъ соображеній и впадаютъ въ отвлеченность, отвергая всякое предложеніе, которое не совпадаетъ съ ихъ теоріей, хотя бы оно и было по сушеству полезнымъ. Я политическій противникъ предсѣдателя Г. Думы, но я вижу, что онъ болѣетъ о нашихъ неурядицахъ и болѣзненно ищетъ пути для исправленія ужасающихъ дефектовъ военной организаціи. Мы, трудовики, вполнѣ сочувствуемъ его стремленіямъ, одобряемъ его и поддерживаемъ».

Выслушавъ мнѣнія своихъ сотоварищей, я поставилъ вопросъ о довѣріи и мои дѣйствія единогласно были одобрены. Впослѣдствіи стоило большого труда уломать кадетовъ принять участіе въ Совѣщаніи; крайняя лѣвая отказалась отъ участія, говоря, что единственный мотивъ ихъ отказа заключается въ томъ, что къ нимъ, какъ къ лѣвымъ, члены правительства будутъ относиться съ предубѣжденіемъ и подозрѣніемъ.

Въ маѣ того же 1915 года въ Петроградѣ происходилъ съѣздъ промышленниковъ. Со всѣхъ сторонъ мнѣ передавали, что участники съѣзда крайне возбуждены и что на съѣздѣ готовятся революціонныя выступленія. Это было бы только на руку министру Маклакову, который ждалъ удобнаго случая, чтобы оправдались его постоянные доносы Царю, чтобы затѣмъ закрыть съѣздъ, а главныхъ его дѣятелей арестовать. Лица освѣдомленные говорили, что въ московскихъ торгово-промышленныхъ кругахъ уже подготовлена для петроградскаго съѣзда резолюція чуть ли не съ требованіемъ Учредительнаго Собранія.

Утромъ въ день съѣзда ко мнѣ на квартиру пріѣхали кн. Г. Е. Львовъ и членъ Думы В. Маклаковъ, возбужденные и испуганные; они говорили о томъ, что можно ожидать отъ съѣзда и особенно отъ резолюціи, составленной въ Москвѣ. Они совѣтовали мнѣ не ѣхать на съѣздъ, пугая отвѣтственностью за могущее быть выступленіе: «Подумайте, какую отвѣтственность вы берете на себя», — говорили депутаты.

— Если бояться отвѣтственности, то, вообще, ничего нельзя дѣлать, — я рѣшилъ, я поѣду на съѣздъ, его надо спасать и внести успокоеніе.

Тогда они начали уговаривать жену, стараясь черезъ нее повліять на меня и просили, чтобы она удержала меня дома. Жена имъ

отвѣтила, что не можетъ вмѣшиваться въ мои дѣла, но что увѣрена въ благополучномъ исходѣ дѣла.

На съѣздъ я поѣхалъ съ Протопоповымъ, былъ встрѣченъ апплодисментами и экспромптомъ сказалъ рѣчь, закончивъ ее слѣдующимъ:

«Господа, ѣдучи сюда на ваше почтенное собраніе, я встрѣтилъ не одну часть молодыхъ войскъ, молодыхъ солдатъ, которые обучаются теперь и готовятся для того, чтобы замѣнить и пополнить собою ряды павшихъ. Я проѣхалъ двѣ тысячи верстъ, былъ въ Галиціи въ близкомъ общеніи съ арміей и я не найду словъ, чтобы выразить то глубокое умиленіе, то высокое почтеніе къ этимъ храбрымъ воинамъ, къ тому несокрушимому духу, который я наблюдалъ всегда и наблюдаю въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые теперь обучаются, зная, что они обязаны безстрашно идти на поля сраженія. Но на всѣхъ гражданахъ россійскаго государства первѣйшая и главнѣйшая обязанность дать ясное и точное понятіе нашей арміи, что тылъ спокоенъ, что тылъ нашей глубокой и мирной страны, теперь еще не подверженный вліянію военныхъ дѣйствій, готовъ всемѣрно работать для ихъ пользы и славы и въ помощь имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны вселять имъ убѣжденіе, что здѣсь въ тылу нѣтъ партій, нѣтъ разногласія, а есть одно чувство побѣды надъ врагомъ. Я счастливъ, господа, засвидѣтельствовать, что такой лозунгъ установленъ прочно въ рядахъ членовъ Г. Думы. Народные представители поняли это своимъ чутьемъ и вы видите, что рядъ засѣданій нашихъ представляетъ собою полное отсутствіе партій, полное единеніе. Скажу, что единеніе, это отсутствіе всякихъ партійныхъ началъ продолжается и до сихъ поръ въ тѣхъ небольшихъ засѣданіяхъ, которыя мы имѣемъ въ настоящее время по поводу дѣлъ, близко касающихся Г. Думы. Я отлично отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что промышленный міръ, промышленныя сферы — это сословіе и сферы глубокаго государственнаго значенія. Вы являетесь хозяевами и вершителями той громадной отрасли государственной экономической жизни, которая при своемъ высокомъ развитіи въ будущемъ дастъ намъ возможность не только побѣдить врага на поляхъ сраженія, но дастъ намъ силу доказать, что Россія можетъ сдѣлать. Отнынѣ долженъ быть у всѣхъ русскихъ гражданъ одинъ лозунгъ: все для арміи, все для побѣды надъ врагомъ, все должно быть сдѣлано для того, чтобы въ полномъ и крѣпкомъ единеніи сокрушить тѣхъ, которые дерзаютъ посягать на величіе Россіи. Я позволяю себѣ выразить пожеланіе, чтобы нынѣ, безъ партійныхъ перегородокъ, соображеній, вожделѣній, единая мысль была направлена къ благотворной работѣ на почвѣ воспособленія нашей арміи къ полному раскрѣпощенію Россіи отъ всякихъ посягательствъ иноземнаго вліянія на нее. Этими словами позвольте привѣтствовать васъ и выразить увѣренность, что это именно такъ и будетъ».

Когда съѣздъ узналъ, что къ общественнымъ силамъ отнеслись съ довѣріемъ и что дѣлу еще можно помочь, то раздраженіе противъ правительства улеглось и члены съѣзда начали обсуждать стоявшіе на очереди вопросы съ дѣловой точки зрѣнія. Въ томъ же первомъ засѣданіи съѣздъ вынесъ резолюцію, совершенно противоположную заготовленной первоначально.

Въ концѣ мая я отправилъ просьбу о принятіи меня Государемъ. Въ теченіе четырехъ или пяти дней я не получалъ отвѣта. Вмѣсто того мнѣ стали передавать, что министръ Маклаковъ усиленно настраиваетъ Царя противъ Думы и увѣряетъ его, что Предсѣдатель Думы явится къ нему съ необыкновенными требованіями, чуть ли не съ ультиматумомъ. Слухи эти нашли себѣ отраженіе и въ Москвѣ и пріѣхавшій оттуда молодой Юсуповъ разсказывалъ, что тамъ говорятъ, будто предсѣдатель Думы сталъ во главѣ революціоннаго движенія и вопреки желанію правительства создалъ особый комитетъ **„Comité du salut public"** по образцу французской революціи (такъ, очевидно, понимали учрежденіе Особаго Совѣщанія).

Наконецъ Государь назначилъ день пріема: это было 30 мая. Когда я вошелъ въ кабинетъ, я засталъ Государя взволнованнымъ и блѣднымъ и невольно вспомнилъ то, что мнѣ передавали про интриги Маклакова. Надо было сразу разсѣять подозрѣнія.

— Ваше Величество, — началъ я, — я пришелъ къ вамъ не съ какими нибудь требованіями и не съ ультиматумомъ...

— Почему вы говорите про ультиматумъ?.. Какой ультиматумъ?

— Ваше Величество, я имѣю свѣдѣнія, что вамъ изобразили меня очень опаснымъ человѣкомъ; говорили, что я приду не съ докладомъ, а съ требованіями. Вамъ даже совѣтовали меня не принимать вовсе.

— Кто это вамъ говорилъ, и на кого вы намекаете, что меня настраиваютъ противъ васъ?

— Ваше величество, быть можетъ это сплетня, но слухи настолько основательны и изъ такихъ внушающихъ мнѣ довѣріе источниковъ, что я рѣшился это вамъ доложить. Вамъ говорилъ такъ про меня министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ. Государь, у меня нѣтъ къ вамъ дѣлового доклада по Думѣ: я явился къ вамъ говорить объ общихъ дѣлахъ, пришелъ исповѣдываться, какъ сынъ къ отцу, чтобы передать всю правду, какую я знаю. Прикажете ли мнѣ говорить?

— Говорите.

Государь повернулся и во время доклада пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, повидимому испытывая меня. Я также не спускалъ съ него глазъ. Я докладывалъ обо всемъ, что наболѣло и накипѣло за это время: о порядкахъ артиллерійскаго вѣдомства, о ничтожномъ производствѣ военныхъ заводовъ, о томъ, что во главѣ большинства заводовъ стоятъ нѣмцы, о безпорядкахъ въ Москвѣ, о положеніи арміи, которая самоотверженно умираетъ на фронтѣ и которую предаютъ въ тылу люди, вѣдающіе боевымъ снабженіемъ, о гадостяхъ и интригахъ министра Маклакова и о многомъ другомъ. Въ связи съ дѣломъ Мясоѣдова я передалъ о возбужденіи противъ Сухомлинова, котораго ненавидятъ на фронтѣ и въ тылу и считаютъ сообщникомъ Мясоѣдова. Я старался выяснить и доказать, что Сухомлиновъ, Маклаковъ, Саблеръ и Щегловитовъ совершенно нетерпимы, что в. к. Сергѣй Михайловичъ долженъ непремѣнно уйти, иначе раздраженіе противъ артиллерійскго вѣдомства обрушится на голову одного изъ членовъ Царской семьи, а косвенно и на всю Царскую семью, — словомъ, говорилъ все, о чемъ зналъ и о чемъ нужно было знать Государю.

Докладъ продолжался болѣе часу и Государь за это время не выкурилъ ни одной папироски, что являлось признакомъ его внимательности. Подъ конецъ доклада онъ оперся локтями о столъ и сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Я окончилъ, а онъ все сидѣлъ въ той же позѣ не было, а было только неправильная и путаная политика, пагубная

— Отчего вы встали?..

— Ваше величество, я окончилъ, я все сказалъ.

Государь тоже всталъ, взялъ мою руку въ свои обѣ руки и, смотря мнѣ прямо въ глаза своими влажными добрыми глазами, сталъ крѣпко жать руку и сказалъ:

— Благодарю васъ за вашъ прямой, искренній и смѣлый докладъ.

Я низко поклонился, чувствуя, что къ горлу подступаютъ слезы. Государь, повидимому, былъ тоже взволнованъ и, произнеся свои послѣднія слова, еще разъ пожалъ руку и быстро вышелъ въ другую дверь, плохо скрывая свое волненіе.

* * *

Причины волненія Государя во время этого доклада я узналъ гораздо позже въ дни революціи, когда былъ вызванъ для дачи показанія въ верховную комиссію, которая хотѣла, во что бы то ни стало, найти криминалъ въ дѣйствіяхъ бывшаго Царя. Я говорилъ въ теченіе пяти часовъ подрядъ, доказывая, что криминала въ дѣйствіяхъ Царя не было, а было только неправильная и путаная политика, пагубная для страны, но отнюдь не преднамѣренное желаніе вреда этой странѣ.

Когда я окончилъ, ко мнѣ подошелъ сенаторъ Таганцевъ и сказалъ:

— Теперь вы окончили, такъ вотъ прочтите эту бумагу.

Бумага была помѣчена маемъ 1915 г., числа не помню и соотвѣтствовала времени, когда я былъ вызванъ въ Ставку послѣ Львовскихъ торжествъ.

Министръ Маклаковъ доносилъ:

«Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству. Неоднократно я имѣлъ счастье указывать Вашему Величеству, что Г. Дума и ея предсѣдатель, гдѣ только возможно, стремятся превысить свою власть и значеніе въ государствѣ и, ища популярности, стремятся умалить власть Вашего Императорскаго Величества. Имѣю честь обратить ваше вниманіе на поведеніе предсѣдателя Г. Думы послѣ вашего отъѣзда изъ города Львова. Предсѣдатель Думы принялъ торжественное чествованіе галичанъ и, воспользовавшись отъѣздомъ Государя Императора, держалъ себя, какъ бы глава россійскаго государства

Обращая на вышеизложенное вниманіе Вашего Величества, прошу вспомнить, что я неоднократно указывалъ Вашему Величеству на необходимость уменьшенія правъ Г. Думы и на сведеніе ея на степень законосовѣщательнаго учрежденія».

(Привожу по памяти, не текстуально).

Прочитавъ бумагу, я протянулъ ее Таганцеву со словами:

— Что же тутъ удивительнаго? Обычный пасквиль министра внутренихъ дѣлъ.

— Прочитайте, что написано на обратной сторонѣ, — сказалъ Таганцевъ.

На другой сторонѣ рукой Императора было написано:

«Дѣйствительно, время настало сократить Г. Думу. Интересно, какъ будутъ при этомъ себя чувствовать г. г. Родзянки и Ко.».

По числамъ эта помѣтка совпадала съ тѣмъ временемъ, когда Государь шелъ навстрѣчу работѣ Думы и общественныхъ организацій и обсуждалъ вмѣстѣ со мною проектъ созданія Особого Совѣщанія по оборонѣ.

Вскорѣ послѣ моего доклада Маклаковъ былъ уволенъ. Это было встрѣчено съ большимъ удовлетвореніемъ. Вмѣсто Маклакова былъ назначенъ Н. Б. Щербатовъ, вполнѣ чистый, незапятнанный человѣкъ.

Въ дополненіе къ докладу я отправилъ Государю письмо, въ которомъ еще разъ доказывалъ, что необходимо удалить Сухомлинова и ускорить созывъ Думы. Я не скрывалъ, что засѣданія Думы будутъ бурныя, что правительство будутъ жестоко критиковать, но все-таки лучше, если это произойдетъ въ стѣнахъ Думы, чѣмъ на улицѣ.

Письмо ли это или что другое было послѣднимъ толчкомъ, но Сухомлиновъ, наконецъ, былъ отстраненъ, а вскорѣ на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Поливановъ, пользовавшійся симпатіями въ Думѣ и въ общественныхъ кругахъ. Вскорѣ послѣ удаленія Сухомлинова надъ нимъ была учреждена верховная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ члена Г. Совѣта Петрова при участіи двухъ членовъ Думы (В. Бобринскаго и Варунъ-Секрета) и двухъ членовъ Г. Совѣта. Комиссія послѣ долгихъ мѣсяцевъ разбирательства и изслѣдованія признала Сухомлинова виновнымъ въ лихоимствѣ и въ государственной измѣнѣ. Несмотря на это Сухомлиновъ долгое время не былъ предаваемъ суду и не только находился на свободѣ, но носилъ генералъ-адъютантскіе погоны и даже сохранялъ право посѣщенія засѣданій Г. Совѣта.

11 іюня Государь уѣхалъ въ Ставку; 14 вызвалъ туда всѣхъ министровъ, кромѣ Щегловитова и Саблера. Изъ новыхъ присутствовали Поливановъ и Щербатовъ. Въ засѣданіи обсуждался вопросъ о созывѣ Думы и о снабженіи арміи; слѣдствіемъ этого засѣданія былъ рескриптъ на имя Горемыкина, въ которомъ Государь впервые всенародно объявлялъ о созывѣ Особаго Совѣщанія, говорилъ о призывѣ промышленности и общественныхъ силъ и обѣщалъ скорый созывъ Думы. Рескриптъ произвелъ хорошее впечатлѣніе: о довѣріи къ народу было сказано ясно и твердо и можно было думать, что такое отношеніе уже не измѣнится. Послѣ того же совѣщанія въ Ставкѣ были уволены Саблеръ и Щегловитовъ, а вмѣсто Саблера оберъ - прокуроромъ синода былъ назначенъ А. Д. Самаринъ, принявшій этотъ постъ подъ условіемъ удаленія Распутина. Со словъ самого Горемыкина въ обществѣ говорили, что Императрица требовала, чтобы онъ воспроти-

вился увольненію Саблера и назначенію Самарина, но Горемыкинъ отказался отъ вмѣшательства въ это дѣло, говоря, что надо подчиниться волѣ Государя. Императрица не успокоилась на этомъ и употребила всѣ усилія, чтобы вновь получить вліяніе на рѣшенія Государя. Къ сожалѣнію, ей это удалось и Распутинъ, сосланный въ Сибирь, скоро опять вернулся.

Особое Совѣщаніе уже работало. Оно съ первыхъ же засѣданій занялось раскопками въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ и открыло много нечистоплотныхъ комбинацій. Пришлось удалить одного за другимъ высшихъ чиновъ вѣдомства и поставить во главѣ управленія генерала Маниковскаго. Къ в. к. Сергѣю Михайловичу я поѣхалъ самъ и откровенно ему высказалъ, что лучше, если онъ разстанется съ вѣдомствомъ подъ предлогомъ болѣзни: пока обвиненія падаютъ на его подчиненныхъ, но можетъ случиться, что онѣ обрушатся и на великаго князя, а это бросило бы тѣнь на Царскую семью. Великій князь вскорѣ отказался отъ возглавленія вѣдомства, но одновременно же былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ при Ставкѣ.

Вопіющіе безпорядки открыло Совѣщаніе въ архангельскомъ порту. Еще въ началѣ войны въ Думу стали поступать свѣдѣнія, что вывозка по узкоколейной дорогѣ изъ Архангельска очень затруднена, а портъ заваленъ грузами. Заказы изъ Америки, Англіи и Франціи складывались горами и не вывозились въ глубь страны. Уже въ первые дни войны Литвиновъ-Фалинскій предупредилъ, что архангельскій портъ въ ужасномъ состояніи. Изъ Англіи ожидалось полученіе большого количества угля для петроградскихъ заводовъ, но уголь этотъ негдѣ было даже сложить. Несмотря на то, что Архангельскъ былъ единственный военный портъ, соединявшій насъ съ союзниками, на него почти не обращали вниманія. Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій Особаго Совѣщанія пришлось поднять вопросъ объ Архангельскѣ и запросить министровъ, что они намѣрены предпринять. Министры, въ лицѣ Сухомлинова, Рухлова и Шаховского, либо отписывались, либо обѣщали на словахъ, ничего на дѣлѣ не предпринимая. Между тѣмъ къ концу лѣта 1915 года количество грузовъ было такъ велико, что ящики, лежавшіе на землѣ, отъ тяжести наложенныхъ поверхъ грузовъ буквально вростали въ землю.

Артиллерійское вѣдомство заявляло въ Совѣщаніи, что производство снарядовъ увеличить невозможно, такъ какъ нѣтъ станковъ для выдѣлки дистанціонныхъ трубокъ. Члены Думы доказывали, что станки можно найти, надо только умѣть искать. Совѣщаніе обратилось въ техническія и ремесленныя училища, нѣкоторые изъ членовъ Совѣщанія поѣхали по Россіи и вскорѣ стали получаться телеграммы, что найдены, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, тысячи станковъ. Можно было наладить заводы, эвакуированные изъ мѣстностей, занятыхъ непріятелемъ, но объ этомъ тоже никто не хотѣлъ позаботиться. Особое Совѣщаніе многое привело въ движеніе. Текстильные и другіе заводы, запрошенные Совѣщаніемъ, предложили свои помѣщенія для изготовленія снарядовъ: при этомъ заводы сообщали, что они и ранѣе предлагали свои услуги артиллерійскому вѣдомству, но полу-

чили отвѣтъ, что вѣдомство «обойдется казенными заводами». Члены Совѣщанія объѣзжали казенные и частные заводы и въ петроградскомъ арсеналѣ обнаружили полтора милліона дистанціонныхъ трубокъ, якобы стараго образца. На дѣлѣ оказалось, что ихъ прекрасно можно было приспособить къ новымъ снарядамъ и во время пробы эти трубки дали 90% разрываемости. Послѣ такой находки можно было тотчасъ же приступить къ увеличенію выпуска снарядовъ, не ожидая новыхъ станковъ. Въ первый же мѣсяцъ работы Особаго совѣщанія поступленіе снарядовъ на фронтѣ увеличилось вдвое, а затѣмъ поступленіе все время прогрессировало.

Лѣтомъ въ Москвѣ былъ созванъ съѣздъ военно-промышленнаго комитета. Общественные дѣятели и промышленники горячо откликнулись на обращенный къ нимъ призывъ и дружно взялись за работу. По всей Россіи съ помощью земствъ и городовъ стали образовываться такіе же комитеты, большею частью изъ земскихъ дѣятелей и директоровъ заводовъ. Комитеты стали приспособлять всевозможныя фабрики, ремесленныя училища и мастерскія для нуждъ арміи. Въ маѣ мѣсяцѣ мы уже знали, что по приблизительному подсчету черезъ три мѣсяца будетъ достаточно снарядовъ, чтобы задержать дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Привлеченіе общественныхъ силъ къ снабженію арміи и учрежденіе Особаго Совѣщанія было съ удовлетвореніемъ встрѣчено въ странѣ: на фронтѣ облегченно вздохнули и горечь послѣднихъ неудачъ была смягчена надеждой на болѣе свѣтлое будущее. Возможность работать для арміи, активно участвовать въ подготовкѣ ея успѣховъ, — помогла переживать плохія извѣстія съ фронта, гдѣ мы продолжали отступать.

Возвращаюсь нѣсколько назадъ. 19 іюля была созвана Дума. Настроеніе было очень повышенное и можно было ожидать бурныхъ выступленій. Кадеты и лѣвые собирались вносить цѣлый рядъ запросовъ. Октябристы противились этому, говоря, что не время для разсужденій и необходимо сосредоточиться на дѣловой работѣ. Нѣкоторые изъ кадетовъ предполагали поднять вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Не малыхъ трудовъ стоило отговорить ихъ отъ этого. П. Н. Милюковъ почти во всѣхъ вопросахъ поддерживалъ октябристовъ, даже противъ прогрессистовъ. Внутри Думы всѣ усилія направлены были къ созданію прочнаго большинства и усилія эти увѣнчались успѣхомъ, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ можно было предполагать; удалось не только объединить нѣсколько думскихъ партій, но и достигнуть соглашенія съ центромъ Г. Совѣта. Въ то время какъ лѣвые настаивали на отвѣтственномъ министерствѣ, а правые находили, что этого вопроса вовсе нельзя касаться, центръ столковался на томъ, что объ отвѣтственномъ министерствѣ должно быть сказано, но не въ видѣ требованія, а въ смыслѣ пожеланія и что во всякомъ случаѣ сейчасъ «должны быть призваны къ власти люди, пользующіеся довѣріемъ страны». Такое правительство могло бы прекрасно работать съ Думой, такъ какъ противъ всякихъ ожиданій подъ вліяніемъ войны мелкія разногласія между отдѣльными партіями центра были

сглажены и достигнуто такое соглашеніе, которое создавало большинство, объединенное въ прогрессивномъ блокѣ и позволявшее правительству имѣть надежную опору.

Въ закрытомъ засѣданіи 20 іюля рѣшено было привлечь къ отвѣтственности всѣхъ лицъ, виновныхъ въ недостаткахъ снаряженія арміи. Былъ принятъ законъ объ учрежденіи особыхъ совѣщаній при военномъ министрѣ, а также при министрахъ путей сообщенія, торговли и промышленности, земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ съ привлеченіемъ въ эти совѣщанія представителей Думы и Совѣта, торговли и промышленности. Кадеты хотѣли внести предложеніе объ учрежденіи отдѣльнаго министерства снабженія; съ другой стороны правительство стремилось подчинить Особое Совѣщаніе совѣту министровъ. Къ счастью, то и другое было отвергнуто и законъ объ Особомъ Совѣщаніи былъ принятъ въ томъ видѣ, какъ оно уже существовало, т. е. съ подчиненіемъ только Верховной Власти при отвѣтственности военнаго министра.

X

Государь — Верховный главнокомандующій. Вліяніе Императрицы усиливается. Горемыкинъ распускаетъ Думу. Какъ былъ уволенъ А. Д. Самаринъ. Путиловскій заводъ. Англичане и торговый флотъ.

Между тѣмъ войска наши отступали и казалось, что этому не будетъ конца. Мы очистили Перемышль, Львовъ, выдержали ожесточеннѣйшія атаки на линіи Люблинъ—Холмъ, прикрывая войска, находившіяся подъ Варшавой и спасаясь изъ тѣхъ желѣзныхъ клещей, которыми насъ грозили захватить нѣмцы. Новогеоргіевскъ былъ обреченъ на гибель, сдерживая непріятеля. Крѣпость геройски держалась, была взята штурмомъ и не много изъ ея защитниковъ уцѣлѣло. Другія наши крѣпости: Ковно, Осовецъ и Брестъ-Литовскъ почти совсѣмъ не сопротивлялись и были покинуты почти безъ взрывовъ. Здѣсь тоже обнаружилась измѣна и преступная халатность командованія и военнаго министерства: крѣпости были сооружены скверно, кирпичные форты оказались никуда не годными, а коменданты крѣпостей были не на мѣстѣ. Генералъ Григорьевъ по глупости или сознательно сдалъ ковенскую крѣпость, почти не защищаясь. А между тѣмъ про эту крѣпость депутатъ Савичъ говорилъ въ комиссіи обороны: «Ковно — это такой орѣшекъ, который нѣмцы не скоро раскусятъ». Вмѣсто «орѣшка» оказался карточный домикъ.

Еще въ концѣ апрѣля нѣмцы одновременно съ наступленіемъ въ Галиціи стали нажимать въ Прибалтійскомъ краѣ и, хотя и съ трудомъ, заняли Шавли, Либаву и Митаву, стремясь прорваться къ Ригѣ. Вильно было въ рукахъ непріятеля, который велъ атаки на Двинскъ. На югѣ мы имѣли успѣхъ у Тарнополя и предупредили наступленіе, которое угрожало Кіеву. Въ Кіевѣ была уже паника, началась эвакуація и населеніе, собиравшееся бѣжать, задерживалось съ посѣвомъ озимыхъ. Въ подольской губерніи копались окопы и не на штуку готовились уходить въ глубь страны, ожидая только распоряженія властей.

Вѣра въ в. к. Николая Николаевича стала колебаться. Нераспорядительность командного состава, отсутствіе плана, отступленіе, граничащее съ бѣгствомъ, — все доказывало бездарность начальника штаба при Верховномъ генерала Янушкевича. Великій князь долженъ былъ давно замѣнить его Алексѣевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба у генерала Иванова во время нашего наступленія въ Галиціи, а затѣмъ главнокомандующимъ западнаго фронта. На этомъ имени сходились рѣшительно всѣ. Я писалъ объ этомъ великому князю, горячо убѣждая его отставить Янушкевича и взять на его мѣсто Алексѣева.

Между тѣмъ стали усиливаться слухи, что Царь хочетъ отстранить в. к. Николая Николаевича и самъ принять верховное командованіе. Говорили, что это желаніе Императрицы, что она ненавидитъ великаго князя и хочетъ отстранить Государя отъ руководства внутренними дѣлами, чтобы во время его нахожденія въ Ставкѣ распоряжаться въ тылу самой. Желаніе удалить Николая Николаевича считалось въ думскихъ кругахъ и въ обществѣ большой ошибкой. Легко можно было себѣ представить всѣ послѣдствія подобнаго безумства. Подъ вліяніемъ неудачъ въ народѣ уже и безъ того на ряду съ правдой распространялись самые вздорные слухи и все чаще и чаще называлось имя Царицы. Надо было что то предпринимать, чтобы предупредить надвигавшееся несчастье. Ясно было, что Горемыкинъ зналъ о рѣшеніи Государя, но скрывалъ, не смѣя и не желая противодѣйствовать тому, что приготовлялось во дворцѣ. Нужно сказать, что въ это время послѣ моихъ поѣздокъ въ Царское и въ Ставку кѣмъ то были пущены слухи, что я буду назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Поэтому отношенія съ Горемыкинымъ сдѣлались болѣе натянутыми. Но въ такую минуту нельзя было объ этомъ думать и я рѣшилъ убѣдить Горемыкина и предсѣдателя Г. Совѣта отправиться къ Государю, чтобы просить отмѣнить свое рѣшеніе и оставить в. к. Николая Николаевича. Передъ этимъ я хотѣлъ переговорить съ Кривошеинымъ и позвонилъ къ нему на Елагинъ. Онъ очень непріятнымъ тономъ заявилъ, что занятъ и не можетъ меня принять. Тогда я категорически ему отвѣтилъ, что время не терпитъ, что мнѣ надо видѣть предсѣдателя совѣта министровъ и его, Кривошеина, и что я сейчасъ же пріѣду на Елагинъ. Встрѣтилъ меня Кривошеинъ съ плохо скрываемой злой усмѣшкой, которая выдавала его опасенія:

— Вы, вѣроятно, пріѣхали, чтобы предсѣдательствовать надъ нами?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — надъ вами я никогда не буду предсѣдательствовать.

Предложеніе оказать противодѣйствіе рѣшенію Государя, конечно, было отвергнуто. Горемыкинъ говорилъ въ томъ же духѣ, что и Кривошеинъ, ссылался на священную волю Императора, на то, что онъ не можетъ вмѣшиваться въ военныя дѣла и прочее. Я поѣхалъ къ предсѣдателю Г. Совѣта Куломзину, повторилъ ему тѣ же доводы, но тотъ тоже отказался и въ разговорѣ все вспоминалъ, какъ звали вельможу, который въ двѣнадцатомъ году колѣнопреклоненно просилъ Александра I не брать на себя командованіе арміей, а призвать Куту-

зова. Оставалось послѣднее средство—самому испросить аудіенцію и умолять Государя.

Кн. З. Н. Юсупова ѣздила къ Императрицѣ матери и просила повліять на сына, который долженъ былъ явиться къ ней объявить свое рѣшеніе.

На пріемѣ въ Царскомъ я передалъ Государю о желаніи всѣхъ видѣть на мѣстѣ Янушкевича генерала Алексѣева. Въ отвѣтъ на это къ своему ужасу я услышалъ:

— Я рѣшилъ безповоротно удалить в. к. Николая Николаевича и стать самому во главѣ войскъ.

— На кого вы, Государь, поднимаете руку? Вы, верховный судья, а если будутъ неудачи, кто будетъ васъ судить? Какъ можете вы становиться въ подобное положеніе и покидать столицу въ такое время? Вѣдь, въ случаѣ неудачъ опасность можетъ угрожать и вамъ, Государь, и всей династіи.

Государь не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ и твердо заявилъ:

— Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россію*).

Послѣ аудіенціи я отправилъ Государю пространное письмо, еще разъ повторяя свои доводы и еще разъ умоляя отказаться отъ своего рѣшенія.

21 августа во дворцѣ было первое засѣданіе соединенныхъ Особыхъ Совѣщаній, первое послѣ того, какъ этотъ законъ прошелъ въ Думѣ. Предсѣдательствовалъ Государь, сказавшій хорошую рѣчь. Отъ имени Думы я отвѣчалъ Государю. 23 августа былъ изданъ приказъ по арміи и флоту, гдѣ Государь объявлялъ о своемъ рѣшеніи стать во главѣ войскъ. Многіе были въ паникѣ отъ этого акта. Къ намъ пріѣзжала кн. З. Н. Юсупова и со слезами говорила женѣ: «Это ужасно. Я чувствую, что это начало гибели: онъ приведетъ насъ къ революціи».

Вопреки общему страху и ожиданіямъ, въ арміи эта перемѣна не произвела большого впечатлѣнія. Можетъ быть, это сглаживалось тѣмъ, что стали усиленно поступать снаряды и армія чувствовала болѣе увѣренности.

Образованіе въ Думѣ и въ Г. Совѣтѣ блока и рѣдкія рѣчи съ критикой правительства естественно не нравились Горемыкину и онъ сталъ подготовлять Государя къ необходимости распустить Думу. Отношенія между Думой и правительствомъ особенно обострились послѣ того, когда Дума приняла законопроектъ объ Особыхъ Совѣщаніяхъ при министрахъ, расширивъ его своими поправками, и перешла къ законопроекту о борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ. Правительство внесло этотъ законопроектъ въ такомъ видѣ, какъ будто умышленно хотѣло дискредитировать Думу: онъ былъ такъ составленъ, что Дума должна была бы его отвергнуть и тогда можно было бы сказать, что Дума за нѣмцевъ. Принять этотъ законопроектъ въ редакціи правительства

*) М. В. Родзянко нѣсколько разъ разсказывалъ про эту сцену и про свои тогдашнія переживанія. Вернулся онъ изъ Царскаго совершенно разбитымъ потрясенный настойчивостью Царя, и съ нимъ сдѣлался сердечный припадокъ.

было невозможно, потому что онъ касался главнымъ образомъ колонистовъ, т. е. земельныхъ собственниковъ, которыхъ не слѣдовало возбуждать во время войны. Кромѣ того выселеніе цѣлаго ряда колонистовъ повлекло бы за собой уменьшеніе посѣвной площади на югѣ Россіи. Инженеры, администрація заводовъ, крупные торговцы, банкиры и другіе вліятельные и гораздо болѣе опасные нѣмцы въ законопроектѣ вовсе не упоминались.

Государь уѣхалъ въ армію, а дѣлами внутренней политики стала распоряжаться Императрица. Министры, особенно И. Л. Горемыкинъ, ѣздили къ ней съ докладами и создавалось впечатлѣніе, что она негласно была назначена регентшей. Вскорѣ послѣ отъѣзда Государя Горемыкинъ отправился въ Ставку и заручился согласіемъ на роспускъ Думы.

27 августа въ засѣданіи совѣта министровъ Горемыкинъ поднялъ вопросъ о необходимости роспуска Думы, говоря, что она нервируетъ общество и мѣшаетъ правительству работать. Между тѣмъ Дума была въ это время занята обсужденіемъ цѣлаго ряда неотложныхъ вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ войной, какъ законопроекты о бѣженцахъ, о нѣмецкомъ засиліи и др. Обновленный составъ министровъ не соглашался съ мнѣніемъ Горемыкина, котораго поддержалъ только министръ юстиціи Хвостовъ. Когда же Горемыкинъ заявилъ, что онъ уже заручился принципіальнымъ согласіемъ Государя, то министры предлагали, чтобы не возбуждать слишкомъ страну, найти компромиссъ, сговориться съ предсѣдателемъ Думы, чтобы тотъ по собственной инициативѣ прервалъ засѣданія подъ предлогомъ необходимости для депутатовъ принять участіе въ выборахъ въ Г. Совѣтъ отъ земства. Но Горемыкинъ отвергъ всякіе компромиссы и, никому не сказавшись, вторично поѣхалъ въ Ставку, откуда привезъ готовый указъ о роспускѣ. Когда на вторичномъ засѣданіи совѣта министровъ онъ объявилъ, что имѣетъ указъ о роспускѣ, министры возмутились и рѣзко упрекали его, что онъ ѣздилъ въ Ставку за такимъ важнымъ рѣшеніемъ, не сговорившись предварительно съ ними. Горемыкинъ попробовалъ прервать засѣданіе и прекратить пренія, а когда это не удалось — покинулъ засѣданіе и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. Оставшіеся безъ предсѣдателя министры приняли рѣшеніе корпоративно подать въ отставку: Поливановъ и Щербатовъ вызвались отправиться къ Государю, а другіе передали имъ свои письменныя заявленія и поручили заявить, что съ Горемыкинымъ они служить не могутъ.

Въ тѣ дни Горемыкинъ чуть не ежедневно вдохновлялся въ Царскомъ у Императрицы, гдѣ вновь цѣликомъ находились подъ вліяніемъ Распутина. Жена Горемыкина сдѣлалась открытой сторонницей Распутина и не стѣснялась объ этомъ говорить. На пріемѣ министровъ въ Ставкѣ Государь взялъ привезенныя Поливановымъ и Щербатовымъ прошенія, разорвалъ ихъ на мелкіе клочки и сказалъ: «Это мальчишество. — Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логиновичу я вѣрю». Щербатовъ и Поливановъ уѣхали ни съ чѣмъ, а Горемыкинъ почувствовалъ еще большую силу.

2 сентября вечеромъ Горемыкинъ вызвалъ меня по телефону, сказалъ, что имѣетъ важное дѣло, но усталъ и проситъ къ нему пріѣхать. У меня въ этотъ вечеръ было довольно много членовъ Думы, которые обсуждали упорно ходившіе слухи, что Горемыкинъ собирается распустить Думу. Это казалось настолько невѣроятнымъ и невозможнымъ, что когда они узнали о телефонномъ разговорѣ, то выразили увѣренность, что предсѣдатель совѣта министровъ проситъ пріѣхать, чтобы опровергнуть эти слухи. Однако Горемыкинъ сразу огорошилъ меня, передавая указъ:

— Вотъ указъ о перерывѣ занятій Думы, — встрѣтилъ онъ меня, — завтра вы его прочтете.

Разсерженный, я рѣзко сказалъ:

— Удивляюсь, что вы меня потревожили, чтобы передать такое непріятное извѣстіе: это можно было сдѣлать и по телефону.

Больше ничего не было сказано. Очевидно Горемыкинъ умышленно спѣшилъ съ роспускомъ, чтобы не дать сговориться членамъ Думы и чтобы въ случаѣ рѣзкихъ рѣчей воспользоваться этимъ и распустить Думу совсѣмъ. Ожидавшіе у меня на квартирѣ депутаты были ошеломлены и возмущены; рѣшено было тотчасъ же предупредить всѣхъ лидеровъ партій и просить ихъ собраться въ Думу на утро вмѣсто одиннадцати къ девяти часамъ.

Я былъ въ Думѣ уже въ восемь утра. Сейчасъ же собрали сеньоренъ конвентъ, на которомъ вылилось все возмущеніе. Негодованіе было очень велико и нѣкоторые готовились выступить чуть ли не съ революціонными рѣчами, съ заявленіями о нежеланіи расходиться и объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ. Потребовалось не мало спокойствія и краснорѣчія, чтобы убѣдить наиболѣе горячихъ, не давать волю своему раздраженію, не губить Думу и страну и не играть въ руку Горемыкину. Мнѣ много помогъ Дмитрюковъ: бѣдный, онъ дошелъ даже до обморока*). Къ счастью, и Милюковъ соглашался съ моими доводами и обѣщалъ убѣдить свою фракцію отказаться отъ всякихъ рѣзкостей. Я умышленно затягивалъ открытіе засѣданія, чтобы во фракціяхъ выговорились, излили негодованіе и успѣли остыть. Наканунѣ, когда я узналъ объ указѣ, я тоже прошелъ черезъ такое же настроеніе возмущенія и злобы.

Когда въ одиннадцать часовъ засѣданіе было открыто, въ залѣ стоялъ такой гулъ, какого никогда не бывало: точно шумѣлъ огромный потревоженный улей. Волненіе депутатовъ передалось и на хоры въ публику, гдѣ повидимому ожидали, что Дума не проявитъ выдержки и что произойдутъ какія то событія. Офицеры въ публикѣ сидѣли блѣдные: объ этомъ передавали пристава и знакомые. Казалось, что Дума не можетъ не отвѣтить на брошенный ей вызовъ, на оскорбительный перерывъ занятій въ то время, когда была занята серьезными неотложными проектами, касающимися войны.

Тѣмъ болѣе вышло красиво и торжественно, когда началось совершенно спокойное засѣданіе: гулъ прекратился и въ воцарившейся тишинѣ чувствовалось приближеніе момента огромнаго значенія. Чте-

---

*) Вскорѣ послѣ переворота И. И. Дмитрюковъ застрѣлился.

ніе указа было выслушано при полномъ молчаніи, а когда я, по обыкновенію, провозгласилъ: «Государю Императору ура», — депутаты какъ всегда добросовѣстно громко прокричали «ура» и медленно стали расходиться. Молча расходилась и публика и всѣ сразу почувствовали какую то увѣренность, всѣмъ вдругъ стало ясно, что такъ именно и слѣдовало поступить, что правительство мелочно, хотѣло вызвать волненіе, а Дума оказалась выше этой провокаціи и явила примѣръ государственной мудрости.

Такъ же отвѣтили и общественныя организаціи: въ Москвѣ городской голова Челноковъ обратился съ воззваніемъ къ рабочимъ, приглашая ихъ спокойно продолжать свой трудъ, необходимый для войны. На земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ по всей Россіи стали выносить резолюціи, въ которыхъ обращались къ Государю съ просьбой внять народному желанію и назначить правительство, облеченное твердой властью и пользующееся довѣріемъ страны. Тонъ дало московское Дворянское собраніе, которое постановило даже послать въ Ставку выборныхъ лицъ для доклада Государю. Къ сожалѣнію, Государь ихъ не принялъ. Казалось, что вся Россія проситъ Царя объ одномъ и томъ же и что нельзя не понять и не прислушаться къ моленію изстрадавшейся земли.

Я отправилъ въ Ставку всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ старался доказать, что необходимо удалить Горемыкина и прислушаться къ голосу страны, которая принесла столько жертвъ и заслужила, чтобы съ ней считались.

Однако, нашлись люди, которые поспѣшили ослабить впечатлѣніе единодушнаго порыва: предсѣдатель совѣта объединеннаго дворянства Струковъ какъ бы отъ лица всего дворянства написалъ Государю письмо о томъ, что положеніе вовсе не такъ ужасно, какъ это желаютъ представить нѣкоторые круги, что народъ попрежнему довѣряетъ правительству и что всѣ дворяне готовы положить свою жизнь и свои силы на исполненіе воли тѣхъ, кого Царь призналъ нужнымъ призвать къ власти. Письмо это нѣкоторое время не было извѣстно въ общественныхъ кругахъ, а когда оно получило огласку и дворянскія депутатскія собранія стали обсуждать поступокъ Струкова и выносить ему порицаніе, — было уже поздно. Резолюція вѣрноподданныхъ, просящихъ призвать къ власти людей твердой воли и пользующихся довѣріемъ были представлены Струковымъ, какъ революціонныя выступленія и послѣдовавшія затѣмъ объясненія дворянъ, что Струковъ не былъ никѣмъ уполномоченъ, — не возымѣли дѣйствія.

Вмѣсто призыва къ власти людей, облеченныхъ довѣріемъ страны, пришлось уйти популярнымъ министрамъ Самарину и Щербатову; предполагавшійся же не позже ноября созывъ Думы все откладывался и откладывался.

Отставка Самарина произошла по слѣдующему поводу. Тобольскій епископъ Варнава нашелъ въ это время въ своей епархіи мощи какого то Іоанна и, не ожидая канонизаціи Синода, сталъ служить ему молебны какъ святому. По представленію Самарина Синодъ разсмотрѣлъ это дѣло и постановилъ вызвать епископа Варнаву для объясненія въ Петроградъ. Варнава явился, пришелъ на засѣданіе, но объ-

ясненій давать не пожелалъ, а коротко сказалъ: «Мнѣ съ вами не о чемъ разговаривать...» Покинулъ засѣданіе и скрылся такъ, что долго не могли узнать его мѣстожительство. Варнава въ это время жилъ на квартирѣ князя Андронникова, одного изъ распутинскихъ друзей. Самаринъ хотѣлъ возбудить новое дѣло о неповиновеніи епископа и лишеніи его сана, но Синоду дано было понять, чтобы Варнаву не трогали. А Варнава представилъ собственноручное письмо Государя, въ которомъ было дано разрѣшеніе служить святому Іоанну торжественные молебны, что противорѣчило всякимъ каноническимъ правиламъ. Тогда Самаринъ поѣхалъ къ Государю, находившемуся въ Царскомъ селѣ, съ подробнымъ докладомъ. Такъ какъ письменный докладъ былъ очень длиненъ, то онъ спросилъ Государя, не желаетъ ли тотъ лучше выслушать отъ него устное сообщеніе. Вмѣсто отвѣта Государь напомнилъ, что Самаринъ долженъ торопиться въ засѣданіе совѣта министровъ, оставилъ его письменный докладъ у себя, сказавъ, что на досугѣ ознакомится съ нимъ. Самаринъ уѣхалъ, явился въ засѣданіе, но не успѣлъ принять въ немъ участія, какъ его отозвалъ въ сторону Горемыкинъ и передалъ полученное письмо отъ Государя, въ которомъ ему поручалось предупредить Самарина, что тотъ отставленъ отъ должности оберъ-прокура Синода.

Самаринъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ на дворянскомъ собраніи ему устроили торжественную встрѣчу, перешедшую въ оваціи.

Вскорѣ послѣ Самарина ушелъ по своему желанію и министръ внутреннихъ дѣлъ князь Щербатовъ. Онъ откровенно говорилъ, что ему опротивѣли интриги, что при создавшейся обстановкѣ ничего полезнаго сдѣлать нельзя.

Вмѣсто Самарина назначенъ былъ Волжинъ, человѣкъ ничѣмъ особенно незамѣчательный, а вмѣсто Щербатова — членъ Г. Думы изъ правыхъ Хвостовъ. Онъ заявилъ въ газетныхъ интервью о своемъ желаніи заслужить довѣріе общественныхъ круговъ и принялся бороться съ дороговизной. Онъ поѣхалъ въ Москву, устроилъ тамъ разгрузку вагоновъ съ помощью гарнизона, нашумѣлъ, заставилъ о себѣ говорить и на первыхъ порахъ какъ будто что то и сдѣлалъ. Со мной онъ былъ весьма любезенъ, часто посѣщалъ меня и между прочимъ упоминалъ о своей борьбѣ съ Распутинымъ: онъ находилъ, что съ его вліяніемъ нужно бороться его же оружіемъ и упомянулъ, что хочетъ продвинуть во дворецъ монаха Мардарія. Распутина же онъ расчитывалъ обезвредить тѣмъ, что поручилъ его спаивать и будто бы даже далъ для этого пять тысячъ изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Въ это время въ городахъ стали обнаруживаться недохваты то того, то другого продукта, отчасти вслѣдствіе наплыва бѣженцевъ, но больше отъ нераспорядительности правительства. Для борьбы съ дороговизной придумали таксы, одинаковыя для оптовиковъ и мелкихъ торговцевъ; таксы эти часто были ниже покупной цѣны и, чтобы не остаться въ убыткѣ, торговцы прятали товары, а потомъ продавали изъ подъ полы. Дороговизнѣ много способствовали непорядки

на желѣзныхъ дорогахъ и главнымъ образомъ невѣроятное взяточничество. Накладные расходы по перевозкѣ часто превышали стоимость товара. Назначенный вмѣсто Рухлова министръ путей сообщенія А. Ѳ. Треповъ только еще хуже запуталъ дѣло, такъ какъ, по собственному признанію, никогда никакого отношенія къ министерству путей сообщенія не имѣлъ. Окончилось тѣмъ, что Петрограду сталъ угрожать голодъ. Тогда совѣтъ министровъ рѣшилъ на шесть дней прекратить движеніе пассажирскихъ поѣздовъ между Москвой и Петроградомъ для безпрепятственнаго движенія товарныхъ. Эта мѣра, однако, нисколько не помогла, потому что одновременно не позаботились организовать усиленнаго подвоза къ Москвѣ изъ другихъ мѣстъ. Пассажирское движеніе было остановлено, а товарные вагоны вернулись изъ Москвы наполовину пустые. Можно было предположить, что вмѣсто дѣла министры хотѣли показать только свое усердіе. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ все шло хуже и не оставалось сомнѣній, что правительство не умѣетъ и не можетъ справиться съ организаціей тыла.

Между тѣмъ въ Особомъ Совѣщаніи шла усиленная работа по снабженію арміи и были достигнуты крупные результаты. Земства и военнопромышленные комитеты много помогали и, несмотря на препятствія, чинимыя правительствомъ, поставки въ армію снарядовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ это время въ Особомъ Совѣщаніи произошло событіе, въ которомъ ярко вылилось пагубное вліяніе безотвѣтственныхъ лицъ даже въ дѣлѣ снабженія арміи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ, работавшихъ на оборону, былъ Путиловскій. Главный акціонеръ завода — Путиловъ, онъ же директоръ Русско-Азіатскаго банка, желая получить субсидію въ тридцать шесть милліоновъ отъ казны, прибѣгнулъ къ слѣдующему: Русско-Азіатскій банкъ закрылъ кредитъ Путиловскому заводу. Тогда дирекція завода обратилась къ правительству съ требованіемъ субсидіи, грозя иначе остановить заводъ. Такъ какъ заводъ работалъ для войны, то естественно было ожидать, что передъ ассигновкой не остановятся, хотя бы и въ тридцать шесть милліоновъ. Для людей освѣдомленныхъ ясна была закулисная сторона всей этой исторіи. Вмѣсто субсидіи я предложилъ просто секвестровать заводъ. Рѣшеніе о наложеніи секвестра было принято въ Совѣщаніи почти единогласно, но неожиданно получилось Высочайшее приказаніе вновь пересмотрѣть вопросъ. Это было сдѣлано съ помощью того же Распутина, съ которымъ Путиловъ на всякій случай поддерживалъ хорошія отношенія. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ засѣданіи всѣ представители министровъ голосовали противъ секвестра, а одинъ изъ нихъ, адмиралъ Гирсъ, всталъ и открыто заявилъ: «Мнѣ приказано голосовать противъ». Голоса членовъ Думы и Совѣта подѣлились. Лучшіе и самые стойкіе, къ сожалѣнію, отсутствовали по разнымъ «уважительнымъ причинамъ». Секвестръ былъ отмѣненъ, я оказался почти въ одиночествѣ: сила золота меня побѣдила*).

---

*) Проходя мимо группы голосовавшихъ за отмѣну секвестра, М. В. Родзянко произнесъ такъ, что всѣ слышали: „Все куплю, — сказало злато“.

Вопросъ съ Путиловскимъ заводомъ былъ не единичнымъ и Совѣщанію постоянно приходилось сталкиваться съ безотвѣтственными вліяніями и препятствіями, стоявшими на его пути.

Съ начала войны въ Лондонѣ былъ созванъ комитетъ для объединенія нашихъ военныхъ заказовъ заграницей. Въ составъ этого комитета входилъ цѣлый рядъ промышленниковъ, какъ англійскихъ, такъ и русскихъ, а предсѣдательствовалъ сначала в. к. Михаилъ Михайловичъ, а впослѣдствіи генералъ Гермоніусъ. Комитетъ этотъ дѣйствовалъ совершенно безконтрольно до созданія Особаго Совѣщанія. Когда комитетъ учреждался, англійское правительство поставило условіемъ, чтобы всѣ заграничные заказы для нашихъ военныхъ нуждъ проходили черезъ комитетъ: такимъ образомъ мы не были хозяевами положенія, а находились въ зависимости отъ желаній и произвола англійскихъ промышленниковъ. Заказы въ Америкѣ запаздывали, создавались постоянныя неожиданныя осложненія и безконечные переговоры. Суда, которые доставляли заказы, конвоировались для огражденія на случай нападенія нѣмцевъ англійскими крейсерами. Придравшись къ этому, англичане предложили, чтобы весь нашъ торговый флотъ перешелъ въ ихъ распоряженіе, якобы для удобства и объединенія командованія. Если бы на это согласились, мы отказались бы отъ нашего торговаго флота и попали въ тяжелую англійскую кабалу. Ставка Верховнаго главнокомандующаго признала это соглашеніе возможнымъ. Я поднялъ вопросъ въ Особомъ Совѣщаніи на засѣданіи 2 января 1916 года, доказывая, что этотъ договоръ не можетъ миновать Особое Совѣщаніе: поданное мною особое мнѣніе поддержалъ только одинъ Гурко, а остальные остались въ сторонѣ, вѣроятно, потому, что это было бы противъ желанія Государя. Послѣ засѣданія ко мнѣ пріѣхалъ англійскій посолъ Бьюкэненъ и военный агентъ Ноксъ. Я имъ откровенно заявилъ, что англичане пользуются нашимъ положеніемъ и вынуждаютъ у Государя согласіе на завѣдомо невыгодныя для Россіи сдѣлки: «Это вымогательство, это недостойно великой націи и союзницы, русскій народъ не можетъ снести такого униженія и объ этомъ придется говорить съ кафедры Думы».

На ближайшемъ докладѣ у Государя я повторилъ то же самое. Англичане больше не настаивали и ихъ предложеніе заглохло. Одновременно министръ Григоровичъ, предвидя осложненія съ Англіей, велъ переговоры съ Японіей. Переговоры увѣнчались успѣхомъ и Японія за возмѣщенные ей расходы по ремонту вернула намъ потопленные въ японскую войну крейсера: «Варягъ», «Пересвѣтъ» и «Полтаву». Послѣ продолжительнаго путешествія мимо Африки, которое держалось въ строгой тайнѣ, крейсера дошли до Архангельска и у насъ оказалась собственная охрана торговаго флота.

При перерывѣ занятій Думы въ указѣ было упомянуто, что Дума будетъ созвана не позже ноября; судя же по поведенію Горемыкина, можно было вѣрить упорно ходившимъ слухамъ, что не только въ ноябрѣ, но и позже Думу едва ли созовутъ. Дѣйствительно, ноябрь уже подходилъ къ концу, а о созывѣ ничего не было слышно. Занятія бюд-

жетной комиссіи шли полнымъ ходомъ. Депутаты волновались и просили выяснить положеніе. На аудіенціи у Государя я снова говорилъ о Горемыкинѣ, который мѣшаетъ работать, тормозитъ дѣятельность тыла, разсказалъ о роли банковъ въ заводскихъ поставкахъ Когда я просилъ ускорить созывъ Думы, Государь отвѣтилъ: «Да, хорошо, я поговорю объ этомъ съ Иваномъ Логиновичемъ».

Не успѣлъ я вернуться изъ Царскаго, не прошло и получаса, какъ я получилъ Высочайшій рескриптъ. Въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Думы говорилось о плодотворной работѣ бюджетной комиссіи и о томъ, что по окончаніи этихъ работъ послѣдуетъ докладъ предсѣдателя Думы и созывъ законодательныхъ палатъ. Рескриптъ ставилъ меня въ совершеннѣйшій тупикъ: бюджетная комиссія всегда работала параллельно съ общими собраніями Думы и для возобновленія занятій не требовалось никакого окончанія работъ комиссіи. Рескриптъ послѣдовалъ послѣ данной мнѣ аудіенціи и выходило такъ, будто вопросъ обсуждался на аудіенціи и было достигнуто какое то соглашеніе. На самомъ дѣлѣ это была очередная хитрость Горемыкина, желавшаго уронить предсѣдателя Думы въ глазахъ народнаго представительства. Депутаты, конечно, были удивлены, но едва ли кто могъ повѣрить, что отсрочка произошла съ моего согласія. Одновременно начались толки о томъ, что предсѣдатель Думы долженъ получить какую то высокую награду. Толки оправдались и 6 декабря я узналъ о пожалованіи мнѣ Анны первой степени. Надо сказать, что раньше безъ моего вѣдома министръ Поливановъ представлялъ меня къ наградѣ за особыя заслуги по снабженію арміи, но тогда въ наградѣ было отказано. Теперь же она была дана очевидно для того, чтобы подчеркнуть мнимую сговорчивость и уступчивость въ вопросѣ о созывѣ. А для того, чтобы не было сомнѣній, что орденъ дается не за труды по Особому Совѣщанію въ указѣ было сказано, что награждается «попечитель Новомосковской мужской гимназіи», — значитъ, не предсѣдатель Думы.

XI

Забастовки. Изобрѣтатель Братолюбовъ и г-жа Брасова. Письмо Горемыкину. Фрейлина М. А. Ваасильчикова. Пашичъ и Спалайковичъ въ Петроградѣ.

Положеніе въ странѣ ухудшилось. Спекуляція, взятки, бѣшеное обогащеніе ловкихъ людей, все это достигало неимовѣрныхъ размѣровъ. Одновременно возрастала дороговизна въ городахъ вслѣдствіе неорганизованности подвоза, а на заводахъ, работавшихъ на оборону, начались забастовки, сопровождавшіяся арестами и чаще всего тѣхъ рабочихъ, которые стояли за порядокъ и были противъ прекращенія работъ.

Съ нѣсколькими членами Думы я отправился на Путиловскій заводъ, чтобы ознакомиться съ выполненіемъ заказовъ и попытаться переговорить съ рабочими. Рабочіе отнеслись къ намъ съ большимъ вниманіемъ, говорили откровенно и увѣряли, что забастовка вовсе не политическая, а вызвана несоотвѣтствіемъ платы съ возрастаніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Послѣ переговоровъ съ администраціей справедливыя требованія рабочихъ были удовлетворе-

ны, но какъ нарочно вскорѣ затѣмъ были арестованы именно тѣ рабочіе, которые особенно много говорили со мной и съ депутатами. Аресты вызвали новыя волненія и только послѣ энергичныхъ настояній рабочіе были освобождены.

Приблизительно въ декабрѣ того же года всплыла исторія съ Братолюбовымъ. Этотъ Братолюбовъ явился къ великому князю Михаилу Александровичу и объявилъ ему, что онъ изобрѣлъ особые аппараты для выбрасыванія горючей жидкости на большія разстоянія. Для осуществленія изобрѣтенія ему были нужны станки, которые якобы слѣдовало выписать изъ Америки. На этотъ предметъ изобрѣтатель просилъ не болѣе, какъ одиннадцать милліоновъ долларовъ, что составляло тогда около тридцати милліоновъ рублей. Заручившись протекціей супруги великаго князя г-жи Брасовой, Братолюбовъ сумѣлъ повліять на Михаила Александровича, тотъ поѣхалъ къ Государю, а Государь подписалъ рескриптъ на имя великаго князя, разрѣшая этимъ рескриптомъ Братолюбову брать изъ государственнаго банка деньги по мѣрѣ надобности.

По желанію великаго князя была устроена проба этихъ аппаратовъ. Результаты получились самые отрицательные: горючая жидкость на большія разстоянія не выбрасывалась, но зато получили смертельные ожоги пять человѣкъ солдатъ, приставленныхъ къ аппарату. Помощникъ военнаго министра Лукомскій доложилъ объ этой исторіи Поливанову. Поливановъ поскакалъ къ великому князю и объяснилъ ему, что всѣ ассигновки на военные заказы должны проходить черезъ Особое Совѣщаніе и военнаго министра. Великій князь призналъ свою ошибку и искренно извинялся, и тотчасъ поѣхалъ къ Государю, послѣ чего были приняты мѣры, чтобы Братолюбову не выдавались деньги. Оказалось, однако, что смѣлый изобрѣтатель уже успѣлъ побывать въ банкѣ, а когда тамъ усумнились въ правильности его требованія, онъ показалъ фотографію съ рескрипта на имя великаго князя Михаила Александровича. Въ банкѣ ему выдали около двухъ милліоновъ рублей. Впослѣдствіи выяснилось, что за спиной Братолюбова стояла цѣлая шайка аферистовъ, стремившихся поживиться на государственный счетъ. Братолюбовъ былъ разоблаченъ, но зато Лукомскаго скоро отставили отъ должности помощника военнаго министра. Передавали, что отставка Лукомскаго находится въ прямой связи съ дѣломъ Братолюбова.

Въ началѣ декабря въ Петроградъ пріѣхалъ предсѣдатель земскаго союза князь Львовъ. Онъ посѣтилъ меня и до трехъ часовъ ночи сидѣлъ и разсказывалъ о томъ, что настроенія въ Москвѣ становятся совершенно революціонными: самые благонамѣренные люди открыто говорятъ о развалѣ власти и, не стѣсняясь, упрекаютъ во всемъ Царя и Царицу.

Какъ разъ въ это время былъ удаленъ съ фронта и остался не у дѣлъ генералъ Рузскій: никто не вѣрилъ въ его болѣзнь и всѣ были убѣждены, что онъ обязанъ опалой нѣмецкой партіи, которой не

нравились его строгости въ Прибалтійскомъ краѣ На мѣсто Рузскаго былъ назначенъ Плеве.

Общее негодованіе на наши непорядки обрушивалось на Горемыкина, котораго считали главнымъ виновникомъ разрухи и который на всѣ обращенія къ нему по поводу войны, неизмѣнно отвѣчалъ: «Война меня не касается, это дѣло военнаго министра». На выраженіе общественнаго негодованія Горемыкинъ оставался совершенно равнодушнымъ.

Всѣ просьбы и убѣжденія, обращенныя къ Государю объ удаленіи Горемыкина, оставались безрезультатными. Послѣ бесѣды съ княземъ Львовымъ и подъ вліяніемъ разсказовъ въ засѣданіи Особаго Совѣщанія о вопіющихъ безобразіяхъ въ тылу, я рѣшилъ написать лично Горемыкину. Я писалъ тутъ же въ засѣданіи Особаго Совѣщанія. Вотъ это письмо:

«Милостивый государь Иванъ Логиновичъ. Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній и данныхъ, которыя обнаружились въ только что происходившемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ и касаются катастрофическаго положенія вопроса о перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ. Этотъ вопросъ былъ поднятъ еще въ Особомъ Совѣщаніи перваго созыва, ему посвящены работы особой комиссіи, но дальше разговоровъ, справокъ и вычисленій дѣло не пошло и катастрофа, которая тогда предвидѣлась, нынѣ наступила.

Подробности о положеніи заводовъ, работающихъ на оборону, которые должны при создавшихся условіяхъ остановиться, а также соображенія о надвигающемся голодѣ населенія въ Петроградѣ и въ Москвѣ и возможныхъ въ связи съ этимъ безпорядкахъ, — несомнѣнно уже сообщены вамъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія. Мнѣ, какъ всѣмъ членамъ Совѣщанія, стало яснымъ, что отечество наше вѣрными шагами идетъ къ пропасти, благодаря полной апатіи правительственной власти, которая не принимаетъ никакихъ дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію грядущихъ грозныхъ событій. Я считаю, что совѣтъ министровъ, предсѣдательствуемый вами, обязанъ безотлагательно проявить ту заботливость о судьбѣ Россіи, которая является его государственнымъ долгомъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ предвидѣли все случившееся нынѣ еще полгода назадъ и вы, Иванъ Логиновичъ, не можете отрицать, что обо всемъ этомъ я лично неоднократно ставилъ васъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что слышалъ, однако, одно и то же увѣреніе, что это не ваше дѣло и что вы въ дѣла войны вмѣшиваться не можете.

Нынѣ такіе отвѣты уже несвоевременны. Приближается роковая развязка войны, а въ тылу нащей доблестной и многострадальной арміи растетъ общее разстройство всѣхъ проявленій народной жизни и удовлетворенія первѣйшихъ потребностей страны. Бездѣятельностью власти угнетается побѣдный духъ народа и вѣра его въ свои силы.

Вашъ первѣйшій долгъ немедленно, не теряя минуты, проявить наконецъ всю полноту заботъ объ устраненіи препятствій, мѣшающихъ достиженію побѣды. Мы, члены Г. Думы, имѣемъ только совѣщательный голосъ, не можемъ принять на себя отвѣтственность за неизбѣжную катастрофу, о чемъ я и заявляю вамъ категорически

Если совѣтъ министровъ не приметъ наконецъ тѣхъ мѣръ, которыя возможны и которыя спасли бы родину отъ позора и униженія, то отвѣтственность падаетъ на васъ. Если вы, Иванъ Логиновичъ, не чувствуете въ себѣ силъ нести это тяжелое бремя и не используете всѣ имѣющіяся средства, чтобы помочь странѣ выйти на стезю побѣды,— то имѣйте мужество въ этомъ сознаться и уступить мѣсто болѣе молодымъ силамъ.

Насталъ рѣшающій моментъ, надвигаются грозныя событія, чреватыя гибельными послѣдствіями для чести и достоинства Россіи. Не медлите, горячо прошу васъ: отечество въ опасности».

Письмо это я предварительно прочиталъ членамъ Думы, они одобрили его и оно было послано. Кто то изъ членовъ Думы безъ моего вѣдома переписалъ это письмо. Оно стало ходить по рукамъ и объ этомъ мнѣ сообщали потомъ съ разныхъ сторонъ. Получивъ письмо, Горемыкинъ прочиталъ его въ совѣтѣ министровъ, возмущался «рѣзкимъ тономъ» и заявилъ, что онъ доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Послѣ полученія награды я испросилъ аудіенцію, но Государь отвѣтилъ, что онъ ѣдетъ на южный фронтъ и приметъ меня черезъ три недѣли. Это было въ концѣ декабря. Бюджетная комиссія уже закончила работу и депутаты настаивали на скорѣйшемъ созывѣ Думы. Не взирая на приближеніе праздника Рождества, я отправилъ докладъ объ окончаніи работъ комиссіи и вновь просилъ принять меня. Ходатайство было удовлетворено. На пріемѣ я поблагодарилъ Государя за награду, убѣждалъ немедленно созвать Думу, передалъ объ удручающемъ впечатлѣніи отъ происходившаго передъ тѣмъ съѣзда правыхъ и, не желая, чтобы были какіе кривотолки, показалъ отправленное Горемыкину письмо.

Никакихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ я не получилъ.

Ко всѣмъ волновавшимъ народъ событіямъ въ то время присоединились еще упорные слухи, что Германія предлагаетъ намъ сепаратный миръ и что съ ней негласно начали вести переговоры. Это тѣмъ болѣе могло показаться правдоподобнымъ, что еще въ началѣ сентября я получилъ изъ Австріи отъ М. А. Васильчиковой очень странное письмо, въ которомъ она старалась убѣдить меня способствовать миру между воюющими странами. Письмо было достаточно неправильно написано по русски и производило впечатлѣніе, что оно переведено съ нѣмецкаго. На конвертѣ не было ни марки, ни почтоваго штемпеля. Принесъ его какой то неизвѣстный господинъ. Оказалось, что такія же письма были отправлены Государю, великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, в. к. Елизаветѣ Феодоровнѣ, А. Д. Самарину, князю А. М. Голицыну и министру Сазонову — всего въ семи экземплярахъ. Я тотчасъ же переслалъ письмо Сазонову, министръ сообщилъ, что и онъ получилъ такое же письмо и Государь также, и совѣтовалъ письмо бросить въ корзину, замѣтивъ, что онъ тотъ же совѣтъ далъ и Государю.

Я не могъ спросить Сазонова, какъ онъ терпитъ, чтобы Васильчикова сохраняла придворное званіе (она была фрейлиной Государынь Императрицъ).

Ко всеобщему изумленію М. А. Васильчикова въ декабрѣ появилась въ Петроградѣ. Ее встрѣчалъ спеціальный поланный въ Торнео, на границѣ и въ «Асторіи» для нея были приготовлены комнаты. Это разсказывалъ Сазоновъ, прибавившій, что по его мнѣнію распоряженіе было сдѣлано изъ Царскаго. Всѣ знакомые Васильчиковой отворачивались отъ нея, не желали ее принимать, зато въ Царское она ѣздила, была принята, что тщательно скрывалось. Когда вопросъ о сепаратномъ мирѣ въ связи съ ходившими слухами былъ поднятъ въ бюджетной комиссіи, министръ внутреннкхъ дѣлъ Хвостовъ заявилъ, что дѣйствительно, кѣмъ то эти слухи распространяются, что подобный вопросъ не поднимался въ правительственныхъ кругахъ и что если бы это случилось — онъ ни на минуту не остался бы у власти. Послѣ этого я счелъ нужнымъ огласить въ засѣданіи письмо Васичковой и сообщилъ, что она находится въ Петроградѣ. Хвостовъ, сильно смущенный, долженъ былъ сознаться, что она дѣйствительно жила въ Петроградѣ, но уже выслана. Послѣ засѣданія частнымъ образомъ Хвостовъ разсказалъ, что на слѣдующій день послѣ своего появленія Васильчикова ѣздила въ Царское Село (къ кому, онъ не упомянулъ) и что онъ лично дѣлалъ у нея въ «Асторіи» обыскъ и въ числѣ отобранныхъ бумагъ нашелъ письмо къ ней Франца-Іосифа и свѣдѣнія, говорившія, что она была въ Потсдамѣ у Вильгельма, получила наставленія отъ Бетмана-Гольвега какъ дѣйствовать въ Петроградѣ, а передъ тѣмъ гостила цѣлый мѣсяцъ у принца Гессенскаго и привезла отъ него письма обѣимъ сестрамъ — Императрицѣ и в. к. Елизаветѣ Феодоровнѣ. Великая княгиня вернула письмо, не распечатывая. Это передавала гофмейстерина ея Двора графиня Олсуфьева.

Государь, какъ разсказывали, былъ очень недоволенъ появленіемъ Васильчиковой и велѣлъ выслать ее въ Сольвычегодскъ. Однако, Васильчикова преспокойно проживала въ имѣніи своей сестры Милорадовичъ въ Черниговской губерніи.

XII

Питиримъ и Штюомеръ. Государь въ Г. Думѣ. Гніющее мясо и недостатокъ продовольствія. Проѣздъ Вивіани и Тома. На обѣдѣ у Штюрмера. Русская парламентская делегація. Проектъ Диктатуры.

14 января (1916 года) вновь назначенный петроградскій митрополитъ Питиримъ неожиданно позвонилъ по телефону, предупредивъ, что онъ желаетъ посѣтить предсѣдателя Думы.

Питиримъ, бывшій послѣдовательно епископомъ во многихъ губерніяхъ, а затѣмъ экзархомъ Грузіи, сумѣлъ черезъ Распутина втереться въ довѣріе къ Императрицѣ и былъ назначенъ вмѣсто Владиміра митрополитомъ петроградскимъ. Онъ былъ великій интриганъ, а о его нравственности ходили весьма опредѣленные слухи. Онъ сразу сталъ играть роль: его посѣщали министры, считались съ нимъ и

его имя все время мелькало въ газетахъ. Онъ успѣлъ побывать въ Ставкѣ у Государя и, какъ сообщалось въ печати, ему было поручено передать предсѣдателю Думы о срокѣ созыва Думы.

Пріѣхалъ онъ ко мнѣ на квартиру съ депутатомъ священникомъ Немерцаловымъ, взявъ его очевидно въ свидѣтели, и сразу началъ съ политики:

— Пріѣхалъ выразить вамъ свой восторгъ по поводу письма вашего высокопревосходительства предсѣдателю совѣта министровъ Горемыкину. Долженъ вамъ сказать, что объ этомъ письмѣ въ Ставкѣ извѣстно.

— Для меня это не новость, владыко, я самъ представилъ копію этого письма Его Величеству.

Питиримъ успокоительно замѣтилъ:

— Иванъ Логиновичъ не долго останется: онъ слишкомъ старъ. Вѣроятно, вмѣсто него будетъ назначенъ Штюрмеръ.

— Да, я слышалъ, но врядъ ли это измѣнитъ положеніе, къ тому же нѣмецкая фамилія въ такіе дни оскорбляетъ слухъ.

— Онъ перемѣнитъ фамилію на Панина...

— Обманъ этотъ никого не удовлетворитъ... Вы знаете, владыко, есть хорошая пословица: жидъ крещеный, конь лѣченый и т. д.

Питиримъ заговорилъ о Думѣ и старался увѣрить, что онъ бы хотѣлъ «столковаться съ народнымъ представительствомъ и работать рука объ руку». Я ему отвѣтилъ, что это врядъ ли возможно, такъ какъ внѣ смѣты Синода между Думой и митрополитомъ не можетъ быть точекъ соприкосновенія.

Митрополитъ чувствоалъ себя, видимо, не совсѣмъ хорошо и все время поглядывалъ на Немерцалова. Разговоръ перешелъ на реформу церкви и я сказалъ ему откровенно:

— Реформа необходима и, если вы, владыко, хотите заслужить благодарность русскихъ людей, то вы должны приложить всѣ усилія, чтобы очистить православную церковь отъ вредныхъ хлыстовскихъ вліяній и вмѣшательства враговъ православія. Распутинъ и ему подобные должны быть низвергнуты, а вамъ надлежитъ очистить свое имя отъ слуховъ, что вы ставленникъ Распутина.

— Кто вамъ это сказалъ? — спросилъ блѣдный Питиримъ и, какъ бы провѣряя меня, освѣдомился, говорилъ ли я о Распутинѣ Государю.

— Много разъ... А что касается васъ, владыко, то вы сами себя выдаете...

По выраженію лица Питирима видно было, что онъ не повѣрилъ. На этомъ разговоръ оборвался и мы простились.

Слова Питирима оправдались: Горемыкинъ былъ отставленъ и замѣненъ Штюрмеромъ. Назначеніе это привело всѣхъ въ негодованіе: тѣ, которые его знали по прежней дѣятельности, не уважали его, а въ широкихъ кругахъ въ связи со слухами о сепаратномъ мирѣ его фамилія произвела непріятное впечатлѣніе: поняли, что это снова вліяніе Императрицы и Распутина и что это сдѣлано умышленно наперекоръ общественному мнѣнію.

Открытіе Думы было назначено на 9 февраля. Ходили слухи, что правые хотятъ сорвать засѣданіе. Отношенія съ новыми министрами не были установлены. Штюрмеръ, вопреки обычаю вновь назначенныхъ премьеровъ посѣщать предсѣдателей палатъ, попробовалъ по телефону вызвать меня къ себѣ, на что ему сказали, что предсѣдатель Думы ожидаетъ его у себя. Штюрмеръ немедленно пріѣхалъ и держался заискивающе.

4 февраля было получено радостное извѣстіе о взятіи нашими войсками Эрзерума. Слава этой побѣды всецѣло принадлежала генералу Юденичу, который, вопреки распоряженію штаба, взялъ крѣпость штурмомъ. Этотъ военный успѣхъ облегчилъ примиреніе съ членами Думы и какъ то сгладилъ послѣдніе вызовы власти.

Послы союзныхъ державъ и многіе изъ иностранцевъ, принимавшихъ участіе въ снабженіи арміи, обращались ко мнѣ, желая провѣрить слухи объ окончательномъ роспускѣ Думы. Слухи эти ихъ очень волновали.

Надо было придумать что нибудь, чтобы разсѣять эти слухи, поднять настроеніе въ странѣ и успокоить общество. Необходимо было, какъ я считалъ, убѣдить Государя посѣтить Думу. Обостренныя отношенія народнаго представительства съ правительствомъ могли вызвать нежелательныя выступленія правыхъ и лѣвыхъ и эти выступленія трудно было бы предотвратить. Между тѣмъ, посѣщеніе Царя обезоружило бы тѣхъ и другихъ. Но кто могъ уговорить на такой шагъ Царя. Первымъ дѣломъ надо было обратиться къ Штюрмеру и заручиться обѣщаніемъ, не мѣшать и не отговаривать Царя. Бюрократъ въ душѣ, Штюрмеръ испугался возможности подобнаго шага, но всетаки обѣщалъ не вмѣшиваться, особенно послѣ того, какъ я ему объяснилъ всю выигрышную сторону этого для него лично: въ обществѣ могли предположить, что это онъ, новый премьеръ, внушилъ такую благую мысль Государю. Послѣ этого я рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи нѣкоего Клопова, стараго идеалиста, патріота, котораго Царь давно зналъ и любилъ и допускалъ къ себѣ. Клоповъ этотъ бывалъ и у меня. Онъ согласился и написалъ Царю письмо, изложивъ доводы касательно посѣщенія Думы. Скоро онъ получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Господи благослови. Николай».

9 февраля за полчаса до открытія Думы пріѣхалъ Штюрмеръ и предупредилъ, что Государь прямо изъ Ставки будетъ въ Думѣ. Немедленно былъ созванъ совѣтъ старѣйшинъ, которымъ я сообщилъ это радостное извѣстіе. Всѣ депутаты, безъ различія партій, были пріятно поражены и хотѣли видѣть въ этомъ хорошее предзнаменованіе для будущаго. Рѣшено было какъ можно торжественнѣе обставить этотъ важный по своему значенію для Думы день: о предстоящемъ посѣщеніи было сообщено посламъ союзныхъ державъ и они были приглашены на торжественное молебствіе. Въ городѣ эта вѣсть быстро разнеслась, изъ устъ въ уста передавали съ радостными лицами: «Царь въ Думѣ... Слава Богу, теперь все измѣнится къ лучшему». Приставская часть осаждалась требованіями билетовъ, и публики на хорахъ набралось столько, какъ никогда.

Интересно, что наканунѣ вечеромъ священникъ Немерцаловъ отъ имени митрополита приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ и передавалъ о желаніи владыки служить молебенъ на открытіи Думы. Ему отвѣтили, что при думской церкви имѣется уважаемое всѣми духовенство и что нѣтъ основаній измѣнять заведенный порядокъ.

Дпутаты были всѣ въ сборѣ. Въ Екатерининскомъ залѣ собрались представители союзныхъ державъ, члены Г. Совѣта и сенаторы. Предсѣдатель со своими товарищами и съ совѣтомъ старѣйшинъ встрѣтили Государя на крыльцѣ. Государь подъѣхалъ на автомобилѣ съ в. к. Михаиломъ Александровичемъ и графомъ Фредериксомъ. Поздоровавшись, Государь прошелъ въ Екатерининскій залъ подъ неумолкаемые крики «ура» и приложился ко кресту. Государь былъ очень блѣденъ и отъ волненія у него дрожали руки. Начался молебенъ; хоръ пѣлъ великолѣпно, все было торжественно и проникновенно. «Спаси, Господи, люди Твоя» пѣли члены Думы, даже публика на хорахъ. Вся эта обстановка, повидимому, успокоительно подѣйствовала на Государя и его волненіе смѣнилось довольнымъ выраженіемъ лица. Во время провозглашенія «Вѣчной памяти всѣмъ на полѣ брани животъ свой положившимъ», — Государь всталъ на колѣни, а за нимъ опустилась и вся Дума.

По окончаніи молебна Государь подошелъ ко мнѣ со слезами:

— Михаилъ Владиміровичъ, я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ членамъ Думы. Какъ вы думаете, это лучше здѣсь или вы предполагаете въ другомъ мѣстѣ.

— Я думаю, ваше величество, лучше здѣсь.

— Тогда прикажите убрать аналой.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ подошедшими иностранными послами, Государь обратился къ депутатамъ, которые окружили его тѣснымъ кольцомъ. Рѣчь, сказанная спокойно, внятно и громко, произвела хорошее впечатлѣніе и громовое «ура» было отвѣтомъ на Царскія милостивыя слова*).

Присутствующіе пропѣли гимнъ и послѣ короткаго привѣтствія предсѣдателя Думы Государь прошелъ черезъ боковыя двери въ залъ засѣданій, а въ это время черезъ среднія двери уже успѣли наполнить залъ и депутаты, и Государя снова встрѣтило непрерывное «ура». Государь съ интересомъ все разсматривалъ, спрашивалъ, гдѣ сидятъ какія партіи, въ полуциркульномъ залѣ онъ расписался въ золотой книгѣ и сталъ проходить далѣе.

Воспользовавшись тѣмъ, что я въ это время остался съ нимъ вдали отъ всѣхъ, я обратилъ его вниманіе на воодушевленіе и подъемъ, царившіе среди членовъ Г. Думы.

— Воспользуйтесь, ваше величество, этимъ свѣтлымъ моментомъ и объявите здѣсь же, что даруете отвѣтственное мининстерство. Вы не можеет себѣ представить величіе этого акта, который благотворно отразится на успокоеніи страны и на благополучіи исхода войны. Вы впишете славную страницу въ исторію вашего царствованія...

Государь помолчалъ, а затѣмъ сказалъ:

---

*) **Придворная цензура совершенно исказила эту рѣчь.**

— Объ этомъ я подумаю.

Мы проходили дальше мимо дверей министерскаго павильона:

— А тамъ что? — спросил Государь.

— Комнаты министровъ, ваше величество, отъ которыхъ вы должны быть какъ можно дальше.

Государь въ павильонъ не зашелъ.

Привѣтливо поговоривъ съ чинами канцеляріи, окруженный толпой депутатовъ, онъ направился къ выходу. Передъ отъѣздомъ Государь нѣсколько разъ благодарилъ депутатовъ за пріемъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Мнѣ было очень пріятно. Этотъ день я никогда не забуду.

Всѣ высыпали на подъѣздъ и Царскій автомобиль отъѣхалъ при громовомъ «ура», подхваченномъ улицей, гдѣ собравшаяся толпа радостно привѣтствовала Царя.

Великій князь Михаилъ Александровичъ оставался до конца засѣданія. Вечеромъ того же дня Государь посѣтилъ Г. Совѣтъ, гдѣ все прошло холодно, безъ торжественности и подъема. Контрастъ съ пріемомъ Думы всѣхъ поразилъ и объ этомъ потомъ много говорили въ обществѣ.

Декларація Штюрмера, прочитанная послѣ отъѣзда Государя, произвела удручающее впечатлѣніе: произнесъ онъ ее невнятно, а когда по газетамъ ознакомились съ ея содержаніемъ, она еще болѣе разочаровала. Въ длинныхъ путанныхъ фразахъ ничего не было сказано о намѣреніяхъ правительства. Сошелъ онъ съ кафедры при гробовой тишинѣ и только кто-то на крайней правой попробовалъ ему аплодировать. Съ первыхъ же шаговъ Штюрмеръ предсталъ, какъ полное ничтожество, и вызвалъ къ себѣ насмѣшливое отношеніе, выразившееся въ яркой рѣчи Пуришкевича. Онъ тогда пустилъ свое крылатое слово «чехарда министровъ», назвалъ Штюрмера «Кивачъ *) краснорѣчія» и сравнилъ его съ героемъ «Мертвыхъ душъ» Чичиковымъ, который, посѣтивъ всѣхъ уважаемыхъ въ городѣ лицъ, долго сидѣлъ въ бричкѣ, раздумывая, къ кому бы еще заѣхать. Это сравненіе было очень удачнымъ, такъ какъ Штюрмеръ съ момента вступленія въ должность все разъѣзжалъ по разнымъ министерствамъ и говорилъ рѣчи.

Появленіе военнаго министра Поливанова было встрѣчено оваціей; его обстоятельная и дѣловая рѣчь прослушана со вниманіемъ. Также сердечно Дума встрѣтила Сазонова и Григоровича. Закончилось засѣданіе деклараціей прогрессивнаго блока, въ которой выражалось пожеланіе создать министерство, пользующееся довѣріемъ, чтобы съ его помощью организовать силы страны для окончательной побѣды, упорядоченіе тыла п привлеченіе всѣхъ виновныхъ въ нашихъ неудачахъ на фронтѣ къ отвѣтственности. Тонъ деклараціи былъ увѣренный и обязывающій правительство прислушаться къ голосу народа.

Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ депутаты говорили въ томъ же смыслѣ; во многихъ рѣчахъ слышалось требованіе о преданіи суду Сухомлинова. Особенно яркія рѣчи произнесли: В. Бобринскій, Маклаковъ и Половцевъ. Послѣдній, говоря о Мясоѣдовѣ и военномъ мини-

---

*) **Водопадъ въ сѣв. Россіи.**

стрѣ, упомянулъ, что Мясоѣдова постигла заслуженная кара и заключилъ свою рѣчь словами: «А гдѣ злодѣй, который обманулъ всѣхъ лживыми увѣреніями кажущейся готовности нашей къ страшной борьбѣ, который тѣмъ сорвалъ съ чела арміи ея лавровые вѣнки и растопталъ въ грязи лихоимства и предательства, который грудью всталъ между карающимъ мечомъ закона и измѣнникомъ Мясоѣдовымъ? Вѣдь это онъ, министръ, головой ручался за Мясоѣдова. Мясоѣдовъ казненъ, гдѣ же голова его поручителя? На плечахъ, украшенныхъ вензелями».

Наши союзники въ полной мѣрѣ учли важность событія 9 февраля и отъ палаты депутатовъ и англійскаго парламента были присланы привѣтственныя телеграммы, изъ которыхъ было видно, что они поняли посѣщеніе Государя, какъ единеніе Царя съ народомъ, какъ новую угрозу для Германіи, разсчитывающей на наши внутренніе безпорядки.

Въ средѣ Царской семьи шагъ Государя былъ встрѣченъ съ большимъ одобреніемъ. Недовольна была только Императрица: она рѣзко говорила противъ по наущенію своего злого генія.

За нѣсколько дней до созыва Думы распространился слухъ, что въ ресторанѣ «Вилла Роде» убили Распутина. Всѣ радовались, но оказалось, что его только избили. Позднѣе стало извѣстно, что Штюрмеръ приказалъ охранять Распутина какъ высочайшую особу и помимо Поливанова велѣлъ дать въ его распоряженіе четыре военныхъ автомобиля. Хвостовъ хвастался, что онъ организовалъ спаиваніе Распутина, но уже чувствовалось, что его дни сочтены, что Императрица и Штюрмеръ къ нему охладѣли и хотятъ посадить на его мѣсто товарища министра Бѣлецкаго, дружившаго съ Распутинымъ и непосредственно его охранявшаго. Чтобы предупредить непріятность быть уволеннымъ, Хвостовъ, какъ онъ признавался, подалъ рапортъ объ отставкѣ. Государь отставки не принялъ. А когда произошло избіеніе Распутина и открылась путанная исторія съ посылкой нѣкоего Ржевскаго для покупки документовъ у Иліодора, были уволены оба: и Хвостовъ, и Бѣлецкій.

Позднѣе я слышалъ отъ инженера Бахметьева, вернувшагося изъ Америки, что тамъ писали о роли Иліодора, который продалъ выкраденныя у Распутина письма Императрицы журналу „American Magazine“. Нашъ посолъ старался перекупить документы, но это ему не удалось и онъ зря потерялъ десять тысячъ задатку.

Правительство своими дѣйствіями постаралось возможно скорѣе испортить впечатлѣніе отъ посѣщенія Государя. Оно продолжало прежнюю политику, вѣрнѣе прежній разбродъ. Въ самой Думѣ правые подняли голову. Марковъ 2-ой позволялъ себѣ неприличныя выходки противъ общественныхъ организацій, обвиняя ихъ, что онѣ волнуютъ умы и наживаются на войнѣ. Обвиненія, конечно, бросались безъ всякихъ доказательствъ и фактовъ съ единственною цѣлью внести раздоръ и посѣять недовѣріе къ этимъ организаціямъ. Съѣздъ крайнихъ

правыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ихъ не удовлетворилъ и они начали подготовлять новый, на который предполагали привлечь духовенство и крестьянъ. Во главѣ этой затѣи стоялъ бывшій министръ юстиціи Щегловитовъ, а средства щедро отпускались отъ правительства. Одновременно ходили упорные слухи о роспускѣ Думы и о новыхъ перемѣнахъ въ правительствѣ.

Пользуясь пріѣздомъ Государя въ Царское, я испросилъ аудіенцію и 24 февраля 1916 г. былъ принятъ. Аудіенція продолжалась полтора часа. Я говорилъ обо всемъ съ полной откровенностью, разсказалъ объ интригахъ министровъ, которые черезъ Распутина спихиваютъ одинъ другого, о томъ, что попрежнему нѣтъ сильной системы, что повсюду злоупотребленія, что съ общественнымъ мнѣніемъ и съ народомъ не считаются, что всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ. Я упомянулъ объ авантюрахъ Д. Рубинштейна, Мануса и прочихъ тыловыхъ героевъ, объ ихъ связи съ Распутинымъ, объ его кутежахъ и оргіяхъ и о томъ, что близость его къ Царю и къ Царской семьѣ и вліяніе его на всѣ существенные вопросы государственной жизни въ дни войны доводятъ до отчаянія честныхъ людей. Участіе Распутина въ шпіонажѣ, какъ агента Германіи, не подлежало сомнѣнію.

—Если бы министры вашего величества, — сказалъ я, — были независимые люди и преслѣдовали единственную цѣль — благо родины, — присутствіе такого человѣка, какъ Распутинъ, не могло бы имѣть значенія для дѣлъ государства. Но бѣда въ томъ, что представители власти держатся имъ и впутываютъ его въ свои интриги. Я опять долженъ доложить Вашему Величеству, что такъ долго продолжаться не можетъ. Никто не открываетъ вамъ глаза на истинную роль этого гнуснаго старца. Присутствіе его при Дворѣ Вашего Величества подтачиваетъ довѣріе къ Верховной Власти и можетъ пагубно отразиться на судьбахъ династіи и отвратить отъ Государя сердца его подданныхъ.

На всѣ тяжелыя истины Государь либо молчалъ, либо выражалъ удивленіе, но какъ всегда былъ любезенъ и привѣтливъ. Когда я прервалъ свой докладъ, онъ обратился съ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, чѣмъ окончится война... Благополучно ли для насъ?

Я сказалъ, что за армію и народъ можно отвѣчать, но что командный составъ и внутренняя политика затягиваютъ войну и мѣшаютъ побѣдѣ.

Докладъ этотъ, все-таки, видимо произвелъ впечатлѣніе: 27 февраля было дано распоряженіе выслать Распутина въ Тобольскъ.

Черезъ нѣсколько дней распоряженіе это по требованію Императрицы было отмѣнено.

1 марта послѣдовало высочайшее соизволеніе о направленіи дѣла Сухомлинова въ первый департаментъ Г. Совѣта для разрѣшенія вопроса о преданіи его суду. Подписывая бумагу, Государь замѣтилъ: «Приходится принести эту жертву».

Три недѣли спустя первый департаментъ вынесъ постановленіе назначеніи предварительнаго слѣдствія, которое и признало, что къ

генералу Сухомлинову, согласно обвинительному акту, надо примѣнить личное задержаніе. Верховный слѣдователь доложилъ объ этомъ министру юстиціи, который согласился на арестъ Сухомлинова. Бывшій военный министръ былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Жена его, игравшая такую важную роль въ его вольныхъ и невольныхъ связяхъ съ лицами, уличенными въ шпіонствѣ, не только была оставлена на свободѣ, но ей даже были разрѣшены свиданія съ мужемъ. Она добилась черезъ Распутина аудіенціи у Царицы и та ей стала покровительствовать.

---

3 марта былъ уволенъ министръ внутреннихъ дѣлъ Хвостовъ, сломавшій себѣ шею въ борьбѣ съ распутинскимъ кружкомъ.

На заводахъ продолжались забастовки, вызывая опасенія не только въ тылу, но и на фронтѣ. Генералъ Алексѣевъ писалъ мнѣ, что доставка продовольствія въ армію совсѣмъ не организована, что снова не хватаетъ сапогъ и опасаются, какъ бы не прекратилась доставка снарядовъ. На сѣверномъ фронтѣ, ближайшемъ отъ столицы, отъ плохого питанія среди солдатъ распространилась цынга.

Въ Особомъ Совѣщаніи прошелъ наконецъ вопросъ о секвестрѣ Путиловскаго завода. Не проходило аудіенціи у Государя, чтобы я не напоминалъ, что надо пересмотрѣть неправильное рѣшеніе. Послѣ секвестра прежніе члены правленія были удалены и назначены надежные и знающіе люди. Рабочіе, какъ военно-обязанные, лишены были возможности бастовать.

15 марта былъ уволенъ безъ рескрипта военный министръ Поливановъ. Онъ только что вернулся изъ Ставки послѣ милостиваго пріема и неожиданно для себя и для всѣхъ получилъ увѣдомленіе, что онъ отставленъ отъ должности. Всѣ недоумѣвали и объясняли причину отставки секвестромъ Путиловскаго завода или доносами, что Поливановъ инспирируетъ политическія резолюціи военно-промышленныхъ комитетовъ. Самъ Поливановъ понялъ причину гораздо проще: онъ распорядился отобрать отъ Распутина данные ему Штюрмеромъ четыре военныхъ автомобиля; Императрица, всегда относившаяся къ нему недовѣрчиво, узнала объ этомъ распоряженіи и настояла на его удаленіи.

Незадолго передъ тѣмъ Поливановъ говорилъ: «Теперь мнѣ совершенно ясно, какъ можно упорядочить военныя дѣла послѣ сухомлиновской разрухи и привести къ побѣдѣ».

Отставка эта произвела удручающее впечатлѣніе. Газеты были полны восхваленіями ушедшаго министра, оцѣнивая результаты его работы сравнительно за короткій срокъ. Въ Думѣ и въ обществѣ говорили о безотвѣтственномъ вліяніи, о министерской чехардѣ и о томъ, что врагъ забирается все глубже и глубже и бьетъ по тѣмъ людямъ, которые вредны нѣмцамъ и полезны Россіи.

Взоры были обращены къ народному представительству, которое въ то время пользовалось популярностью и довѣріемъ страны. Но и

Дума уже сознавала, что при наличіи Распутина и вліяніи Царицы, которое все усиливалось, невозможно достичь желательныхъ результатовъ въ смыслѣ успѣховъ на фронтѣ и порядка въ тылу.

Вмѣсто Поливанова былъ назначенъ генералъ Шуваевъ, честный хорошій человѣкъ, но недостаточно подготовленный для такого поста и въ такое исключительное время. Его предсѣдательство въ Особомъ Совѣщаніи дѣлало засѣданія путанными и утомительными. Послѣ ухода Поливанова в. к. Сергѣй Михайловичъ повелъ агитацію противъ Особаго Совѣщанія и убѣждалъ Государя вовсе его упразднить. Съ Шуваевымъ на засѣданіяхъ происходили постоянныя столкновенія и казалось, будто онъ нарочно вызывалъ рѣзкости, чтобы имѣть причины для ликвидаціи Совѣщанія.

Безпорядки въ тылу принимали угрожающій характеръ. Въ Петроградѣ уже чувствовался недостатокъ мясныхъ продуктовъ. Между тѣмъ, проѣзжая по городу, можно было встрѣтить вереницы подводъ, нагруженныхъ испорченными мясными тушами, которыя везли на мыловаренный заводъ. Подводы эти попадались прохожимъ среди бѣлаго дня и приводили жителей столицы въ негодованіе: на рынкѣ нѣтъ мяса, а на глазахъ у всѣхъ везутъ чуть не на свалку испорченныя туши.

Члены Особаго Совѣщанія ѣздили осматривать городскіе холодильники за Балтійскимъ вокзаломъ. Холодильники были въ полномъ порядкѣ, мясо въ нихъ не портилось, но зато кругомъ были навалены горы гніющихъ тушъ. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки въ армію. Его, видите ли, негдѣ было хранить. Когда поставщики обращались за разрѣшеніемъ построить новые холодильники, имъ не давали ни средствъ, ни разрѣшенія. По обыкновенію, министерства не могли между собой сговориться: интендантство заказывало, желѣзныя дороги привозили, а сохранять было негдѣ, на рынокъ же выпускать не разрѣшалось. Это было такъ же нелѣпо, какъ и многое другое: точно сговорившись, все дѣлали во вредъ Россіи.

Члены Особаго Совѣщанія доложили обо всемъ видѣнномъ на засѣданіи, я написалъ письмо Алексѣеву и только послѣ этого заинтересовались мяснымъ вопросомъ. Тысячи пудовъ мяса, конечно, погибли. То же самое происходило и съ доставкой мяса изъ Сибири: отъ недостатка и неорганизованности транспорта гибли уже не тысячи, а сотни тысячъ пудовъ. Виновниковъ, конечно, не нашлось, такъ какъ одинъ сваливалъ на другого, а всѣ вмѣстѣ на общую безхозяйственность.

Поливановъ говорилъ, что мясную исторію онъ считаетъ не случайностью и даже не слѣдствіемъ разрухи, а планомѣрнымъ выполненіемъ нѣмецкой программы.

Въ половинѣ апрѣля вернулся изъ Кисловодска генералъ Рузскій, ѣздилъ въ Ставку, прося назначенія на фронтъ, но ничего опредѣленнаго не получилъ и томился въ Петроградѣ безъ дѣла. Между тѣмъ на сѣверномъ фронтѣ, гдѣ появился Куропаткинъ, дѣла были хуже и подъ Ригой мы понесли ненужныя большія потери.

Въ Особомъ Совѣщанiи былъ поднятъ вопросъ объ усиленiи производства ручныхъ гранатъ и орудiй для разрушенiя проволочныхъ загражденiй. Во французской армiи эти орудiя были въ большомъ употребленiи и генералъ Жоффръ, узнавъ, что ихъ у насъ нѣтъ, прислалъ специалиста, съ помощью котораго былъ приспособленъ для этой цѣли одинъ заводъ. На фронтѣ отъ этихъ новыхъ орудiй были въ восторгѣ. Мнѣ самому пришлось быть во время ихъ испытанiя на сѣверномъ фронтѣ и они дѣйствовали прекрасно.

Между тѣмъ в. к. Сергѣй Михайловичъ распорядился прекратить выдѣлку этихъ орудiй. Объ этомъ мнѣ сообщилъ французскiй военный агентъ маркизъ Лягишъ. Начальникъ артиллерiйскаго управленiя генералъ Маниковскiй подтвердилъ слова Лягиша. Снова пришлось говорить объ этомъ въ Особомъ Совѣщанiи, снова объяснять то, что казалось бы должно было быть для всѣхъ очевиднымъ и снова вступать въ борьбу съ безотвѣтственными влiянiями.

Въ газетахъ появилась короткая замѣтка о томъ, что какой то чиновникъ назначается дѣлопроизводителемъ при Особомъ Совѣщанiи пяти министровъ подъ предсѣдательствомъ Трепова. Объ этомъ Совѣщанiи никто не имѣлъ представленiя. Какiе пять министровъ и о чемъ они совѣщаются, и какое это учрежденiе, созданное помимо Думы. Я запросилъ Штюрмера, что представляетъ изъ себя это Совѣщанiе и на основанiи какого закона оно дѣйствуетъ. Отвѣта не послѣдовало. Только черезъ нѣсколько дней на банкетѣ въ честь французскихъ министровъ Штюрмеръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ не могъ отвѣтить на письмо, такъ какъ это Совѣщанiе было учреждено секретно по желанiю Государя.

Подробности этого дѣла слѣдующiя. При созданiи Особаго Совѣщанiя изъ общественныхъ дѣятелей власть военнаго министра, какъ предсѣдателя Совѣщанiя, простиралась до извѣстной степени на всѣ вѣдомства въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касался военной необходимости. Совѣщанiе рѣшало, военный министръ утверждалъ и вѣдомства должны были исполнять. Совѣтъ министровъ оставался въ сторонѣ. Такой порядокъ, несмотря на блестящiе результаты, не могъ нравиться чиновникамъ и нѣкоторымъ министрамъ и они убѣдили Государя создать какой то комитетъ изъ пяти министровъ. Пока былъ Поливановъ, на это не рѣшались, потому что онъ стоялъ на почвѣ закона и пользы дѣла: поэтому то его и уволили.

Созданiе министерскаго Совѣщанiя, недовѣрiе и негласный контроль надъ Совѣщанiемъ общественныхъ дѣятелей глубоко оскорбилъ и возмутилъ его участниковъ. Они поручили мнѣ передать Штюрмеру, что если Совѣщанiе пяти не будетъ упразднено, то всѣ члены Особаго Совѣщанiя по оборонѣ подадутъ мотивированную отставку, а это будетъ чревато послѣдствiями. Штюрмеръ поспѣшилъ заявить, что онъ тоже находитъ существованiе пяти незаконнымъ и доложитъ объ этомъ Государю.

Въ первыхъ числахъ мая прiѣхали представители французскаго правительства: Вивiани и Тома. Дума устроила имъ торжественный

банкетъ. Говорились рѣчи о взаимной братской дружбѣ и о совмѣстной борьбѣ до конца.

На другой день Тома пожелалъ имѣть продолжительный разговоръ о снабженіи арміи, провелъ у меня цѣлый вечеръ и поразилъ присутствовавшаго при разговорѣ члена Особаго Совѣщанія С. И. Тимашева своей освѣдомленностью о положеніи нашихъ дѣлъ. Говоря о недостаткахъ снабженія, онъ перечислялъ всѣ наши больныя стороны и закончилъ остроумной многозначительной фразой:

„La Russie doit être bien riche et sûre de ses forces pour se permettre le luxe d'un gouvernement comme le Vôtre, car le premier ministre — c'est un désastre et le ministre de la guerre — une catastrophe" *).

Когда черезъ день французы уѣзжали и я ихъ провожалъ, я спросилъ одного изъ нихъ:

„Dites - moi, Monsieur, sincèrement votre opinion, qu'est ce que Vous manque en Russie" **).

Французъ отвѣтилъ:

„Ce qui nous manque? C'est l'autocratie de votre gouvernement car si j'ose vous dire encore, M. le president, la Russie doit être bien forte moralement pour supporter pendant le temps sérieux que nous passons, cet etat de douce anarchie qui règne dans votre pays et se jette aux yeux" ***).

---

12 мая Штюрмеръ давалъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ министры, нѣсколько членовъ Г. Совѣта, кое-кто изъ правыхъ Думы. Я принялъ приглашеніе и пошелъ, чтобы въ интимной обстановкѣ высказать все, что наболѣло и волновало. Послѣ обѣда, когда подали кофе и перешли въ гостиную, я сказалъ собравшимся приблизительно слѣдующее:

«Подумайте, что происходитъ... Въ великую годину, когда проявляется во всей красотѣ народный подъемъ, доблесть арміи, когда льются рѣки крови, — правительство не сумѣло стать во главѣ движенія, не сумѣло уловить настроеніе и, мелко плавая, не шло дальше надзора надъ общественными организаціями. Вы, представители правительства, ничего не поняли, ничего не учли и, цѣпляясь за свою власть и преимущества, оставались безучастными зрителями, когда передъ вами церемоніальнымъ маршемъ демонстрировали патріотическій подъемъ всей страны, безъ различія партій, положеній и національностей. Вы оказались въ обозѣ второго разряда и, когда всѣ жаждали работы для побѣды, просили разумной твердой власти, правительство занялось поисками несуществующей революціи. Вы устраивали монархическіе съѣзды, травили общественныя организаціи, вы создавали

---

*) Россія должна быть очень богатой и увѣренной въ своихъ силахъ, чтобы позволить себѣ роскошь имѣть такое правительство, какъ ваше, въ которомъ премьеръ-министръ — бѣдствіе, а военный министръ — катастрофа.

**) Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе, чего не достаетъ въ Россіи?

***) Чего не достаетъ?.. Это твердой власти въ правительствѣ: я позволю себѣ снова повторить вамъ, г. предсѣдатель, что Россія должна быть морально очень крѣпка, чтобы переносить въ такое тяжелое время, какое мы переживаемъ — состояніе тихой анархіи, которая царитъ въ вашей странѣ и бросается въ глаза.

тѣ безконечныя междувѣдомственныя тренія и интриги, отъ которыхъ парализовались дѣла управленія и государство попало въ руки мародеровъ тыла. Лихоимство, взятки, грабежи растутъ изо дня въ день и съ этимъ не борятся. Лица, заслуживающія висѣлицы, продолжаютъ играть роль и всѣмъ двигаетъ не патріотизмъ, а протекція и личная выгода...»

Я имъ напомнилъ Маклакова съ исторіей поставки сапогъ на армію и Горемыкина, который во время отступленія пятнадцатаго года повторялъ, что война его не касается.

«Вся страна слилась въ одномъ лозунгѣ: «все для войны», а правительство жило и продолжаетъ жить своей чиновничьей жизнью внѣ великихъ событій. Теперь приближается ликвидація войны и послѣ колоссальной перестройки всего зданія государства — готовится ли правительство къ разрѣшенію тѣхъ колоссальныхъ вопросовъ, которые будутъ за войной? Понимаетъ ли оно международныя, торговыя, экономическія и другія перспективы и озабочено ли оно поднятіемъ сельскаго хозяйства? Рѣшительно нѣтъ. На мое предложеніе созывать періодически смѣшанныя совѣщанія министровъ, промышленниковъ и свѣдущихъ людей по разнымъ отраслямъ, членовъ палатъ, профессоровъ, словомъ, дѣлать то, что давно дѣлается нашими союзниками, — мнѣ отвѣчаютъ всѣ по очереди отказомъ, а Сазоновъ и Шаховской заявляютъ, что экономическіе вопросы ихъ не интересуютъ и они въ нихъ не освѣдомлены. Дальше этого идти нельзя. И не мудрено, что когда въ первый періодъ войны правительство дѣйствовало безъ вмѣшательства общества, врагъ завладѣлъ двадцатью губерніями, а наши доблестныя войска отступали безъ снарядовъ и ружей. Рѣзкая перемѣна произошла съ тѣхъ поръ, какъ вмѣшались члены Думы, но правительство сразу начало имъ во всемъ мѣшать и создавало свои конспиративныя совѣщанія... Вы должны понять, что страна васъ не любитъ, не вѣритъ вамъ, вы доказали, что у васъ нѣтъ ни системы, ни знанія, ни организаціи. Все замѣняется полицейскими мѣрами преслѣдованія. Въ безплодныхъ поискахъ мнимой революціи вы уничтожаете живую душу народа и создаете глухое броженіе и недовольство, которыя могутъ въ концѣ концовъ вылиться въ дѣйствительную революцію. Не понимая величія минуты, вы роняете власть и развращаете народъ тѣмъ, что не внушаете ему уваженія къ власти. Но придетъ время и онъ потребуетъ возмездія за всѣ ваши ошибки».

Князь В. М. Волконскій говорилъ мнѣ потомъ, что мои слова обрушились на министровъ какъ громъ, котораго они не ожидали.

Штюрмеръ послѣ этого обѣда ѣздилъ въ Ставку и Совѣщаніе пяти министровъ было отмѣнено (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было однако вновь образовано подобное совѣщаніе, на этотъ разъ изъ шести министровъ).

---

16 мая былъ опубликованъ указъ о возобновленіи занятій Думы. Такъ какъ 27 апрѣля было десятилѣтіе со дня созыва первой Думы, то мнѣ пришлось отмѣтить это событіе во вступительной рѣчи. Я упомянулъ, что несмотря на ошибки первыхъ двухъ Думъ, идея народнаго

представительства укрѣпилась въ сознанiи народа, какъ фактора, необходимаго въ государственномъ строѣ, и отмѣтилъ заслугу Императора Николая II, даровавшаго Россiи народное представительство. Правительство въ полномъ составѣ отсутствовало: говорили, что оно ожидало какихъ то рѣзкихъ выступленiй.

Въ этой сессiи занятiя шли вяло, депутаты неисправно посѣщали засѣданiя, часто не было кворума. Правые дѣлали рѣзкiя выходки, желая сорвать Думу, а въ общемъ атмосфера была настолько неопредѣленной, что трудно было что нибудь сдѣлать. Постоянная борьба казалась безплодной, правительство ничего не хотѣло слушать, неурядица росла и страна шла къ гибели. На Думу возлагали надежды, но она, къ сожалѣнiю, была безсильна. Мы мучительно переживали это общее состоянiе упадка духа и энергiи.

На кавказскомъ фронтѣ былъ новый успѣхъ, но въ то же время съ кавказскаго фронта приходили извѣстiя, что войска терпятъ большiя лишенiя, что, вообще, силъ тамъ мало и на просьбы прислать подкрѣпленiя въ Ставкѣ не обращали вниманiя.

По мнѣнiю генерала Поливанова слѣдовало обратить главное вниманiе на кавказскiй фронтъ, продвигаться къ Константинополю и взять его съ помощью союзниковъ, находившихся въ Салоникахъ. Объ этомъ писали и французскiя газеты. Въ Ставкѣ однако смотрѣли иначе, руководствуясь главнымъ образомъ ревностью къ в. к. Николаю Николаевичу. Стоило ему что нибудь заявить, — чтобы дѣлали наоборотъ и просьбы его вообще не исполнялись. Впрочемъ, недоброжелательство было обоюдное: когда въ Ставкѣ отстраняли кого нибудь отъ должности, его брали на Кавказъ.

Начались успѣхи Брусилова на нашемъ западномъ фронтѣ. За эту операцiю брусиловскiя армiи взяли 430 тысячъ плѣнныхъ. Успѣхи наши имѣли большое значенiе для союзниковъ, такъ какъ мы снова откинули войска отъ Вердена, гдѣ въ продолженiи столькихъ мѣсяцевъ нѣмцы безплодно истощали яростными атаками свои и французскiя силы. Италiя тоже была спасена нашимъ наступленiемъ и съ ея фронта на нашъ были перевезены крупныя австрiйскiя части.

Офицеры, участники наступленiя, считали, что успѣху операцiи помогло то обстоятельство, что Брусиловъ началъ наступленiе на полтора сутокъ раньше назначеннаго Ставкою срока: въ армiи ходили упорные слухи, что въ Ставкѣ существуетъ шпiонажъ и что врагъ раньше насъ освѣдомленъ о всѣхъ нашихъ передвиженiяхъ. Къ сожалѣнiю, многiе факты подтверждали это подозрѣнiе.

Въ маѣ и iюнѣ наша парламентская делегацiя посѣтила союзныя государства и вездѣ была встрѣчена съ большимъ почетомъ и воодушевленiемъ. Передъ отъѣздомъ я предупреждалъ Протопопова, старшаго въ делегацiи, что наши русскiя посольства могутъ быть недостаточно внимательными. Къ сожалѣнiю, такъ и оказалось: нашъ посолъ въ Англiи графъ Бенкендорфъ отсутствовалъ при встрѣчѣ и не командировалъ ни одного изъ чиновниковъ посольства. Делегацiю это осо-

бенно поразило, потому что со стороны англичанъ встрѣча была обставлена весьма торжественно: король выслалъ за делегаціей свой поѣздъ и многіе высшіе чины были на вокзалѣ. Когда Протопоповъ пріѣхалъ въ наше посольство, графъ Бенкендорфъ былъ съ нимъ почти невѣжливъ и объяснилъ отсутствіе посольства тѣмъ, что не обязанъ встрѣчать делегацію, не получивъ по этому поводу инструкцій изъ Петрограда. Между тѣмъ во всѣхъ союзныхъ государствахъ, въ рѣчахъ и въ разговорахъ иностранцы особенно подчеркивали свое довѣріе къ русскому народному представительству. Судя по докладу Протопопова, и отзыва о немъ Милюкова, онъ, какъ глава делегаціи, держалъ себя умно и тактично. Наши депутаты были поражены идеальной организаціей тыла у союзниковъ и ихъ работой на оборону.

Единственной фальшивой нотой поѣздки было безтактное свиданіе Протопопова съ представителемъ Германіи въ Стокгольмѣ на обратномъ пути. Протопоповъ задержался и, когда остальные уѣхали, онъ не какъ предсѣдатель делегаціи, а какъ частное лицо имѣлъ свиданіе съ Варбургомъ, подосланнымъ гермаскимъ посломъ Люціусомъ. Газеты подняли по этому поводу шумъ и я вынужденъ былъ потребовать объясненій Протопопова въ Думѣ въ присутствіи депутатовъ. Протопоповъ не отрицалъ своего свиданія съ первымъ секретаремъ германскаго посольства, которому онъ подчеркнулъ невозможность для Россіи мира до полнаго пораженія Германіи. Когда Варбургъ пытался оправдать Германію и сваливалъ всю отвѣтственность на Англію, Протопоповъ заявилъ, что онъ не можетъ позволить въ своемъ присутствіи порочить нашихъ союзниковъ. Дума удовлетворилась его объясненіями и я послалъ въ газеты письмо съ описаніемъ стокгольмскаго инцидента.

На фронтѣ не могли понять, почему наступленіе шло только на юго-западѣ у Брусилова и почему его не поддерживаютъ. Между тѣмъ у Барановичей прорывъ начался неудачно и дѣйствія словно оборвались.

Въ противовѣсъ брусиловскимъ успѣхамъ въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ дѣла все болѣе запутывались и борьба съ предсѣдателемъ министромъ Шуваевымъ усиливалась. Онъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свою неспособность къ отвѣтственной роли, подпадалъ подъ вліяніе придворныхъ сферъ и слѣпо исполнялъ приказанія, исходившія изъ Царскаго Села. Несмотря на свою порядочность и честность, онъ терялся среди всевозможныхъ теченій и не умѣлъ сглаживать разногласій. Когда, благодаря в. к. Сергѣю Михайловичу, началось изъ Ставки гоненіе на энергичнаго начальника артиллерійскаго управленія Маниковскаго, Шуваевъ не сумѣлъ его поддержать и Маниковскаго удалось отстоять только настойчивыми требованіями членовъ Думы и Совѣта.

24 іюня я отправился въ Ставку съ докладомъ и до пріема у Государя навѣстилъ генерала Алексѣева. Въ Петроградѣ ходили слухи, что Алексѣевъ готовитъ докладъ объ учрежденіи диктатуры въ тылу по вопросамъ внутренняго управленія и снабженія арміи и страны. Незадолго до моего отъѣзда я получилъ свѣденія отъ генерала Мани-

ковскаго, что новый проектъ уже разработанъ и что генералъ Алексѣевъ подалъ объ этомъ докладъ Государю. Въ подтвержденіе своихъ словъ Маниковскій передалъ мнѣ копію доклада, сущность котораго сводилась къ созданію диктатуры для упорядоченія тыла съ правомъ пріостанавливать распоряженія министровъ и Особаго Совѣщанія Легко представить, чѣмъ грозило созданіе такой диктатуры, если предложеніе это было внушено в. к. Сергѣемъ Михайловичемъ съ тѣмъ, чтобы самому занять этотъ важный и отвѣтственный постъ.

Я спросилъ Алексѣева, правильно ли то, что мнѣ сообщили о его проектѣ или нѣтъ, и показалъ ему копію доклада.

Алексѣевъ признался, что онъ дѣйствительно подалъ Государю такой докладъ, настойчиво добивался, кто мнѣ передалъ секретную бумагу, и говорилъ, что онъ не можетъ воевать съ успѣхомъ, когда въ управленіи нѣтъ ни согласованности, ни системы и когда дѣйствія на фронтѣ парализуются неурядицей тыла.

Я указалъ генералу Алексѣеву, что его сѣтованія совершенно справедливы, но если дать настоящія полномочія предсѣдателю совѣта министровъ, то можно обойтись и безъ диктатуры. Назначеніе же на такой постъ в. к. Сергѣя Михайловича было бы равносильно гибели всего дѣла снабженія арміи. Вокругъ него снова собрались бы прежніе помощники и друзья и кромѣ вреда арміи и странѣ отъ этого ничего бы не послѣдовало.

«Передайте отъ меня великому князю Сергѣю Михайловичу, — сказалъ я Алексѣеву, — что если онъ не прекратитъ своихъ интригъ по части артиллерійскаго снабженія, то я, какъ предсѣдатель Думы, обличу его съ думской трибуны: доказательствъ о его дѣятельности у меня болѣе чѣмъ достаточно».

Въ дальнѣйшемъ разговоръ коснулся общаго положенія на фронтѣ и я передалъ Алексѣеву о желаніи арміи видѣть Рузскаго снова командующимъ. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ Алексѣевъ вполнѣ согласился, неодобрительно отзывался о Эвертѣ и Куропаткинѣ, но про Рузскаго сказалъ, что назначеніе ему дать не можетъ.

Это свиданіе съ Алексѣевымъ было у меня первымъ: до тѣхъ поръ мы только переписывались. Алексѣевъ производилъ впечатлѣніе умнаго и ученаго военнаго, но нерѣшительнаго и лишеннаго широкаго политическаго кругозора.

Пріемъ у Государя былъ по обыкновенію любезный и всѣ сообщенія о разныхъ непріятностяхъ тыла были выслушаны безъ противорѣчія и недовольствія. Давая отчетъ о Думской работѣ, я указалъ на желаніе правыхъ создать конфликтъ по вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ. Законъ, внесенный правительствомъ, не былъ принятъ, такъ какъ онъ не достигалъ цѣли: бороться съ нѣмецкимъ засиліемъ въ тылу надо, но затрагивать при этомъ во время войны во всей широтѣ земельный вопросъ опасно. Здѣсь должна быть система и отнимать у однихъ земли, чтобы роздать ихъ солдатамъ, пострадавшимъ на войнѣ, рискованно и можетъ повести къ аграрнымъ безпорядкамъ.

На это Государь замѣтилъ, что раздача земель солдатамъ была его мыслью.

— Тѣмъ не менѣе, ваше величество, позвольте съ вами не согла-

ситься и всподданнѣйше просить пересмотрѣть этотъ законопроектъ.

Когда рѣчь защла о Польшѣ, я напомнилъ, что положеніе Польши до сихъ поръ не выяснено, что поляки волнуются за свою судьбу, видя, что правительство постепенно забываетъ о воззваніи в. к. Николая Николаевича.

Передъ отъѣздомъ въ Ставку поляки мнѣ разсказывали, что Императрица въ разговорѣ съ графомъ Замойскимъ сказала:

— L'idée de l'autonomie de la Pologne est insensée, on ne peut le faire sans donner les mêmes droits aux provinces baltiques*).

Переходя къ вопросу о диктатурѣ, я сказалъ, что вынужденъ предостеречь Государя отъ этого опаснаго шага и къ крайнему удивленію замѣтилъ, что Государь, видимо, совсѣмъ забылъ о проектѣ Алексѣева и спросилъ: «Какая диктатура?»

Я подалъ копію доклада, Государь посмотрѣлъ на нее равнодушно и сказалъ:

— Да, у меня въ дѣлахъ есть такая бумага.

Мое мнѣніе сводилось къ тому, что учрежденіе диктатуры не достигло бы цѣли и въ то же время умаляло бы Царскую власть. Государь слушалъ внимательно и спросилъ:

— Что же вы посовѣтуете сдѣлать для упорядоченія тыла?

— Ваше Величество, я могу предложить вамъ одинъ выходъ изъ создавшагося положенія, и онъ тотъ же, который я вамъ предлагалъ и раньше: дайте отвѣтственное министерство. Вы только расширите права, которыя вы уже дали конституціей, но власть ваша останется незыблемой. Только отвѣтственность будетъ лежать не на васъ, а на правительствѣ, а вы попрежнему будете утверждать законы, распускать законодательныя учрежденія и рѣшать вопросы войны и мира.

Государь отвѣтилъ:

— Хорошо, я подумаю, — и добавилъ, — а кого бы вы порекомендовали въ предсѣдатели совѣта министровъ?

— Вы будете удивлены, Ваше Величество, но я назову адмирала Григоровича. Въ своемъ вѣдомствѣ онъ сумѣлъ въ короткое время наладить дѣло образцово.

— Да, это правда, но его область иная, а въ предсѣдателяхъ онъ будетъ не на мѣстѣ.

— Повѣрьте, Государь, что онъ будетъ лучше Штюрмера.

Когда разговоръ коснулся непорядковъ въ министерствахъ путей сообщенія и торговли, то Государь снова спросилъ:

— А кто ваши кандидаты на эти посты?

Я назвалъ инженера Воскресенскаго и товарища предсѣдателя Думы Протопопова.

Царь не возражалъ, но какъ и при другихъ докладахъ, дѣлалъ замѣтки въ записной книжкѣ.

Заканчивая докладъ, я упомянулъ еще о двухъ вопросахъ: о защитѣ министрами, такъ называемаго, Кузнецкаго предпріятія, въ которомъ былъ заинтересованъ братъ министра Трепова и которому по-

---

*) Идея объ автономіи Польши безсмысленна: она не осуществима безъ того, чтобы не дать тѣхъ же правъ Прибалтійскому краю.

кровительствовали министры Треповъ и кн. Шаховской, и о помощи увѣчнымъ воинамъ. Предприниматели, участвовавшіе въ Кузнецкихъ заводахъ, добивались получить огромные участки богатыхъ казенныхъ земель на Уралѣ и для ихъ разработки просили безпроцентную ссуду въ двадцать милліоновъ, которые обязались выплатить въ теченіе пяти лѣтъ. Г. Дума отвергла это ассигнованіе на дѣло, казавшееся ей спекулятивнымъ.

Вопросъ о правильномъ попеченіи увѣчныхъ воиновъ до сихъ поръ не былъ какъ слѣдуетъ разработанъ. Государь просилъ представить по этому поводу проектъ въ готовомъ видѣ, чтобы онъ могъ быть переданъ въ законодательныя палаты.

Послѣ пріема я былъ приглашенъ къ Высочайшему столу, но несмотря на милостивое вниманіе мнѣ было ясно, что докладъ мой не произвелъ должнаго впечатлѣнія: не то усталость, не то равнодушіе были замѣтны въ отношеніи ко всему происходящему.

Когда въ промежуткѣ между пріемомъ и обѣдомъ я разсказывалъ о впечатлѣніи отъ своего доклада М. П. Кауфману*), тотъ сказалъ: «Я бы посовѣтовалъ вамъ явиться къ Императрицѣ и постараться образумить ее и объяснить ей истинное положеніе вещей: можетъ быть, вы тамъ чего нибудь и добьетесь».

XIII

Манасевичъ-Мануйловъ и Хвостовъ старшій. Штюрмеръ — диктаторъ. Гвардія подъ Стоходомъ. Аэропланы изъ заграницы.

Министерская чехарда продолжалась. Министръ Сазоновъ былъ отставленъ безъ прошенія и на его мѣсто назначенъ Штюрмеръ съ оставленіемъ премьеромъ. Хвостовъ, министръ юстиціи, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Макаровъ на мѣсто Хвостова. Причины отставки Сазонова никто не могъ объяснить. Одинъ изъ служащихъ министерства иностранныхъ дѣлъ мнѣ говорилъ, что причина эта заключалась въ докладѣ Сазонова о Польшѣ. Сазоновъ настаивалъ на разрѣшеніи польскаго вопроса и на удаленіи Штюрмера, главнаго противника автономіи Польши. Но я думаю, что причины эти лежали глубже. Про министра юстиціи Хвостова говорили, что онъ пострадалъ изъ за Сухомлинова, такъ какъ отказался пріостановить слѣдствіе по его дѣлу. Императрица призывала его къ себѣ и впродолженіи двухъ часовъ говорила объ освобожденіи Сухомлинова. Сперва она доказывала его невиновность, потомъ въ повышенномъ тонѣ стала требовать, чтобы Сухомлиновъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, все время повторяя: „Je veux, j'exige, qu'il soit libéré" **).

Хвостовъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать и на вопросъ Александры Феодоровны: Pourquoi pouis que je vous l'ordonne"***). Онъ отвѣтилъ: „Ma conscience, Madame, me défend de Vous obeir et de libérer un traître" ****).

---

*) Представитель Краснаго Креста въ Ставкѣ и членъ Г. Совѣта.
**) Я хочу, я требую, чтобы онъ былъ освобожденъ.
***) Почему, потому что я вамъ приказываю.
****) Моя совѣсть, ваше величество, не позволяетъ мнѣ повиноваться вамъ и освободить измѣнника.

После этого разговора Хвостовъ понялъ, что дни его сочтены и его перемѣщеніе на должность министра внутреннихъ дѣлъ было только временнымъ для соблюденія приличія. Назначая Макарова, Императрица надѣялась, что онъ будетъ болѣе податливъ, но, къ счастью, этого не оказалось.

Послѣ возвращенія изъ Ставки я имѣлъ разговоръ со Штюрмеромъ по поводу проекта о диктатурѣ. Онъ заявилъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Черезъ недѣлю онъ отправился въ Ставку съ письмомъ Императрицы.

На ближайшемъ засѣданіи Особаго Совѣщанія обнаружилось, что назначенная Совѣщаніемъ посылка нѣсколькихъ артиллерійскихъ парковъ была пріостановлена Штюрмеромъ. При своемъ возникновеніи Особое Совѣщаніе указомъ Императора было поставлено выше совѣта министровъ. Члены Совѣщанія требовали объясненій отъ военнаго министра. Тогда военный министръ показалъ намъ секретную бумагу — указъ, по которому Штюрмеръ назначался диктаторомъ со всѣми полномочіями. Немедленно были выбраны представители Совѣщанія, которые отправились къ Штюрмеру и выразили ему свое негодованіе. Послѣ этого онъ больше не касался распоряженій Особаго Совѣщанія, но продолжалъ вмѣшиваться во всѣ остальныя дѣла.

Власти произвели арестъ Д. Рубинштейна, предсѣдателя одного изъ частныхъ банковъ, завѣдомо близкаго къ Распутину, двухъ братьевъ Рубинштейна, журналиста Стембо и присяжнаго повѣреннаго Вольфсона, управлявшаго дѣлами графини Клейнмихель. Причины ареста: спекуляція съ продуктами продовольствія, игра на пониженіе русскихъ бумагъ, акты явной измѣны — продажа Германіи продуктовъ, нужныхъ для обороны, которые были заказаны нами въ нейтральныхъ странахъ.

Приблизительно въ то же время долженъ былъ подать въ отставку послѣдній министръ изъ общественныхъ дѣятелей — министръ земледѣлія Наумовъ. Съ помощью земствъ онъ составилъ записку о снабженіи страны продовольствіемъ. Подъ вліяніемъ Штюрмера совѣтъ министровъ въ рѣзкой формѣ раскритиковалъ эту записку и отвергъ ее. Между тѣмъ проектъ Наумова въ свое время разсматривался и былъ одобренъ Думой.

---

12 іюля я поѣхалъ съ женой на южный фронтъ и по пути остановились въ Кіевѣ. Тамъ въ это время жила Императрица Марія Феодоровна, удалившаяся отъ всего того, что ее огорчало въ Царскомъ Селѣ и въ Петроградѣ. Я посѣтилъ ее, она продержала меня часа два, много говорила о дѣятельности Краснаго Креста и о жизни въ Кіевѣ и на замѣчаніе, что она хотѣла пробыть въ Кіевѣ недѣлю, а остается уже нѣсколько мѣсяцевъ, она отвѣтила: «Да, мнѣ здѣсь очень нравится и я останусь до тѣхъ поръ, пока захочу». Затѣмъ она въ разговорѣ сказала: „Vous ue pouvez pas vous imaginer quel contentement pour moi

après cinquante ans que je devais cacher mes sentiments — c'est de pouvoir dire à tout le monde combien je déteste les allemands" *).

---

16 іюля въ сопровожденіи В. А. Маклакова и М. И. Терещенко я отправился въ Бердичевъ для свиданія съ Брусиловымъ. Дѣла на его фронтѣ были успѣшны, снаряженія достаточно и главнокомандующій бодро смотрѣлъ на положеніе арміи. Нѣкоторый недостатокъ чувствовался только въ тяжелыхъ снарядахъ, которыхъ много израсходовали при наступленіи.

Командующій восьмой арміей Калединъ, у котораго я былъ въ Луцкѣ, лишь недоумѣвалъ, почему Безобразовъ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, не согласуя свои дѣйствія съ сосѣдями. Совершенно отрицательно онъ относился къ назначенію в. к. Павла Александровича командующимъ однимъ изъ корпусовъ. Великій князь не исполнялъ приказаній даже своего прямого начальства и вносилъ еще большую путаницу.

Говоря о Ковелѣ, Калединъ замѣтилъ: «Дали бы мнѣ гвардію, я бы взялъ Ковель: онъ раньше не былъ такъ сильно укрѣпленъ и австрійцы не располагали въ этомъ пунктѣ достаточными силами. Ставка не выполнила своего первоначальнаго плана».

Калединъ очень хвалилъ пополненія молодыхъ солдатъ, хорошо обученныхъ, подобранныхъ молодецъ къ молодцу.

Изъ Луцка поѣхали въ Торчинъ, гдѣ находился санитарный отрядъ земскаго союза, обслуживавшій желѣзную дивизію. По дорогѣ постоянно встрѣчали крытыя повозки съ ранеными и повсюду были видны слѣды недавняго пребыванія австрійцевъ. Въ Торчинѣ увидѣли огромное количество трофеевъ: груды ручныхъ гранатъ и снарядовъ и ряды орудій разныхъ калибровъ. Тяжелыя орудія были взяты цѣлымъ паркомъ и ихъ тотчасъ же повернули и обстрѣляли бѣжавшаго непріятеля. Изъ земскаго отряда была выдѣлена летучка, которая работала въ полутора верстахъ отъ боя. Раненыхъ было множество и всѣ лазареты были переполнены; сестры и доктора работали безъ передышки вторыя сутки. Генералъ Кашталинскій, командиръ корпуса, говорилъ, что ожидаются новыя атаки и что австрійцы ведутъ артиллерійскую подготовку. Дѣйствительно, къ вечеру начался гулъ, напоминавшій безпрерывные раскаты грома съ тяжелыми ударами.

По дорогѣ изъ Рожища тянулась безконечная вереница раненыхъ въ простыхъ телѣгахъ. Многіе съ тяжелыми раненіями лежали даже безъ соломы и громко стонали. Уполномоченный Краснаго Креста при восьмой арміи Г. Г. Лерхе говорилъ еще въ Луцкѣ: «Обратите вниманіе на эвакуацію раненыхъ изъ гвардіи, — тамъ, Богъ знаетъ, что творится».

Въ Рожищѣ бросалось въ глаза множество раненыхъ, лежавшихъ, гдѣ попало: въ домахъ, въ садахъ, на землѣ и въ сараяхъ; многіе по-

---

***) Вы не можете себѣ представить, какое для меня удовлетвореніе послѣ того, что я пятьдесятъ лѣтъ должна была скрывать свои чувства — имѣть возможность сказать всему свѣту, что я ненавижу нѣмцевъ.**

страдали тутъ же въ самомъ мѣстечкѣ при налетахъ аэроплановъ и отъ разрыва пироксилиновыхъ шашекъ, сложенныхъ подъ открытымъ небомъ рядомъ съ лазаретомъ. Здѣсь погибъ уполномоченный Краснаго Креста Г. М. Хитрово, который бросился выносить раненыхъ изъ загорѣвшагося отъ взрыва шашекъ барака. У завѣдующаго санитарной частью арміи профессора Вельяминова не хватало самыхъ необходимыхъ медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ. Въ штабѣ Безобразова поражало большое количество штабныхъ офицеровъ. Изъ разсказовъ самого Безобразова о положеніи на фронтѣ можно было вынести впечатлѣніе, что у него полная неурядица.

На обратномъ пути я снова видѣлся въ Луцкѣ съ генераломъ Калединымъ и онъ не скрывалъ своего негодованія по поводу тѣхъ огромныхъ потерь, которыя понесла гвардія, достигшая ничтожныхъ результатовъ: «Нельзя такъ безумно жертвовать людьми, и какими людьми».

Въ Рожище мы пріѣхали въ надеждѣ свидѣться съ сыномъ, полкъ котораго участвовалъ во всѣхъ бояхъ гвардіи, потерявшей тогда убитыми и ранеными до тридцати трехъ тысячъ. Безобразовъ разрѣшилъ вызвать сына по телефону, такъ какъ полкъ его отошелъ на вторую линію. Ждать пришлось до разсвѣта слѣдующаго дня. Мы сидѣли до поздней ночи на скамейкѣ на шоссе и послѣ всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній дня ожидали съ тревогой, жуткимъ чувствомъ прислушиваясь къ доносившемуся реву боя. Ночь была темная и жена пошла отдохнуть въ халупу В. В. Мещериновой, которая, вѣрная себѣ, не отставала отъ преображенскаго полка, гдѣ у нея изъ трехъ сыновей одинъ уже погибъ. Спать не хотѣлось; вернулась и жена и мы обошли три лазарета: одинъ изъ нихъ имени Родзянко, гдѣ отлично работала жена племянника—англичанка, второй—англійскій съ лэди Педжетъ во главѣ и третій Кауфмановской общины. Вездѣ работали самоотверженно. но принимать всѣхъ не успѣвали — не хватало мѣстъ. Привозили исключительно изъ гвардейскихъ частей: чудный, молодой, рослый народъ изъ послѣднихъ пополненій — «поливановскіе». Они бодро и весело отвѣчали намъ, а «старики» жаловались, что часто даромъ губятъ народъ, заставляютъ брать проволочныя загражденія безъ артиллерійской подготовки. Они отнеслись ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ и тихо съ грустью разсказывали про плохое начальство.

Вмѣстѣ съ Мещериновой мы похоронили Хитрово во временной могилѣ и послѣ окончанія церемоніи остались на похоронахъ солдатъ, умершихъ въ лазаретахъ. Ихъ привезли безъ гробовъ, голыхъ, и клали въ общую могилу рядами. Тяжело было смотрѣть на эту безотрадную картину. Священникъ скороговоркой, небрежно читалъ молитвы, а когда мы попросили его не спѣшить и стали сами пѣть панихиду, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ и сталъ служить, какъ слѣдуетъ. Уходя, священникъ поблагодарилъ и, вздыхая, сказалъ: «Мы то и дѣло хоронимъ, жаль смотрѣть» — и махнулъ рукой.

Сынъ пріѣхалъ прямо въ Луцкъ и послѣ часового отдыха началъ разсказывать все пережитое.

Преступная неурядица, несогласованность командного состава, путаница въ распоряженіяхъ — погубили лучшія войска безъ всякой

пользы. Не только офицерамъ, но и солдатамъ было очевидно, что при такихъ условіяхъ побѣда немыслима, несмотря на геройство гвардейскихъ частей. В. к. Павелъ Александровичъ, командовавшій корпусомъ, не послушался приказанія обойти намѣченный пунктъ съ фланговъ и приказалъ преображенцамъ и императорскимъ стрѣлкамъ двинуться прямо на высоты Рай-Мѣсто. Полки попали въ трясину, гдѣ многіе погибли: пока они вязли и съ трудомъ передвигались по болоту, надъ ихъ головами носились нѣмецкіе аэропланы и разстрѣливали въ упоръ. Сынъ провалился по плечи и его съ трудомъ вытащили солдаты. Раненыхъ нельзя было выносить изъ болота и они всѣ погибли. Трясина тянулась вплоть до высоты, которая вся была опутана колючей проволокой. Наша артиллерія дѣйствовала слабо, проволочныя загражденія не разрушала, снаряды ея не долетали или попадали въ своихъ. Командовавшій кавалерійской дивизіей генералъ Раухъ не выполнилъ распоряженіе штаба и вмѣсто того, чтобы зайти непріятелю въ тылъ, отвелъ свои полки. Вообще, каждый командующій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію и люди гибли напрасно. Несмотря на все это, геройскіе полки гвардіи выполнили возложенную на нихъ задачу и, истекая кровью, заняли высоты, послѣ чего имъ велѣли отступать...

Сынъ, всегда спокойный и уравновѣшенный, сильно волновался и говорилъ мнѣ: «Ты долженъ довести до свѣдѣнія Государя, что преступно такъ зря убивать народъ... Командный составъ никуда не годится... Всѣ чувствуютъ въ арміи, что безъ всякихь причинъ дѣла пошли хуже: народъ великолѣпный, снарядовъ и орудій въ избыткѣ, но не хватаетъ мозговъ у генераловъ. Плохо еще, что нѣтъ аэроплановъ. Ставкѣ никто не довѣряетъ, такъ же, какъ и ближайшему начальству. Все это можетъ кончиться озлобленіемъ и развалом. Мы готовы умирать за Россію для родины, но не для прихоти генераловъ. Они во время боевъ въ большинствѣ случаевъ сидятъ въ безопасныхъ мѣстахъ, на линіи огня рѣдко кто изъ нихъ показывается, а умираемъ мы. У насъ и солдаты, и офицеры одинаково думаютъ, что если порядки не измѣнятся, — мы не побѣдимъ. Надо открыть на все это глаза...»

Подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго я отправилъ подробное письмо Брусилову, а Брусиловъ, прибавилъ къ моему письму свой собственный докладъ, переслалъ и то, и другое въ Ставку. Въ результатѣ генералъ Безобразовъ, его начальникъ графъ Игнатьевъ, в. к. Павелъ Александровичъ и профессоръ Вельяминовъ были смѣщены.

На первомъ же засѣданіи Особаго Совѣщанія я поднялъ вопросъ объ авіаціи. Шуваевъ противился обсужденію вопроса, боясь, что будутъ критиковать дѣятельность в. к. Александра Михайловича, а когда члены Совѣщанія тѣмъ не менѣе рѣшили заняться этимъ вопросомъ, Шуваевъ безъ объясненій закрылъ засѣданіе. Между тѣмъ съ именемъ великаго князя связывались многія злоупотребленія: покупались бракованные аэропланы, причемъ пріемная комиссія не раскрывала даже ящиковъ и на фронтъ посылали аэропланы, на которыхъ или

вовсе нельзя было летать, или съ большимъ рискомъ. Ближайшій помощникъ великаго князя полковникъ Фогель пользовался плохой репутаціей, черезъ его руки проходили всѣ заказы и фактически онъ распоряжался всей военной авіаціей. Когда этотъ вопросъ обсуждался въ іюнѣ въ Особомъ Совѣщаніи, были затребованы свѣдѣнія, сколько аэроплановъ находится въ арміи и сколько по подсчету ихъ должно быть. Авіаціонный отдѣлъ очень долго не давалъ отвѣта, а когда наконецъ доставилъ его, то оказалось, что большинство аэроплановъ у насъ учебные и находятся при авіаціонныхъ школахъ. Тогда Особое Совѣщаніе предложило авіаціонному отдѣлу выписать изъ заграницы недостающіе аэропланы. Прошло много времени, съ фронта умоляли о присылкѣ аэроплановъ, а о заказѣ не было ни слуха, ни духа. На повторный запросъ Особаго Совѣщанія авіаціонный отдѣлъ отвѣтилъ сперва, что заказы сдѣланы во Франціи и скоро аппараты прибудутъ. А затѣмъ сообщилъ, что Франція отказалась выполнить заказъ. Между тѣмъ до моего свѣдѣнія дошло, что никакого заказа, вообще, дано не было и что в. к. Александръ Михайловичъ приказалъ всѣ переговоры пріостановить. Я рѣшилъ собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія о постановкѣ у насъ авіаціоннаго дѣла. Въ этой работѣ мнѣ много помогли два нашихъ выдающихся военныхъ авіатора, одинъ изъ которыхъ былъ начальникомъ авіаціонной школы и получилъ за развѣдки и бои три Георгія. Кромѣ того я получалъ много писемъ отъ другихъ авіаторовъ фронта. Докладъ получился очень подробный съ точными цифрами заказовъ, съ указаніемъ сроковъ, въ которые они были выполнены и съ перечисленіемъ всѣхъ фактовъ по недобросовѣстной пріемкѣ, гибели летчиковъ и прочее. Вскрылась вся система управленія авіаціей и ужасающая картина ея положенія. Записку эту я отправилъ Государю, в. к. Александру Михайловичу и всѣмъ членамъ Особаго Совѣщанія.

На слѣдующемъ засѣданіи, когда Шуваевъ отсутствовалъ, вопросъ былъ снова поднятъ; я сообщилъ всѣ данныя моего доклада, разсказалъ, что видѣлъ на фронтѣ, и передалъ, что такіе авторитеты, какъ Брусиловъ, Калединъ и Сахаровъ просили обратить самое серьезное вниманіе на авіацію. Въ то время, какъ нѣмцы летаютъ надъ нами, какъ птицы, и забрасываютъ насъ бомбами, мы безсильны съ ними бороться; непріятель знаетъ наше расположеніе, какъ свои пять пальцевъ, а у насъ воздушная развѣдка почти совершенно отсутствуетъ. Я убѣждалъ Совѣщаніе, что если попрежнему полагаться на авіаціонный отдѣлъ и великаго князя, то дѣло съ мѣста не сдвинется и предлагалъ взять иниціативу заказа аэроплановъ заграницей. Совѣщаніе согласилось съ этимъ и въ виду нежеланія Шуваева вести переписку по этому поводу съ союзниками, мнѣ поручено было взять эту миссію на себя. Шуваевъ предоставилъ мнѣ военный шифръ и я послалъ телеграмму генералу Жоффру черезъ нашего военнаго агента въ Парижѣ, графа Игнатьева. Отвѣта долго не получалось и французскій военный агентъ маркизъ Лягишъ сообщилъ мнѣ, что по ихъ агентурнымъ свѣдѣніямъ графъ Игнатьевъ задержалъ телеграмму и не передалъ ее Жоффру. Я просилъ Лягиша послать телеграмму французскимъ шифромъ непосредственно Жоффру и министру снабженія

Тома, а самъ обратился къ Шуваеву съ просьбой разъяснить, на какомъ основаніи военный агентъ позволилъ себѣ цензуровать и задерживать телеграмму предсѣдателя Думы, посланную съ вѣдома военнаго министра военнымъ шифромъ. Игнатьевъ далъ весьма странный отвѣтъ: онъ не хотѣлъ телеграммой предсѣдателя Думы волновать главнокомандующаго. Между тѣмъ на телеграмму Лягиша пришелъ очень скоро отвѣтъ, въ которомъ Жоффръ извѣщалъ, что заказъ сдѣланъ и аэропланы высылаются въ ближайшее время. Въ Особомъ Совѣщаніи отвѣтъ Жоффра произвелъ прекрасное впечатлѣніе.

Этимъ исторія съ заказами аэроплановъ однако не закончилась. Я уѣхалъ на короткій срокъ въ имѣніе. Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму, что бюджетная комиссія проситъ меня настаивать передъ правительствомъ о скорѣйшемъ созывѣ Думы. Въ той же телеграммѣ сообщалось, что мой секретарь В. Садыковъ выѣхалъ ко мнѣ съ докладомъ. Къ немалому удивленію, Садыковъ, кромѣ постановленія бюджетной комиссіи, привезъ письмо отъ генерала Алексѣева, въ которомъ мнѣ указывалось желаніе Государя «устранить себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ военные вопросы, не входящіе въ кругъ вѣдѣнія ни предсѣдателя Г. Думы, ни члена Особаго Совѣщанія»*). Секретарь обратилъ мое вниманіе, что письмо это получилось въ конвертѣ безъ печати, что не было надписи «секретно», несмотря на то, что подъ печатями и съ такой надписью присылались постоянно самыя незначительныя бумаги. Садыковъ говорилъ, что вскрывъ конвертъ, онъ, не объясняя никому причинъ, рѣшилъ ѣхать ко мнѣ въ имѣніе, такъ какъ зналъ, что я передъ возвращеніемъ въ Петроградъ долженъ быть въ Ставкѣ: не зная содержанія этого письма, я могъ бы оказаться тамъ въ очень неловкомъ положеніи.

Исполнить желаніе Государя я, по своему разумѣнію, не могъ: это значило пойти противъ совѣсти, молча сидѣть въ Совѣщаніи при обсужденіи вопросовъ о снабженіи арміи и, вообще, по примѣру Горемыкина рѣшить, что «война меня не касается».

При слѣдующемъ докладѣ эти мои соображенія я сообщилъ Государю и объяснилъ, что согласно законоположенію объ Особомъ Совѣщаніи на мнѣ, какъ на членѣ такового, лежитъ прямая обязанность активно принимать участіе въ вопросахъ снабженія арміи и при этомъ

---

*) Текстъ письма генерала М. В. Алексѣева былъ слѣдующій:

„Милостивый государь, Михаилъ Владиміровичъ. Ваше превосходительство черезъ нашего агента во Франціи обратились къ генералу Жоффру и г. Альберу Тома съ телеграммой о предоставленіи русской арміи аэроплановъ, опредѣливъ по своему усмотрѣнію число и систему ихъ, внѣ связи съ той общею программою, которая выработана по общему соглашенію между нами, французскимъ и англійскимъ правительствомъ по этому вопросу. Копію веденной вами переписки, но уже послѣ отправленія своей телеграммы, вы препроводили в. к. Александру Михайловичу. По докладу Государю Императору этой переписки, его величество повелѣлъ передать вамъ его волю, чтобы вы устранили себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ военные вопросы, не входящіе въ кругъ вѣдѣнія ни Предсѣдателя Г. Думы, ни члена Особаго Совѣщанія. Дѣло, въ которомъ окажется нѣсколько хозяевъ, считающихъ себя другъ отъ друга независимыми, одинаково компетентными и полновластными въ своихъ распоряженіяхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ доведено до полнаго развала. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Михаилъ Алексѣевъ".

добавилъ, что очевидно ему было совершенно неправильно доложено о моемъ вмѣшательствѣ въ этомъ дѣлѣ.

Государь отвѣтилъ:

— Да, вы были правы и дѣло мнѣ было доложено не такъ, какъ слѣдовало.

Этимъ отвѣтомъ Государя я былъ вполнѣ удовлетворенъ.

XIV

Протопоповъ—министръ. Условія Предсѣдателя Думы. Королевичъ Греческій. Отказъ въ аудіенціи. У Штюрмера.

При Штюрмерѣ игралъ совершенно особую роль нѣкій Манасевичъ-Мануйловъ, бывшій сотрудникъ Рачковскаго, мелкій журналистъ, имѣвшій связи съ распутинскимъ кружкомъ и въ значительной степени способствовавшій назначенію Штюрмера. Онъ былъ при Штюрмерѣ въ роли какъ бы личнаго секретаря. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ шантажировалъ банки и они откупались отъ него взятками. Директоръ Соединеннаго банка графъ Татищевъ вмѣстѣ съ министромъ А. А. Хвостовымъ рѣшили уловить этого Мануйлова. Взятка была дана, но на пятисотенныхъ билетахъ были сдѣланы помѣтки рукою Ивана Хвостова, племянника министра. Произошло это во время отсутствія Штюрмера, находившагося въ Ставкѣ. У Мануйлова сдѣлали обыскъ, нашли пятисотенные билеты, которые лежали въ томъ же порядкѣ и только часть ихъ успѣла уже исчезнуть. Мануйлова арестовали.

Когда Штюрмеръ узналъ объ арестѣ Мануйлова, онъ этому не повѣрилъ. Затѣмъ, убѣдившись, онъ вторично выѣхалъ въ Ставку, неизвѣстно ,что тамъ наговорилъ, и вернулся съ отставкой Хвостова въ карманѣ. Онъ вызвалъ къ телефону Хвостова и заявилъ ему: «Вы мнѣ сообщили непріятное для меня извѣстіе объ арестѣ Манасевича-Мануйлова, теперь я вамъ сообщаю новость: вы больше не министръ внутреннихъ дѣлъ».

На мѣсто Хвостова (старшаго) министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ товарищъ предсѣдателя Думы Протопоповъ.

Послѣ возвращенія Протопопова изъ заграницы и разговора въ Стокгольмѣ съ германскимъ представителемъ, имя его часто стало мелькать въ газетахъ. Появилось извѣстіе, что Протопоповъ совмѣстно съ банками собирается издавать газету «Воля Россіи»; Терещенко, Литвиновъ-Фалинскій и многіе другіе предупреждали меня, что Протопоповъ окруженъ подозрительными личностями, что имя его связываютъ съ именемъ Распутина и что распутинскій кружокъ проводитъ его въ министры внутреннихъ дѣлъ. Назначеніе Протопопова могло казаться популярнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ успѣхъ во время поѣздки парламентской делегаціи и даже состоялъ въ прогрессивномъ блокѣ. Назначеніе Протопопова было встрѣчено съ недоумѣніемъ, но въ первой же бесѣдѣ съ журналистами онъ открылъ свои карты, заявивъ, что вступаетъ въ правительство Штюрмера и отдѣльной программы не имѣетъ. Въ послѣднее время Протопоповъ избѣгалъ со мной встрѣчъ

и не показывался въ Думу. Наконецъ я къ нему дозвонился и сказалъ, чтобы онъ непремѣнно пріѣзжалъ завтракать. Я поставилъ ему вопросъ ребромъ:

— Скажите, Александръ Дмитріевичъ, прямо: вѣрны ли слухи о вашемъ назначеніи? Вы меня ставите въ неловкое положеніе, — я долженъ знать, какой постъ собирается принять мой товарищъ.

— Да, дѣйствительно, мнѣ предложили постъ министра внутреннихъ дѣлъ, — сказалъ Протопоовъ, — и я согласился.

— Кто вамъ предложилъ?

— Штюрмеръ, по желанію Государя Императора.

— Какъ... И вы пойдете въ кабинетъ Штюрмера?

— Вѣдь вы же сами меня рекомендовали.

— Да, я рекомендовалъ васъ на постъ министра торговли въ кабинетъ Григоровича, а не на постъ министра внутреннихъ дѣлъ къ Штюрмеру.

— Я чувствую, — сказалъ Протопоповъ, — что вы на меня сердитесь.

— И очень даже: вы поступили предательски по отношенію къ Думѣ. Вы идете служить съ тѣмъ правительствомъ, которое только что Дума осудила, какъ бездарное и вредное для Россіи, и это послѣ того, какъ вы подписали резолюцію блока. При этомъ вы громко исповѣдуете, что у васъ нѣтъ другой программы, кромѣ программы премьеръ-министра Штюрмера. Я васъ предупреждаю — Дума потребуетъ отъ васъ объясненія.

Я надѣюсь, — отвѣчалъ Протопоповъ, — что мнѣ удастся что нибудь измѣнить въ положеніи вещей. Я увѣряю васъ, что Государь готовъ на все хорошее, но ему мѣшаютъ.

— Хорошо, пусть такъ, но при Штюрмерѣ и Распутинѣ развѣ вы въ силахъ что нибудь измѣнить. Вы только скомпрометируете себя и Думу. У васъ не хватитъ силъ бороться и вы не отважитесь прямо говорить Государю.

Послѣ назначенія Протопопова прошелъ слухъ, что предсѣдатель Думы будетъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и премьеромъ. Слухъ подтвердился. Неожиданно пріѣзжаетъ Протопоповъ и обращается съ такими словами:

— Знаете, Михаилъ Владиміровичъ, въ Ставкѣ хотятъ назначить васъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— Какъ я могу быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, — усмѣхнулся я.

— У васъ будутъ помощники, которые знаютъ технику этого дѣла.

— И что же—я долженъ соединить съ этимъ и руководительство всей политикой: быть премьеромъ?

—Да, конечно, и это также.

Приходилось кончать комедію.

— Послушайте, — сказалъ я, — вы исполняете чье то порученіе: васъ послали узнать мое мнѣніе на этотъ счетъ. Въ такомъ случаѣ передайте Государю слѣдующее: мои условія таковы. Мнѣ одному принадлежитъ власть выбирать министровъ, я долженъ быть назначенъ

не менѣе, какъ на три года. Императрица должна удалиться отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла и до окончанія войны жить безвыѣздно въ Ливадіи. Всѣ великіе князья должны быть отстранены отъ активной дѣятельности и ни одинъ изъ нихъ не долженъ находиться на фронтѣ. Государю надо примириться со всѣми, несправедливо обиженными имъ министрами. Поливановъ долженъ быть помощникомъ Государя въ Ставкѣ, Лукомскій — военнымъ министромъ. Каждую недѣлю въ Ставкѣ должны происходить совѣщанія по военнымъ дѣламъ и я долженъ на нихъ присутствовать съ правомъ голоса по вопросамъ не стратегическаго характера.

Протопоповъ былъ въ ужасѣ отъ моихъ словъ и не представлялъ себѣ, какъ онъ можетъ ихъ передать. Я ему помогъ.

— Если Государь меня призоветъ, я самъ все это ему скажу.

— Да, я знаю, вы скажете, — повторялъ Протопоповъ, почесывая затылокъ.

Я просилъ его записать мои условія и онъ записалъ ихъ въ карманной книжкѣ.

— И еще прибавьте: я приму этотъ постъ съ тѣмъ, чтобы всѣ эти условія были обнародованы въ Думѣ.

Черезъ нѣсколько дней Протопоповъ обѣдалъ у меня и за обѣдомъ заговорилъ про Императрицу, страшно ее расхваливая.

— Она необыкновенно сильная, властная и умная женщина. Вы, Михаилъ Владиміровичъ, должны непремѣнно къ ней поѣхать.

Ничего ему не говоря, я взялъ его за пульсъ и спросилъ:

— А гдѣ вы вчера обѣдали? (Передъ этимъ мнѣ его чиновникъ особыхъ порученій Граве, бывшій еще при П. А. Столыпинѣ, разсказывалъ, что Протопоповъ ѣздилъ наканунѣ обѣдать въ Царское, повидимому, къ Вырубовой, а вечеръ провелъ у Штюрмера).

Протопоповъ смутился:

Да, нѣтъ, вы скажите, гдѣ вы вчера обѣдали? — продолжалъ я его допрашивать.

— А кто вамъ сказалъ?

— Это уже мое дѣло: моя тайная полиція лучше вашей... Такъ гдѣ же вы вчера обѣдали, дорогой мой?

— Вы уже навѣрно знаете, — отвѣчалъ Протопоповъ.

— А вечеръ вы провели у Штюрмера?

— И это вы знаете?

— Вы видите, я все знаю... Скажите, зачѣмъ вы все это дѣлаете? Зачѣмъ вы себя компрометируете: вѣдь этого скрыть нельзя. Вы предлагаете мнѣ ѣхать говорить съ Императрицей, я къ ней ни за что не поѣду. Вы хотите, чтобы и про меня говорили, что я ищу ея покровительства, а можетъ быть и покровительства Вырубовой и Распутина. Я такимъ путемъ идти не могу.

Императрица все чаще ѣздила въ Ставку, а когда находилась въ Царскомъ — къ ней ѣздили министры съ докладами.

Подъ вліяніемъ митрополита Питирима и Распутина былъ назначенъ новый оберъ-прокуроръ Синода нѣкій Раевъ, директоръ жен-

скихъ курсовъ. Депутація отъ Синода во главѣ съ этимъ Раевымъ поднесла Императрицѣ икону и благословленную грамоту*).

Благословленная грамота была напечатана въ газетахъ, но желаемаго впечатлѣнія не произвела. Императрица никогда не была популярной, а когда въ широкихъ кругахъ стало извѣстно о значеніи и вліяніи Распутина и о ея вмѣшательствѣ въ государственаыя дѣла — ее всѣ стали осуждать, называли «нѣмкой» и видѣли въ ней причину всѣхъ неудачныхъ и вредныхъ для Россіи шаговъ Государя.

Въ Петроградъ черезъ Вѣну и Берлинъ пріѣзжалъ греческій принцъ Николай, женатый на великой княгинѣ Еленѣ Владиміровнѣ. Стали говорить, что онъ имѣетъ какую то тайную миссію. Онъ пробылъ довольно долго, нѣсколько мѣсяцевъ. Ѣздилъ въ Ставку и Алексѣевъ жаловался, что однажды, когда онъ долженъ былъ докладывать Государю, у него оказался греческій королевичъ и в. к. Марія Павловна. Государь предложилъ Алексѣеву докладывать въ ихъ присутствіи, но Алексѣевъ попросилъ Государя переговорить съ нимъ съ

*) Благочестивѣйшая Государыня. Настоящая великая война, небывалая по своимъ размѣрамъ и кровопролитію, вызываетъ въ народѣ небывалые подвиги самоотверженія и христіанской любви. Наше доблестное воинство, въ высокомъ подвигѣ Верховнаго Вождя почерпая силы и воодушевленіе, грудью защищаетъ родную землю, самоотверженно полагая жизнь свою за Вѣру, Престолъ и Отечество. А за этимъ воинствомъ идетъ сильная не смертоносныиъ оружіемъ, а христіанскою любовью армія слабыхъ тѣломъ, но кроткихъ духомъ женъ, которыя подъ знаменемъ Креста скромно совершаютъ свое столь же великое, святое дѣло любви — дѣло служенія пострадавшимъ отъ войны. Отъ нихъ же ждутъ сострадательнаго участія и попеченія тысячи бѣженцевъ, лишившихся крова, дѣти, потерявшіе своихъ родителей, вдовы и сироты тѣхъ, кто положилъ свою жизнь за други своя.

Всюду, гдѣ только есть страданіе и нужда, идетъ эта крестоносная армія, на всѣхъ обездоленныхъ войной простирая свои заботы и милосердіе, и душой всего этого священнаго порыва и подвига русской женщины христіанки являетесь Вы, Ваше Императорское Величество, привлекли на дѣло служенія имъ и своего августѣйшаго сына, Наслѣдника Цесаревича, вашу радость и надежду Россіи. Раздѣляя со своимъ вѣнценоснымъ родителемъ всѣ тяготы походной жизни онъ несетъ съ собой свѣтъ и тепло въ души защитниковъ родины и, посѣщая лазареты, облегчаетъ страданія раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Вы, какъ чадолюбивая мать, приняли въ свою любовь съ самаго начала страждующихъ нашей родины. Въ скромной одеждѣ сестры милосердія вы стоите вмѣстѣ съ августѣйшими дочерьями у самаго одра раненаго и больного воина, своими руками обвязывая раны, своей материнской заботой и лаской утѣшая страждущаго, вызывая во всѣхъ чувство умиленія. Священны будутъ воспоминанія тѣхъ, кого согрѣла ваша любовь. Горячи будутъ ихъ благодарственныя молитвы о васъ къ Господу.

Воздавая хвалу Богу, дивно укрѣпляющаго васъ въ великомъ подвигѣ любви къ ближнимъ, св. Синодъ призываетъ Божіе благословеніе и на дальнѣйшій подвигъ вашего Императорскаго Величества и, благословляя Васъ иконой Пречистой Божьей Матери, молитъ Владычицу, да будетъ Она всегда благодатнымъ поступленіемъ и покровомъ Вамъ, Благочестивѣйшая Государыня, и всей августѣйшей семьѣ вашей.

Вашего Императорскаго Величества всеподданные богомольцы: Питиримъ, митрополитъ петроградскій и Ладожскій, Сергій, архіепископъ финляндскій и выборгскій, Іоаннъ, архіепископъ казанскій и свіяжскій, Веніаминъ, архіепископъ симбирскій и сызранскій, Димитрій, архіепископъ рязанскій и зарайскій, Василій, епископъ черниговскій и нѣжинскій, епископъ Иннокентій, предсѣдатель миссіонерскаго совѣта, завѣдующій придворнымъ духовенствомъ протопресвитеръ Александръ Дерновъ, протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Георгій Шабельскій".

глазу на глазъ. Алексѣевъ считалъ, что вообще присутствіе греческаго королевича въ Ставкѣ неумѣстно и находилъ, что его слѣдуетъ даже задержать и не пускать обратно, особенно же не давать ему возможности ѣхать вновь черезъ Берлинъ и Вѣну. По требованію военныхъ властей королевича дѣйствительно отправили не черезъ Торнео на Швецію, а прямо черезъ Архангельскъ въ Англію. Онъ вернулся въ Грецію въ разгаръ самой смуты. Потомъ въ газетахъ мы прочли, что «при дворѣ короля Константина считаютъ миссію королевича Николая выполненной и вполнѣ удачно».

Послѣ вступленія въ должность Протопоповъ объявилъ, что его главная задача — продовольствіе страны. Онъ возбудилъ въ совѣтѣ министровъ вопросъ о передачѣ продовольственныхъ вопросовъ изъ министерства земледѣлія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Противъ этого возстала печать и земскіе дѣятели, которые работали какъ уполномоченные по продовольствію; съ передачей продовольствія въ министерство внутреннихъ дѣлъ они справедливо опасались давленія со стороны губернаторовъ, полиціи и прочее. Большинство изъ нихъ заявили, что съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ работать не будутъ.

Опасенія земцевъ скоро оправдались. Въ екатеринославской губерніи произошелъ слѣдующій случай. Губернаторъ передалъ по телефону предсѣдателю губернской земской управы Гесбергу (онъ же уполномоченный по продовольствію отъ министерства земледѣлія), чтобы онъ допустилъ агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ покупкѣ полутора милліона пудовъ ячменя для отправки въ Петроградъ въ Калашниковскую биржу. Допустить неопытныхъ постороннихъ агентовъ — значило поднять цѣны и вызвать злоупотребленія. Гесбергъ предложилъ закупить и послать ячмень, но губернаторъ настаивалъ на своемъ, сообщилъ, что онъ передаетъ приказъ министра внутреннихъ дѣлъ и что, если это не будетъ исполнено, то будутъ приняты мѣры воздѣйствія. Гесбергъ отвѣтилъ губернатору, что онъ, какъ предсѣдатель земской управы, не можетъ получать отъ губернатора указаній по продовольственному дѣлу, а какъ уполномоченный, онъ подчиненъ министерству земледѣлія. Отвѣтъ Гесберга былъ переданъ Протопопову и Протопоповъ рѣшилъ выслать Гесберга въ Сибирь, какъ носящаго нѣмецкую фамилію. Предотвращено это было совершенно случайно. Протопопова посѣтилъ мировой судья Новомосковскаго уѣзда Магденко, товарищъ Протопопова по полку. Протопоповъ сталъ ему разсказывать о Гесбергѣ и о своемъ желаніи его выслать. Магденко умолялъ этого не дѣлать, такъ какъ это вызоветъ негодованіе въ губерніи, гдѣ Гесберга любили и гдѣ недавно его чествовали по случаѣ двадцатипятилѣтія земской службы. И только послѣ настойчивыхъ просьбъ и уговоровъ Протопоповъ внялъ словамъ Магденко и при немъ разорвалъ уже подписанный указъ.

Вообще Протопоповъ велъ себя очень странно и на многихъ производилъ впечатлѣніе ненормального человѣка. Онъ явился въ Думу на засѣданіе бюджетной комиссіи въ жандармской формѣ. Дума при-

няла его очень холодно, а его продовольственный проектъ встрѣтилъ общее осужденіе. Такъ же высказались земскій и городской союзы. Протопоповъ добивался поговорить со своими бывшими товарищами по Думѣ и просилъ меня въ этомъ помочь. Онъ, очевидно, надѣялся, что свиданіе ему будетъ устроено только съ представителями земцевъ —октябристовъ, но я нарочно созвалъ къ себѣ лидеровъ всѣхъ фракцій прогрессивнаго блока, Протопоповъ въ этотъ вечеръ велъ себя странно: онъ все поднималъ глаза кверху и съ какимъ неестественнымъ восторгомъ говорилъ: «Я чувствую, что я спасу Россію, я чувствую, что только я ее могу спасти». Шингаревъ, врачъ по профессіи, говорилъ, что по его мнѣнію у Протопопова просто прогрессивный параличъ. Протопоповъ просидѣлъ у меня до трехъ часовъ ночи, какъ будто не могъ рѣшиться уйти и подъ конецъ я его почти насильно отправилъ спать.

Несмотря на стараніе Протопопова увѣрить всѣхъ, что онъ можетъ спасти Россію, депутаты этому не повѣрили, бюджетная комиссія осудила его проектъ, а когда проектъ окончательно пересматривался въ совѣтѣ министровъ, то и совѣтъ министровъ его провалилъ, и оставилъ продовольственное дѣло въ рукахъ министра земледѣлія.

---

27 октября было торжественное засѣданіе общества англо-русскаго флага. Это общество возникло за годъ передъ тѣмъ по иниціативѣ М. М. Ковалевскаго и онъ былъ его первымъ предсѣдателемъ. Послѣ его смерти предсѣдателемъ выбрали меня. На собраніи, которое происходило въ залѣ городской думы, очень понравилась рѣчь майора англійской арміи Торнхиля. Онъ удивительно вѣрно охарактеризовалъ русскаго солдата и съ большимъ юморомъ говорилъ о безполезныхъ попыткахъ нѣмцевъ поссорить Англію и Россію. Онъ сказалъ, что Англія хочетъ завоевать, но не территорію, а благородное русское сердце и что ему, какъ англичанину, не удобно говорить, что въ этомъ и наша выгода.

Шингаревъ, разсказывавшій о своихъ впечатлѣніяхъ изъ поѣздки съ парламентской делегаціей, подчеркнулъ, что въ Англіи существуетъ удивительное взаимное довѣріе между правительствомъ и общественнымъ силами. Эти слова были покрыты аплодисментами, а когда онъ сказалъ, что тамъ нѣтъ темныхъ силъ и безотвѣтственныхъ вліяній, аплодисменты еще болѣе усилились. Когда одинъ изъ ораторовъ упомянулъ о членѣ этого общества, бывшемъ министрѣ Сазоновѣ, въ публикѣ опять стали аплодировать, всѣ искали глазами Сазонова, желая ему сдѣлать оваціи, но его въ залѣ не оказалось.

На мою просьбу объ аудіенціи, я получилъ отвѣтъ Государя. На моемъ представленіи его рукой было написано: «Поручаю предсѣдателю совѣта министровъ передать предсѣдателю Г. Думы, что онъ можетъ быть принятъ по возобновленіи занятій Думы и только съ докладомъ по вопросамъ, касающимся ея сессіи». Подписи не было. Бумага была вложена въ конвертъ на мое имя и запечатана малой пе-

чатью. Очевидно, Государь ошибся и вложилъ бумагу, предназначавшуюся для Штюрмера, въ конвертъ Родзянки.

На другой день Штюрмеръ звонитъ по телефону. Онъ наканунѣ былъ въ Ставкѣ и узналъ, что Государь по ошибкѣ послалъ не туда свой отвѣтъ.

«М. В., вы получили бумагу отъ его величества, въ которой онъ поручаетъ мнѣ передать вамъ, что онъ не можетъ принять васъ».

«Получилъ».

«Что же вы намѣрены предпринять?»

«Это мое дѣло».

«А какъ же мнѣ быть, вѣдь я долженъ передать вамъ повелѣніе Государя».

«А это уже ваше дѣло, — и я не смѣю вамъ ничего совѣтовать».

«Такъ нельзя ли считать, что это я вамъ передалъ по телефону?».

«Я думаю, что приказаніе Государя Императора не удобно передавать по телефону».

«Такъ какъ же мнѣ быть?»

«Право, не знаю».

«Не можете ли вы прислать мнѣ эту бумагу?»

«Копію, да, но подлинникъ останется у меня, такъ какъ я ее получилъ отъ Государя въ конвертѣ на мое имя за печатью».

«Что же вы намѣрены предпринять по поводу отказа?»

«Я не обязанъ давать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ».

На другой день Штюрмеръ, всетаки, прислалъ бумагу, въ которой оффиціально передавалъ порученіе Государя. Такимъ образомъ повторилась старая исторія, бывшая нѣсколько лѣтъ назадъ при Коковцевѣ.

Въ тотъ же день или на слѣдующій два члена Думы встрѣтили товарища министра юстиціи Веревкина, который ихъ спросилъ: «Кого Дума намѣрена выбрать въ предсѣдатели?» Депутаты отвѣтили, что они не сомнѣваются въ переизбираніи прежняго предсѣдателя. Веревкинъ сдѣлалъ удивленное лицо: «Какъ, послѣ того, какъ Государь его не принялъ?» Дпутаты, хотя не знали объ этомъ, но отвѣтили, что это нисколько не помѣшаетъ переизбранію. Они пріѣхали ко мнѣ и передали объ этомъ разговорѣ.

Чтобы не повышать и безъ того напряженнаго настроенія Думы, я рѣшилъ скрыть отъ депутатовъ и письмо генерала Алексѣева по поводу аэроплановъ, и отвѣтъ Государя на просьбу объ аудіенціи. Когда же правительство само стало объ этомъ распространять слухи, то я созвалъ лидеровъ партій блока и все имъ разсказалъ.

Дума должна была собраться 1 ноября. Передъ началомъ занятій происходили постоянныя совѣщанія блока и была составлена въ рѣзкихъ выраженіяхъ резолюція о необходимости создать правительство, опирающееся на большинство Г. Думы. Прогрессисты настаивали на требованіи отвѣтственнаго министерства, но благодаря Милюкову, резолюція была составлена въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ: мотивировалось это тѣмъ, что если бы требованіе блока не было исполнено, то ему все равно пришлось бы либо работать съ тѣмъ же правительствомъ, либо порвать съ нимъ и стать на революціонный путь. За два

дня до созыва Думы ко мнѣ пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатьевъ. Оказалось, что резолюція блока уже попала въ руки правительства. И министры были взволнованы тѣмъ, что въ резолюціи содержится слово «измѣна»*). Графъ Игнатьевъ сообщилъ, что по этому поводу былъ собранъ даже совѣтъ министровъ и рѣшили просить предсѣдателя Думы вычеркнуть это слово, такъ какъ иначе пришлось бы Думу распустить. Я не могъ ничего опредѣленнаго обѣщать Игнатьеву. Наканунѣ открытія Думы по тому же поводу ко мнѣ обратился Штюрмеръ. Ссылаясь на болѣзнь, онъ просилъ къ нему пріѣхать. Я сначала не хотѣлъ ѣхать къ Штюрмеру и написалъ ему письмо. Потомъ передумалъ и рѣшилъ объясниться лично. Я ему передалъ резолюцію предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, въ которыхъ повторялось то, о чемъ уже неоднократно говорили правительству: что оно не использовало патріотическаго подъема страны, пребывало въ теченіе всей войны въ борьбѣ съ народнымъ представительствомъ, что оно при такихъ условіяхъ не въ силахъ успѣшно закончить войну и довело до такого положенія, когда главная опасность угрожаетъ не извнѣ, а внутри.

— Это высказано наиболѣе консервативными элементами Россіи, — говорилъ я Штюрмеру, — людьми, умудренными житейскимъ опытомъ, это мнѣніе всей земской Россіи. Эта резолюція сходится и съ резолюціей прогрессивнаго блока и такимъ образомъ вы можете знать, какъ мыслитъ вся Россія. Совмѣстная работа ваша съ общественными силами невозможна, а безъ такой совмѣстной работы нельзя выиграть войну. Всѣ чувствуютъ, что правительство ведетъ страну къ гибели. Надо говорить только одну правду, потому что мы переживаемъ страшный часъ.

Прочитавъ резолюцію, Штюрмеръ спросилъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Подать въ отставку.

— То есть, какъ подать въ отставку?

— Да такъ, взять перо, написать и подписать.

Штюрмеръ былъ страшно недоволенъ.

— Вотъ вы какіе совѣты мнѣ даете.

XV

„Junge Zarin" въ рѣчи П. Н. Милюкова и послѣдствія. Штюрмеръ и Протопоповъ требуютъ разгона Думы. Марковъ 2-ой устраиваетъ скандалъ. Послѣ убійства Распутина. Спиритизмъ Протопопова.

За нѣсколько дней до начала занятій Думы въ Варшавѣ нѣмецкимъ генералъ-губернаторомъ былъ опубликованъ актъ, въ которомъ говорилось, что германскій и австрійскій императоры пришли къ соглашенію создать изъ польскихъ областей, отвоеванныхъ отъ Россіи, самостоятельное государство подъ наслѣдственнымъ монархическимъ управленіемъ съ конституціоннымъ устройствомъ. Это былъ новый

---

*) Послѣ переворота было обнаружено, что правительство освѣдомлялось о всемъ, что происходило въ Г. Думѣ, черезъ депутата П. Н. Крупенскаго.

ловкій ходъ Вильгельма. Поляки нейтральныхъ странъ вынесли послѣ этого резолюціи, въ которыхъ протестовали противъ нарушенія международнаго права, противъ рѣшенія судьбы цѣлыхъ областей до окончанія войны и заключенія мира. Они видѣли въ этомъ ловкій шагъ нѣмцевъ для набора арміи изъ поляковъ. Точно такъ же думали и русскіе поляки. На первомъ же засѣданіи Думы отъ имени польского коло было прочитано заявленіе съ протестомъ противъ нѣмецкаго акта, подтверждающаго раздѣлъ Польши, и съ выраженіемъ надежды на побѣду союзниковъ, на объединеніе всѣхъ польскихъ земель и возстановленіе свободной Польши.

Къ сожалѣнію, наше правительство, которое послѣ отставки Сазонова показывало полное равнодушіе къ польскому вопросу и даже, какъ бы намѣренно, давало почувствовать, что исполненіе манифеста великаго князя Николая Николаевича не обязательно для Россіи, — и тутъ не поняло какъ ему поступить. Въ отвѣтъ на заявленіе Гарусевича отъ польского коло правительствомъ ничего не было сказано, а въ Г. Совѣтѣ Протопоповъ уже послѣ закрытія засѣданія вдругъ, какъ бы вспомнивъ, что ему надо что то сказать, попросилъ слова. Всѣхъ вернули снова въ залъ и, выйдя на трибуну, Протопоповъ коротко заявилъ, что правительство по польскому вопросу продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія манифеста в. к. Николая Николаевича и декларации Горемыкина, произнесенной въ свое время въ Думѣ. Подобное заявленіе, конечно, никого не могло удовлетворить и не могло быть противовѣсомъ акту Вильгельма.

На открытіе Думы явились министры во главѣ со Штюрмеромъ, прослушали рѣчь предсѣдателя, затѣмъ Штюрмеръ всталъ и подъ крики лѣвыхъ: «Вонъ, долой измѣнника Штюрмера!», вышелъ изъ зала, за нимъ вышли и остальные министры. Они всѣ, якобы торопились на засѣданіе Г. Совѣта, которое на этотъ разъ было назначено не въ восемь часовъ вечера, какъ обычно, а въ два часа дня. Предсѣдатель Г. Совѣта Куломзинъ былъ боленъ, а замѣнявшій его Голубевъ по просьбѣ Штюрмера назначилъ раннее засѣданіе, такъ какъ у Штюрмера и у Протопопова не было никакой декларации и они не хотѣли выслушивать непріятныхъ для нихъ рѣчей. Наканунѣ засѣданія я простудился, чувствовалъ себя неважно, съ трудомъ закончилъ свою рѣчь и тотчасъ же передалъ предсѣдательское мѣсто Варунъ-Секрету. Этотъ маловажный фактъ однако чреватъ послѣдствіями. Милюковъ во время своей рѣчи прочелъ выдержку изъ нѣмецкой газеты; Варунъ-Секретъ, очевидно, не разслышавъ хорошо, что читалъ Милюковъ и, упустивъ изъ вида, что наказомъ запрещается употреблять съ трибуны иностранныя выраженія, не остановилъ Милюкова. Между тѣмъ въ цитатѣ Милюкова очень недвусмысленао намекалось, что въ назначеніи Штюрмера принимала участіе Императрица Александра Феодоровна. Штюрмера же онъ почти прямо назвалъ измѣнникомъ. Фраза его была слѣдующей: „Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert“ *).

*) Это побѣда придворной партіи, которая группируется вокругъ молодой Императрицы.

Въ ту же ночь въ половинѣ второго я получилъ отъ Штюрмера слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь, Михаилъ Владиміровичъ. До свѣдѣнія моего дошло, что въ сегодняшнемъ засѣданіи Г. Думы членъ Думы Милюковъ въ своей рѣчи позволилъ себѣ прочитать выдержку изъ газеты, издающейся въ одной изъ воюющихъ съ нами странъ, въ которой упоминалось августѣйшее имя ея императорскаго величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны въ недопустимомъ сопоставленіи съ именами нѣкоторыхъ другихъ лицъ, причемъ со стороны предсѣдательствовавшаго не было принято никакихъ мѣръ воздѣйствія.

Придавая совершенно выдающееся значеніе этому обстоятельству, небывалому въ лѣтописяхъ Г. Думы, и не сомнѣваясь въ томъ, что вами будутъ приняты рѣшительныя мѣры, я былъ бы весьма признателенъ вашему превосходительству, если бы вы сочли возможнымъ увѣдомить меня о поставленномъ рѣшеніи вами».

Одновременно Штюрмеръ прислалъ и другое письмо, въ которомъ онъ просилъ доставить ему копію стенограммы безъ цензуры предсѣдателя, сообщая, что «эта рѣчь можетъ быть предметомъ судебнаго разбирательства».

Начальникъ думской канцеляріи Глинка разсказывалъ мнѣ, что въ этотъ вечеръ на квартирѣ Штюрмера происходило совѣщаніе министровъ. Штюрмеръ настаивалъ на роспускѣ Думы, но въ результатѣ ограничились полученными мною письмами, а министръ юстиціи Макаровъ не нашелъ въ словахъ Милюкова состава преступленія и отказался привлечь его къ суду.

Послѣ писемъ Штюрмера я получилъ еще письмо отъ министра Двора графа Фредерикса. Онъ напоминалъ мнѣ, что я ношу званіе камергера, и тоже просилъ увѣдомить, какіе шаги я собираюсь предпринять по поводу упоминанія имени Императрицы. Штюрмеру я отвѣтилъ, что предсѣдатель Думы не обязанъ увѣдомлять о своихъ дѣйствіяхъ предсѣдателю совѣта министровъ и послалъ ему полную стенограмму рѣчи Милюкова. Фредериксу я оффиціально отвѣтилъ то же самое, но кромѣ того послалъ ему другое письмо, какъ человѣку, котораго я цѣнилъ, и сообщилъ, что въ стенограммахъ для печати имя Государыни не было упомянуто.

Слѣдующее засѣданіе открылось заявленіемъ Варунъ-Секрета, который объяснилъ свои дѣйствія наканунѣ незнаніемъ нѣмецкаго языка и тѣмъ, что стенограмма рѣчи Милюкова была доставлена ему съ пропускомъ нѣмецкихъ словъ. Признавая себя, однако, виновнымъ въ недостаточномъ вниманіи къ словамъ оратора, Варунъ-Секретъ сложилъ съ себя званіе товарища предсѣдателя Думы.

Въ этомъ засѣданіи удивительно сильную и прочувствованную рѣчь произнесъ депутатъ Маклаковъ. Рѣчь эта произвела большое впечатлѣніе.

Кажется въ тотъ же день я получилъ письмо отъ главнаго комитета всероссійскаго союза городовъ. Въ немъ еще въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ повторялось сказанное въ резолюціи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ. Обращеніе оканчивалось

просьбой доложить Г. Думѣ, что по мнѣнію комитета городовъ наступилъ рѣшительный часъ и что необходимо наконецъ добиться такого правительства, которое въ единеніи съ народомъ повело страну къ побѣдѣ.

Въ вечернемъ засѣданіи 3 ноября я былъ переизбранъ предсѣдателемъ большинствомъ 232 противъ 58. Противъ голосовали правые. Лѣвые по обыкновенію воздержались.

Въ засѣданіи 5 ноября случилось событіе, которое оставило сильное впечатлѣніе не только въ Думѣ, но и въ странѣ. Во время рѣчи Маркова, который старательно, но неудачно, отвѣчая Маклакову, защищалъ Штюрмера*), въ залѣ засѣданія появились военный министръ Шуваевъ и морской Григоровичъ. Они обратились къ предсѣдателю, заявивъ о желаніи сдѣлать заявленіе. Когда Марковъ 2-ой окончилъ свою рѣчь, на трибуну поднялся Шуваевъ и, сильно волнуясь, сказалъ, что онъ, какъ старый солдатъ, вѣритъ въ доблесть русской арміи, что армія снабжена всѣмъ необходимымъ, благодаря единодушной поддержкѣ народа и народнаго представительства. Онъ привелъ цифры увеличенія поступленія боевыхъ припасовъ въ армію со времени учрежденія Особаго Совѣщанія по оборонѣ. Закончилъ онъ просьбой и впредь поддерживать его своимъ довѣріемъ. Такъ же коротко и сильно сказалъ морской министръ Григоровичъ. Смыслъ ихъ выступленія всѣми былъ понятъ такъ: «Если другіе министры идутъ съ Думой врозь, то мы, представители морского и военнаго вѣдомства, хотимъ идти вмѣстѣ съ народомъ». Когда министры спустились изъ своей ложи внизъ въ залу, ихъ окружили депутаты и пожимали имъ руки. Шуваевъ оказался среди кадетовъ и, пожимая руку Милюкову, говорилъ: «Благодарю васъ». Невольно возникалъ вопросъ, дѣйствовали ли Григоровичъ и Шуваевъ по своей иниціативѣ или заручились разрѣшеніемъ Ставки. Характерно, что даже такое обычное событіе, какъ появленіе министровъ въ Думѣ и сказанныя ими хорошія слова отразились въ странѣ и съ разныхъ концовъ стали получаться телеграммы съ выраженіемъ сочувствія и радости какъ Думѣ, такъ и этимъ министрамъ. Правительство во главѣ со Штюрмеромъ оставалось совершенно равнодушнымъ: оказалось, что Шуваевъ и Григоровичъ не сносились со Ставкой и явились въ Думу за свой рискъ и страхъ. Послѣ этого Штюрмеръ и Протопоповъ настаивали передъ Императрицей на разгонѣ Думы.

Послѣ своего избранія я послалъ Царю просьбу принять меня для доклада. Одновременно я отправилъ ему и резолюцію земствъ и городовъ, а также полную стенограмму Милюкова съ нѣмецкой фразой. Отвѣта долго не было.

Министръ путей сообщенія Треповъ пожелалъ сдѣлать докладъ о Мурманской желѣзной дорогѣ. Эта важная въ стратегическомъ отно-

*) Государственный контролеръ временнаго правительства Годневъ обнаружилъ и опубликовалъ, что членъ Думы Марковъ 2-ой получалъ субсидіи изъ секретныхъ суммъ департамента полиціи.

шеніи вѣтвь только что была окончена и Треповъ гордился, что дорога начала работать въ бытность его министромъ. Онъ надѣялся получить одобреніе Думы и быть можетъ раздѣлить участь Григоровича и Шуваева и тоже стать популярнымъ. Онъ оказался въ должности министра путей сообщенія далеко не на своемъ мѣстѣ и не всегда оставался безпристрастнымъ въ вопросѣ о направленіяхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, въ чемъ были заинтересованы частныя компаніи. Треповъ запросилъ предсѣдателя комиссіи обороны Шингарева, когда онъ можетъ сдѣлать свой докладъ и Шингаревъ просилъ его явиться на другой день. Когда же въ комиссіи узнали, что на повѣстку поставленъ докладъ Трепова, большинство депутатовъ возмутилось, объявило, что не желают слушать Трепова и что, если онъ явится — устроятъ ему скандалъ. Между тѣмъ Треповъ пріѣхалъ въ Думу и ожидалъ въ министерскомъ павильонѣ. Шингаревъ тщетно пытался убѣдить членовъ комиссій выслушать министра. Отчаявшись чего нибудь добиться, Шингаревъ вызвалъ меня по телефону въ Думу и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось уговорить депутатовъ, что если предсѣдатель комиссіи приглашаетъ министра, то члены комиссіи не могутъ его выгонять. Между тѣмъ Треповъ уже два часа ждалъ въ министерскомъ павильонѣ и когда его пригласили въ засѣданіе, онъ быстро прочелъ свой докладъ, спросилъ, не желаетъ ли кто объясненій, и когда никто не отозвался, онъ уѣхалъ изъ Думы.

---

9 ноября Штюрмеръ, Треповъ и Григоровичъ выѣхали въ Ставку. Ожидались новыя перемѣны. Дѣйствительно, Штюрмеръ былъ отставленъ, а Треповъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Говорили, что Штюрмеръ получилъ свою отставку въ Оршѣ, не доѣхавъ до Ставки. Когда Императрица узнала объ отставкѣ Штюрмера, она вмѣстѣ съ Протопоповымъ выѣхала въ Ставку.

Треповъ на слѣдующій же день пріѣхалъ ко мнѣ и увѣрялъ, что онъ желаетъ работать рука объ руку съ народнымъ представительствомъ и что онъ сумѣетъ побороть вліяніе Распутина. Я ему сказалъ, что прежде всего должны быть убраны Протопоповъ, Шаховской и А. Бобринскій (министръ земледѣлія), иначе ему никто не будетъ вѣрить.

Срокъ перерыва думскихъ занятій подходилъ къ концу, а между тѣмъ кромѣ отставки Штюрмера, никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ не произошло. Возобновленіе Думы было отсрочено еще на нѣсколько дней и всѣ предполагали, что Треповъ добьется за это время удаленія еще нѣкоторыхъ министровъ и что онъ подготовляетъ декларацію. Ходили слухи, что онъ принялъ постъ подъ условіемъ удаленія Протопопова, но къ сожалѣнію и этого не случилось; былъ отставленъ только А. Бобринскій и на его мѣсто министромъ земледѣлія назначенъ Риттихъ.

15 ноября я наконецъ получилъ высочайшую аудіенцію, представилъ обширный докладъ все о томъ же, что и прежде, и пробылъ у Царя часъ три четверти.

19-го возобновились занятія Думы. Треповъ прочелъ свою декларацію, въ которой не было никакой программы и содержались только одни общія мѣста. Онъ обнародовалъ наше соглашеніе съ союзниками, и которому мы должны были получить послѣ войны Дарданеллы. Риттихъ долженъ былъ признаться, что за короткій срокъ послѣ своего назначенія онъ не успѣлъ ознакомиться съ продовольственнымъ дѣломъ и тоже не могъ дать никакой программы. Депутаты раскритиковали Трепова и Риттиха и энергично принялись за продовольственный вопросъ, выработавъ стройную систему упорядоченія продовольствія въ странѣ. Мнѣ было обидно, что по политическимъ соображеніямъ лѣвое крыло сразу повело открытую кампанію противъ Риттиха. Я его всегда считалъ выдающимся, необыкновенно работоспособнымъ, талантливымъ человѣкомъ. Мнѣ пришлось съ нимъ вмѣстѣ работать еще въ то время, когда я былъ предсѣдателемъ земельной комиссіи. Еще тогда я могъ оцѣнить Риттиха, какъ безупречнаго и знающаго свое дѣло работника. Къ сожалѣнію, онъ былъ назначенъ слишкомъ поздно и былъ въ дурной компаніи.

Въ засѣданіи 22 ноября въ Думѣ произошелъ скандалъ. Очевидно, онъ подготовлялся заранѣе, потому что пристава слышали, какъ нѣкоторые изъ правыхъ появлялись въ кулуарахъ и спрашивали: «А что, былъ скандалъ или еще нѣтъ?»

Попросивши слова, Марковъ 2-ой, умышленно говорилъ такъ, что бы вызвать замѣчаніе предсѣдателя. Я его нѣсколько разъ останавливалъ и наконецъ лишилъ слова. Уходя съ трибуны, размахивая бумагами и грозя кулакомъ, Марковъ совсѣмъ близко приблизился къ предсѣдательскому мѣсту и произнесъ почти въ упоръ: «Вы мерзавецъ, мерзавецъ, мерзавецъ».

Я сразу даже не понялъ, что произошло. Потомъ сообщилъ Думѣ о нанесенномъ предсѣдателю оскорбленіи и передалъ предсѣдательствованіе старшему товарищу*).

Графъ Бобринскій, доложивъ о происшедшемъ, предложилъ примѣнить къ Маркову высшую мѣру наказанія — исключеніе на пятнадцать засѣданій, что было принято единогласно.

Марковъ взялъ слово и заявилъ: «Я подтверждаю то, что я сказалъ. Я хотѣлъ оскорбить вашего предсѣдателя и въ его лицѣ я хотѣлъ оскорбить всѣхъ васъ, господа. Здѣсь были произнесены слова оскорбленія высокихъ лицъ и вы на нихъ не реагировали, въ лицѣ вашего предсѣдателя, пристрастнаго и непорядочнаго... я оскорбляю всѣхъ васъ»...

---

*) Когда Марковъ произнесъ свои слова, изъ ложи печати было видно, какъ предсѣдатель сдѣлался совершенно блѣднымъ, потомъ всталъ, какъ будто что то обдумывая. Бобринскій схватился за графинъ, очевидно боясь, чтобы Марковъ не позволилъ себѣ еще какой нибудь выходки. Затѣмъ предсѣдатель взялъ изъ рукъ Бобринскаго звонокъ, позвонилъ и, обратившись къ Думѣ, сказалъ: „Депутатъ Марковъ 2-ой позволилъ себѣ тяжело оскорбить предсѣдателя Думы въ безпримѣрныхъ выраженіяхъ. Поэтому я передаю предсѣдательствованіе старшему товарищу, который доложитъ Г. Думѣ весь инцидентъ и предложитъ его обсудить". „Какъ онъ оскорбилъ? что онъ сказалъ?" — послышалось съ депутатскихъ мѣстъ. Предсѣдатель отвѣтилъ: „Господа, это доложитъ вамъ графъ Бобриский," — и ушелъ.

Выйдя изъ зала засѣданія и направляясь къ себѣ въ кабинетъ, я увидѣлъ фигуру удалявшагося Маркова. Мое первое движеніе было настигнуть его, но на мое счастье меня остановилъ мой духовникъ, священникъ Думской церкви. Я пришелъ въ себя и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ кабинетъ. Тамъ уже было много депутатовъ. Нервный Дмитрюковъ со слезами на глазахъ сталъ меня обнимать, Бобринскій успокаивалъ, подошелъ Марковъ 1-ый и сказалъ, что «хотя онъ и дядя Маркову 2, но проситъ не смѣшивать его съ его племянникомъ». Бывшій на хорахъ мой сынъ Георгій, офицеръ преображенскаго полка, сбѣжалъ внизъ съ нѣсколькими офицерами, сталъ звонить въ телефонъ, прося вызвать командира полка, чтобы получить разрѣшеніе на дуэль съ Марковымъ. Когда мнѣ объ этомъ сообщили, я позвалъ его и запретилъ это дѣлать. Я вызвалъ моихъ бывшихъ товарищей по кавалергардскому полку Панчулидзева и Д. Дашкова и просилъ ихъ быть моими секундантами.

Вечеромъ было назначено засѣданіе для выборовъ президіума. Я былъ переизбранъ большинствомъ противъ 26 голосовъ. Фракція земцевъ октябристовъ рѣшила, что на рѣчи и выходки Маркова не слѣдуетъ реагировать и что ему нельзя подавать руки. Къ этому присоединились и остальныя фракціи блока. Ко мнѣ пріѣхали депутаты, Савичъ и Капнистъ, и вручили мнѣ это постановленіе въ присутствіи моихъ секундантовъ Дашкова и Панчулидзева. Секунданты признали, что Марковъ 2-ой при такихъ условіяхъ является не дуэлеспособнымъ. Послѣ этого грустнаго инцидента, въ которомъ Марковъ явился только выразителемъ чьихъ то намѣреній и желаній, я сталъ получать множество писемъ и телеграммъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ, отъ земскихъ и дворянскихъ собраній, отъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ, отъ городскихъ думъ и т. д. Совѣтъ профессоровъ петроградскаго университета почтилъ меня избраніемъ почетнымъ членомъ университета. Изъ екатеринославской городской думы была получена телеграмма: «Поздравляемъ съ блестящей побѣдой надъ гнусной выходкой холопа министерской передней». Что выходка Маркова была заранѣе обдумана и инспирирована — въ этомъ никто не сомнѣвался: ясно было, что хотѣли унизить предсѣдателя Думы, смѣшать его съ грязью. Вышло иначе.

Черезъ день послѣ этого инцидента я получилъ черезъ французскаго посла отъ президента французской республики большой орденъ Почетнаго легіона.

На одномъ изъ ближайшихъ засѣданій исключительную по силѣ и вдохновенію рѣчь произнесъ Пуришкевичъ. Отмежевавшись отъ крайнихъ правыхъ, онъ говорилъ о темныхъ силахъ и призывалъ сидѣвшихъ въ Думѣ министровъ: «Вы должны немедленно ѣхать въ Ставку броситься къ ногамъ Государя Императора и умолять его повѣрить всему ужасу распутинскаго вліянія и тяжелымъ и опаснымъ послѣдствіямъ такого положенія вещей и измѣнить своей программы».

Такъ какъ въ то время думскія стенограммы проходили черезъ цензуру и отчеты о Думѣ появлялись съ массой бѣлыхъ пропусковъ, то рѣчи депутатовъ попадали въ публику въ совершенно искаженномъ

видѣ. Злонамѣренныя лица стали даже фабриковать нѣкоторыя рѣчи, дѣлая свои добавленія и продавая оттиски по нѣсколько рублей.

Рѣзкая перемѣна въ настроеніи произошла и въ Г. Совѣтѣ. И тамъ тоже поняли, что немыслимо поддерживать такое правительство. Евгеній Трубецкой призывалъ членовъ Синода вспомнить о крестѣ, который они носятъ на груди, взять свой крестъ, идти къ Царю и умолять его избавить Церковь и правительство отъ грязныхъ вліяній. Г. Совѣтъ, подобно Думѣ, вынесъ резолюцію, въ которой указывалъ, что правительство должно внять голосу народа и къ власти должны быть призваны лица, облеченныя довѣріемъ страны (въ который разъ это уже повторялось...). Такую же резолюцію вынесъ и съѣздъ объединеннаго дворянства. Вся Россія одинаково мыслила и къ одному стремилась, но курсъ правительства, все-таки, не измѣнялся: напротивъ, какъ будто умышленно подчеркивалось рѣзкое расхожденіе правительства съ обществомъ.

Общеземскій съѣздъ въ Москвѣ въ послѣднюю минуту не былъ разрѣшенъ, хотя Протопоповъ передъ этимъ въ бесѣдахъ съ корреспондентами и говорилъ о своемъ благожелательномъ отношеніи къ земству и къ общественнымъ силамъ. Съѣхавшіеся члены съѣзда собирались на частныхъ квартирахъ, обсуждали политическое положеніе, передали свои полномочія комитету во главѣ съ княземъ Львовымъ, а въ газетахъ вмѣсто свѣдѣній, передавшихся по телефону изъ Москвы, были пустые бѣлые столбцы.

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что княгиня С. Н. Васильчикова, жена члена Г. Совѣта, уѣзжаетъ въ свое имѣніе въ новгородскую губернію. Всѣ поняли, что Васильчикова уѣзжаетъ не по своей волѣ. И скоро всѣ знали, что Васильчикова написала письмо Царицѣ о Распутинѣ. Такъ же, какъ Васильчикова, пострадалъ оберъ-гофмейстеръ Кауфманъ-Туркестанскій. Онъ былъ представителемъ Краснаго Креста въ Ставкѣ. Онъ рѣшился говорить съ Государемъ: онъ убѣждалъ его удалить Протопопова и поставить во главѣ правительства лицо, облеченное довѣріемъ страны. Царь съ нимъ соглашался. Пріѣхала въ Ставку Императрица. Кауфманъ уѣзжалъ, его очень ласково провожали, а когда онъ пріѣхалъ въ Петроградъ, то получилъ увѣдомленіе отъ Царя, что онъ освобождается отъ представительства Краснаго Креста въ Ставкѣ.

За нѣсколько дней до инцидента съ Марковымъ цѣлая группа депутатовъ лѣвой была исключена кто на пятнадцать, кто на восемь засѣданій. Они устроили скандалъ во время рѣчи Трепова, не давали ему говорить. Послѣ исключенія Маркова возникъ вопросъ, что наказанія были одинаковы, хотя поступки далеко не равны. Я предполагалъ предложить Думѣ уменьшить наказаніе исключеннымъ депутатамъ лѣвой. Но въ это время ко мнѣ явились представители отъ рабочихъ и заявили, что они пришли «потребовать» уменьшенія наказанія для лѣвыхъ депутатовъ. Я съ ними долго бесѣдовалъ о политическомъ положеніи страны, а насчетъ ихъ требованія опредѣленно заявилъ, что у меня было намѣреніе предложить смягчить нака-

заніе лѣвымъ депутатамъ, но предъявленныя мнѣ рабочими требованія мѣняютъ положеніе и я считаю невозможнымъ для себя дѣйствовать подъ чьимъ бы то ни было давленіемъ.

Министръ юстиціи Добровольскій неожиданно и незаконно прекратилъ дѣло Манасевича-Мануйлова, дѣло, которое уже слушалось въ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Это небывалый примѣръ въ судебной практикѣ. Это было сдѣлано по Высочайшему повелѣнію.

---

16 декабря Дума была распущена на Рождественскіе каникулы.

Въ ночь на 17 декабря 1916 года произошло событіе, которое по справедливости надо считать началомъ второй революціи — убійство Распутина. Внѣ всякаго сомнѣнія, что главные дѣятели этого убійства руководились патріотическими цѣлями. Видя, что легальная борьба съ опаснымъ временщикомъ не достигаетъ цѣли, они рѣшили, что ихъ священный долгъ избавить царскую семью и Россію отъ окутавшаго ихъ гипноза. Но получился обратный результатъ. Страна увидала, что бороться во имя интересовъ Россіи можно только террористическими актами, такъ какъ законные пріемы не приводятъ къ желаннымъ результатамъ. Участіе въ убійствѣ Распутина одного изъ великихъ князей, члена царской фамиліи, представителя высшей аристократіи и членовъ Г. Думы какъ бы подчеркивало такое положеніе. А сила и значеніе Распутина какъ бы подтверждались тѣми небывалыми репрессіями, которыя были примѣнены Императоромъ къ членамъ императорской фамиліи. Цѣлый рядъ великихъ князей былъ высланъ изъ столицы въ армію и другія мѣста. Было въ порядкѣ цензуры воспрещено газетамъ писать о старцѣ Распутинѣ и вообще о старцахъ. Но газеты платили штрафы и печатали мельчайшія подробности этого дѣла.

Политика правительства какъ бы на зло общественному мнѣнію повернула еще правѣе и довѣріе оказывалось только сторонникамъ Распутина. Результатомъ шума, поднятаго возлѣ этого дѣла, было то, что террористическій актъ сталъ всѣми одобряться и получилось внутреннее убѣжденіе, что разъ въ немъ участвовали близкія къ царской четѣ лица и представители высшихъ слоевъ общества, — значитъ, положеніе сдѣлалось безысходнымъ.

Еще съ зимы 1913—1914 годовъ въ высшемъ обществѣ только и было разговоровъ, что о вліяніи темныхъ силъ. Опредѣленно и открыто говорилось, что отъ этихъ «темныхъ силъ», дѣйствующихъ черезъ Распутина, зависятъ всѣ назначенія какъ министровъ, такъ и другихъ должностныхъ лицъ. Приближенные ко Двору вовсе не отдавали или не хотѣли отдавать себѣ отчета, какими гибельными послѣдствіями для династіи грозитъ такое положеніе вещей. Возмущались рѣшительно всѣ, но... почти всѣ молчали и покорялись При такомъ настроеніи общества вспыхнула въ іюлѣ 1914 года міровая вой-

на. Всеобщій горячій и искренній патріотическій подъемъ народнаго духа на время отодвинулъ на задній планъ всѣ внутреннія тревоги и опасенія русскаго общества. Казалось, что перспективы жестокой, требовавшей жертвъ, войны сгладили всѣ разногласія и общество слилось на одной мысли — «война до побѣдоноснаго конца».

Но распутинцы не дремали. Скоро опять начались ихъ происки, направленные къ тому, чтобы поставить правительство въ оппозиціонное положеніе къ обществу. Осторожно, опытной рукой была пущена легенда о назрѣвавшемъ революціонномъ настроеніи въ странѣ: хотѣли возбудить недовѣріе власти къ народу. Никакой почвы для такихъ страховъ тогда не было, но русское общество было взято правительствомъ подъ подозрѣніе и эта политика недовѣрія упорно проводилась властью вплоть до дней переворота. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ министры назначались по указаніямъ Распутина, то я въ правѣ утверждать, что именно изъ нѣдръ его кружка исходилъ лозунгъ разъединенія общества и правительства. Патріотическій подъемъ смѣнился тревогой и роковое слово «измѣна» сначало шопотомъ, тайно, а потомъ явно и громко пронеслось надъ страной. Пораженческое движеніе подняло голову и пропаганда преступныхъ и предательскихъ мыслей стала все болѣе и болѣе усиливаться, захватывая колеблющихся и малодушныхъ.

Я заканчиваю на этомъ описаніе жизненнаго пути Распутина, пройденнаго имъ въ исторіи русскаго государства. Ручаясь за точность приведенныхъ мною фактовъ, я вижу, какъ они складываются въ опредѣленную и безформенную картину того громаднаго вліянія, которое имѣлъ Распутинъ черезъ Императрицу Александру Феодоровну на ходъ государственныхъ дѣлъ. Сомнѣніямъ въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста, но при близкомъ наблюденіи всѣхъ указанныхъ мною явленій, меня всегда поражала планомѣрность дѣйствій распутинскаго кружка. Какъ будто онъ велъ дѣло къ заранѣе обдуманной и твердо намѣченной цѣли.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что Распутинъ являлся вдохновителемъ и руководителемъ гибельной работы своего кружка. Умный и пронырливый по природѣ, онъ же былъ только безграмотный необразованный мужикъ съ узкимъ горизонтомъ жизненнымъ и, конечно, безъ всякаго горизонта политическаго, — большая міровая политика была просто недоступна его узкому пониманію. Руководить поэтому мыслями императорской четы въ политическомъ отношеніи Распутинъ не былъ бы въ состояніи. Если бы онъ одинъ былъ приближеннымъ къ царскому дому, то, конечно, дѣло ограничилось бы подарками, подачками, можетъ быть нѣкоторыми протекціями извѣстному числу просителей и только. Съ другой стороны, слѣдуетъ совершенно и разъ навсегда откинуть недобрую мысль объ «измѣнѣ» Императрицы Александры Феодоровны. Комиссія временнаго правительства подъ предсѣдательствомъ Муравьева съ участіемъ представителя отъ совѣта р. и с. депутатовъ, занимавшаяся этимъ вопросомъ спеціально по документальнымъ даннымъ, совершенно отвергла это обвиненіе. Быть можетъ, Императрица Александра Феодоровна полагала, что сепаратный миръ съ Германіей былъ болѣе выгоденъ для Россіи, чѣмъ даль-

нѣйшее участіе въ союзѣ съ Антантой, но фактически это установлено не было. Тѣмъ менѣе можно говорить объ «измѣнѣ» русскому дѣлу Императора Николая II: онъ погибъ мученической смертью, именно въ силу вѣрности данному слову.

А между тѣмъ совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство съ начала войны, неизбѣжно и методично вела къ революціи, къ смутѣ въ умахъ гражданъ, къ полной государственно-хозяйственной разрухѣ.

Довольно припомнить министерскую чехарду. Съ осени 1915 года по осень 1916 года было пять министровъ внутреннихъ дѣлъ: князя Щербатова смѣнилъ А. Н. Хвостовъ, его смѣнилъ Макаровъ, Макарова Хвостовъ старшій и послѣдняго Протопоповъ. На долю каждаго изъ этихъ министровъ пришлось около двухъ съ половиной мѣсяцевъ управленія. Можно ли говорить при такомъ положеніи о серьезной внутренней политикѣ. За это же время было три военныхъ министра: Поливановъ, Шуваевъ и Бѣляевъ. Министровъ земледѣлія смѣнилось четыре: Кривошеинъ, Наумовъ, графъ А. Бобринскій и Риттихъ. Правильная работа главныхъ отраслей государственнаго хозяйства, связаннаго съ войной, неуклонно потрясалась постоянными перемѣнами. Очевидно никакого толка произойти отъ этого не могло; получался сумбуръ, противорѣчивое распоряженіе, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, рѣшимости и одной опредѣленной линіи къ побѣдѣ.

Народъ это наблюдалъ, видѣлъ и переживалъ, народная совѣсть смущалась и въ мысляхъ простыхъ людей зарождалось такое логическое построеніе идетъ война, нашего брата, солдата, не жалѣютъ, убиваютъ насъ тысячами, а кругомъ во всемъ безпорядокъ, благодаря неумѣнію и нерадѣнію министровъ и генераловъ, которые надъ нами распоряжаются и которыхъ ставитъ Царь.

Все то, что творилось во время войны, не было только бюрократическимъ легкомысліемъ, самодурствомъ, безграничной властью, не было только неумѣніемъ справиться съ громадными трудностями войны, это было еще и обдуманная и упорно проводимая система разрушенія нашего тыла и для тѣхъ, кто сознательно работалъ въ тылу, Распутинъ былъ очень подходящимъ оружіемъ.

Вотъ почему я утверждаю, что тяжкій грѣхъ передъ родиной лежитъ на всѣхъ тѣхъ, кто могъ и обязанъ былъ бороться съ этимъ уродливымъ явленіемъ, но не только не боролся, но еще и пользовался имъ во вредъ Россіи.

Интересно, что охранники, которые дежурили около квартиры Распутина и которыхъ онъ въ роковую ночь отпустилъ передъ тѣмъ, какъ за нимъ пріѣхалъ автомобиль отъ Юсупова, — на утро явились и, не подозрѣвая объ убійствѣ, заняли свои посты. Слухи объ убійствѣ Распутина ходили еще задолго до того, какъ это совершилось, а послѣ убійства полиція бросилась по всѣмъ направленіямъ. Заподозрила даже моихъ сыновей и подъ видомъ грабежа у меня на квартирѣ произвели обыскъ. Какіе то люди выломали замокъ въ парад-

ной двери, перерыли комоды и ящики, ничего изъ одежды не унесли, зато разбросали на квартирѣ всѣ бумаги.

Надѣялись, что убійство даромъ не пройдетъ, что въ Царскомъ Селѣ наконецъ опомнятся, послушаютъ предостереженій или просто испугаются. Вышло совсѣмъ наоборотъ. Какъ бы на зло стали выдвигать тѣхъ, кто былъ сторонникомъ Распутина. Протопоповъ былъ утвержденъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ подчеркивалось одобреніе его политики. Треповъ подалъ въ отставку, то же сдѣлали — графъ Игнатьевъ, Макаровъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ князь Волконскій. Треповъ былъ замѣщенъ старымъ княземъ Н. Д. Голицынымъ, который былъ помощникомъ Царицы въ комитетѣ военноплѣнныхъ. Отставка Игнатьева и Волконскаго временно не была принята, а черезъ нѣсколько дней они прочли въ газетахъ, что оба уволены. Въ Думѣ узнали о странной роли, которую играетъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не имѣвшій оффиціальнаго положенія генералъ Курловъ, котораго считали организаторомъ убійства Столыпина. Въ отсутствіи Протопопова, который дѣлами почти не занимался и все ѣздилъ въ Царское, Курловъ подписывалъ бумаги «за министра внутреннихъ дѣлъ». Между тѣмъ указа правительствующаго Сената о его назначеніи не было и высшія правительственныя учрежденія отказывались принимать такія бумаги. Курловъ былъ назначенъ какъ бы тайкомъ безъ опубликованія черезъ Сенатъ. До чего дошло правительство... Разоблаченія въ Думѣ не помогли и Курловъ продолжалъ оставаться на своемъ посту.

Къ 1 января произошли соотвѣтствующія перемѣны и въ Г. Совѣтѣ. Былъ отстраненъ отъ предсѣдательствованія Куломзинъ и замѣненъ Щегловитовымъ и назначенъ рядъ крайнихъ черносотенцевъ въ члены Совѣта. И все-таки направленіе верхней Палаты измѣнить не удалось. Недавніе сторонники правительства во что бы то ни стало — опредѣленно высказывались противъ Протопопова, а когда прошелъ слухъ, что среди назначенныхъ будетъ и Штюрмеръ, правые объявили, что не примутъ его въ составъ своей группы. Они избрали предсѣдателемъ группы Трепова, какъ бы подчеркнувъ, что одобряютъ его отрицательное отношеніе къ Протопопову и раздѣляютъ мотивы его ухода изъ правительства.

Вся политика правительства за это время носила характеръ неумѣлыхъ репрессій, соединенныхъ съ бездѣйствіемъ власти. Послѣ роспуска Думы на рождественскіе каникулы стали ходить слухи, что Дума не будетъ созвана въ назначенный срокъ 9 января. Въ рескриптѣ на имя князя Голицына при его назначеніи было упомянуто «о благожелательномъ отношеніи къ законодательнымъ Палатамъ и о необходимости совмѣстной съ ними работы». Но это нисколько не помѣшало Протопопову за спиной у Голицына добиться отсрочки Думы и возобновленіе ея занятій было передвинуто на 14 февраля. Вообще, Протопоповъ не только продолжалъ играть въ Царскомъ роль, но и повидимому замѣнилъ Распутина. Разсказывали, что онъ занимается спиритизмомъ и вызываетъ духъ Распутина. Считаю не безынтереснымъ упомянуть, что мнѣ разсказывалъ графъ Д. М. Граббе. Его пригласилъ къ завтраку извѣстный князь Андронниковъ,

обдѣлывавшій дѣла черезъ Распутина. Войдя въ столовую, Граббе былъ пораженъ, увидѣвъ въ сосѣдней комнатѣ Распутина. Недалеко отъ стола стоялъ человѣкъ, похожій какъ двѣ капли на Распутина: борода, волосы, костюмъ — все было подъ Распутина. Андронниковъ пытливо посмотрѣлъ на своего гостя. Граббе сдѣлалъ видъ, что онъ вовсе не пораженъ. Человѣкъ постоялъ, постоялъ, вышелъ изъ комнаты и больше не появлялся.

XVI

Развалъ тыла. Генералъ Крымовъ настаиваетъ на переворотѣ. Завтракъ у В. К. Маріи Павловны. Визитъ В. К. Михаила Александровича. Аудіенція 7 января.

Съ продовольствіемъ стало совсѣмъ плохо. Города голодали, въ деревняхъ сидѣли безъ сапогъ и при этомъ всѣ чувствовали, что въ Россіи всего вдоволь, но что нельзя ничего достать изъ за полнаго развала въ тылу. Москва и Петроградъ сидѣли безъ мяса, а въ это время въ газетахъ писали, что въ Сибири на станціяхъ лежатъ битыя туши и что весь этотъ запасъ въ полмилліона пудовъ сгніетъ при первой же оттепели. Всѣ попытки земскихъ организацій и отдѣльныхъ лицъ разбивались о преступное равнодушіе или полное неумѣніе что нибудь сдѣлать со стороны властей. Каждый министръ и каждый начальникъ сваливалъ на кого нибудь другого и виновныхъ никогда нельзя было найти. Ничего, кромѣ временной остановки пассажирскаго движенія, для улучшенія продовольствія правительство не могло придумать. Но и тутъ получился скандалъ. Во время одной изъ такихъ остановокъ паровозы оказались испорченными: изъ нихъ забыли выпустить воду, ударили морозы, трубы полопались и вмѣсто улучшенія только ухудшили движеніе. На попытки земскихъ и торговыхъ организацій устроить съѣзды для обсужденія продовольственныхъ вопросовъ, правительство отвѣчало отказомъ и съѣзды не разрѣшались. Пріѣзжавшій съ мѣстъ завѣдывавшіе продовольствіемъ, толкавшіеся безъ результата изъ министерства въ министерство, принесли свое горе къ предсѣдателю Думы, который въ отсутствіе Думы изображалъ своей персоной народное представительство. Многія распоряженія правительства наводили на странное и грустное размышленіе: казалось, что будто бы власть сознательно работаетъ во вредъ Россіи и на пользу Германіи. А при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками подобныхъ распоряженій приходилось убѣждаться, что во всѣхъ такихъ случаяхъ невидимыя нити вели къ Протопопову и черезъ него къ Императрицѣ.

Въ началѣ января пріѣхалъ съ фронта генералъ Крымовъ и просилъ дать ему возможность неоффиціальнымъ образомъ освѣтить членамъ Думы катастрофическое положеніе арміи и ея настроенія. У меня собрались многіе изъ депутатовъ, членовъ Г. Совѣта и членовъ Особаго Совѣщанія. Съ волненіемъ слушали докладъ боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповѣдь. Крымовъ говорилъ, что пока не прояснится и не очистится политическій горизонтъ, пока правительство не приметъ другого курса, пока не будетъ другого

правительства, которому бы тамъ, въ арміи повѣрили, — не можетъ быть надеждъ на побѣду. Войнѣ опредѣленно мѣшаютъ въ тылу и временные успѣхи сводятся къ нулю. Закончилъ Крымовъ приблизительно такими словами:

«Настроеніе въ арміи такое, что всѣ съ радостью будутъ привѣтствовать извѣстіе о переворотѣ. Переворотъ неизбѣженъ и на фронтѣ это чувствуютъ. Если вы рѣшитесь на эту крайнюю мѣру, то мы васъ поддержимъ. Очевидно другихъ средствъ нѣтъ. Все было испробовано какъ вами, такъ и многими другими, но вредное вліяніе жены сильнѣе честныхъ словъ, сказанныхъ Царю. Времени терять нельзя».

Крымовъ замолкъ и нѣсколько секундъ всѣ сидѣли смущенные и удрученные. Первымъ прервалъ молчаніе Шингаревъ:

— Генералъ правъ — переворотъ необходимъ... Но кто на него рѣшится?

Шидловскій съ озлобленіемъ сказалъ:

— Щадить и жалѣть Его нечего, когда онъ губитъ Россію.

Многіе изъ членовъ Думы соглашались съ Шингаревымъ и Шидловскимъ; поднялись шумные споры. Тутъ же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между Царемъ и Россіей — я пойду за Россіей».

Самымъ неумолимымъ и рѣзкимъ былъ Терещенко, глубоко меня взволновавшій. Я его оборвалъ и сказалъ:

— Вы не учитываете, что будетъ послѣ отреченія Царя... Я никогда не пойду на переворотъ. Я присягалъ... Прошу васъ въ моемъ домѣ объ этомъ не говорить. Если армія можетъ добиться отреченія — пусть она это дѣлаетъ черезъ своихъ начальниковъ, а я до послѣдней минуты буду дѣйствовать убѣжденіями, но не насиліемъ...

Много и долго еще говорили у меня въ этотъ вечеръ. Чувствовалась приближающаяся гроза и жутко было за будущее: казалось, какой то страшный рокъ влечетъ страну въ неминуемую пропасть.

Приблизительно въ это время довольно странное свиданіе произошло у меня съ великой княгиней Маріей Павловной.

Какъ то поздно вечеромъ приблизительно около часу ночи великая княгиня вызвала меня по телефону:

— Михаилъ Владиміровичъ, не можете ли вы сейчасъ пріѣхать ко мнѣ?

— Ваше высочество, я, право, затрудняюсь: будетъ ли это удобно въ такой поздній часъ... Я, признаться, собираюсь идти спать.

— Мнѣ очень нужно васъ видѣть по важному дѣлу. Я сейчасъ пришлю за вами автомобиль... Я очень прошу васъ пріѣхать...

Такая настойчивость меня озадачила и я просилъ разрѣшенія отвѣтить черезъ четверть часа. Слишкомъ подозрительной могла показаться поѣздка предсѣдателя Думы къ великой княгинѣ въ часъ ночи: это было похоже на заговоръ. Ровно черезъ четверть часа опять звонокъ и голосъ Маріи Павловны:

— Ну что же, вы пріѣдете?

— Нѣтъ, ваше высочество, я къ вамъ пріѣхать сегодня не могу.

— Ну тогда пріѣзжайте завтра къ завтраку.

— Слушаю-съ, благодарю васъ... Завтра пріѣду.

На другой день на завтракѣ у великой княгини я засталъ ее вмѣстѣ съ ея сыновьями, какъ будто бы они собрались для семейнаго совѣта. Они были чрезвычайно любезны и о «важномъ дѣлѣ» не было произнесено ни слова. Наконецъ, когда всѣ перешли въ кабинетъ и разговоръ все еще шелъ въ шутливомъ тонѣ о томъ, о семъ, Кириллъ Владиміровичъ обратился къ матери и сказалъ: «Что же вы не говорите?»

Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннемъ положеніи, о бездарности правительства, о Протопоповѣ и объ Императрицѣ. При упоминаніи ея имени она стала болѣе волноваться, находила вреднымъ ея вліяніе и вмѣшательство во всѣ дѣла, говорила, что она губитъ страну, что благодаря ей создается угроза Царю и всей царской фамиліи, что такое положеніе дольше терпѣть невозможно, что надо измѣнить, устранить, уничтожить...

Желая уяснить себѣ болѣе точно, что она хочетъ сказать, я спросилъ:

— То есть, какъ устранить?

— Да я не знаю... Надо что нибудь предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что нибудь сдѣлать... Надо ее уничтожить...

— Кого?

— Императрицу.

— Ваше высочество, — сказалъ я, — позвольте мнѣ считать этотъ нашъ разговоръ какъ бы не бывшимъ, потому что если вы обращаетесь ко мнѣ какъ къ предсѣдателю Думы, то я по долгу присяги долженъ сейчасъ же явиться къ Государю Императору и доложить ему, что великая княгиня Марія Павловна заявила мнѣ, что надо уничтожить Императрицу.

Мысль о принудительномъ отреченіи Царя упорно проводилась въ Петроградѣ въ концѣ 1916 и началѣ 1917 года. Ко мнѣ неоднократно и съ разныхъ сторонъ обращались представители высшаго общества съ заявленіемъ, что Дума и ея Предсѣдатель обязаны взять на себя эту отвѣтственность передъ страной и спасти армію и Россію. Послѣ убійства Распутина разговоры объ этомъ стали еще болѣе настойчивыми. Многіе при этомъ были совершенно искренно убѣждены, что я подготовляю переворотъ и что мнѣ въ этомъ помогаютъ многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ и англійскій посолъ Бьюкененъ. Меня это приводило въ негодованіе и, когда люди проговаривались, начинали на что-то намекать или открыто говорить о переворотѣ, я отвѣчалъ имъ всегда одно и то же:

«Я ни на какую авантюру не пойду, какъ по убѣжденію, такъ и въ силу невозможности впутывать Думу въ неизбѣжную смуту. Дворцовые перевороты не дѣло законодательныхъ палатъ, а поднимать народъ противъ Царя — у меня нѣтъ ни охоты, ни возможности».

Всѣ негодовали, всѣ жаловались, всѣ возмущались и въ свѣтскихъ гостиныхъ и въ политическихъ собраніяхъ и даже ири бѣглыхъ

встрѣчахъ въ магазинахъ, въ театрахъ и трамваяхъ, но дальше разговоровъ никто не шелъ. Между тѣмъ, если бы всѣ объединились и если бы духовенство, ученые, промышленники, представители высшаго общества объединились и заявили бы Царю просьбу или даже обратились бы съ требованіемъ прислушаться къ желаніямъ народа — можетъ быть и удалось бы чего нибудь достигнуть. Вмѣсто этого одни низкопоклоничали, другіе охраняли свое положеніе, держались за свои мѣста, охраняли свое благополучіе, третьи молчали, ограничиваясь сплетнями и воркотней и грозили за спиной переворотомъ...

Изъ среды Царской семьи, какъ ни странно, къ Предсѣдателю Думы тоже обращались за помощью, требуя, чтобы предсѣдатель Думы шелъ, доказывалъ и убѣждалъ.

Близкіе Государю тоже понимали, какая надвигается опасность, но и эти близкіе, даже братъ Государя, были и нерѣшительны и тоже безсильны.

---

8 января ко мнѣ на квартиру неожиданно пріѣхалъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

— Мнѣ хотѣлось съ вами поговорить о томъ, что происходитъ и посовѣтоваться, какъ поступить... Мы отлично понимаемъ положеніе, — сказалъ великій князь.

— Да, ваше высочество, положеніе настолько серьезное, что терять нельзя ни минуты и спасать Россію надо немедленно.

— Вы думаете, что будетъ революція?

— Пока война, народъ сознаетъ, что смута — это гибель арміи, но опасность въ другомъ. Правительство и Императрица Александра Феодоровна ведутъ Россію къ сепаратному миру и къ позору, отдаютъ насъ въ руки Германіи. Этого нація не снесетъ и, если бы это подтвердилось, а довольно того, что объ этомъ ходятъ слухи — чтобы наступила самая ужасная революція, которая смететъ престолъ, династію, всѣхъ васъ и насъ. Спасти положеніе и Россію еще есть время и даже теперь царствованіе вашего брата можетъ достичь еще небывалой высоты и славы въ исторіи, но для этого надо измѣнить все направленіе правительства. Надо назначить министровъ, которымъ вѣритъ страна, которые бы не оскорбляли народныя чувства. Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, что это достижимо только при условіи удаленія Царицы. Она вредно вліяетъ на всѣ назначенія, даже въ арміи. Ее и Царя окружаютъ темныя, негодныя и бездарныя лица. Александру Феодоровну яростно ненавидятъ, всюду и во всѣхъ кругахъ требуютъ ея удаленія. Пока она у власти — мы будемъ идти къ гибели.

— Представьте, — сказалъ Михаилъ Александровичъ, — то же самое говорилъ моему брату Бьюкененъ. Вся семья сознаетъ, насколько вредна Александра Феодоровна. Брата и ее окружаютъ только измѣнники. Всѣ порядочные люди ушли... Но какъ быть въ этомъ случаѣ?

— Вы, ваше высочество, какъ единственный братъ Царя, должны сказать ему всю правду, должны указать на вредное вмѣшательство

Александры Феодоровны, которую въ народѣ считаютъ германофилкой, для которой чужды интересы Россіи.

— Вы считаете, что необходимо отвѣтственное министерство?

— Всѣ просятъ только твердой власти и ни въ одной резолюціи не упоминается объ отвѣтственномъ министерствѣ. Хотятъ имѣть во главѣ министерства лицо, облеченное довѣріемъ страны. Такое лицо составитъ кабинетъ, который будетъ отвѣтственъ передъ Царемъ.

— Такимъ лицомъ могли бы быть только вы, Михаилъ Владиміровичъ, вамъ всѣ довѣряютъ.

— Если бы явилась необходимость во мнѣ, — я готовъ отдать всѣ свои силы родинѣ, но опять таки при одномъ условіи: устраненіи Императрицы отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла. Она должна удалиться, такъ какъ борьба съ ней при несчастномъ безволіи Царя совершенно безплодна. Я еще 23 декабря послалъ рапортъ о пріемѣ и до сихъ поръ не имѣю отвѣта. Благодаря вліянію Царицы и Протопопова, Царь не желаетъ моего доклада и есть основаніе предполагать, что Дума будетъ распущена и будутъ назначены новые выборы. У меня есть свѣдѣнія, что подъ вліяніемъ разрухи тыла начинаются волненія и въ арміи. Армія теряетъ спокойствіе... Если вся пролитая кровь, всѣ страданія и потери окажутся напрасными, — возмездіе будетъ ужаснымъ.

— Вы, Михаилъ Владиміровичъ, непремѣнно должны видѣть Государя и еще разъ сказать ему всю правду.

— Я очень прошу васъ убѣдить вашего державнаго брата принять меня непремѣнно до Думы. Ради Бога, ваше высочество, повліяйте, чтобы Дума была созвана и чтобы Александра Феодоровна съ присными была удалена.

Бесѣда эта длилась болѣе часу. Великій князь со всѣмъ соглашался и обѣщалъ помочь.

Не только в. к. Михаилъ Александровичъ понималъ угрожающее положеніе, сознавали это и другіе члены Царской семьи. Еще раньше в. к. Николай Михайловичъ говорилъ мнѣ: «Они, Богъ знаетъ, что дѣлаютъ своей неумѣлой политикой. Они хотятъ все русское общество довести до изступленія».

Я рѣшилъ еще разъ отправить рапортъ Царю съ просьбой о пріемѣ. 5 января я писалъ:

«Пріемлю смѣлость испросить разрѣшенія явиться къ Вашему Императорскому Величеству. Въ этотъ страшный часъ, который переживаетъ родина, я считаю своимъ вѣрноподданнѣйшимъ долгомъ какъ предсѣдатель Думы доложить вамъ во всей полнотѣ объ угрожающей россійскому государству опасности. Усердно прошу васъ, Государь, повелѣть мнѣ явиться и выслушать меня».

На другой день былъ полученъ отвѣтъ, а 7 января я былъ принятъ Царемъ.

Не задолго передъ тѣмъ, 1 января, какъ всегда во дворцѣ былъ пріемъ. Я зналъ, что увижу тамъ Протопопова, и рѣшилъ не подавать ему руки. Войдя, я просилъ церемоніймейстеровъ барона Корфа

и Толстого предупредить Протопопова, чтобы онъ ко мнѣ не подходилъ. Не передали ли они ему или Протопоповъ не обратилъ на это вниманія, но я замѣтилъ, что онъ слѣдитъ за мною глазами и повидимому хочетъ подойти. Чтобы избѣжать инцидента, я перешелъ на другое мѣсто и сталъ спиной къ той группѣ, въ которой былъ Протопоповъ. Тѣмъ не менѣе Протопоповъ пошелъ на проломъ, приблизился вплотную и съ радостнымъ привѣтствіемъ протянулъ руку. Я ему отвѣтилъ:

— Нигдѣ и никогда.

Смущенный Протопоповъ, не зная, какъ выйти изъ положенія, дружески взялъ меня за локоть и сказалъ:

— Родной мой, вѣдь мы можемъ столковаться.

Онъ мнѣ былъ противенъ.

— Оставьте меня, вы мнѣ гадки, — сказалъ я.

Это происшествіе, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, появилось въ газетахъ: писали также, что Протопоповъ намѣренъ вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не послѣдовало.

На докладѣ у Государя я прежде всего принесъ свои извиненія, что позволилъ себѣ во дворцѣ такъ поступить съ гостемъ Государя. На это Царь сказалъ:

— Да, это было не хорошо — во дворцѣ...

Я замѣтилъ, что Протопоповъ, вѣроятно, не очень оскорбился, такъ какъ не прислалъ вызова.

— Какъ, онъ не прислалъ вызова? — удивился Царь.

— Нѣтъ, ваше величество... Такъ какъ Протопоповъ не умѣетъ защищать своей чести, то въ слѣдующій разъ я его побью палкой.

Государь засмѣялся.

Я перешелъ къ докладу.

— Изъ моего второго рапорта вы, ваше величество, могли усмотрѣть, что я считаю положеніе въ государствѣ болѣе опаснымъ и критическимъ, чѣмъ когда либо. Настроеніе во всей странѣ такое, что можно ожидать самыхъ серьезныхъ потрясеній. Партій уже нѣтъ и вся Россія въ одинъ голосъ требуетъ перемѣны правительства и назначенія отвѣтственнаго премьера, облеченнаго довѣріемъ народа. Надо при взаимномъ довѣріи съ Палатами и общественными учрежденіями наладить работу для побѣды надъ врагомъ и для устройства тыла. Къ нашему позору въ дни войны у насъ во всемъ разруха. Правительства нѣтъ, системы нѣтъ, согласованности между тыломъ и фронтомъ до сихъ поръ тоже нѣтъ. Куда ни посмотришь — злоупотребленія и непорядки. Постоянная смѣна министровъ вызываетъ сперва растерянность, а потомъ равнодушіе у всѣхъ служащихъ сверху до низу. Въ народѣ сознаютъ, что вы удалили изъ правительства всѣхъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ Думы и общественныхъ круговъ и замѣнили ихъ недостойными и неспособными. Вспомните, ваше величество, Поливанова, Сазонова, графа Игнатьева, Самарина, Щербатова, Наумова, — всѣхъ тѣхъ, кто былъ преданными слугами вашими и Россіи и кто отстраненъ безъ всякой причины и вины...

Вспомните такихъ старыхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Голубевъ и Куломзинъ. Ихъ смѣнили только потому, что они не закрывали рта честнымъ голосамъ въ Г. Совѣтѣ. Точно умышленно все дѣлается во вредъ Россіи и на пользу ея враговъ. Поневолѣ порождаются чудовищные слухи о существованіи измѣны и шпіонства за спиной арміи. Вокругъ васъ, Государь, не осталось ни одного надежнаго и честнаго человѣка: всѣ лучшіе удалены или ушли, а остались только тѣ, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секретъ, что Императрица помимо васъ отдаетъ распоряженія по управленію государствомъ, министры ѣздятъ къ ней съ докладомъ и что по ея желанію неугодные быстро летятъ со своихъ мѣстъ и замѣняются людьми, совершенно неподготовленными. Въ странѣ растетъ негодованіе на Императрицу и ненависть къ ней... Ее считаютъ сторонницей Германіи, которую она охраняетъ. Объ этомъ говорятъ даже среди простого народа...

— Дайте факты, — сказалъ Государь, — нѣтъ фактовъ, подтверждающихъ ваши слова.

— Фактовъ нѣтъ, но все направленіе политики, которой такъ или иначе руководитъ ея величество, ведетъ къ тому, что въ народныхъ умахъ складывается такое убѣжденіе. Для спасенія вашей семьи вамъ надо, ваше величество, найти способъ отстранить Императрицу отъ вліянія на политическія дѣла. Сердце русскихъ людей терзается отъ предчувствія грозныхъ событій, народъ отворачивается отъ своего Царя, потому что послѣ столькихъ жертвъ и страданій, послѣ всей пролитой крови народъ видитъ, что ему готовятся новыя испытанія.

Переходя къ вопросамъ фронта, я напомнилъ, что еще въ пятнадцатомъ году умолялъ Государя не брать на себя командованіе арміей и что сейчасъ послѣ новыхъ неудачъ на румынскомъ фронтѣ всю отвѣтственность возлагаютъ на Государя.

— Не заставляйте, ваше величество, — сказалъ я, — чтобы народъ выбиралъ между вами и благомъ родины. До сихъ поръ понятіе Царь и Родина — были неразрывны, а въ послѣднее время ихъ начинаютъ раздѣлять...

Государь сжалъ обѣими руками голову, потомъ сказалъ:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше и двадцать два года ошибался...

Минута была очень трудная. Преодолѣвъ себя, я отвѣтилъ:

— Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильномъ пути.

Несмотря на эти откровенныя слова, которыя не могли быть пріятными, Государь простился ласково и не выказалъ ни гнѣва, ни даже неудовольствія.

Мнѣ невольно вспоминается одна изъ аудіенцій, во время которой больше, чѣмъ когда либо, можно было понять Императора Николая II. Ошибаются тѣ, которые называютъ его лживымъ и черствымъ человѣкомъ. Онъ было только слабый волей, легко подпадавшій подъ чужое сильное вліяніе.

Послѣ одного изъ докладовъ, помню, Государь имѣлъ особенно утомленный видъ.

— Я утомилъ васъ, ваше величество?

— Да, я не выспался сегодня — ходилъ на глухарей... Хорошо въ лѣсу было...

Государь подошелъ къ окну (была ранняя весна). Онъ стоялъ молча и глядѣлъ въ окно. Я тоже стоялъ въ почтительномъ отдаленіи. Потомъ Государь повернулся ко мнѣ:

— Почему это такъ, Михаилъ Владиміровичъ. Былъ я въ лѣсу сегодня... Тихо тамъ и все забываешь, всѣ эти дрязги, суету людскую... Такъ хорошо было на душѣ... Тамъ ближе къ природѣ, ближе къ Богу...

Кто такъ чувствуетъ, не могъ быть лживымъ и черствымъ.

Незадолго до доклада, 3 января, я вызвалъ изъ Москвы Самарина, избраннаго предсѣдателемъ совѣтъ объединеннаго дворянства. Нужно сказать, что тогда упорно ходили слухи, что я буду арестованъ и высланъ изъ Петрограда. Мнѣ это подтвердилъ и одинъ изъ членовъ правительства. Я счелъ нужнымъ освѣдомить объ этомъ тѣхъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые могли взять на себя въ мое отсутствіе борьбу за интересы и достоинство Россіи, и могли бы защитить народное представительство отъ незаслуженныхъ оскорбленій. Самаринъ пріѣхалъ ко мнѣ съ двумя членами совѣта объединеннаго дворянства — Карповымъ и княземъ Куракинымъ. Самаринъ также испросилъ аудіенцію и рѣшилъ доложить Государю о резолюціи съѣзда объединеннаго дворянства, подробно объяснить ея истинный смыслъ и въ волненіи говорилъ, что онъ чувствуетъ, что долгъ его откровенно все высказать Царю. Наканунѣ своего доклада онъ весь вечеръ просидѣлъ у меня и его до послѣдней минуты не оставляла вѣра въ торжество справедливости и правды, въ то, что насъ наконецъ услышатъ.

Послѣ Самарина у меня были князь Львовъ, Челноковъ и Коноваловъ. Всѣ они одобряли мои дѣйствія, поддерживая въ томъ, что настало время говорить одну правду, какъ бы она ни была непріятна..

Послѣ этихъ двухъ докладовъ, Самарина и моего, пошли слухи, что Трепову будетъ предложено составить кабинетъ довѣрія изъ членовъ законодательныхъ Палатъ. Слухи эти проникли и въ газеты, но скоро они заглохли. Протопоповъ продолжалъ оставаться министромъ и постояннымъ посѣтителемъ Царскаго Села и все шло попрежнему. Стали даже говорить, что Дума будетъ распущена до окончанія войны, а затѣмъ будутъ назначены новые выборы. Начались даже какъ будто приготовленія къ новой избирательной кампаніи. Такъ какъ на дворянство и духовенство уже не полагались, то по мысли Протопопова рѣшено было привлечь на сторону правительства крестьянъ и съ этой цѣлью стали разрабатывать законопроектъ о надѣленіи крестьянъ — георгіевскихъ кавалеровъ — землею въ количествѣ до тридцати десятинъ, путемъ принудительнаго отчужденія отъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ старомъ Новгородѣ происходило дворянское собраніе. На-

строеніе дворянъ вылилось въ резолюціи, въ которой необыкновенно ярко были выражены боль и страхъ за будущее Россіи. Надѣялись, что непосредственное обращеніе высшаго сословія къ Царю приведетъ къ желательнымъ результатамъ. Дворяне единогласно поручили, чтобы губернскій предводитель Будкевичъ лично передалъ резолюцію Государю. Къ сожалѣнію, Государь не нашелъ времени принять Будкевича и резолюція была передана ему черезъ Протопопова. Въ результаѣ вызвали въ Петроградъ новгородскаго губернатора Иславина для объясненія и отстранили его отъ должности.

XVII

Представители Антанты въ Петроградѣ. Полиція и пулеметы. Послѣдняя аудіенція. Аресты рабочихъ. Согласіе царя на отвѣтственное министерство и неожиданный отъѣздъ. Оборвалось...

Въ концѣ января въ Петроградъ пріѣхали делегаты союзныхъ державъ для согласованія дѣйствій на фронтахъ въ предстоявшей весенней кампаніи

На засѣданіяхъ конференціи съ союзниками обнаружилось полнѣйшее невѣжество нашего военнаго министра Бѣляева. По многимъ вопросамъ и Бѣляевъ, и другіе наши министры оказывались въ чрезвычайно неловкомъ положеніи передъ союзниками: они не сговорились между собой и не были въ курсѣ дѣлъ даже по своимъ вѣдомствамъ. Въ особенности это сказалось при обсужденіи вопроса о заказахъ заграницей. Лордъ Мильнеръ долго молча вслушивался въ рѣчи нашихъ министровъ и затѣмъ спросилъ: «Сколько же вы дѣлаете заказовъ?» Ему сообщили. « А сколько вы требуете тоннажа для ихъ перевозки?» И получивъ снова отвѣтъ, онъ замѣтилъ: «Я вамъ долженъ сказать, что вы просите тоннажа въ пять разъ меньше, чѣмъ нужно для перевозки вашихъ заказовъ».

Союзные делегаты выражали сожалѣніе, что въ виду отдаленности Россіи и оторванности ея отъ общаго командованія на западѣ, они имѣютъ о насъ мало свѣдѣній. На это министръ Покровскій предложилъ создать новую должность комиссара, который былъ бы на западѣ представителемъ Россіи и по своему положенію стоялъ бы выше нашихъ пословъ. Присутствовавшій на конференціи Сазоновъ, только что назначенный посломъ въ Лондонъ, возмутился и между Покровскимъ и Сазоновымъ начались пререканія. Иностранцамъ было ясно, что у насъ нѣтъ ни согласованности, ни системы, ни пониманія серьезности переживаемаго момента. Это ихъ очень возмущало. Хладнокровный лордъ Мильнеръ, еле сдерживавшій свои чувства, откидывался на спинку стула и громко вздыхалъ. Каждый разъ при этомъ стулъ трещалъ и ему подавали другой.

Французы тоже очень нервничали и видно было, что они недовольны нами. Еще въ январѣ 1916 года во время своего пребыванія въ Петроградѣ члены делегаціи Думергъ и Кастельно ѣздили въ Царское Село и къ своему изумленію увидѣли тамъ тяжелыя орудія, присланныя для нашаго фронта изъ Франціи.

Мнѣ сообщили, что петроградскую полицію обучають стрѣльбѣ изъ пулеметовъ Масса пулеметовъ въ Петроградѣ и въ другихъ городахъ вмѣсто отправки на фронтъ была передана въ руки полиціи.

Одновременно появилось весьма странное распоряженіе о выдѣленіи петроградскаго военнаго округа изъ состава сѣвернаго фронта и о передачѣ его изъ дѣйствующей арміи въ непосредственное вѣдѣніе правительства съ подчиненіемъ командующему округомъ. Увѣряли, что это дѣлается не спроста. Упорно говорили о томъ, что Императрица всѣми способами желаетъ добиться заключенія сепаратнаго мира и что Протопоповъ, являющійся ея помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, замышляетъ спровоцировать безпорядки въ столицахъ на почвѣ недостатка продовольствія, чтобы затѣмъ эти безпорядки подавить и имѣть основаніе для переговоровъ о сепаратномъ мирѣ. Слухи эти были настолько упорны, что вызвали смущеніе не только среди членовъ Думы, но и среди представителей союзныхъ державъ. Члены Особаго Совѣщанія по оборонѣ рѣшили на первомъ же засѣданіи поднять вопросъ о французской артиллеріи и пулеметахъ. Они запросили военнаго министра Бѣляева, по какому праву онъ безъ санкціи Особаго Совѣщанія передалъ такое огромное количество оружія, которое нужно на фронтѣ, — въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Бѣляевъ обѣщалъ дать отвѣтъ на томъ же засѣданіи, но не далъ, а когда вопросъ былъ снова поднятъ, министръ старался прекратить пренія. Члены Г. Совѣта Стишинскій, Гурко и Карповъ горячо меня поддержали, когда я протестовалъ, доказывая, что военный министръ обязанъ дать отвѣтъ Совѣщанію и не можетъ ему зажимать ротъ. Не добившись ничего, члены рѣшили прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ и просить Государя предсѣдательствовать на слѣдующемъ засѣданіи Члены Совѣщанія единогласно вынесли такое рѣшеніе, напомнивъ, что Государь самъ обѣщалъ предсѣдательствовать въ особо важныхъ случаяхъ. Бѣляевъ, однако, стоялъ на своемъ и отказался передать постановленіе Совѣщанія Царю, говоря, что это несвоевременно и что Государя не слѣдуетъ тревожить такими не первостепенными вопросами. Тогда члены Совѣщанія изложили свою просьбу письменно и я отправилъ ихъ записку вмѣстѣ со своимъ очереднымъ докладомъ. Никакого отвѣта не послѣдовало.

---

10 февраля мнѣ была дана высочайшая аудіенція. Я ѣхалъ съ тяжелымъ чувствомъ. Уклончивость Бѣляева, затягивавшаго отвѣты на важные вопросы, поставленные Особымъ Совѣщаніемъ, нежеланіе Царя предсѣдательствовать — все это не предвѣщало ничего хорошаго.

Необычная холодность, съ которой я былъ принятъ, показала, что я не могъ даже, какъ обыкновенно, въ свободномъ разговорѣ излагать свои доводы, а сталъ читать написанный докладъ. Отношеніе Государя было не только равнодушное, но даже рѣзкое. Во время чтенія доклада, который касался плохого продовольствія арміи и городовъ, передачи пулеметовъ полиціи и общаго политическаго положенія, Государь былъ разсѣянъ и наконецъ прервалъ меня:

— Нельзя ли поторопиться, — замѣтилъ онъ рѣзко, — меня ждетъ великій князь Михаилъ Александровичъ пить чай.

Когда я заговорилъ объ ужасномъ положеніи нашихъ военноплѣнныхъ и о докладѣ сестеръ милосердія, ѣздившихъ въ Германію и Австрію, Государь сказалъ:

— Это меня вовсе не касается. Для этого имѣется комитетъ подъ предсѣдательствомъ Императрицы Александры Феодоровны.

По поводу передачи пулеметовъ Царь равнодушно замѣтилъ:

— Странно, я объ этомъ ничего не слыхалъ...

А когда я заговорилъ о Протопоповѣ, онъ раздраженно спросилъ:

— Вѣдь Протопоповъ былъ вашимъ товарищемъ предсѣдателя въ Думѣ... Почему же теперь онъ вамъ не нравится?

Я отвѣтилъ, что съ тѣхъ поръ какъ Протопоповъ сталъ министромъ, онъ положительно сошелъ съ ума.

Во время разговора о Протопоповѣ и о внутренней политикѣ вообще, я вспомнилъ бывшаго министра Маклакова.

— Я очень сожалѣю объ уходѣ Маклакова, — сказалъ Царь, — онъ во всякомъ случаѣ не былъ сумасшедшимъ.

— Ему не съ чего было сходить, Ваше величество, — не могъ удержаться я отъ отвѣта.

При упоминаніи объ угрожающемъ настроеніи въ странѣ и возможности революціи Царь прервалъ:

— Мои свѣдѣнія совершенно противоположны, а что касается настроенія Думы, то если Дума позволитъ себѣ такія же рѣзкія выступленія, какъ прошлый разъ, то она будетъ распущена.

Приходилось кончать докладъ:

— Я считаю своимъ долгомъ, Государь, высказать вамъ мое личное предчувствіе и убѣжденіе, что этотъ докладъ мой у васъ послѣдній.

— Почему? — спросилъ Царь.

— Потому что Дума будетъ распущена, а направленіе, по которому идетъ правительство, не предвѣщаетъ ничего добраго... Еще есть время и возможность все повернуть и дать отвѣтственное передъ палатами правительство. Но этого, повидимому, не будетъ. Вы, ваше величество, со мной не согласны и все остается по старому. Результатомъ этого по моему будетъ революція и такая анархія, которую никто не удержитъ.

Государь ничего не отвѣтилъ и очень сухо простился.

---

14 февраля Дума должна была возобновить свои занятія. За нѣсколько дней до этого мнѣ сообщили, что на первое засѣданіе явятся петроградскіе рабочіе съ какими то требованіями. Одновременно я узналъ, что какой то господинъ, выдававшій себя за Милюкова, ходитъ по заводамъ и возбуждаетъ рабочихъ къ безпорядкамъ. Милюковъ написалъ письмо въ газеты, разоблачая самозванца и предостерегая рабочихъ отъ провокаціи. Письмо это было запрещено военной цензурой и только послѣ моихъ настойчивыхъ требованій коман-

дующій петроградскимъ округомъ генералъ Хабаловъ наконецъ понялъ, что надо разрѣшить письмо Милюкова и одновременно самъ опубликовалъ воззваніе къ рабочимъ, призывая ихъ къ спокойствію и угрожая въ случаѣ безпорядковъ дѣйствовать силою.

Передъ самымъ открытіемъ Думы были арестованы члены рабочей группы, входящей въ составъ военно-промышленнаго комитета. Это были умѣренные по своимъ взглядамъ люди и казалось непонятнымъ, что побудило правительство къ ихъ аресту. Арестованы были не всѣ: двое остались на свободѣ. Они обратились съ воззваніемъ къ рабочимъ, призывая ихъ, несмотря ни на что, сохранять спокойствіе. Это обращеніе, такъ же какъ и письмо Милюкова, не было разрѣшено къ печати.

Открытіе Думы обошлось совершенно спокойно. Никакихъ рабочихъ не было и только вокругъ по дворамъ было разставлено безконечное множество полиціи. Чтобы не подливать еще больше масла въ огонь, и не усиливать и безъ того напряженное настроеніе, я ограничился въ своей рѣчи только упоминаніемъ объ арміи и ея безропотномъ исполненіи долга. Вмѣсто общеполитическихъ преній засѣданіе оказалось посвященнымъ продовольственному вопросу, такъ какъ мининстръ земледѣлія Риттихъ пожелалъ говорить и произнесъ очень длинную рѣчь. Центръ поддерживалъ Риттиха, кадеты рѣзко на него нападали. Изъ рѣчи Риттиха было ясно, что въ короткій срокъ ему немногое удалось сдѣлать и что съ продовольствіемъ у насъ полный хаосъ. Городамъ изъ за неорганизованости подвоза грозитъ голодъ, въ Сибири залежи мяса, масла и хлѣба, разверстка между губерніями сдѣлана неправильно, такимъ образомъ, что хлѣбныя губерніи поставляли недостаточно, а губерніи, которымъ самимъ не хватало хлѣба, — были обложены чрезмѣрно. Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизиціяхъ стали тщательно прятать хлѣбъ, закапывали его или спѣшили продать скупщикамъ.

Настроеніе въ Думѣ было вялое, даже Пуришкевичъ и тотъ произнесъ тусклую рѣчь. Чувствовалось безсиліе Думы, утомленность въ безполезной борьбѣ и какая то обреченность на роль чуть ли не пассивнаго зрителя. И, все-таки, Дума оставалась на своей прежней позиціи и не шла на открытый разрывъ съ правительствомъ. У нея было одно оружіе — слово и Милюковъ это подчеркнулъ, сказавъ, что Дума: «будетъ дѣйствовать словомъ и только словомъ».

Дума уже засѣдала около недѣли.

Стороной я узналъ, что Государь созывалъ нѣкоторыхъ министровъ во главѣ съ Голицынымъ и пожелалъ обсудить вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Совѣщаніе это закончилось рѣшеніемъ Государя явиться на слѣдующій день въ Думу и объявить о своей волѣ — о дарованіи отвѣтственнаго министерства. Князь Голицынъ былъ очень доволенъ и радостный вернулся домой. Вечеромъ его вновь потребовали во дворецъ и Царь сообщилъ ему, что онъ уѣзжаетъ въ Ставку.

— Какъ же, ваше величество, — изумился Голицынъ, — отвѣтственное министерство?... Вѣдь вы хотѣли завтра быть въ Думѣ.

— Да... Но я измѣнилъ свое рѣшеніе... Я сегодня же вечеромъ ѣду въ Ставку.

Голицынъ объяснилъ себѣ такой неожиданный отъѣздъ въ Ставку желаніемъ Государя избѣжать новыхъ докладовъ, совѣщаній и разговоровъ.

Царь уѣхалъ.

Дума продолжала обсуждать продовольственный вопросъ, Внѣшне все казалось спокойнымъ... Но вдругъ, что-то оборвалось и государственная машина сошла съ рельсъ.

Совершилось то, о чемъ предупреждали, грозное и гибельное, чему во дворцѣ не хотѣли вѣрить...

Изъ воспоминаній

проф. Н. Н. Алексѣева

Лѣтомъ 1918 года у меня созрѣло убѣжденіе въ необходимости покинуть Совѣтскую Россію. Я не принадлежалъ къ числу людей, полагавшихъ, что русскій большевизмъ есть случайный и кратковременный эпизодъ русской исторіи. Это сознаніе длительности большевистскаго процесса при внутренней невозможности примириться съ большевиками должно было толкать къ попыткамъ устройства жизни внѣ Совѣтороссіи. Но помимо этого обывательскаго соображенія въ душѣ моей я питалъ еще одну мысль, которая властно толкала меня къ выѣзду: это была идея вооруженной борьбы съ большевиками. Многіе въ настоящее время найдутъ, что она стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ сознаніемъ длительности большевистскаго процесса — и, можетъ быть, дѣйствительно здѣсь есть нѣкоторое противорѣчіе. Однако, если оно и было, то я склоненъ считать его и жизненно, и нравственно необходимымъ. При полномъ сознаніи этой длительности я былъ убѣжденъ, что есть только одинъ способъ ускорить этотъ процессъ, именно, способъ хирургически-оперативный. «Если организмъ захватываетъ злая болѣзнь, то нужно отрубить больную часть» — такъ разсуждалъ тогда я. Ясно, что операція можетъ и не удасться, однако, трудно было думать, что она не удастся ни при какихъ условіяхъ.

Судьба сложилась такъ, что мнѣ удалось покинуть Совѣтскую Россію, выѣхать изъ нее въ Западную Европу, когда это было достаточно трудно, но еще возможно. Я взялъ изъ одного изъ Московскихъ высшихъ учебныхъ заведеній командировку съ научной цѣлью заграницу, — съ цѣлью «изученія вопросовъ международнаго права и новѣйшихъ международныхъ отношеній». Командировку эту нужно было провести черезъ утвержденіе подлежащихъ властей. Мнѣ удалось при помощи знакомствъ со старыми министерскими чиновниками, находившимися еще тогда на службѣ въ соотвѣтствующемъ комиссаріатѣ, получить документъ, изъ котораго при нѣкоторомъ свободномъ толкованіи можно было вывести, что моя командировка утверждена. Именно, мнѣ разрѣшили «отпускъ на командировку заграницу на три мѣсяца». Съ этимъ отпускомъ я пошелъ добывать заграничный паспортъ въ Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ, который помѣщался тогда въ зданіи гостиницы Метрополь на Театральной Площади въ Москвѣ. Я не былъ увѣренъ, что миссія моя здѣсь увѣнчается успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что для полученія таковаго паспорта нужно было идти на пріемъ къ самому товарищу Карахану. Попасть на пріемъ этотъ уже было дѣломъ довольно труднымъ, однако, здѣсь выручилъ меня счастливый случай. Меня послали для предварительнаго доклада къ одному изъ секретарей, очень чистенькому, дипломатическаго вида, молодому человѣку, оказавшемуся моимъ слушателемъ по Московскому Университету. При его весьма любезной помощи я въ короткое время по-

лучилъ паспортъ съ нѣмецкой визой, позволявшей мнѣ совершенно легально выѣхать въ сферу нѣмецкой оккупаціи и даже въ Берлинъ. Тогда изъ Совѣтской Россіи нельзя было вывозить болѣе пятисотъ рублей денегъ, но при посредствѣ того же моего слушателя, мнѣ удалось вывести довольно значительную сумму Керенскихъ денегъ, запечатанную имъ въ пакетъ, которому суждено было сыграть особую роль въ моемъ дальнѣйшемъ путешествіи.

Вечеромъ 21-го іюля я пріѣхалъ на Александровскій вокзалъ въ Москвѣ. На вокзалѣ царствовалъ обычный въ то время «революціонный порядокъ». До отхода поѣзда было еще два часа, но онъ весь былъ перегруженъ пассажирами. Ѣхали преимущественно польскіе уроженцы, возвращавшіеся на родину съ остатками домашняго скарба. Красноармейцы ходили по вагонамъ, повѣряли документы, выбрасывали вещи изъ оконъ и высаживали плачущихъ бабъ. Кто то выстрѣлилъ изъ винтовки, какому то несчастному прострѣлили ногу. Его пронесли на носилкахъ по платформѣ. Я стоялъ съ носильщикомъ въ сознаніи полной невозможности сѣсть въ поѣздъ. Видно было, что выѣздъ мой въ этотъ день не удастся, если только не попасть въ одинъ вагонъ перваго класса, который охраняли красноармейцы. Въ немъ помѣщались нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ и еще какія то статскія лица. Я рѣшилъ попытаться проникнуть въ этотъ вагонъ во что бы то ни стало. «Не выѣдешь сегодня, выѣдешь ли завтра», — думалъ я. Надо сказать, что возможность выѣзда за границу была въ то время столь невѣроятной, что я до послѣдняго момента не вполнѣ былъ увѣренъ въ дѣйствительности всего, со мною происходящаго. Мнѣ иногда казалось, что все это я вижу во снѣ и что въ концѣ концовъ обманъ обнаружится и что вмѣсто Берлина проснусь я въ жилищномъ отдѣлѣ у себя на Полянкѣ, куда приходилось ходить каждый день — устраивать пренепріятныя дѣла по поводу реквизиціи нашего дома.

Я вступилъ въ переговоры со стражей, побуждаемый къ тому моимъ носильщикомъ.

«Сюда нельзя, товарищъ!» — объяснили мнѣ. — «Здѣсь для дипломатическихъ курьеровъ».

Я сталъ объяснять, что, хотя я и не курьеръ, но все же командированъ за границу правительствомъ. Носильщикъ мой, помню, горячо меня поддерживалъ. Онъ почему то очень сочувствовалъ моему выѣзду за границу. «Товарищемъ» онъ меня не считалъ и даже называлъ бариномъ.

Мой паспортъ подвергся продолжительному осмотру. Не было признаковъ, чтобы дѣло пріобрѣтало благопріятный для меня оборотъ.

«Да не курьеръ вы», — рѣшительно заявилъ одинъ изъ стражи. И какъ бы желая окончательно ликвидировать дѣло, рѣшилъ уничтожить меня вопросомъ, на которомъ я и выигралъ всю игру.

«А пакетъ у васъ есть? Пакетъ дипломатическій имѣете ли?» — Въ учрежденіи, отъ котораго я получилъ командировку, мнѣ дали разрѣшеніе на вывозъ нѣкоторой суммы денегъ. Представивъ это удостовѣреніе при выдачѣ заграничнаго паспорта, я возбудилъ просьбу о томъ, чтобы сумма эта была запечатана въ пакетъ для безпрепятственнаго перевоза черезъ границу. Удовлетворенія этой просьбы мнѣ удалось съ трудомъ добиться. А что если показать этотъ пакетъ – пришла мнѣ смѣлая мысль. Пакетъ былъ запечатанъ пятью казенными печатями и производилъ весьма импозантное впечатлѣніе. Я зналъ русскую слабость ко всякаго рода печатямъ.

«Пакетъ есть», — рѣшился заявить я и вытащилъ его изъ чемодана.

Минута была опасная. Внутренно я очень волновался, опасаясь того, что не сяду въ поѣздъ и лишусь къ тому же денегъ.

Красноармеецъ вертѣлъ въ рукѣ пакетъ и, видимо, колебался. Печати производили магическое дѣйствіе. Я почувствовалъ, что сдѣлалъ вѣрный ходъ.

«А въ пакетѣ что?» — въ нерѣшительности спросилъ онъ меня.

«Этого я вамъ не обязанъ говорить».—

«Да пускай садится», — сказалъ кто то изъ стражи. «Проходите въ вагонъ».

Путешествовавшій по Россіи Уэльсъ сказалъ въ своей небезызвѣстной книгѣ, что совѣтское правительство есть одно изъ самыхъ наивныхъ правительствъ въ мірѣ. И дѣйствительно степень наивности его измѣряется степенью простоты русскаго народа. Приспособляясь къ ней, оно принуждено быть наивнымъ даже въ своемъ маккіавелизмѣ. А русскій народъ при всей своей смѣтливости въ иныхъ дѣлахъ бываетъ ребячески простъ въ другихъ.

«Ну, баринъ, здорово отдѣлались, подвезло», — говорилъ мнѣ носильщикъ, водружая вещи на полку. «Счастливаго пути... Эхъ, и самъ куда нибудь уѣхалъ бы, хоть къ чертовой матери отъ этой свободы»...

Онъ былъ рослый, крѣпкій мужикъ съ окладистой бородой. Мѣсяца за два до отъѣзда я сидѣлъ вотъ съ такими же за самоваромъ въ Ярославской губерніи и разговаривалъ на современныя темы. Запали мнѣ въ душу слова одного изъ нихъ, мѣстнаго мельника:

«Повѣрьте», — говорилъ онъ, — «такая у меня тоска на душѣ, такая тоска, что даже сна лишился. Выйдемъ съ женой на зарѣ на плотину, приволье, рыба плещетъ, утки въ камышахъ крякаютъ, а у насъ радости нѣтъ. Жена все плачетъ... Тоска»...

Я вѣрилъ тогда, что среди русскаго народа есть еще много чувствующихъ такъ, какъ чувствовали мы, небольшая часть побѣжденной и загнанной интеллигенціи. И я вѣрилъ, что на ней, на этой части будетъ строиться армія для вооруженной борьбы съ совѣтской властью. Это придавало мнѣ особую бодрость въ моемъ далекомъ пути.

Поѣздъ былъ кое какъ укомплектованъ, пассажиры частью высажены, частью втиснуты въ вагоны, но мы не начинали двигаться. Казалось, что мы не тронемся вообще. Было особенно томительнымъ это безнадежное ожиданіе. Наконецъ, произошло какое то живительное движеніе среди военнаго караула на платформѣ, раздался свистокъ и мы немедленно тронулись. Протянулись унылыя мѣста брестскихъ и прѣсненскихъ предмѣстій. Ваганьковское кладбище, огороды у Москвы рѣки, открывающіе послѣдній взглядъ на городъ и потомъ ряды обнищавшихъ подмосковныхъ дачъ. Я чувствовалъ, что сейчасъ обрывается одинъ изъ значительныхъ періодовъ моей жизни. Мысли и воспоминанія покрытаго нѣжной грустью прошлаго заполняли мою душу.

Мы занимали въ вагонѣ два отдѣленія. Въ остальной части вагона, отдѣленной дверью, помѣщались какіе то важные совѣтскіе чины, какъ я узналъ впослѣдствіи, настоящіе дипломатическіе курьеры. Я очутился въ обществѣ трехъ нѣмецкихъ офицеровъ, какого то молодого человѣка неопредѣленной профессіи, какъ оказалось, представителя кинематографической фирмы и пожилаго господина изъ нѣмцевъ, образованнаго и пріятнаго собесѣдника, обладающаго къ моему удивленію своимъ лакеемъ, который ѣхалъ въ другомъ вагонѣ и по дорогѣ прислуживалъ «барину», — одинъ изъ парадоксовъ тогдашней Россіи. Господинъ этотъ оказался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ южныхъ нашихъ помѣщиковъ, нынѣ уже покойнымъ. Сначала мнѣ какъ то было ужасно неловко въ присутствіи нѣмцевъ. Русскій человѣкъ — большой абсолютистъ по своимъ воззрѣніямъ. Для него, ежели уже врагъ, такъ врагъ. А съ нѣмцами мы были четыре года врагами. И нужно было что то переломить въ себѣ, чтобы почувствовать себя способнымъ къ естественной и непринужденной бесѣдѣ. Да и вообще первое время разговоръ не клеился, всѣ какъ то приглядывались другъ къ другу. Даже нѣмецкіе офицеры разговаривали между собой вполголоса. Однако, когда мы проѣхали первыя станціи, разговоръ постепенно завязался. Впечатлѣнія покинутой нами Москвы — вотъ была первая его тема.

«Но это ужасно, ужасно, что мы видимъ у васъ въ Москвѣ», — говорилъ, горячась, маленькій, картавый лейтенантъ съ моноклемъ. «Что это терроръ?»...

То, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, для каждаго мало мальски разумнаго иностранца не могло не представляться безобразіемъ и ужасомъ. Особенно для

тѣхъ, кто видѣлъ ранѣе императорскую Россію, поражавшую своимъ величіемъ и могуществомъ. Однако, могущество, впавшее въ ничтожество, еще болѣе внушаетъ чувство презрѣнія, чѣмъ ничтожство простое и заурядное. И въ общемъ, несмотря на возмущеніе московскими порядками, у собесѣдниковъ моихъ несомнѣнно проглядывало это презрѣніе къ Россіи. «Ничего иного вамъ свиньямъ и не подобаетъ», — такъ сквозило изъ нѣкоторыхъ рѣчей ихъ. И тогда я уже замѣтилъ, что ихъ возмущеніе совѣтскимъ строемъ всего менѣе есть возмущеніе, вызванное сочувствіемъ и потому требующее какихъ то актовъ противодѣйствія тѣмъ, кто былъ виновникомъ происшедшаго. Напротивъ, московскіе порядки разсматривались такъ, что какъ будто они могли быть выгодно использованы нѣмцами.

Разговоръ естественно вращался около волнующей всѣхъ темы о необходимости германской оріентаціи въ Россіи. Тогда въ Москвѣ это былъ еще очень острый вопросъ, связанный съ Украйной, съ гетманомъ, съ недавнимъ выступленіемъ Милюкова и надеждами на скорую германскую оккупацію центральной Россіи. Русскій южный помѣщикъ изъ нѣмцевъ естественно оказался ярымъ сторонникомъ германской оріентаціи. Съ возмущеніемъ подчеркивалъ онъ, что русское общество не можетъ понять, что спасеніе Россіи въ рукахъ Германіи и отвратительно относится къ нѣмцамъ. Для меня этотъ вопросъ ставился тогда ясно и просто: если Россію можно спасти при помощи нѣмцевъ, то нужно идти съ Германіей. Только хотятъ ли этого спасенія нѣмцы и могутъ ли оказать помощь? Я такъ и ставилъ вопросъ, но не получилъ опредѣленнаго отвѣта ни на первую, ни на вторую часть его. Какъ только разговоръ переходилъ отъ общихъ мѣстъ къ опредѣленнымъ выводамъ и требовалъ точныхъ отвѣтовъ, нѣмцы надувались, замолкали или принимали загадочный видъ. Но видъ этотъ не сулилъ пріятныхъ сюрпризовъ и ни къ чему не обнадеживалъ. Скорѣе можно было почувствовать, что нѣмцамъ вовсе не до того, чтобы спасать Россію. Ситуація эта тогда мнѣ была совершенно не ясна и не понятна, но оно стала совершенно понятной и ясной черезъ двѣ-три недѣли послѣ пріѣзда въ Берлинъ.

Такъ незамѣтно за разговорами перевалили мы за Смоленскъ и стали подвигаться къ Оршѣ. Мелькали посѣрѣвшія печальныя станціи, переполненныя сѣрой одѣтой въ защитный цвѣтъ толпой. Этотъ сѣрый цвѣтъ окрасилъ тогда великую Русь. Нѣкто сѣрый загулялъ по русскимъ полямъ и, казалось, долго будетъ онъ здѣсь гулять, смазывая все цвѣтное, яркое, и накладывая на все свою страшную тѣнь.

Въ Оршу мы пріѣхали поздно. Здѣсь сильно пострѣливали. То близко отъ полотна желѣзной дороги бухнетъ винтовка, то вдали раскатятся выстрѣлы, аккомпанируемые четкимъ трескомъ пулеметы. Мнѣ показалось, что нѣмцы наши чѣмъ то были обезпокоены, особенно когда нашъ вагонъ отцѣпили, повели впередъ и поставили гдѣ то во тьмѣ, — въ зонѣ между нѣмецкой оккупаціей и совѣтской Республикой. Изъ разговоровъ мы узнали, что на дняхъ здѣсь происходилъ бой между какими то частями совѣтскихъ войскъ. Послѣ долгаго стоянія въ темнотѣ къ намъ подошелъ отрядъ людей въ шлемахъ — первый нѣмецкій патруль. Нѣмцы наши сразу воспрянули духомъ и оживленно переговаривались со своими. Наши документы осмотрѣли, прицѣпили паровозъ и перевезли на Оршу Нѣмецкую. Она походила на какую-то маленькую пограничную станцію на бывшей польской границѣ. Россія здѣсь какъ бы докатилась до своихъ естественныхъ предѣловъ и уже изсякла. Два три случайно замѣшавшихся русскихъ лица, а остальное все уже германское. Странно и непривычно было видѣть этотъ образцовый военный порядокъ, эти уже позабытые обычаи и нравы, невольно вызывавшіе воспоминанія изъ прежнихъ путешествій. И какъ бы не вѣрилось, что власть сѣраго цвѣта уже миновала, какъ дурной сонъ, что снова попалъ въ условія гражданскаго быта. Было поздно и я легъ спать.

Когда я проснулся, вокругъ уже былъ давно знакомый полѣсскій пейзажъ. Мы подъѣзжали къ какой то станціи, на которую выбѣжалъ я съ большимъ лю-

бопытствомъ. Приходилось ли вамъ когда либо, послѣ долгой разлуки, гдѣ нибудь на перепутьѣ, въ чужой новой обстановкѣ, увидѣть вдругъ старое, давно знакомое, милое и даже, можетъ быть, родное лицо. Безучастно смотритъ оно уже поблекшимъ взглядомъ вокругъ, не видитъ и не замѣчаетъ васъ, а у васъ въ душѣ въ то время, мгновенно и мимолетно, встаютъ, какъ живыя, умершія тѣни прошлаго. Такъ, на первой полѣсской станціи, внезапно мелькнула передо мной и на мигъ ожила тѣнь старой Россіи. Я увидѣлъ ея забытое и знакомое лицо, —не знаю, въ чемъ увидѣлъ, въ краюхѣ ли чернаго хлѣба, продаваемаго бабой на платформѣ, въ старомъ ли станціонномъ служителѣ, въ погонахъ ли и желтомъ околышѣ какого то кавалерійскаго ротмистра, проходившаго по перрону, или же просто въ отсутствіи сѣраго и въ своеобразномъ порядкѣ общей жизни. Но только на одинъ мигъ показалось мнѣ, что это старая Русь. Два-три мгновенія — и увидѣлъ я другой складъ лица, новыя измѣнившіеся не къ лучшему черты. Какая то тихая задумчивая грусть, какой то мертвенный отблескъ лежалъ на всемъ. Казалось, то сѣрое и сюда успѣло набросить свою тѣнь, — на все, и на лица людей, и на околышъ кавалерійскаго ротмистра, и на красненькое зданіе станціи. И только ярко блестѣлъ надъ всѣмъ нѣмецкій караульный штыкъ.

На слѣдующій день утромъ мы прибыли въ Минскъ. Городъ имѣлъ видъ нѣсколько запустѣлый и обнищавшій, но до роскоши богатый по сравненію съ совдепскими городами. Базаръ и лавки были полны провизіей. Въ парикмахерской меня полили одеколономъ, въ ресторанѣ угостили водкой, борщемъ и разными другими пріятными некоммунистическому желудку кушаньями. Во время обѣда я обнаруживалъ, повидимому, необычный аппетитъ, такъ какъ я замѣтилъ, что многіе не меня смотрятъ не безъ удивленія. Хозяинъ подошелъ ко мнѣ изъ за стойки и спросилъ, не изъ Россіи ли я? Видно было, что Россія отсюда лежитъ такъ же далеко, какъ и Америка. Я сталъ разсказывать о Москвѣ; собралась группа людей, съ удивленіемъ слушавшая, что въ Москвѣ можно обѣдать только въ общественной столовой, что конина тамъ обычное, занесенное въ карточку блюдо, что хлѣба такого мы уже давно не видали. Путешественникъ изъ Москвы былъ въ Минскѣ въ то время большой рѣдкостью, и разсказы мои слушались съ глубокимъ интересомъ. Я въ свою очередь спрашивалъ моихъ собесѣдниковъ о жизни въ Минскѣ, о германской оккупаціи и о германскихъ порядкахъ. Жалобъ я отъ нихъ не слышалъ, но они открыто высказывали боязнь, что скоро это можетъ кончиться и нѣмцы могутъ уйти.

Изъ Минска сообщеніе на Германію было тогда не черезъ Варшаву, а черезъ Ковно и Вержболово. Шелъ маленькій поѣздъ изъ трехъ вагоновъ, въ которыхъ почти не было пассажировъ. Нѣмцы не слишкомъ поощряли въ этихъ мѣстахъ свободное передвиженіе населенія. Въ вагонѣ оказались тѣ же нѣмецкіе офицеры—помѣщикъ застрялъ въ Минскѣ—и еще два новыхъ попутчика. Они ѣхали съ нами изъ Москвы въ другой части нашего стараго вагона. Это были настоящіе курьеры съ визами. Одинъ изъ нихъ товарищъ К...ій, конечно псевдонимъ, другой. совсѣмъ мальчикъ лѣтъ 18, полякъ изъ Лодзи, соціалистъ-интернаціоналистъ, какъ онъ себя величалъ. Они уже не первый разъ совершали этотъ путь и совершенно откровенно разсказывали о своихъ визитахъ минскимъ коммунистамъ и объ агитаціонныхъ цѣляхъ, которые они выполняютъ во время своихъ курьерскихъ миссій. Младшій долженъ былъ на обратномъ пути посѣтить Лодзь для связи съ польскими коммунистами. Онъ выражалъ надежду, что скоро польскій пролетаріатъ возстанетъ и сброситъ германское иго. Я не знаю, понималъ ли кто нибудь изъ нѣмецкихъ нашихъ спутниковъ по русски, но все это разсказывалось при нихъ вслухъ, безъ всякой предосторожности. Неужели нѣмцы это могутъ терпѣть? — думалъ я. Я получилъ твердое убѣжденіе, что все разсказанное было не мальчишеская болтовня, а дѣйствительные пріемы большевистской пропаганды. Причемъ германскія власти, какъ я убѣдился, впослѣдствіи съ полнѣйшимъ признаніемъ и по всѣмъ правиламъ международной вѣжливости обхо-

дились съ этими курьерами. При этихъ условіяхъ, вооружившись курьерскими документами, можно было натворить не мало дѣлъ.

Товарищъ К...ій съ нѣсколько смѣшной важностью поддерживалъ престижъ совѣтскаго курьера. Вообще онъ былъ обольщенъ ореоломъ совѣтской власти. На одной изъ станціи мы купили приложенія къ нѣмецкимъ газетамъ съ рисунками. Тамъ былъ изображенъ посолъ Іоффе въ цилиндрѣ съ зонтикомъ, стоящій рядомъ съ автомобилемъ. Товарищъ К...ій пришелъ, помню, по этому поводу въ полный восторгъ.

«Смотрите», — говорилъ онъ, «какого мы назначили?.. Ну развѣ не представительный? Какъ же вы находите? Въ такой дѣятельности нужна представительность...»

Выѣхавъ изъ Минска на Молодечно мы постепенно стали приближаться къ линіи прежняго германскаго фронта. Все чаще стали попадаться еще не возстановленные слѣды военныхъ разрушеній, — разваленные и сгорѣвшіе дома, станціи, пробитыя снарядами, тянувшіяся лентами проволочныя загражденія и зіяющія щели окоповъ. Лѣса были мѣстами срублены и деревья валялись, то кучами, то по одиночкѣ. Мѣстами стояли кресты на земляныхъ могилахъ — безвѣстные памятники безвѣстныхъ бойцовъ. Мы въѣзжали въ нѣмецкую оккупаціонную зону въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — въ области, которые должны были отойти отъ Россіи по Брестскому договору. Страна стала походить на военный лагерь. Гражданское населеніе исчезло съ видимаго изъ вагона горизонта.

При отъѣздѣ изъ Минска я не запасся провизіей, расчитывая на нормальныя условія старыхъ путешествій. Я поплатился за эту непредусмотрительность, такъ какъ отъ Минска до Берлина я не видѣлъ ни одной желѣзно-дорожной станціи, на которой можно было бы получить что либо съѣстное за исключеніемъ отвратительной коричневой жидкости, именуемой кофе. Съ въѣздомъ въ эти земли исчезло съ видимымъ гражданскимъ населеніемъ и сравнительное изобиліе матеріальныхъ благъ, которое наблюдалось отъ Минска до Орши. Старый Вержболовскій вокзалъ, блиставшій ранѣе своимъ буфетомъ, оказался полуразрушеннымъ. Таможенный и полицейскій осмотръ происходилъ въ сколоченномъ изъ досокъ баракѣ, пристроенномъ къ одной изъ внутреннихъ стѣнъ лишеннаго крыши стараго вокзальнаго зданія. Съ Вержболова поѣздъ пошелъ не на Кенигсбергъ, а на старую Александровскую границу. Мы опять ѣхали по линіи старыхъ жестокихъ боевъ на восточно-прусской границѣ. Но здѣсь слѣды войны уже почти исчезли. Кое гдѣ виднѣлись остатки прежнихъ окоповъ и проволочныхъ загражденій. Земля была воздѣлана, какъ раньше, на поляхъ зрѣлъ хлѣбъ. Всего болѣе поражалъ видъ новизны сельскихъ построекъ, сдѣланныхъ, видно, по одному архитектурному плану и напоминающихъ образцовые домики на выставкахъ.

То зрѣлище большого военнаго лагеря, которое поразило меня уже въ области нѣмецкой оккупаціи, еще болѣе оформилось при въѣздѣ въ подлинно германскія владѣнія. Поѣздъ шелъ черезъ столь знакомыя по прежнимъ путешествіямъ города—Торнъ, Бромбергъ, Франкфуртъ на Одерѣ, гдѣ, бывало, схватывались первыя нѣмецкія впечатлѣнія. Сейчасъ здѣсь все было до крайности милитаризовано. Встрѣчные поѣзда были наполнены одними военными. Военное одѣяніе преобладало и на станціяхъ. Только женщины и дѣти, провожавшія наряженныхъ въ каски и вооруженныхъ съ ногъ до головы людей, вносили нѣкоторое разнообразіе въ нѣмецкій «униформъ». И сколько траурныхъ одѣяній мелькало въ этой толпѣ, въ которой много было плачущихъ лицъ? Сколько было убитыхъ отцовъ, мужей и братьевъ? Военные поѣзда грузились и двигались на Западъ, въ царство смерти. Другіе, встрѣчные везли людей на востокъ, на Украинскіе хлѣба.

Мы двигались томительно долго. Только черезъ сутки послѣ выѣзда изъ Минска начали мелькать передъ нами берлинскія предмѣстья — большіе пятиэтажные дома, стоящіе посреди полей и огородовъ, чахлый лѣсъ, карликовые участки, застроенные шалашами, въ которыхъ ютятся лѣтомъ семьи рабочихъ и

ремесленниковъ. Надъ горизонтомъ протянулась полоса чернаго дыма, висящаго надъ столицей. Вотъ и Берлинъ, вотъ первыя городскія остановки. Здѣсь, по среди городской толпы, было болѣе не одѣтыхъ въ форму, приватныхъ лицъ. «Униформъ» уже наблюдался въ состояніи болѣе разжиженномъ. Пахнуло старымъ Берлиномъ въ вечерній его часъ, когда запираются магазины и многоголовая толпа бѣжитъ на станціи городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Толпа эта, какъ и въ старину, наполняла тротуары, но новымъ казалось одно — полнѣйшее отсутствіе экипажей на мостовыхъ. Вмѣсто безчисленныхъ автомобилей и извозчиковъ зіяла пустота дѣвственно вымытаго и вылощеннаго асфальта. Меня это удивило, такъ какъ я не зналъ, что въ Германіи въ то время уже почти вышли всѣ резиновыя шины и всѣ лошади.

Вокзалъ Фридрихштрассе былъ разваленъ и недостроенъ. Прежде всего бросалось въ глаза отсутствіе той чистоты, которая прежде составляла отличительную черту Берлина. Я назвалъ съ трудомъ отысканному носильщику близъ лежащій отель и съ волненіемъ вышелъ съ перрона. Все та же давно знакомая площадь, та же берлинская толпа. Порталъ отеля поразилъ меня блескомъ электрическихъ лампъ, чистотой одежды и непривычной роскошью. Удивительно было это первое впечатлѣніе возврата въ прежнія условія жизни отъ нищеты и убожества Совѣтской Россіи. Россія и раньше казалась бѣдной передъ западомъ, но теперь ощущеніе этой бѣдности было еще сильнѣе. А это былъ Берлинъ въ послѣдніе мѣсяцы войны, — тотъ Берлинъ, который такими мрачными чертами описывалъ Келлерманъ въ своемъ романѣ «9-ое ноября». Да, иностранцы даже и понятія не имѣли о степени того мрачнаго разрушенія, которое произвела у насъ революція.

Памятны мнѣ эти первыя впечатлѣнія берлинской жизни. Мнѣ дали прекрасную комнату съ чистымъ бѣльемъ и ванной. Горничная и коррилорный не звали «товарищемъ» и не обнаруживали никакъ чертъ нашего совѣтскаго «демократизма». Сначала меня тревожило одно — это необходимая явка въ полицію. Послѣ многочисленныхъ опытовъ хожденія по совѣтскимъ учрежденіямъ, я получилъ непобѣдимое отвращеніе ко всякаго рода администраціи. Черту эту я замѣтилъ не только у себя, но и у всѣхъ позднѣе прибывавшихъ изъ Совдепіи. Они ходили прописываться въ участокъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ, вѣроятно, ходятъ въ чрезвычайку. Признаться, и я былъ тогда въ подобномъ настроеніи. Однако, я былъ принятъ въ участкѣ чрезвычайно вѣжливо. У меня тогда уже мелькнула мысль, что нѣмцы стали, что называется, шелковыми, — мысль, въ справедливости которой мнѣ не разъ впослѣдствіи пришлось убѣдиться. Съ легкой душой возвращался я изъ полиціи въ отель, обурѣваемый однимъ желаніемъ — утолить свой невѣроятный голодъ. Я не ѣлъ приблизительно съ Минска. Ресторанный залъ отеля былъ полонъ гостями. Столы блистали бѣлыми скатертями, —правда, какъ я замѣтилъ, сдѣланными изъ японской бумаги. Я съ нетерпѣніемъ попросилъ карточку кушаній и сразу нѣсколько охладѣлъ. Супъ - зачеркнутъ, рыба — зачеркнута, закуски — зачеркнуты, овощи — зачеркнуты. Вообще все зачеркнуто, кромѣ одного блюда, именуемаго Lammbraten. Я заказалъ это самое блюдо.

«Есть у васъ карточки на хлѣбъ и картофель?» — спрашиваетъ кельнеръ. —«Нѣтъ!»—«Тогда вы не можете получить хлѣба и картофеля». —

Начались продолжительныя выясненія этого вопроса, въ результатѣ которыхъ мнѣ согласились подать впредь до полученія карточекъ только одного картофеля.

Послѣ нѣкотораго ожиданія на столѣ у меня появляется, наконецъ, Lamm съ двумя кусочками картофеля. Съ нетерпѣніемъ и жадностью набрасываюсь я на первый кусокъ, — но, о ужасъ, — Lamm оказался старымъ вонючимъ козломъ. Мясо было столь отвратительно, что я не могъ доѣсть его, несмотря на весь

мой голодъ. Я всталъ изъ за стола злой и голодный отправился гулять на Фридрихштрассе.

Она была еще по прежнему блистательно освѣщена. Въ кафэ «Викторія» были выставлены обольстительные торты съ какимъ то фантастическимъ розовымъ кремомъ. «Вотъ, что, наконецъ, я съѣмъ», — рѣшилъ я и зашелъ въ кафэ.

Мнѣ подали чашку черной жидкости — ее, говорятъ, дѣлали изъ жженыхъ конскихъ каштановъ. «Вы можете получить только одинъ кусокъ торта», — заявилъ мнѣ кельнеръ. — «Два запрещено». Я получилъ одинъ тортъ. Изъ бутылочки бѣлой жидкости по примѣру сосѣда я покапалъ въ чашку — получилось нѣчто сахаристо сладкое. Я предвкушалъ голодными совдепскими глазами мой тортъ. Но торту суждено было привести меня уже въ веселое настроеніе. Я не могъ подозрѣвать, чтобы серьезно можно было изощряться въ такомъ надувательствѣ: кремъ былъ сдѣланъ изъ какой то мыльной пѣны, а бисквитъ — я не знаю изъ чего — изъ толченой соломы или изъ торфа. «Ну, пожалуй, такъ войны не выиграешь», — подумалъ я.

На слѣдующее утро я получилъ въ конторѣ отеля продовольственныя карточки для путешествующихъ — срокомъ на одну недѣлю — на хлѣбъ, картофель и мясо. Мнѣ дали денную порцію хлѣба, которую я всю съѣлъ тотчасъ же утромъ. Хлѣбъ былъ пріятный на видъ, но совершенно безсодержательный въ смыслѣ насыщенія. Мнѣ казалось, все равно съѣсть его или соотвѣтствующее количество бумаги. Я въ два дня съѣлъ всю мою недѣльную порцію мяса. Мало мальски сносная порція въ ресторанѣ требовала половиннаго количества недѣльныхъ мясныхъ марокъ. Къ тому же мясо, подаваемое въ ресторанѣ, было настолько вываренным и лишеннымъ всѣхъ питательныхъ свойствъ, что оно совершенно не насыщало. Сахаръ отсутствовалъ въ пищѣ. Въ кафэ можно было получать то, что называлось мармеладомъ, но этотъ продуктъ обладалъ характеромъ какого то свекловичнаго тѣста. Потомъ я прочелъ въ газетахъ, что въ Германіи были десятки судебныхъ процесссовъ, на которыхъ фигурировали производители мармеладовъ. На одномъ изъ нихъ прокуроръ сказалъ, что производимый фабрикатъ „sogar für die Pferde schädlich"...

Для меня стало совершенно яснымъ, что продовольственныя условія въ Совѣтской Россіи были не хуже, если даже не лучше, чѣмъ въ Германіи. Только у насъ не было никакой организаціи, а здѣсь все дѣло было въ организаціи. Однако, скоро и организація эта представилась уже не такой совершенной. Дней черезъ пять, растративъ, какъ блудный сынъ, всѣ свои продовольственные запасы, я впалъ въ состояніе полнаго угнетенія, изъ котораго былъ выведенъ однимъ встрѣтившимся стариннымъ пріятелемъ, посовѣтовавшимъ мнѣ переѣхать къ нему въ пансіонъ. Въ пансіонѣ этомъ я платилъ 12 марокъ въ день и получалъ также довольно ограниченное и достаточно фальсифицированное питаніе. Однако, я уже въ первый день замѣтилъ, что каждый жилецъ, кромѣ хозяйской пищи, имѣетъ еще свой приватный подкормъ. Вскорѣ научили, какъ это дѣлается. Я далъ сто марокъ почтальону и черезъ два дня получилъ изъ Бранденбурга по почтѣ пакетъ съ масломъ. По спекулятивнымъ цѣнамъ и обходными путями можно было достать все. Германія оказывается жила двойной жизнью, — одна была тощая жизнь военнаго соціализма, другая сытая жизнь спекуляціи. Черезъ недѣлю — другую я былъ уже своимъ человѣкомъ въ Берлинѣ. Я зналъ, въ какой ресторанъ нужно зайти и за какой столъ сѣсть, чтобы въ любое время, безъ всякихъ карточекъ, съѣсть сколько угодно мяса и хлѣба. Война и военный соціализмъ разложили основанный на принципахъ средней протестантской честности экономическій бытъ Германіи. Обходъ закона и тайная торговля стали обычными явленіями.

Съ жадностью набросился я въ Берлинѣ на газеты. Періодическая печать въ Германіи во время войны была введена въ рамки строгой цензуры и всѣ газеты стали почти оффиціальными. Оттого по германскимъ газетамъ нельзя бы-

ло получить безпристрастнаго представленія о соотношеніяхъ силъ въ европейской войнѣ. Однако, къ чести нѣмцевъ нужно сказать, въ Берлинѣ совершенно свободно продавались почти всѣ иностранныя — и французскія, и англійскія, и итальянскія газеты, — за исключеніемъ небольшого количества спеціально германофобскихъ изданій, ввозъ которыхъ былъ запрещенъ въ Германію. Понятно, что чтеніе газетъ этихъ было для меня настоящимъ откровеніемъ. И уже черезъ нѣсколько дней мнѣ изъ чтенія этого сталъ яснымъ отвѣтъ на основной волновавшій меня тогда вопросъ — вопросъ объ исходѣ міровой войны. Какая разница настроеній и чувствованій ощущалась при чтеніи германской періодической прессы и газетъ Антанты. Здѣсь, въ Германіи — отсутствіе всякаго энтузіазма, суровая подавленность, оффиціальная и лапидарно выраженная ложь объ успѣхахъ, ослабленная постоянными напоминаніями о серьезности современнаго положенія, о продовольственной нуждѣ, о разныхъ неустройствахъ и бѣдствіяхъ. Тамъ — твердая увѣренность людей, которые знаютъ, что дѣло трудно, но что во всякомъ случаѣ они его окончатъ съ успѣхомъ, несмотря на всѣ неудачи. Сила Антанты опредѣлялась не официальными донесеніями о нерѣдко неуспѣшныхъ дѣйствіяхъ на фронтѣ, а общимъ тонусомъ жизни и чувствованій народовъ, ее составляющихъ. Каждая страница французскихъ или англійскихъ газетъ, начиная съ передовиковъ и кончая публикаціями, свидѣтельствовала о томъ, что, несмотря на величайшія потрясенія, Антанта живетъ еще нормальной жизнью; а, главное, увеличиваетъ съ каждымъ днемъ свою военную мощь. Германія же разрушалась и доѣдала послѣднія крохи своей картошки. Когда человѣкъ твердитъ, что онъ еще богатъ и можетъ жить, вы подозрѣваете, что у него уже ничего нѣтъ. Богатый просто ведетъ соотвѣтствующій образъ жизни. Такъ вела, судя по газетамъ, свою жизнь Антанта. Германія же тщетно хотѣла прикрыть свои неизлѣчимыя раны.

Но были и другія, нерѣдко тонкія и неуловимыя, черты, изъ которыхъ мнѣ уже въ теченіе первыхъ недѣль моего пребыванія въ Берлинѣ почувствовалось, что нѣмцы побѣдить не могутъ. Помню, я сидѣлъ однажды въ маленькомъ, обсаженномъ каштанами скверѣ, которыхъ много въ западной части города. На лавочку ко мнѣ подсѣлъ солдатъ съ женой и съ ребенкомъ. «Знаешь, мы воюемъ только до новаго года», — сказалъ онъ женѣ. — «А потомъ бросимъ винтовки и идемъ домой...»

— Что ты говоришь? — съ испугомъ отвѣтила жена. — Вѣдь это преступленіе...

— Преступленіе... А кто же насъ будетъ наказывать, когда мы всѣ до одного откажемся воевать?..

Какъ знакомы были мнѣ эти разговоры, которыхъ мы достаточно наслушались въ Россіи? И это былъ не единственный случай. Мнѣ часто приходилось ѣздить въ трамваѣ, который идетъ изъ фабричнаго района Шпандау и въ которомъ всегда ѣхало много рабочихъ и бабъ. Разговоры ихъ были чисто россійскіе — изъ эпохи Временнаго Правительства. «Довольно, молъ, попили нашей кровушки и скоро придетъ время, когда мы будемъ жить вотъ въ этихъ квартирахъ и домахъ». Я подѣлился моими впечатлѣніями съ однимъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, съ которымъ обѣдалъ въ пансіонѣ. Онъ сталъ увѣрять меня, что эти уличные горланы на самомъ дѣлѣ самые отъявленные патріоты. Въ пансіонѣ я наблюдалъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ съ западнаго фронта. Всѣ они имѣли совершенно больной и нервно истрепанный видъ. Они въ одинъ голосъ говорили, что Антанта задавила Германію своей техникой. — «Это не война! Можно храбро воевать съ врагомъ, но нельзя воевать съ желѣзной машиной. Противъ нея не хватаетъ ни нервовъ, ни физическихъ силъ». Они открыто признавали, что въ настоящій моментъ вопросъ побѣды зависитъ исключительно отъ превосходства техники, но въ этомъ отношеніи Германія, конечно, не можетъ конкурировать съ Антантой и, въ частности, съ Америкой. Вообще говоря, въ Германіи въ то время никто серьезно не вѣрилъ въ побѣду. Говорилось только о болѣе или

менѣе благопріятномъ окончаніи войны. Расчитывали, что Антанта устанетъ, что союзниками разссорятся, что падутъ Клемансо и Ллойдъ Джорджъ—люди, съ которыми не могла вести переговоры Германія. При своей внѣшней сдержанности нѣмцы, конечно, никогда не упоминали о томъ, что всѣ эти расчеты могутъ и не сбыться и что придется испытать прямое военное пораженіе. Эта возможность всегда обходилась въ разговорахъ и замалчивалась, однако, несомнѣнно болѣе дальновидные люди не считали и ее исключенной. Но вотъ, что я рѣшаюсь категорически утверждать и что чрезвычайно меня поражало: даже весьма проницательные люди въ Германіи совершенно искренне, по моему мнѣнію, не учитывали всѣхъ послѣдствій этого возможнаго пораженія и его неизбѣжно трагическаго конца. Русскій опытъ не далъ никакихъ уроковъ Германіи. Что въ Германіи возможна исторія, подобная русской—эта мысль еще въ сентябрѣ 1918 года казалась нѣмцамъ просто невѣроятной и смѣшной.

Вообще говоря, я скоро замѣтилъ, что самое обсужденіе вопроса о германской побѣдѣ въ предѣлахъ Германіи казалось невозможнымъ. А вмѣстѣ съ этимъ отпалъ вопросъ и о германской оріентаціи въ Россіи — вопросъ, который такъ много волновалъ меня въ Москвѣ. Планъ этой оріентаціи отсюда казался плодомъ полнаго незнакомства съ западно-европейскимъ военнымъ и политическимъ положеніемъ — незнакомства, позволительнаго для обывателя, но совершенно недопустимаго для политика-профессіонала. Нужно было обладать значительной долей политическаго легкомыслія, чтобы сколько нибудь серьезно расчитывать на выполненіе этого плана и съ нимъ связывать будущія судьбы Россіи.

Впечатлѣнія, вынесенныя мною въ Германіи, менѣе всего располагали къ тому, чтобы въ ней длительно оставаться. Мнѣ ясно было, что ставка на Германію бита и ни съ какой стороны Германія не можетъ быть базой для борьбы съ большевизмомъ. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе въ душѣ моей начали расти надежды на Антанту. «Антанта побѣдитъ», — думалъ я, — «и тогда первый ея шагъ будетъ направленъ въ сторону Россіи на позорныхъ измѣнниковъ общему дѣлу, на создателей Брестскаго мира». Вообще, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы по окончаніи войны Европа могла терпѣть большевиковъ. Я такъ и прорицалъ тогда: «конецъ войны будетъ концомъ большевизма». Мнѣ думалось только, что въ русскихъ интересахъ полезно, чтобы большевизмъ былъ свергнутъ не только иностранными, но и русскими руками. Потому дѣло организацій Бѣлыхъ Армій, къ которымъ, безъ сомнѣнія, должна придти помощь Антанты, казалось мнѣ тогда самымъ нужнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ.

Почему то особыя надежды возлагались мною въ то время на Англію. Англійская авантюра въ Архангельскѣ началась еще до моего отъѣзда изъ Москвы и ей то я придавалъ тогда наиболѣе важное значеніе. Я привыкъ думать, что англійскій бульдогъ обладаетъ мертвой хваткой. Да и кто могъ бы тогда предположить, что Британская хватка обломаетъ зубы о русскую кость, какъ она обломала ихъ въ Архангельскѣ и на Югѣ Россіи. Въ силу всего этого вниманіе мое, понятно, было направлено болѣе всего на Сѣверъ Россіи, куда по моимъ тогдашнимъ представленіямъ всего цѣлесообразнѣе было бы выбраться. Я началъ производить развѣдку въ этомъ направленіи, но натолкнулся на непреодолимыя трудности. Изъ Германіи, да и еще русскому, было почти что невозможно выѣхать въ страны Антанты. Можно было еще получить съ большими затрудненіями визу въ сѣверныя нейтральныя страны, но безъ всякаго ручательства оттуда куда нибудь выбраться. Денегъ у меня было не очень густо, и я не могъ пускаться на очень рискованныя аванютры.

Не видя свободнаго пути на сѣверъ, я сталъ думать о югѣ. Игра въ гетманщину была въ моихъ глазахъ проиграна, но тѣмъ болѣе привлекали меня другія южныя движенія, о размѣрахъ и успѣхахъ которыхъ я здѣсь мало зналъ. Тамъ была Корниловская Армія, была какая то Южная Армія, былъ Независимый

Крымъ. Я былъ убѣжденъ, что какъ только рухнетъ нѣмецкній фронтъ, всѣ эти южные опыты получатъ мощную поддержку съ Балканъ и изъ Константинополя. И я началъ пытаться выѣхать на Югъ Россіи.

Долженъ сказать, что послѣ двухъ трехъ-недѣль жизни въ Берлинѣ, я безконечно стосковался о Россіи, какъ тоскуютъ о несчастномъ больномъ, родномъ человѣкѣ. Тянуло меня назадъ въ Россію страшно, хотя я и не могъ безъ отвращенія вспомнить о Москвѣ. Но вернуться въ южную Россію было не такъ то легко.

Первымъ дѣломъ я пошелъ къ здѣшнему Украинскому представителю. Меня приняли очень любезно, но очень подозрительно отнеслись къ моему большевистскому паспорту, и сказали, что запросятъ Кіевъ. Потомъ я узналъ, что въ вопросахъ выѣзда украинцы были совершенно безсильны и все зависѣло отъ нѣмецкихъ оккупаціонныхъ властей. Для ускоренія дѣла я послалъ телеграмму И. А. Кистяковскому. Время шло, но не было ни отвѣта, ни визы. Тогда я началъ хлопотать черезъ нѣмцевъ, но оказалось, что и этотъ путь дологъ. Нужно было разрѣшеніе изъ Штаба оккупаціонныхъ войскъ въ Ковно, разрѣшеніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и т. д. Такъ въ безплодныхъ ожиданіяхъ протянулось нѣсколько недѣль. Я сталъ терять всякую надежду и отчаивался. Передо мной предсталъ тогда новый планъ: получить право выѣзда обратно въ Москву, доѣхать до Минска, сжечь свой большевистскій паспортъ и попытаться проникнуть изъ Минска на Украину. Для этого нужно было идти въ Русское Совѣтское Представительство на Унтеръ денъ Линденъ. Тамъ я не встрѣтилъ никакихъ формальныхъ препятствій, т. к. паспортъ мой былъ въ полномъ порядкѣ. Въ нѣсколько дней я получилъ обратную визу въ Москву и уже назначилъ день отъѣзда. Но вдругъ неожиданно пришла для меня кіевская виза.

Помню, это былъ одинъ изъ счастливыхъ дней моей жизни. Мнѣ казалось, что сама судьба помогаетъ мнѣ выѣхать на Югъ и осуществить мои планы. Въ туманный октябрьскій вечеръ стоялъ я на вокзалѣ Зоологическаго Сада и прощался съ Берлиномъ. Было немного грустно, какъ и всегда передъ отъѣздомъ, но въ то же время и весело; впереди была новая жизнь, впереди было будущее...

Первыя внѣшнія впечатлѣнія отъ Украйны были благопріятнѣе тѣхъ прогнозовъ о ея будущемъ, которыя мнѣ казались тогда вѣроятными. Долженъ подчеркнуть, что изъ всѣхъ видѣнныхъ мною «бѣлогвардейскихъ» политическихъ образованій гетманщина была несомнѣнно самымъ блестящимъ и самымъ процвѣтающимъ. Всѣ они жили въ концѣ концовъ за счетъ прошлыхъ богатствъ Россійской Имперіи — и, разумѣется, богатствъ этихъ въ 1918 году въ Кіевѣ было болѣе, чѣмъ позднѣе въ Екатеринодарѣ и въ Ростовѣ или, наконецъ, въ Крыму у Врангеля. Гетманъ ни съ кѣмъ не велъ войны. Еще неразложившаяся дисциплинированная чужая военная сила обезпечивала здѣсь внѣшнюю безопасность и поддерживала внутренній порядокъ. Такимъ образомъ правительство гетмана въ значительной степени было освобождено отъ труднѣйшихъ въ революціонную эпоху заботъ — отъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей арміи и полиціи. Поѣзда ходили почти какъ и въ царское время. Карбованецъ не летѣлъ внизъ какъ летѣли деникинскіе «колокольчики». Кіевъ ломился отъ бѣлаго хлѣба, арбузовъ и сахара. Повышеніе цѣнъ не производило впечатлѣнія катастрофы. Дѣлались громадныя дѣла, создавались предпріятія и строились планы. «Можно работать», — говорили дѣльцы и спекулянты. И бѣглый, и мѣстный «буржуй» чувствовали себя здѣсь въ своей стихіи. Въ ресторанахъ лилось вино, кафэ были полны съ утра и до вечера, пестрая толпа покрывала широкіе тротуары Крещатика. Глубоко и невидимо притаились гдѣ-то тѣ страшныя разлагающія силы, которыя каждый мигъ могли снести все это феерическое зданіе, всю эту легко налаженную государственную оперетку съ собственнымъ языкомъ, съ собственнымъ бутафорскимъ войскомъ, одѣтымъ подъ Тараса Бульбу, съ бывшей имперской бюрократіей наверху правительственнаго аппарата, заговорившей по украински для того,

чтобы свалить большевиковъ. Все это было недурно задумано,—но, увы, ошибочна была основная предпосылка — ставка на нѣмцевъ. Удайся эта ставка, кто знаетъ, можетъ быть, и русская исторія пошла бы иначе. Однако, она не удалась и не могла удаться.

Первый визитъ мой въ Кіевѣ былъ къ покойному Б. А. Кистяковскому. Покойный Богданъ Александровичъ былъ всегда искреннимъ германофиломъ и не менѣе искреннимъ украинцемъ. Въ эпоху войны въ Москвѣ это отдѣлило его отъ московскаго интеллигентнаго общества, проникнутаго анти-германскимъ духомъ. Революція не способствовала ихъ сближенію, такъ какъ теоретически исповѣдуемый имъ федерализмъ практически соединенъ былъ съ отрицаніемъ права великоруссовъ на гегемонію въ Россіи. Какъ человѣкъ съ богато выраженной индивидуальностью Б. А. очень оригинально соединялъ свое природное украинофильство съ глубоко продуманнымъ и прочувствованнымъ монархизмомъ. Даже въ первые дни паденія у насъ монархіи, когда всѣ сдѣлались республиканцами, когда защищать монархію казалось просто безуміемъ, онъ открыто и горячо отстаивалъ свой взглядъ, что монархія есть единственно возможная для насъ форма политическаго устройства. Всѣ эти обстоятельства создавали для него на Украинѣ такую политическую обстановку, которая, казалась, какъ бы спеціально ему приготовлена. Здѣсь были и нѣмцы, и самостійность, и даже видимость монархическаго принципа, воплощеннаго въ лицѣ гетмана. Въ такомъ окруженіи Богданъ Александровичъ былъ какъ бы въ своей стихіи, и жилъ въ полнотѣ надеждъ и вѣры въ свою Украину. Я былъ для него худымъ гостемъ, такъ какъ первый, кажется, принесъ съ собой воздухъ сомнѣнія.

Первый вопросъ естественно былъ о томъ, что въ Германіи и какой можетъ быть исходъ войны. Я началъ освѣщать вопросъ прямо, безъ обиняковъ, какъ я его тогда понималъ. «Нѣмцы кончены»,—говорилъ я,—«къ новому году они лопнутъ». Я привелъ Богдана Александровича буквально въ ярость, какъ можно привести въ ярость человѣка, которому твердятъ, что бѣлое есть черное. Онъ счелъ всѣ мои сужденія за фантазію, внушенную неумѣньемъ разбираться въ фактахъ и создавшуюся подъ вліяніемъ пристрастнаго отношенія къ Германіи. Ясно было, что всѣ мои германскія впечатлѣнія, какъ бы задѣвали его лично и были противъ него направлены. Я понялъ тогда, что онъ живетъ въ полномъ блаженномъ невѣдѣніи происходящихъ въ мірѣ событій.

И такъ жилъ въ Кіевѣ не онъ одинъ, такъ жили всѣ. Я первый привезъ многочисленнымъ встрѣченнымъ мною здѣсь московскимъ и петербургскимъ бѣглымъ «буржуямъ» это тревожное извѣстіе о возможномъ крушеніи нѣмцевъ и о ненадежности германской оріентаціи, — извѣстіе, которое всѣ встрѣчали съ удивленіемъ, — или сердито, или добродушно, смотря по оріентаціи. Кіевъ жилъ еще въ полной увѣренности въ силу Германіи, на которую опирался весь украинскій политическій порядокъ. И это было въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца 1918 года, то есть недѣли за три до пораженія Германіи и до германской революціи...

Я смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на временный промежуточный пунктъ моихъ странствій. Взоры мои были направлены на югъ Россіи, но и отсюда, изъ Кіева, для меня не стало яснымъ, что происходитъ тамъ и гдѣ можно найти наиболѣе надежную точку южно-русскихъ противобольшевистскихъ силъ. Южная армія, повидимому, была блефомъ. Трудно было понять, что происходитъ на Дону и способно ли Донское Казачество оказать сопротивленіе большевикамъ въ случаѣ ухода нѣмцевъ. Повидимому, всего серьезнѣе организація противобольшевистскихъ силъ происходила на Кубани. Однако, въ тѣ дни Добровольческая Армія подвергалась натиску большевиковъ и терпѣла частыя неудачи. На такомъ положеніи трудно было выработать дальнѣйшій планъ дѣйствій. На помощь мнѣ пришелъ случай, помогшій мнѣ избрать ту часть нашихъ южныхъ земель, находившихся въ сферѣ вліянія всѣхъ этихъ силъ, которая могла служить хотя бы

временно хорошимъ мѣстомъ осѣдлости. Случай привелъ меня изъ Кіева в Крымъ.

Въ то время Кіевскій Университетъ организовалъ въ Симферополѣ свое отдѣленіе подъ наименованіемъ Таврическаго Университета. Кафедра государственнаго права была тамъ свободна, и я выставилъ на нее свою кандидатуру. Я былъ избранъ на эту кафедру юридическимъ факультетомъ Университета Св. Владиміра. Оставались еще выборы въ Совѣтѣ. День засѣданія Совѣта былъ уже назначенъ, но выборы мои внезапно не состоялись, т. к. въ день выборовъ получено было изъ Крыма извѣщеніе, что Таврическій Университетъ отложился отъ Кіевскаго и объявилъ себя самостоятельнымъ. Вслѣдствіе этого Совѣтъ Кіевскаго Университета не счелъ возможнымъ меня выбирать и я попалъ въ довольно необычное и трудное положеніе. Затруднительность положенія особенно обусловливалась тѣмъ, что кіевляне обижались на меня, когда я хотѣлъ непосредственно обратиться въ Симферополь, а не обращаясь туда, я рисковалъ потерять кафедру. Наконецъ, не безъ долгихъ колебаній я рѣшилъ принести въ жертву кіевлянъ. Я послалъ подробную телеграмму въ Симферополь и черезъ нѣсколько дней получилъ извѣщеніе, что избранъ профессоромъ Таврическаго Университета.

Порядокъ этого избранія вѣроятно не имѣетъ прецедентовъ въ нормальной университетской практикѣ.

Отъ Кіева до Харькова ходилъ еще курьерскій поѣздъ и я совершилъ этотъ переѣздъ въ международномъ спальномъ вагонѣ со всѣми удобствами мирнаго времени. Но отъ Харькова въ Крымъ передвиженіе было болѣе затруднительнымъ и неудобнымъ. Харьковскій вокзалъ представлялъ собою зрѣлище нашихъ вокзаловъ революціоннаго времени, и пришлось буквально рисковать жизнью, чтобы добраться черезъ наполненные разнузданной толпой перроны къ Севастопольскому поѣзду. Однако, вагонъ 1-го класса охранялся какими то часовыми и въ него пускали только билетныхъ пассажировъ. Вагонъ оказался пустымъ. Подошедшій послѣ меня единственный попутчикъ помѣстился въ моемъ купэ, говоря, что такъ будетъ безопаснѣе и пріятнѣе ѣхать, такъ какъ по дорогѣ ненадежно. Онъ разсказывалъ мнѣ про разные ужасы, которые происходили со многими проѣзжими въ Крымъ, въ районѣ Мелитополя, гдѣ тогда господствовали какія то разбойничьи банды, кажется Махно. Несмотря на это мы совершенно безъ приключеній добрались до сѣверной Тавріи и перевалили на Крымскій полуостровъ. Въ районѣ Мелитополя и за нимъ бросалось въ глаза чрезвычайное обиліе съѣстныхъ продуктовъ на станціяхъ и необыкновенная по сравненію съ Кіевомъ ихъ дешевизна. Южная Россія въ то время и много позднѣе была полной чашей, которую долго не могли исчерпать всѣ военныя передряги и исчерпали наконецъ пришедшіе сюда большевики.

Привѣтливо и гостепріимно встрѣтилъ меня Крымъ. Жизнь въ Симферополѣ походила еще въ то время на жизнь послѣднихъ лѣтъ войны до февральскаго переворота. Хорошій обѣдъ въ Симферополѣ стоилъ три рубля. Городъ былъ заваленъ фруктами и рыбой. Строгій порядокъ охранялся оккупаціонными германскими отрядами, которыхъ, впрочемъ, было очень незначительное количество. Приходилось удивляться, какимъ образомъ незначительнымъ нѣмецкимъ силамъ удавалось держать въ подчиненіи разбушевавшуюся стихію русской революціи.

Мнѣ не долго пришлось прожить въ Крыму подъ управленіемъ германскихъ оккупаціонныхъ войскъ. Судьба германской оккупаціи была предрѣшена проигрышемъ войны и фактомъ революціи. Не могу сказать, чтобы германская военная власть въ Крыму, сколько мнѣ пришлось наблюдать, проявляла себя иначе, чѣмъ въ другихъ занятыхъ русскихъ областяхъ. И здѣсь она умѣла установить образцовый порядокъ, внушить чувство уваженія, не граничащее съ простымъ страхомъ и, главное, не переходящее въ ненависть. Режимъ, конечно, былъ суровый, военный, но не лишенный основныхъ элементовъ законности и не переходящій

въ безправный произволъ. Положительно могу сказать, что оккупаціонныя войска Антанты, какъ съ ними мнѣ пришлось познакомиться въ Константинополѣ, вели себя мелочнѣе, безсовѣстнѣе и беззаконнѣе, чѣмъ нѣмцы въ Россіи. Но объ этомъ еще впереди.

Ухода нѣмцевъ и здѣсь всѣ, не оріентирующіеся на большевиковъ, ждали съ смущеніемъ и страхомъ. Свершился онъ какъ то незамѣтно, и незамѣтно обнаружилась та страшная пустота безвластія, въ которой на нѣсколько дней пришлось погрузиться Тавріи. Помню, днемъ еще игралъ нѣмецкій военный оркестръ въ городскомъ саду и стояли около штаба одѣтые въ желѣзныя каски караулы. По прежнему регулярно происходили ихъ смѣны, хотя смѣнами завѣдывалъ какой-то выборный послѣ паденія кайзера солдатско-офицерскій комитетъ. И днемъ еще нѣмецкій патруль ловилъ при общихъ одобреніяхъ какого то бандита на базарѣ. Но пришла ночь, прогремѣли по улицамъ военныя повозки, прозвучалъ мѣрный военный шагъ и на утро городъ проснулся, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ и силамъ своего краевого правительства, въ распоряженіи котораго было всего нѣсколько городовыхъ и стражниковъ. И на другой день въ Симферополѣ начались грабежи, налеты и разбои.

— «Придетъ генералъ Деникинъ», — было у всѣхъ на устахъ. И слово это одни произносили съ живымъ нетерпѣніемъ, другіе съ тайной боязнью, третьи съ нескрываемой ненавистью.

Я хорошо помню тотъ ненастный ноябрьскій вечеръ, когда въ Симферополь вступили первые добровольческіе отряды. Моросилъ дождь и сырой туманъ пронизывалъ душу. Въ городѣ было тревожно, ибо фактически не было власти. «Буржуи» попрятались по домамъ, зато на улицы выползли какіе то новые персонажи. Хорошо знакомы они мнѣ теперь послѣ того, какъ я столько разъ наблюдалъ ихъ появленіе всякій разъ, когда пахло грабежомъ и кровью. Я видѣлъ ихъ позднѣе и въ Ростовѣ, и въ Екатеринодарѣ, и опять въ Крыму передъ различными испытанными и пережитыми мною эвакуаціями. И когда я взиралъ на нихъ, я невольно вспоминалъ того «сѣраго», съ которымъ я, какъ казалось мнѣ, навѣки простился тогда въ Оршѣ. «Нѣкто сѣрый» загулялъ въ тѣ дни по улицамъ нашего тихаго городка, собираясь въ кучи, луща сѣмячки, стоя на углахъ и ругаясь гнусной матерной бранью. И вотъ вдругъ, въ ночной мглѣ опустѣлыхъ улицъ послышался топотъ коней и лязгъ оружія, выросли откуда-то силуэты всадниковъ и прокатилась и прогремѣла славная казачья пѣсня. То прошли первые кубанскіе отряды.

На другой день по улицамъ города прошла и первая пѣхотная часть. Нельзя было смотрѣть на нее безъ чувства глубокаго душевнаго волненія. Шло всего человѣкъ семьдесятъ — все худые, блѣдные, измученные люди. Несмотря на суровую и мокрую осеннюю погоду многіе не имѣли шинелей. На ногахъ у нѣкоторыхъ вмѣсто сапогъ были какія то тряпки. Составъ части былъ до чрезвычайности разнообразенъ — и сѣдой полковникъ, и рядомъ мальчикъ кадетъ. Шли они безъ музыки и безъ пѣсни. Казалось, витали надъ ними тѣни замученныхъ отцовъ и матерей, пепелъ сожженныхъ жилищъ и стоны несравненныхъ обидъ.

И въ тотъ же день на одной изъ улицъ, впервые послѣ долгаго промежутка, вывѣшенъ былъ трехцвѣтный русскій національный флагъ.

Въ городской массѣ описанныя происшествія вызвали немалое смущеніе. На базарѣ и по улицамъ стали собираться кучки народа, какъ это было въ 1917 году, и митинговать. Я не разъ старался прислушаться къ этимъ разговорамъ, чтобы опредѣлить отношеніе демоса къ добровольцамъ. Отношеніе было несомнѣнно отрицательное. «Чего они пришли сюда? Кто ихъ звалъ? Не хотимъ власти генерала Деникина», — вотъ что говорилъ базаръ. А трехцвѣтный флагъ и золотые погоны просто возбуждали ненависть, какъ символъ стараго «проклятаго» времени.

Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ въ Крыму (я не имѣю данныхъ объ Украинѣ), русскій демосъ относился куда спокойнѣе и

сдержаннѣе къ Германцамъ, чѣмъ къ добровольцамъ. Есть въ этомъ что-то смердяковское, таинственно предугаданное въ свое время Достоевскимъ. «Въ двѣнадцатомъ году», — какъ говорилъ Смердяковъ,—«было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго... и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила бы весьма глупую-съ и присоединила бы къ себѣ. Совсѣмъ даже были бы другіе порядки-съ»... Больно писать объ этомъ, но у меня есть увѣренность, что смердяковское умонастроеніе было у насъ широко распространено. «Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна... Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ солдатъ съ»... Можетъ быть въ глубокомъ, метафизическомъ смыслѣ здѣсь нужно искать корни отрицательнаго отношенія къ добровольческому движенію. Но, конечно, явленіе это имѣло также и свои ближайшія уже чисто опытныя причины.

Послѣ ухода германскихъ войскъ въ Крыму установился очень оригинальный и въ высшей степени необычный политическій строй. Существовало правительство, которое не опиралось на какую либо собственную организованную физическую силу, и существовала организованная физическая сила, которая не подчинена была крымскому правительству, а подчинялась собственному военному командованію и даже имѣла собственное гражданское правительство не въ Крыму, а въ Екатеринодарѣ. Отношенія между крымскимъ правительствомъ и правительствомъ Добровольческой арміи едва ли поддаются какимъ либо юридическимъ опредѣленіямъ. Это не были отношенія между двумя независимыми суверенными единицами власти, но ихъ нельзя назвать также и отношеніями двухъ частей одного и того же государства. И Крымъ, и Екатеринодаръ были еще не вполнѣ сложившимися самостоятельными попытками противопоставить красной Россіи Россію бѣлую. Изъ нихъ одна пыталась опираться на нѣмцевъ, другая же построена была на собственной военной силѣ. Съ уходомъ нѣмцевъ между ними установились отношенія сотрудничества, которыя не во всѣхъ отношеніяхъ могли быть согласными. Мнѣ совершенно неясно, во что могли бы вылиться отношенія между Екатеринодаромъ и Крымомъ въ томъ случаѣ, если бы Крымское правительство дожило до эпохи расцвѣта Екатеринодара. Вѣроятно, Крымъ долженъ былъ бы уступить значительную долю своей автономіи и, можетъ быть, даже совсѣмъ ее утерять. Тогда въ концѣ 1918 года отношенія между Крымомъ и Екатеринодаромъ держались на томъ, что бѣлое движеніе находилось еще въ состояніи зачаточномъ и не вполнѣ развитомъ. Однако и тогда нельзя было сказать, что въ отношеніяхъ этихъ все было гладко.

Крымское краевое правительство, возглавляемое С. С. Крымомъ и Винаверомъ, считало себя едва ли не самымъ демократическимъ правительствомъ на землѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это было, вѣроятно, одно изъ самыхъ слабыхъ и безсильныхъ правительствъ, которыя когда либо существовали. Можно съ увѣренностью сказать, что истинному крымскому демосу такъ же далеко было крымское краевое правительство, какъ ему далека и враждебна была добровольческая армія. Крымскій демосъ, смутившійся при приходѣ добровольцевъ, терпѣлъ демократическое крымское правительство только потому, что оно основывалось на нѣмецкой военной силѣ. Самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого вкуса къ тѣмъ демократическимъ принципамъ, которые являлись символомъ вѣры людей, составлявшихъ крымское краевое правительство. Въ Крыму, какъ и вездѣ въ Россіи, народъ, конечно, былъ «демократичнымъ», — и какимъ же онъ еще можетъ быть? — но это былъ демократизмъ кровный, а не идеологическій, — демократизмъ безъ догмата. Далеки для него были всѣ эти догмы всеобщаго избирательнаго права, личныхъ свободъ, раздѣленій властей, парламентаризма и т. д.

Во главѣ Добровольческой Арміи, пришедшей въ Крымъ, стоялъ ген. Деникинъ, — лицо, олицетворявшее собою начало военной и политической власти въ предѣлахъ дѣйствія вооруженныхъ добровольческихъ силъ. Но ген. Деникинъ не

былъ диктаторомъ и, повидимому, не хотѣлъ имъ быть. Около него стоялъ какой то призракъ гражданскаго правительства, — призракъ, особенно въ началѣ, вполнѣ безплотный и безличный. Ему даже былъ присвоенъ соотвѣтствующій анонимъ — Особое Совѣщаніе. Едва ли можно было придумать болѣе неудачное названіе, какъ бы олицетворяющее всю неопредѣленность этого политическаго органа. Особенно неудачно выдумано было это названіе въ наше тревожное и революціонное время, способное повѣрить только чему-нибудь ясному и яркому. А что такое это Особое Совѣщаніе, — объ этомъ у насъ въ Крыму безъ преувеличенія никто не зналъ, даже и люди свѣдущіе. Я не преувеличиваю, но вотъ какъ приблизительно смотрѣли на это Особое Совѣщаніе люди, принимающіе и горячо сочувствующіе въ Крыму Добровольческой Арміи: собралась въ Екатеринодарѣ кучка шептуновъ, которая и нашептываетъ генералу Деникину разный вздоръ. При чемъ болѣе правые полагали, что шептуны эти состоятъ исключительно изъ жидовъ и масоновъ, а лѣвые считали, что они исключительно собрались изъ черносотенцевъ. По мнѣнію правыхъ — это они нашептывали генералу Деникину «проклятые» демократическіе лозунги. По мнѣнію лѣвыхъ — это они толкали его въ объятія монархистовъ. Всего ужаснѣе, что сама армія безпричинно недовѣряла Особому Совѣщанію и видѣла въ немъ весь корень неустройства и зла. «Сидитъ тамъ какое то еще Совѣщаніе, бѣсъ его дралъ, неизвѣстно зачѣмъ и почему, а мы вотъ тутъ сражаемся безъ сапогъ, вошь ѣстъ», — такъ говорила фронтовая армейская молва. И была права, ибо для арміи, для всѣхъ находящихся на фронтѣ, анонимъ Особаго Совѣщанія никакъ не расшифровывался.

Я не знаю, освѣдомлены ли были люди, сидѣвшіе въ Особомъ Совѣщаніи, какъ относится къ нему фронтъ. Полагаю, что не вполнѣ знали, иначе, вѣроятно, они сдѣлали бы какіе нибудь болѣе энергичныя усилія къ тому, чтобы укрѣпить идею Деникинскаго гражданскаго Правительства, популяризировать ее, изъяснить и освѣтить. Сколько я знаю, у насъ въ Крыму этого не было сдѣлано или, вѣрнѣе, было сдѣлано уже поздно. По крайней мѣрѣ, когда пришли добровольцы и когда позднѣе я былъ на фронтѣ, Особое Совѣщаніе по отношенію къ намъ хранило нѣмое молчаніе. Когда же мы спрашивали пріѣзжающихъ изъ Екатеринодара военныхъ, намъ отвѣчали или незнаніемъ, или прямымъ неодобреніемъ. Боюсь, что это было не только у насъ въ Крыму и не только во время, которое я описываю.

Когда я былъ на фронтѣ, ко мнѣ, какъ профессору и государствовѣду, не разъ обращались съ вопросомъ и недоумѣніями по поводу Особаго Совѣщанія. Я ничего не могъ сказать, т. к. самъ зналъ весьма мало. Понялъ я всю эту систему только тогда, когда самъ прибылъ въ Екатеринодаръ и потомъ въ Ростовъ и посмотрѣлъ все на мѣстѣ.

Мнѣ извѣстно, что между Особымъ Совѣщаніемъ и Крымскимъ Правительствомъ намѣчались довольно опредѣленныя несогласія. Крымскому Правительству ставились вѣ вину его самостійность, противорѣчавшая централистическимъ стремленіямъ Особаго Совѣщанія. Самостійность эта была не по душѣ многимъ сочувствующимъ Добровольческой Арміи и стоящимъ на точкѣ зрѣнія моднаго тогда лозунга: «Единая и недѣлимая Россія». Вѣроятно теперь, послѣ многочисленныхъ предметныхъ уроковъ, данныхъ намъ жизнью, многіе прежніе противники Крымскаго Краевого Правительства измѣнили о немъ свои сужденія. Безспорно то, что гражданское правительство Деникина оказалось совершенно безсильнымъ организовать гражданскую власть на мѣстахъ. Попытки организовать такую власть сводились къ назначеніямъ вполнѣ неспособныхъ губернаторовъ, изъ которыхъ старые, обладая административнымъ опытомъ, не могли примѣниться къ новымъ условіямъ, а молодые были по большей части людьми мало пригодными. Такіе губернаторы строили изъ себя падишаховъ, выѣзжали, напримѣръ, на тройкѣ лошадей на перронъ вокзаловъ, давя публику, какъ это было въ Екатеринославѣ, и проявляли одинъ несомнѣнный талантъ — задавать, по извѣстному военному выраженію, «во время драпъ», какъ это было опять таки въ Екатеринославѣ и при эвакуаціи Новороссійска. Въ этомъ смыслѣ Крымское

Правительство имѣло по крайней мѣрѣ то преимущество, что покоилось на признаніи хотя бы нѣкоторыхъ очень узкихъ мѣстныхъ, главнымъ образомъ, городскихъ общественныхъ силъ.

Нельзя сказать, чтобы присланные изъ Екатеринодара въ Крымъ первые представители военнаго добровольческаго командованія также обнаружили особый тактъ, особыя способности и таланты. Въ самомъ началѣ въ Крыму существовалъ, какъ представитель Деникина, ген. фонъ Б. Въ немъ и въ свитѣ его окружающей было много внѣшняго блеска и дѣланной декоративности. Особенно поражали симферопольскихъ дамъ какіе то весьма фантастическіе, сшитые изъ мѣховъ головные уборы его адъютантовъ. Первые появленія генерала ф. Б. въ Симферополѣ были встрѣчены съ большимъ восторгомъ мѣстной буржуазной публикой. Помню, съ какой торжественностью входилъ онъ подъ звуки Преображенскаго марша въ шумящіе залы Симферопольскихъ ресторановъ. Немного неумѣстнымъ казалось только нѣкоторое излишество винъ и явствъ, украшавшихъ столы, у которыхъ сидѣлъ первый представитель Добровольческой арміи въ Крыму, особенно при сравненіи съ тѣми разутыми и раздѣтыми фронтовиками, отряды которыхъ проходили черезъ Симферополь. Первымъ административнымъ актомъ ф. Б. было изданіе приказа о мобилизаціи гражданскаго населенія. Приказъ появился черезъ нѣсколько дней послѣ прихода добровольцевъ и произвелъ своего рода сенсацію. Съ одинаковымъ смущеніемъ отнеслись къ нему и городской демосъ, и безконечное количество городскихъ «буржуевъ», обивавшихъ пороги ялтинскихъ, севастопольскихъ и симферопольскихъ кофеенъ. И тѣмъ, и другимъ одинаково не хотѣлось итти на фронтъ, — но кому это вообще хочется? Друзья Добровольческой Арміи истолковали этотъ актъ, какъ начало твердой властной политики. Мы знали, что проведеніе приказа наткнется на сопротивленія, не вѣрили въ способность Добровольческаго командованія его преодолѣть. Каково же было наше изумленіе, когда мы узнали, что приказъ этотъ черезъ два-три дня былъ неожиданно отмѣненъ. Спрашивается, зачѣмъ его было вообще издавать? Особо примѣчательно, что подобныя исторіи съ мобилизаціей повторялись въ Крыму неоднократно. Я не знаю, кто въ этомъ виновенъ. Противники крымскаго краевого правительства валили вину на него и главное на его «демократизмъ». И у меня есть свѣдѣнія, что дѣйствительно эта мобилизаціонная путаница происходила отъ несогласованности программъ и дѣйствій крымскаго правительства съ добровольческимъ командованіемъ, но я менѣе всего хочу искать сейчасъ виновниковъ и осуждать ихъ. Я хочу только сказать, что принципъ власти былъ расшатанъ съ первыхъ ея выступленій.

Приблизительно въ то же самое время — это было конецъ ноября и начало декабря 1918 года — въ Крымъ прибылъ и другой представитель ген. Деникина — ген. К. Для внѣшняго наблюдателя отношенія между двумя генералами были довольно неопредѣленны. Всѣ замѣчали въ отношеніяхъ этихъ нѣкоторую болѣзненность, которую генералы, повидимому, и не желали скрывать. Это служило предметомъ безконечныхъ провинціальныхъ сплетень и слуховъ, которые также не служили къ укрѣпленію авторитета Добровольческаго командованія. Всѣмъ было видно, что оба генерала одинаково не признаютъ другъ друга и будируютъ. Вскорѣ впрочемъ ген. Б. исчезъ съ Симферопольскаго горизонта. Ген. К. окружала не менѣе блестящая свита, но уже доминировалъ какой то особый, бѣлый цвѣтъ барашковыхъ папахъ. Доброе крымское вино лилось впрочемъ не въ меньшемъ количествѣ.

Черезъ короткій промежутокъ времени дѣйствовавшія въ Крыму вооруженныя силы были объединены въ особую Крымско-Азовскую армію, начальникомъ которой былъ назначенъ ген. Б...ій. Ген. К. былъ подчиненъ Б...ому и уѣхалъ на фронтъ. Такимъ образомъ въ лицѣ ген. Б...аго и его штаба въ Крыму мы имѣли верховнаго представителя Добровольческихъ вооруженныхъ силъ. Ген. Б...ій сохранилъ свой постъ вплоть до лѣта 1919 г. Въ періодъ сидѣнія на Акманайскихъ позиціяхъ онъ былъ отстраненъ отъ должности ген. Деникинымъ. Про ген. Б...аго

въ Крыму всѣ говорили, что онъ пропилъ Крымъ. Отставка его привѣтствовалась всѣми на фронтѣ, — я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Въ арміи ходилъ слухъ, что ген. Деникинъ отдалъ Б...аго подъ судъ, однако это оказалось невѣрнымъ. Б...ій получилъ послѣ Крыма назначеніе въ Закаспійскую область. Его военныя дѣйствія тамъ также, какъ извѣстно, не увѣнчались успѣхомъ.

На мѣсто ген. Б...аго при общихъ привѣтствіяхъ былъ назначенъ ген. Шиллингъ. Имя его слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ нужно было много писать. Безобразія, творившіяся имъ и около него, были не разъ описаны. Ген. Шиллингъ былъ однимъ изъ самыхъ злыхъ геніевъ добровольческаго дѣла. Глубокое чувство безнадежности овладѣваетъ душою, когда смотришь на всю эту галлерею военноначальниковъ. Было ихъ много, но не находилось ни одного, дѣйствительно большого незауряднаго характера. Многимъ изъ нихъ судьба дала въ руки многое. Казалось — бери, умѣй воспользоваться, и господствуй. Однако, вмѣсто этого, начинали они, даже въ зенитѣ своей славы, обнаруживать какое-то страшное ничтожество. Я помню, какъ больно пережилъ я эту мысль позднѣе въ Ростовѣ, когда въ роскошномъ залѣ Паласъ Отеля увидѣлъ одного изъ такихъ неудавшихся героевъ, пьянаго, окруженнаго пьяной свитой, пляшущей публично на потѣху ростовскимъ спекулянтамъ. А эти послѣдніе спеціально покупали мѣста въ кабинетахъ въ бэль-этажѣ. И это былъ одинъ изъ популярныхъ генераловъ, совершившій рядъ крупныхъ военныхъ дѣлъ. Я не хочу морализировать. Крупные люди бываютъ порочны, но и въ порокахъ своихъ они всегда крупны. Пороченъ былъ Цезарь и не очень добродѣтеленъ Наполеонъ. Но могли ли они находить удовлетвореніе своему честолюбію въ подобномъ пьяномъ дебошѣ ресторанныхъ завсегдатаевъ.

Съ образованіемъ у насъ въ Крыму особой арміи въ Симферополѣ сформировался до анекдотичности многочисленный штабъ. Штабъ этотъ количествомъ людей не уступалъ штабу нормальныхъ армій военнаго времени, въ то время, какъ сама то Крымско-Азовская армія количественно была не больше одной нормальной дивизіи. Эти непомѣрные штабы составляли характерную особенность добровольческаго командованія. Небезынтересно сказать нѣсколько словъ объ атмосферѣ, создавшейся вокругъ штаба, и о нѣкоторыхъ лицахъ, къ нему принадлежащихъ.

Армія всегда не любитъ штабовъ, но въ тяжкихъ условіяхъ гражданской войны непріязнь эта не могла не усиливаться. Холодные, голодные, разутые и обовшивѣвшіе фронтовики не могли съ особой пріязнью смотрѣть на «окопавшихся» въ Симферополѣ. Непріязнь къ штабу и вообще къ командованію въ Крыму дошла до того, что въ началѣ 1919 года офицерами добровольцами созвано было совѣщаніе въ Симферополѣ, на которомъ было высказано о штабѣ не мало нелестныхъ вещей и даже выставлено требованіе отставки нѣкоторыхъ лицъ изъ крымскаго военнаго командованія. Небезызвѣстный капитанъ Орловъ, прославившійся своими послѣдующими выступленіями противъ Шиллинга и Слащева и своей связью съ монархическими заговорами въ Крыму, былъ однимъ изъ иниціаторовъ этого Совѣщанія и, кажется, даже на немъ предсѣдательствовалъ. Во всякомъ случаѣ, тогда именно началась его карьера. Такимъ образомъ атмосфера, создавшаяся вокругъ штаба Крымской Арміи, была весьма нездоровой и Штабъ не имѣлъ никакой возможности ее разсѣять. Начальникомъ Штаба тогда состоялъ ген. П., около имени котораго въ Арміи и вообще въ Крыму ходили весьма темные слухи. Слухи эти, въ началѣ не вполнѣ ясные, послѣ занятія большевиками Крыма въ 1919 году приняли уже опредѣленныя очертанія. Въ арміи говорили, что ген. П. при оборонѣ Крыма дѣйствовалъ все время такъ, чтобы Крымъ былъ наиболѣе легко взятъ противникомъ. При чемъ въ мнѣніи арміи ген. П. былъ человѣкомъ умнымъ и ловкимъ, осуществляющимъ какіе то свои тайные планы. Расшифровывая эти планы, одни просто указывали на связь ген. П. съ большевиками, другіе же развивали чрезвычайно сложныя теоріи, о которыхъ въ сущности

не стоитъ говорить. Вообще, я пишу объ этомъ не съ цѣлью разоблачать ген. П. или чернить его, я просто описываю, какъ очевидецъ, отношенія, создавшіяся въ то время въ Крыму, и хочу обнаружить, насколько все это были отношенія больныя и ненормальныя. Я вполнѣ допускаю, что все, что говорилось о ген. П. есть чистый вздоръ, но тѣмъ хуже это для насъ. Мы жили въ отравленномъ воздухѣ и не умѣли и не хотѣли бороться съ этой отравой.

Весьма значительную роль въ Штабѣ Крымской Арміи игралъ будущій Начальникъ Одесской контръ-развѣдки, павшій жертвой офицерскаго самосуда при эвакуаціи Одессы, Н. А. Кирпичниковъ. Онъ не былъ военнымъ по профессіи (Шульгинъ неправильно называетъ его полковникомъ), онъ занималъ, однако, должность политическаго адъютанта при Штабѣ Крымско-Азовской Арміи, должность, надо сказать, чрезвычайно отвѣтственную. Происходилъ онъ изъ извѣстной профессорской семьи и былъ человѣкомъ весьма незауряднымъ, что, я думаю, не будутъ отрицать и многочисленные его тогдашніе противники. Былъ онъ человѣкомъ весьма культурнымъ и образованнымъ обычнаго русскаго интеллигентнаго склада. Въ наружности его было что то серьезное и въ то же время, сказалъ бы я, немного таинственное и скрытное. Такая наружность бываетъ или у очень вѣрующихъ людей, или у заговорщиковъ... Ему въ Крыму дали прозваніе «Фаустъ» — и дѣйствительно, лицо его напоминало доктора Фауста въ изображеніи какой то старинной гравюры. Въ служебныхъ отношеніяхъ, сколько я наблюдалъ, онъ былъ точенъ и строгъ. Въ отдѣлѣ его царствовалъ порядокъ и, можно полагать, какъ разъ эти качества и объясняютъ нѣкоторую нелюбовь къ нему подчиненныхъ. У меня сложилось впечатлѣніе, что дѣло свое онъ велъ умѣло и тонко. Въ то время еще не существовало мѣстныхъ Осваговъ и добровольческая информація входила какъ разъ въ сферу его вѣдѣнія. Нужно по справедливости сказать, что дѣло добровольческой пропаганды отнюдь не выиграло, когда въ Крымъ пріѣхали Ростовскіе Осважники съ Начальникомъ которыхъ, К. Н. Соколовымъ, Кирпичниковъ былъ въ большихъ неладахъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1919 года при оставленіи добровольцами Симферополя Кирпичниковымъ былъ сформированъ особый конный отрядъ, который подъ его начальствованіемъ боролся съ бандитами и большевикамъ, засѣвшими въ Карантинныхъ каменоломняхъ. Позднѣе, когда общія военныя дѣйствія распространились на Керчь, Кирпичниковъ принялъ на себя непріятное дѣло по части политическаго розыска. Въ Керчи было извѣстно, что розыскъ былъ этотъ поставленъ имъ чрезвычайно сурово. Я слышалъ отъ очевидцевъ, несшихъ караулъ въ арестномъ помѣщеніи, о безпощадныхъ допросахъ арестованныхъ и о жестокихъ пріемахъ слѣдствія, примѣняемыхъ нашимъ Фаустомъ. Не знаю, былъ ли это садизмъ или жестокость долга.

Помню, въ тѣ тревожные дни, когда тылъ Крымской Арміи висѣлъ на волоскѣ, я встрѣтилъ Кирпичникова на одной изъ главныхъ Керченскихъ улицъ. Взглядъ его былъ мутенъ, лицо болѣзненно и блѣдно.

«Что съ вами», — спросилъ я.

«Борюсь съ тифомъ», — сказалъ онъ, улыбаясь.

Онъ такъ и вынесъ на ногахъ возвратный тифъ въ перемежку между допросами арестованныхъ и между поѣздками за городъ въ Карантинныя каменоломни къ своему отряду.

Для меня такъ и остались неразгаданными причины тѣхъ темныхъ слуховъ, которые окружали этого человѣка. Былъ ли это просто протестъ окружающей заурядицы противъ сильно выраженнаго характера, — протестъ, особо понятный во время всеобщаго упадка дисциплины. Или же это была умно организованная агитація, направленная противъ опаснаго врага. Или самое страшное — то, въ чемъ увѣряли меня нѣкоторые изъ его самыхъ близкихъ сослуживцевъ и людей, самымъ близкимъ образомъ соприкасавшихся съ его дѣятельностью — именно, что Кирпичниковъ попросту былъ большевистскимъ агентомъ. Меня убѣждали въ этомъ съ такой увѣренностью, при томъ люди, къ которымъ я не могу не отнестись съ полнымъ довѣріемъ, что невольно у меня колеблется сейчасъ то бла-

пріятное впечатлѣніе, которое оставилъ Кирпичниковъ при частныхъ соприкосновеніяхъ съ нимъ. Поведеніе Кирпичникова, какъ Начальника Одесской контръразвѣдки—должность, которую онъ занялъ послѣ Крыма—было, по увѣренію многихъ, чрезвычайно подозрительнымъ. Говорили, будто Кирпичниковъ пощадилъ всѣхъ видныхъ большевистскихъ комиссаровъ, жестоко разстрѣливая маловажныхъ и второстепенныхъ лицъ. Указывали на многіе другія, изобличающія его дѣянія. Разсказы эти связывались съ бывшей его дѣятельностью въ Крыму, вокругъ которой создавались легенды. Въ дни эвакуаціи Одессы онъ былъ, какъ извѣстно, разстрѣлянъ группой офицеровъ.

Какъ бы то ни было, но все изложенное свидѣтельствуетъ о крайне нездоровой атмосферѣ, въ которой жилъ тылъ Добровольческой Арміи.

Мнѣ не представлялось тогда полезнымъ и нужнымъ искать сближенія съ Крымскимъ краевымъ правительствомъ и сотрудничать съ нимъ. Правительство это было не изъ дурныхъ и люди, его составляющіе, были глубоко честными людьми. Но у меня, какъ и у многихъ великоруссовъ, была тогда особая мнительность по отношенію ко всякимъ, даже самымъ малѣйшимъ проявленіямъ самостійничества и федерализма. Можетъ быть, это было одной изъ роковыхъ нашихъ ошибокъ. Теперь я думаю, что осознаніе отдѣльными частями Россіи ихъ собственнаго бытія является однимъ изъ непререкаемыхъ фактовъ революціи — тѣмъ фактомъ, о которомъ можно жалѣть, который можно ненавидѣть, но съ которымъ приходится считаться какъ съ фактомъ. Какъ бы ни сложилось будущее наше, едва ли можно въ немъ устранить теперь эту силу отдѣленія частей отъ цѣлаго. Можно говорить о большемъ или меньшемъ смягченіи дѣйствія этой силы, но не о ея насильственномъ устраненіи. И всякая разумная русская политика должна заключаться въ томъ, чтобы организовать дѣйствіе этой силы по возможности въ русскихъ интересахъ, а не подавлять ея существованіе безцѣльнымъ и неразумнымъ насиліемъ. Теперь мнѣ все это представляется довольно яснымъ, но тогда, подобно многимъ другимъ русскимъ людямъ, я считалъ, что эту обозначившуюся силу можно и должно вычеркнуть однимъ мановеніемъ вооруженной руки. Поэтому съ «краевымъ» правительствомъ мнѣ было тогда какъ будто не по дорогѣ.

Интересъ мой тогда всецѣло сконцентрировался на нашемъ Таврическомъ Университетѣ и на той культурной работѣ, которая велась въ его стѣнахъ.

Академическая жизнь въ молодомъ Таврическомъ Университетѣ къ счастью свободна была отъ многихъ темныхъ сторонъ нашего стараго университетскаго быта. Во главѣ Университета стоялъ покойный Р. И. Гельвигъ, который умѣлъ во внутреннія отношенія наши внести струю истиннаго товарищества и дружбы. Незамѣнимый, энергичный работникъ, человѣкъ довольно свободныхъ убѣжденій, онъ въ то же время обладалъ талантомъ не вносить въ университетскую жизнь никакой политики. Мы жили той хорошей коллегіальной жизнью, которая чужда была интригъ, университетскихъ счетовъ, академической партійности и бюрократизма. Я думаю, всѣ оставшіеся въ живыхъ члены нашей первоначальной молодой коллегіи сохранили о первыхъ мѣсяцахъ нашей университетской жизни самыя хорошія воспоминанія.

Вторымъ дѣломъ, которое меня тогда занимало, была идейная помощь добровольческому движенію. Мы основали тогда въ Крыму Общество «За Единую Россію», ставившее цѣлью пропаганду идей добровольческаго движенія. Въ одной изъ секцій этого общества мы рѣшили издавать ежедневную газету, посвященную добровольческой арміи и добровольческому дѣлу. Редакторомъ газеты этой былъ избранъ тогда я. Средствъ было мало и приходилось организовать все кустарнымъ путемъ. Газета печаталась сначала въ типографіи Штаба Крымско-Азовской Арміи, при чемъ мы сами, ея сотрудники, были и наборщиками, и корректорами. Къ удивленію моему газета пошла, главнымъ образомъ, благодаря тому, что намъ удавалось давать черезъ Штабъ болѣе свѣжія свѣдѣнія о положеніи на фронтѣ. Черезъ нѣсколько недѣль маленькій листокъ превратился ужъ въ до-

вольно большую страницу, которая набиралась и печаталась въ частной типографіи. Газета вмѣстѣ съ Университетомъ занимали тогда почти все мое время.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось по разнымъ дѣламъ ѣздить изъ Симферополя въ Севастополь и на Южный берегъ. Меня всегда поражало то различіе настроеній, которое не трудно было замѣтить между Симферополемъ и особенно Ялтой. Симферополь былъ тыломъ, который, однако, тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ фронтомъ и жилъ фронтовой жизнью. Въ этомъ отношеніи уже болѣе удаленный отъ фронта Севастополь жилъ, какъ это можно было замѣтить, какой то иной жизнью, чѣмъ мы. Въ Севастополѣ господствовали попрежнему морскіе военные круги, которыхъ я раньше не зналъ и съ которыми мнѣ первый разъ тогда пришлось встрѣтиться. Долженъ сказать, что изъ всѣхъ частей Добровольческой Арміи, морскія части были менѣе всего надежны. Они состояли также преимущественно изъ офицерства, но морскіе офицеры заражены были страннымъ духомъ недовѣрія и скептицизма по отношенію къ предпріятію ген. Деникина. Большинство ихъ откровенно высказывало взглядъ, что никакого успѣха у ген. Деникина не будетъ и все, что онъ дѣлаетъ, суть какія то мало нужныя игрушки. Въ то же время, въ Севастополѣ текла какая то больная свѣтская и легкомысленная жизнь, весьма далекая отъ интересовъ войны и фронта. Но особенно отвратительна по своимъ настроеніямъ была Ялта, гдѣ тогда собралось большое количество богатыхъ людей и спекулянтовъ, наполнявшихъ съ утра до вечера Ялтинскія кофейни и рестораны. Въ Ялтѣ была вѣчная паника, господствовали вѣчно какіе то нелѣпые слухи и разсказы о нашихъ пораженіяхъ и успѣхахъ большевиковъ. Побывъ въ Ялтѣ, я отлично сталъ понимать настроеніе нашихъ фронтовыхъ офицеровъ, которые всегда говорили, что недурно было бы организовать спеціальный отрядъ для истребленія ялтинскихъ спекулянтовъ.

8-го февраля 1919 года въ Симферополѣ былъ устроенъ вечеръ профессоровъ и бывшихъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Университета. Предсѣдательствовали на немъ Э. Д. Гриммъ и, какъ и свойственно ему, предсѣдательствовалъ весело, живо и остроумно. Т. к. на вечерѣ было много москвичей, то невольно застольныя рѣчи сконцентрировались около темы: Москва—Петербургъ, какъ двѣ стихіи русской исторіи и русской культуры. На тему эту — помню — говорилъ я. Вечеру этому и моей рѣчи суждено было сыграть особую роль въ моей послѣдующей жизни.

Въ помѣщеніе къ намъ въ Петроградскую гостиницу, гдѣ происходилъ вечеръ, заходило не мало постороннихъ лицъ — посмотрѣть и послушать. Въ числѣ нихъ я увидѣлъ одного изъ Симферопольскихъ офицеровъ, особая щеголеватость котораго не разъ мнѣ бросалась въ глаза. Я его встрѣчалъ въ Симферополѣ часто и всегда удивлялся, какъ онъ сумѣлъ сохранить прежній незащитный военный видъ. Но знакомъ я съ нимъ никогда не былъ. Послѣ моей рѣчи я пріобрѣлъ въ его лицѣ одного изъ своихъ трогательныхъ поклонниковъ. Мы познакомились и съ тѣхъ поръ онъ оказывалъ мнѣ всегда какое то особое вниманіе и дѣлалъ сотни различныхъ услугъ. Въ Симферополѣ его всѣ знали и звали Костей Каблуковымъ или просто Костей.

Костя былъ одинъ изъ тѣхъ кадровыхъ офицеровъ, котораго война захватила еще мальчикомъ, выбила изъ жизни и исковеркала. Онъ былъ буквально весь изрѣшетенъ пулями и не было, кажется, у него органа, который не былъ бы прострѣленъ. Война и служба внутренне надоѣли ему безконечно и была у него, повидимому, одна главная мечта — зажить, наконецъ, жизнью, начать учиться или по крайней мѣрѣ что нибудь другое дѣлать, только не воевать. Но по долгу оставался онъ военнымъ и, какъ многіе другіе изъ лучшихъ, не уклонялся отъ службы и терпѣливо несъ свою военную лямку.

Особенно онъ любилъ слушать, когда я ему разсказывалъ о заграницѣ, о большихъ городахъ, о какой то другой, какъ ему казалось, очень хорошей жизни,

которой онъ не видѣлъ и мечталъ увидѣть. «Вотъ кончится война, говорилъ онъ, поѣду заграницу». «Учиться, что ли, начать».

Вотъ съ этимъ то Костей Каблуковымъ и связался страннымъ образомъ послѣдующій періодъ моей жизни.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ болѣе и болѣе военный успѣхъ на фронтѣ склонялся не въ нашу сторону. Въ результатѣ нажима со стороны красныхъ мы принуждены были оставить сѣверную Таврію. Мы отступили на Перекопскія позиціи и на линію Сивашей. Въ публикѣ ходили слухи, что позиціи эти основательно укрѣпляются, впрочемъ многіе скептики говорили, что укрѣпленіе позицій нѣсколько запоздало и что фортификаціонные работы оставляютъ желать лучшаго. Несмотря на эти скептическія мнѣнія, въ общемъ преобладала вѣра, что Перекопъ неприступенъ и что краснымъ ни въ коемъ случаѣ не удастся проникнуть въ Крымъ.

Я не вполнѣ понимаю, на чемъ основывалась эта вѣра, которая позднѣе въ 1920 году послужила основаніемъ для Крымской эпопеи Врангеля. Прежде всего совершенно неприступныхъ позицій вообще, кажется, не бываетъ. Далѣе, если говорить объ относительной неприступности, то она обуславливается первоклассными фортификаціонными сооруженіями и по всѣмъ правиламъ современной техники. Другими словами, 70-ти верстную линію Сивашей отъ Перекопа и почти до Арабатской стрѣлки нужно было превратить въ своеобразную крѣпость, тогда, можетъ быть, она была бы неприступной. Но о такомъ превращеніи, конечно, серьезно нельзя было думать и по техническимъ, и по финансовымъ соображеніямъ ни въ 1919 г., ни въ эпоху Врангеля. А при довольно примитивномъ укрѣпленіи этихъ позицій, какъ показывалъ опытъ, онѣ легко преодолимы, особенно вслѣдствіе того, что и у Перекопскаго перешейка, и по всѣмъ Сивашамъ уровень воды въ морѣ постоянно мѣняется, открываются мели и броды, легко переходимые и открывающіе возможность прорывовъ и обходовъ въ тылъ. Такъ, повидимому, въ 1918 году нѣмцы обошли у Перекопа большевиковъ и взяли Крымъ. Съ такимъ же успѣхомъ при нѣкоторомъ превосходствѣ силъ и большевики могли обойти насъ.

Такимъ образомъ многіе и тогда допускали мысль, что Крымъ легко можетъ быть занятъ большевиками. Но у всѣхъ насъ тогда была одна совершенно твердая и непререкаемая надежда—надежда на нашихъ союзниковъ. Я, какъ и многіе другіе, былъ наивно увѣренъ, что союзники не позволятъ взять Крымъ. Я предполагалъ, что въ Крыму будетъ сдѣланъ большой дессантъ, который поможетъ не только защитить Таврію, но и продвинуться впередъ на Харьковъ.

Дѣйствительно, надежды эти какъ будто начинали оправдываться. Съ начала 1919 года въ Севастополь сталъ прибывать французскій флотъ. Помню, въ одну изъ поѣздокъ въ Севастополь я съ нескрываемымъ восторгомъ увидѣлъ на Севастопольскомъ вокзалѣ французскую военную охрану въ каскахъ. «Ну, скоро будетъ конецъ», подумалъ я. Въ то время мы всѣ знали объ Одесской операціи французовъ, внушавшей столько надеждъ и порождавшей столько разговоровъ и слуховъ. Вопросъ о помощи союзниковъ для меня лично, да и для многихъ изъ насъ, былъ вопросомъ настолько несомнѣннымъ, что всякій скептицизмъ въ этомъ направленіи мы склонны были толковать, какъ прямую измѣну бѣлому движенію и какъ тайное сочувствіе большевикамъ.

Когда начался напоръ на Перекопъ, въ Севастополь стали прибывать и греческіе войска. Разсказывали, что они горятъ желаніемъ драться съ большевиками. Ждали прихода цѣлыхъ дивизій и корпусовъ грековъ къ намъ на помощь. Они не приходили, однако же это не разрушало общихъ надеждъ.

Первый ударъ былъ нанесенъ неожиданнымъ и непонятнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Одессы большимъ французскимъ дессантомъ, отступившимъ передъ нѣсколькими тысячами большевистскихъ и украинскихъ бандъ. Всѣ склонны были сначала считать извѣстіе это простой провокаціей, до того оно было не-

вѣроятно. Однако, же оно оказалось соотвѣтствующимъ самой реальнѣйшей дѣйствительности. Да, это былъ первый ударъ, который нанесъ первую рану нашей сентиментальной вѣрности Антантѣ. Сколько было потомъ этихъ ударовъ, не перечтешь...

Тревога за судьбу Крыма въ началѣ марта мѣсяца стала у насъ настолько острой, что вопросъ о возможной эвакуаціи обсуждался уже публично и въ частности былъ поставленъ на обсужденіе Совѣта Таврическаго Университета. Помню, при обсужденіи этого вопроса нѣкоторыми членами Совѣта былъ высказанъ взглядъ, что Университетъ есть учрежденіе аполитическое и что, слѣдовательно, ему нѣтъ нужды тянуться за Арміей и за Крымскимъ правительствомъ, въ томъ случаѣ, если они будутъ принуждены эвакуироваться. Я довольно рѣзко высказался противъ этого взгляда, настаивая, что паденіе Крыма есть только временная неудача и что Таврическому Университету не подобаетъ оставаться въ Совѣтской Россіи. Мой взглядъ не только былъ поддержанъ многими членами Совѣта, но и, казалось, большинство склонилось въ то время на его сторону. Вопросъ о возможности эвакуаціи былъ рѣшенъ въ положительную сторону, и ректору поручено было выработать цѣлый рядъ мѣропріятій на предметъ возможнаго выселенія Университета изъ Крыма.

Не могу не описать здѣсь одного изъ этихъ мѣропріятій, въ которомъ я самъ участвовалъ. Рѣшено было отправить депутацію въ Севастополь къ французскому командованію для выясненія общаго положенія дѣлъ и съ просьбой о покровительствѣ Университету и русскимъ ученымъ. Въ депутацію выбраны были ректоръ В. И. Гельвигъ, А. Л. Байковъ и я. Мы выѣхали на автомобилѣ въ Севастополь и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій при помощи адмирала Канина получили аудіенцію у французскаго адмирала Амета. Принялъ онъ насъ на одномъ изъ огромныхъ дредноутовъ въ роскошной каютѣ, комфортъ которой, помню, показался намъ всѣмъ совершенно непривычнымъ. Отношеніе къ намъ адмирала было любезно иронически-успокоительное. Какъ всѣ французы, онъ былъ прежде всего актеръ и болтунъ. Великолѣпнымъ жестомъ онъ показалъ на виднѣющіяся въ заливѣ подчиненныя ему морскія вооруженныя силы. Кто можетъ, кто смѣетъ имѣть страхъ подъ ихъ защитой. „C'est une ville du panique", — сказалъ онъ, иронически указывая на возвышающійся надъ заливомъ Севастополь. «Всѣ чего то боятся, всѣ волнуются какими то слухами. Они не знаютъ, что такое Франція и французская армія»...

Я былъ такъ наивенъ, что повѣрилъ. Нѣсколько успокоенъ былъ и Р. И. Гельвигъ, болѣе скептичнымъ оказался А. Л. Байковъ, утверждавшій, что французы извѣстные врали. Я, по пріѣздѣ въ Севастополь, сейчасъ же жирнымъ шрифтомъ помѣстилъ интервью съ адмираломъ въ нашей газетѣ. Всѣ должны были послѣ этого окончательно успокоиться. Кажется, это была одна изъ величайшихъ глупостей въ моей жизни. Черезъ недѣлю — другую Перекопъ былъ взятъ, и французы позорно отдали Севастополь большевикамъ.

Еще въ субботу вечеромъ у насъ было засѣданіе Издательской Комиссіи Общества «За единую Россію», въ которомъ я докладывалъ проектъ о расширеніи нашей газеты. Представитель Штаба Крымской Арміи Кирпичниковъ, знавшій, разумѣется, въ тотъ моментъ обо всемъ случившемся на фронтѣ, пердалъ мнѣ ассигновку Казначейства, по которой я долженъ былъ получить деньги на газету. Послѣ окончанія засѣданія мы спросили у Кирпичникова о военныхъ новостяхъ, но онъ увѣрилъ насъ, что все обстоитъ благополучно. Въ тотъ моментъ Перекопъ былъ уже взятъ, а въ Штабѣ Крымской арміи изготовленъ уже приказъ объ эвакуаціи. Нѣкоторые отдѣлы штаба и правительство начали уже упаковку своихъ вещей.

Я пришелъ домой поздно вечеромъ и еще побесѣдовалъ нѣкоторое время съ моимъ хозяиномъ генераломъ, который также ничего не зналъ и былъ увѣренъ,

что наши дѣла не дурны. Въ воскресенье утромъ я долженъ былъ встрѣтиться съ Кирпичниковымъ въ одномъ изъ Отдѣловъ Казенной Палаты. Былъ отличный весенній день и я, съ наслажденіемъ пройдя по городскому саду, отправился на мое свиданье. Меня нѣсколько удивило, что около Штаба стояли автомобили и грузились какіе то ящики. Въ Казенной Палатѣ я Кирпичникова не нашелъ, но встрѣтилъ нѣсколько растерянныхъ чиновниковъ, которые объяснили мнѣ, что фронтъ нашъ прорванъ и что объявлена эвакуація Крыма. Я поспѣшилъ въ университетъ, въ которомъ засталъ уже всю профессорскую коллегію, созванную на экстренное засѣданіе Совѣта.

Засѣданіе это прошло при совершенно иныхъ настроеніяхъ, чѣмъ предшествующее. На немъ обнаружилось, что большинство членовъ Совѣта — и даже тѣ, которые прошлый разъ рѣшительно поддерживали мысль о необходимой эвакуаціи университета — рѣзко измѣнили свои взгляды. Какъ ѣхать и куда ѣхать? — вотъ нота, которая звучала въ устахъ у многихъ. Но въ рѣчахъ нѣкоторыхъ чувствовалась уже и «идеологія». Говорили о томъ, что Совѣтская власть не такъ дурно относится къ ученымъ, что при ней университетъ будетъ жить не хуже, чѣмъ при крымскомъ правительствѣ и Деникинѣ. Мои добровольческія симпатіи уже никого больше не увлекали. Совѣтъ постановилъ измѣнить свое рѣшеніе и не эвакуировать университетъ. Что же касается до отдѣльныхъ преподавателей, не желающихъ оставаться въ Крыму, то препятствія имъ не чинить и дать имъ отпускъ на лѣтнее каникулярное время.

Отпускомъ пожелало воспользоваться всего нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Большинство изъ этой группы моихъ коллегъ тотчасъ же стали прилагать усилія къ тому, чтобы ѣхать въ Севастополь и тамъ грузиться на пароходы. Но тотчасъ же обнаружилось, что эвакуація проходитъ въ большомъ безпорядкѣ, поспѣшности и даже въ нѣкоторой паникѣ. Выѣхать изъ Симферополя было не легко, хотя тогда удалось выѣхать всѣмъ, кто хотѣлъ. Въ Севастополѣ же, повидимому, дѣло обстояло много хуже. Воротившіеся оттуда люди разсказывали, что въ Севастополѣ царитъ страшная паника. При погрузкѣ на суда происходитъ невѣроятный хаосъ, а французы, помогающіе эвакуаціи, относятся къ русскимъ съ невыразимымъ хамствомъ. Самъ я въ Севастополь не поѣхалъ и обстоятельствъ тамошней эвакуаціи не знаю. Но, кажется, и тамъ съ затрудненіями погрузились на пароходы всѣ, кто хотѣлъ. Оставшіеся же просто въ послѣдній моментъ раздумали ѣхать, что случилось и съ нѣкоторыми изъ моихъ университетскихъ коллегъ.

Самъ я рѣшилъ не ввергаться въ первоначальную эвакуаціонную панику и выждать. Я полагалъ, что при желаніи всегда успѣю выѣхать или просто уйти пѣшкомъ съ арміей. И въ то же время въ душѣ у меня все чаще и чаще появлялась мысль: не время ли въ такой рѣшительный моментъ взять наконецъ винтовку и отъ словъ о вооруженной борьбѣ съ большевиками перейти къ дѣлу? Я чувствовалъ, что на всѣхъ насъ, способныхъ носить оружіе, лежалъ тогда этотъ долгъ и я понималъ нѣсколько ироническое отношеніе рѣшившихся остаться въ Крыму къ тѣмъ, которые сейчасъ съ преувеличенной поспѣшностью складывали свои чемоданы, а нѣсколько дней тому назадъ призывали къ оружію и бряцали словами. Всякая эвакуація есть бѣгство и во всякомъ бѣгствѣ есть нѣчто позорное и жалкое. Я и по сю пору радъ, что въ тотъ тяжелый моментъ мнѣ удалось найти наиболѣе приличный путь къ бѣгству.

Многое изъ послѣдующаго произошло, правда, по чистой случайности. Въ понедѣльникъ я безъ особыхъ опредѣленныхъ плановъ вышелъ въ городъ и присматривался къ тревожной перемѣнѣ въ его лицѣ. Снова, какъ и тогда, когда уходили нѣмцы, «буржуи» куда то исчезли. Многіе переодѣлись и перекрасились, стараясь приспособиться къ защитнымъ тонамъ вышедшей на улицу толпы. Подводы и автомобили, нагруженные ящиками и всякимъ скарбомъ, тянулись къ вокзалу. Въ бывшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ взламывали шкафы и жгли бумагу. Звенѣли гдѣ то разбивающіяся стекла. Массовыя ощущенія стра-

ха носились въ воздухѣ и какъ зараза передавались всѣмъ. Вся эта картина была для меня тогда еще нова и интересна, но она невыносима стала потомъ при многочисленныхъ послѣдующихъ эвакуаціяхъ, обнаруживающихъ въ общемъ совершенно тѣ же черты.

На одной изъ улицъ вижу идетъ Костя Каблуковъ.

«Что вы предпринимаете?», — спрашиваетъ онъ, — «Неужели остаетесь?»

«Конечно, не остаюсь ,но, ей-Богу, не знаю, куда и какъ поѣду».

«Поѣдемте съ нашимъ полкомъ», — предложилъ онъ.

Предложеніе было довольно внезапно, но оно показалось мнѣ уже не такимъ невозможнымъ. Почему бы на самомъ дѣлѣ и не идти походнымъ порядкомъ? Я безъ особыхъ колебаній согласился.

Тотчасъ же Костя повелъ меня въ казармы представляться полковому командиру и просить у него разрѣшенія слѣдовать съ полкомъ. Долженъ сказать, что колебанія меня взяли тогда, когда я очутился въ саду бывшаго собранія Крымскаго Коннаго полка, которое нынѣ служило и полковыми казармами. Въ саду, на крыльцѣ и въ сѣняхъ толпились группы военныхъ, оставивъ меня одного. Прошло нѣсколько минутъ, и я уже началъ думать, что поступилъ нѣсколько опрометчиво.

Первая неловкость однако же внезапно разрѣшилась довольно неожиданнымъ образомъ. Появился Костя съ высокимъ солиднымъ полковникомъ, лицо котораго показалось мнѣ чрезвычайно знакомымъ. Съ удивленіемъ вижу, что это мой постоянный слушатель въ аудиторіи Таврическаго Университета. Всю зиму сидѣлъ онъ на первой лавкѣ, не пропустилъ, кажется, ни одной лекціи и всегда старательно записывалъ. Одѣтъ былъ тогда въ какой то статскій, казалось, не совсѣмъ привычной для него костюмъ. Сначала я его принималъ за отставного батюшку, но потомъ мнѣ сказали, что это бывшій командиръ одного изъ стоявшихъ ранѣе въ Крыму полковъ, поступившій вмѣстѣ съ своимъ сыномъ на юридическій факультетъ Таврическаго Университета. Въ Крымскомъ полку онъ тогда завѣдывалъ хозяйственной частью.

«Профессоръ, воевать захотѣли, позвольте, гг. офицеры, представить»...

Меня познакомили и повели къ полковому командиру. При первомъ впечатлѣніи мнѣ казалось, что этотъ нѣсколько холодный съ монгольскимъ лицомъ полковникъ Генеральнаго Штаба принялъ меня немного сухо. Потомъ, когда я ближе узналъ его, я понялъ, что эта сухость у него только наружная — слѣдъ особой военной выправки, которая не мѣшала ему быть чрезвычайно сердечнымъ и глубоко привлекательнымъ человѣкомъ.

«Разумѣется, вы можете слѣдовать съ полкомъ», — сказалъ онъ, «но предупреждаю, удобствъ никакихъ не ожидайте. Что касается до вещей, то возьмите минимумъ. Прошу также васъ, если вы рѣшили идти съ нами, сегодня же переселиться въ казармы...»

Въ тотъ же вечеръ я переодѣлся въ полуохотничій, полувоенный костюмъ, взялъ за плечи небольшой нѣмецкій рукзакъ, и пришелъ въ казармы Крымскаго Коннаго полка.

Крымскій Конный, бывшій Ея Величества Императрицы полкъ, какъ и многія другія войсковыя части, находился въ то время въ стадіи довольно первоначальнаго формированія. Его главной боевой силой былъ первый эскадронъ, набранный изъ мѣстныхъ нѣмцевъ колонистовъ, этой наиболѣе надежной части крымскаго населенія. Насчитывая около ста человѣкъ всадниковъ, отчасти старыхъ кадровыхъ солдатъ, обезпеченный достаточнымъ количествомъ коней, эскадронъ по тому времени являлся весьма значительной боевой единицей. Второй и третій эскадроны только въ незначительной части были снабжены конями и состояли преимущественно изъ офицеровъ, небольшого количества вольноопредѣляющихся и еще меньшаго количества всадниковъ. Всего навсего два эскадрона эти насчитывали человѣкъ 100 при 25 коняхъ. Въ моментъ моего прихода въ ка-

армы, въ полку совершилось одно событіе, создавшее чрезвычайно тяжелую внутреннюю атмосферу. Первый эскадронъ вдругъ замитинговалъ по поводу предстоящаго выступленія изъ Симферополя. Митингованіе это находилось въ прямой связи съ общими настроеніями, набранныхъ въ Крыму изъ нѣмецкихъ колонистовъ войскъ, — съ настроеніями, о которыхъ не безынтересно сказать нѣсколько словъ.

За нѣкоторое время передъ Крымской катастрофой Крымское Краевое Правительство издало спеціальный указъ объ образованіи особой нѣмецкой Егерской бригады, набранной изъ нѣмцевъ-колонистовъ Крыма. Эта бригада предназначена была для охраны внутренняго порядка Тавріи и являлась первой попыткой Краеваго Правительства опереться на свою собственную организованную военную силу. Я не знаю точно исторіи формированія этой бригады, но несомнѣнно, она формировалась не безъ прямого участія настоящихъ германскихъ офицеровъ, выполнявшихъ, вѣроятно, какое то свое собственное заданіе. Душой дѣла былъ нѣкій лейтенантъ Гомайеръ, бывшій въ нѣмецкихъ войскахъ во время германской оккупаціи, затѣмъ исчезнувшій и вновь появившійся, неизвѣстно откуда. Говорили, что онъ дѣйствуетъ по прямымъ инструкціямъ изъ Берлина.

Нужно сказать, что процессъ формированія бригады прошелъ превосходно - гораздо лучше, чѣмъ формированіе отдѣльныхъ добровольческихъ частей. Нѣмцы-колонисты, съ большой осторожностью относившіеся къ добровольческимъ призывамъ, щедро снабдили бригаду своими сыновьями. Съ неожиданной быстротой бригада получила хорошее обмундированіе, повидимому, изъ какихъ то старыхъ Севастопольскихъ запасовъ. Она одѣлась въ пѣхотные мундиры чернаго цвѣта и въ безкозырки старыхъ императорскихъ войскъ съ бѣлымъ околышемъ. Я ѣхалъ однажды изъ Севастополя въ Симферополь съ однимъ полковникомъ-добровольцемъ, служившимъ въ отдѣлѣ снабженія, и слышалъ отъ него слѣдующую жалобу: «Вотъ» — сказалъ онъ, указывая на марширующій нѣмецкій взводъ, — «чего мы такъ здѣсь и не добились, эти получили въ одну минуту»... Я спросилъ полковника, откуда это у нѣмцевъ обмундированіе? Онъ объяснилъ, что изъ Севастопольскихъ складовъ.

«Почему же оно не попало въ Добровольческую Армію?»

«Да вѣдь намъ на каждомъ шагу палки въ колеса ставятъ», — сказалъ онъ. «Изъ-за послѣдняго сапожнаго гвоздя, кланяешься, кланяешься, такъ и не получишь».

«Кто-же ставитъ препятствія?

«Кто? Правительство, во первыхъ, Земство и городъ, — во вторыхъ, свои собственные флотскіе, въ третьихъ».

Ко времени Крымской катастрофы нѣмецкая Егерская бригада насчитывала нѣсколько сотъ хорошо обученныхъ людей. Мѣстопребываніе свое она имѣла въ Симферополѣ. Изъ Симферополя тогда по причинѣ сильныхъ боевъ были выведены на фронтъ почти всѣ добровольческія войска. Кромѣ Крымскаго коннаго полка оставались небольшія пѣхотныя офицерскія части и, кажется, два орудія. Такимъ образомъ въ Симферополѣ фактическая военная сила была въ рукахъ нѣмецкій бригады. Бригада же, когда былъ отданъ приказъ объ эвакуаціи, въ лицѣ своего командованія заявила, что она Крыма покидать не намѣрена и съ добровольческой арміей отступать не станетъ.

Положеніе создалось въ городѣ довольно смутное. Оно стало еще смутнѣе, когда первый эскадронъ Крымскаго Коннаго полка послѣ кратковременнаго митингованія, на который пріѣзжалъ лейтенантъ Гомайеръ заявилъ, что онъ также присоединяется къ бригадѣ и съ полкомъ не отступаетъ. Полковой Командиръ и многіе офицеры ходили убѣждать всадниковъ, но безъ всякаго успѣха. Положеніе было особенно тяжело въ томъ смыслѣ, что нѣсколько офицеровъ перваго эскадрона, преимущественно изъ русскихъ нѣмцевъ, присоединились къ солдатамъ. Изъ разговоровъ съ солдатами получалось впечатлѣніе, что нѣмцы-колонисты вовлечены въ какую то сложную махинацію на почвѣ соглашенія съ боль-

шевиками. Повидимому имъ было дано завѣреніе, что если нѣмецкіе солдаты не пойдутъ съ добровольцами, большевики будутъ щадить нѣмецкія колоніи.

Въ концѣ концовъ никто не зналъ, въ чемъ же заключается планъ руководителей нѣмецкой бригады. Могло случиться и такъ, что въ послѣдній моментъ ей будетъ приказано разоружить оставшіяся въ Симферополѣ Добровольческія части и выдать ихъ большевикамъ. Численное превосходство было на ея сторонѣ и слѣдовательно такой планъ былъ вполнѣ осуществимъ. Оффиціально руководители бригады предприняли слѣдующіе шаги. Они обратились къ мѣстному Городскому самоуправленію, которое по заведенному въ эпоху гражданской войны порядку, принимало на себя власть въ эпоху междуцарствія, съ предложеніемъ нести охрану въ городѣ до прихода красныхъ войскъ. Добровольческому же командованію было заявлено, что бригада не только не будетъ препятствовать отступленію добровольческихъ частей изъ Симферополя, но даже постарается обезпечить безопасность отступленію въ чертѣ города.

Все это вмѣстѣ взятое не могло не отражаться на духѣ той небольшой кучки людей, которая носила тогда наименованіе Крымскаго полка.

Мы жили въ роскошномъ особнякѣ бывшаго полковаго собранія Крымскаго полка. Когда то здѣсь текла веселая полковая жизнь, а теперь на грязномъ полу въ повалку лежали люди, пахло плохими щами и человѣческимъ потомъ. Обстановка, въ которую я попалъ, невѣроятно поразила меня — главнымъ образомъ простотой и товарищескимъ характеромъ отношеній. Всѣ были на «ты», всѣ шутили, смѣялись и, если угодно, не по нашему, не по профессорски, воспринимали жизнь. Мнѣ казалось, что я вернулся въ какія то старыя, давно изжитыя эпохи моей жизни — въ эпоху студенчества или даже въ гимназическіе годы. Переходъ этотъ для меня свершился безъ особыхъ затрудненій, главнымъ образомъ, благодаря чрезвычайной радушности, съ которой я былъ принятъ. И старые и молодые, каждый по своему, старался ввести меня въ эту новую жизнь и сдѣлать переходъ къ ней возможно легкимъ.

Въ теченіе дня было скучно отъ постояннаго бездѣлья. Всѣ старались какъ нибудь убить время — кто спалъ, кто игралъ въ карты, кто утекалъ въ городъ, что было впрочемъ запрещено. Главное, никто не зналъ, когда мы будемъ выступать и куда. Между тѣмъ въ городѣ было тревожно, а съ фронта шли самые разнорѣчивые слухи. Никто толкомъ не зналъ, гдѣ даже находится непріятель. Ясно было, что, прорвавши перекопскія позиціи и перешедши Сиваши, онъ распространялся по Крыму. Армія отступала отъ него на Керчь. Шли разговоры, что и мы будемъ отступать на Керчь, а потомъ на Тамань для соединенія съ Деникинымъ. Другіе говорили, что насъ будутъ грузить на суда въ Феодосіи, третьи, наконецъ, высказывали предположеніе объ отступленіи на Севастополь для соединенія съ «нашими союзниками». Вся эта неопредѣленность создавала тревогу и даже ропотъ. Въ сущности у всѣхъ на душѣ была одна тайная мысль: вотъ мы здѣсь чего то сидимъ и медлимъ, а, можетъ быть, непріятельскіе разъѣзды уже вонъ тамъ, въ полѣ. И попадемъ мы всѣ здѣсь, какъ курица во щи...

Вечеромъ ходили вокругъ дозорами, выставляли патрули и пулеметы. Было какъ то жутко и неуютно. Спать не хотѣлось, и почти всю ночь за большими столами въ бывшей буфетной не переводился чай и шли безконечные разговоры. Къ тому же спать приходилось на полу, на чемъ Богъ послалъ, положивъ подъ голову кулакъ или походную сумку, что мнѣ въ началѣ было не очень привычно.

Такъ прошло дня два-три, довольно, надо сказать, томительныхъ и нервныхъ. Наконецъ, какъ то къ вечеру полковой командиръ собралъ старшихъ офицеровъ и объявилъ, что мы выступаемъ этой ночью на Керчь. Тотчасъ же все оживилось и начались поспѣшные сборы. Выводили на дворъ тачанки и телѣги, грузили ихъ вещами и снаряженіемъ, фуражемъ и провіантомъ, патронами и винтовками. Какъ и всегда при спѣшкѣ господствовала сутолока и безтолочь. Нехва-

тало то сбруи, то возжей, терялись и пропадали вещи, куда то исчезали нужные люди. Не обходилось дѣло безъ ссоръ и перебранки. Словомъ, нельзя сказать, чтобы все шло хорошо и въ порядкѣ.

Часамъ къ одиннадцати ночи все повидимому было готово. Большинство людей расположилось на новомъ средствѣ передвиженія, изобрѣтенномъ гражданской войной — на тачанкахъ. Всадниковъ въ нашемъ конномъ полку было не очень то много, и они помѣстились въ авангардѣ и аріергардѣ обоза тачанокъ. Я попалъ въ отрядъ патронныхъ двуколокъ, начальникомъ которыхъ оказался Костя Каблуковъ. Двуколокъ всего было три: на первой ѣхалъ Костя и я, на второй — два реалиста мѣстнаго реальнаго училища, записавшіеся въ полкъ добровольцами, на третьей — два молодыхъ человѣка, также записавшихся въ полкъ изъ Симферопольской государственной стражи. Насъ предупредили, что съ ними надо быть поосторожнѣе въ виду неясности ихъ политической оріентаціи и ихъ прошлаго. Впрочемъ они не обнаружили никакихъ особо отрицательныхъ свойствъ и вскорѣ сбѣжали отъ насъ неизвѣстно куда.

Часа въ два ночи было объявлено выступленіе. Впереди вышла часть всадниковъ. За ними съ грохотомъ и шумомъ одна за одной стали выѣзжать наши тачанки. Обозъ растянулся по крайней мѣрѣ на версту. Наши патронныя двуколки должны были слѣдовать за тачанками второго эскадрона, но пришлось ждать добрый часъ времени, пока очередь дошла до насъ и мы двинулись въ темное пространство городскихъ улицъ. Много разъ мы останавливались, трогались, опять останавливались. Заднія лошади напирали на переднихъ, горячились и ржали. Наконецъ, колонна выровнялась и медленно потянулась по улицамъ Симферополя. Была теплая весенняя ночь, городъ спалъ и кое-гдѣ только свѣтились огни. Я вспомнилъ ту осеннюю ночь, когда въ Симферополь пришли первые добровольцы. Что то думалъ теперь провожавшій насъ обыватель?..

Когда мы стали выѣзжать на главныя улицы, мы столкнулись съ какими то другими обозами, двигавшимися въ томъ же направленіи, что и мы. Наши тачанки частью влились въ нихъ, частью отстали. Въ темнотѣ началась страшная сутолока. Было ясно, что нападеніе, сдѣланное самой незначительной группой людей, могло бы при этихъ условіяхъ вызвать невообразимую панику. Къ счастью все обошлось благополучно. Уже разсвѣло, когда мы достигли окраинъ города и выѣхали на Феодосійское шоссе. Здѣсь нашъ полкъ постепенно подобралъ своихъ, подравнялся и двинулся въ путь по направленію къ восходящему солнцу.

Въ слободкѣ, на самомъ краю города, мы проѣхали мимо разсыпанной въ цѣпь военной части, расположившейся вдоль шоссэ съ пулеметами. То была нѣмецкая егерская бригада, охранявшая наше отступленіе изъ Симферополя. Нѣмцы сдержали свое слово.

Крымскій исходъ не былъ столь грандіознымъ отступленіемъ и даже бѣгствомъ, какъ отступленіе изъ Ростова въ декабрѣ 1919 года, свидѣтелемъ котораго мнѣ также пришлось быть. Двигались не очень значительныя войсковыя части, растянувшіяся благодаря своимъ безконечнымъ обозамъ. Населеніе оставалось на мѣстахъ и не бѣжало вмѣстѣ съ арміей. За арміей слѣдовало небольшое количество «буржуевъ», въ массѣ своей, выѣхавшихъ ранѣе въ приморскіе порты и города. Обозъ нашихъ тачанокъ послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія по Феодосійской дорогѣ значительно оторвался отъ другихъ отступавшихъ частей и образовалъ самостоятельную колонну. Далеко впереди насъ двигался какой то другой обозъ, далеко сзади шли незначительныя артиллерійскія части. Наши конные разъѣзды шли на сѣверъ отъ насъ по границѣ невысокихъ холмовъ, отдѣлявшихъ степную часть Крыма отъ горной. На югѣ, то приближаясь, то отдаляясь, виднѣлись покрытыя лѣсами крымскія горы.

Первая деревня, въ которой мы остановились на отдыхъ, слыла за большевистскую. У жителей ея уже были какія то столкновенія съ добровольцами по поводу мобилизаціи, однако мы не встрѣтили въ ней какого либо явно враждеб-

наго пріема. Напротивъ, жители старались обнаружить по отношенію къ намъ максимумъ нейтралитета, какъ бы желая показать, что ихъ все это военное передвиженіе ни мало не касается и вообще они въ немъ столь же мало заинтересованы, какъ и въ стаѣ воронъ, которая летитъ надъ деревней. Такое отношеніе со стороны русскаго населенія Крыма пришлось мнѣ не разъ наблюдать и позднѣе въ теченіе нашихъ странствій. Большой дипломатъ русскій мужикъ. При нашемъ появленіи дѣлалъ онъ обычно такую мину, что ровно онъ во всемъ происходящемъ ничего не понимаетъ и не знаетъ. Съ преувеличенной медлительностью выставитъ, бывало, хозяинъ крынку молока и десятокъ яицъ, вздохнетъ, сдѣлаетъ весьма огорченный видъ и промолвитъ:

«Ахти Господи, какая бѣда... Вотъ воюютъ люди, мучаются... А за што же это вы, господа, воюете?»

Вопросъ, надо признаться, весьма ядовитый. Трудно на него отвѣтить среднему офицеру, когда и въ Екатеринодарѣ то на него отвѣчали не безъ труда. Начиналась тогда обычная картина. Если вопрошающій попадалъ на бывалаго человѣка, тотъ пускалъ въ ходъ какую нибудь прибаутку:

«Воевали братъ за землю и волю, а теперь за домъ, да печь, а то негдѣ лечь».

Подобный оборотъ рѣчи весьма по сердцу русскому крестьянину. Онъ думаетъ, что собесѣдника не проведешь, онъ себѣ на умѣ, не хуже, чѣмъ самъ вопрошающій. Обмѣнъ дипломатическими нотами состоялся, можно перейти теперь къ обсужденію другихъ, болѣе безразличныхъ предметовъ. И разговоръ переводился на урожай, на дороговизну или на погоду. Но если вопрошающій попадалъ на человѣка молодого и горячаго, тотъ начиналъ читать ему лекцію о меньшевикахъ, большевикахъ, бѣлыхъ, красныхъ и т. д. Хозяинъ слушаетъ, бывало, его не безъ учтивости, но съ внутреннимъ плохо скрываемымъ убѣжденіемъ: «ты мнѣ, братъ, зубы не заговаривай, я и самъ понимаю». И отдѣльныя его неожиданныя реплики обнаруживали не только полную освѣдомленность въ обстановкѣ, но и опредѣленную программность убѣжденій:

«Такъ ежели, господа»,—скажетъ вдругъ такой хозяинъ,—«ваша побѣда будетъ, золотые погончики стало быть придется надѣвать»...

И подастъ еще десятокъ яицъ.

Такъ приблизительно насъ встрѣчала и первая русская деревня. Кое гдѣ достали молока, кое гдѣ яицъ. Съ неохотой поставили самоваръ. Особыхъ расспросовъ не было. Дѣлался скорѣе такой видъ, что совсѣмъ неприлично спрашивать, куда и отъ кого бѣгутъ. «Наша хата съ краю, ничего не знаю».

Проѣхавъ еще нѣкоторое разстояніе по Феодосійской дорогѣ, мы во второй половинѣ дня неожиданно свернули въ сторону по направленію на югъ, къ крымскимъ горамъ. Здѣсь у самыхъ предгорій мы остановились въ большой нѣмецкой колоніи. Пріемъ, который намъ былъ оказанъ, до сихъ поръ запечатлѣлся въ моей памяти. Насъ встрѣчали и провожали какъ самыхъ дорогихъ гостей, кормили на убой, рѣшительно отказались отъ денегъ и даже предлагали ссудить вещами и одеждой. Оказалось, что многіе односельчане и родственники служили у насъ всадниками въ первомъ эскадронѣ, который примкнулъ къ нѣмецкой бригадѣ и остался въ Симферополѣ.

Вообще говоря, въ дальнѣйшемъ пути лучше всѣхъ насъ принимали нѣмцы-колонисты. Недурной пріемъ встрѣчали мы въ татарскихъ деревняхъ. Немногочисленные болгарскія деревни также не обнаруживали къ намъ непріязни, хотя жители ихъ всегда были склонны ободрать или что нибудь выклянчить. Непріязненнѣе всѣхъ былъ пріемъ у русскаго крестьянскаго населенія въ Крыму.

Мы покинули колонію къ вечеру и проселочными дорогами стали приближаться къ Карасу-Базару, небольшому татарскому городку, расположенному на востокъ отъ Симферополя. Поздно ночью мы достигли города, гдѣ встрѣтили нашихъ высланныхъ впередъ квартирьеровъ. Оказалось, что въ городѣ не было свободныхъ помѣщеній, т. к. всѣ дома были уже заняты прибывшими ранѣе насъ войсковыми частями. Послѣ долгихъ поисковъ наши патронныя двуколки почти

что силою заняли часть какого то постоялаго двора, переполненнаго казаками, повозками и лошадьми. Спать было негдѣ и я, исполнивъ свои новыя обязанности, напоивъ коня и заложивъ ему корма, легъ гдѣ то около него на землѣ. Когда я проснулся, было уже раннее утро.

Въ Карасубазарѣ мы простояли три дня и вышли изъ него послѣдними по направленію къ Старому Крыму. Дорога наша вошла въ горы и стала очень живописной. На лѣво возвышались голыя, сѣрыя скалы, съ правой южной стороны горы были покрыты роскошными лѣсами. Цѣлые поля красныхъ тюльпановъ и дикаго персика разстилались вокругъ насъ. Мы украсили ими нашихъ лошадей, которымъ приходилось или выдерживать крутые спуски, или брать не менѣе крутые подъемы. На подъемахъ, обычно, всѣ слѣзали съ двуколокъ и шли пѣшкомъ, шутя и болтая. Всѣхъ привлекала шедшая по серединѣ колонны громадная повозка — трундулетъ, какъ его называли. Она служила какъ бы походнымъ клубомъ. Трундулетъ этотъ, реквизированный въ Симферополѣ, былъ экипажемъ фантастической конструкціи, нѣчто въ родѣ большого дилижанса, построеннаго въ допотопные времена. На подобныхъ экипажахъ въ старое время возили евреевъ, гдѣ нибудь изъ Бобруйска въ Слуцкъ или Гомель. Трундулетъ продѣлалъ съ нами весь походъ до Керчи и обратно до Сивашей. Онъ доставилъ не мало удовольствія англичанамъ, которые увѣковѣчили его на фотографическомъ снимкѣ, когда мы пріѣхали на немъ однажды на берегъ Чернаго моря, противъ Феодосіи, для установки телеграфной связи съ англійскимъ дредноутомъ.

Вечеромъ этого дня, около одной довольно уединенной деревни, намъ было приказано остановиться. Были уже сумерки, и внизу, въ глубокомъ оврагѣ залегла черная мгла. Деревня казалась уже заснувшей. Не было замѣтно ни жителей, ни свѣта въ окнахъ бѣлѣвшихъ хатъ. Деревню приказано было окружить, обозу же — объѣхать ее вокругъ и дожидаться возвращенія людей, выставивъ патрули. Я пошелъ патрулемъ въ поле и безконечно долго ходилъ по пахучей, свѣжей весенней травѣ около торна и полевой дорожки. Было пустынно и жутко. Вдали лаяли собаки и наши лошади безпрестанно ржали въ обозѣ. Гдѣ то треснули два выстрѣла. Я не зналъ, что все это значитъ, держался за винтовку и соображалъ, что нужно дѣлать, если начнется бой. Но никакого боя не началось. Прошло еще съ полъ часа и я услышалъ голоса возвращавшихся къ обозу людей. Меня стали звать и я вернулся къ двуколкѣ. Оказалось, что мы получили приказаніе сдѣлать въ этой деревнѣ обыскъ и арестовать нѣсколько лицъ, отправивъ ихъ въ Феодосію. Но лица эти предусмотрительно скрылись и обыскъ кончился ничѣмъ. Стрѣлялъ же находившійся въ дозорѣ корнетъ В. — съ перепугу, какъ говорили. Это былъ его первый дебютъ, который повторялся потомъ постоянно. Мы всѣ уже знали, что если В. ночью въ дозорѣ, то будетъ стрѣльба — по дереву, по коровѣ, по своему караульному или, наконецъ, просто «по бѣлому свѣту».

Въ эту ночь прибыли мы въ городъ — Старый Крымъ. Первый разъ послѣ нѣсколькихъ отвратительно проведенныхъ ночей, я нашелъ здѣсь чудесный ночлегъ, съ периной, чистымъ бѣльемъ и съ предварительнымъ недурнымъ ужиномъ. Хозяинъ нашъ былъ мѣстнымъ лавочникомъ до преувеличенности услужливымъ человѣкомъ. Онъ плакалъ, когда мы уходили.

Мы шли все время, не только не соприкасаясь съ непріятелемъ, но даже не имѣя сколько нибудь точныхъ свѣдѣній о ходѣ его наступленія. Во всякомъ случаѣ, мы до сихъ поръ проходили черезъ мѣстности, наиболѣе удаленныя отъ главныхъ линій движенія военныхъ силъ. Отъ того у насъ не было чувства близости къ непріятелю и соединеннаго съ нимъ состоянія напряженности и осторожности.

Общее настроеніе нѣсколько измѣнилось, когда раннимъ утромъ намъ приказали отступать изъ Стараго Крыма не на Феодосію, какъ многіе ожидали, а въ

степную часть полуострова, на линію желѣзной дороги, соединяющей Джанкой съ Керчью. По этой линіи отступали главныя наши силы отъ Перекопа и отъ Сивашей. По этой же линіи велось и главное преслѣдованіе со стороны непріятеля.

До выхода изъ Стараго Крыма возможность столкновенія съ красными была еще далека. Но теперь мы постепенно втягивались въ районъ военныхъ дѣйствій. Передъ нами съ уступомъ послѣднихъ холмовъ разстилалась безконечная равнина, кое гдѣ оживленная очертаніями одинокихъ кургановъ. На сѣверной границѣ ея, надъ Азовскимъ моремъ, висѣлъ сѣрый и холодный туманъ. Рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ подулъ намъ въ лицо, поднимая тучи пыли по дорогѣ. Чѣмъ ниже съ холмовъ, чѣмъ дальше отъ причудливыхъ очертаній Крымскихъ горъ, тѣмъ суровѣе и холоднѣе становился вѣтеръ. Мы покидали послѣднія ступени южнаго берега и вступали въ первые предѣлы холодной Скифіи.

Въ первой деревнѣ мы встрѣтили нѣсколькихъ офицеровъ гвардейскихъ частей, производившихъ фуражировку у себя въ тылу. Они разсказывали, что бои идутъ еще на значительномъ отъ насъ разстояніи, на первыхъ станціяхъ желѣзной дороги, послѣ Джанкоя. По ихъ словамъ непріятель напиралъ также и на Арабатскую стрѣлку — небезызвѣстную своими рыбными промыслами, узкую косу на Азовскомъ морѣ, по которой можно было пѣшкомъ пройти изъ Геническа прямо намъ въ тылъ. Здѣсь впервые услышали также мы объ укрѣпленныхъ позиціяхъ около станціи Акманай, на которыхъ предполагалась задержка красныхъ для болѣе успѣшныхъ эвакуацій на Тамань. Никто изъ насъ тогда не предполагалъ, что позиціи эти сыграютъ большую роль въ послѣдующей оборонѣ Крыма.

Мы двигались на станцію Владиславовку, конечный пунктъ Феодосійской желѣзно-дорожной вѣтки. «Вотъ посадятъ въ Акманаѣ въ окопы», — говорили у насъ, — «и чего канителятся, поскорѣе бы въ Тамань». Тамань эта для всѣхъ представлялась тогда какой то обольстительной страной, завершающей всѣ наши странствованія. «Пріѣдемъ на Тамань, тамъ видно будетъ, что дѣлать». Никто тогда не предполагалъ, что мы до Тамани и не доѣдемъ. Вторженіе большевиковъ въ Крымъ создало убѣжденіе, что здѣсь на Таврическомъ полуостровѣ наше дѣло уже проиграно, что единственное спасеніе — поскорѣе оставить Крымъ. Оттого каждый слухъ о задержкѣ въ предѣлахъ полуострова нѣсколько понижалъ общее настроеніе. Слухи же о скорѣйшей эвакуаціи въ Тамань встрѣчались съ нескрываемымъ одобреніемъ.

При такомъ настроеніи мы не безъ удовольствія получили на одной изъ послѣднихъ ночевокъ около Владиславовки извѣстіе, что насъ не задерживаютъ на Акманайскихъ позиціяхъ, а двигаютъ ближе къ Керчи на станцію Семь Колодезей. Это казалось тогда весьма добрымъ признакомъ. Мы двигались тогда довольно быстро, верстъ по сорока въ сутки, и разсчитывали въ ближайшіе дни быть уже въ Керчи. «Хорошо задаемъ драпу» — острили у насъ. Дорога шла унизанной курганами пустынной крымской степью. Сколько здѣсь было этихъ кургановъ — и одинокихъ, и стоящихъ цѣлыми группами, и растянутыхъ въ безконечно длинную цѣпь. Сколько народовъ и людей прошло до насъ по этимъ полямъ, оставивъ за собою эти вѣчные слѣды.

Въ Семи Колодезяхъ, богатой нѣмецкой колоніи, я помѣстился въ большомъ, покинутомъ каменномъ домѣ, хозяинъ котораго недавно былъ убитъ какими то разбойниками, а семья бѣжала. Въ домѣ все дышало порядкомъ и сытымъ довольствомъ. Казалось, что хозяева просто выѣхали къ сосѣдямъ въ гости. Вотъ подъѣдутъ они на чистенькомъ шарабанѣ, заиграетъ въ гостиной рояль и весело закричатъ дѣти. Оставшіеся въ домѣ работники изъ нѣмцевъ бережно хранили хозяйское добро и сначала относились къ намъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Когда же увидѣли, что мы не грабимъ и даже оплачиваемъ продукты, на столѣ появились у насъ такіе окороки и такія куры, которыхъ мы не видѣли со временъ старой помѣщичьей жизни.

Такъ жили мы въ Семи Колодезяхъ нѣсколько дней. Нашъ обозъ второго разряда за эти дни передвинулся въ Керчь. По дорогѣ около однихъ каменоло-

менъ, какъ разсказывала воротившаяся охрана, онъ былъ обстрѣлянъ какими то молодцами, нападеніе которыхъ было съ легкостью отбито конвоемъ. Конвойные, воротившіеся изъ Керчи, разсказывали, что тамъ царитъ большая паника. Всѣ лѣзутъ на Тамань, не соблюдая порядка и очереди. Около Керчи въ каменоломняхъ засѣло большое количество бандитовъ и большевиковъ, ждущихъ момента ударить въ тылъ отступающихъ добровольцевъ и захватить керченскій портъ. Нашъ обозъ, помѣщенный временно подъ Керчью, каждую ночь, по ихъ словамъ, находился подъ угрозой нападенія каменоломщиковъ, которые настолько дерзки, что захватываютъ отдѣльныхъ лицъ въ плѣнъ даже среди бѣлаго дня.

Извѣстія эти нѣсколько нарушили наше пріятное житье въ колоніи. Начались разговоры о томъ, что насъ слишкомъ задерживаютъ. Извѣстно, что бываетъ при такихъ задержкахъ — нахлынутъ отступающіе отъ Перекопа подъ прямымъ преслѣдованіемъ красныхъ, попадемъ мы въ общую сумятицу и вовсе не выберемся. У нѣкоторыхъ изъ моихъ новыхъ сотоварищей замѣтили мы стремленіе подъ видомъ болѣзни или командировки двинуться поскорѣе въ Керчь. Ихъ звали «ловчилами», издѣвались надъ ними, но они все таки постепенно исчезали.

Костя затѣялъ со мною однажды серьезный разговоръ.

«Стоитъ ли тебѣ», — мы какъ и большинство перешли на ты, — «путаться еще здѣсь. Поѣзжай въ Тамань, дадимъ тебѣ командировку, оттуда поѣдешь, куда хочешь».

«Нѣтъ, уже не буду создавать паники».

«Вотъ покажутъ тебѣ большевики панику»...

Я все же рѣшилъ выдержать характеръ.

Послѣдующія событія развернулись, однако, довольно быстро. Однажды вечеромъ я вернулся съ прогулки изъ степи. Вижу — на дворѣ у насъ небывалое оживленіе.

«Наступленіе, сейчасъ выступаемъ обратно на позиціи. Васъ просятъ къ полковому командиру».

Въ домѣ у полкового командира я засталъ весь нашъ командный составъ. «Ну, профессоръ, идемъ въ бой», — говорятъ мнѣ, — «если не хотите съ нами, отправимъ Васъ въ командировку въ Тамань».

Моментъ былъ для меня довольно рѣшительный. Вижу — всѣ на меня смотрятъ не безъ любопытства: серьезно человѣкъ рѣшилъ воевать или просто шутитъ.

«Пойду съ полкомъ», — заявилъ я.

За ночь мы погрузили нашихъ лошадей и наши тачанки въ вагоны, а утромъ прибыли обратно въ Владиславовку. Выгрузившись здѣсь, мы двинулись на Западъ прямо къ Азовскому морю. Арабатская Стрѣлка осталась у насъ прямо въ тылу. Не доѣзжая версты до морского берега, на самыхъ солончакахъ расположена была маленькая татарская деревушка, Ерчи. Въ ней намъ было приказано остановиться.

Передъ деревней тянулись засѣянныя хлѣбомъ поля, переходящія въ небольшую возвышенность, на которой стояло нѣсколько кургановъ. Налѣво раскинулась безконечная равнина съ синѣвшими на горизонтѣ крымскими горами. По ней верстахъ въ пяти отъ насъ виднѣлась желѣзная дорога, деревья и строеніе какой то станціи. Тамъ стояли какія то добровольческія части, съ которыми мы держали связи. Позади деревни равнина переходила въ болотистыя и солончаковыя поля, вязкія и покрытыя мѣстами водой. За полями позади насъ и направо виднѣлась полоса Азовскаго моря. При солнечной погодѣ трудно было разобрать, гдѣ кончался низкій берегъ и гдѣ начиналась вода. Частые въ этой мѣстности миражи создавали на границѣ небесъ и водъ очертаніе какихъ то далекихъ острововъ и полупрозрачныхъ земель. И Арабатская стрѣлка казалась миражемъ, прозрачнымъ и лишеннымъ твердыхъ очертаній.

Въ новой обстановкѣ замѣтно измѣнился и духъ нашихъ людей. О Тамаш уже нечего было разговаривать. Впереди насъ и съ праваго бока была жуткая пустота, которая въ любой моментъ могла обнаружить врага. И днемъ, и ночью приходилось нести дозорную и сторожевую службу. Спали, не раздѣваясь на полу татарскихъ сакль, но спали плохо, благодаря несмѣтному количеству разныхъ насѣкомыхъ.

Былъ конецъ страстной недѣли. Въ великую пятницу гдѣ то впереди и лѣвѣе насъ по линіи желѣзной дороги весь день бухала артиллерія. Наши конные разъѣзды выѣзжали на нѣсколько верстъ впередъ, не натолкнувшись на непріятеля. По слухамъ онъ велъ бой за обладаніе одной изъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій впереди насъ.

Въ ночь съ субботы на Свѣтлое Воскресенье мы рѣшили устроить разговѣнье въ одной изъ нашихъ сакль. Въ субботу вечеромъ готовили Пасху и красили луковыми перьями яйца. Куличи намъ прислали изъ Владиславовки, изъ Штаба. Къ 12 часамъ у насъ въ саклѣ былъ сервированъ на коврахъ чудесный ужинъ даже съ двумя окороками ветчины. Былъ приглашенъ полковой командиръ и всѣ старшіе офицеры. Мы просидѣли всю ночь до разсвѣта въ милой, пріятельской бесѣдѣ.

«Вотъ увидите», — сказалъ шутя командиръ, — «товарищи устроятъ намъ какую нибудь гадость на Свѣтлое Христово Воскресенье».

Солнце уже взошло, когда я послѣ короткаго сна вышелъ на улицу. У наблюдательнаго пункта, устроеннаго на крышѣ одной сакли, стоялъ нашъ командиръ. Ему докладывали, что замѣчена была перебѣжка какихъ то людей въ верстахъ 2-хъ нѣсколько лѣвѣе насъ на границѣ стоящихъ передъ нашимъ лицомъ холмовъ.

«Крнетъ Ш.», — обратился командиръ къ одному изъ офицеровъ, — «пощупайте ка, кто тамъ сидитъ, возьмите съ собой кого нибудь на помощь».

Вызвался идти я и одинъ вольноопредѣляющійся. Меня привлекало маленькое озеро, мимо котораго нужно было держать путь. Было время перелета и тамъ ютилось множество дикихъ гусей и утокъ. Мы думали настрѣлять нѣсколько штукъ къ обѣду. Быстрыми шагами пошли мы по утреннему холодку и вскорѣ достигли озера. Остановились на нѣсколько моментовъ, высматривая пролетающую дичь и сговариваясь, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ идти на обратномъ пути, чтобы не спугнуть ее. Стрѣлять приходилось по сидячей птицѣ пулей.

Я и тогда не могъ отдать себѣ отчета, какъ произошло все послѣдующее — до того быстро и внезапно выведены были мы изъ нашихъ мирныхъ разсужденій. Я услышалъ нѣсколько сухихъ трещащихъ звуковъ и въ то же время особый протяжный поющій свистъ надъ ухомъ. Одно мгновеніе спустя, что то ударилось на землю около ногъ, взрывъ пыль и разбивъ камни. «Ложись, ложись», — закричалъ корнетъ Ш. Я инстинктивно легъ въ траву и тотчасъ же оглушилъ меня грохотъ стрѣляющей рядомъ надъ самымъ ухомъ винтовки, чьей я не разобралъ.

Тогда и потомъ, много разъ въ первые моменты неожиданной опасности первой эмоціей было внезапное сознаніе необходимости что то дѣлать. И въ то же время я рѣшительно не зналъ, что же слѣдуетъ дѣлать. Я оглядывался на своихъ и увидѣлъ, что Ш. стоитъ на одномъ колѣнѣ и цѣлится. Я сталъ смотрѣть, куда онъ цѣлится, и замѣтилъ въ травѣ, на гребнѣ ближайшаго къ намъ кургана, какихъ то перебѣгающихъ людей. Оттуда то трещали выстрѣлы и оттуда прилетали одна за другой свистящія около насъ пули.

Дрожащими руками я сталъ отстрѣливаться. Израсходовавъ одну обойму, я началъ вставлять въ винтовку новую и помню, что она никакъ не лѣзла въ затворъ.

«Бѣги, бѣги», — закричали мнѣ, «обходятъ». И въ то же время я увидѣлъ нѣчто такое, отъ чего холодная дрожь прошла по моему тѣлу. Я увидѣлъ налѣво отъ себя, по ту сторону озера, группу всадниковъ, скачущихъ по полю. Трое изъ нихъ были совсѣмъ близко и можно было различить ихъ костюмы. Впе-

реди скакалъ человѣкъ въ матросской формѣ, какъ то неуклюже размахивавшій согнутыми руками. Они скакали намъ въ обходъ вокругъ озера, желая повидимому отрѣзать намъ путь отъ деревни. Тогда мнѣ показалось, что гибель наша совершенно неизбѣжна. Я побѣжалъ изо всѣхъ силъ по направленію къ нашимъ и чувствовалъ, что въ сущности бѣгство это напрасно; въ горлѣ у меня стало горько, въ груди засосало и я ощущалъ чувство близкое къ тошнотѣ. Силы меня стали покидать.

«Бу-у-бухъ» — зазвевѣло у меня въ ушахъ и какъ бы стукнуло по головѣ и затѣмъ что то зашипѣло и завизжало въ воздухѣ. «Тра-ра-рахъ» — рѣзко раздалось на ближайшихъ холмахъ. Неожиданный и внезапный звукъ этотъ остановилъ меня и даже, кажется, привелъ въ себя. Я перевелъ дыханіе и легъ на траву. «Бу-убухъ» — стукнуло и завизжало опять. Я увидѣлъ бѣлый дымокъ, какъ разъ надъ всадниками. Тотъ, который ѣхалъ вторымъ, вдругъ какъ то махнулся въ сторону и упалъ на землю. Его конь одинъ поскакалъ по степи, другіе стали подбирать поводья.

Намъ разсказывали потомъ, что за ночь въ тылу нашей деревни расположились два орудія. Они то и открыли огонь по лавѣ непріятельской конницы, которая шла въ обходъ нашего лѣваго фланга. Это то насъ и выручило.

Я не только пришелъ въ себя, я чувствовалъ, что овладѣлъ собою, зарядилъ винтовку и, отстрѣливаясь, пошелъ въ деревню. Издали было видно, какъ спѣшно снаряжался нашъ обозъ. Нѣсколько повозокъ скакали уже во весь духъ за околицу, поднимая облако пыли. Въ канавѣ и за заборами залегли наши. Я подошелъ при общихъ одобреніяхъ какъ разъ къ людямъ перваго эскадрона и легъ вмѣстѣ съ другими въ канаву.

Уже въ первое мгновеніе можно было слышать, какъ въ разныхъ мѣстахъ лежащей передъ нами степи, на курганахъ или дальше за ними, одинаково потрескивали отдѣльные выстрѣлы. Красные занимали лежащія передъ нами возвышенности, но ихъ еще не было видно. Всадники отступили назадъ и чуть чуть чернѣли въ далекой степи. Но вотъ тамъ и здѣсь въ отдаленіи стали появляться отдѣльные люди. Нѣсколько мгновеній — и какъ будто изъ земли показалось на возвышенности ихъ длинная и ровная цѣпь. «Здорово идутъ», сказалъ кто то рядомъ со мною. «Молодцы, товарищи». Цѣпь шла дѣйствительно ровно, сплошной лентой, какъ выровнявшіеся дикіе гуси летятъ осенью надъ русскими сжатыми полями. Стало зловѣще тихо вокругъ. Только тамъ на курганахъ у кого то, видно, не выдерживали нервы и онъ неумѣстно тянулъ затворъ и неумѣстно трещалъ отдѣльный выстрѣлъ. Кто-то не выдержалъ и у насъ въ деревнѣ и также ахнулъ.

«Не стрѣлять», — злобно закричалъ командиръ перваго эскадрона, — «Подпускай ихъ на двѣсти шаговъ».

Но на двѣсти шаговъ ихъ не подпустили. Было и всѣ семьсотъ, когда съ праваго фланга вдругъ сорвался нашъ пулеметъ. Та-та-та, неожиданно заговорилъ онъ и, вторя ему, стали пачками стрѣлять наши винтовки и трещать пулеметы.

Цѣпь остановилась и легла. Потомъ стали подниматься и опять ложиться отдѣльные люди. Прошло нѣсколько мгновеній и нестройная линія ихъ начала быстро удаляться назадъ.

Такъ встрѣтили мы Пасху 1919 года.

Послѣ полудня намъ было приказано очистить деревню Ерчи. Мы двинулись назадъ, перешли черезъ Акманайскія укрѣпленныя позиціи въ направленіи Чернаго моря. Здѣсь, не доѣзжая верстъ шести отъ берега, насъ расквартировали въ большой русской деревнѣ, Кашай, находящейся въ ближайшемъ тылу Акманайскихъ позицій. У Акманайскихъ позицій задержалось, какъ извѣстно, дальнѣйшее движеніе красныхъ въ Крыму. Я до сихъ поръ не вполнѣ отдаю себѣ отчета, почему красные прекратили тогда свой напоръ. На войнѣ дѣйствуютъ и

проявляются какія то свои темныя и часто непонятныя силы, которыя управляютъ движеніями людскихъ массъ, ведя ихъ впередъ или останавливая. Такъ было прежде всего и здѣсь: красная волна докатилась на этотъ разъ до середины Крымскаго полуострова, потеряла здѣсь силу своего напора и замедлила свое движеніе. Сами Акманайскія позиціи представляли собою тонкую линію окоповъ и проволочныхъ загражденій, расположенныхъ на 20 верстномъ пространствѣ между Чернымъ и Азовскимъ моремъ. Добровольческихъ силъ было немного и, конечно, сами по себѣ они едва ли могли остановить эту волну. Особой твердой воли оставаться въ Крыму ни у кого не было. Существовала, правда, одна реальная сила, которая дѣйствовала въ нашу пользу, но я не думаю, чтобы и она давала намъ рѣшительный перевѣсъ: это была поддержка англійскаго флота. На лѣвомъ нашемъ флангѣ у береговъ Чернаго моря противъ Феодосіи появился одинъ англійскій дредноутъ и нѣсколько миноносокъ. Мы скоро узнали, что англичане будутъ оказывать намъ поддержку. И, дѣйствительно, намъ было приказано установить съ англичанами телефонную связь и уже при первой нашей развѣдкѣ въ сторону занятой большевиками Феодосіи англичане обстрѣляли противника изъ своихъ мощныхъ орудій. Тогда началась у насъ эпоха увлеченія англійской оріентаціей, пришедшая на смѣну неудачному роману съ французами. Мои старыя надежды сбывались, и я вѣрилъ, что наступилъ наконецъ тотъ моментъ, когда наши союзники рѣшительно помогутъ тѣмъ, которые сохранили вѣрность старымъ договорамъ и трактатамъ.

На крымскомъ фронтѣ сравнительно на долго установилось состояніе устойчиваго равновѣсія. Красные сдѣлали нѣсколько попытокъ къ наступленію, на которыя мы отвѣчали поисками и вылазками въ сторону противника. Потомъ на линіи фронта на долго все затихло и только изрѣдка по ночамъ на разныхъ участкахъ поднимался артиллерійскій и пулеметный огонь, свѣтили съ моря англійскіе прожекторы и бухала тяжелая морская артиллерія. Мы несли охранную и караульную службу. «На войнѣ или скучно, или страшно», — говорилъ нашъ командиръ. Для насъ тогда наступилъ періодъ скуки.

Я постепенно обжился въ полку, сталъ добровольцемъ Николаемъ Алексѣевымъ, временно исполняющимъ обязанности писаря перваго эскадрона. Я старался не уклоняться отъ службы, писалъ приказы по эскадрону, ѣздилъ за фуражемъ, ходилъ въ дозоры. Добровольческое дѣло было для меня тогда большимъ идейнымъ дѣломъ, въ которое я свято вѣрилъ. Здѣсь въ Кошаѣ я получилъ большое количество впечатлѣній и наблюденій, касающихся обычной повседневной жизни нашего добровольческаго движенія, его подлинныхъ настроеній и чувствъ. Добровольческая армія конечно была прежде всего боевой организаціей нашего служилаго сословія и извѣстной части нашей интеллигенціи. «Дворянское ополченіе Прокопія Ляпунова» — какъ я мысленно насъ всѣхъ называлъ. Главнымъ недостаткомъ нашимъ было то, что у насъ было очень мало солдатъ. Развѣ только казацкія части обладали ими въ достаточной степени. Нашъ Крымскій полкъ по основному своему составу былъ полкомъ татарскимъ и основное офицерское ядро, его организовавшее, имѣло въ виду привлечь въ него преимущественно крымско-татарское населеніе, однако татаръ у насъ было очень мало, несмотря на то, что крымскіе татары въ массѣ отнюдь не сочувствовали большевикамъ. Было ясно, что всѣ антибольшевистскія части русскаго населенія окованы какой то особой инерціей, которая рѣшительно препятствуетъ имъ втягиваться въ гражданскую войну. Дѣйственными въ борьбѣ съ большевиками въ сущности были только служилые люди. Но въ сущности говоря, многіе факты убѣждали, что и съ той стороны наиболѣе дѣйственной была также интеллигенція и та полу-интеллигенція, изъ которой революція наша сдѣлала значительную силу. Опасными нашими соперниками были разные коммунистическіе, матросскіе, еврейскіе и т. п. полки, что же касается до несчастныхъ мобилизованныхъ украинскихъ мужиковъ, составлявшихъ массы красной арміи, то это были нестройныя толпы барановъ, которые массами сдавались намъ въ плѣнъ для того, чтобы

опять сдаться большевикамъ при малѣйшемъ ихъ успѣхѣ. Были изъ нихъ такіе типы, которые по нѣскольку разъ ухитрялись перебѣгать отъ красныхъ къ бѣлымъ и бѣлыхъ къ краснымъ Выходило въ общемъ такъ, что война велась одной частью русской, преимущественно, служилой интеллигенціи съ другой частью, не служилой при Имперіи, но ставшей служилой при совѣтскомъ строѣ.

Если говорить о политическихъ взглядахъ, окружавшихъ тогда меня людей, – безразлично офицеровъ или немногочисленныхъ нашихъ вѣрныхъ солдатъ, — то конечно у насъ болѣе или менѣе явно господствовали монархическія настроенія и симпатіи. Я смѣло могу сказать, что не встрѣчался на фронтѣ съ человѣкомъ, который былъ бы убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ демократомъ республиканцемъ и оттого извѣстные разговоры нѣкоторыхъ добровольческихъ частей мнѣ представляются вымыслами досужихъ политиковъ. Что касается до существа этихъ монархическихъ настроеній, то сколько я наблюдалъ, ихъ было два типа: или же монархизмъ чисто легитимный, династическій или болѣе широкій, идейный монархизмъ, сторонники котораго были убѣждены, что независимо отъ династическаго вопроса единственно пригодной для Россіи формой политическаго устройства могла быть монархія. Перваго придерживались люди лично связанные съ бывшей монархіей, ея немногіе вѣрные слуги. Нужно сказать, что ихъ дѣйствительно было не очень много и не этими легитимными чувствами питался монархизмъ широкихъ массъ добровольческаго движенія. Большинство нашихъ монархистовъ принадлежали къ тѣмъ дѣтямъ нашей интеллигенціи и нашего служилаго сословія, которые еще пять лѣтъ тому назадъ не только не были слугами нашей монархіи, нашего царствовавшаго дома, но были въ прямой къ нему оппозиціи. Тогда они митинговали въ университетахъ и пополняли ряды революціонныхъ и соціалистическихъ партій. Они въ первый разъ помирились съ русской легитимной монархіей въ 1914 году, когда съ великимъ національнымъ энтузіазмомъ пошли на германскую войну. А потомъ монархистами сдѣлало ихъ безволіе временнаго правительства, гибель національной дисциплины, позоръ Брестскаго мира и зрѣлище разнузданной анархіи русскаго демоса. Вотъ эти то монархическія и добровольческія арміи не приняли какой либо политически организованной формы — ни сверху, ни снизу. Ибо сверху велась далеко не соотвѣтствовавшая имъ политика Особаго Совѣщанія, а внизу, въ самой толщѣ арміи не существовало сколько нибудь вліятельной политической организаціи, которая бы могла перевоплощать настроенія эти въ обдуманный и сознательный политическій планъ. Оттого добровольческій монархизмъ не былъ связующимъ цементомъ арміи, а скорѣе создавалъ почву для вѣчнаго будированія по отношенію къ Екатеринодару.

Если говорить о дѣйствительныхъ мотивахъ, соединявшихъ армію въ одно цѣлое, то они были скорѣе отрицательнаго свойства. И первымъ мотивомъ было твердое сознаніе нравственной и національной недопустимости служить большевикамъ. Очень многіе изъ добровольцевъ не видѣли большевиковъ въ глаза, примкнувъ къ арміи съ западнаго фронта, изъ области германской оккупаціи, изъ Румыніи и т. п., и тѣмъ не менѣе они всей душой ненавидѣли большевизмъ, считая большевиковъ предателями и врагами Россіи. Другіе же, и ихъ было также не мало, — испытали всѣ ужасы большевистскаго террора, сидѣли въ тюрьмахъ, подвергались издѣвательствамъ, имѣли разстрѣлянныхъ родственниковъ и даже сами были подъ разстрѣломъ. Въ частности, въ нашемъ эскадронѣ одинъ изъ офицеровъ былъ пробитъ на вылетъ пятью пулями и только благодаря случаю выползъ полуживымъ изъ вырытой могилы, а два другихъ спаслись, притворившись сумасшедшими и посидѣвши нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ для умалишенныхъ. Кстати сказать, разсказы ихъ о случившемся принадлежали къ наиболѣе страшнымъ разсказамъ, которые я когда либо въ жизни слышалъ.

Такого рода отрицательные мотивы не могли создавать вдохновенія и энтузіазма. И дѣйствительно, особаго энтузіазма я въ нашей средѣ не наблюдалъ, особенно въ началѣ нашихъ военныхъ скитаній. Наоборотъ, у значительной части,

особенно наиболѣе интеллигентныхъ и мыслящихъ офицеровъ, можно было наблюдать по отношенію къ предпріятію ген. Деникина не малое количество скепсиса. Мнѣ приходилось даже встрѣчать людей — и при томъ весьма храбрыхъ—которые были убѣждены въ полной безнадежности нашего успѣха. Спрашивается, зачѣмъ же тогда они шли за добровольцевъ? Сколько я наблюдалъ, по простому воинскому сознанію долга. Мало ли бываетъ безнадежныхъ предпріятій на войнѣ, а приходится на нихъ идти, потому что такъ нужно. Въ данномъ случаѣ, правда никто не посылалъ и не приказывалъ, а сами по большей части шли — но опять таки потому, что долгъ велитъ не идти съ красными. А какой исходъ?—въ концѣ концовъ неважно, самое большее убьютъ. Весьма многіе придерживались взгляда, что большевизмъ процессъ стихійный и долговременный. Поэтому считали, что самой лучшей нашей тактикой является выжиданіе. Каждый лишній мѣсяцъ протянутый нами есть такимъ образомъ уже неуспѣхъ большевиковъ. Не вѣря такимъ образомъ въ нашу скорую и рѣшительную побѣду, вѣрили въ неминуемый развалъ противника. «За насъ время», такъ говорили они. Другіе и очень многочисленные смотрѣли на дѣло Деникина не столь безнадежно, полагая, что при извѣстныхъ условіяхъ можно это дѣло и выиграть. Когда приходилось говорить объ этихъ условіяхъ, указывали на необходимость болѣе опредѣленной политики, на цѣлесообразность сближенія съ нѣмцами и разрыва съ союзниками, на смѣну командного состава. Въ особенности почему то ненавидѣли ген. Романовскаго. Я совсѣмъ не зналъ покойнаго, никогда съ нимъ не встрѣчался, но не былъ удивленъ его убійству въ Константинополѣ. По мнѣнію арміи, онъ былъ тѣмъ злымъ геніемъ, вліяніе котораго объясняло всѣ неудачи добровольческаго движенія.

О грабежахъ въ Добровольческой арміи безконечно писалось и говорилось — врагами ея, и друзьями. Чтобы быть справедливымъ въ этомъ вопросѣ, нужно понять условія гражданской войны. Когда мы выступили изъ Симферополя у насъ не было не только связи съ интендантствомъ, у насъ даже не было ни одной походной кухни. Питаться вплоть до Кашая приходилось собственными силами и средствами. Я какъ сейчасъ вижу одного изъ добровольцевъ нашего полка, бывшаго оставленнаго при Университетѣ по кафедрѣ классической филологіи, бѣгущимъ по грязнымъ и размокшимъ озимямъ за поросенкомъ и норовившимъ ухватить его за ногу. Вотъ онъ уже совсѣмъ изловчился поймать звѣря, но тотъ увернулся и, при громкомъ смѣхѣ, нашъ классикъ растянулся всѣмъ тѣломъ на грязной землѣ. Поросенокъ, впрочемъ, былъ общими силами пойманъ и тотчасъ же изжаренъ. Такъ жарили гусей, индѣекъ и куръ въ большомъ количествѣ, въ особенности въ голодное время. Это былъ, конечно, грабежъ, но грабежъ изъ за нужды, потому что ѣсть было нечего. Объ этой нуждѣ слѣдовало бы помнить многимъ морализирующимъ публицистамъ, метавшимъ на наши головы громы и молніи. Но скажутъ, что не объ этихъ грабежахъ идетъ дѣло. Говорятъ о награбленномъ золотѣ, серебрѣ и милліонахъ денегъ. Я знаю, что такія части были, но лично я такихъ грабежей не видѣлъ. Мы знали, что одинъ изъ крымскихъ конныхъ полковъ такъ грабилъ, хотя командованіе съ этимъ и боролось. Однако, большинство частей по крайней мѣрѣ въ Крыму такими грабежами не занималось. Все зависѣло въ концѣ концовъ отъ командного состава, въ рукахъ котораго имѣлось сколько угодно средствъ создать то или иное настроеніе въ полку. У насъ, благодаря умѣнію и такту командира, съ самаго начала былъ созданъ порядокъ, грабежамъ не покровительствующій. Въ самомъ началѣ похода у двухъ солдатъ, стащившихъ въ Карасу-Базарѣ кусокъ шелка, былъ произведенъ обыскъ и имъ былъ данъ весьма жестокій нагоняй. А затѣмъ былъ заведенъ обычай по возможности платить за все, что взято у населенія. Я не разъ былъ свидѣтелемъ, что это оказывало на населеніе самое благотворное вліяніе. Помню, въ началѣ похода пришлось прибѣгнуть къ реквизиціи лошадей. Денегъ въ полковой кассѣ было мало и приходилось уплачивать за реквизированнаго коня не болѣе $^{1}/_{10}$ настоящей цѣны, на остальное командиръ выдавалъ квитокъ съ печатью и под-

писью. Это производило на хозяевъ весьма успокаивающее дѣйствіе. Я думаю, у нихъ не было особой надежды получить по квитку, но дѣло было не въ этомъ — дѣло было въ соблюденіи элементарной юридической формы. Населеніе видѣло, что имѣетъ дѣло не съ простыми мародерами, но съ людьми, знающими какой то законъ. Такимъ образомъ поступали мы и при добываніи средствъ питанія. Какъ я уже говорилъ, обычно населеніе сперва не съ охотой давало продукты, но съ теченіемъ, времени, оно было не прочь продавать ихъ, безсовѣстно при этомъ обирая насъ. Мы объявляли тогда таксу на продукты, развѣсивъ объявленіе по деревнямъ, опять таки съ печатью и подписями. И это оказывало благотворное и успокаивающее дѣйствіе. Появлялось и молочко, и яички, и курочка. Бабы ахали, что цѣны дешевыя, мы увѣряли, что мы народъ бѣдный, такъ дѣло и обходилось. Къ общему удовольствію прибавляли поверхъ таксы по нѣсколько рублей и всѣ были сыты.

Сыты были конечно тѣ, у кого были деньги, деньги же были далеко не у всѣхъ. Я какъ рядовой получалъ 90 съ лишкомъ рублей. Офицеры получали въ мѣсяцъ около 300 руб. Не будь у меня своихъ денегъ, мнѣ приходилось бы весьма туго, т. к. казеннаго борща, который заведенъ былъ у насъ въ Кашаѣ, было весьма мало, да и его давали одинъ разъ въ день, а на ужинъ приготовляли такую кашицу съ саломъ, что ее никто не ѣлъ. Вообще, жалованье нисколько не соотвѣтствовало условіямъ жизни. У насъ въ полку помогалъ къ счастью духъ добраго товарищества. Тѣ, кто могъ покупать и ѣсть свое, всегда дѣлились съ неимущими. Снаряженная въ складчину яичница обычно становилась общей.

Не было въ нашей части и другихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о моральномъ разложеніи арміи. Случалось, что устраивались попойки, но никогда не было нелѣпаго безпросвѣтнаго пьянства. Не было безобразной картежной игры, столь развращающей, дѣйствующей на дружескіе отношенія. Нѣкоторые наши картежники начали было устраивать желѣзку по ночамъ въ сараѣ, но ихъ общими силами скоро сократили. Отъ скуки процвѣталъ только безобидный преферансъ, въ которомъ у насъ было много самыхъ тончайшихъ искусниковъ, особенно изъ старыхъ полковниковъ. Съ большимъ удовольствіемъ смотрѣла на ихъ игру молодежь, когда они подводили мины подъ своихъ партнеровъ, оставляя ихъ безъ двухъ и безъ трехъ.

Сидѣніе наше въ Кашаѣ совпало съ весьма серьезными событіями на фронтѣ Добровольческой Арміи. Сосредоточивъ большія силы въ царицынскомъ направленіи и въ направленіяхъ станицъ Торговой и Великокняжеской, большевики повели на ген. Деникина довольно успѣшное наступленіе. Тамъ тогда шли рѣшающіе для насъ бои. Всѣ мы знали, что ихъ неблагопріятный исходъ можетъ повести за собою общее крушеніе арміи. Твердой увѣренности въ невозможности такого исхода ни у кого не было, напротивъ многіе готовились ко всему худшему: поговаривали о возможности отступленія на Кавказъ, въ Грузію и мечтали о переѣздѣ въ Сибирь — то было еще время военныхъ успѣховъ адмирала Колчака.

Въ одинъ дождливый день внезапно и неожиданно, какъ всегда бываетъ на войнѣ, окончилось наше Кашайское сидѣнье. Въ этомъ заключалась одна изъ особенностей нашей военной жизни — въ отсутствіи твердости и надежности положенія. Казалось, что мы уже ужились въ нашей избѣ, завели постоянный жизненный порядокъ, выработали обычаи и привычки, но вдругъ вамъ говорятъ — пожалуйте выступать. Никто не знаетъ куда и зачѣмъ. Начинается утомительная суета дорожныхъ приготовленій и извѣстная передъ всякимъ отъѣздомъ спѣшка. Сначала кажется, что къ сроку и нельзя собраться, но потомъ обнаруживается, что въ назначенный ранній утренній часъ всѣ какъ то подтянулись, позавязались, подковались — и вотъ вытянулся длинный рядъ всадниковъ, а за нимъ обозъ тачанокъ, мѣсящихъ грязь по деревенской улицѣ. Въ кавказской буркѣ, на крупной сѣрой кобылѣ выѣзжаетъ нашъ командиръ и съ группой всадниковъ слѣдуетъ вдоль обоза. Вотъ онъ поравнялся съ головой колонны и медленно она

задвигалась. Безпорядочно потянулись длинныя линіи тачанокъ, обсаженныхъ покрытыми чѣмъ попало и мокнущими подъ дождемъ людьми.

Мы двинулись неожиданно для всѣхъ на востокъ по направленію къ Керчи. Въ Керчи было въ это время очень неспокойно, засѣвшіе въ каменоломняхъ большевики проявляли очень интенсивную дѣятельность. Извѣстно было, что незадолго до нашего выступленія каменоломщики сдѣлали нападеніе на самый городъ. Нападенію подвергалась тюрьма, казначейство и казармы. Однако, дѣйствіями Керченскаго гарнизона нападающіе были выбиты изъ города и опять скрылись въ каменоломняхъ. Почти накануне нашего выступленія было снова совершено нападеніе на керченскій вокзалъ, гдѣ было убито нѣсколько человѣкъ. Мы предполагали, что насъ поведутъ въ Керчь, и предположенія наши оправдались.

Мы двигались цѣлый день и ночевали на какомъ то покинутомъ хозяевами одинокомъ степномъ хуторѣ. Изъ него мы дошли до станціи Семьколодезей, погрузились тамъ на поѣздъ и къ ночи были доставлены на Керченскій вокзалъ. Въ ту же ночь намъ была поручена охрана вокзала и прилегающихъ желѣзнодорожныхъ путей.

Ночью я два раза ходилъ въ караульную смѣну и почти что не спалъ. Утромъ насъ сняли съ охраны и мы почти весь день валялись на вокзальномъ дворѣ въ полномъ незнаніи нашей дальнѣйшей судьбы. Отъ бездѣлья, отъ жары, отъ отсутствія воды и пищи, люди ворчали и сердились. Командиръ уѣхалъ въ городъ и не возвращался. Наконецъ, часамъ къ пяти дня намъ было приказано выступить въ лежащую нѣсколько сѣвернѣе города деревню Булганакъ.

Костя исполнялъ тогда обязанности полкового адъютанта. Онъ ѣздилъ въ городъ и пріѣхалъ оттуда въ настроеніи мрачномъ и серьезномъ.

«Ну, что», — спросилъ я его, отведя въ сторону. Онъ дѣлился со мной обыкновенно разными секретными свѣдѣніями.

«Да, дорогой мой, положеніе у насъ довольно грязное. Врагъ дерзкій и обнаглѣлый. Ихъ довольно много и всѣ крайніе головорѣзы. И къ тому же они почти внѣ предѣла досягаемости. Поди ка, выгони ихъ изъ норъ. Пробовали заходить къ нимъ въ деревню около каменоломень, но неудачно. Обстрѣливаютъ со всѣхъ сторонъ и все больше головныя раны. Бьютъ изъ подъ земли навѣрняка въ голову»...

Мы посмотрѣли вдаль, на виднѣвшееся на горизонтѣ село Аджимушкай, подъ которымъ и около котораго расположены были извѣстныя Керченскія каменоломни. Оно широко раскинулось въ верстахъ трехъ отъ города, гранича съ тянувшимися съ сѣверной стороны курганами и холмами. Не вѣрилось, что въ такой близости отъ одной изъ главныхъ базъ Крымской Арміи, въ самомъ сердцѣ ея тыла могъ пріютиться такой опасный и серьезный врагъ, съ которымъ мы безсильны были справиться. Все это было удивительно и напоминало какіе то разсказы и приключенія, о которыхъ мы читали въ юности.

Да, братъ, все Микола Угодникъ, сказалъ Костя, грязная, братъ, исторія.

Мы быстро собрались и двинулись въ путь по длиннымъ слободкамъ, къ городскимъ предмѣстьямъ. Странныя эти слободки окружаютъ русскіе города. Стоятъ въ нихъ крошечные домики, на курьихъ ножкахъ, съ покосившимися заборами и дырявыми крышами. Здѣсь живетъ та весьма неопредѣленная часть россійскаго населенія, которая именовалась въ свое время мѣщанами. Меня всегда поражала неопредѣленность профессій этихъ россійскихъ гражданъ и ихъ чрезвычайно деклассированный характеръ. Богъ знаетъ, чѣмъ они занимаются — маклачатъ, торгуютъ телятиной и старыми тряпками, снимаютъ сады и огороды, шьютъ сапоги и торгуютъ на лоткахъ. Трудно сказать, буржуазія ли это или пролетаріатъ. По нищетѣ своей они скорѣе всего подходятъ къ послѣднему, а по обладанію недвижимостью приближаются скорѣе къ первому. Таковы повидимому были и жители Керченскихъ предмѣстій, ютившіеся въ безконечно грязныхъ домишкахъ, мимо которыхъ медленно двигался нашъ отрядъ. По взглядамъ, которыми насъ встрѣчали и провожали они, нельзя было сказать, что мы имъ по ду-

шѣ. Нѣкоторые отдѣльные жесты и усмѣшки людей, выглядывавшихъ изъ оконъ и изъ воротъ, прямо говорили, что намъ не желаютъ ни добра, ни успѣха.

Выѣхавъ за околицу города и пересѣкши желѣзнодорожную вѣтку, соединявшую городъ съ огромными виднѣвшимися вдали Брянскими заводами, мы вскорѣ достигли нашей стоянки. Деревня Булганакъ состояла изъ нѣсколькихъ рядовъ домовъ, расположенныхъ на овражистой и очень пересѣченной мѣстности. На сѣверѣ по направленію къ Азовскому морю деревня упиралась въ гряду холмовъ и скалъ, перерѣзанныхъ лощинами и впадинами. Довольно большая возвышенность отдѣляла ее отъ Аджемушкайскихъ каменоломень, лежащихъ въ верстахъ въ трехъ на востокъ по направленію къ Керченскому проливу. Съ юга и съ запада шли широкія поросшія молодымъ хлѣбомъ поля.

Часть домовъ въ деревнѣ была уже занята пришедшей сюда казачьей сотней отряда генерала Б. Поэтому намъ не удалось сконцентрироваться въ одной части деревни. Пришлось разбиться по отдѣльнымъ дворамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга улицами, оврагами и садами. На главной улицѣ остался штабъ полка, команда связи и пулеметъ. Второй и третій эскадроны помѣстились въ сѣверной ея части, а мы въ восточной, граничащей съ поднимающимися по направленію къ Аджимушкаю холмами. Такой способъ нашего раположенія сыгралъ фатальную роль и былъ причиной постигнувшихъ насъ жестокихъ несчастій.

Костя звалъ меня ночевать въ Штабъ полка, помѣстившійся въ очень хорошей хатѣ, но по какому то предчувствію я рѣшилъ остаться въ эскадронѣ. Мы помѣстились въ одной изъ самыхъ крайнихъ хатъ, что называется въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. Былъ уже вечеръ, мы пили чай, когда къ намъ пришли два нашихъ татарина изъ эскадрона и говорятъ, что отыскали невдалекѣ, на краю деревни, пещеры и каменоломни. Мы взяли фонарь и пошли ихъ осматривать.

Шагахъ въ трехстахъ отъ нашей хаты лежалъ довольно глубокій оврагъ. На днѣ его въ обнажившейся отвѣсной скалѣ были выбиты пять довольно широкихъ пещеръ. Ширина ихъ была настолько значительна, что свободно могла проѣхать телѣга съ тройкой лошадей. Мы въ нерѣшительности остановились передъ зіяющей темнотой у входа. Быть можетъ, оттуда кто нибудь слѣдилъ за нами и ждалъ момента, чтобы пустить коварную пулю. Взяли на руки винтовки и зажгли фонарь.

Глядите, сказалъ кто то, здѣсь совсѣмъ свѣжіе слѣды.

Дѣйствительно, въ одну изъ подземныхъ галлерей явственно шелъ слѣдъ отъ проѣхавшаго туда экипажа. Сырая глина, приставшая къ колесамъ, отвалилась на сухомъ полу подземнаго хода, не успѣвъ еще высохнуть. Поставивъ охрану у всѣхъ выходовъ изъ подземелья, мы рѣшили проникнуть въ тотъ, въ которомъ были обнаружены слѣды. Съ мерцающимъ фонаремъ мы постепенно углублялись въ темноту, держась какъ можно ближе стѣнъ подземной галлереи.

Пройдя шаговъ 50 по прямому направленію, мы очутились въ большой выбитой подъ землей круглой залѣ. На полу ея были слѣды соломы и сѣна. Въ одномъ изъ угловъ стояла бочка полная воды. Вода повидимому была чистая и годная для питья.

Въ одной изъ стѣнъ подземной комнаты имѣлся болѣе узкій ходъ, ведущій въ другую болѣе узкую и низкую галлерею. Пройдя по нему нѣсколько шаговъ, мы опять попали въ какую то поперечную галлерею такой же ширины, какъ и первая. Здѣсь вскорѣ нами открыта была наполненная сѣномъ телѣга. Подъ сѣномъ на днѣ ея мы нашли значительное количество винтовочныхъ обоймъ и патроновъ. Стало быть, здѣсь были, а можетъ быть и сейчасъ сидятъ вооруженные люди.

Было уже достаточно поздно, чтобы производить дальнѣйшія изысканія, тѣмъ болѣе, что безъ длинной бичевы опасно было углубляться въ перепутанные подземные ходы. Мы вывезли найденную тачанку изъ подземелья и представили въ штабъ полка, а у входа въ пещеры поставили дозоръ. Тотчасъ же для объясненія вызванъ былъ деревенскій староста. Это былъ плутоватый на видъ и упор-

ный старикъ, единственнымъ отвѣтомъ котораго было, что онъ ничего не знаетъ и знать не можетъ.

«Нынче мало ли какого народа ходитъ», говорилъ онъ, «вотъ вы пріѣхали, а зачѣмъ, намъ неизвѣстно, коли будетъ кто спрашивать, мы не можемъ знать, а въ каменоломни мы не ходимъ, боимся, кто привезъ тачанку намъ неизвѣстно и такой тачанки во всей деревнѣ не было. Это, поди, германская тачанка. Нѣмцы на такихъ ѣздили, а у насъ такихъ не было».

«Ты, братъ, старикъ, не ври, не отпирайся», говорилъ ему нашъ командиръ эскадрона. «Какъ это возможно, чтобы въ деревнѣ не было извѣстно, кто возилъ воду и тачанку, это тебѣ не городъ, ты небось отлично знаешь, какой твой сосѣдъ обѣдъ варилъ. А каменоломщики Аджимушкайскіе къ намъ приходятъ?».

«Каки таки каменоломщики», прикидывался старикъ дуракомъ, «никакихъ каменоломщиковъ мы не знаемъ, мало ли какого народу къ намъ ходитъ. Вотъ намедни пришли ночью пятеро ко мнѣ въ хату съ винтовками, говорятъ, отворяй, а то убьемъ. Отперъ дверь, вошли, давай, говорятъ, ѣсть. Ну покормилъ. А что за народъ, неизвѣстно: Деникинцы, али каменоломщики».

Такъ отъ него ничего и не добились и онъ былъ отпущенъ съ миромъ. Проблема отношенія къ населенію была рѣшена такъ, какъ это соотвѣтствовало началамъ гуманности и человѣческаго достоинства.

Я менѣе всего хочу глумиться надъ этими принципами, но хочу только сказать, что въ суровой обстановкѣ гражданской войны они не всегда бываютъ безопасны. Этого никакъ къ сожалѣнію не могли понять всѣ тѣ, кто требовалъ отъ ген. Деникина введенія конституціонныхъ гарантій и поносилъ Добровольческую Армію за ея жестокое отношеніе къ населенію. Конечно, ненужная жестокость не можетъ быть оправдана даже и на войнѣ, но разъ втягиваешься въ войну, нельзя избѣгать и жестокости. Наши подозрительныя находки не побудили насъ примѣнить къ населенію рядъ репрессій, но если бы мы ихъ примѣнили, то можетъ быть избѣжали бы и ненужныхъ жертвъ. Мы выставили усиленную ночную охрану, особенно въ сторону открытыхъ каменоломень и Аджемушкая и тѣмъ въ сущности ограничились.

Первая ночь прошла спокойно. На слѣдующій день наша молодежь энергично обслѣдовала каменоломню. Галлерей оказалось очень много и ихъ всѣ нельзя было пройти до конца. Такъ и неустановлено было, куда ведутъ и гдѣ кончаются подземные ходы. Среди дня въ деревню пріѣзжали какіе то люди съ морской рыбой, — мужчина и женщина. Женщина показалась намъ ужъ очень интеллигентной для торговки, поговорили о томъ, что ее слѣдовало бы арестовать, но такъ и не арестовали. Вечеромъ того дня я сталъ въ дозоръ въ первую смѣну, невдалекѣ отъ входовъ въ каменоломню. Я лежалъ на небольшомъ курганчикѣ, возвышающемся на берегу оврага, и входы въ каменоломню были прямо напротивъ меня на другомъ берегу. Стоявшій со мной подчаскомъ татаринъ солдатъ, видно, крѣпко хотѣлъ спать. Прикурнувъ на землѣ, онъ неустанно начиналъ похрапывать, сначала мягко, потомъ все сильнѣе и сильнѣе настоящимъ богатырскимъ храпомъ.

«Измаилъ, не спи», будилъ его я.

«Ны какъ нэтъ, спать, ныкакъ нэвозможно», получалъ я отвѣтъ, и черезъ нѣсколько мгновеній снова раздавался его богатырскій храпъ. Наша смѣна была въ полночь и время тянулось безконечно долго. Вѣроятно было уже около полночи, когда съ боку отъ меня на краю деревни сильно залаяли собаки. Вскорѣ послѣ того, мнѣ начало казаться, что въ оврагѣ кто то ходитъ, я явственно слышалъ шумъ шаговъ и паденіе срывавшихся съ крутизны камней. Если ночью прилечь низко къ землѣ и смотрѣть въ даль, легче бываетъ разсмотрѣть очертанія лежащихъ впереди предметовъ, но сколько я не прилегалъ и не всматривался въ темноту, впереди ничего не было видно. Наконецъ, шумъ шаговъ сталъ слышаться слишкомъ явственно. Взошелъ косой рогъ мѣсяца на ущербѣ и при его тусломъ свѣтѣ мнѣ казалось, что невдалекѣ отъ входа въ каменоломню на днѣ

оврага двигаются какія то тѣни. Я разбудилъ Измаила. Спросонья сначала онъ ничего не могъ понять, но потомъ его острый взглядъ сразу уловилъ присутствіе людей.

«Такъ точно, ходытъ», прошептлъ онъ, «вона ходытъ». И сталъ цѣлиться изъ своей винтовки. Мы получили приказаніе стрѣлять безъ опроса и предупрежденія. Я нервно ждалъ выстрѣла, а выстрѣлъ все не шелъ. Ну, ну, скорѣй стрѣляй, думалъ я. И все то же молчаніе. Наконецъ онъ грохнулъ съ неожиданной силой, раскатился по оврагу и отозвался нѣсколько разъ гдѣ то сзади насъ. И тотчасъ же въ оврагѣ мелькнуло нѣсколько огоньковъ, а за ними раздалась характерная трескотня стрѣляющихъ винтовокъ.

Я приказалъ Измаилу тотчасъ же бѣжать съ докладомъ къ караульному начальнику, а самъ остался на посту. Вскорѣ я услышалъ, что въ степи противъ деревни еще затрещали выстрѣлы. Я сталъ волноваться и мнѣ стало казаться, что меня могутъ отрѣзать и окружить. Между тѣмъ все затихло. Въ оврагѣ не обнаруживалось никакого движенія, что не только не успокаивало меня, но еще болѣе волновало. Къ счастью, черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ приближающіеся голоса и шаги нашихъ. Меня пришли смѣнять.

Я не дошелъ еще до начала нашей улицы, какъ около нашего дома при выходѣ въ степь затрещалъ нашъ пулеметъ. Наши пустили нѣсколько снарядовъ, чтобы попугать подходившую къ намъ развѣдку врага. Въ общемъ картина была довольно ясна: каменоломщики подходили къ деревнѣ, производя ночную развѣдку, но нарвались на наши дозоры и ретировались. Теперь мы имъ на закуску рѣшили дать пулеметъ, чтобы отбить охоту отъ дальнѣйшихъ прогулокъ.

Я совершенно былъ увѣренъ, что врагъ нарвался, ушелъ и больше не вернется. Подъ вліяніемъ этой увѣренности я рѣшилъ по настоящему выспаться остатокъ этой ночи. Въ нашей избѣ еще не спали, я поболталъ немного, а затѣмъ залегъ на свободную кровать и тотчасъ же уснулъ мертвымъ сномъ.

Не знаю, сколько я спалъ, но разбудилъ меня чрезвычайный шумъ, поднявшійся въ нашей комнатѣ. Первое мгновеніе спросонья ничего нельзя было понять. Потомъ услышалъ я залпы вокругъ избы и крики нашихъ: «Одѣвайся, вставай, насъ окружили». Меня охватила жестокая нервная дрожь, зубъ, что называется, не попадалъ на зубъ. Руки дрожали и въ темнотѣ я не могъ найти части разбросанной одежды. Кто то зажегъ свѣтъ и тотчасъ же въ отвѣтъ раздался залпъ, стекла зазвенѣли и посыпались изъ окна. «Гаси, гаси свѣтъ», кричалъ кто то. «Вылѣзай изъ избы, а то хватитъ граната». Я кое какъ натянулъ сапоги, надѣлъ подсумокъ и взялъ винтовку. Въ избѣ уже никого не было, я былъ послѣднимъ.

Помню, я машинально остановился, когда подбѣжалъ къ двери. На мгновеніе мною овладѣло чувство, похожее на то, которое испытываешь, когда приходится прыгнуть въ ледяную воду. И по пріобрѣтенной еще въ дѣтствѣ привычкѣ, креститься, когда прыгаешь въ воду, я перекрестился и выпрыгнулъ въ непроглядную темень двора. Я инстинктивно наклонялъ голову, ожидая или выстрѣла въ упоръ, или удара по головѣ. Съ такимъ чувствомъ я пробѣжалъ дворъ, наткнулся на какого то тоже бѣжавшаго человѣка и выскочилъ на улицу. Вокругъ продолжали стрѣлять, и нельзя было понять, откуда и въ кого стрѣляютъ. Выбѣжавъ изъ воротъ, я остановился. Куда бѣжать, думалъ я. Налѣво лежала деревня, направо конецъ улицы и степь. Твердая увѣренность, что нападеніе идетъ изъ степи, а не изъ деревни, гдѣ были расположены наши, повернула меня въ лѣвую сторону. Я побѣжалъ по пустынной улицѣ подъ гору и достигъ перваго перекрестка. Здѣсь я былъ окликнутъ нѣсколькими пробирающимися подъ заборомъ людьми.

«Стой, кто идетъ!»

«Свой».

«Кто свой, пропускъ».

У насъ въ этотъ день пропускомъ служила «пушка».

«Пушка», кричу я.

«Какъ», кричатъ мнѣ въ отвѣтъ, «ишь, сволочь, говорить разучился».

«Пушка», закричалъ я опять и похолодѣлъ. Я понялъ, что попалъ прямо на дозоръ большевиковъ. Внезапность происшедшаго не дало мнѣ возможности предпринять какія либо обдуманныя дѣйствія. Я просто стоялъ, какъ остолбенѣлый, думая, что сейчасъ же буду захваченъ и разстрѣлянъ. Но по совершенно непонятной для меня тогда причинѣ, люди изъ темноты закричали мнѣ:

«Отваливай скорѣй, товарищъ, а то прямо попадешь къ кадетамъ».

Какъ я узналъ потомъ, меня, также, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, спасло одно курьезное обстоятельство: у насъ въ ту ночь былъ пропускъ «пушка», а у нихъ «мушка».

Помню, рядомъ былъ домъ, потомъ небольшой заборъ. Я, видя, что меня не берутъ и въ меня не стрѣляютъ, машинально снялъ пенснэ съ носа и положилъ въ карманъ, такъ, мнѣ казалось, я болѣе походилъ на «товарища».

«Бѣги, товарищъ, тамъ кадеты», кричали мнѣ изъ темноты. Я пробѣжалъ домъ, поравнялся съ заборомъ, напрягъ всѣ силы и перескочилъ его. Впереди были густые кусты вишенника. Я вбѣжалъ въ нихъ и бросился на землю.

Вокругъ меня все стихло, но на главной улицѣ деревни шла страшная перепалка. «Ура, ура», явно доносилось до меня оттуда. «Бей, кадетовъ». Я совершенно не зналъ, что мнѣ дѣлать и почему то рѣшился вернуться назадъ. Садами я добрался до нашего дома и невдалекѣ отъ него около околицы встрѣтилъ человѣкъ пятнадцать нашихъ съ пулеметомъ. Замѣтно, что всѣ были растеряны, никто не командовалъ и всѣ спорили. Одни предлагали идти на деревню. Другіе говорили, что такъ мы легко перестрѣляемъ нашихъ. Такъ никто и не зналъ, откуда нападалъ врагъ, и гдѣ сейчасъ расположенъ. Неизвѣстно, сколько бы продолжалось это состояніе растерянности, если бы по насъ опять не былъ открытъ огонь. На этотъ разъ обстрѣливали насъ со стороны деревни изъ виноградниковъ и садовъ, которые лежали немного лѣвѣе насъ. Мы тотчасъ же разсыпались и залегли за каменнымъ заборомъ, отдѣлявшимъ сады отъ степи.

По отдѣльнымъ и все учащающимся выстрѣламъ и огонькамъ, мерцающимъ во всю длину прилегающихъ къ степи садовъ, можно было видѣть, что на насъ двигается какая то правильно наступающая цѣпь. Странно, что мы всѣ и, въ частности, я считали эту цѣпь своей, а не непріятельской. Лично я думалъ, что наши, отбивъ нападеніе на главной улицѣ, двигаются, чтобы очистить отъ непріятеля сады. «Не стрѣляй, не стрѣляй», говорили у насъ, «то наши». «Кто идетъ», кричали мы. «Эй, чего стрѣляете, здѣсь свои».. И въ отвѣтъ на наши крики мы стали слышать въ кустахъ голоса наступающихъ. «Не стрѣляйте, то свои, кримцы». Огонь сталъ рѣдѣть. Наступающіе съ каждымъ мгновеніемъ приближались къ намъ и движеніе ихъ слышалось уже совсѣмъ близко. Лежащій невдалекѣ отъ меня полковникъ З. сталъ изъ-за забора во весь ростъ и закричалъ: «Эй, крымцы, что вы по своимъ стрѣляете». И только онъ это крикнулъ, какъ внезапно прямо намъ въ лицо засвѣтилъ свѣтъ огоньковъ и раздался оглушительный залпъ. Я видѣлъ, какъ З. упалъ на землю. Не помню, что было послѣ этого, но я сталъ машинально стрѣлять впередъ черезъ заборъ, какъ можно скорѣй, стараясь работать затворомъ. Я чувствовалъ, что и всѣ такъ же стрѣляютъ, а справа гудитъ нашъ пулеметъ. Не отдаю себѣ отчета, сколько времени все это продолжалось, но наступилъ моментъ, когда подъ вліяніемъ нашего огня противникъ повидимому сталъ отступать и удаляться. Мы поднялись и стали отходить въ степь. Повидимому, это былъ самый разумный планъ дѣйствій при страшной путаницѣ, которая случилась въ эту ночь.

Было уже раннее утро. У полотна желѣзной дороги стоялъ нашъ бронепоѣздъ и обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ деревню Булганакъ. Около него подъ желѣзнодорожной насыпью собрались остатки отступившихъ въ разныхъ

направленіяхъ изъ деревни добровольцевъ. Видъ нашъ, надо сказать, былъ довольно жалкій. Большинство было полуодѣто, многіе дрожали и отъ утренняго холода, и отъ только что пережитой встряски. Тамъ и здѣсь въ степи виднѣлись отдѣльные отступающіе изъ деревни пѣхотинцы и всадники. Въ деревнѣ раздавались еще рѣдкіе одиночные выстрѣлы, повидимому, она была занята врагомъ.

Снаряды изъ двухъ орудій бронепоѣзда летѣли черезъ наши головы, а громъ выстрѣловъ отвратительно оглушалъ. Я отошелъ въ сторону и легъ на траву. Чувство полной физической разбитости, доходящее до полнаго маразма, овладѣло мною. И въ то же время я чувствовалъ, что не могу уснуть: такъ сильно и напряженно бились нервы, не позволяя даже спокойно закрыть глаза. Но не долго продолжался мой отдыхъ. «Вставай, вставай», закричали голоса. Насъ построили, развернули въ цѣпь и приказали выбить непріятеля изъ деревни Булганакъ.

Я первый разъ шелъ въ атаку, въ цѣпи. Усталость, овладѣвшая мною, была столь велика, что въ ней совершенно погасли впечатлѣнія новизны и чувство обычнаго страха. Равнодушно я волочилъ ноги по мокрой отъ росы пшеницѣ. «Не отставай, не отставай, направо равняйся», кричали намъ. Надъ головой свистѣли снаряды бронепоѣзда, разрывающіеся въ деревнѣ и поднявшіе тамъ пожары. Такъ я дотащился до первыхъ садовъ, изъ которыхъ можно было ожидать сопротивленіе противника. Однако деревня спокойно молчала. Она какъ бы вымерла въ это ясное, весеннее утро. Жители попрятались, а противникъ своевременно отступилъ за холмы, лежащіе на сѣверѣ.

На главной улицѣ около дома, гдѣ помѣщался штабъ полка, распластавшись ничкомъ съ разбитой и изуродованной головой, лежалъ трупъ убитаго офицера. Онъ былъ въ новенькомъ чистомъ френчѣ, въ синихъ съ галунами бриджахъ и въ статныхъ кавалерійскихъ сапогахъ.

Костя, сказалъ кто-то, Костя Каблуковъ. Мы остановились и стали креститься.

Потери наши въ ту злосчастную ночь были значительны. 14 убитыхъ... Нѣсколько человѣкъ было уведено въ плѣнъ, откуда они впослѣдствіи всѣ бѣжали. Скоро выяснилась обстановка, при которой случилось нападеніе. Выяснилось, что противникъ былъ отлично оріентированъ во всемъ нашемъ расположеніи, обошелъ всѣ дозоры и прежде всего напалъ на Штабъ полка. Ихъ было человѣкъ 350-400. Прибѣжавшій вскорѣ изъ плѣна вольноопредѣляющійся, которому удалось какъ то скрыться при отходѣ большевиковъ отъ самой деревни, разсказалъ, что среди нападающихъ было нѣсколько деревенскихъ жителей. Было несомнѣнно, что жители деревни имѣли самую тѣсную связь съ каменоломщиками.

Былъ позванъ тотъ же староста для объясненій, однако онъ попрежнему продолжалъ выдерживать «нейтралитетъ». Но съ нашей стороны спокойствіе было утеряно. Особенно обозлены были солдаты-татары, и мы боялись, что они покончатъ со старостой самосудомъ. Упорный нейтралитетъ старика еще болѣе подливалъ масла въ огонь. «Дозволь въ шомпола, Ваше Благородіе», — кричали караульные татары, когда староста упорно отвѣчалъ на всѣ вопросы неосвѣдомленностью и незнаніемъ. Но шомполовъ не разрѣшали.

Здѣсь случилось одно обстоятельство, окончательно нарушившее равновѣсіе допрашивающаго старосту офицера. Пришли люди, производившіе обыскъ въ его избѣ, и сообщили, что тамъ найдены партійныя карточки, изобличающія принадлежность старосты къ коммунистической партіи.

«А не забылъ ли ты что нибудь въ столѣ?» — спросилъ допрашивающій старосту.

Старикъ поблѣднѣлъ и губы у него затряслись.

«Ничего не забылъ, что можетъ у насъ въ столѣ быть?»

«А это что, а?» — и старостѣ показали билетъ.

Старикъ молчалъ. «Дозволь въ шомпола» — рычали караульные татары.

«Вкатите ему, мерзавцу», — былъ отвѣтъ.

Старика схватили и положили на землю. Двое изъ татаръ его держали, а третій желѣзнымъ шомполомъ началъ методически лупить его по спинѣ. «Разъ, два, — отсчитывалъ татаринъ, — «будешь теперь знать, гдѣ большевики»... Картина была не изъ пріятныхъ. Старикъ сталъ стонать. «Будетъ, достаточно», — раздались голоса, но татаринъ вошелъ въ ражъ и запоролъ бы старика до смерти, если бы его не схватили и не остановили два офицера.

Старикъ всталъ съ земли и довольно спокойно сталъ застегиваться. Меня даже поразила та удивительная безучастность, съ которой онъ отнесся къ экзекуціи.

«Такъ не знаешь, гдѣ у васъ большевики», — спросилъ допрашивающій. Старикъ махнулъ рукой.

«Дозвольте доложить, Ваше благородіе», — вступился одинъ изъ присутствующихъ здѣсь понятыхъ. — «Онъ все равно не скажетъ. Спросите его сынишку».

Привели двухъ его сыновей. Одного лѣтъ двадцати съ лишкомъ, видомъ рабочаго, другого мальчишку, лѣтъ пятнадцати. Хотѣли было допрашивать старшаго, но понятой запротестовалъ.

«Не того, Ваше благородіе, вотъ этого маленькаго».

«Да, что онъ знаетъ?»

«Да Вы уже допросите, Ваше благородіе».

Мальчишка плакалъ, и на вопросъ, знаетъ ли онъ, кто изъ деревенскихъ находится въ сношеніяхъ съ каменоломщиками, отозвался также незнаніемъ.

«Да Вы ему вкатите хорошихъ», — сталъ упрашивать понятой. «Вкатите, вкатите», — соглашался и отецъ.

Татары схватили мальчишку. Тотъ закричалъ, какъ сумасшедшій, и началъ брыкаться руками и ногами. Его тѣмъ не менѣе положили и ударили одинъ или два раза.

«Ой, скажу, скажу», — сталъ кричать онъ. «Ой, идите къ Федору Рыжему».—

Мальчишку подняли и онъ сталъ подробно выдавать. Старикъ староста такимъ образомъ застраховалъ себя отъ мести «товарищей» спиной своего младшаго сына. Мальчишка, молъ, выдалъ, что съ него спрашивать...

Ихъ всѣхъ арестовали и передали въ Керчь.

Только что успѣли мы подобрать трупы, какъ изъ Керчи пріѣхалъ ординарецъ съ приказаніемъ атаковать село Аджимушкай и занять его западную часть. Приказаніе это было для всѣхъ довольно неожиданно. Мы построились въ цѣпь, двинулись въ сторону Аджимушкая и скоро заняли крутыя возвышенности, отдѣлявшія насъ отъ села. Здѣсь намъ было приказано остановиться и ждать распоряженія о дальнѣйшемъ наступленіи.

Мы не знали, что въ этотъ день предполагались рѣшительныя дѣйствія противъ каменоломщиковъ. Съ занимаемыхъ нами холмовъ открылась картина значительнаго передвиженія войскъ, концентрирующихся на сѣверной сторонѣ Керченскаго залива, вдоль желѣзнодорожной вѣтки, соединяющей городъ съ Брянскими заводами. Видно было, какъ изъ города подходитъ пѣхота и кавалерія. Два бронепоѣзда проѣхали по вѣткѣ и стали ближе къ Брянскому заводу подъ возвышающемся надъ всей мѣстностью, такъ называемымъ, Царскимъ курганомъ. Въ бинокль можно было разсмотрѣть, какъ ввозили орудіе на этотъ извѣстный своими Скифскими раскопками курганъ, расположенный на юго-востокъ отъ Аджимушкая.

Военныя дѣйствія начались съ артиллерійской подготовки, въ которой приняли участіе и стоявшіе на рейдѣ англійскіе миноносцы. Снаряды падали тамъ и здѣсь въ селѣ, рвались и поднимали столбы дыма и пыли. Потомъ все стихло и по дорогамъ, ведущимъ отъ города къ селу, поѣхали наши броневики, издали потрескивая пулеметами. За ними, изъ-за насыпи желѣзно-дорожной вѣтки, по-

тянулась довольно длинная, охватывающая всю южную часть цѣпь пѣхоты. Чѣмъ ближе подходила цѣпь къ южной части села, тѣмъ жарче и жарче становилась отдаленная трескотня винтовокъ. Повидимому, затѣялся довольно жаркій бой за обладаніе южной части села, результатъ котораго для насъ былъ неясенъ. Въ это время къ намъ прискакалъ казакъ съ приказаніемъ двигаться впередъ. Мы построились въ цѣпь, но цѣпь эта была до смѣшного мала по сравненію съ лежащими передъ нами пространствами. Западный бокъ села растянулся версты на двѣ. Лѣвѣе насъ, къ сѣверу, далеко тянулись выступающіе передъ деревней сады. Прямо передъ нами лежалъ центръ села съ церковью посерединѣ. Правѣе насъ, на югъ, строенія и дома выходили прямо въ поле и далеко тянулись по направленію къ городу и заливу. На крайнемъ концѣ ихъ и шелъ бой. Наша цѣпь была столь мала, что могла атаковать самую незначительную часть западной границы Аджимушкая. Намъ приказано было держать направленіе центра села, прямо на церковь. Выгода такого движенія заключалась въ томъ, что мы ударяли въ тылъ защищающимъ южную часть села краснымъ, но за то, при приближеніи къ центру деревни, слѣва мы имѣли линію выступающихъ въ поле садовъ, угрожающихъ нашему флангу и даже нашему тылу.

Мы шли по засѣяннымъ пшеницей полямъ, все ближе и ближе подвигаясь къ линіи домовъ и строеній. Усталость моя, несмотря на безсонную ночь и пустой желудокъ, какъ то прошла. Нельзя сказать, чтобы было очень страшно, хотя въ умѣ моемъ постоянно мелькала картина перваго дня прошлой Пасхи: непріятельская цѣпь, идущая по полю, зловѣщая тишина у насъ, и потомъ внезапный огонь пулеметовъ. Теперь роли перемѣнились. На сколько шаговъ они насъ подпустятъ и какой устроятъ пріемъ? Деревня противъ насъ зловѣще молчала, только изрѣдка раздавались отдѣльные выстрѣлы и жужжали одинокія пули. Одна ударила рикошетомъ, видно, о камень, около самой цѣпи, и жалобно запѣла. «Что профессоръ, хорошо поетъ», — кричали, свѣясь, мнѣ. «Сопрано»!..» Разстояніе между нами и первыми строеніями становилось все уже и уже. Мы поравнялись съ небольшимъ сельскимъ кладбищемъ, расположеннымъ среди полей, передъ деревней. Вотъ мы миновали его и передъ нами, впереди — большой высокій каменный заборъ усадьбы, выступающей въ поле. Это — большая усадьба сельской школы. Цѣпь наша какъ разъ настолько велика, чтобы охватить эту усадьбу. Откуда то раздаются немногочисленные винтовочные выстрѣлы, не причиняющіе намъ никакого вреда. Вотъ мы уже въ шагахъ стахъ отъ забора. «Ура», — кричитъ кто-то. — «Бѣгомъ маршъ!..» Мы подбѣгаемъ къ забору и не встрѣчаемъ сопротивленія. Мы заняли школу безъ боя.

Сельская школа съ усадьбой была цѣлымъ небольшимъ помѣстьемъ, въ которомъ помѣщались кромѣ школьныхъ зданій домъ учителя, большой садъ и огороды. Все это и найдено было нами въ состояніи полнаго развала и запустѣнія. Школа, повидимому, уже подвергалась артиллерійскому обстрѣлу и крыши зданій были пробиты снарядами. Имущество было вывезено, садъ и огородъ опустошены.

Въ этой то школьной усадьбѣ мы провели три дня и три ночи, превративъ ее въ базу для военныхъ дѣйствій противъ каменоломщиковъ. Прямо противъ школы, черезъ улицу, за небольшимъ рядомъ домовъ, возвышалась сельская церковь — центральное мѣсто селенія. Первое время на колокольнѣ стоялъ непріятельскій пулеметъ, который насъ обстрѣливалъ. Около церкви находились главные ходы въ расположенныя подъ селомъ Аджимушкайскіе каменоломни, за обладаніе которыми и велся первоначальный бой. Помимо этихъ главныхъ ходовъ по всей деревнѣ имѣлось безчисленное количество второстепенныхъ, расположеніе которыхъ никто не зналъ. Жители Аджимушкая занимались ломкой камня и продѣлывали ходы въ подземелья изъ хаты, а не черезъ улицу. Такимъ образомъ не было способовъ закрыть выходы изъ каменоломни и запереть тамъ противника, какъ лису въ норѣ. Въ любое время, особенно ночью, противникъ могъ выйти изъ подземелья, въ любомъ направленіи и въ любое время могъ уйти

подъ землю, становясь такимъ образомъ неуловимымъ. Помню, въ юности, читалъ я у Виктора Гюго, какъ въ Бретани революціонныя войска боролись съ роялистами, также обитавшими гдѣ-то подъ землею. Я думалъ тогда, что все это сочинено романистомъ. Но теперь, наяву, своими глазами видѣлъ я все это — эту совершенно сказочную войну въ подземельяхъ.

Къ половинѣ того дня, когда мы заняли школу, картина борьбы съ каменоломщиками была приблизительно такова. Наши войска, пѣхота и кубанскіе казаки, постепенно заняли всю южную и юго-восточную часть селенія вплоть до церкви и до главныхъ входовъ въ подземелья. Противникъ ушелъ подъ землю и забаррикадировалъ извнутри главные входы, противъ которыхъ кубанскіе казаки выставили нѣсколько пулеметовъ. Здѣсь шла все время не очень жаркая перестрѣлка между нашими и между каменоломщиками, которые обстрѣливали нашихъ изъ подъ земли. Занявъ школу, мы выдвинули наши дозоры впередъ къ церкви на связь съ казаками и подошли къ церковной оградѣ и къ главнымъ входамъ въ каменоломни. Однако, совершенно незанятой оказалась сѣверная часть Аджимушкая. У насъ не хватило силъ для полнаго окруженія деревни и для обложенія всей мѣстности, подъ которой обиталъ противникъ. Кромѣ того, не было гарантіи въ томъ, что въ занятой части села противникъ вдругъ откуда нибудь не выйдетъ изъ подъ земли — изъ какихъ-то невѣдомыхъ ходовъ — и не ударитъ намъ въ тылъ. Словомъ, положеніе было не твердымъ и сомнительнымъ. Приходившіе къ намъ казаки говорили, что ни разу еще за все время великой войны не были они въ такомъ невѣрномъ положеніи, въ которомъ сейчасъ находятся. «Стоимъ съ пулеметами противъ ходовъ», — говорили они, — «а, кто знаетъ, можетъ, врагъ пулеметы голыми руками сзади возьметъ». Оно такъ въ концѣ концовъ и вышло.

Я ходилъ къ церкви смотрѣть главные ходы въ каменоломни. Приближаться къ нимъ было очень опасно — какъ только высунешь голову изъ за стѣны или дома, сейчасъ же изъ подъ земли бьютъ. Однако, подойти къ ходамъ, осторожно и укрываясь, можно было довольно близко, вплоть до переговоровъ съ каменоломщиками. Изъ подъ земли намъ постоянно кричали, ругали насъ и смѣялись надъ нами, говоря, что мы все равно ничего не возьмемъ. «Эй», — кричали намъ, — «кадеты проклятые, чего днемъ стережете, это не наше время. Стерегите ночью, тогда поговоримъ».

Сколько было людей въ каменоломнѣ, тогда точно никто не зналъ. Впослѣдствіи оказалось, что тамъ было до тысячи человѣкъ вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми. Боеспособныхъ же было человѣкъ пятьсотъ-шестьсотъ. Изъ нихъ было много матросовъ, которые являлись наиболѣе боеспособной силой. Начальствовалъ, по одной версіи, бывшей унтеръ-офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ, по другой — бывшій студентъ Харьковскаго Университета. Каменоломщики, повидимому, были въ связи съ Совѣтской Россіей непосредственно черезъ Азовское море. Красные съ сѣвернаго берега Азовскаго моря проникали къ нимъ на рыбачьихъ лодкахъ, что было установлено нашими разъѣздами.

Три дня и три ночи просидѣли мы, какъ я уже сказалъ, въ этой школѣ, держа связь съ казаками и производя вокругъ развѣдку. Здѣсь же на дворѣ разводили костры и готовили пищу, которая добывалась совершенно особымъ образомъ. связъ съ Керчью была небезопасна, обоза у насъ, конечно, никакого не было, но вокругъ по полямъ ходило большое количество выпущенной на волю и пасущейся безъ всякаго призору невѣдомо чьей скотины. Мы стрѣляли ее изъ винтовокъ, снимали здѣсь-же шкуру, рѣзали и потомъ жарили и варили на кострахъ. Днемъ сидѣть было ничего, но ночью отвратительно. Три ночи никто изъ насъ не смыкалъ глазъ, и днемъ приходилось спать по очереди. Съ винтовками наготовѣ стояли мы у школьной каменной стѣны, въ которой продѣланы были нами бойницы и ждали неожиданной вылазки противника. Двѣ первыя ночи прошли относительно спокойно, но третья ночь оказалась для насъ трагичной.

Это была темная, пасмурная, дождливая ночь. Часовъ до двухъ отдѣльные выстрѣлы въ деревнѣ нарушали ночной покой. А послѣ двухъ около главныхъ ходовъ начался очень оживленный огонь, который скоро достигъ значительной силы. Видно, казаки стрѣляли изъ всѣхъ своихъ пулеметовъ, такой тамъ былъ трескъ. Ясно было, что противникъ предпринялъ какія то рѣшительныя дѣйствія, смыслъ которыхъ для насъ былъ совершенно неясенъ, т. к. связь съ казаками была нами потеряна. Неожиданно со стороны Керчи начался артиллерійскій огонь, который поддерживали и англійскіе миноносцы. Англичане обстрѣливали деревню также и свѣтящимися снарядами, которые разрывались надъ нашими головами и своимъ зеленымъ свѣтомъ на нѣсколько секундъ освѣщали все вокругъ. Становилось свѣтло, какъ днемъ, и можно было видѣть на нѣсколько мгновеній, что дѣлается вокругъ насъ. Я не знаю, было ли это для насъ выгодно, при нашемъ партизанскомъ способѣ войны. Мы могли видѣть противника, но и противникъ также видѣлъ насъ.

И случилось такъ, какъ я говорилъ ранѣе. Попытавшись сдѣлать вылазки изъ главныхъ ходовъ и получивъ отпоръ, каменоломщики въ то же время вылѣзли изъ неизвѣстныхъ норъ и ударили казакамъ прямо въ тылъ. Казаки бѣжали, отдавъ противникамъ нѣсколько пулеметовъ. Бѣжала и занимавшая южную часть деревни пѣхота. Деревня была очищена отъ добровольцевъ, и оставалась только одна вклинившаяся въ деревню, занимаемая нами школьная усадьба.

Тогда каменоломщики двинулись на насъ. Было уже раннее утро, и въ то утро пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ жестокаго безпощаднаго боя, въ которомъ истребляли другъ друга русскіе люди. Это была дѣйствительно страшная бойня не на животъ, а на смерть. Перебѣгая отъ хаты къ хатѣ, отъ забора къ забору, шагъ за шагомъ приближались къ намъ красные, осыпая насъ безпощаднымъ огнемъ. Передніе изъ нихъ уже залегли за заборомъ, на той сторонѣ деревенской улицы, и сбоку въ огородахъ, около непосредственно примыкавшихъ къ школѣ деревенскихъ строеній. Стрѣлять приходилось уже, цѣлясь на мушку, въ отдѣльныхъ смѣльчаковъ, которые въ утренней мглѣ старались перебѣжать улицу и достигнуть школьной ограды. Лѣзли они, что называется, какъ черти, и много ихъ лежало тамъ и здѣсь вокругъ школьнаго забора. Тогда убѣдился я въ отчаянности и храбрости нашего противника, о которомъ имѣлъ, какъ и многіе, не всегда правильное представленіе.

Было совсѣмъ свѣтло, когда натискъ противника сталъ, повидимому, слабѣть. Или дѣйствительно они были ночныя птицы и открытыя дѣйствія днемъ имъ не улыбались?.. И мы чувствовали большое утомленіе, а главное обнаруживающійся недостатокъ патроновъ. Я истратилъ свои послѣдніе патроны и пошелъ къ нашему заднему пулемету, чтобы раздобыться новыми. Но оказалось, что у пулемета всѣ патроны въ лентахъ и что пулеметчикамъ вообще не до того, т. к. они замѣтили, что противникъ вдающимися въ поле садами, какъ будто бы пытается обойти насъ съ тылу. Я пошелъ къ другому пулемету и встрѣтилъ нашего адъютанта, которому доложилъ, что у меня патроны всѣ вышли. «Сходите на кладбище», — сказалъ онъ мнѣ, — «и скажите высланнымъ туда пулеметчикамъ, чтобы они оставались тамъ и охраняли насъ на случай отступленія». Я перелѣзъ заборъ и пошелъ въ обратномъ отъ деревни направленіи, — той дорогой, по которой мы наступали на школу. Не прошелъ я пятидесяти-шестидесяти шаговъ, какъ вокругъ меня усиленно начали жужжать пули. Чѣмъ дальше, тѣмъ обстрѣлъ становился сильнѣе и невыносимѣе. Обстрѣливали, повидимому, меня съ двухъ сторонъ, съ южнаго конца деревни и выступающихъ на сѣверѣ отъ насъ садовъ. Я легъ и поползъ, однако пули ложились прямо около меня. Ползти оказалось не легче, чѣмъ идти, и я пробовалъ вставать, но опять ложился и ползъ. Мнѣ казалось, что я уже не выйду изъ этого поля и что сейчасъ придетъ мой конецъ. На душѣ стало какъ то тошно — такъ тошно, что въ головѣ бродила мысль — ну, скорѣе, скорѣе ударь! Впереди меня, въ утреннемъ полусвѣтѣ, зачернѣло

что-то на землѣ, какъ будто лежащій человѣкъ. Я ползъ по направленію къ этому чернѣвшему предмету и скоро увидѣлъ, что ихъ два и что это лежащіе люди. Одинъ изъ нихъ лежалъ навзничь, другой ничкомъ, неподвижно и неестественно распластавъ руки. «Кто это?»... Кто идетъ?» — застоналъ тотъ, кто лежалъ навзничь. Я узналъ въ немъ нашего вольноопредѣляющагося Иванова. Еще вчера въ школѣ, зайдя въ кусты акаціи, я невольно видѣлъ, какъ онъ лежа на землѣ, смотрѣлъ на какой то женскій портретъ и сильно смутился, неожиданно увидѣвъ меня. Такъ ясно, помню, предстало передо мной тогда это воспоминаніе, эта юная краска лица, надъ которымъ сейчасъ уже витала смерть.

«Кто идетъ», — спрашивалъ онъ.

«Это я, профессоръ».

«Прощайте, умираю»...

Я всталъ надъ нимъ и хотѣлъ было его поднять, но онъ сталъ противиться.

«Умираю, идите, идите, а то убьютъ».

Конвульсивное движеніе прошло по его тѣлу и онъ захрипѣлъ.

Въ какомъ то оцѣпенѣніи я пролежалъ около него нѣсколько мгновеній, потомъ напрягъ всѣ свои силы и побѣжалъ по полю къ виднѣвшемуся впереди кладбищу. Помню, силы меня уже стали совсѣмъ покидать, когда я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ граничащаго съ кладбищемъ невысокаго землянаго вала. Я бросился въ канаву у вала въ почти что уже безсознательномъ состояніи.

На кладбищѣ я нашелъ нашихъ пулеметчиковъ, охраняющихъ нашъ тылъ. Пулеметчики сообщили мнѣ, что наши выбиты изъ деревни и что мы принуждены будемъ покинуть школу. Взошло солнце, съ кладбища можно было наблюдать, что по краямъ деревни, то тамъ, то здѣсь между хатами дѣлали перебѣжку каменоломщики, скрываясь за заборами и въ садахъ. Черезъ нѣкоторое время изъ школы выѣхалъ нашъ конный разъѣздъ и мы видѣли, какъ ѣхавшій единственный нашъ полковой казакъ, Дорошенко, упалъ съ коня и конь понесся по полю. Онъ былъ убитъ здѣсь наповалъ. Нѣкоторые изъ нашихъ достигли кладбища и передали, что мы будемъ отступать не сюда, а вдоль деревенской улицы, прямо на югъ. Это было безопаснѣе, т. к. все же можно было скрываться за домами. Повидимому, противникъ дѣйствтельно не ожидалъ нашего отступленія въ этомъ направленіи, а потому и не сконцентрировалъ въ этомъ направленіи значительныхъ своихъ силъ. Изъ домовъ продолжали давать отдѣльные выстрѣлы, которые не причинили нашимъ значительныхъ потерь.

Было уже послѣ полудня, когда мы собрали свой пулеметъ и подъ сильнымъ огнемъ покинули кладбище. Усталость моя тогда была такъ велика, что я мало сознавалъ все вокругъ происходящее. Еле-еле дотащился я до желѣзнодорожной вѣтки около Керчи, гдѣ нашелъ нашихъ. Настроеніе у всѣхъ было тогда чрезвычайно подавленное. Ясно было, что мы потерпѣли большой неуспѣхъ, послѣдствія котораго еще трудно было предвидѣть.

Я хорошо помню нашу первую проведенную послѣ этихъ неудачъ ночь. Мы спали въ какой то грязной избѣ на самомъ краю города, а патрули наши были выставлены въ полѣ въ направленіи къ селу Аджимушкай. Мы всѣ чувствовали, что если бы въ эту ночь противникъ сдѣлалъ на насъ нападеніе, мы едва ли способны были оказать ему сколько нибудь серьезный отпоръ. Въ эту ночь передъ сномъ я слышалъ уже, какъ нѣсколько изъ нашихъ молодыхъ добровольцевъ говорили, что недурно бы было пойти къ морю и пощупать, гдѣ тамъ есть ялики, т. к., вѣроятно, намъ придется спасаться на Тамань. Однако, ночь прошла спокойно. Непріятель, повидимому, былъ также обезсиленъ и лишенъ способности къ прямому натиску. Все же это было одна изъ самыхъ кошмарныхъ моихъ ночей, въ теченіе которой, несмотря на усталость, я почти что не могъ заснуть.

Въ слѣдующіе дни мы постепенно стали приходить въ себя и оправляться. Время, въ общемъ, было очень трудное. Каждую ночь мы ходили на охрану въ поле противъ Аджимушкая и перестрѣливались съ каменоломщиками, а днемъ отдыхали, квартируя въ слободкѣ, на краю города. Съ фронта начали прибывать

тогда значительныя военныя подкрѣпленія, пѣхотныя и конныя. Прошло около недѣли, и однажды утромъ опять началась артиллерійская подготовка и опять деревня была занята нашими. Насъ оставили тогда въ тылу и мы охраняли городъ или же несли по ночамъ дозорную службу вокругъ Аджимушкая.

Для борьбы съ каменоломщиками былъ примѣненъ тогда новый подрывной способъ. Наши подрывныя части стали закладывать взрывчатыя матеріалы въ деревнѣ надъ главными ходами въ каменоломню и главными подземельями, мѣстонахожденіе которыхъ было опредѣлено приблизительно по плану. Взрывы были страшно сильны, и отъ нихъ въ городѣ дрожали стекла. Громадные столбы дыма, расплывающіеся на верху и похожіе на большой грибъ или на раскрытый зонтикъ, поднимались надъ селомъ на ясномъ крымскомъ небѣ. Сотрясенія отъ этихъ взрывовъ подъ землей , вѣроятно, были ужасны — и потомъ уже, когда каменоломщики сдались, оказалось, что у большинства ихъ былъ поврежденъ слухъ и гноились уши.

Въ то время, впервые къ намъ въ Крымъ стало прибывать англійское военное обмундированіе. Привезли его и для нашего полка и, надо сказать, что одѣвшись въ защитный цвѣтъ, мы впервые пріобрѣли видъ настоящей военной части. Эта помощь обмундированіемъ была существенна, хотя и въ ней было много недостатковъ. Болѣе всего непригодны были англійскіе военные сапоги на шнуркахъ и съ тяжелыми желѣзными подковами, у нѣкоторыхъ сортовъ даже съ желѣзными каблуками. По крымской лѣтней жарѣ ходить въ такихъ ботахъ было настоящимъ мученіемъ, даже для привыкшихъ къ тяжелой обуви солдатъ. Бѣлье было дано также добротное, но тяжелое, шерстяное, какое въ пору носить въ холода. Манерки были тонкія, жестяныя, тотчасъ дававшія ржавчину и не выносящія огня. Всего цѣннѣе были защитные френчи и бриджи — то извѣстное одѣяніе, которое и до сей поры еще отличаетъ русскихъ бѣженцевъ въ самыхъ различныхъ частяхъ свѣта.

Дни текли и дѣйствія противъ каменоломщиковъ пріобрѣли характеръ измора. Днемъ ихъ глушили динамитомъ, ночью обкладывали со всѣхъ сторонъ дозорами. Казалось, что они уже потеряли свою активность и вопросъ сводился къ тому, насколько хватитъ имъ провіанта для сидѣнія подъ землей. Нѣсколько нашихъ татаръ, взятыхъ въ плѣнъ каменоломщиками еще въ деревнѣ Булганакъ, однажды ночью перешли къ намъ. Оказалось, что они вошли въ довѣріе къ каменоломщикамъ и ихъ стали даже посылать въ дозоры противъ насъ. Во время одного изъ такихъ дозоровъ они рѣшили утечь и прямо вышли на своихъ крымцевъ.

Татары разсказывали, что у каменоломщиковъ достаточно имѣется всякаго провіанта, вдоволь воды, т. к. въ каменоломняхъ существуютъ свои естественные источники. Особенно безпокоятъ ихъ наши подрывныя дѣйствія, вслѣдствіе которыхъ многіе главные ходы обвалились и вообще жизнь стала въ главныхъ галлереяхъ почти невозможной. Каменоломщикамъ приходится ютиться въ различныхъ побочныхъ ходахъ, сравнительно низкихъ и съ удушливымъ воздухомъ. Среди каменоломщиковъ много больныхъ и замѣчается внутреннее неудовольствіе. Татары разсказывали также, что каменоломни имѣютъ постоянное сношеніе съ городомъ и изъ города имъ доставляютъ всѣ свѣдѣнія, включая даже газеты.

Однажды ночью мы опять стояли на кладбищѣ противъ школы, неся дозорную службу. Погода была дождливая и мы лежали на мокрой травѣ, прижимаясь другъ къ другу отъ ночного холода. Какъ всегда ночью темная жуть ходила вокругъ въ степи. То казалось, что кто-то крадется по полямъ, то вдали на холмахъ какъ будто вспыхивали огоньки и заставляли невольно напрягать зрѣніе и искать чего то въ темнотѣ. Нашъ конный патруль, выставленный далеко въ степи, стрѣлялъ по комъ то въ темнотѣ, и всадники пріѣзжали докладывать, что кто то бродитъ въ степи, а, можетъ быть, и не бродитъ, — такъ показалось. Была уже вторая половина ночи, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ близкаго утра.

«Но что-такое тамъ, въ Керчи», — думалъ я въ полудремотѣ. «Слышишь, въ Керчи стрѣляютъ», — сказалъ кто-то въ темнотѣ. Всѣ зашевелились и вполголоса заговорили. Огонь становился все сильнѣе и сильнѣе, вотъ затрещалъ пулеметъ, вотъ другой. Съ моря забѣгалъ по городу снопъ свѣта отъ англійскаго миноносца. Орудіе бухнуло, и городъ освѣтился отъ освѣтительнаго снаряда. Черезъ нѣсколько минутъ стало ясно, что это были уже не выстрѣлы, это былъ настоящій бой.

Разъѣздъ нашъ поѣхалъ на связь съ казаками, но скоро воротился съ донесеніемъ, что у нихъ никакихъ свѣдѣній нѣтъ. «Вставай, вставай... Стройся», — раздалась команда. Нашъ командиръ рѣшилъ снять охрану и двинуться назадъ въ городъ.

На разсвѣтѣ мы перешли желѣзнодорожную линію и стали подходить къ слободкамъ. Навстрѣчу намъ показалось нѣсколько кубанскихъ казаковъ полуодѣтыхъ, безъ шапокъ и безъ винтовокъ. Они скакали въ поле и были остановлены нами. По ихъ словамъ, въ городѣ произошло возстаніе и его захватили красные.

«Ахъ, вы драпалы», — закричалъ кто то на нихъ. — «Поворачивай назадъ».

«Спасибо, ваше благородіе», — отвѣтилъ одинъ и хлестнулъ коня. Они поскакали въ степь.

Мы начали двигаться по широкимъ улицамъ слободокъ къ центру города. Въ центрѣ шелъ жаркій бой и отсюда можно было уже опредѣлить, что городъ обстрѣливается изъ пулеметовъ съ расположенной надъ нимъ горы Митридатъ, гдѣ по преданію была древняя столица царя Митрадата Понтійскаго. Предмѣстья какъ бы вымерли, но впереди выстрѣлы становились все ближе и ближе. Вотъ нѣсколько разъ треснуло гдѣ-то направо, уже совсѣмъ близко. Мы медленно, въ разсыпанномъ строю, отъ дома къ дому подходили къ одной изъ площадей, гдѣ стоялъ деревянный провинціальный циркъ. За нимъ на перекресткѣ виднѣлась церковь съ оградой — тамъ начиналась одна изъ главныхъ керченскихъ улицъ, на которой какъ слышно, шелъ бой. И едва мы стали выходить изъ за цирка, какъ на насъ посыпались пули изъ-за церковной ограды, заставившія насъ отступить. Одинъ изъ нашихъ, помню, упалъ, раненый въ бокъ.

«Цѣпью впередъ маршъ!» — закричалъ нашъ командиръ, выйдя съ шашкой на голо на середину улицы и побѣжалъ впередъ къ церковной оградѣ. Мы всѣ кинулись за нимъ. Изъ-за ограды стрѣляли сначала жарко, потомъ слабѣе. Въ садикѣ за оградой бѣжали какіе то люди и скрывались за церковь. Церковная усадьба была занята нами и мы отсюда получили господство надъ цѣлымъ рядомъ начинающихся здѣсь керченскихъ улицъ.

Здѣсь скоро нами была установлена связь съ нашими, засѣвшими въ сосѣднихъ домахъ и отражавшими нападеніе красныхъ. Положеніе въ городѣ стало яснымъ. Оказывается, запертые подъ землей каменоломщики рѣшились на послѣдній отчаянный шагъ. По сговору съ керченскими большевиками, они вышли потайными ходами ночью изъ каменоломень, незамѣтно миновали нашу охрану, заняли гору Митридатъ, укрѣпились на ней и напали отсюда на центръ города и на гавань. Не малое количество керченскихъ жителей присоединилось къ нимъ. Многіе важные пункты въ городѣ были заняты возставшими и многія казенные учрежденія были атакованы — въ первую очередь, конечно, тюрьма, для того, чтобы выпустить изъ нея арестантовъ. Однако смѣлыя дѣйствія каменоломщиковъ не имѣли рѣшительныхъ результатовъ. Находившіяся въ городѣ добровольческія части оказали имъ сразу сопротивленіе и, главное, не дали занять порта. Теперь въ разныхъ мѣстахъ шелъ бой, положеніе было очень серьезное, однако большинство нашихъ частей было внѣ города, вокругъ села Аджимушкая. Приходъ ихъ въ Керчь и долженъ былъ рѣшить это смѣлое дѣло.

Постепенно прибывавшія подкрѣпленія заставили красныхъ покинуть низъ города и сконцентрироваться на горѣ Митридатъ, откуда они обстрѣливали насъ пулеметомъ до тѣхъ поръ, пока имъ въ тылъ не зашли конныя кубанскія части. Тогда они принуждены были начать отступленіе на западъ отъ Керчи по длин-

лѣвый флангъ, на которомъ они оказывали болѣе существенное сопротивленіе. В одно утро и намъ было объявлено идти въ наступленіе и день этотъ для насъ былъ днемъ истинной радости. Помню, какъ къ вечеру мы двигались на вокзалъ, провожаемые высыпавшимъ на улицу керченскимъ населеніемъ. Нашъ полкъ какъ-то аклиматизировался въ Керчи и сжился съ ней. Особенно послѣ усмиренія возстанія отношеніе города къ добровольцамъ рѣзко измѣнилось въ лучшую сторону. Замѣтно это было даже на окраинахъ и въ слободкахъ, гдѣ не обнаруживалось уже ни одной тѣни того недовѣрія, съ которымъ насъ встрѣчали тогда, когда мы первый разъ вступали въ Керчь.

Погрузившись вечеромъ въ поѣздъ, мы къ утру переѣхали линію акманайскихъ укрѣпленій и достигли Владиславовки. Здѣсь вездѣ вокругъ были видны слѣды минувшаго боя. Около Владиславовки громадныя зіяющія ямы отъ снарядовъ виднѣлись вездѣ, особенно на обнажившихся отъ воды болотистыхъ солончакахъ. По громадному количеству ихъ можно было судить, какой сильный огонь развивала морская артиллерія стоявшихъ на Черномъ морѣ англійскихъ судовъ. Станціонное зданіе было почти разрушено и почти что снесена большая станціонная водокачка. Далѣе Владиславовки желѣзнодорожный путь былъ разрушенъ красными и по нему шелъ только бронепоѣздъ съ инженерной командой, ведущей починку пути. Мы двинулись походнымъ порядкомъ, кто имѣлъ коней—на коняхъ, кто не имѣлъ коней—опять на тачанкахъ. Три дня мы двигались по линіи желѣзной дороги на западъ, не достигая отступающаго непріятеля. Направо и налѣво отъ насъ по степи вездѣ шли добровольческія войска, поднимая густые столбы пыли по полевымъ дорогамъ. Противникъ, повидимому, отступалъ съ большой быстротой и въ безпорядкѣ, оставляя послѣ себя много брошенныхъ подводъ, оружія и патроновъ. Трупы лошадей и неподобранные убитые люди тамъ и здѣсь валялись по дорогѣ. Нѣсколько разъ впереди насъ былъ слышенъ артиллерійскій огонь, въ сферу котораго мы, однако, ни разу не входили. Помню, около одной изъ станцій мы нашли всю землю вокругъ обсыпанной безконечнымъ количествомъ разныхъ газетъ и прокламацій, оставленныхъ большевиками. Мы съ жадностью бросились на ихъ чтеніе, и я тогда лишній разъ былъ свидѣтелемъ того, какой гвалтъ умѣютъ поднимать большевики по поводу постигшихъ ихъ неудачъ. Въ прокламаціяхъ мы прочли, что Крымъ былъ объявленъ во время нашего наступленія «единой пролетарской крѣпостью», «оплотомъ міровой революціи», «цитаделью борющагося пролетаріата». Сдавать его не разрѣшалось ни подъ какимъ условіемъ. По количеству этой брошенной печатной бумаги можно было предположить, что красные бѣжали довольно неожиданно, несмотря на всѣ ихъ истерическіе призывы къ защитѣ Крыма.

Не доѣзжая до Джанкоя, мы по приказу поворотили на сѣверъ къ Сивашамъ, наперерѣзъ главной линіи Севастопольско-Харьковской желѣзной дороги. Мы отошли такимъ образомъ отъ главной массы добровольческихъ войскъ, которая пошла вслѣдъ за большевиками на Перекопъ, и вступили въ ту часть Крымскаго полуострова, гдѣ еще не проходили бѣлыя войска. Переночевавъ въ одной нѣмецкой колоніи за Джанкоемъ, мы на утро разсыпались въ цѣпь и, держа связь съ какими то другими частями, начали наступленіе прямо на сѣверъ, на желѣзнодорожную станцію Таганашъ, — первую станцію передъ желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Сиваши. Таганашъ былъ занятъ нами безъ выстрѣла и жители сказали намъ, что по ихъ свѣдѣніямъ красные очистили Крымскій полуостровъ, отступивъ въ сѣверномъ направленіи на другую сторону Сивашей. Они разсказывали намъ, что красные отступали въ безпорядкѣ, однако, они успѣли вывести съ собой очень большое количество всякого добра изъ Крыма. Въ проходившихъ черезъ Таганашъ поѣздахъ, цѣлые вагоны были нагружены мебелью и другими домашними вещами. Вслѣдъ за нами въ Таганашъ прибылъ нашъ бронепоѣздъ и при его поддержкѣ нашему эскадрону приказано было дойти до Сивашей и по возможности обнаружить, остановился ли

противникъ на той сторонѣ Сивашскаго моря, на Чонгарскомъ полуостровѣ, или дальше къ Мелитополю.

Часовъ въ 12 дня мы достигли желѣзнодорожнаго моста черезъ Сиваши, по которому не разъ проѣзжалъ я въ Крымъ изъ Москвы. На нашей сторонѣ стояла пустая полуразрушенная желѣзнодорожная будка, окруженная большими деревьями и виднѣлись слѣды былыхъ добровольческихъ укрѣпленій Длинная дамба тянулись черезъ воду и впереди не менѣе чѣмъ въ верстѣ виднѣлись бетонныя постройки моста, подорваннаго отступающими красными. Вторая желѣзнодорожная будка стояла на другомъ, низкомъ берегу Сивашей, тамъ, гдѣ желѣзнодорожный путь переходилъ опять на сушу. Пустынный противоположный берегъ казался вымершимъ, и мы были убѣждены, что противника тамъ нѣтъ и что онъ ушелъ на сѣверъ.

На этой дамбѣ попалъ я въ послѣднее мое военное приключеніе, чуть чуть не стоившее мнѣ жизни. Командиръ эскадрона вызвалъ охотниковъ на развѣдку на ту сторону Сивашей. Пошло, сколько помню, восемь человѣкъ, въ томъ числѣ и я. Я, помню, поотсталъ съ поручикомъ Р., который останавливался и разсказывалъ мнѣ, какъ здѣсь на Сивашахъ весной охотятся на утокъ. Наши передніе были уже почти у бетоннаго моста, а мы пріостановились шагахъ въ двухстахъ сзади нихъ на дамбѣ около самой воды. Вдругъ «дзы-ы» — и меня прямо облило водой. Я инстинктивно упалъ и поползъ къ лежащей на дамбѣ кучѣ камней и шпалъ. Знакомый трескъ пулеметовъ оживилъ пустоту противоположнаго берега, и залпы ихъ сыпались одинъ за другимъ, бороздя пулями воду Сивашей и землю вокругъ меня. Р. приползъ сюда же, за кучу камней. Чувствовалось, что мы, какъ говорятъ, здорово попали. Сзади насъ была узкая, прямая линія желѣзнодорожнаго пути, которую мы оставили за собой приблизительно на полверсты, и на которой не было никакого прикрытія. Впереди были широкіе открытые берега, съ которыхъ насъ можно было съ легкостью разсмотрѣть. По дамбѣ идутъ телеграфные столбы и для пулемета не нужно было даже пристрѣливаться—достаточно поставить прицѣлъ по разстоянію просчитанныхъ столбовъ.

Трещалъ не одинъ пулеметъ, а, вѣрно, три. Одинъ билъ прямо по рельсамъ, другіе два съ боковъ—изъ какихъ то невидныхъ намъ норъ, расположенныхъ на противоположномъ берегу Сивашей. »«Что дѣлать?»—спрашиваю я. «Пропали»,—отвѣчаетъ Р. — «Перестрѣляютъ, какъ куропатокъ». И мы прятали головы за камни и шпалы, что немного помогало. Стоило только высунуть голову и опять по насъ жестоко начинали бить: видно, мы становились замѣтными съ того берега. Такъ прошелъ часъ, другой, третій... Съ нашей стороны сталъ отвѣчать пулеметъ, но скоро замолчалъ. Южное жаркое солнце жгло невыносимо, до безпамятства, знакомое чувство тошноты ощущалось въ груди. Были двѣ надежды: или подойдетъ нашъ бронепоѣздъ и обстрѣляетъ тотъ берегъ, или придетъ ночь, подъ покровомъ которой удастся выйти живымъ.

А что же наши впереди? Что съ ними? Впереди иногда раздавались отдѣльные выстрѣлы, видно, тамъ отстрѣливались. Потомъ выстрѣлы замолкали. Потомъ — прошло уже, вѣроятно, часа четыре и жара стала спадать — отдѣльные выстрѣлы впереди опять стали чаще. Вотъ какъ будто уже совсѣмъ близко трещитъ винтовка. Или это такъ кажется?.. — Наши стрѣляютъ сзади насъ... Смутное предчувствіе томитъ душу. А, можетъ быть, къ намъ подползаютъ изъ-за моста по дамбѣ. Смотрю на Р., онъ качаетъ головой — говоритъ: «дрянно, пожалуй, не выйдемъ». Одинъ случайно брошенный взглядъ впередъ — и я, похолодѣлъ. По самой водѣ, около дамбы, тамъ, гдѣ растетъ осока и стоятъ какія то старыя балки, шелъ по направленію къ намъ человѣкъ. Я прицѣлился и хотѣлъ стрѣлять, но потомъ пришелъ въ себя. То — нашъ турокъ Селимъ, который, Богъ вѣсть какъ, попалъ въ русскіе добровольцы, отчаянная голова, пошедшій также на развѣдку, то онъ идетъ по водѣ, весь въ крови, держась рукой за плечо.

«Селимъ», — кричимъ мы, — «живъ?»...

«Вставайте, Ваше благородіе, наступаютъ...»

«Встаемъ», — говоритъ Р., — «а то хуже будетъ».

Мы встаемъ во весь ростъ и медленно идемъ назадъ по дамбѣ. Сзади, я вижу, съ другой стороны дамбы, прямо по водѣ, прячась въ осоку, идетъ нашъ реалистъ-доброволецъ, Степа. Пули жужжатъ вокругъ, ударяютъ въ воду, подымая фонтаны брызгъ. Глупо бѣжать, потому что спасти можетъ Богъ или случай.

«Эхъ, раненъ», — останавливаясь, говоритъ Р. и хватается за ногу.

«Идти можешь?»

«Кажется, могу».

И хромая, онъ плетется дальше.

У меня какъ то становится особо покойно внутри — ни страха, ни мучительнаго чувства, ни біенія сердца. Только скучно смотрѣть на небо, на пустынные низкіе берега, скучно чувствовать себя самого. Смерть, смерть витаетъ надъ всѣмъ — холодная, нѣмая, бездушная смерть. Не все-ли равно теперь или потомъ, рано или поздно?..

А между тѣмъ судьба распорядилась намъ жить. Другой берегъ былъ уже близокъ и слышны были крики нашихъ. Вотъ конецъ дамбы, вотъ ровъ, деревья и зеленая трава. Р. садится и стонетъ. Ругается Селимъ, снимая окровавленную одежду и вытирая кровь съ лица. Мальчикъ Степа сидитъ на травѣ, безразлично смотря вдаль, а вокругъ все радостныя лица.

Четверо насъ вышло живыми, четверо легло на дамбѣ. Трупы ихъ позднѣе нашли страшно изуродованными и обезображенными. Выкололи имъ глаза, распороли животы, отрѣзали отдѣльныя части тѣла. Особенно всѣ жалѣли одного нѣмца добровольца, рослаго, статнаго красавца, изъ бывшихъ гвардейскихъ солдатъ, который только наканунѣ поступилъ къ намъ въ полкъ, въ нѣмецкой колоніи, гдѣ мы ночевали передъ Таганашемъ. Онъ пробылъ въ полку менѣе сутокъ.

Черезъ нѣсколько времени подошелъ бронепоѣздъ и сталъ обстрѣливать противоположный берегъ.

«Ужъ эта артиллерія», — говорили у насъ. «Всегда придетъ поздно»...

Пришла какая-то пѣхотная часть намъ на смѣну. Пріѣхала дрезина, на которую положили раненыхъ и вмѣстѣ съ ними нашего тогдашняго командира эскадрона, стараго полковника Талаева. Онъ сильно переволновался, пославъ насъ на эту развѣдку и его, повидимому, хватилъ ударъ. Была уже ночь, когда мы пришли въ Таганашъ. У меня тогда наступило какое то душевное онѣмѣніе, которое продолжалось два дня. Я легъ въ пустомъ домѣ на сѣно, пролежалъ ночь и весь слѣдующій день, не хотѣлось ни вставать, ни говорить, ни видѣть людей. На второй день, къ вечеру меня вытащили къ себѣ наши пулеметчики, я выпилъ у нихъ вина и сталъ приходить въ себя. Я узналъ, что Чонгарскій полуостровъ былъ очищенъ большевиками въ слѣдующую послѣ нашей развѣдки ночь. Наши пѣхотные развѣдчики перешли въ бродъ Сиваши, выставили на томъ берегу пулеметъ и начали палить изъ него въ чистое поле. Стрѣльба эта привела большевиковъ въ такое смущеніе, что они, побросавъ оставшіеся на полуостровѣ желѣзнодорожные составы, паровозы и вагоны, бѣжали на сѣверъ въ Мелитопольскомъ направленіи.

Въ эти дни я получилъ телеграмму, вызывавшую меня въ Екатеринодаръ. Я простился съ полкомъ и тронулся въ путь, рѣшивъ заѣхать сначала въ Симферополь.

Южная и центральная части Крыма были очищены большевиками безъ боя, подъ давленіемъ двигающихся съ востока силъ. Добровольческія войска сюда еще не заходили, за исключеніемъ нѣсколькихъ казачьихъ разъѣздовъ. Нѣсколько поѣхавшихъ вмѣстѣ со мною нѣмцевъ, были едва ли ни первые добровольцы, воротившіеся въ Симферополь. Это были веселые для насъ дни, дни успѣховъ радостныхъ, дни радостныхъ встрѣчъ и привѣтствій. Добровольческая армія вышла тогда на харьковскую дорогу, что ни день, то новыя свѣдѣнія объ ея успѣхахъ достигали насъ.

Изъ Симферополя я долженъ былъ поѣхать обратно въ Керчь, т. к. пароходнаго сообщенія изъ Севастополя въ Новороссійскъ тогда еще не было. Черезъ двое сутокъ мучительной дороги добрался я до Керчи и началъ хлопоты объ отъѣздѣ въ Екатеринодаръ.

Выѣхать изъ Керчи, имѣя даже казенную командировку и военную форму, представлялось дѣломъ весьма не легкимъ. Прежде всего нужно было получить рядъ пропусковъ — у коменданта, въ контръ-развѣдкѣ, въ управленіи порта и т. д. Вездѣ стояли не малыя очереди, преодолѣть которыя возможно было или путемъ терпѣливаго ожиданія, или же способомъ такъ называемаго ловченія. И то, и другое, даже для военныхъ, было не легко. Но статскіе, да еще не имѣющіе особыхъ знакомствъ и протекцій, поистинѣ были тогда самыми несчастными мучениками. Приходилось вообще удивляться, какъ они еще ухитрялись путешествовать. И дѣло не ограничивалось добываніемъ пропусковъ. Получивъ ихъ, нужно было сѣсть на корабль — а это представляло новую, не легкую задачу. Никто въ Керчи толкомъ не зналъ, какое судно отходитъ и въ какое время. За свѣдѣніями приходилось путешествовать изъ управленія военнаго порта въ управленіе торговаго порта, оттуда въ многочисленныя частныя конторы и, наконецъ, по пристанямъ. Каждое учрежденіе ссылалось на другое и, въ общемъ, никто ничего не зналъ и, казалось, не хотѣлъ знать. Нѣкоторые пароходы предназначались къ отплытію въ опредѣленный день, однако, ихъ безконечно задерживали военныя погрузки. «Вотъ какъ погрузимся — такъ и пойдемъ» — отвѣчали на вопросъ о времени ихъ отъѣзда. Однако никто не зналъ, когда эта погрузка можетъ кончиться.

Въ блужданіяхъ по всѣмъ этимъ мукамъ, я встрѣтилъ какого то артиллерійскаго полковника, который предложилъ мнѣ по его свѣдѣніямъ наиболѣе простой способъ выбраться въ Новороссійскъ. «Пойдемъ по пристанямъ», — говорилъ онъ, «найдемъ какую нибудь моторную лодченку, на ней и доѣдемъ». Такъ мы и сдѣлали. Послѣ долгихъ поисковъ, дѣйствительно, мы нашли небольшой катерокъ, везшій въ Новороссійскъ уголь. Мы сторговались съ капитаномъ за нѣсколько рублей и погрузились въ надеждѣ, что вечеромъ выѣдемъ. Однако, пришелъ вечеръ, наступила ночь, а мы все не трогались. «Контръ-развѣдка не пришла», — говорили намъ.

«А когда же придетъ?»

«Неизвѣстно, можетъ быть, завтра утромъ, а можетъ быть, завтра къ вечеру»...

Контръ-развѣдка пришла рано по утру. Провѣрили документы довольно, правда, поверхностно и формально. Подняли трапъ и медленно отчалили.

Я лежалъ на носу нашего суденышка и смотрѣлъ на постепенно удаляющіеся, усыпанные своими безчисленными курганами керченскіе берега, на которыхъ мнѣ пришлось пережить столько тревожныхъ и опасныхъ мгновеній. Острое чувство жизни, спасенной и подаренной судьбой, наполняло тогда мою грудь. Впереди синѣло безконечное море. «Нужно быть благодарнымъ, что еще живъ»,— думалъ я. — «А ужъ какъ буду жить, посмотримъ. Какъ нибудь проживу!..»

Я такъ и пролежалъ большую часть пути на одномъ мѣстѣ. Причудливые узоры водяной пѣны, похожей на мраморъ, расходились по водѣ отъ носа нашего катера. Стаи дельфиновъ догоняли насъ и мѣрялись съ нами въ своемъ бѣгѣ. На горизонтѣ, надъ чуть замѣтнымъ Таманскимъ берегомъ, залегла туча, а надъ нами неслись легкія, какъ дымъ, облака. Былъ уже вечеръ, когда стали вырисовываться впереди довольно высокіе берега Сѣвернаго Кавказа, вблизи пустынныя и сложенныя изъ коричневой, отвѣсно падающей въ море глины. Постепенно они стали переходить въ небольшія горы, покрытыя кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Вотъ горы эти раздѣлились и открыли передъ нами широкій и длинный заливъ. То была Новороссійская бухта, оканчивающаяся громаднымъ Новороссійскимъ портомъ.

Видъ порта поразилъ меня своими грандіозными сооруженіями и своею оживленностью. Большое количество кораблей стояло и на рейдѣ, и у моловъ,

надъ которыми возвышались громадные элеваторы. Уже вечерѣло, когда пристали мы къ одному изъ этихъ моловъ, невдалекѣ отъ желѣзнодорожной станціи. Первый пріемъ, который намъ былъ оказанъ, живо напоминалъ картину покинутой нами Керчи.

«Можно вылѣзать?»

«Никакъ нѣтъ-съ, контръ-развѣдка придетъ»...

«А когда придетъ?»

«Неизвѣстно, можетъ быть, сегодня, а можетъ быть, и завтра»...

Тщетно мой полковникъ препирался со стражей, тщетно звонилъ куда то по телефону, но контръ-развѣдка такъ и не приходила. Приходилось устраиваться на ночлегъ на палубѣ. Главное, мы были голодны, а у мола ничего нельзя было купить съѣстного.

Я уже совсѣмъ устроился, когда ко мнѣ подошелъ все время хлопотавшій полковникъ.

«Знаете, плюнемъ мы на эту контръ-развѣдку, поѣдемъ въ городъ ужинать».

«Да какъ же? Не пропустятъ».

«Вотъ чушь, съ вещами еще не пропустятъ, а безъ багажа, кто можетъ не пропустить?»

«Да, вамъ ничего, а я нижній чинъ. Нарвемся на облаву въ городѣ, посадятъ въ комендантскую?»

«Пустяки, у меня комендантскій адъютантъ знакомый, мы зайдемъ за нимъ ужинать».

Онъ меня быстро уговорилъ. Съ нѣкоторой нерѣшительностью перешагнулъ я бортъ корабля, около котораго расхаживали два часовыхъ.

«Не приказано пущать», — сказалъ одинъ.

«По дѣламъ службы», — вѣско отвѣтилъ полковникъ.

Черезъ полчаса мы были уже въ городѣ и засѣдали съ этимъ самымъ комендантскимъ адъютантомъ въ ресторанѣ за бутылкой хорошаго Новороссійскаго вина.

Послѣ маленькой и тихой Керчи Новороссійскъ произвелъ на меня впечатлѣніе большого шумнаго города. Дѣйствительно, онъ кипѣлъ тогда жизнью, самой странной и причудливой — какъ бы изъ Джека Лондона. Военные всѣхъ родовъ оружія и всевозможныхъ формъ, пьяные англійскіе матросы и солдаты наполняли тогда тротуары, кафе и многочисленные Новороссійскіе кабаки. Много давно уже невиданнаго нами товара лежало въ окнахъ магазиновъ. Корабли изъ Константинополя, наполнявшіе Новороссійскій портъ, ежедневно въ изобиліи подвозили этотъ товаръ. Какія странныя ситуаціи можно было здѣсь тогда наблюдать. Вотъ свитскій генералъ, бывшій директоръ одного изъ привиллегированныхъ учебныхъ заведеній, переставляя флажки на картѣ, объясняетъ любопытнымъ картину военныхъ дѣйствій въ мѣстномъ отдѣленіи Освага. Тщательно онъ собираетъ булавочки и флажки, обнаруживая протертые локти сѣрой генеральской тужурки. Вотъ одинъ изъ небезызвѣстныхъ русскихъ администраторовъ, также военный, состоитъ предсѣдателемъ въ отдѣлѣ портовыхъ грузчиковъ. Грузчики — всѣ бывшіе офицеры-гвардейцы и титулованныя лица, зарабатываютъ въ ночь огромныя деньги, выгружая гвозди, снаряды или мануфактуру. Въ грязномъ притонѣ подъ вывѣской: «Отдай якорь», гдѣ можно пить заграничное пиво и шампанское, съ утра засѣдаетъ весьма декоративная толпа. Здѣсь, рядомъ съ изящной петербургской дамой сидитъ послѣдняя уличная проститутка, рядомъ съ гвардейскимъ полковникомъ — какой то подозрительный сутенеръ. Англійскіе матросы, мѣняя свои фунты, задаютъ всему тонъ. Пачками летятъ донскія деньги и недавно выпущенные добровольческіе колокольчики. Плѣнные солдаты - красноармейцы, массами прибывшіе изъ подъ Царицына, оборванные и полураздѣтые, маршируютъ по улицамъ и распѣваютъ старыя армейскія пѣсни. «А тучки, тучки поднавислы, а въ полѣ палъ туманъ»...

Послѣ крошечной Керчи въ первое мгновеніе жизнь эта захватывала своимъ размахомъ, но вскорѣ чувствовался въ ней какой то волнующій душу хаосъ, который не предвѣщалъ ничего добраго и заставлялъ призадуматься.

Въ Новороссійскѣ, какъ и вездѣ въ районѣ гражданской войны, свирѣпствовалъ ужасный квартирный кризисъ, свободныхъ помѣщеній не существовало, и я принужденъ былъ помѣститься въ офицерскомъ общежитіи, куда попалъ только по большой протекціи. По протекціи меня посадили даже, несмотря на мой нижній чинъ, въ помѣщеніе для штабъ-офицеровъ. Помѣщеніе это было не изъ уютныхъ. Довольно большая грязная комната, плотно придвинутыя другъ другу деревянныя нары, отвратительный воздухъ и вѣчный безпорядокъ и шумъ. Меня увѣряли, что общежитіе это новое и что въ немъ еще не успѣли завестись вши, однако, при первомъ моемъ появленіи я засталъ обитателей за поисками этихъ постоянныхъ спутниковъ гражданской войны. Наполнено было общежитіе исключительно старыми полковниками, которые сидѣли въ немъ, ворчали и съ нетерпѣніемъ ждали будущихъ назначеній. Одинъ изъ ужасовъ деникинской арміи состоялъ въ томъ, что на нее навалилась безконечная свита военныхъ чиновъ старой императорской Россіи. Они волочились за арміей и притязали на назначенія и службу. Многихъ нужно было помѣстить въ богадѣльню, многихъ просто удалить за неспособностью, но старые чины и ордена вопіяли къ главнокомандующему и требовали отъ него назначеній. Съ этимъ балластомъ нельзя было не считаться и онъ только тормозилъ и безъ того несовершенный правительственный аппаратъ добровольческой арміи.

Узнавъ, что я профессоръ, меня натурально приняли за доктора и тотчасъ же потянулись ко мнѣ за совѣтами по поводу старыхъ болѣзней, которыя, конечно, я никакъ не могъ излѣчить.

Я пробылъ въ Новороссійскѣ нѣсколько дней и, выправивъ всѣ необходимые документы, отправился далѣе въ Екатеринодаръ. Екатеринодаръ засталъ я въ полномъ расцвѣтѣ его славы. Добровольческія войска вышли тогда на московскую дорогу, и наступленіе наше окрылялось призывомъ: впередъ, на Москву. Въ спокойномъ сознаніи своего патріотическаго долга, генералъ Деникинъ совершилъ тогда благородный актъ политическаго великодушія и скромности, признавъ верховнымъ правителемъ Россіи адмирала Колчака и подчинившись ему. «Такова», —говорили Екатеринодарскіе патріоты, — «настоящая русская слава — скромная, не любящая блеска и чуждая властолюбію». Многіе видѣли въ этомъ непроявленіи воли къ собственной власти — актъ высшей политической мудрости. «Теперь всѣмъ видно», — говорилъ мнѣ покойный П. И. Новгородцевъ, котораго я встрѣтилъ въ Екатеринодарѣ, — «что ген. Деникинъ воюетъ не для себя, а для Россіи. Всѣ поймутъ и всѣ объединятся вокругъ»... Таково было общее оффиціальное настроеніе, и только немногихъ скептиковъ тревожили нѣкоторыя историческія параллели. Развѣ поступили бы такъ, говорили они, великіе историческіе честолюбцы, властители человѣческихъ думъ и сердецъ? Развѣ не воля къ власти была главнымъ стимуломъ ихъ дѣятельности?.. Но то — чужое, не русское, а здѣсь наше подлинное. Симъ побѣдиши!..

Я присутствовалъ на оффиціальномъ объявленіи этого акта генераломъ Деникинымъ на площади Войскового собора. На площади стояли пѣшія и конныя войска и вокругъ собралось значительное количество народу. Я употребилъ это слово «народъ» и чувствую, что сейчасъ же его нужно поправить. Подлиннаго народа — демоса, — на площади, въ сущности говоря, не было. Собрались многочисленные военные, затѣмъ столь же обильные господа въ гражданскихъ кокардахъ и, наконецъ, въ меньшемъ количествѣ статскія лица интеллигентскаго типа. Тѣ, что торговали на базарѣ и обитали въ предмѣстьяхъ и пригородахъ, блистали полнымъ своимъ отсутствіемъ. Празднество имѣло такимъ образомъ типично интеллигентскій характеръ. Генералъ Деникинъ говорилъ съ подъемомъ и воодушевленіемъ и ему громко кричали ура. Но въ толпѣ я былъ свидѣтелемъ также разговоровъ, обличающихъ нѣкоторое недоумѣніе и даже смущеніе. «Въ

концѣ концовъ», — говорилъ какой то сѣдой господинъ, — «это признаніе Колчака есть прыжокъ въ неизвѣстность. Богъ его знаетъ, кто такой Колчакъ и что тамъ у него въ Сибири»... И дѣйствительно, одинъ Богъ только это зналъ. Повидимому, никто изъ смертныхъ не былъ тогда достаточно информированъ, что звѣзда адмирала Колчака тогда уже угасала и что военное счастье непоправимо стало ему измѣнять. Нѣкоторое смущеніе вызвала та часть рѣчи ген. Деникина, въ которой онъ, не раскрывая вполнѣ дѣла, говорилъ о какихъ то внутреннихъ врагахъ, объ измѣнѣ и предательствѣ. По поводу этихъ словъ строились разныя догадки и предположенія, по большей части весьма таинственнаго свойства, а иногда и паническаго характера.

Когда я вспоминаю теперь этотъ праздничный день въ блестящей воинскими мундирами кубанской столицѣ, передъ моими глазами проходитъ другой праздникъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ Екатеринодарѣ. Это было празднованіе годовщины избавленія Кубани отъ большевиковъ. Какъ будто этотъ день былъ окрашенъ другимъ, болѣе почвеннымъ и болѣе народнымъ колоритомъ. Шли старые станичники въ своихъ казачьихъ мундирахъ и со своими старыми, дарованными русскими императорами войсковыми отличіями. Чувствовался свой особый сложившійся вѣками стиль и чинъ. Не было безчинства русскаго, этой отличительной черты нашего народа, чувствовалось, что живо еще старое казачество со всѣми витавшими надъ нимъ преданіями, — одинъ изъ оплотовъ старой Россіи. Но опять таки въ этотъ день Екатеринодаръ блестѣлъ погонами и кокардами. Зрителемъ была также интеллигенція, а не городской демосъ. И только къ ней вечеромъ этого дня обращались въ городскомъ саду съ рѣчами популярные казачьи вожди и генералы. Они звали въ походъ на Москву, на освобожденіе своихъ братьевъ, и имъ кричали ура тѣ, кто имѣлъ въ Москвѣ своихъ подлинныхъ братьевъ, сестеръ, отцовъ и матерей.

Помню, въ дѣтствѣ бывалъ я на пріѣздѣ царей нашихъ въ Москву. Пріѣзжалъ царь Александръ III и пріѣзжалъ не разъ царь Николай II. Тогда на Мясницкой улицѣ, гдѣ я мальчикомъ жилъ, съ утра собирались толпы народа. И все это былъ самый настоящій простой народъ. Толпами приходили жители Сокольниковъ, Преображенскаго и Рогожскихъ — пригородные мужики, мѣщане и фабричные. Интеллигенція тонула въ этой массѣ, да и кромѣ того она не была большой любительницей такихъ зрѣлищъ. Мальчикомъ въ 1896 году я ходилъ въ дни коронаціи на Ходынку, гдѣ произошла фатальная катастрофа, начавшая несчастливые дни царствованія послѣдняго императора. Ходынская толпа была именно такой толпой простого народа, подлиннаго русскаго демоса. Тотъ же самый демосъ двадцать лѣтъ спустя ходилъ въ Москвѣ глазѣть на революціонныя празднества, пѣлъ малопонятныя ему слова интернаціонала и несъ красныя знамена. Онъ то и составлялъ фундаментъ и силу революціи.

Словомъ, въ Екатеринодарѣ увидѣлъ я то же, что видѣлъ въ Крыму: оторванность власти отъ массъ и наличность какой то самостоятельной жизни въ душѣ этихъ массъ, существо которой, пожалуй, лучше всего ухватили большевики. Но нельзя сказать, чтобы эти привычныя картины внушили мнѣ и тогда какія либо новыя серьезныя опасенія за судьбу добровольческаго дѣла. Съ одной стороны слишкомъ много было вѣры въ цѣлесообразность хирургическаго пути лѣченія нашей русской болѣзни; съ другой стороны существовала надежда на глубокій переломъ, совершавшійся въ сознаніи народныхъ массъ въ центральной Россіи. «Здѣсь мы еще не у себя, не среди истинно русскаго, коренного населенія» — такъ часто говорили въ Екатеринодарѣ. «Здѣсь большевизмъ еще не изжилъ себя. Иное дѣло у насъ, въ глубинѣ Россіи — тамъ почва вполнѣ созрѣла. Нужно двигаться скорѣе туда на сѣверъ»... И въ Екатеринодарѣ уже шли опредѣленные слухи о переѣздѣ правительства въ Ростовъ и даже еще глубже, въ Харьковъ.

У ген. Деникина мнѣ пришлось быть только одинъ разъ. Я пошелъ къ нему съ депутаціей Таврическихъ профессоровъ, пріѣхавшихъ хлопотать о дѣлахъ Симферопольскаго университета. Главнокомандующій жилъ и принималъ въ хорошемъ для провинціальнаго города, но не отличающемся никакой особой роскошью особнякѣ. Чувствовалось, что помѣщеніе нѣсколько тѣсновато для человѣка, въ рукахъ котораго лежали судьбы Россіи. Направо отъ маленькой передней помѣщалась небольшая адъютантская комната, налѣво также небольшой и скромный кабинетъ Главнокомандующаго. Средней величины столовая съ дубовымъ буфетомъ, какіе стоятъ въ зажиточныхъ русскихъ домахъ, служила въ то же время и пріемной. Здѣсь сидѣли на стульяхъ и за обѣденнымъ столомъ посѣтители, съѣхавшіеся изъ разныхъ концовъ русской земли по дѣламъ къ Главнокомандующему. Помню, были здѣсь и Екатеринославскіе евреи, и Таврическіе земцы, и донскіе станичники. Въ столовую запросто входила прислуга, отворяла буфетъ, ставила и брала посуду. Не чувствовалось никакого ритуала и никакой пышности.

Адъютантъ сначала позвалъ таврическихъ земцевъ, которые оставались у Главнокомандующаго довольно долго. Потомъ были приглашены мы. Ген. Деникинъ сидѣлъ за обыкновеннымъ письменнымъ столомъ и пересматривалъ какія то лежащія передъ нимъ бумаги. Лицо его на первый взглядъ было сурово и непривѣтливо. Не только безъ внѣшней любезности, но даже съ какой то особой какъ бы стѣсняющейся угрюмостью попросилъ онъ насъ сѣсть и изложить наше дѣло. Покойный Р. И. Гельвигъ пространно и обстоятельно изложилъ исторію учрежденія Таврическаго Университета и его теперешнее положеніе. Ген. Деникинъ слушалъ все, съ суровымъ спокойствіемъ, глядя куда то внизъ. Но вдругъ, когда Гельвигъ кончилъ, голова Главнокомандующаго поднялась, разгладились морщины лба, смягчился уклонъ черныхъ нависшихъ бровей и какая то простая, милая и чисто дѣтская улыбка засвѣтилась на его лицѣ.

«А я вотъ», — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на всѣхъ насъ, — «признаться первый разъ слышу, что есть такой Таврическій Университетъ. Не приходилось раньше слышать... Такъ въ чемъ же, господа, ваше желаніе?».

Мы стали просить о поддержкѣ нашихъ ходатайствъ по поводу легализаціи и субсидированія университета, представленныхъ въ Особое Совѣщаніе.

«Я, господа, въ этихъ дѣлахъ ровно ничего не понимаю», — сказалъ онъ и опять свѣтлая и мягкая улыбка заиграла на его лицѣ. «Университетъ дѣло хорошее, нужно его, конечно, поддержать... Вы встрѣтите во мнѣ поддержку въ каждомъ хорошемъ дѣлѣ».

Бываютъ люди, съ которыми достаточно поговорить нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить внутреннее существо ихъ характера. Вотъ съ такимъ твердымъ убѣжденіемъ о характерѣ Главнокомандующаго вышли мы тогда отъ него. Это былъ хорошій русскій человѣкъ, застѣнчивый, скромный, безъ славолюбія и гордости— качества которыя, можетъ быть, и ненужны были въ то смутное время, въ которое ему приходилось дѣйствовать.

Мнѣ недолго пришлось прожить въ Екатеринодарѣ. Съ военными успѣхами арміи гражданскій аппаратъ управленія постепенно переносился на сѣверъ и первымъ временнымъ пунктомъ для него былъ Ростовъ на Дону. Изъ Ростова мы думали ѣхать далѣе въ центръ Россіи и считали, что чѣмъ скорѣе мы достигнемъ Великороссіи, тѣмъ болѣе крѣпкую почву мы будемъ имѣть подъ своими ногами и тѣмъ болѣе упростимъ наши задачи.

Въ началѣ августа я выѣхалъ въ Ростовъ съ редакціей газеты «Великая Россія». На фронтѣ у насъ всегда съ интересомъ ждали газетъ — газеты приходили съ опозданіемъ, цѣлыми пачками, которыя тотчасъ же расхватывались. Наибольшій интересъ у всѣхъ вызывала Екатеринодарская «Великая Россія». «Вотъ это наша газета», — говорили на фронтѣ. Я положительно могу утверждать, что «Великая Россія», по крайней мѣрѣ до переселенія ея въ Ростовъ и до образованія новой редакціи, дѣйствительно выражала массовыя политическія настроенія Добровольческой Арміи и была по преимуществу Добровольческой газетой. Въ одинъ

изъ первыхъ дней по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ, я пришелъ въ ея редакцію и съ тѣхъ поръ сталъ сотрудничать въ ней, временами бывая въ ней редакторомъ, вплоть до послѣднихъ дней ея существованія въ Новороссійскѣ. Газета была и фактически въ первое время своего существованія военной. Наиболѣе яркими первыми ея сотрудниками и редакторами были А. А. Лампе и А. А. Васильевъ. Только впослѣдствіи, съ переѣздомъ ихъ на фронтъ, газета постепенно перешла въ штатскія руки и, надо по справедливости сказать, съ той поры постепенно стало убывать ея вліяніе на фронтѣ. Безспорно также, что газета была ярче и интереснѣе въ ранній романтическій періодъ Добровольческой Арміи, когда кромѣ вышеназванныхъ лицъ, являвшихся главной ея технической и литературной силой, сотрудниками были еще В. В. Шульгинъ и Н. Н. Львовъ. Она хранила нѣкоторое время старыя свои традиціи, когда редакторомъ ея сталъ В. М. Левитскій, а Н. Н. Львовъ издателемъ и едва ли не главнымъ сотрудникомъ. Но съ переѣздомъ въ Ростовъ и съ передачей главной редакціи П. Б. Струве газета начала пріобрѣтать болѣе академическій, профессорскій характеръ.

Когда я раздумываю теперь объ идеологіи добровольческаго движенія, какъ она выражалась въ «Великой Россіи», она представляется мнѣ вотъ въ какихъ общихъ чертахъ. Прежде всего мы вели борьбу съ большевиками «на истребленіе» – и это обстоятельство придавало нашему движенію характеръ непримиримаго тактическаго радикализма. Мы считали, что съ лица земли должны быть стерты не только большевики, но и все то, что такъ или иначе къ нимъ примыкаетъ. Увѣренные въ своей силѣ и въ своей побѣдѣ, мы не допускали возможности какихъ либо даже самыхъ невинныхъ уступокъ. Мы считали, что все, къ чему прикоснулся большевизмъ, должно получить очищеніе черезъ огонь и мечъ. Національно мы стояли на точкѣ зрѣнія единой и недѣлимой Россіи и гегемоніи великорусской націи. Мы рѣшительно не признаавли серьезнаго значенія за несомнѣнно обнаружившимися стремленіями отдѣльныхъ частей Имперіи къ самостоятельности и отрицали право этихъ частей на какое либо самоопредѣленіе. Увѣренные въ своей силѣ, мы боролись съ федеративными тенденціями не органическими средствами и не путемъ приспособленія, но открытымъ примѣненіемъ силы. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Россіи мы оставляли открытымъ. Однако, молчаливо, онъ конечно рѣшался въ смыслѣ монархіи. Идея республики никого не прельщала и никого не вдохновляла, и если бы она когда либо была провозглашена руководителями Добровольческаго движенія, то это было бы встрѣчено всеобщимъ активнымъ возмущеніемъ арміи. Съ точки зрѣнія соціальной программы мы рѣзко стояли въ оппозиціи ко всякому соціализму и ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ. «Со всѣми, кромѣ соціалистовъ» — таковъ былъ нашъ лозунгъ. Фактически въ рѣшеніи соціальнаго вопроса мы стояли на точкѣ зрѣнія болѣе или менѣе умѣренной соціальной реформы. Не было у насъ полной опредѣленности въ рѣшеніи самаго важнаго у насъ въ Россіи аграрнаго вопроса. Довольно вліятельныя группы земельныхъ собственниковъ давили на насъ въ направленіи полнаго возстановленія старыхъ аграрныхъ отношеній. Давленію этому сопротивлялись, хотя, можетъ быть, и недостаточно радикально. Въ общемъ, мы стояли на точкѣ зрѣнія необходимаго проведенія аграрной реформы съ частичнымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель на основаніи выкупа. Однако, въ этомъ коренномъ вопросѣ не было вполнѣ опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ рѣшеній.

Я не пишу политическаго трактата, но мнѣ интересно поставить сейчасъ вопросъ, пріемлема ли и насколько примѣнима такая программа въ настоящій моментъ, послѣ неудачъ бѣлаго движенія и во вновь создавшейся политической обстановкѣ. Я думаю, что она непріемлема по всѣмъ основнымъ пунктамъ. При чемъ нѣкоторые изъ нихъ требуютъ принципіальнаго измѣненія, другіе же нуждаются въ освобожденіи отъ той неопредѣленности, какая ихъ отличала въ эпоху гражданской войны на югѣ Россіи.

Символически исторія Ростовскаго періода добровольческаго движенія отлично изображается громадной картой Россіи, вывѣшенной въ окнѣ одного магазина на углу Садовой и Таганрогскаго проспекта. На картѣ этой черной и красной лентами каждый день обозначались наши военныя движенія по завоеваніи Россіи. Вотъ Кіевъ, Харьковъ, Курскъ, Брянскъ, вотъ отдѣльные изгибы ленты вдаются далѣе на Сѣверъ къ Орлу, къ Воронежу, къ Тамбову, къ Саратову, вотъ по ту сторону линіи за большевистскимъ фронтомъ появляются наши трехцвѣтныя флажки, — то ген. Мамонтовъ ходитъ по тыламъ красныхъ. Фронтъ теряетъ ясныя очертанія. Кажется, еще одинъ моментъ, еще одно послѣднее усиліе, и трехцвѣтный флагъ появится гдѣ нибудь на Окѣ, на границѣ Московской губерніи. Однако, лента останавливается и даже какъ будто начинаетъ поддаваться внизъ. Мѣстами она начинаетъ пріобрѣтать какія то непріятныя очертанія. Въ самомъ центрѣ она вдругъ искривилась, основательно вдалась на югъ, — то красные сдѣлали прорывъ на Купянскъ и Волчанскъ. Эти искривленія ея упорно стоятъ, не уменьшаются, даже какъ будто увеличиваются. День за днемъ линія ленты начинаетъ двигаться книзу. Вотъ она уже отступила за Кіевъ и Харьковъ. Въ тылахъ у насъ загулялъ батька Махно. И вдругъ мы покатились столь же быстро внизъ, какъ катились кверху. Постепенно сужался нашъ кругъ, потомъ онъ разбился на два круга, одинъ около Тавріи, другой около Ростова. Наступили для насъ рѣшительные дни.

Не было въ Ростовѣ такого человѣка, который бы не ходилъ къ этой картѣ и не переживалъ изображаемые на ней моменты подъема и упадка. Я не люблю вспоминать Ростовъ; здѣсь вышли мы на широкую русскую дорогу, но здѣсь кончился нашъ военный романтизмъ. Не успѣли мы пережить эпохи головокружительныхъ успѣховъ, какъ тотчасъ же постигло насъ время тягчайшихъ разочарованій.

Разговоры о различныхъ настроеніяхъ фронта и тыла слишкомъ извѣстны намъ всѣмъ съ начала великой войны. Фронту некогда заниматься сомнѣніями, онъ исполняетъ свой долгъ, а гнилой тылъ вѣчно рефлектируетъ и вѣчно сомнѣвается. Эти аксіомы военнаго времени не вполнѣ примѣнимы къ такому тылу, какъ Ростовъ. Разумѣется, въ Ростовѣ были свои критиканы и гамлетики, но въ общемъ, если считаться со сферами оффиціальными, въ нихъ господствовалъ весьма бодрый и воинствующій оптимизмъ. Вѣра въ то, что къ поздней осени или къ ранней зимѣ мы будемъ у воротъ Кремля, была настроеніемъ преобладающимъ, восходящимъ къ самымъ высокимъ ростовскимъ кругамъ. Однажды мнѣ въ бесѣдѣ съ М. М. Федоровымъ, игравшимъ въ то время немаловажную роль въ сферахъ, неосторожно пришлось упомянуть ноябрь мѣсяцъ, какъ срокъ какого-то занимающаго мое вниманіе дѣла. — «Да, что Вы, батенька», — отрѣзалъ меня почтенный М. М. — «Въ ноябрѣ мы уже въ Москвѣ будемъ». Это была типичная реплика, характеризующая тогдашнія ростовскія настроенія. И надо сказать, оптимизму въ сужденіяхъ соотвѣтствовалъ оптимизмъ и въ практикѣ — если это только возможно назвать оптимизмомъ. Все строилось такъ, какъ будто мы къ зимѣ достигнемъ Москвы. О зимней кампаніи и о мѣрахъ, которыя надлежало въ связи съ ней предпринять, мало кто думалъ и въ сферахъ правительственныхъ, и въ сферахъ общественныхъ. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ съ настоящею силою всплылъ уже тогда, когда армія отступала, а зима была уже на носу. Всѣ жившіе въ Ростовѣ, вѣроятно, помнятъ, какъ въ одинъ прекрасный день всѣ вдругъ открыли, что армія раздѣта и разута. Учредились на этотъ предметъ различные комитеты и комиссіи, пошли безконечные сборы, не давшіе, однако, никакого результата. Было уже поздно, раздѣтая армія неудержимой волной катилась на югъ.

Вѣроятно, въ связи съ этой вѣрой въ нашъ несомнѣнный и скорый успѣхъ стоитъ вдохновляемое ростовскими политиками стремленіе къ захвату нами какъ можно болѣе обширной территоріи. Легко давшіяся первыя побѣды внушили

убѣжденіе, что Единая и Недѣлимая можетъ быть возстановлена съ такой же механической легкостью, съ какой она распалась на свои части. Поэтому общественное мнѣніе призывало добровольцевъ идти и на соединеніе съ Колчакомъ, и на завоеваніе Украины, и въ Закаспійскій край, и въ Туркестанъ и еще Богъ вѣсть куда. Фактически произведенныя широчайшія военныя диверсіи были въ полномъ согласіи съ широкими ростовскими общественными настроеніями. Однажды, мнѣ пришлось въ присутствіи одного весьма вліятельнаго въ ростовскомъ общественномъ мнѣніи лица высказать свои сомнѣнія по поводу прославляемаго движенія на Кіевъ. Мнѣ казалось, что все это движеніе на Украину не только безконечно растягиваетъ нашъ фронтъ и отвлекаетъ значительное количество военныхъ силъ, но еще втягиваетъ насъ въ области, населенныя элементами намъ враждебными, и ставитъ передъ нами большое количество чрезвычайно запутанныхъ политическихъ и національныхъ проблемъ. Лучше было бы предоставить Украину самой себѣ, поставивъ противъ нее рядъ заслоновъ и ограничившись развѣ только захватомъ Черноморскаго побережья. Мнѣніе мое было встрѣчено тогда съ искреннимъ возмущеніемъ. Завоеваніе Кіева считалось задачей первостепенной національной и политической важности. «Нашъ Кіевъ, ветхій, златоглавый, сей пращуръ русскихъ городовъ» — ну какъ же намъ его въ первую очередь не завоевать?... Упрекаю себя теперь только въ одномъ — я недостаточно тогда осозналъ въ себѣ необходимость идти противъ господствующаго теченія.

Но уже въ этотъ періодъ безграничнаго оптимизма обнаруживались многочисленные жизненные симптомы, не предвѣщающіе ничего особо добраго впереди. Несмотря на военный успѣхъ, экономическое положеніе юга Россіи не улучшалось, а постепенно ухудшалось. Деньги наши выпускались массами и постепенно падали. Извѣстны были слова М. В. Бернацкаго, что мы несомнѣнно идемъ къ финансовой катастрофѣ. Цѣны на продукты первой необходимости съ каждымъ днемъ росли. Цѣна на обѣдъ, напримѣръ, поднималась въ Ростовѣ еженедѣльно процентовъ на 10—15. Общій укладъ жизни не улучшался, а постепенно падалъ. Мы привыкли къ этимъ весьма пониженнымъ условіямъ жизни, подареннымъ намъ революціей и гражданской войной, но на пріѣзжавшихъ изъ заграницы они производили тяжелое и отрицательное впечатлѣніе. Я отлично помню сужденіе одного пріятеля, пріѣхавшаго изъ заграницы на югъ строить новую Россію. Каково было его изумленіе, когда онъ продѣлалъ путь изъ Новороссійска до Ростова со всѣми его неизбѣжными мытарствами. Съ недоумѣннымъ лицомъ явился онъ ко мнѣ въ Ростовъ:

— «Послушай», — говорилъ онъ мнѣ, — «да какое же это строительство. Здѣсь все у васъ сгнило, разрушилось и постепенно разрушается. Развѣ такъ можно построить Россію? Нѣтъ, я вижу теперь, все погибло и дѣло ваше гнилое».

Я ретиво защищался, однако, самъ не былъ вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ моихъ возраженій. Я говорилъ, что наблюденія его поверхностны, что основы нашего экономическаго быта крѣпнутъ, — но въ то же время какой то темный призракъ грядущей катастрофы мерцалъ передъ моими глазами. Въ самомъ дѣлѣ жизнь какъ будто постепенно ухудшалась. Въ Симферополѣ я еще жилъ сносно, платилъ за обѣдъ пять рублей, а за сапоги тридцать, а здѣсь обѣдъ дошелъ до сорока, а къ сапогамъ и не прикоснешься. Подобныя, чисто обывательскія сомнѣнія тревожили многихъ изъ насъ, но мы старались замаскировать ихъ разными разсужденіями. Помню, послѣ нашего разговора, меня, что называется, сталъ ѣсть червь. Послѣ нѣкотораго раздумья я изобрѣлъ наконецъ формулу, которая мнѣ дала тогда успокоеніе. Я рѣшилъ, что борьба наша съ большевиками есть борьба не на побѣду, а на разложеніе. У насъ плохо, но у нихъ еще хуже. Мы разваливаемся, а развѣ они крѣпнутъ? Вопросъ въ томъ, кто скорѣе развалится. И мнѣ казалось несомнѣннымъ, что развалимся не мы, а развалятся они. Тогда то и начнется новое строительство русской жизни.

Ростовъ измышлялъ не мало плановъ, направленныхъ къ борьбѣ съ прогрессирующей разрухой и къ организаціи нормальныхъ условій жизни. Однако,

планы эти были безсильны, даже наивны. Съ однимъ изъ нихъ, особо характернымъ, мнѣ пришлось столкнуться съ первыхъ дней прибытія въ Екатеринодаръ и Ростовъ. Благодаря моимъ московскимъ связямъ съ Россійскими торговопромышленными организаціями меня просили войти въ качествѣ члена въ, такъ называемый, Комитетъ по возстановленію промышленности, проектъ котораго составленъ былъ по идеѣ М. М. Федорова. Я съ чрезвычайнымъ интересомъ отнесся къ этой просьбѣ. Помимо важности самой задачи, меня влекло туда желаніе непосредственно проникнуть въ одну изъ лабораторій политики Особаго Совѣщанія. Но разочарованію моему не было конца. Въ сущности говоря, дѣло не пошло далѣе безконечныхъ словопреній по поводу представленнаго М. М. Федоровымъ проекта. Самый же проектъ грѣшилъ одной русской чертой — вѣрой въ то, что такую органическую сферу жизни, какъ промышленность, можно возстановить путемъ канцелярскимъ. Проектъ Федорова сводился къ учрежденію такого новаго министерства при Особомъ Совѣщаніи, которое взяло бы въ свои руки всѣ дѣла по возстановленію разрушенной экономической жизни. Начать нужно было съ транспорта, параллельно перейти къ возстановленію угольной промышленности, а затѣмъ уже къ постепенной организаціи прочихъ частей разрушеннаго государственнаго хозяйства. Такимъ образомъ выходило, что каждый изъ департаментовъ этого новаго вѣдомства въ компетенціи своей сталкивался съ различными управленіями Особаго Совѣщанія. Дѣло, стало быть, шло объ учрежденіи какого-то грандіознаго сверхминистерства, которое, подъ руководствомъ М. М. Федорова, въ значительной степени должно было замѣнить рядъ функцій уже дѣйствующаго правительственнаго аппарата. Естественно, подобный проектъ встрѣтилъ рѣзкую оппозицію со стороны представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ. Промышленники были также имъ недовольны, усматривая въ немъ посягательство на свободу промышленности. Началась безконечная распря, изъ которой М. М. Федорову трудно было выйти побѣдителемъ. Засѣданія по образованію этого Комитета велись до тѣхъ поръ, пока врагъ не подошелъ къ воротамъ Ростова и не прекратилъ теченія этого весьма безплоднаго дѣла.

Я смотрѣлъ на свое пребываніе въ тылу, какъ на временное, питая планъ воротиться въ армію, когда она будетъ подходить къ Москвѣ. Въ связи съ этимъ я обдумывалъ планъ организаціи спеціальнаго агитаціоннаго аппарата для средней Россіи и въ частности для Москвы. Я предполагалъ заготовить большое количество агитаціонной и информаціонной литературы, чтобы двинуть ее въ Москву къ моменту послѣднихъ рѣшительныхъ эпизодовъ нашей борьбы. Въ этихъ цѣляхъ я и началъ работать въ Отдѣлѣ Пропаганды Добровольческой Арміи, — въ знаменитомъ «Освагѣ», который поносятъ еще теперь и поносили ранѣе. Но чѣмъ ближе къ зимѣ, тѣмъ далѣе отдалялась возможность осуществленія такого плана. Реальность его значительно уже пошатнулась, когда я въ концѣ ноября оффиціально оформилъ свое положеніе въ «Освагѣ» и принялъ на себя должность завѣдывающаго литературной частью. Я прослужилъ на этой должности въ нормальныхъ условіяхъ около мѣсяца, до эвакуаціи Ростова — и это было время, когда проведеніе какихъ либо плановъ вообще уже было невозможно.

Долженъ сказать, что литературную часть я нашелъ въ «Освагѣ» въ довольно хаотическомъ состояніи. За свое короткое существованіе «Освагомъ» издано было великое множество разныхъ книгъ и брошюръ, но издавались онѣ безъ всякаго опредѣленнаго плана и безъ всякой системы. Большинство изданій носило характеръ чисто интеллигентскій и предназначалось для читателя, котораго излишне было убѣждать въ злѣ большевизма. Многое печаталось изъ стороннихъ соображеній, главнымъ образомъ изъ желанія помочь авторамъ, а иногда и прямо въ силу того, что авторы были лица, которымъ неловко было отказать. Агитаціонная литература для широкихъ народныхъ массъ была очень слаба. Цѣлыя кипы различныхъ пріобрѣтенныхъ рукописей лежали въ моихъ столахъ, за нихъ

были выданы значительные авансы, а между тѣмъ это былъ такой безсистемный венигретъ, печатать который не было никакого политическаго смысла.

Передо мной стояла естественная задача влить нашу издательскую дѣятельность въ рамку строго выработаннаго плана, отбросивъ все извнѣ привходящее и наносное. Чѣмъ болѣе я продумывалъ этотъ планъ, тѣмъ ближе подходили къ намъ красные. Въ началѣ декабря въ «осважныхъ» высшихъ сферахъ неоффиціально стали говорить о возможномъ нашемъ переселеніи изъ Ростова. Я получилъ предписаніе отправить часть нашихъ рукописей въ Екатеринодаръ. Постепенно у насъ стали сокращать служащихъ. Наконецъ, уже передъ самой эвакуаціей правительство Особаго Совѣщанія стало реформировать свои отдѣльныя вѣдомства и «Освагъ» былъ расформированъ, какъ самостоятельное учрежденіе.

«Освагъ» не былъ особо популяренъ въ Добровольческой Арміи. Непопулярность его объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ, какъ въ свое время въ Земгорѣ, оказалось большое количество не желавшихъ воевать. Оттого къ «осважникамъ» армія относилась приблизительно такъ же, какъ къ «земгусарамъ». Особенно курьезно то, что изъ этихъ окопавшихся преимущественно молодыхъ людей и вышли впослѣдствіи наиболѣе ярые хулители «Освага».

«Освагъ» не любили, далѣе, за то, что отъ него ждали яркихъ словъ и опредѣленныхъ лозунговъ, а онъ ограничивался полутонами. Когда я зачислялся оффиціально въ «Освагъ», мнѣ пришлось выдержать долгую бесѣду съ К. Н. Соколовымъ. Мое участіе въ «Великой Россіи» его сильно смущало и онъ меня уговаривалъ не слишкомъ проявлять въ литературномъ Отдѣлѣ духъ названной газеты. Онъ боялся меня, какъ праваго, а между тѣмъ, если откинуть разныя условности, онъ никакъ не былъ лѣвѣе меня. Вотъ въ этихъ то условіяхъ и двигалось руководимое имъ дѣло, что придавало ему, конечно, тоны неопредѣленные, сѣрые и скучные. И если «Великую Россію на фронтѣ считали своей газетой, то «осважную» литературу не любили и не почитали.

Въ половинѣ декабря наступилъ мрачный періодъ ростовской жизни. Стали исчезать продукты и бѣшено расти цѣны. Съ каждымъ днемъ увеличивалась эпидемія тифа. У лазарета въ большомъ домѣ, гдѣ была осважная карта, можно было каждый день видѣть отвратительную погрузку покойниковъ на автомобили. Выносили наружу тѣло, раскачивали за ноги и за руки и бросали на автомобильную платформу. «Никакъ еще живъ», сказалъ одинъ разъ санитаръ, бросая трупъ. Такова была цѣна человѣческой жизни. По утрамъ на улицахъ и въ Городскомъ саду маршировали съ винтовками чиновники гражданскихъ учрежденій. Ихъ обязали учиться военному строю на всякій случай. Все это свидѣтельствовало о приближеніи трагической развязки. Армія съ великой быстротой откатывалась на югъ. Отдѣльныя, преимущественно конныя части стали уже появляться въ Ростовѣ. Ходили слухи, что казаки кончили воевать и расходятся по станицамъ. Наступилъ день и лавина отступающихъ казацкихъ частей дѣйствительно покатилась черезъ Ростовъ.

Три дня и три ночи шли по Ростову съ сѣвера на югъ отступающія на Кубань казацкія части. Если только это можно было назвать «отступленіемъ»... Не подходитъ вполнѣ слово «отступленіе» къ тому ихъ безпримѣрному шествію по Таганрогскому проспекту внизъ къ Дону и потомъ черезъ мостъ въ Задонскія степи. Они шли въ полномъ порядкѣ. полками и сотнями, иногда съ оркестромъ музыки и пѣснями, на прекрасныхъ коняхъ, прекрасно снаряженные и одѣтые. За строевыми частями тянулись безконечные обозы, безъ преувеличенія не въ сотни, а въ тысячи подводъ. Что это были за подводы — и деревенскія розвальни, и тройкой запряженныя помѣщичьи сани въ коврахъ, и одиночки. Какихъ рысаковъ орловскихъ и тамбовскихъ вели въ этихъ обозахъ! Чего только на нихъ не было нагружено — и ковровъ, и мебели, и зеркалъ, и ящиковъ съ посудой! Въ общемъ отступленіе это имѣло такой видъ, что часть средней Россіи ограблена и теперь вывозятъ ее на Кубань. Казалось бы, если высадить изъ подводъ всѣхъ

этихъ молодцовъ, посадить на коней, повернуть всѣ эти полки на Москву, вѣроятно, они Москву бы легко взяли. Но не было такой силы, которая бы ихъ могла поворотить. Было имъ сказано: «довольно воевать, идите на родную Кубань». Они вѣрили — и полился ихъ потокъ съ пѣснями, гармониками и весельемъ.

Было ясно, что добровольческій фронтъ прорванъ не только физической силой противника, но и умѣлой агитаціей, противостоять которой могли только чисто офицерскія добровольческія части. Тонкая линія ихъ и сдерживала на своихъ плечахъ все наступленіе красныхъ на Ростовъ. Дѣйствительно, борьба шла не на побѣду, а на разложеніе, но оказалось, что они сумѣли разложить насъ ранѣе, чѣмъ сами разложились.

Несмотря на это безнадежное зрѣлище, у насъ въ Ростовѣ до послѣдняго момента теплилась надежда на успѣхъ. Мы вѣрили, что свалится откуда то счастье, придетъ помощь и красные не войдутъ въ Ростовъ. «Ростовъ не будетъ взятъ», — говорили нѣкоторые упрямцы, а между тѣмъ непріятель былъ уже подъ Новочеркасскомъ и теченіе его силъ было неудержимо.

Ростовъ спѣшно эвакуировался. Гремѣли грузовики, спѣшно укладывались учрежденія, которыя выѣзжали или на поѣздахъ, или на многочисленныхъ подводахъ черезъ Донъ на Батайскую станицу. Однажды вечеромъ, проходя около вокзала, я въ недоумѣніи и въ страхѣ остановился. На деревѣ висѣлъ человѣкъ, на груди котораго была краткая надпись: повѣшенъ за грабежъ. Вокругъ стояло нѣсколько мальчишекъ, смотря на повѣшеннаго съ любопытствомъ и даже съ нѣкоторымъ восторгомъ. Ужъ очень необыкновенное было зрѣлище. По ночамъ въ Ростовѣ стрѣляли и грабили, выходить было не безопасно...

Мы покинули Ростовъ 23-го декабря вмѣстѣ съ «Освагомъ». «Освагъ» въ полномъ составѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уволенныхъ чиновниковъ, долженъ былъ слѣдовать пѣшкомъ до Батайска. Каждому разрѣшено было взять небольшой багажъ, который помѣщался на нѣсколькихъ подводахъ. Это было печальное и смѣшное шествіе, съ К. Н. Соколовымъ и Э. Д. Гриммомъ впереди, съ толпой осважныхъ дамъ и чиновниковъ. Была оттепель и на заливныхъ лугахъ за Дономъ стояла непролазная грязь. Дорога повсюду была усѣяна завязшими въ грязи возами и автомобилями. Конныя кубанскія части обгоняли насъ и лихо обдавали грязью. Чувствовалось въ нихъ большое къ намъ озлобленіе и ненависть. Мы шли весь день до вечера, вымокнувъ по колѣно въ водѣ. Въ Батайскѣ уготованъ намъ былъ осважный агитъ-поѣздъ съ извѣстными раскрашенными въ три цвѣта вагонами. Къ ночи мы помѣстились въ него — и такъ прожили до Новороссійской эвакуаціи.

Сначала было предположено, что мы останемся въ Екатеринодарѣ и даже тамъ намъ было приготовлено спеціальное помѣщеніе. Однако, въ Екатеринодарѣ мы пробыли только сутки и переѣхали въ Новороссійскъ. Здѣсь нашъ поѣздъ сначала поставили въ городѣ, около мола, потомъ стоялъ онъ у вокзала и, наконецъ, помѣщенъ былъ въ полѣ на запасномъ пути между вокзаломъ и городомъ около какого то канала.

Помѣщенный въ поѣздѣ «Освагъ» наружно, по крайней мѣрѣ, не прекращалъ своей дѣятельности, но, разумѣется, это была болѣе игра, чѣмъ серьезная работа. Приходилось только удивляться, какъ нѣкоторые могли съ серьезнымъ видомъ заниматься этой игрой. Въ общемъ каждому, за исключеніемъ развѣ самыхъ глупыхъ людей, было ясно, что мы, какъ учрежденіе, не живемъ, а доживаемъ свои дни, и доживаемъ въ условіяхъ поистинѣ каторжныхъ. Рано утромъ приходилось идти за водой, по грязному болотистому полю съ полверсты. Вода бралась съ паровозной водокачки и неизмѣнно обнаруживала слѣды нефти и запахъ керосина. Затѣмъ варился чай, готовился обѣдъ, топились вагоны. Желѣзныя печки накалялись до красна и въ вагонахъ становилось невыносимо жарко. Вагоны тотчасъ же остывали, когда ихъ переставали топить. Топлива не было и топить приходилось дубовыми клепками, которыя воровали на складахъ около вокзала. Часто дулъ невѣроятный нордъ-остъ, иногда при температурѣ 10—12 гр. ниже нуля.

Надъ Новороссійскомъ съ сѣверо-востока тянутся невысокія, покрытыя мелкимъ лѣсомъ горы. Сядетъ на эти горы съ вечера сѣрый туманъ, значитъ, будетъ нордъ-остъ. Сначала начинаетъ дуть онъ слабо, потомъ все болѣе сильными и сильными порывами срывается съ высотъ, прямо въ бухту. Сила вѣтра почти что невѣроятна. Онъ сшибаетъ съ ногъ людей, топитъ суда въ бухтахъ, рветъ крыши. И такъ не одинъ день, а не менѣе четырехъ, а если не прекратился въ четвертый день, то значитъ будетъ дуть восемь или двѣнадцать. Жизнь замираетъ въ городѣ, всѣ прячутся по домамъ, только огромныя стаи дикихъ утокъ и всякой птицы жмутся къ берегамъ и становятся точно ручными. Въ морозъ, отъ водяныхъ брызгъ съ залива весь городъ становится обледенѣлымъ и буквально леднѣютъ люди. У насъ было нѣсколько случаевъ страшнаго обмораживанія лица у тѣхъ, которые выходили въ этотъ нордъ-остъ въ городъ. Понятно, жить въ такой нордъ-остъ въ желѣзндорожномъ вагонѣ—не особенное удовольствіе.

Къ тому же жить было не безопасно. Въ полѣ между вокзаломъ и городомъ нерѣдко грабили и по вечерамъ приходилось ходить вооруженнымъ. При встрѣчѣ въ этомъ полѣ ночью съ человѣкомъ приходилось, бывало, кричать: «Кто идетъ? Руки вверхъ!» — и держать на готовѣ винтовку. Вокругъ города бродили зеленые, которые дѣлали не разъ нападеніе на городъ и однажды освободили даже изъ тюрьмы всѣхъ арестантовъ. Удивительно, какъ они не добрались до нашего поѣзда, въ которомъ имѣлись довольно большія суммы денегъ въ иностранной валютѣ. По ночамъ у насъ было установлено дежурство — и приходилось два три раза въ недѣлю быть въ караульной смѣнѣ, бродя часа по два, по три вокругъ вагоновъ. Помню, дежурилъ я разъ такъ съ однимъ нашимъ очень извѣстнымъ русскимъ художникомъ, который ранѣе никогда винтовки въ руки не бралъ. Онъ ходилъ съ конца поѣзда, а я съ головы и такъ мы доходили до средняго вагона, встрѣчались, потомъ опять расходились. Въ одну изъ нашихъ встрѣчъ, онъ со страхомъ говоритъ, что въ заднемъ пустомъ товарномъ вагонѣ кто-то шевелится. Мы пошли къ нему — дѣйствительно, кто то есть. Мы подняли тревогу, оцѣпили вагонъ — оказалось бродячая собака.

Вокругъ поѣзда и въ немъ самомъ была непроходимая грязь и вонь. Прохожіе предпочитали обходить поѣздъ или, идя мимо него, зажимали носы. Люди въ поѣздѣ обовшивѣли и болѣли тифомъ. Въ нашемъ вагонѣ было пять случаевъ сыпного тифа. Помню больной, пока его не увезутъ въ лазаретъ, лежитъ, бывало, на большомъ столѣ, который былъ поставленъ во всю длину вагона-теплушки, а на другомъ концѣ мы пили чай и обѣдали.

Были и смѣшныя происшествія. Недавно умершій въ Парижѣ литераторъ Кохманскій обиталъ также въ нашемъ вагонѣ и отличался необычнымъ количествомъ поѣдавшихъ его насѣкомыхъ, которыхъ онъ чистилъ тутъ же при всѣхъ на полу. «Да что вы дѣлаете», — говорили ему, — «вошь распускаете». «Не распускаю, а уничтожаю», — спокойно возражалъ онъ. Однажды у него поднялась температура и онъ слёгъ. Рѣшили, что у него тифъ, и распорядились везти его въ сыпнотифозный лазаретъ. Пріѣхала телѣга и, несмотря на его протесты, сестра милосердія водворила его и свезла въ городъ. Однако, дня черезъ два онъ преспокойно воротился къ намъ въ поѣздъ съ подушкой подъ мышкой: никакого тифа у него не оказалось.

«Вы не сестра милосердія, а сестра жестокосердія», — неизмѣнно повторялъ онъ, встрѣчая сестру.

Надъ Новороссійскомъ витала смерть и тифъ уносилъ каждый день свои жертвы. Какъ только выѣдешь въ городъ, неизмѣнно встрѣчаешь похороны. Отъ тифа умеръ кн. Е. Н. Трубецкой и печально провожали его въ могилу. Послѣднее время въ Ростовѣ онъ производилъ впечатлѣніе уже стараго физически ослабѣвшаго и нравственно подавленнаго человѣка. Бывало, придетъ къ намъ въ редакцію, сядетъ у желѣзной топящейся печки и сидитъ такъ, не снимая шубы, грѣется, у него тогда болѣли и зябли ноги. Сидитъ часа два, не скажетъ слова. Кто зналъ его ранѣе, тотъ понимаетъ, какъ это на него не похоже. Какой онъ былъ

живой, блестящій на слово человѣкъ. Меня съ юности поражалъ онъ своей породистостью, мужественной, степенной красотой, неподражаемой вибраціей рѣчи, а главное, какой то простой, изнутри исходящей, естественной силой своихъ убѣжденій и вѣрованій. Много было въ нашемъ интеллигентскомъ богоискательствѣ болѣзненныхъ, надломленныхъ, а потому безплодныхъ потугъ. Русскій интеллигентъ воспитанъ на атеизмѣ, а потому стремясь найти Бога, онъ не всегда умѣлъ это сдѣлать—и искалъ его такъ, какъ неспособный къ языкамъ англичанинъ старается заговорить по французски, дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, ломаетъ языкъ, а все выходитъ по своему. Князю Евгенію Николаевичу ничего не нужно было ломать, т. к. онъ уже имѣлъ то, что искалъ. Свободнымъ и красивымъ взмахомъ руки осѣнялъ онъ себя православнымъ крестомъ такъ, какъ это дѣлалъ какой нибудь старый предокъ его, садясь на коня въ своемъ стольномъ городѣ.

Умеръ отъ тифа Пуришкевичъ. Его я видѣлъ за нѣсколько дней до смерти на базарѣ, покупающимъ свинину и яростно торгующимся съ продавцами. Ходилъ онъ въ мѣховой бекешѣ съ статскими генеральскими погонами, вѣчно шутилъ, и веселость не покидала его, кажется, до самой смерти.

Уныло тянулись погребальныя процессіи и уныло шли за ними люди, надъ которыми витала тифозная смерть.

Въ Новороссійскѣ мы въ значительной степени потеряли связь съ фронтомъ, съ командованіемъ и съ правящими сферами, — обстоятельство, которое еще болѣе запутывало общую смутность создавшагося тогда положенія. Вспоминая преобладающее въ этой смутности настроеніе, я не могу не назвать его иначе, какъ чрезвычайно легкомысленнымъ. Большинство загнанныхъ въ Новороссійскъ бѣженцевъ съ самыхъ первыхъ дней начало жить мечтой объ эвакуаціи. На эвакуацію эту смотрѣли, какъ на какую то легкую прогулку заграницу, въ теченіе которой можно отдохнуть, подышать воздухомъ, полежать у южнаго моря, а потомъ опять воротиться домой. У такого рода эвакуантовъ—а ихъ было значительное количество — отсутствовало сознаніе величайшаго трагизма происходившихъ событій. Они не видѣли и не хотѣли видѣть, что домъ ихъ рушится, что вмѣсто прогулки предстоятъ бездомныя скитанія, и что возврата уже больше нѣтъ. Мечты ихъ, впрочемъ, разбились тотчасъ же послѣ посадки на англійскіе пароходы съ голоднымъ и суровымъ режимомъ.

Другая категорія людей — ихъ было также очень много — не чувствовали размѣра свершившейся катастрофы и находились въ состояніи какого то мало понятнаго, почти болѣзненнаго оптимизма. Смутность окружающей атмосферы благопріятствовала распространенію разныхъ фантастическихъ слуховъ, которыми эти люди себя утѣшали. Говорили, что англичане присылаютъ цѣлую армію въ Новороссійскъ, что строятся гдѣ то уже окопы и укрѣпленія, вѣрили въ предстоящее наше наступленіе, говорили о перемѣнѣ казацкихъ настроеній, о развалѣ у красныхъ и т. п. Подобныхъ оптимистовъ не убѣждали даже такіе факты, какъ неудача нашего наступленія на Ростовъ. Я разумѣю при этомъ оптимистовъ искреннихъ, а не ту оффиціальную ложь о томъ, что все обстоитъ благополучно, которая тогда была широко распространена и культивировалась въ частности у насъ въ «Освагѣ», преемниками К. Н. Соколова и Э. Д. Гримма. Многіе изъ такихъ оффиціальныхъ оптимистовъ, произнося широковѣщательныя рѣчи о нашихъ ближайшихъ успѣхахъ, тайно ходили по эвакуаціоннымъ пунктамъ, тайно запасались заграничными паспортами и ждали удобнаго момента, чтобы улизнуть изъ Новороссійска. Одинъ изъ такихъ рыцарей пошелъ эвакуировать семью на пароходъ и «случайно» на немъ остался до того момента, когда онъ отчалилъ отъ пристани. Такъ и уѣхалъ. Впрочемъ, всѣ документы и визы у него оказались въ полномъ порядкѣ.

Большимъ реализмомъ обладали тѣ, которые оріентировали свою будущую судьбу на Крымъ. Планъ концентраціи отступающихъ добровольческихъ силъ въ Тав-

рію былъ тогда широко извѣстенъ и отступленіе на Сѣверный Кавказъ многими считалось крупной военной ошибкой генерала Деникина. Полагали, что ошибку эту можно еще исправить, эвакуировавъ армію изъ Новороссійска въ Крымскіе порты. Самъ по себѣ такой планъ былъ уже не такъ дуренъ и доставлялъ единственную реальную возможность дальнѣйшей борьбы съ большевиками, однако, вокругъ него ходило не мало самыхъ нелѣпыхъ слуховъ. Шопотомъ передавали, что въ Крыму что то зрѣетъ, что тамъ предстоитъ какое то великое событіе, которое сразу измѣнитъ положеніе бѣлыхъ силъ. Называли въ связи съ этимъ какія то имена бывшаго царствующаго дома. Говорили о томъ, что они возглавятъ въ Крыму Добровольческую Армію и откроютъ такимъ образомъ новую эру въ исторіи бѣлаго движенія на югѣ Россіи.

Я принадлежалъ тогда къ числу пессимистовъ. Послѣ крушенія Ростова я потерялъ вѣру въ успѣхъ бѣлаго движенія и ясно чувствовалъ, что оно подходитъ къ фатальному своему концу. Изъ довольно значительнаго количества подобныхъ пессимистовъ только очень немногіе сознательно рѣшили остаться въ Россіи и раствориться среди большевиковъ. Большинство же считало правильнымъ дождаться того момента, когда настанетъ дѣйствительный конецъ и когда судьба заставитъ проститься съ родными берегами.

И неизбѣжный конецъ этотъ быстро приближался. Во второй половинѣ февраля красные начали наступленіе по всему фронту. Несмотря на скудныя свѣдѣнія и на оффиціальный оптимизмъ нельзя было не видѣть, что военное счастье покинуло насъ. Крушеніе нше стало вопросомъ нѣсколькихъ недѣль. Начались массовыя приготовленія къ отъѣзду, выправка паспортовъ и документовъ. Эвакуація стала реальной программой дѣятельности гражданской и военной добровольческой администраціи.

Врѣзалось мнѣ въ память послѣднее засѣданіе политической группы Государственнаго Объединенія, происходившее уже въ эвакуаціонной атмосферѣ, почти что наканунѣ нашего бѣгства. Собрало оно наиболѣе выдающіяся интеллигентныя силы бѣлаго движенія во главѣ съ нынѣ ушедшими въ вѣчность А. В. Кривошеинымъ и П. И. Новгородцевымъ. Прошло оно подъ знакомъ размышленій о темномъ нашемъ будущемъ, о нашей дальнѣйшей судьбѣ. И многіе тогда чувствовали, что намъ предстоятъ долгіе, тяжелые годы скитаній, годы разсѣянія, во время котораго мы сможемъ развѣ только перекликаться другъ съ другомъ, и что многимъ уже не будетъ возврата назадъ. Говорили о будущихъ судьбахъ Россіи — и вотъ какой былъ сдѣланъ тогда прогнозъ: возврата къ прошлому нѣтъ, и, если даже воротятся нѣкоторыя старыя формы, то содержаніе ихъ будетъ ново и для многихъ присутствующихъ идейно непріемлемо. «Махновская монархія» — вотъ наиболѣе вѣроятная политическая судьба Россіи, какъ сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, и мысль эта встрѣтила сочувственные отклики у многихъ.

Въ концѣ февраля въ «Освагѣ» у насъ оффиціально былъ разрѣшенъ отъѣздъ для тѣхъ, которые желаютъ эвакуироваться заграницу. Въ это время большевиками былъ прорванъ добровольческій фронтъ и они начали наступленіе на Екатеросссійску. Начавъ усиленныя хлопоты, мы получили мѣсто на пароходѣ Николай, который долженъ былъ выйти изъ Новороссійска 1-го марта. Конечно, мѣсто назначенія парохода было неизвѣстно—Салоники или Архипелагъ, Кипръ или Египетъ. Будущее было темно, однако же безысходный Новороссійскій узелъ все же развязался — и это приносило не малое облегченіе. Сборы къ отъѣзду оживили и ободрили насъ. 1-го марта къ вечеру мы простились съ агитъ-поѣздомъ и двинулись къ пароходу. Въ то время въ городѣ было уже тревожно: съ фронта пришли какія то части и разнесся слухъ, что они всячески будутъ препятствовать эвакуаціи штатскихъ, до тѣхъ поръ, пока не погрузятся всѣ военные. Давка и безпорядокъ господствовали на молу у пароходной пристани. Пришлось потратить не мало времени, чтобы въ длинной очереди достигнуть до пароходнаго тра-

па. И когда онъ былъ перейденъ, мы всѣ, я помню, облегченно вздохнули. Не сладко было это пребываніе въ Новороссійскѣ.

Помѣститься рѣшили мы на палубѣ, на серединѣ корабля, подъ открытымъ небомъ. Внизу, въ классныхъ помѣщеніяхъ и въ трюмѣ, люди лежали и сидѣли сплошной массой при отвратительномъ воздухѣ и духотѣ. Немногія свободныя части пространства охранялись сосѣдями почти что съ кулаками и съ бранью. Погода была хорошая и на воздухѣ было пріятнѣе, а главное безъ особыхъ недоразумѣній. Пароходъ долженъ былъ отчалить только утромъ и это порождало паническіе разговоры. «Придутъ Марковцы», — говорили въ публикѣ — «и ссадятъ всѣхъ». Офицеры изъ контръ-развѣдки были злы и непріятны особенно съ тѣми, кто имѣлъ явно буржуйный видъ. Все это создавало отвратительное нервное настроеніе, которое къ счастью скоро разрядилось. Пароходъ неожиданно отчалилъ вечеромъ, постоялъ нѣкоторое время въ портѣ и, недождавшись какого то осмотра, поднялъ якорь и пошелъ въ открытое море.

Не долго наслаждались мы чувствомъ освобожденія отъ кошмара Новороссійской жизни — новый, не менѣе непріятный, пароходный кошмаръ смѣнилъ Новороссійскъ. Путешествіе на «Николаѣ» отвратительно было не только по физическимъ неудобствамъ, сколько по нравственной атмосферѣ, которая вскорѣ обнаружилась среди этихъ обломковъ бѣлой Россіи. Тяжело было физически цѣлый день и цѣлую ночь сидѣть на открытой палубѣ при крѣпкомъ морскомъ вѣтрѣ въ легкой одеждѣ — у меня была только англійская военная шинель. По утрамъ послѣ холодной ночи нужно было часами стоять за кипяткомъ, а потомъ часами дежурить, чтобы получить отвратительную пищу. Но все это еще можно было выносить при нашей достаточной тренировкѣ. Невыносимо было иное, — именно пароходный духъ и стиль. Команда была груба, капитанъ и его помощники вызывающе нахальны.. Какой то «Синій Крестъ», который питалъ насъ, состоялъ изъ титулованныхъ земгусаровъ и соотвѣтствующихъ имъ дамъ, которые старались обнаружить максимальную степень превосходства передъ остальной бѣженской массой. Эта послѣдняя явно обнаруживала слѣды нравственнаго разложенія и даже одичанія. Всѣ эти безчисленные статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники, нагружавшіе пароходъ, толкались, грубили другъ другу, грозились и ругались изъ-за всякихъ пустяковъ. Добрыя человѣческія чувства пропали и поистинѣ человѣкъ сталъ звѣремъ. И сверхъ всего этого на пароходѣ процвѣтало какое то, смѣшное въ нашей обстановкѣ, бюрократическое мѣстничество и чванство. Тѣ, которые валялись на покрытомъ зловоніемъ полу каютъ перваго класса (уборная сломлась и вонючая жидкость залила весь полъ), считали себя все же привиллигированными пассажирами и старались, что называется, утереть носъ пассажрамъ палубнымъ.

На третьи сутки мы увидѣли малоазіатскіе берега и къ вечеру вошли въ Босфоръ. Странно было смотрѣть на чужую намъ землю и думать, что ждетъ насъ здѣсь. Первыя впечатлѣнія свидѣтельствовали, что едва ли ждетъ что либо хорошее. Мы спустили якорь около мѣстечка Кавака, гдѣ помѣщался международный санитарный и дезинфекціонный пунктъ. Пріѣхали французскія власти, влѣзли на пароходъ, ходили и смотрѣли на насъ, какъ на звѣрей. Съ ними заговаривали, но получали не очень вѣжливый отпоръ. Намъ заявили, что мы будемъ подвергнуты дезинфекціи, причемъ такимъ порядкомъ: съ разсвѣта насъ будутъ партіями возить на берегъ, и пока не будутъ вымыты всѣ, съ берега не спустятъ. Когда пароходъ будетъ очищенъ отъ насъ, его также будутъ дезинфецировать. Потомъ, насъ посадятъ обратно на пароходъ. Вся эта операція должна быть окончена до вечера.

«А если не окончите къ вечеру», — сказалъ докторъ французъ, — «операція начнется послѣ завтра утромъ съ начала. И пароходъ до тѣхъ поръ будетъ стоять въ Кавакѣ, пока не сумѣете произвести дезинфекцію съ утра до вечера».

Не зная, что такое эта дезинфекція, мы всѣ пришли въ смущеніе. Но дѣла оказалась не столь труднымъ, сколько ненужнымъ и унизительнымъ.

Рано утромъ пріѣхали турецкія власти, которыя снова объясняли намъ, въ чемъ состоитъ эта дезинфекція. Изъ тона ихъ было ясно, что насъ считают едва ли не варварами. Торопясь и всячески помыкая, стали сажать насъ на баркасы. Довольно грубая турецкая стража встрѣтила насъ на берегу, отдѣлила дамъ отъ мужчинъ и поставила въ очередь. Сначала насъ вводили въ раздѣвальню и отбирали одежду, снабжая довольно грязными трусиками. Одежда шла въ паровую дезинфекцію, а насъ самихъ вводили въ довольно холодный корридоръ, по стѣнамъ котораго были расположены маленькія камеры съ душами. Вода въ душахъ была почти что холодной и текла крошечной струйкой, подъ которой рѣшительно нельзя было вымыться. Нѣкоторые души были испорчены и вода въ нихъ совсѣмъ не текла. Душъ нужно было принять въ три минуты и потомъ выходить въ одѣвальную комнату, куда доставлялась наша одежда. Ее мы получили въ состояніи ужасномъ и нѣкоторыя части туалета у многихъ совершенно пропали. Затѣмъ, наскоро одѣвшись, подъ окрики стражи, насъ повели на прививку противохолерную съ какими то другими сыворотками. Прививали, что называется, оптомъ, грязными инструментами и не слушая никакихъ резоновъ. Одна дама, получивъ прививку, подошла съ вопросомъ къ французу — и тотъ не разобравъ, въ чемъ дѣло, вкатилъ ей сыворотку второй разъ, несмотря на ея крики и протесты.

Все это имѣло болѣе характеръ униженія, чѣмъ какой либо дѣйствительно полезной санитарной мѣры. Достаточно сказать, что послѣ дезинфекціи многіе сняли со своей одежды живыхъ вшей, которыми раньше не обладали. Ясно, что подобная санитарія могла скорѣе заразить, чѣмъ избавить отъ заразы. «Вотъ такъ заграница», — говорили многіе, съ недоумѣніемъ выходя изъ этого замѣчательнаго учрежденія, которое по правиламъ европейской науки устроило, если я не ошибаюсь, международное санитарное бюро.

До вечера этого дня мы должны были толкаться за колючей проволокой въ окрестностяхъ санитарнаго пункта. На пароходъ насъ повезли тогда, когда черезъ дезинфекцію прошли всѣ нѣсколько тысячъ пассажировъ парохода «Николай».

На слѣдующій день пароходъ нашъ прошелъ черезъ Босфоръ и сталъ на якорь въ Золотомъ Рогѣ. Поражала насъ всѣхъ не столько красота Босфора, сколько условія нормальной жизни, развертывающейся передъ нашими глазами. Впереди, на Галатскомъ мосту, сновала толпа, ходилъ трамвай и вечеромъ ярко горѣли электрическіе огни. Въ Стамбулѣ за Св. Софіей проходили и отходили желѣзнодорожные поѣзда. Портъ изобиловалъ пароходами и товарами. Безчисленныя лодки съ торговцами окружили насъ, привезли апельсиновъ, винныхъ ягодъ , халвы и разныхъ съѣстныхъ продуктовъ. Бѣженцы русскіе, какъ дѣти, бросились все это покупать, мѣняя ходившія еще тогда добровольческія и царскія деньги. Чужая, незнакомая жизнь, кажущаяся извнѣ богатой и полной, кипѣла вокругъ и далекіе русскіе берега казались отсюда мертвыми, печальными и даже страшными.

Мы стояли на рейдѣ нѣсколько дней и ждали своей судьбы. Говорили, что насъ повезутъ въ Салоники, а оттуда въ Сербію. На берегъ насъ не пропускали, иначе, какъ по спеціальному разрѣшенію. Получивъ такое разрѣшеніе, я съ нетерпѣніемъ поѣхалъ въ городъ. Я былъ первый разъ въ Константинополѣ проѣздомъ изъ Европы и тогда онъ показался мнѣ небольшимъ, довольно грязнымъ, азіатскимъ городомъ. Теперь же я нашелъ его чистымъ, оживленнымъ и невѣроятно богатымъ. Наслажденіемъ для меня было сѣсть въ трамвай, гдѣ люди казались хорошо одѣтыми и очень вѣжливыми. Стѣсняла меня только нищета моего измятаго и грязнаго военнаго обмундированія.

День, проведенный мною въ Константинополѣ, показался мнѣ какимъ то чуднымъ сномъ. Безъ особой охоты поѣхалъ я къ вечеру на пароходъ и здѣсь,

сидя на палубѣ и разсказывая о видѣнномъ, я еще разъ почувствовалъ размѣръ того паденія и обнищанія, которыя мы пережили. Грустно улеглись мы спать. Сталъ моросить дождь и спать на палубѣ было неуютно. Пытались мы построить палатку изъ тюковъ и стараго одѣяла, но она все не удавалась. Наконецъ, мы кое какъ заснули.

На утро мы проснулись отъ окружающей насъ сырости. Дождь непрестанно лилъ и мы промокли насквозь. Отъ одежды нашей шелъ паръ. Укрыться было некуда и, подчиняясь необходимости, проходилось покорно сидѣть и принимать на себя въ изобиліи падающую небесную влагу.

Такъ прошелъ день и ночь. Наступило новое утро. Говорили, что мы должны тронуться, но сломалась какая то цѣпь на пароходѣ и отъѣздъ нашъ отложили. Мокрые и продрогшіе бродили мы по пароходу и мрачная безнадежность начинала овладѣвать душой. «Одно спасеніе», — подумалъ я — «бѣжать съ парохода». И мы начали обдумывать планъ бѣгства. Планъ этотъ былъ не очень сложнымъ. Я долженъ былъ опять съѣхать на берегъ и достать женѣ англійскій сертификатъ отъ одной изъ знакомыхъ дамъ, ранѣе получившей право жительства въ Константинополѣ. Жена съ этимъ сертификатомъ должна была изобразить изъ себя даму, пріѣхавшую на пароходъ изъ города за вещами знакомыхъ. Я самъ уже на пароходъ думалъ не входить. Планъ этотъ удался, правда, не безъ подкупа турецкой стражи. Вечеромъ мы были въ отелѣ, высушились и перемѣнили бѣлье. Мы до сихъ поръ вспоминаемъ этотъ день, какъ день небывалаго блаженства. Все казалось необыкновенно хорошимъ — и грязный номеръ, и бѣлыя простыни на постеляхъ, и ужинъ въ ресторанѣ, и прогулка по шумной Перѣ.

Мы прожили въ Константинополѣ около мѣсяца, постепенно отдыхая отъ нашей Новороссійской жизни и эвакуаціонныхъ впечатлѣній. Я испытывалъ здѣсь то же чувство, которое переживалъ въ Берлинѣ послѣ Москвы, съ той только разницей, что въ Константинополѣ дѣйствительно не было никакой нужды. То было еще золотое время русскаго бѣженства. У русскихъ были еще планы, надежды, а главное, деньги. Затѣвались предпріятія, питались самыя радужныя мечты. Будущее не казалось темнымъ и срокъ изгнанія не представлялся долгимъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ мы стали собираться въ Сербію. Помню, когда я первый разъ слѣзъ съ Николая на Галатскій берегъ у самой пристани на небольшой площади, меня поразило одно зрѣлище, смысла котораго я сперва не понялъ. Толпа разнаго народа — и русскихъ, и грековъ, и турокъ, — стояла около какого то дома. Вдругъ выскочили оттуда нѣсколько зуавовъ и начали избивать людей стеками. «Что это такое?» — спросилъ я у знакомаго. «Добываютъ визы». «Странно» — подумалъ я, но свѣжія впечатлѣнія города отвлекли меня отъ этой дикой картины.

Позднѣе въ Константинополѣ я не разъ былъ свидѣтелемъ совершенно дикаго обращенія союзныхъ оккупаціонныхъ войскъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Французскіе и англійскіе солдаты не только при каждомъ удобномъ случаѣ лупили господъ въ фескахъ, но часто позволяли себѣ дѣянія просто хулиганскія. Разсыпать, напримѣръ, лотокъ съ апельсинами у турка разносчика было обычнымъ ихъ занятіемъ. Иногда компанія такихъ солдатъ или матросовъ разсыпала поочереди всѣ попадавшіеся лотки и разносчики въ ужасѣ разбѣгались въ сторону. Выносили все это они, надо сказать, съ чисто восточнымъ спокойствіемъ.

Я столкнулся съ вопросомъ о визахъ прежде всего по разсказамъ моихъ знакомыхъ. Не было изъ нихъ ни одного, кто вышелъ бы изъ этого занятія благополучно. Одному стеками разорвали новую шляпу, другого вытолкали колѣнами, несмотря на то, что онъ имѣлъ спеціальную рекомендацію. Я видѣлъ самъ, какъ собравшуюся толпу французскіе солдаты поливали изъ пожарной кишки, а офицеры съ балкона потѣшались на зрѣлище. Подъ такой душъ попалъ Н. Н. Львовъ,

когда онъ ходилъ за визой. Все это не создавало хорошаго настроенія при начал хлопотъ о выѣздѣ изъ Константинополя.

Въ испытанныхъ мною издѣвательствахъ нужно отмѣтить одно подмѣченное мною обстоятельство. «Союзники» наши не то, чтобы не умѣли устроить приличнаго порядка при полученіи этихъ визъ, нѣтъ, они, повидимому, сознательно не хотѣли такой порядокъ установить. Имъ какъ бы доставляло удовольствіе поставить просителя въ положеніе, наиболѣе затруднительное. Такъ, просителямъ не разрѣшалось образовать очереди — ее то неизмѣнно и разгоняли зуавы. Пьяные французскіе капралы выбирали изъ толпы физіономіи на свой вкусъ и ихъ пропускали въ зданіе. Тѣ, которые не нравились, таскались по визамъ недѣлями и ничего не получали. Но проникнувъ въ зданіе, вы еще въ сущности ничего не достигали. Тамъ начинался новый выборъ, основанный ими на личной прихоти или на подкупѣ. Могу сказать, что я не видѣлъ ничего, болѣе безобразнаго и болѣе наглаго, чѣмъ эти союзническіе пріемы, которые практиковались не только по отношенію къ штатскимъ, но даже и къ раненымъ военнымъ. Кто испыталъ это въ Константинополѣ, тотъ понимаетъ, почему многіе перестали любить такъ называемыхъ нашихъ «союзниковъ».

Я получилъ визу въ два дня съ разными обманами и подкупами — не буду уже описывать какъ. Мы выбрались изъ Константинополя въ Софію, а потомъ въ Бѣлградъ. Здѣсь мы начали постепенно устраивать нашу бѣженскую жизнь. Тогда устроить ее было легче, чѣмъ теперь, — было безконечно болѣе возможностей. Жизнь въ Сербіи стала уже налаживаться, однако, тоска по Россіи все время одолѣвала насъ. Въ то время въ маленькомъ Крыму происходилъ какой то не вполнѣ понятный издали процессъ. Смотря отсюда на Крымъ, мы терзались мыслью, что сидимъ здѣсь въ сравнительныхъ удобствахъ и не участвуемъ въ новой попыткѣ борьбы съ красной Россіей. Неожиданно для себя, однажды утромъ — то уже былъ іюнь мѣсяцъ — я получилъ телеграмму, вызывающую меня отъ имени Главнокомандующаго въ Крымъ на мѣсто Начальника Информаціонной части при штабѣ арміи. Я раздумывалъ всего нѣсколько минутъ — и телеграфно отвѣтилъ, что принимаю назначеніе.

Проѣхать въ Крымъ было тогда не легко и только въ двухъ-недѣльный срокъ мнѣ удалось преодолѣть всѣ препятствія и сѣсть въ поѣздъ на Константинополь. Черезъ нѣсколько дней по прибытии въ Константинополь мы сѣли на пароходъ Константинъ и поплыли по Черному морю назадъ въ Скифію.

Когда я вспоминаю теперь о первыхъ нашихъ крымскихъ впечатлѣніяхъ, Крымъ представляется мнѣ какимъ то не совсѣмъ реальнымъ міромъ, который я увидѣлъ, какъ бы въ дурномъ снѣ. Да, жестокіе были эти первые дни встрѣчи съ Россіей, пока къ ней не присмотрѣлся и не привыкъ. Первое, что бросалось въ глаза — это какой то понурый, выцвѣтшій и въ то же время непривѣтливый видъ людей, толкавшихся на Севастопольской пристани. Пришла, какъ водится, контръ развѣдка и безконечно долго провѣряла документы. Потомъ на пароходъ потянулись грузчики, здоровые и злые ребята, почему то ругавшіеся между собой. Тогда меня помню все тревожилъ вопросъ, который я не разъ задавалъ себѣ и ранѣе: почему это такіе злые русскіе люди. Сколько мы грузились и въ Турціи, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, вездѣ народъ — болѣе добродушный и сходный, особенно константинопольскіе хамалы, жуликоватые, но услужливые, веселые и разбитные. А здѣсь подошли два мрачныхъ типа и сейчасъ же вышли недоразумѣнія.

«Вотъ снесите, пожалуйста, багажъ въ таможню».

«Багажъ? А это вашъ ящикъ?»

«Мой».

«Нѣтъ-съ, господинъ, тяжелъ. Кто его понесетъ?»

Я впалъ въ недоумѣніе. Въ Константинополѣ на спинѣ его несъ, помнится, одинъ хамалъ. Растерянно спрашиваю что же дѣлать.

«Да можно перенести, только возьмите четырехъ человѣкъ».

Четыре человѣка по нашимъ вещамъ были явно излишни, но хотѣлось скорѣе на родную землю и я не сталъ возражать. «Сколько же будетъ стоить», — спрашиваю я.

Здѣсь была мнѣ названа такая невѣроятная сумма, что я пришелъ въ ужасъ. Даже въ переводѣ на турецкія лиры сумма была велика, а жизнь въ Крыму была въ нѣсколько разъ дешевле константинопольской. Я пришелъ въ возмущеніе, которое, однако, было встрѣчено весьма спокойно.

«Не хотите, такъ и не надо».

И мрачные типы удалились.

Я пошелъ искать носильщиковъ на пристань, гдѣ много было разныхъ грузчиковъ, которые охотно предлагали свои услуги. Вскорѣ я сговорился съ двумя за сравнительно сносную цѣну и повелъ ихъ на пароходъ. Но здѣсь произошло новое недоразумѣніе. Являются опять мрачные типы, выхватываютъ у носильщиковъ вещи и начинаютъ ругаться. Собирается толпа озлобленныхъ лицъ, и я вижу, что моихъ носильщиковъ пинками выставляютъ съ парохода.

Я пришелъ въ полное негодованіе и пошелъ объясняться съ комендантомъ пристани. Встрѣтилъ онъ меня не очень вѣжливо, но когда я показалъ свои документы, тонъ его сразу перемѣнился. Однако, онъ оказался совершенно безпомощнымъ.

«У насъ союзъ» — говорилъ онъ, — «союзъ грузчиковъ. Я ничего не могу сдѣлать... Не состоящимъ въ союзѣ не разрѣшаютъ носить вещи... Цѣны у насъ не установлены, приходится платить, сколько просятъ».

Я былъ побѣжденъ. Приходилось мириться, равняясь на русскіе порядки. Я нанялъ двухъ новыхъ господъ изъ союза, которые такъ и отказались нести большой ящикъ. Мнѣ сказали, что его перевезутъ завтра прямо въ таможню.

Таможенная процедура обошлась безъ особыхъ происшествій, но далѣе опять несуразныя затрудненія. Отъ пристани до квартиры знакомыхъ, у которыхъ мы могли переночевать, нужно было пройти десять-пятнадцать домовъ. Носильщики изъ союза вещи нести отказались, а подводы, стоявшія на улицѣ, начали въ свою очередь запрашивать невѣроятную цѣну.

«Да, позвольте», — горячился одинъ изъ севастопольцевъ, — вѣдь это два шага... Такую цѣну платятъ до вокзала».

«А намъ все равно, что до вокзала, то и до Нахимовскаго... Не хотите, такъ и не надо».

Опять пришлось заплатить дань.

Я помню Севастополь со старыхъ царскихъ временъ — былъ онъ всегда чистымъ, элегантнымъ и нряднымъ городомъ. И во времена Деникина былъ онъ всегда внѣшне культурнѣе, чѣмъ Симферополь. А сейчасъ, выйдя на площадь между Графской пристанью и Морскимъ Собраніемъ и осмотрѣвшись вокругъ, я какъ то сразу загрустилъ. Было что то тяжелое, подавленное, вымученное во всемъ—особливо въ встрѣчныхъ людяхъ. Казалось, что не люди это, а какія то сѣрыя подобія старыхъ людей, если угодно, ихъ тѣни. Особенно поразили меня друзья и знакомые, которыхъ я нашелъ похудѣвшими, пожелтѣвшими и какъ то выцвѣтшими не только физически, но и духовно. По первому взгляду можно было заключить, что жизнь въ Крыму — не изъ легкихъ.

Мы уже отучились въ теченіе короткихъ заграничныхъ странствій отъ многихъ русскихъ порядковъ, которые въ первое время казались невыносимо тяжелыми. Севастополь былъ переполненъ, комнатъ не было. Пришлось въ первые дни спать на полу въ канцеляріи, на собственной одеждѣ. Все было неопрятно и первое время внушало брезгливость.

На слѣдующее утро пошелъ я въ таможню добывать мой ящикъ. Время было присутственное, около десяти часовъ утра, но оказалось, что въ таможнѣ нѣтъ соотвѣтственнаго чиновника. Его пошли искать и искали безъ преувеличенія около

часу. Наконецъ, пришелъ чиновникъ, нашелъ мой ящикъ, но и здѣсь дѣло не пошло: обнаружилось, что нѣтъ какой то таможенной книги, которую также послали искать. Прошелъ часъ времени и пришелъ солдатъ съ книгой, однако въ это время исчезъ куда то чиновникъ. Было это все прямо по гоголевски. Я опять вышелъ изъ себя, сталъ предъявлять свои документы и вызовы и не безъ затрудненія послѣ трехъ часовой процедуры добился счастливой встрѣчи чиновника съ книгой.

«Да вы напрасно не заплатили»,—говорилъ мнѣ какой то севастопольскій гражданинъ, — «а такъ до вечера ждутъ»...

Въ тотъ же день, поѣвъ невкусный и дорогой обѣдъ въ ресторанѣ на Приморскомъ бульварѣ, мы неожиданно встрѣтили поблѣднѣвшаго и худого стараго знакомаго. Онъ какъ то странно обрадовался намъ. Въ лицѣ и въ глазахъ его было что-то загадочное.

«Пожалуйте ко мнѣ»,—съ какимъ то трудомъ выговорилъ онъ. — «Ко мнѣ, на похороны»...

Жена его наканунѣ, придя со службы, съѣла томатовъ и внезапно умерла отъ холеры.

Въ тѣ же первые дни подыскалъ я черезъ знакомаго офицера и комнату на краю города въ слободкѣ, противъ извѣстнаго въ Севастополѣ «толчка». «Толчекъ» этотъ произвелъ на насъ впечатлѣніе неотразимое. Каждое воскресенье наполнялся онъ толпами людей, торговавшими всякой самой послѣдней дрянью — старымъ платьемъ, посудой, замками, гвоздями и т. д. Это все были преимущественно «бывшіе» люди изъ недобитой и недорѣзанной интеллигенціи. Когда я смотрѣлъ на этотъ «толчекъ», я вспоминалъ Невскій проспектъ въ 1918 году. Здѣсь въ Севастополѣ бѣлая Россія уравнялась съ красной и процессъ истребленія русскаго «буржуя» дошелъ своимъ путемъ до своихъ послѣднихъ этаповъ.

Я пошелъ прописываться въ участокъ. Въ канцеляріи было человѣкъ 10—15 людей,—всего болѣе злыхъ и грязныхъ бабъ. За столомъ сидѣлъ гражданскій чиновникъ военнаго времени въ погонахъ съ тремя звѣздами. Шелъ какой то споръ между нимъ и бабами, на который я сначала не обратилъ вниманія, но нѣкоторыя реплики заставили меня насторожиться.

«А что-же, господинъ», — громко и язвительно заявила одна изъ женщинъ, обращаясь къ чиновнику, — «не вамъ я намедни принесла бутылку спирту».

«Я прошу васъ такъ со мной не разговаривать».

«Вотъ глаза безстыжіе, сами же съ товарищемъ своимъ бутылку вонъ въ той комнатѣ выпили, да еше котлетой закусывали».

Публика значительно покрякивала, а господинъ съ тремя звѣздочками имѣлъ явно сконфуженный видъ. Всякому было видно, что дѣйствительно пили и закусывали.

«Пожалуйте для объясненія въ ту комнату», — заявилъ чиновникъ.

Компанія удалилась, разговоръ въ другой комнатѣ шелъ тихій и мирный и всѣ воротились вполнѣ довольными. Публика улыбалась и перемигивалась.

«Дымъ отечества»—думалъ я, поднимаясь отъ Графской пристани на гору — съ низовъ Крымской жизни къ верхамъ правительственнаго аппарата.

Изъ нѣкоторыхъ репликъ моихъ друзей и знакомыхъ я уже въ первые минуты по прибытіи въ Крымъ понялъ, что около моего вызова также имѣются нѣкоторыя недоразумѣнія. Я не зналъ и не могъ понять, въ чемъ дѣло, и друзья мои отмалчивались, говоря: вотъ пойдете сами и узнаете, мы что то слышали, да толкомъ не знаемъ.

Я былъ вызванъ военной властью и пошелъ въ первую очередь къ одному изъ ея представителей, генералу Н. Помню, въ учрежденіи, куда я пришелъ, меня поразила внѣшняя выправка служащихъ, которой не очень было много въ Екатеринодарѣ и въ Ростовѣ. Здѣсь все было болѣе на вытяжку, но въ то же время чувствовалось нѣчто не натуральное, выдуманное или вымученное. Въ пріемной, гдѣ я ожидалъ и гдѣ ходили военные курьеры, мнѣ пришла странная мысль: не на

сценѣ ли я, не въ театрѣ ли, гдѣ изображаютъ правительственное учрежденіе временъ Императора Николая I?

Генералъ Н. оказался милѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ, весьма тонко и не безъ ироніи давшимъ мнѣ общее освѣщеніе той ситуаціи, въ которой находился вопросъ о моемъ назначеніи. Оказывается, послѣ того, какъ меня вызвали телеграммой, рѣшено было дѣло информаціи сконцентрировать не при Штабѣ Арміи, но при управленіи внутреннихъ дѣлъ. Должность, на которую я вызывался, въ теченіе моего переѣзда была упразднена и, взамѣнъ ея, была образована новая должность завѣдывающаго Отдѣломъ Печати при названномъ управленіи. Этотъ Отдѣлъ Печати имѣлъ уже и своего начальника, весьма недавно назначеннаго — нѣкоего г. Н. Д. Выходило, что я вызванъ въ пустую.

«Но какъ же такъ, Ваше Превосходительство», — изумленно говорилъ я, — вѣдь я получилъ двѣ телеграммы и отвѣтилъ, что выѣзжаю. Почему же меня не предупредили?»

«Разумѣется, вышла неловкость, но согласитесь, я здѣсь не при чемъ. Вамъ придется переговорить съ А. В. Кривошеинымъ. Что касается расходовъ по дорогѣ, то мы Вамъ ихъ, конечно, оплатимъ».

Къ А. В. Кривошеину я пошелъ весьма накаленнымъ. А. В. я зналъ по Ростову и по Новороссійску, никакихъ особыхъ отношеній у насъ съ нимъ не было, но, повидимому, онъ ничего не могъ имѣть лично противъ меня. Я зналъ также, что покойный А. В. былъ слишкомъ умудренный и бывалый администраторъ для того, чтобы не выйти изъ создавшагося неловкаго положенія. Въ пріемной въ Севастопольскомъ Большомъ Дворцѣ пришлось порядочно подождать, пока онъ меня принялъ.

Какъ всегда, онъ сидѣлъ одновременно и обходительный, и важный, несомнѣнно производящій впечатлѣніе на сталкивающихся съ нимъ людей, съ красивымъ лицомъ, пріятнымъ голосомъ, ясными, хитрыми глазами и прирожденнымъ блескомъ ума, который естественно изливался изъ его натуры. Я замѣтилъ только, что здѣсь, въ Крыму, всегдашнее нервное подергиваніе его щеки еще болѣе усилились. Онъ принялъ меня ласково, какъ старый царедворецъ, однако, выходъ, который онъ мнѣ предложилъ, изумилъ меня до чрезвычайности.

«Очень пріятно», — говорилъ онъ, «что пріѣхали къ намъ работать. Здѣсь вышли нѣкоторыя измѣненія въ первоначальныхъ планахъ, но по существу это суть улучшенія. Передъ нами стоитъ задача организовать Отдѣлъ Печати, и очень радъ имѣть въ Вашемъ лицѣ сотрудника».

«Простите, Александръ Васильевичъ, но у Васъ вѣдь уже есть Начальникъ Отдѣла Печати».

«Ахъ, ничего, мы его уволимъ».

«Какъ же это такъ», — думалъ я, — «только что назначили и вдругъ увольнять... Здѣсь что то такое неладно».

Я сказалъ, что имѣю свои соображенія по организаціи этого дѣла въ Крыму и хотѣлъ бы представить ихъ въ докладной записке, чтобы столковаться и выяснить точки зрѣнія. А. В. согласился и мы разстались.

А дѣло обстояло вотъ какъ. У бѣлаго движенія на Югѣ Россіи были свои «вѣчные спутники». Къ числу ихъ принадлежалъ Н. П. Измайловъ, человѣкъ безусловно искренній, но, да проститъ меня онъ, съ чрезвычайнымъ политическимъ сумбуромъ въ головѣ. Тамъ, гдѣ онъ появлялся, неизмѣнно выходила неперіодическая газета, носившая имя «Царь Колоколъ»—«Голосъ русской мысли, русскихъ слезъ и русскаго смѣха». Одна часть ея наполнялась обыкновенно избранными изрѣченіями изъ русскихъ писателей, включая покойнаго Пуришкевича съ его небезызвѣстными каламбурами. Другая часть составлялась самимъ Н. И. Измайловымъ, который выступалъ въ томъ же самомъ номерѣ и подъ своимъ именемъ, и подъ различными псевдонимами. Иногда печатались статьи и постороннихъ сотрудниковъ, но довольно рѣдко. Направленіе газеты опредѣлялась нормой: правѣе самаго праваго. Этотъ «Царь Колоколъ» сталъ выходить и въ Севастополѣ

въ качествѣ единственнаго, пожалуй, рѣзко оппозиціоннаго по отношенію къ правительству органа. Оппозиція была по формѣ своей довольно несдержанной и по отношенію къ нѣкоторымъ членамъ правительства, напримѣръ, къ М. В. Бернацкому, прямо даже гнусной. Такъ вотъ первымъ постороннимъ фельетонистомъ этого листка и оказался новый начальникъ Крымскаго Отдѣла Печати. Можно сказать, случилась невѣроятная ерунда: вновь организованный органъ правительственной печати оказался въ лицѣ своего начальника во главѣ оппозиціи противъ правительства. Нужно было для этого преобразовывать Отдѣлъ Печати!

Все это я узналъ конфиденціально, ибо начальникъ отдѣла печати скрывался подъ псевдонимомъ, однако, тайна его псевдонима была тайной полишенеля. И мнѣ стало понятно, почему А. В. Кривошеинъ не очень стѣснялся съ его увольненіемъ. Приходилось только удивляться, почему его сразу не уволили. Нѣкоторые злые языки говорили: потому что онъ или правовѣдъ, или лицеистъ, или бывшій пажъ и потому что онъ покровительствуемъ Начальнкомъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Тверскимъ.

Положеніе создавалось для меня довольно трудное. Я составилъ докладную записку, въ которой изложилъ свои взгляды на организацію Отдѣла Печати. Въ ней я выставилъ, въ качествѣ существенныхъ требованій, — превращеніе Отдѣла Печати въ самостоятельное учрежденіе, съ изъятіемъ его изъ Управленія Внутреннихъ Дѣлъ, и объединеніе въ Отдѣлѣ Печати всей заграничной информаціи, съ изъятіемъ ея изъ Управленія Иностранныхъ Дѣлъ. Я передалъ записку А. В. и черезъ нѣсколько дней пришелъ за отвѣтомъ. Уже по первому пріему я увидѣлъ, что отвѣтъ будетъ отрицательный.

А. В. Кривошеинъ говорилъ со мной на этотъ разъ довольно холодно и даже раздраженно. Онъ не только отвергъ мои вышеупомянутыя требованія, но и далъ понять, что рѣшительно расходится со мной въ самомъ пониманіи задачъ Отдѣла Печати. Изъ его словъ мнѣ стало яснымъ, что А. В. хотѣлъ организовать въ Крыму нѣчто въ родѣ стараго нашего Главнаго Управленія по дѣламъ печати, которое съ одной стороны должно было исполнять функціи цензурнаго комитета, а съ другой стороны призвано было сконцентрировать всѣ печатныя средства, бумагу, шрифтъ, типографіи и денежныя суммы для субсидированія газетъ. При этомъ разговорѣ съ А. В. мнѣ невольно вспомнилась прочитанная мною сентенція «Царя Колокола». «Выходъ одинъ», — писала газета—«большія типографіи должны быть взяты въ собственность государства, бумага монополизирована, а свинцовая армія должна стать дѣйствительной арміей. Работа у печатнаго станка должна быть приравнена во всемъ къ раобтѣ у пулемета». («Царь Колоколъ», № 2, статья «Чортово Колесо Революціи»).

Мнѣ такая программа, цѣликомъ, впрочемъ, уже осуществленная въ Москвѣ, была рѣшительно не по дорогѣ. Я сдѣлалъ нѣсколько возраженій, которыя были встрѣчены весьма холодно. Мы сухо простились.

Однако этимъ дѣло не кончилось. Прошло съ мѣсяцъ. Новый Начальникъ Отдѣла Печати былъ уволенъ и я слышалъ, что кандидатъ на это мѣсто изыскивается вновь. Я менѣе всего претендовалъ въ то время быть этимъ кандидатомъ. Вдругъ однажды вечеромъ съ дежурнымъ офицеромъ получаю вызовъ Главнокомандующаго. Я, конечно, пошелъ.

Я первый разъ встрѣтился тогда съ генераломъ Врангелемъ и невольно у меня въ памяти эта встрѣча сравнивается съ описаннымъ выше свиданіемъ съ генераломъ Деникинымъ. Первое впечатлѣніе, опредѣлявшее внѣшнюю разницу двухъ этихъ людей, формулируется у меня въ военномъ противопоставленіи: инфантерія — кавалерія. У ген. Деникина не было ни внѣшняго блеска, ни свѣтскихъ манеръ, но въ то же время была въ немъ какая то глубокая почвенная сила. Ген. Врангель былъ красивъ, статенъ, а главное—отмѣчалъ его дѣйствительный, не напускной лоскъ обращенія. Внѣшне онъ былъ человѣкомъ, который могъ очаровать, но я не замѣтилъ въ немъ чертъ, изобличающихъ гипнотизирующее излученіе

властности. Въ движеніяхъ и во всей повадкѣ своей онъ былъ чрезвычайно быстръ.

Онъ предложилъ мнѣ назначеніе на должность Начальника Отдѣла Печати — предложеніе, которое меня чрезвычайно озадачило и смутило. Въ короткихъ чертахъ я разсказалъ Главнокомандующему исторію моего прибытія въ Крымъ. Онъ выразилъ полное изумленіе и сказалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Я мягко коснулся разногласій съ А. В. Кривошеинымъ и пытался въ нѣсколькихъ словахъ высказать мои взгляды на организацію Отдѣла Печати. Главнокомандующій быстро во всемъ со мной согласился. Мнѣ приходилось сейчасъ же рѣшать вопросъ и соглашаться, а рѣшеніе было очень трудно. Я началъ было указывать на разныя затрудненія, — на необходимость ѣздить въ Симферополь читать лекціи, на личныя дѣла и т. д. Всѣ эти затрудненія были быстро разсѣяны. Я тянулъ, сколько возможно, и принужденъ былъ согласиться.

«Пойдите къ А. В.», — сказалъ Главнокомандующій, — «скажите, что все устроено. Съ нимъ, я увѣренъ, Вы сговоритесь».

Я пошелъ изъ Малаго Дворца въ Большой Дворецъ къ А. В. Кривошеину. Онъ, повидимому, не былъ освѣдомленъ о моемъ вызовѣ Главнокомандующимъ, или сдѣлалъ видъ, что объ этомъ не зналъ. Я сказалъ А. В., что пришелъ къ нему отъ имени ген. Врангеля, которому далъ согласіе на принятіе должности Начальника Отдѣла Печати. А. В. нѣсколько удивился и просилъ меня зайти черезъ два дня для выясненія нѣкоторыхъ окончательныхъ вопросовъ. Мы мило распрощались.

На слѣдующій день я получилъ извѣщеніе, что меня вызываетъ къ себѣ А. В. Кривошеинъ. Я пошелъ въ увѣренности, что дѣло идетъ о какихъ нибудь техническихъ вопросахъ въ связи съ моимъ назначеніемъ. Однако, удивленію моему не было конца.

А. В. Кривошеинъ, когда я вошелъ къ нему и сѣлъ, буквально сказалъ мнѣ слѣдующее:

«Николай Николаевичъ! Главнокомандующій передумалъ и измѣнилъ свое рѣшеніе, о чемъ я обязанъ довести до Вашего свѣдѣнія»...

Не нужно говорить, что все это опять вышло очень неловко. А. В. тотчасъ же началъ неловкость исправлять, увѣряя меня въ томъ, что онъ всегда готовъ къ мимъ услугамъ и надѣется дѣйствительно оказать ихъ мнѣ, за что его я весьма благодарилъ. Закулисная сторона всей этой исторіи для меня такъ и остались втайнѣ.

Въ тѣ дни мнѣ постепенно стало ясно, что представляетъ изъ себя крымская эпопея. По существу дѣла, эта была послѣдняя ставка бѣлаго движенія, въ которой рѣдко выигрываютъ и почти всегда погибаютъ. Существовала, повидимому, только одна возможность выигрыша — это настоящая геніальность отвѣтственнаго за всю ставку лица. Возглавлять Крымъ съ нѣкоторымъ разсчетомъ на успѣхъ могъ бы только такой человѣкъ, который не только вдохновлялъ бы армію, но и сумѣлъ бы въ одномъ порывѣ спаять все гражданское населеніе Крыма. При этомъ уже не могло быть никакой рутины, никакой обыденщины, никакихъ пережитковъ стараго. Крымъ могъ отстоять себя военнымъ успѣхомъ, соединеннымъ съ совершенно новыми путями организаціи гражданской жизни, которые создали бы въ населеніи великое моральное напряженіе, общій энтузіазмъ и непреклонную вѣру. Тогда, взирая на Крымъ, каждый могъ бы сказать: «вотъ настоящая Россія», и каждый не могъ бы не полюбить ея и не потянуться къ ней. Крымскій моральный опытъ сталъ бы образцомъ и здѣсь началось бы новое государство.

Я знаю, что во всѣхъ этихъ предположеніяхъ много утопіи, но тѣмъ хуже это для Крыма: тѣмъ менѣе для него было шансовъ на успѣхъ. Очевидно было, что Крымъ не возглавлялся такимъ личнымъ геніемъ. Личное вліяніе Главнокомандующаго не шло далѣе арміи. Въ арміи, пожалуй, онъ имѣлъ большую попу-

лярность, чѣмъ ген. Деникинъ, но сомнительно, чтобы популярность эта была похожа на славу Цезаря или Наполеона. Что же касается гражданскаго управленія, то отъ него Главнокомандующій сознательно отошелъ, предоставивъ здѣсь власть своимъ ближайшимъ помощникамъ. Надо сказать, по справедливости, что управленіе Крымомъ не было уже такимъ сложнымъ дѣломъ, — вѣдь это была одна изъ нашихъ губерній, да еще не при всѣхъ уѣздахъ. Для такой губерніи достаточно было одного способнаго полицмейстера и излишенъ былъ цѣлый кабинетъ министровъ. Вотъ такой то полицмейстеръ и отсутствовалъ, — и получалась картина, которая мнѣ до сей поры рисуется слѣдующимъ образомъ: на верху, на горѣ, во дворцахъ засѣдаютъ Александръ Васильевичъ, Петръ Бернгардевичъ, Григорій Николаевичъ и т. д., совѣщаются, обмѣниваются умнѣйшими мыслями, а спуститься нѣсколько шаговъ внизъ, на пристань, на базаръ — здѣсь спекуляція, взяточничество, административная рутина, развалъ, настоящій русскій хаосъ; Верхъ—самъ по себѣ, и самъ по себѣ низъ. А когда приходятъ къ Главнокомандующему и говорятъ: Ваше Превосходительство, внизу не все въ порядкѣ», онъ отвѣчаетъ: «Некогда... Ѣду на фронтъ, все передалъ Александру Васильевичу...»

Бросалось въ глаза, далѣе, нѣкоторое рѣшительное несоотвѣтствіе между отчаяннымъ военнымъ замысломъ Крыма и между глубоко мирнымъ гражданскимъ окруженіемъ, въ которомъ Крымъ находился. Казалось бы, что такое рискованное предпріятіе, которое ген. Врангель началъ въ Крыму, должно было и требовать въ качествѣ сотрудниковъ людей отчаянныхъ, смѣлыхъ авантюристовъ — я примѣняю выраженіе это не въ дурномъ смыслѣ. Между тѣмъ Правительство Крыма возглавлялось людьми, глубоко мирнаго, чисто интеллигентскаго склада. По духу Крыму соотвѣтствовалъ ген. Слащевъ, а въ дѣйствительности онъ возглавлялся А. В. Кривошеинымъ и П. Б. Струве. И потому крымская постройка была лишена единаго и цѣльнаго стиля.

Здѣсь я не могу не удержаться, чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ объ А. В. Кривошеинѣ, которому суждено было въ Крыму испытать столь странную судьбу. А. В. принадлежалъ къ числу людей, на которыхъ въ нѣкоторыхъ нашихъ кругахъ возлагались особыя надежды. Помню, еще во время ген. Деникина я нѣсколько разъ слышалъ сужденія объ А. В. Кривошеинѣ: «вотъ человѣкъ, который можетъ дѣйствительно спасти Россію». Безъ преувеличенія—около него носился и его окружалъ какой то мифъ. Многіе считали, именно, провиденціальнымъ, что онъ все время оставался на заднемъ планѣ и не выходилъ впередъ. Вѣрили, что вотъ наступитъ моментъ и онъ выйдетъ, наконецъ, какъ нѣкій русскій богатырь. И вотъ наступилъ моментъ, судьба вывела его на первый планъ, да еще съ столь счастливымъ сочетаніемъ, съ генераломъ Врангелемъ. Онъ вышелъ — и въ два, три мѣсяца всѣ упованія на него разлетѣлись въ прахъ. Даже больше того, упованія перешли въ открытую ненависть, въ черную злобу. Въ арміи, особенно на фронтѣ, заговорила стоглавая молва и превратила его въ виновника всѣхъ крымскихъ неудачъ, всего крымскаго хаоса, спекуляціи, экономической разрухи, финансоваго краха. Не знаю, чувствовали ли это тамъ, на горѣ, въ тихихъ кабинетахъ, гдѣ засѣдали важныя совѣщанія, подъ умѣлымъ, блестящимъ предсѣдательствомъ А. В., всегда умнаго и торжественнаго, какъ бы прямо вышедшаго изъ кулуаровъ Сената или стараго Государственнаго Совѣта. Я пробовалъ заговорить объ этомъ съ нѣкоторыми близко стоявшими къ сферамъ лицами, но они не принимали этого въ серьезъ, или сердились. А въ Симферополѣ мнѣ говорили офицеры съ фронта: «Пусть только Кривошеинъ пріѣдетъ на фронтъ, получитъ пулю въ лобъ». Я пробовалъ его защищать, но меня засыпали возраженіями по большей части самаго невѣроятнаго свойства, о которыхъ просто не хочется сейчасъ и говорить. Замѣчательно, что обвиненія противъ А. В. имѣли не столько общественно-политическій, сколько личный характеръ. Такимъ образомъ на смѣну героическому мифу пришелъ мифъ развѣнчивающій, отрицающій и оскорбляющій. Не могу сказать, чтобы его создавала толь-

ко армейская молва. Въ Севастополѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ однимъ изъ довольно высокихъ чиновъ контръ-развѣдки и онъ повторялъ мнѣ буквально все то, что говорилось на фронтѣ. «Я работаю, чтобы разоблачить его», — говорилъ онъ, — «и разоблачу»... Но Крымъ рухнулъ, потопивъ въ своихъ обломкахъ всю эту муть.

Крымскія впечатлѣнія не располагали къ тому, чтобы здѣсь на долго оставаться. Съ точки зрѣнія разсудочной нужно было складывать чемоданы и ѣхать опять за границу. Однако, странное чувство привязывало насъ къ этому послѣднему клочку старой Россіи. Мы медлили, откладывали отъѣздъ и выжидали. Я считалъ, что Крымъ продержится до весны, и мы рѣшили остаться въ Севастополѣ до новаго года. А тамъ посмотримъ что дѣлать...

Осенью я рѣшилъ ѣздить въ Симферополь читать лекціи въ Университетѣ. Поѣздомъ ѣхать было чрезвычайно затруднительно, т. к. было неизвѣстно, когда онъ отойдетъ отъ Севастополя и когда прибудетъ въ Симферополь. Обычно приходилось придти съ вечера на вокзалъ и здѣсь ждать иногда цѣлую ночь, а иногда и больше. Если поѣздъ отходилъ, онъ благополучно доѣзжалъ только до туннеля подъ Севастополемъ, гдѣ неизмѣнно останавливался на подъемѣ. Иногда паровозъ бралъ подъемъ своими силами, иногда же присылали толкача изъ Севастополя, — и такъ проходило нѣсколько часовъ. Кромѣ того поѣздомъ ѣхать было небезопасно въ смыслѣ тифа. Такъ погибъ нашъ ректоръ Р. И. Гельвигъ, поймавъ на себѣ послѣ вагона нѣсколько насѣкомыхъ и съ необыкновенной точностью заболѣвъ въ инфекціонный срокъ. Я рѣшилъ ѣздить лошадьми. Лошади проходили скорѣе поѣзда 60-ти верстное разстояніе отъ Севастополя въ Симферополь и менѣе риска было заразиться. Мнѣ приходилось вставать въ 5 часовъ утра, переправляться на другой берегъ залива, на сѣверную сторону и здѣсь нанимать мѣсто въ экипажѣ со случайными попутчиками, которые всегда утромъ находились у шинковъ и кофеенъ сѣверной стороны. Поѣздка эта стоила довольно дорого, сначала нѣсколько тысячъ, а потомъ и свыше десятка тысячъ крымскихъ рублей. Сверхъ того по дорогѣ часто грабили. Путь шелъ сначала пустынными и холмистыми мѣстами около моря, потомъ сворачивалъ на сѣверъ до первой большой деревни Бильбекъ. Эта часть пути не считалась опасной, но послѣ нея до Бахчисарая шоссе шло пустынными мѣстами, а передъ Бахчисараемъ входило въ лѣсистую лощину, къ которой справа подходили отроги Крымскихъ горъ. Это и было самое опасное мѣсто. Съ горъ по лѣсамъ сходили въ это мѣсто зеленые, брали дань съ путешественниковъ, а иногда и убивали.

Я лично ограбленъ не былъ, но видѣлъ съ пригорка на шоссе, какъ впереди грабили какихъ то проѣзжихъ. Ямщикъ нашъ остановилъ лошадей и, показывая кнутомъ, молвилъ: «глядите, тамъ зеленые». Впереди, въ четверти версты отъ насъ, стояло нѣсколько человѣкъ съ винтовками, а еще дальше по шоссе стояла тройка, окруженная какими то вооруженными людьми. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ, и всѣ пѣшіе люди стали отходить по кустамъ отъ дороги на гору. Мы не рѣшались двигаться впередъ, пока къ намъ не подъѣхалъ отъ Севастополя военный автомобиль съ вооруженными офицерами. Мы подъѣхали къ тройкѣ, у которой стояли два почти раздѣтыхъ человѣка и лежалъ на землѣ ямщикъ, прострѣленный въ плечо. Оказывается, онъ вступилъ въ пререканія съ зелеными, за что и получилъ пулю. Съ проѣзжихъ же было снято все до нижняго бѣлья.

Зеленые эти тогда наполняли Крымскія горы, живя по лѣсамъ и пещерамъ. Насчитывалось ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Нѣкоторыя мѣстности Крыма были вполнѣ въ ихъ власти и по нимъ почти невозможно было ѣздить. Такъ недоступны были, напримѣръ, всѣ лѣсистые перевалы черезъ Яйлу. Противъ зеленыхъ снаряжались цѣлыя экспедиціи, но довольно безуспѣшно.

Я останавливался въ Симферополѣ у знакомыхъ профессоровъ, которые всѣ за немногими исключеніями терпѣли страшную нужду. Особенно больно было

смотрѣть на многосемейныхъ людей. У одного изъ нихъ было трое дѣтей - и вотъ съ ранняго утра, чуть солнце вставало, дѣти начинали просить хлѣба. Хлѣбъ выдавали по карточкамъ, и онъ приходилъ только часовъ въ 9—10. Когда хлѣбъ приносили, дѣти набрасывались на него, какъ голодные волчата. «Знаете», — сказала мнѣ однажды мать, — «нашъ маленькій съѣлъ послѣдній разъ яйцо три мѣсяца тому назадъ». Этотъ маленькій не имѣлъ никакого представленія о томъ, что такое шоколадъ, и съ большимъ недовѣріемъ отнесся къ шоколадной плиткѣ, привезенной мною изъ Севастополя.

Жизнь была тяжелая и мрачная. Впереди еще предстояла зима. Будущее было темно и люди жили не вѣрой въ лучшее, а убѣжденіемъ, что хуже быть не можетъ.

Въ половинѣ октября красные начали наступать на Крымъ. У всѣхъ было твердое убѣжденіе, что наступленіе будетъ отбито и никто серьезно не думалъ о возможности близкаго паденія Крыма. 26-го октября въ понедѣльникъ я отправился въ свою обычную поѣздку въ Симферополь, гдѣ я намѣревался пробыть до конца недѣли. Лекціи мои я читалъ при совершенно нормальныхъ условіяхъ и вообще жизнь въ Симферополѣ проходила вполнѣ нормально. На фронтѣ у Перекопа шли жестокіе бои, однако въ городѣ не было замѣтно никакой паники. Въ среду вечеромъ я возвращался съ лекціи домой и встрѣтилъ по дорогѣ одного знакомаго полковника, разговоръ съ которымъ внушилъ мнѣ какую то тревогу.

«Что Вы здѣсь дѣлаете?» — съ удивленіемъ спросилъ онъ меня.

«Лекціи читаю».

«Вотъ нашелъ время!.. Уѣзжайте въ Севастополь».

«А что?»

«Да ничего, уѣзжайте скорѣе».

Я пришелъ на квартиру къ моему сослуживцу, гдѣ останавливался, и разсказалъ ему о происшедшемъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ городѣ ходятъ какіе то тревожные слухи о положеніи на фронтѣ, но оффиціально ничего не извѣстно. Засидѣвшись довольно поздно за чаемъ, мы послали около полуночи на квартиру къ ректору справиться о новостяхъ. Ректоръ сообщилъ, что онъ имѣетъ довольно тревожныя извѣстія о Севастополѣ, которыя впрочемъ не были истолкованы нами, какъ начало конца. Я рѣшилъ отмѣнить на завтра лекцію и выѣхать утромъ обратно въ Севастополь. Увѣренность, что конецъ еще не близокъ, была у насъ еще такъ велика, что мой хозяинъ далъ мнѣ рядъ писемъ въ Севастополь съ разными порученіями и между прочимъ съ просьбой вывезти его заграницу, въ случаѣ, если Крымъ будетъ рѣшено оставить. Мы бесѣдовали въ этотъ послѣдній вечеръ о повседневныхъ дѣлахъ, о будущей зимѣ, и я оставилъ свою довѣренность въ Университетѣ на ближайшее жалованье для закупки дровъ на зиму.

Съ разсвѣтомъ я былъ уже на базарѣ, гдѣ можно было найти лошадей на Севастополь. Здѣсь все было покойно и обыденно — подъѣзжали понемногу возы съ зеленью и мясомъ, приводили лошадей, торговали горячимъ чаемъ и бубликами. Я нашелъ мѣсто въ экипажѣ, напился чаю въ простой татарской кофейнѣ и вскорѣ мы тронулись. Со мною ѣхали два еврея по какимъ то спекулятивнымъ дѣламъ въ Севастополь. Поразительно то, что они ровно ничего не знали о положеніи на фронтѣ, и вели самые обывательскіе разговоры. При выѣздѣ изъ города мы обогнали юнкеровъ, которые всѣмъ училищемъ съ оркестромъ музыки выступали по направленію въ Севастополь. Я спросилъ, куда они идутъ, и получилъ отвѣтъ: «На охрану Севастополя». Въ Севастополѣ что то не спокойно», — сказалъ мнѣ одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ. — Повидимому, они дѣйствительно не знали, зачѣмъ ихъ туда двигаютъ.

Такъ мы доѣхали до Бахчисарая, гдѣ, какъ обычно, остановились на постояломъ дворѣ кормить лошадей. И здѣсь мы не узнали никакихъ особыхъ новостей, хотя, какъ помнится, были какіе то встрѣчные путешественники. И только

подъѣзжая къ Бильбеку, намъ попался встрѣчный автомобиль, который остановилъ насъ.

«Куда Вы ѣдете», — спросили насъ пассажиры. «Ворочайтесь... Севастополь эвакуируется».

Изумленію нашему не было конца. Извѣстія намъ были сообщены весьма тревожныя: фронтъ у Перекопа прорванъ, армія бѣжитъ, въ Севастополѣ всѣ, кто могъ, уже сѣлъ на пароходы и прежде всего правительство во главѣ съ А. В. Кривошеинымъ. Всѣ суда и лодки реквизированы и переправиться на южную сторону почти невозможно.

Мы въ недоумѣніи переглядывались. Не знаю, что думали мои спутники, но я лично былъ увѣренъ, что всѣ эти разсказы нѣсколько преувеличены. Мнѣ то нужно было ѣхать въ Севастополь, а спутники мои ѣхали торговать и свободно могли воротиться обратно, тѣмъ болѣе, что было мѣсто въ автомобилѣ. Однако, мы всѣ поѣхали дальше.

Не безъ волненія подъѣзжали мы къ слободкамъ на сѣверной сторонѣ города. По внѣшнему виду нельзя было сказать, что въ Крыму произошло что то рѣшительное. Въ слободкахъ сновали тѣ же оборванные татары, а въ открывшейся нашимъ глазамъ бухтѣ по прежнему стояли суда. Однако, у пристани дѣйствительно не было лодокъ, а толкающіеся здѣсь лодочники подтвердили все то, что было сообщено намъ встрѣчными. Нужно было потратить не мало труда для того, чтобы меня взяли на маленькій военный катеръ, который случайно шелъ на южную сторону. Команда катера не сообщила мнѣ ничего новаго и даже разсѣяла нѣсколько понятную тревогу.

«Да, говорятъ, эвакуація», — сообщилъ мнѣ одинъ изъ матросовъ. «А мнѣ что, я все равно остаюсь»...

Было часовъ пять вечера, когда я высадился у Графской пристани. Городъ не измѣнился въ своемъ внѣшнемъ видѣ, и въ немъ еще незамѣтно было никакой эвакуаціонной паники. Только изъ гостиницы Киста французскіе солдаты таскали какіе то ящики, но я не придалъ этому никакого особаго значенія. У Приморскаго бульвара я повстрѣчалъ одного знакомаго.

«Говорятъ, эвакуація», — съ тревогой спрашиваю я.

«Э, батенька, это все паникеры проклятые. Многіе уже вещи укладываютъ, но повѣрьте, все это пустяки»...

Я спѣшилъ къ себѣ домой, но зашелъ по дорогѣ къ одному пріятелю. Онъ преспокойно сидѣлъ у себя въ подвалѣ и ничего не хотѣлъ знать объ эвакуаціи.

Прихожу домой, жена уже сидитъ съ открытыми чемоданами и разбираетъ вещи. Разсказываетъ, что приходилъ знакомый изъ одного учрежденія и говорилъ, что они уже уложились.

Мы рѣшили идти обратно въ городъ, чтобы получить извѣстіе изъ болѣе информированныхъ сферъ. Когда мы изъ нашего глухого предмѣстья вышли на главную улицу, нельзя было не замѣтить, что въ городѣ уже начинается нѣсколько необычное движеніе. Пыхтѣли грузовики, было много подводъ и у какой то канцеляріи грузили ящики. Я взглянулъ въ окно — знакомая картина: роются въ шкафахъ и рвутъ бумагу.

Въ гостиницѣ Киста, куда я зашелъ, я встрѣтилъ уже испуганныхъ и мечущихся людей. Мнѣ подтвердили здѣсь, что все кончено, что правительство уже сѣло на суда и что, главное, на суда сѣсть очень трудно, почти невозможно. Въ редакціи газеты «Великая Россія», куда мы потомъ пришли, всѣ уже сидѣли на упакованныхъ ящикахъ и собирались грузиться.

Я понялъ здѣсь, что наступилъ конецъ. Оставаться въ Крыму я не могъ, нужно было уѣзжать. У меня не было никакихъ эвакуаціонныхъ документовъ, и я тотчасъ же, несмотря на поздній часъ, пошелъ ихъ добывать.

Я обходилъ много учрежденій и дѣйствительно убѣдился, что все уже кончено. Начальствующія лица по большей части отсутствовали, суетились только низшіе служащіе, у которыхъ трудно было чего нибудь добиться. Въ Отдѣлѣ По-

чати проф. Г. В. Вернадскій выдалъ все же мнѣ удостовѣреніе, что я имѣю право эвакуироваться, но пропуска на пароходъ мнѣ такъ и не удалось получить. Было уже поздно, мы пошли домой и всю ночь готовились къ отъѣзду.

У насъ была надежда переправить вещи внизъ къ пристанямъ черезъ посредство сосѣда-ямщика. Часовъ въ пять утра жена пошла къ нему, но получила рѣзкій отказъ.

«Лошадей?» — сказали ей. «Отъ кого бѣжите? Отъ своихъ, русскихъ бѣжите. Не дадимъ вамъ лошадей»...

Послѣ долгихъ поисковъ поймали, наконецъ, какую то проѣзжую подводу, хозяинъ которой уже возилъ кого то внизъ. Онъ долго упирался, но подъ конецъ согласился за порядочную сумму крымскихъ денегъ.

Съ разсвѣтомъ мы спустились на Екатерининскую улицу, представлявшую уже обычное для всѣхъ эвакуацій зрѣлище. Метались автомобили, и по тротуарамъ бѣжали смущенные люди. На мостовой лежала женщина въ крови съ разбитой головой, повидимому, задавленная. Люди равнодушно проходили мимо, какъ будто ничего не случилось. Потокъ людей и подводъ стремился къ Графской пристани и, далѣе, къ торговымъ пристанямъ, расположеннымъ вдоль береговъ залива. Около Морского Собранія и по Нахимовскому проспекту уже нельзя было проѣхать, отъ ряда стоящихъ одна за другой нагруженныхъ подводъ. Мы свалили свои вещи на улицѣ и я отправился на добычу документа.

Однако, всѣ учрежденія уже опустѣли, кое гдѣ только встрѣчались одинокіе чиновники. Въ Управленіи Народнаго Просвѣщенія совѣтовали мнѣ идти на уголъ какой то улицы, чтобы присоединиться къ еще непогруженнымъ чиновникамъ, но проникнуть на эту улицу было нельзя, все было запружено подводами и людьми. Редакція газеты «Великая Россія», повидимому, уже погрузилась за ночь. Послѣ чрезвычайныхъ усилій мнѣ удалось въ видѣ рекогносцировки проникнуть довольно близко къ пристанямъ, вплоть до контрольныхъ пунктовъ. У меня спросили документы и, т. к. ихъ было недостаточно, погнали прочь. Время шло и я началъ терять самообладаніе. И передо мной стала мелкать уже мысль: не остаться ли въ Крыму.

Я шелъ въ задумчивости и натолкнулся на покойнаго нынѣ В. Ф. Дерюжинскаго. Онъ взялъ меня за пуговицу и началъ развивать длинную теорію.

«Совѣтую Вамъ оставаться», — говорилъ онъ, — «большевики должны будутъ сейчасъ держать экзаменъ передъ Европой. Повѣрьте, не будетъ никакихъ разстрѣловъ, никакихъ жестокостей, тогда Европа ихъ признаетъ, что имъ и нужно. О, они слишкомъ умны... Вотъ я рѣшилъ остаться, и иду убѣждать своихъ».

«Уже не остаться ли?» — думалъ я, возвращаясь къ женѣ и къ вещамъ. Я рѣшилъ тогда сдѣлать послѣднее усиліе, попытаться получить пропускъ у завѣдывающихъ эвакуаціей французовъ.

Въ помѣщеніи французскаго консульства сидѣло нѣсколько солдатъ и офицеровъ. Я началъ объяснить имъ свое положеніе, но не докончилъ, на меня закричали и почти что вытолкнули вонъ.

Я опять пошелъ къ женѣ и по дорогѣ встрѣтилъ знакомаго, который до того такъ же метался, какъ и я.

«Не устроились еще?» — закричалъ онъ. — «Идите къ англичанамъ, можетъ быть, устроятъ. Получилъ отъ нихъ пропускъ».

Я пошелъ къ англійскому консулу. У воротъ стоялъ солдатъ, который сначала не хотѣлъ меня пускать, но потомъ пустилъ. Въ передней никого не было и я пошелъ дальше. Въ одной изъ послѣдующихъ комнатъ я нашелъ какого то служащаго и попросилъ его доложить обо мнѣ консулу. Консула не было и меня привели къ чиновнику съ безразличнымъ бритымъ лицомъ и трубкою въ зубахъ. Онъ выслушалъ меня и осмотрѣлъ документы.

«Работали ли Вы съ англичанами?» — спросилъ онъ. «Мы помогаемъ только тѣмъ, кто работаетъ съ нами. Эвакуаціей завѣдуютъ французы, просите ихъ».

Я потерялъ уже всякую надежду и пошелъ къ выходу. Въ одной изъ комнатъ я встрѣтилъ еще двухъ господъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ по русски. Я сталъ просить ихъ. Повидимому, во мнѣ приняли участіе. Долго разсматривали разныя мои удостовѣренія и, кажется, болѣе всего произвело впечатлѣніе удостовѣреніе о георгіевскомъ крестѣ.

Одинъ изъ господъ вынулъ свое перо, взялъ мое удостовѣреніе изъ Таврическаго Университета и написалъ что то на оборотѣ.

«Въ четыре часа будьте въ Стрѣлецкой бухтѣ, тамъ погрузитесь на военное судно», — сказалъ онъ.

Стрѣлецкая бухта лежала отъ города въ верстахъ шести-семи. Нужно было найти подводу или лодку, чтобы добраться туда.

Мы нашли носильщика, стараго, славнаго русскаго человѣка. Онъ все качалъ головой на происходящее и успокаивалъ. «Ничего», — говорилъ онъ, — «господинъ, не безпокойтесь, конечно, подводы сейчасъ не найти и лодки тоже. Ну, останетесь, ничего, мы народомъ рѣшили, что въ обиду оставшихся не дадимъ, не позволимъ разстрѣливать».

Повидимому, онъ впадалъ въ романтизмъ, какъ и Владиміръ Федоровичъ Дерюжинскій.

Мы все же пошли на поиски, но они были сначала безплодны. Побродивъ съ часъ, я сталъ думать, что, можетъ быть, лучше бросить вещи и пѣшкомъ идти въ Стрѣлецкую бухту. Было уже два часа дня.

Идя по площади мимо Морского Собранія, я увидѣлъ, что къ берегу около гостиницы Киста подъѣзжаетъ извозчикъ, до верху нагруженный вещами. Вещи эти стали таскать на подъѣхавшую съ офицерами лодку. Я подбѣжалъ къ извозчику и сталъ предлагать свезти меня въ Бухту. Я предлагалъ какія угодно деньги и крымскія, и франки, и фунты, и лиры.

«Эхъ, да зачѣмъ намъ франки», — сказалъ онъ, — «давайте здѣшнихъ, давайте сто тысячъ».

Я согласился, въ то время уже фунтъ хлѣба продавался за тридцать тысячъ.

Онъ снялъ шапку, почесалъ голову и, какъ бы совѣстясь, прибавилъ.

«Ну, баринъ, прибавьте еще двадцать». Я прибавилъ и мы сговорились.

Вещи нужно было таскать черезъ всю площадь къ извозчику, т. к. по улицѣ нельзя было проѣхать отъ стоявшихъ подводъ. Носильщикъ мой почти перетащилъ все и мы уже усѣлись сами, какъ вдругъ къ намъ подходятъ два офицера.

«Ваши документы», — говорятъ мнѣ.

Я далъ мой англійскій пропускъ.

«А Вы имѣете право пользоваться подводой? Не имѣете? Потрудитесь слѣзть».

Я началъ убѣждать ихъ. Убѣждалъ ихъ и извозчикъ, но безуспѣшно. Спасла насъ тогда его хитрость.

«Да, что Вы занятую подводу берете?» — сказалъ онъ вдругъ офицерамъ. «Гляньте, вонъ свободная ѣдетъ, ее возьмите».

Дѣйствительно, гдѣ то вдали двигалась свободная подвода и офицеры обернулись на нее. Возница въ это время стегнулъ свою лошадь и понесся впередъ. Я боялся, что въ слѣдъ намъ будутъ стрѣлять, но къ счастью не стрѣляли. Такъ мы и домчались до окраины города.

Былъ сумрачный октябрьскій день. Окрестности Севастополя пустынны и скучны — выжженная степь, покрытая сѣрыми камнями. Сѣро-зеленый заливъ виднѣлся на горизонтѣ изъ за холмовъ, спускался туманъ и, казалось, что уже начинало темнѣть.

Проѣхавъ около часу, мы стали спускаться къ морю. На одномъ изъ заворотовъ шоссе мы встрѣтили офицерскій патруль, безъ возраженія пропустившій насъ впередъ къ длиннымъ пакгаузамъ, сараямъ и складамъ, растянувшимся на берегу бухты. У маленькаго мола стояло нѣсколько человѣкъ «буржуевъ», ме-

ланхолически и выжидательно вглядывающихся въ море. «Не обманъ ли это — думалъ я. — «И зачѣмъ сюда придетъ англійское военное судно»... Сталъ моросить мелкій дождь и сумерки спускались на землю.

Вокругъ насъ были расположены артиллерійскіе и вещевые склады арміи ген. Врангеля. На нихъ работало большое количество плѣнныхъ большевистскихъ солдатъ подъ командой нѣсколькихъ бѣлыхъ офицеровъ. Солдаты мирно ходили вокругъ и ровно ничего не знали о происшедшемъ.

«Что-то англичане сегодня пайковъ не выдаютъ», — сказалъ одинъ изъ нихъ. «Чудно?»...

При такихъ условіяхъ не очень уютно было заночевать въ Стрѣлецкой бухтѣ.

Было уже около пяти часовъ дня, когда внезапно изъ какого то заворота берега въ туманѣ появились два англійскихъ миноносца. Они красиво проманеврировали мимо насъ,сдѣлали заворотъ и одинъ за другимъ подошли къ молу. Команда быстро сбѣжала на берегъ. Вышли офицеры и стали по порядку осматривать наши документы и пропускать на судно. Матросы въ одинъ мигъ перетащили всѣ наши вещи, которыя сложили на носу, тамъ, гдѣ стоитъ бронированная башня съ орудіями.

Все уже было готово къ отплытію, когда мимо склада по шоссе къ молу, почти вскачь подъѣхала сильно нагруженная подвода. На верху, на вещахъ сидѣлъ В. Ф. Дерюжинскій. Онъ не остался, несмотря на свою теорію. Впрочемъ путешествіе это оказалось для него фатальнымъ. Въ общежитіи для бѣженцевъ на Босфорѣ въ Буюкъ-Дерэ, онъ заразился тифомъ и кончилъ тамъ свои дни.

Тогда снова пережилъ я это позорное съ національной точки зрѣнія чувство: великое облегченіе отъ «дыма отечества». Снова свободный вздохъ поднялся изъ груди, какъ ранѣе при отъѣздѣ изъ Москвы и при бѣгствѣ изъ Новороссійска. Но только въ этотъ послѣдній разъ разрывъ съ Россіей былъ еще глубже. Я понялъ это уже потомъ, когда началъ влачить долгіе эмигрантскіе годы. Съ тѣхъ поръ я потерялъ тоску по родинѣ, какъ она одолѣвала меня въ Берлинѣ и въ теченіе первыхъ недѣль первой эвакуаціи. Я понялъ, что старая Россія, которая меня выкормила и вырастила, навѣки умерла, и тосковать по ней можно только такъ, какъ тоскуютъ по покойникѣ.

Мы не знали, куда насъ повезутъ, въ какую часть свѣта. Но насъ повезли сперва на Севастопольскій рейдъ. На немъ простояли мы два дня до вечера воскресенья. Хозяева наши, англичане, оказались большими джентльменами. Они всячески показывали намъ, что мы ихъ гости, которые нуждаются во вниманіи. Дамамъ нашимъ были предоставлены каюты командного состава и хозяева какъ трогательно за ними ухаживали. Мы, мужчины, по большей части толкались по палубѣ и спали здѣсь же, производя, конечно, необычный для военной дисциплины безпорядокъ. Но ни разу не было ни одного замѣчанія, ни одного непріятнаго взгляда.

Вокругъ насъ, на берегахъ залива, въ городѣ и по разнымъ пригородамъ, расположеннымъ вдоль бухтъ, постепенно замирала жизнь, вызванная и организованная бѣлымъ движеніемъ. Послѣдніе останки Россійской Имперіи собирались на многочисленныхъ судахъ и частныхъ, и военныхъ. По ночамъ въ городѣ пылали пожары, зловѣще освѣщая небеса. А днемъ одинокіе люди выходили на берега Приморскаго Бульвара и смотрѣли на насъ — многіе, чтобы сказать послѣднее прости послѣднимъ призракамъ прошлаго. И невольно обращался взглядъ на голые холмы и камни пустынной Сѣверной Стороны, откуда должны были придти первые разъѣзды Московскаго войска.

Въ воскресенье, во второй половинѣ дня, мимо насъ стали проходить одинъ за другимъ корабли бѣлаго флота, палубы которыхъ наполнены были сплошной массой людей. На нѣкоторыхъ идущихъ на буксирѣ баржахъ люди стояли сплош-

ной стѣной, какъ щетина на щеткѣ. Это былъ великій исходъ, которому не было примѣровъ въ исторіи — исходъ цѣлаго населенія небольшого государства, исходъ въ полную неизвѣстность. Въ глубокомъ молчаніи провожали мы вереницу шествующихъ мимо насъ кораблей.

Къ вечеру, когда уже большая часть бѣлой эскадры вышла изъ бухты, къ нашему миноносцу подъѣхалъ яликъ съ тремя офицерами. По грязной одеждѣ, по сумкамъ и винтовкамъ видно было, что всѣ они съ фронта.

«Возьмите насъ», — кричали они, — «Отстали, никуда не берутъ»...

Послали къ дежурному офицеру просить за нихъ. Онъ отказалъ, говоря, что англичанамъ рѣшительно запрещено подбирать отставшихъ.

«Возьмите, ради Бога», — умоляли насъ съ ялика. — «Что-же намъ въ море кидаться, все равно разстрѣляютъ».

Пошла депутація къ капитану. Онъ вышелъ на палубу важный, вылощенный и выбритый. При видѣ его и этихъ грязныхъ людей въ яликѣ, нельзя было не почувствовать всю степень нашего упадка и нашей нищеты.

«Возьмите ихъ», — умоляли русскіе. «Возьмите ихъ»...

Капитанъ сердито махнулъ рукой и сказалъ что то офицеру. Дали команду и матросы стали спускать подъемную лѣстницу.

Первый влѣзъ на лѣстницу старый полковникъ съ сѣдыми подусниками и съ Георгіемъ на шинели. Онъ снялъ съ плеча винтовку, размахнулся ею и съ силой бросилъ ее въ море.

«Ну, довольно воевать!» — сказалъ онъ и взошелъ на палубу...

Вѣроятно, его невольный жестъ хорошо выражалъ смыслъ всего, что тогда происходило. Помню, многіе тогда заплакали.

Мы тронулись въ путь при вечернемъ закатѣ, когда зловѣще опустѣлъ весь Севастопольскій портъ. По нему плавало нѣсколько брошенныхъ лодокъ, да какой то полузатонувшій большой баркасъ.

При выходѣ въ открытое море у Херсонесскаго маяка мы обогнали всю громадную нашу флотилію и помчались по направленію къ Босфору. Широкій бѣлый слѣдъ оставался за нами на черной массѣ воды, а впереди волшебно блестѣли волны отъ бросаемыхъ прожекторомъ сноповъ электрическаго свѣта. Мы мчались по волнамъ какъ будто на автомобилѣ. Рано утромъ уже показались Румелійскіе берега, вдоль которыхъ мы довольно долго шли, а часовъ въ одиннадцать мы уже вошли въ Босфоръ.

Въ Кавакѣ къ намъ причалилъ французскій катеръ. Начались какіе то сердитые переговоры между англичанами и французами. Французы требовали отправить насъ въ общемъ порядкѣ въ концентраціонный лагеръ. Англичане хотѣли быть джентльменами до конца и выпустить насъ на свободу. Насъ ввели потомъ въ Золотой Рогъ, и капитанъ ѣздилъ въ городъ объясняться на нашъ счетъ. Наконецъ, судьба наша была рѣшена. Насъ пересадили на пустой турецкій шаркетъ, повезли обратно въ Каваку, вымыли тамъ и глубокимъ вечеромъ подвезли къ пристани Буюкъ-Дерэ. Здѣсь намъ разрѣшили слѣзть на берегъ и идти на всѣ четыре стороны.

Населеніе маленькаго греческаго и армянскаго мѣстечка сперва смотрѣло на насъ съ ужасомъ. Въ отеляхъ при видѣ насъ запирали двери и гасили огни. Но вскорѣ какъ-то все уладилось и всѣ получили ночлегъ.

Такъ началась наша эмигрантская жизнь.

Лагерь Ля-Куртинъ

(Русская революція во Франціи)

Юрія Лисовскаго

I

Ни для кого не было секретомъ, что въ серединѣ второго года міровой войны русское правительство направило во Францію извѣстное количество нашихъ боевыхъ частей, предназначенныхъ для борьбы съ Германіей плечомъ къ плечу съ союзниками-французами.

О прибытіи этихъ войскъ на территорію Франціи, соединенномъ съ бурными оваціями и торжественнымъ дефилированіемъ ихъ по улицамъ Марселя и Парижа, широко писалось въ газетахъ, жадно ловившихъ каждую деталь этого исключительнаго событія.

Ступивъ на французскую землю, прибывшіе русскіе воины были буквально засыпаны цвѣтами и пережили настоящій тріумфъ.

Переживъ тріумфъ встрѣчи, русскія войска почти тотчасъ же заняли мѣста на боевыхъ секторахъ союзническаго фронта, всецѣло подчинившись французскому командованію.

И опять въ Парижской и Петроградской печати звучали отзывы о русскихъ во Франціи, и о подвигахъ на поляхъ Шампани и Реймса и объ успѣхахъ нашего оружія на Македонскомъ фронтѣ, т. к. часть этого экспедиціоннаго корпуса была направлена въ Салоники.

Наконецъ, уже спустя мѣсяцъ послѣ русскаго государственнаго переворота, въ газетахъ появилось описаніе побѣдоносной атаки русскихъ у замка Курси, отмѣченной особою благодарностью французскго главнокомандующаго.

Вслѣдъ за тѣмъ, вокругъ имени русскихъ во Франціи... водворяется гробовое молчаніе.

Лѣтомъ и осенью 1917 года въ русской печати временъ Керенскаго изрѣдка проскальзываютъ краткія замѣтки о революціонныхъ безпорядкахъ среди нашихъ войскъ во Франціи, и, подъ конецъ, помѣщается оффиціальная отчетъ-телеграмма русскаго военнаго представителя въ Парижѣ. Въ этой телеграммѣ доносилось о вспыхнувшемъ среди русскихъ солдатъ въ лагерѣ Ля-Куртинъ вооруженномъ мятежѣ и подавленіи этого мятежа вооруженной силой.

Никакихъ другихъ подробностей, касающихся разыгравшейся въ центрѣ Франціи русской трагедіи, въ газетахъ не появлялось.

Послѣдовавшій вслѣдъ за тѣмъ большевистскій переворотъ окончательно прервалъ всякую нормальную связь между Россіей и Франціей, уничтоживъ вмѣстѣ съ тѣмъ и связь между Россіей и тѣми русскими, которые въ силу условій войны были переброшены на французскую территорію.

Какъ и всегда бываетъ въ аналогичныхъ случаяхъ, недостаточная освѣдомленность широкихъ круговъ общества породила множество самыхъ разнообразныхъ и невѣрныхъ слуховъ, въ той или другой степени волновавшихъ лицъ, заинтересованныхъ судьбою нашего русскаго отряда во Франціи.

Разсказывалось о страшномъ побоищѣ, происшедшемъ «между русскими и французами», о демонстративномъ уходѣ русскихъ съ французскихъ позицій во время боя, съ очищеніемъ сектора, о громадномъ количествѣ жертвъ, убитыхъ во время подавленія мятежа.

Слухи эти, разумѣется, не имѣютъ ничего общаго съ истиной. Ни одинъ французъ никогда не участвовалъ въ подавленіи мятежа русскихъ войскъ, и ни одна наша часть не покидала во время боя довѣренныхъ ей союзниками позицій, т. к. «вся русская революція во Франціи» произошла въ глубокомъ тылу, въ одномъ изъ самыхъ тихихъ департаментовъ страны.

Не было и того громаднаго количества жертвъ, о которыхъ передавалось въ видѣ достовѣрныхъ слуховъ.

Но, какъ бы то ни было, русская трагедія разыгравшаяся во Франціи имѣла въ ней свое опредѣленное мѣсто и заставила не одну тысячу русскихъ людей пережить дни и часы разнообразныхъ волненій и страданій.

Что же въ дѣйствительности произошло съ русскими войсками во Франціи, и въ чемъ выразилась ихъ «революція», явившаяся слѣдствіемъ всего того, что произошло на неизмѣримыхъ пространствахъ Россіи, и имѣвшая общія причины съ послѣднимъ? Какъ отнеслись ко всему произошедшему французы, эти — наслѣдники предковъ, составившихъ азбуку революціи для всѣхъ странъ? Кто и какую роль игралъ въ этой необычайной по своей обстановкѣ исторической драмѣ и чѣмъ закончился ея послѣдній актъ?

Будучи непосредственнымъ свидѣтелемъ многаго изъ того, что совершилось съ русскими во Франціи въ дни революціи и войны, я могу въ настоящее время подѣлиться съ читателемъ своими воспоминаніями.

И если нѣкоторыя мѣста моего разсказа окажутся впослѣдствіи полезными для безпристрастнаго историка — я буду вполнѣ удовлетворенъ выполненнымъ мною.

II

Въ началѣ апрѣля 1916 года, подъ звуки марсельезы и русскаго гимна, подошли къ берегамъ Марселя военные транспорты «Латушъ Трувиль» и «Гималая», привезшіе во Францію два первыхъ русскихъ полка подъ командой генерала Лохвицкаго.

Для того, чтобы достичь Франціи, полкамъ этимъ пришлось совершить гигантское путешествіе, связанное съ цѣлыми мѣсяцами пребыванія на морѣ.

Съ момента установленія германской блокады всякое движеніе по Сѣверному морю пассажирскихъ пароходовъ было прекращено и между берегами Норвегіи и Англіи стали дѣлать рейсы только одни военныя быстроходныя суда, охранявшіяся цѣлыми эскадрами миноносцевъ.

Но для перебрасыванія изъ Россіи во Францію цѣлыхъ эшелоновъ русскихъ войскъ и этотъ новый «сѣверный путь» былъ непригоденъ.

Черезъ Торнео, Стокгольмъ, Христіанію и Бергенъ могли ѣздить только одиночные «мирные» пассажиры, или же переодѣтые въ статское платье и снабженные особыми дипломатическими паспортами военные курьеры.

И потому сформированные въ центрѣ Россіи особые полки двинулись въ путь по совершенно новому маршруту — черезъ всю Сибирь вплоть до порта Дайренъ, откуда и поплыли черезъ Сингапуръ и Суэцъ къ Марселю.

Несмотря на усиленныя старанія непріятеля пустить «Латушъ Трувиль» и «Гималаю» въ Средиземномъ морѣ ко дну, русскимъ транспортамъ удалось

счастливо избѣгнуть всѣхъ роковыхъ встрѣчъ съ подводными лодками и достичь береговъ Марселя, гдѣ ихъ уже давно ожидала восторженная встрѣча французовъ.

* * *

Если объективный читатель возьметъ на себя трудъ тщательно разобраться въ этапахъ минувшей войны и припомнить всѣ обстоятельства и теченіе дѣлъ на фронтахъ въ концѣ 1915 и началѣ 1916 года — ему будетъ не трудно объяснить себѣ причины необычайнаго восторга, охватившаго французовъ при извѣстіи о прибытіи на ихъ территорію первыхъ эшелоновъ русскихъ войскъ.

Начало второго года войны было мало утѣшительнымъ для союзниковъ. Всѣ шансы на побѣду были въ рукахъ Германіи. Стремительнымъ натискомъ на плохо снабженныя оружіемъ русскія арміи — нѣмцы заставили насъ очистить Львовъ и Варшаву, забрали всѣ русскія крѣпости и, продвигаясь вглубь Россіи, къ началу зимы успѣли оккупировать шестнадцать нашихъ губерній. Для французовъ начались страдные, тяжкіе, полные самыхъ суровыхъ опасеній дни, которые можно озаглавить «эпохою Вердена».

Страшна и ожесточенна была борьба — и дорого обошелся Верденъ нѣмцамъ, терявшимъ громадное количество лучшихъ солдатъ при атакѣ на форты и укрѣпленныя позиціи французовъ. Широкимъ ручьемъ лилась кровь и во французскомъ лагерѣ. Каждый день подходили къ Восточному вокзалу Парижа печальные поѣзда съ изувѣченными воинами и каждый день облекались въ трауръ все новыя и новыя матери и вдовы. Въ эти дни Парижъ буквально переполнялся женщинами въ черномъ. Траурный крэпъ и бѣлыя плерезы мелькали на каждомъ шагу, совершенно затемняя обыкновенныя дамскія платья, тонувшія въ этихъ нарядахъ общей печали. Въ рѣдкомъ домѣ не оплакивали кого-либо изъ павшихъ; молчаливая, глубокая скорбь повисла надъ Парижемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и надъ всею Франціей, хорошо понимавшей весь трагизмъ переживаемыхъ дней. А бои у Вердена не прекращались, продолжали гремѣть съ прежнею силой, и никто не предвидѣлъ конца грознаго потока жертвъ, приносимыхъ арміей во имя отечества.

Никто изъ французовъ не сомнѣвался въ неизмѣнномъ героизмѣ офицеровъ и солдатъ, въ твердости ихъ духа и безукоризненномъ снабженіи арміи боевымъ матеріаломъ. Но при видѣ нескончаемаго ряда павшихъ и горькаго потока слезъ обездоленныхъ близкихъ — французскіе тылы, и въ особенности Парижъ, стали испытывать новыя, безпокойныя чувства. Французы видѣли, что гибла — роковымъ образомъ гибла и уничтожалась живая сила арміи, таялъ цвѣтъ населенія Франціи, призракъ надвигающагося безлюдья все ближе и ближе подходилъ къ потомкамъ галловъ. И ни правительство, ни главная квартира, ни обширная парижская пресса не могли уже подыскать средства для того, чтобы хотя отчасти поддержать и поднять духъ впадавшаго въ уныніе французскаго тыла.

И вотъ тогда-то, сначала глухо, подъ сурдинку, стали передаваться изъ устъ въ уста слухи о согласіи Россіи прислать на территорію Франціи любое количество солдатъ.

Говорилось въ Парижѣ и Ниццѣ, въ Ліонѣ и Бордо, говорилось въ кофейняхъ, у прилавковъ табачныхъ магазиновъ, въ мелкихъ ресторанчикахъ — говорилось въ часы предобѣденныхъ рюмокъ аперитива и вечернихъ стакановъ грога и вина. И всѣ эти разговоры ловила обширная патріотическая пресса французовъ и наполняла свои столбцы утѣшительными намеками, подобными тѣмъ, о которыхъ я уже говорилъ выше.

Слышались ли подобные разговоры во французской арміи, на поляхъ Шампани и у фортовъ Вердена? Съ полною увѣренностью могу сказать, что нѣтъ. Самолюбивая армія Франціи не ждала ничьей помощи, дралась на фронтѣ, бу-

дучи увѣрена въ своей непобѣдимой силѣ, но, разумѣется, истекала кровью, чего не могъ не замѣчать встревоженный тылъ.

И этотъ тылъ къ марту 1916 года опредѣленно ждалъ пришествія русскихъ, которыхъ должно было придти несмѣтное количество.

— Лишь-бы пришли, лишь бы заняли траншеи и дали возможность передохнуть нашимъ храбрымъ **poilus!**

Всего немного времени — а тамъ англичане поставятъ на фронты новую армію. Лишь бы пришли теперь. Пусть ѣдутъ безъ всего — безъ пушекъ, безъ винтовокъ; у насъ всего довольно — намъ нужны только люди... Прибудутъ— мы побѣдимъ... **On les aura!**

Такъ говорили...

И они пришли...

Не пришли, а приплыли къ южному берегу Франціи, сдѣлавъ гигантское путешествіе въ тридцать тысячъ верстъ и пробывъ въ дорогѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Еще задолго до того момента, когда «Латушъ Трувиль» причалилъ къ Марсельскому молу новое и необычное настроеніе охватило пестрое населеніе этого города и толкало его къ набережной, гдѣ уже выстраивались войска и собирались прибывшія изъ Парижа оффиціальныя лица.

Сходившіе на Марсельскій берегъ русскіе для весьма большого процента французовъ были людьми прибывшими изъ почти невѣдомой страны востока, страны вѣчныхъ снѣговъ и мороза, въ коей не рѣдкость встрѣтить гуляющаго по улицамъ города бѣлаго медвѣдя.

Весьма возможно, что многіе изъ читателей меня упрекнутъ въ преувеличеніи. Но я уже предупредилъ въ началѣ своего очерка, что буду всѣми силами стремиться быть только объективнымъ и основываться исключительно на фактахъ.

Въ томъ, что многіе изъ французовъ и француженокъ представляли себѣ Россію, какъ страну вѣчныхъ снѣговъ и трескучихъ морозовъ — намъ приходилось неоднократно убѣждаться изъ разговоровъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ прямо поражали своею наивностью.

Большинство французовъ считало, что русскому человѣку никогда не можетъ быть во Франціи холодно, т. к. холода и морозы Франціи должны ему представляться чѣмъ-то вродѣ теплой осенней погоды въ Россіи. И потому приходилось подолгу объясняться и съ хозяевами гостиницъ въ Парижѣ и Шалонѣ, не желавшими топить комнаты въ декабрскіе и январскіе дни, и съ интендантскими офицерами въ лагеряхъ Майи и Мурмелона, всѣми силами стремившимися экономить уголь для отопленія бараковъ, въ которыхъ размѣстились русскіе солдаты.

— **Mais comment!** — удивленно говорили они. — Вѣдь вы же русскіе — неужели же вамъ холодно? Вѣдь у васъ всегда морозы въ Россіи.

И нужно было обстоятельно толковать нашимъ союзникамъ о томъ, что, несмотря на русскіе морозы и мятели, никто изъ насъ не живетъ зимою въ нетопленныхъ помѣщеніяхъ и не ходитъ по морозу раздѣтымъ въ силу привычки къ низкой температурѣ.

Когда-же кто-нибудь изъ насъ начиналъ читать французамъ краткую лекцію русской географіи и указывалъ на величину Россіи и разнообразіе ея климатовъ, упоминая о южныхъ областяхъ, Туркестанѣ, Сочи и Ялтѣ, лежащихъ почти на одной параллели съ Ниццей и Марселемъ — на лицахъ нѣкоторыхъ французовъ-слушателей выражалось самое искреннее удивленіе.

— „**Tien!**" — добродушно замѣчалъ какой-нибудь „**aspirant**" или хозяинъ табачнаго бюро. — А мы думали, что у васъ всегда снѣгъ и морозъ!..

Вотъ, что, приблизительно, писалось въ „**Illn**" **ustratio** о прибытіи въ Марсель первыхъ русскихъ эшелоновъ:

«Мы ихъ ждали на берегу долго, почти три дня... Море войны полно самыхъ суровыхъ случайностей, а потому всякій пойметъ восторгъ, охватившій

каждаго, когда черный дымъ ихъ кораблей показался на горизонтѣ... Русскіе наши «маленькіе русскіе» — (nos petits russes), *наконецъ ступили на землю старой Франціи для того, чтобы вмѣстѣ съ нами идти въ бой съ врагами... Мы съ радостью смотрѣли на лица этихъ бойцовъ, переплывшихъ столько морей, чтобы достигнуть цѣли. Эти лица — лица маленькихъ мальчиковъ на корпусѣ взрослаго мужчины, дѣтски улыбавшіяся при полученіи винтовокъ, которыя немедленно вручались каждому русскому солдату при выходѣ на берегъ».*

Вооружились наши войска, дѣйствительно, только по прибытіи на французскую землю и слѣдовали изъ Россіи безоружными.

Винтовки были выданы въ Марселѣ тотчасъ же, немедленно по сходѣ съ трапа, такъ что расцвѣченныя флагами и запруженныя толпой улицы Марселя увидѣли наши первые полки во всеоружіи, ощетинившіеся массою штыковъ.

И опять летѣли имъ подъ ноги цвѣты, гремѣли восторги и рукоплесканія.

Я уже упоминалъ, что первая русская бригада пришла во Францію подъ командой генерала Лохвицкаго. Николай Александровичъ Лохвицкій — старый боевой офицеръ, — бывшій Командиръ Красноярскаго полка, раненый и награжденный Георгіевскимъ Крестомъ за бои подъ Лодзью и Варшавой въ 1914—1915 годахъ.

Вмѣстѣ съ Лохвицкимъ пріѣхали во Францію—Командиръ 1-го особаго полка полковникъ Нечволодовъ и Командиръ 2-го полка полковникъ Дьяконовъ, начальникъ штаба бригады полковникъ Щелоковъ, Командиръ Маршеваго батальона полковникъ Севенардъ и др.

Всѣ эти старшіе офицеры почти немедленно по пріѣздѣ во Францію были удостоены ордена почетнаго легіона и появились на фронтѣ уже украшенными этой высокою французскою наградой.

Быстро узналъ о приходѣ русскихъ Парижъ, и вслѣдъ за нимъ и вся Франція.

И великое совершилось.

Духъ французскаго тыла, столь важный въ этотъ моментъ и столь грозный по своимъ послѣдствіямъ въ случаѣ упадка — былъ спасенъ и поднятъ.

Прибыли всего два первыхъ полка — но какое трудное моральное сраженіе было выиграно...

— Ихъ авангарды уже у насъ, — говорилось въ кафе и на бульварахъ. — За авангардомъ придутъ другіе — много другихъ. Россія пришлетъ своихъ людей — теперь это уже не сказка... Франціи нечего бояться — люди у насъ будутъ!..

III

Вполнѣ понятно, что все дальнѣйшее путешествіе первой русской бригады отъ Марселя къ лагерю Майи, гдѣ ей было указано расквартироваться для отдыха передъ отправленіемъ на фронтъ — было сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ.

Дѣлались остановки, произносились рѣчи, устраивались обѣды, толпами сходились къ мѣстамъ торжества празднично настроенные люди. Нечего и говорить о томъ, какую роль игралъ въ эти минуты искренній восторгъ французскихъ женщинъ.

Я не говорю о кокетливыхъ восторгахъ экспансивныхъ парижанокъ, которыхъ вовсе не хочу брать въ расчетъ. Была другая болѣе обширная и болѣе глубокая радость. Эта была радость матерей, женъ и невѣстъ, видѣвшихъ въ пришедшихъ изъ дальнихъ странъ русскихъ мужчинахъ своихъ безкорыстныхъ защитниковъ отъ страшнаго горя — горя потери дорогихъ сердцу собственныхъ мужчинъ, на помощь которымъ шли эти русскіе.

И среди грома музыки и криковъ энтузіазма, тихо, но искренне звучали слова, оставлявшія наиболѣе глубокій слѣдъ въ сердцахъ нашихъ Ивановъ и Тимофеевъ, отлично понимавшихъ многое безъ знанія чужеземнаго языка.

— У нихъ, у этихъ „petits russes“ также есть жены и дѣти...—замѣчали женщины. — Они ихъ оставили въ своей странѣ, пріѣхали къ намъ... Вернутся ли они обратно въ свою Россію? Вѣдь и у нихъ, у русскихъ есть сердце и любовь... Бѣдные „petits russes“...

И движимыя самыми святыми побужденіями, французскія женщины во многомъ помогали русскому человѣку, заброшенному войной и исторіей въ чужую, незнакомую и далекую отъ родины среду.

Лагерь Майи, гдѣ размѣстились немедленно вслѣдъ за своимъ прибытіемъ во Францію первые русскіе полки, расположенъ километрахъ въ тридцати отъ Шалона на Марнѣ. Русскія боевыя части не долго задержались на отдыхѣ въ лагерѣ и уже въ серединѣ лѣта заняли опредѣленный секторъ въ районѣ Реймса. Въ Майи остался только маршевый батальонъ, несшій обычную гарнизонную службу.

Дни восторженныхъ встрѣчъ и шумныхъ тріумфовъ прошли, и для тѣхъ, кто занялъ мѣста во французскихъ траншеяхъ, наступило время обычной боевой страды, отличавшейся отъ страды на русскомъ фронтѣ только тѣмъ, что раненыхъ эвакуировали въ Парижъ и другіе города, а убитыхъ зарывали во французскую землю.

Въ началѣ августа въ Брестъ начали прибывать новые русскіе эшелоны. Одинъ за другимъ приплыли изъ Россіи еще шесть русскихъ полковъ, слѣдовавшихъ уже новымъ, болѣе краткимъ путемъ, а именно черезъ Архангельскъ и воды Сѣвернаго и Атлантическаго океановъ.

Не всѣмъ изъ этихъ полковъ было суждено окончить свое путешествіе конечною остановкою на секторахъ французскаго фронта.

На поля Шампани вслѣдъ за первой бригадой направились только еще два полка, остальные же четыре, къ немалому своему удивленію и неудовольствію, были направлены въ Салоники, для участія въ бояхъ Македонскаго фронта.

Во главѣ бригадъ, направленныхъ въ Салоники стояли генералы Дидерихсъ и Леонтьевъ: салоникскіе войска оставались на своемъ фронтѣ до 1918-го года, когда были сняты французами и эвакуированы въ тылъ.

И послѣ прихода послѣдняго эшелона, прибывшаго въ Брестъ къ первымъ числамъ сентября, стало извѣстнымъ, что дальнѣйшая переброска русскихъ войскъ будетъ прекращена и что союзныя правительства постановили ограничить число русскихъ во Франціи ранѣе присланными войсками. Это извѣстіе уже не волновало французовъ. Нужный моментъ прошелъ, обстоятельства измѣнились, новые горизонты открылись вдали.

Началась осень 1916 года — унылая, сырая и холодная французская осень, съ ея дождями, вѣтромъ и липкою грязью лагерей Майи и Мурмелона, гдѣ располагались наши тылы; дошли вѣсти о неудачахъ румынъ, потерявшихъ къ серединѣ ноября свою столицу.

И опять заговорили въ кафе, у прилавковъ табачныхъ лавокъ и въ маленькихъ brasseries. Вмѣстѣ съ осеннею дожедевою пылью въ воздухѣ стали носиться новые, расплывчатые слухи, полные новой тревоги и новыхъ разочарованій. И очень многимъ изъ русскихъ въ скоромъ времени пришлось убѣдиться, что въ этихъ слухахъ было очень мало утѣшительнаго для нашего національнаго самолюбія.

Что-же, собственно, говорилось?

Говорилось о томъ, что безконечно жаль бѣдныхъ и благородныхъ румынъ, хорошихъ и культурныхъ румынъ, сдѣлавшихся жертвою такой ужасной измѣны, такого жестокаго предательства... Кто-то предалъ Румынію и заставилъ ее потерять Бухарестъ, потерять лучшія области... А предавъ Румынію, этотъ

предатель, разумѣется, предалъ и другихъ союзниковъ, вынужденныхъ снова напрягать свои усилія и изнемогать въ борьбѣ...

И очень скоро удалось разобрать, что французы прозрачно обвиняли въ предательствѣ никого другого, какъ Россію и русскихъ... Говорилось, правда, не о Россіи, а о ея министрахъ, работающихъ въ пользу Германіи, въ особенности о Штюрмерѣ, будто-бы «умышленно направившемъ цѣлые транспорты французскихъ снарядовъ, предназначенныхъ румынамъ, куда-то въ Сибирь»... Но слухи о преступленіи Штюрмера, гулявшіе по Франціи, сразу же замѣтно измѣнили отношеніе французовъ къ Россіи вообще и въ особенности къ тѣмъ ни въ чемъ неповиннымъ нижегородскимъ и тульскимъ мужичкамъ, которые сидѣли въ мокрыхъ траншеяхъ Шампани.

Послѣдніе дни ноября 1916 года были тѣмъ моментомъ, когда окончательно увяли и послѣдніе цвѣты, поднесенные намъ въ Марселѣ въ часы весенняго тріумфа. Къ этому времени во Франціи уже не стало больше "petits russes„ — эти ласковыя слова сохранились только какъ воспоминаніе въ старыхъ журналахъ, которыхъ теперь уже никто не читалъ.

Кто, когда и какими судьбами опредѣленно и замѣтно портилъ отношенія между русскими и французами во Франціи — въ точности опредѣлить трудно. Но я не впаду въ ошибку, если отмѣчу, что къ 1-му января 1917 года, т. е. еще за два мѣсяца до отреченія Николая II-го, отношенія эти были въ достаточной степени испорчены и не влекли за собою съ обѣихъ сторонъ ничего, кромѣ самыхъ печальныхъ разочарованій. Было несомнѣнно ясно только одно, что отношенія портились не однимъ естественнымъ путемъ, а что кто-то нашептывалъ, наушничалъ и подстрекалъ однихъ противъ другихъ.

VI

Многимъ изъ читателей, даже не бывшихъ въ Парижѣ, хорошо извѣстно о существованіи древняго «Латинскаго квартала», гдѣ по старому обычаю давно селилась русская учащаяся молодежь, политическіе эмигранты и все то, что по тѣмъ или другимъ причинамъ должно было оставить родину и пользоваться гостепріимствомъ Франціи.

Въ то время, когда наши полки пріѣхали въ Марсель, мало кто думалъ о внутренней политикѣ Россіи и не дѣлилъ русскихъ людей на большевиковъ, меньшевиковъ, соціалистовъ и монархистовъ, такъ какъ у всѣхъ на умѣ и сердцѣ было только одно — война съ нѣмцами.

И пріѣхавъ во Францію, уходившіе на фронтъ русскіе солдаты, если о чемъ и мечтали, то только о возвращеніи живыми въ Россію, отъ которой на неопредѣленный срокъ оторвала ихъ судьба. Правила французскаго фронта давали возможность каждому изъ солдатъ въ извѣстномъ порядкѣ брать „permission" и ѣздить въ отпускъ не только въ Парижъ, но и на берега Средиземнаго моря — въ Ниццу, Монако и Ментонъ.

Уѣзжая небольшими группами, они не долго страдали отъ тягостнаго незнакомства съ чуждымъ языкомъ. На бульварахъ и avenues Парижа къ нимъ почти всегда подходили русскіе люди изъ Латинскаго квартала, привѣтливые, отзывчивые, обрадованные встрѣчей съ настоящими своими земляками. И благодаря этимъ встрѣчамъ, почти всѣ «земляки» пріобрѣтали прочныя русскія знакомства, которыя не только давали имъ возможность имѣть хорошихъ гидовъ для прогулокъ и осмотра достопримѣчательностей, но и входить въ уютныя квартиры, получать въ нихъ гостепріимный ночлегъ, столъ и даже деньги.

И рѣдкій изъ нашихъ земляковъ, побывавъ въ Парижѣ, не пріобрѣталъ себѣ знакомыхъ въ Латинскомъ кварталѣ. А въ кварталѣ этомъ, вмѣстѣ съ искренними русскими эмигрантами-патріотами, проживало не малое количество

«пацифистовъ» и «пораженцевъ». Ютились тамъ и люди, не исповѣдывавшіе никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, но готовые за хорошее вознагражденіе выполнять какую угодно миссію.

Въ октябрѣ 1916 года, въ скверный осенній вечеръ, я шелъ по бульвару Сенъ-Жерменъ и, будучи еще плохо знакомъ съ Парижемъ, въ раздумьи остановился на углу, стремясь оріентироваться. На мнѣ была простая «фронтовая» солдатская шинель съ такими же простыми суконными погонами, на которыхъ за дождемъ и темнотою было невозможно различить офицерскіе знаки.

— Запутались, дорогой!.. привѣтливо заговорилъ кто-то около меня на чисто русскомъ языкѣ. — Куда направляетесь и что ищете?

Говорилъ штатскій, брюнетъ, небольшого роста, довольно прилично одѣтый, лѣтъ тридцати на видъ. Я поблагодарилъ и назвалъ нужную мнѣ улицу.

— Отлично... Это въ сторону Монпарнасса... Я васъ провожу, т. к. мнѣ по дорогѣ... Впрочемъ, если бы даже и не по дорогѣ — развѣ можно оставить своего русскаго...

Мы пошли рядомъ и за четверть часа хода я услышалъ отъ моего любезнаго провожатаго не мало новаго.

Глубоко сочувствуя нашей невольной оторванности отъ родины, онъ безпощадно клеймилъ французовъ, подробно перечислялъ всѣ ихъ недостатки и въ результатѣ сообщилъ, что если нѣмцы плохи, то французы еще хуже.

— О, я ихъ хорошо знаю, этихъ господъ! Я двѣнадцать лѣтъ въ Парижѣ... Вы всѣ для нихъ только пушечное мясо, купленное за гроши, за сантимы... Это ужасно... Вы, вѣдь, кажется, вольноопредѣляющійся?

Услышавъ мой отвѣтъ о томъ, что я офицеръ, мой случайный знакомый вдругъ остановился, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на мои суконные погоны и вдругъ, почему-то извинившись, быстро откланялся, даже забывъ указать мнѣ на прощанье направленіе Монпарнасса.

Такова была моя личная встрѣча. И таковы были многія встрѣчи нашихъ простыхъ солдатъ, пріѣзжавшихъ съ фронта въ Парижъ.

Къ январю мѣсяцу 1917 года большинство русскихъ солдатъ во Франціи уже твердо исповѣдывало убѣжденіе, что всѣ они «проданы французамъ за снаряды» и не питало къ хозяевамъ-союзникамъ ни малѣйшихъ симпатій.

Кто былъ виноватъ въ этомъ — сказать трудно. Но во всякомъ случаѣ не одни русскіе «пацифисты» и «пораженцы». Случалось, что отношенія ухудшались и *по винѣ самихъ французовъ*, неосторожно бросавшихъ въ среду нашихъ солдатъ слова и фразы, сильно дѣйствовавшія на ихъ своеобразное самолюбіе. Вѣрнѣе всего, что и сами эти отдѣльные французы не могли подозрѣвать, что произносимыя ими «мелькомъ» слова могутъ имѣть серьезное общее значеніе.

Такъ, напримѣръ, однажды осенью, въ лагерь Майи пришла уже съ фронта часть русскихъ солдатъ и размѣстилась въ отведенныхъ ей баракахъ. Помѣщенія были сравнительно хорошія, но нашимъ «землякамъ» показалось, что количество умывальниковъ, имѣющихся въ баракѣ, недостаточно по отношенію къ количеству помѣщенныхъ въ немъ людей.

Французскій интендантъ лагеря прислалъ двухъ своихъ сержантовъ съ приказаніемъ обслѣдовать вопросъ объ умывальникахъ. Въ результатѣ, все кончилось благополучно и небольшой этотъ вопросъ былъ вполнѣ урегулированъ, но исполнявшіе порученіе французскіе унтеръ-офицеры позволили себѣ „en passant" громко высказывать сужденія, которыя долго не могли забыть пришедшіе съ позицій русскіе.

— *Что еще за претензіи у этихъ русскихъ!* — ворчали сержанты.

— *Сколько лѣтъ въ этихъ баракахъ останавливались наши собственные солдаты и были довольны! А русскіе недовольны.* Voyons. *Что они, англичане, что ли?*

Говорилось это, повторяю, «мелькомъ», съ обычною манерою «ворчать», усвоенною старыми французскими военными еще со временъ Наполеона, но говорилось громко и въ присутствіи усталыхъ нашихъ земляковъ, среди которыхъ были переводчики и уже понимавшіе по-французски люди.

Въ силу всѣхъ этхъ обстоятельствъ, наши солдаты къ январю 1917 года уже не могли имѣть никакой естественной и духовной связи съ французами и отношенія людей нашего экспедиціоннаго корпуса съ французами поддерживались только формалистикой.

А когда въ этотъ же лагерь Майи пришли на отдыхъ нѣсколько дивизій бельгійцевъ, — то безъ всякаго оффиціальнаго принужденія между нашими и бельгійскими солдатами произошло настоящее братаніе, продолжавшееся нѣсколько недѣль; по неизвѣстной причинѣ бельгійцы оказались какъ нельзя болѣе сходными по духу и взглядамъ съ русскими простодушными людьми, и какъ встрѣтились, такъ и разошлись друзьями.

Какъ въ это время относилось къ нашимъ войскамъ высшее французское командованіе и французское офицерство? Вопросъ этотъ очень простой и не требуетъ длиннаго отвѣта.

Я уже отмѣчалъ и раньше, что французскіе военные были всегда горды и самолюбивы, на что имѣли полное право. И не разсыпаясь въ льстивыхъ комплиментахъ передъ нашими солдатами въ минуты весенняго тріумфа, они почти такъ же относились къ русскимъ и зимою 1916—1917 г., когда тріумфъ былъ забытъ.

Высшее же командованіе, занятое по горло боевыми операціями, смотрѣло на русскія войска во Франціи почти исключительно съ точки зрѣнія боевого ихъ значенія въ данную минуту: на фронтѣ стояли двѣ русскія бригады — и на нихъ смотрѣли какъ на двѣ бригады, т. е. такъ, какъ смотрѣли бы на двѣ бригады англійскихъ, бельгійскихъ или португальскихъ войскъ, которыя такъ же занимали мѣста на секторахъ.

Въ мою задачу не входитъ описаніе пребыванія русскихъ на боевыхъ участкахъ фронта, также какъ и описаніе многихъ общихъ и отдѣльныхъ ихъ подвиговъ, которые несомнѣнно имѣли мѣсто. За все время своего стоянія на секторахъ, русскія войска ни разу ничѣмъ не затемнили общаго представленія о нашей боевой доблести и оставили на поляхъ Шампани достаточное количество славныхъ могилъ. Французское командованіе съ удовольствіемъ отмѣчало въ приказахъ русскія отдѣльныя вылазки къ непріятелю, всегда успѣшныя и самоотверженныя, любовалось ловкостью нашихъ воиновъ, побившихъ настоящій рекордъ въ метаніи гранатъ, и отдавало должное храбрости такихъ начальниковъ или духовныхъ вождей, какъ генералъ Лохвицкій, полковникъ Готтуа или священникъ Соколовскій. Послѣднему между прочимъ было посвящено въ свое время не мало газетныхъ статей и замѣтокъ.

Священникъ Соколовскій съ группой русскихъ развѣдчиковъ направился на ночную вылазку въ тылъ расположенія нѣмцевъ, потерялъ во время этой вылазки правую руку, возвратился со своими солдатами въ русскія траншеи и вслѣдъ за тѣмъ едва не умеръ отъ потери крови.

Французъ-санитаръ, принявшій въ госпиталь на свое попеченіе священника, согласился удѣлить умиравшему часть своей собственной крови и предоставилъ себя для операціи «переливанія». Операція удалась, русскій священникъ выздоровѣлъ, а гуманный французъ-санитаръ получилъ русскій Георгіевскій Крестъ.

Періодъ пребыванія русскихъ на французскомъ и македонскомъ фронтахъ въ смыслѣ боевомъ — долженъ имѣть своего особаго историка.

Моею же задачей является приблизительное изложеніе фактовъ и событій, постепенно приведшихъ во всей своей сложности къ печальной трагедіи, Ля-Куртинской, и фотографированіи всего того, что я самъ видѣлъ въ этомъ Ля-Куртинѣ, имя котораго хорошо извѣстно многимъ.

* * *

Извѣстія о начавшейся въ Петроградѣ февральской революціи почти не долетали до Франціи и до нашихъ войскъ, продолжавшихъ, благодаря своей оторванности, пребывать въ полномъ невѣдѣніи о творившемся въ Россіи.

Въ этомъ невѣдѣніи пребывали не только солдаты и офицеры, но и само русское посольство, куда приходили, повидимому, только очередныя бюрократическія телеграммы.

Французскія газеты не давали ничего, кромѣ мелкихъ замѣтокъ о томъ, что въ Петроградѣ были какія-то манифестаціи, въ которыхъ принимали участіе войска, и что во время этихъ манифестацій народъ кричалъ: „Vive l'armee!" а войска кричали „Vive le peuple!"

Задолго до этого, еще въ декабрѣ 1916 года, въ газетахъ писалось объ убійствѣ Распутина, и даже помѣщался его портретъ, найденный, какъ говорили, у какого-то изъ проживавшихъ въ Парижѣ опальныхъ придворныхъ.

Французы въ достаточной мѣрѣ интересовались этою сенсаціонною новостью и съ любопытствомъ распрашивали у нашихъ солдатъ, кто былъ этотъ знаменитый монахъ, котораго убили въ Петроградѣ русскіе князья, и чѣмъ былъ этотъ монахъ замѣчателенъ...

И только 3-го марта ст. ст., въ полдень, когда дневныя газеты извѣстили объ отреченіи Императора Николая II, вся Франція, а вмѣстѣ съ нею и мы, неожиданно встрепенулись какъ отъ удара грома и поняли, что въ Россіи не только совершилось, но и творилось что-то особенное.

Имя отрекшагося царя было на устахъ у всѣхъ французовъ. Большинство газетъ помѣстили на своихъ столбцахъ посвященныя ему статьи, отмѣчая въ нихъ трогательное благородство Николая II, рѣшившаго принести въ жертву интересамъ родины собственное благополучіе.

Какъ я уже говорилъ выше, французы платонически любили "le Tzar russe", а потому неожиданное отреченіе популярной во Франціи фигуры русскаго монарха не было встрѣчено сочувствіемъ старыхъ республиканцевъ.

— Какое горе, какая грустная новость! — говорили случайные французы при встрѣчахъ съ русскими. — Pauvre Tzar! Вамъ очень жаль его, неправда ли?

Приходилось убѣждать французовъ, говоря, что все къ лучшему и что послѣ отреченія царя будетъ лучше.

Черезъ два дня послѣ переворота уже говорилось другое, новое, пѣлись новыя пѣсни, полныя похвалъ великой странѣ востока; говорилось такъ, что мы всѣ снова почувствовали себя гордыми ея представителями.

— Какъ быстро, какъ умно и какъ безкровно совершили вы вашъ переворотъ! Удивительно... О, у васъ есть люди! Вы увидите, какъ быстро мы теперь всѣ раздѣлаемся съ непріятелемъ!.. У русскаго народа теперь развязаны руки!.. Вы увидите!..

И эта новая увѣренноть французовъ была такъ сильна, что даже намъ, читавшимъ только французскія газеты, такъ и казалось, что вотъ — вотъ сегодня или завтра на русскомъ фронтѣ начнется неслыханное наступленіе, которое должно удивить весь міръ своей побѣдой.

Но наступленія почему-то не было...

Что дѣлалось въ это время въ Майи, Мурмелонѣ и на тѣхъ секторахъ, гдѣ стояли русскія войска? Что чувствовали и о чемъ думали наши солдаты?

На этотъ вопросъ могу отвѣтить вполнѣ увѣренно. Въ эти дни, т. е. первые пять-шесть дней послѣ вѣсти объ отреченіи царя, большинство солдатъ ни о чемъ не думало, ничего не чувствовало и находилось въ состояніи какого-то дѣтскаго недоумѣнія.

Находившіяся во Франціи русскія войска выѣхали изъ Россіи еще въ концѣ 1915-го года, т. е. въ тотъ періодъ времени, когда не только среди солдатъ, но и среди рабочихъ не было рѣчи о возможности революціи и отреченіи царя отъ

престола. По прiѣздѣ во Францiю — русскiе солдаты въ теченiе одного года только и слышали отъ французовъ, что русскiй царь самый большой другъ Францiи; почти на каждомъ шагу тѣ же солдаты могли наблюдать портреты Николая II-го, висѣвшiе рядомъ съ изображенiемъ Пуанкарэ, и они то всего за 2 недѣли до 2-го марта получили изъ Россiи «царицыны» подарки русскимъ воинамъ во Францiи» — маленькiе молитвенички съ молитвами за царя и царицу и открытыя письма съ портретами наслѣдника Алексѣя...

И вдругъ, царь — отрекся...

Солдаты растерялись и положительно не знали, къ кому обратиться съ разспросами и кого просить такъ или иначе освѣтить совершившееся. Отъ офицеровъ этихъ объясненiй ждать было нечего. Они сами растерялись не менѣе солдатъ, причемъ эта растерянность была тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ старше былъ офицеръ по возрасту и служебному положенiю.

— Вамъ то что! — замѣтилъ своимъ солдатамъ командиръ маршевого батальона полковникъ С. — Отрекся царь и больше ничего. Надоѣло ему возиться съ такими дураками, вотъ и отрекся... Всякому надоѣстъ!

Солдаты молчали и стояли передъ своимъ командиромъ, опустивъ голову, какъ будто бы дѣйствительно чувствовали себя виновниками отреченiя царя. Нѣсколько дней всѣ находились буквально въ состоянiи какого-то умственнаго столбняка. И только позднѣе, когда по телеграфу изъ Петрограда передали первые приказы новаго военнаго министра (Гучкова) о реформахъ въ армiи, т. е. о новыхъ правахъ солдатъ и о допущенiи въ ряды армiи принциповъ свободы и равенства — настроенiе массъ всколыхнулось и заставило серьезно задуматься нѣкоторыхъ начальниковъ.

V

Дисциплина еще существовала, но существовала только по инерцiи, и, вѣроятно, продержалась бы еще больше, еслибы не пришелъ и во Францiю приказъ о введенiи войсковыхъ комитетовъ, сыгравшихъ, какъ извѣстно, весьма видную роль въ дѣлѣ общаго развала русской армiи.

Изъ Россiи, между тѣмъ, шли приказы за приказами, распоряженiя за распоряженiями. Всѣ они въ видѣ телеграммъ, радiотелеграммъ и курьерскихъ пакетовъ попадали первоначально въ канцелярiю Русскаго Военнаго Агента во Францiи, полковника графа А. А. Игнатьева, игравшаго, въ свое время, весьма важную роль во французскихъ военныхъ кругахъ. Въ агентствѣ, помѣщавшемся тогда на улицѣ Элизэ Реклю, съ утра до вечера шла суета; русскiе и французскiе офицеры безпрестанно принимали и расшифровывали телеграммы изъ Россiи, и вслѣдъ затѣмъ пересылали ихъ на фронтъ командирамъ русскихъ частей. Графъ Игнатьевъ суетился не менѣе своихъ подчиненныхъ офицеровъ и помощниковъ, принималъ безконечныхъ просителей, отдавалъ распоряженiя и заводилъ связи съ бывшими политическими эмигрантами, стремясь получить отъ нихъ руководящiя инструкцiи для проведенiя въ жизнь новыхъ приказовъ.

И вотъ появился новый приказъ военнаго министра, причинившiй не мало хлопотъ и имѣвшiй весьма серьезныя послѣдствiя. Правительство предписывало изъ Петрограда не препятствовать доступу къ русскимъ войскамъ всѣхъ лекторовъ «на политическiя темы», если таковые пожелаютъ во Францiи изложить свои мысли молодымъ солдатамъ - гражданамъ. Разумѣется, проникнуть въ боевыя траншеи частному лектору было трудно, — тамъ приходилось имѣть дѣло съ правилами французовъ. Но тыловые батальоны въ Майи и Мурмелонѣ, а также многочисленные госпитали, разбросанные по всей Францiи, гдѣ лежали русскiе больные и раненые — широко раскрывали свои двери для посѣщенiя самыхъ разнообразныхъ посѣтителей, будившихъ гражданскiя мысли русскихъ солдатъ и старавшихся «углублять» революцiю.

Я уже упоминалъ о Латинскомъ Кварталѣ и эмигрантахъ разнообразныхъ толковъ. Для послѣднихъ теперь были широко открыты всѣ двери русскихъ правительственныхъ бюро въ Парижѣ. Гонимые и преслѣдуемые всего мѣсяцъ назадъ, они сдѣлались теперь въ этихъ бюро почетными гостями, при чемъ не разъ приходилось наблюдать, какъ нѣкоторые дипломаты и офицеры гвардейскихъ полковъ, продолжавшіе работать въ миссіяхъ, услужливо придвигали бывшимъ эмигрантамъ стулья и старались изощряться передъ ними въ любезностяхъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что часть эмигрантовъ, принадлежавшихъ къ наиболѣе виднымъ и честнымъ патріотамъ, — почти тотчасъ же вслѣдъ за переворотомъ поспѣшила уѣхать въ Россію (Плехановъ, Карповичъ, Лебедевъ и др.). Остались только тѣ, кто былъ прочно связанъ съ Франціей дѣлами и личною жизнью, и, кромѣ послѣднихъ, остались въ большомъ количествѣ тѣ, кто исповѣдывалъ убѣжденія, схожія съ убѣжденіями пораженцевъ и большевиковъ.

И вотъ они-то, въ большинствѣ, и направились въ госпитали читать съ разрѣшенія начальства лекціи нашимъ солдатамъ-гражданамъ. Имъ безпрепятственно давались всякіе пропуски и разрѣшенія, такъ какъ никто изъ представителей русской власти во Франціи не хотѣлъ заслужить упрека въ невнимательномъ отношеніи къ приказамъ новаго правительства. И кромѣ того — развѣ кто-либо изъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ представителей въ Парижѣ зналъ хорошо въ то время, кто такіе большевики и меньшевики, и чего, въ сущности, хотятъ тѣ и другіе...

Для нихъ, такъ же, какъ для большинства другихъ военныхъ, были одни только эмигранты, которыхъ нельзя было не пускать къ народу, освобожденному ими же въ цѣляхъ общаго блага и скорѣйшей побѣды надъ врагомъ... Чтеніе лекцій въ госпиталяхъ и другая открытая пропаганда шли весьма энергичнымъ темпомъ среди нашихъ солдатъ уже съ середины марта 1917 года. Подлиннаго приказа о введеніи въ войскахъ «комитетовъ» еще не приходило во Францію, но въ первомъ полку уже самостоятельно и съ разрѣшенія начальства образовался такъ называемый «полковой совѣтъ» изъ солдатъ, сразу же поведшій опредѣленную политику критики офицеровъ, командного состава и, отчасти, французовъ, на землѣ которыхъ сражались наши войска.

Приходившіе на засѣданія совѣта офицеры съ удивленіемъ прислушивались къ непривычнымъ для ихъ уха рѣчамъ солдатъ-ораторовъ, звучавшимъ все сильнѣе и сильнѣе.

Но внѣшнія обстоятельства, созданныя боевою обстановкою французскаго фронта, на время прервали и аннулировали дѣятельность этого «совѣта».

Началось общее весеннее наступленіе французскихъ армій 1917 года, въ коемъ приняли участіе и наши полки.

Пропаганда еще не успѣла окончательно отравить русскихъ воиновъ къ этому времени, а оставшаяся «по инерціи» старая дисциплина и личный примѣръ Лохвицкаго, человѣка непритворной личной храбрости, дала имъ возможность съ честью выполнить трудную боевую задачу.

Первая русская бригада во главѣ съ Лохвицкимъ блестяще дралась на фронтѣ во время наступленія и взяла укрѣпленный нѣмцами замокъ Курси. Было совершено много отдѣльныхъ подвиговъ, были розданы георгіевскіе и французскіе военные кресты. И было не мало убитыхъ, а еще больше было раненыхъ.

Эти то раненые и сыграли одну изъ видныхъ ролей въ дѣлѣ послѣдовавшаго затѣмъ развала.

Наступленіе кончилось, французы остановились, Курси было взято.

Русскія бригады были отведены въ тылъ для отдыха и пополненія, а большинство нашихъ раненыхъ (нѣсколько тысячъ) было эвакуировано въ Парижскіе госпитали, на югъ Франціи и въ Нормандію.

Наступила весна.

Въ Россіи уже работалъ Керенскій, и все выше и выше поднимали голову солдатскіе и рабочіе депутаты.

Едва наши раненые заняли койки въ парижскихъ госпиталяхъ, какъ изъ рога изобилія посыпались къ нимъ лекторы и просвѣтители.

О чемъ говорилось солдатамъ? Обо всемъ, кромѣ необходимости продолжать войну съ нѣмцами, оставаться вѣрными союзникамъ и подчиняться своимъ начальникамъ. Читалось объ ошибкахъ и злоупотребленіяхъ царя и всѣхъ вообще Романовыхъ, о реакціонности царскихъ офицеровъ, о необходимости прочно держаться за отвоеванную русскимъ народомъ свободу.

А на ряду съ этими лекціями, кто-то усиленно подстрекалъ нашихъ солдатъ противъ французскихъ госпитальныхъ порядковъ, противъ французовъ-врачей, противъ санитаровъ, противъ сестеръ милосердія.

Я не скажу, чтобы условія пребыванія и леченія въ военныхъ госпиталяхъ Франціи можно было назвать идеальными. Но русскіе солдаты содержались, лечились и кормились въ нихъ такъ же, какъ и собственные воины-французы, особыхъ же исключеній для солдатъ иностранныхъ армій, разумѣется, не дѣлалось. Пропаганда работала на всѣхъ парахъ. Самые ничтожные факты и всегда возможные недочеты раздувались въ цѣлыя событія и вскорѣ въ отдыхавшихъ послѣ боевъ русскихъ полкахъ стали носиться слухи о безчеловѣчномъ отношеніи французовъ-врачей къ нашимъ раненымъ. Полки въ это время группировались въ районѣ Эпернэ, близь замковъ Бай и Монморъ.

Подходилъ май. Въ полкахъ уже дѣйствовали комитеты и въ особенности «полковой совѣтъ» перваго полка, во главѣ котораго сталъ, быстро выдѣлившійся изъ массы, солдатъ-латышъ, по фамиліи Болтайсъ. Загремѣли рѣчи, посыпались требованія къ начальству, быстро обострились отношенія между офицерами и солдатами.

А изъ госпиталей въ это время уже шли обратно выздоровѣвшіе раненые, шли окончательно деморализованными и настроенными противъ начальства и французовъ.

Керенскій переживалъ въ Россіи дни расцвѣта своей популярности, Ленинъ былъ уже въ Петроградѣ и помѣщался въ домѣ Кшесинской, а многочисленные агитаторы успѣшно дѣйствовали во Франціи среди русскихъ солдатъ, расшатывая остатки дисциплины и сплоченности экспедиціоннаго отряда.

Перваго мая 1917-года, по желанію солдатскихъ комитетовъ въ русскомъ отрядѣ состоялось празднованіе всемірнаго рабочаго праздника. Полки вышли на широкую мѣстную поляну (въ районѣ замковъ Монморъ и Бай) и вынесли множество красныхъ флаговъ съ разнообразными революціонными надписями.

Необходимо отмѣтить, что къ этому времени старыя полковыя знамена въ частяхъ отряда были уже «аннулированы» по требованію тѣхъ же комитетовъ и, будучи свернуты и уложены въ ящикъ, были направлены въ Парижъ, въ канцелярію Военнаго Агента.

Я долгое время впослѣдствіи наблюдалъ этотъ ящикъ, стоявшій въ помѣщеніи Агентства на улицѣ Элизэ Реклю, но какое назначеніе онъ получилъ впослѣдствіи — мнѣ неизвѣстно.

На празднованіе перваго мая въ полкахъ пріѣхалъ Представитель Русскаго Верховнаго Командованія генералъ Палицынъ, имѣвшій намѣреніе бесѣдовать съ солдатами и выяснить ихъ желанія и нужды.

Но взамѣнъ опредѣленныхъ и спокойныхъ отвѣтовъ генералу Палицыну пришлось выслушать дерзкіе выкрики, несшіеся изъ солдатской толпы, и получить массу совершенно незаслуженныхъ оскорбленій, на которыя, разумѣется, было невозможно реагировать.

Генералъ Палицынъ покинулъ мѣсто «праздника», убѣдившись въ томъ, что прежній «русскій отрядъ» во Франціи пересталъ существовать, превратившись въ нѣчто новое, совершенно чуждое старому генералу.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ эпизодомъ генералъ Палицынъ покинулъ свой постъ и ушелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто вновь назначенному Временнымъ Правительствомъ генералу Занкевичу.

Того же перваго мая, вечеромъ, какіе--то представители комитета изъ писарей 1-ой бригады, усѣлись въ штабной автомобиль и, выкинувъ красный и черный флаги, помчались объѣзжать окрестности Монмора и Бай; окрестности эти были заняты также и пришедшими съ фронта французскими войсками, съ удивленіемъ смотрѣвшими на автомобиль, украшенный знаками революціи и анархіи.

Командный составъ и офицеры утратили надъ солдатами всякую власть. Новые приказы лишали ихъ почти всѣхъ начальническихъ правъ, и солдаты могли дѣлать передъ офицерами что угодно, не боясь дисциплинарныхъ взысканій, такъ какъ право ихъ наложенія отъ офицеровъ было отнято.

Началось солдатское пьянство, повторилось нѣсколько случаевъ кражъ, грабежей и насилія, имѣвшихъ мѣсто въ сосѣднихъ французскихъ деревняхъ и произведенныхъ русскими солдатами.

Командиры полковъ ежедневно совѣтовались со своими офицерами, собирая мнѣнія, выносили рѣшенія, но ничего реальнаго осуществить не могли...

Постепенно начало разлагаться и офицерство. Появились офицеры, стремившіеся сдѣлать «революціонную карьеру» и искавшіе «популярности» среди солдатъ, открыто выступая съ рѣчами на солдатскихъ митингахъ, причемъ въ этихъ рѣчахъ неизмѣнно обливались грязью старшіе начальники, на которыхъ безъ стѣсненія возводились всякія небылицы. Генералъ Лохвицкій со своимъ штабомъ сидѣлъ въ замкѣ Бай, — генералъ Марушевскій въ замкѣ Монморъ. Оба генерала, находясь въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ, почти не сообщались другъ съ другомъ и пассивно выжидали дальнѣйшихъ событій, возмущаясь Петроградскими приказами, съ поражающею быстротою превращавшими ихъ отряды въ разнузданную толпу.

VI

«*Полковой совѣтъ*» во главѣ съ Болтайсомъ пріобрѣталъ все больше и больше вліянія на солдатъ. Первый полкъ, формировавшійся въ Москвѣ, былъ, какъ оказалось, почти цѣликомъ составленъ изъ рабочихъ, приказчиковъ, конторщиковъ и другихъ, такъ называемыхъ, полуинтеллигентовъ. Этотъ полкъ первымъ годъ назадъ ступилъ на землю Франціи и въ теченіе зимы прекрасно сражался на поляхъ Шампани.

Но болѣзнь разложенія постигла первымъ дѣломъ этотъ же самый полкъ.

Второй полкъ имѣлъ въ своихъ рядахъ большій процентъ крестьянъ земледѣльцевъ, а потому его солдаты казались болѣе спокойными и пассивными, и шли къ деморализаціи нѣсколько медленнѣе. Полки же другой бригады были почти цѣликомъ собраны изъ земледѣльцевъ и крестьянъ-сибиряковъ, а потому и сыграли во всей трагедіи совершенно особую роль, о которой я буду говорить своевременно.

Разумѣется, ни все усиливавшееся политиканство солдатъ, ни работа комитетовъ, ни умираніе дисциплины, ни красные и черные флаги, развѣвавшіеся на виду у французскихъ солдатъ, не могли остаться незамѣченными французскимъ командованіемъ.

О томъ, чтобы вести русскихъ снова на фронтъ послѣ отдыха — теперь не могло быть и рѣчи; держать же ихъ вблизи своего фронта при наличіи всего того, что начинало твориться — также не было разумнымъ и безопаснымъ.

И къ концу мая было рѣшено перевести всѣхъ русскихъ «подальше отъ бѣды», а именно въ самый центръ Франціи, въ лагерь Ля-Куртинъ департамента Крэзъ.

Почти одновременно съ этимъ прибылъ во Францію снабженный «особо широкими полномочіями» военный представитель Временнаго Правительства генералъ Занкевичъ, смѣнившій генерала Палицына, и тогда же телеграммой Керенскаго былъ назначенъ комиссаромъ военнаго министра давно проживавшій въ Парижѣ русскій адвокатъ — эмигрантъ Евгеній Ивановичъ Раппъ.

Послѣдній уже успѣлъ нѣсколько разъ побывать среди солдатъ и обращаться къ нимъ съ рѣчами, призывавшими къ порядку и разумной дисциплинѣ. Но рѣчи Раппа не имѣли почти никакого значенія, и къ началу іюня Раппъ уже слылъ въ солдатскихъ кругахъ «буржуемъ» и приспѣшникомъ царскихъ генераловъ.

Лагерь Ля-Куртинъ, занимавшій своими постройками обширную площадь, сжатую со всѣхъ сторонъ возвышенностями, былъ расположенъ близъ городка того же названія и въ десяткахъ километровъ отъ старинныхъ французскихъ городковъ Фельтена и Абьюссона.

Приходъ русскихъ солдатъ въ количествѣ, приближавшемся къ двадцати тысячамъ, былъ весьма на руку мѣстнымъ торговцамъ и коммерсантамъ, такъ какъ давалъ имъ возможность расширить торговлю и поправить дѣла.

Французскіе торговцы и лавочники не переставали любить нашихъ земляковъ, т. к. всегда видѣли въ нихъ хорошихъ и щедрыхъ покупателей.

Наши же люди, получавшіе сравнительно хорошее солдатское жалованье, не стѣснялись его тратить до послѣдняго сантима въ лавкахъ и распивочныхъ, представляя въ этомъ случаѣ діаметральную противоположность экономнымъ французскимъ „poilus“.

Въ первыхъ числахъ іюня 1917 года первый и второй полкъ, т. е. «полкъ Марселя и Курси» прибыли въ Ля-Куртинъ. Туда же ожидалось прибытіе и двухъ остальныхъ полковъ бригады Марушевскаго, т. к. послѣдовавшимъ приказомъ всѣ они соединялись въ одну общую дивизію подъ единымъ командованіемъ генерала Лохвицкаго. Но полки Марушевскаго нѣсколько запаздывали въ силу чисто техническихъ условій переброски войскъ по желѣзной дорогѣ, а потому Ля-Куртинъ первыми заняли тѣ изъ солдатъ, среди коихъ уже наиболѣе открыто носились взгляды и идеи Ленина.

Полковой совѣтъ перваго полка, во главѣ съ латышемъ Болтайсомъ, прибылъ въ Ля-Куртинъ чуть ли не во главѣ всѣхъ эшелоновъ, прочно утвердился въ особой палаткѣ и уже опредѣленно дирижировалъ массами.

Дни стояли солнечные, теплые, начало французскаго лѣта было въ полномъ разгарѣ. На лужайкахъ и полянахъ, на береговыхъ склонахъ большого озера и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ бараковъ съ утра до вечера гремѣли рѣчи ораторовъ и собирались митинги. Съ этими явленіями нельзя было ничего подѣлать, т. к. приказы Керенскаго, бывшаго тогда военнымъ министромъ, поощряли всякую свободу слова и на эту свободу слова благословляла открыто присланная изъ Россіи «Декларація правъ солдата».

Болтайсъ съ помощниками выпускалъ литографированные «бюллетени», въ которыхъ помѣщалъ главнымъ образомъ такія вещи, какъ «памятка солдата» Льва Толстого, совѣтовавшаго ни съ кѣмъ и никогда не воевать, бросить винтовку, вспомнить о ближнемъ и т. д. И опять-таки никто не могъ запретить выпускать эти бюллетени, т. к. всякая свобода слова разрѣшалась «деклараціей правъ»» и не могла же эта свобода препятствовать ознакомленію съ мыслями великаго Толстого, когда-то гонимаго свергнутымъ царемъ за свою правду.

Числу къ 10-му іюня выяснилось, что первый и второй полки окончательно распропагандированы. Ихъ комитетами были вынесены резолюціи о нежеланіи въ дальнѣйшемъ сражаться на французскомъ фронтѣ, т. к. въ этомъ, по мнѣнію солдатъ, не было никакого смысла. Резолюціи эти вполнѣ подошли ко вкусамъ и мыслямъ солдатскихъ массъ, а фигура Болтайса сдѣлалась еще болѣе популярной.

— Правильно! — кричалось на митингахъ, — не воевать больше, и все тутъ! Пусть насъ везутъ въ Россію — тамъ повоюемъ, если нужно! Французовъ же намъ нечего подпирать, пусть сами подпираются! Развѣ у нихъ республика? У французовъ республика буржуазная, всѣ они буржуи! У нихъ третья республика, товарищи! Не воевать здѣсь больше, требовать отправки въ Россію!

Въ то время, когда звучали эти рѣчи, къ Ля-Куртинъ стали подходить запоздавшіе на нѣсколько дней эшелоны бригады Марушевскаго.

«Полковой совѣтъ», на дверяхъ помѣщеній котораго уже открыто былъ начертанъ мѣломъ лозунгъ «долой войну» — встрепенулся и взволновался.

Нужно было дѣлать все возможное, чтобы склонить солдатскія массы двухъ другихъ полковъ на свою сторону и заставить ихъ примкнуть къ вожакамъ движенія,

Но здѣсь этихъ вожаковъ постигла неожиданная неудача. Полки Марушевскаго (генерала этого, между прочимъ, уже не было во Франціи, т. к. онъ уѣхалъ въ Россію) къ движенію не примкнули и идти за Болтайсомъ не пожелали, несмотря на всѣ усилія послѣдняго.

«Совѣтъ» перваго полка выслалъ на вокзалъ Ля-Куртинъ особыхъ эмиссаровъ-уговорщиковъ, въ задачу коихъ входило убѣдить пріѣзжавшихъ «товарищей» согласиться перестать воевать во Франціи и поступить такъ, какъ будутъ поступать 1-ый и 2-ой полки.

Но эмиссаровъ не послушали и прогнали.

Тогда «совѣтъ» выслалъ навстрѣчу входившимъ въ Ля-Куртинъ полкамъ цѣлую манифестацію съ музыкой и красными флагами, цѣлью которой было склонить эти полки «кончить войну»...

И здѣсь уже произошелъ настоящій крупный скандалъ.

Шедшій впереди входившаго полка офицеръ, завидя манифестантовъ 1-ой бригады, обругалъ ихъ нелестными словами. Манифестанты воспламенились и... нанесли офицеру оскорбленіе дѣйствіемъ. Но любимый своими солдатами офицеръ встрѣтилъ въ нихъ искреннихъ защитниковъ, начавшихъ немедленную расправу съ оскорбителями.

Началась драка, окончившаяся только благодаря вмѣшательству пулеметчиковъ, приготовившихъ пулеметы къ дѣйствію и разогнавшихъ этой угрозой возбужденныя толпы.

Случай этотъ окончательно обострилъ отношенія между бригадой Лохвицкаго и бригадой Марушевскаго. Бригады пришли во Францію порознь, никогда ранѣе не соединялись, и на первую бригаду всегда выпадала львиная доля почета и рекламныхъ похвалъ со стороны французовъ и русскаго высшаго командованія. Какъ офицеры, такъ и солдаты второй бригады вполнѣ естественно чувствовали себя обиженными вниманіемъ, оказываемымъ первой.

И когда восхваляемые раньше герои Марселя и Курси неожиданно пошли на встрѣчу болѣе скромнымъ солдатамъ Марушевскаго съ бунтовщическимъ требованіемъ, вполнѣ объяснимо, почему послѣдніе оказались съ ними несогласными.

Дѣло «совѣта» въ войскахъ Марушевскаго «не выгорѣло».

VII

Назрѣвали новыя событія, и улицы селенія Ля-Куртинъ представляли въ это время необычное зрѣлище.

Тысячи русскихъ солдатъ разгуливали толпами отъ одного погреба къ другому, безъ конца уничтожали вино и коньякъ и напивались до безчувствія.

Изъ сосѣднихъ городовъ и селеній пріѣзжали все новыя и новыя торговки-француженки съ бочками вина, и, располагаясь вдоль дороги въ ближайшихъ рощахъ, успѣшно вели свою торговлю.

Часть офицеровъ, не зная что дѣлать, и не умѣя ничего дѣлать въ такое необычное время, коротала время по мѣстнымъ ресторанамъ и также отдавала должную дань Бахусу.

Видя развалъ своихъ славныхъ когда-то частей, совершенно разстроенный и больной отъ переживаній генералъ Лохвицкій рѣшилъ еще разъ попытаться спа-

сти положеніе. Въ 20-хъ числахъ іюня онъ отдалъ приказъ по дивизіи приступить къ строевымъ занятіямъ, т. к. ни солдаты, ни офицеры все это время ничего не дѣлали.

Приказъ этотъ оказался роковымъ. Первый и второй полкъ на занятія *не вышли*, заявивъ черезъ комитетъ, что сражаться *во Франціи* они не будутъ, а слѣдовательно имъ не для чего и выходить на занятія. Крупный фактъ неповиновенія цѣлыхъ частей во Франціи своему командованію уже былъ на лицо.

Генералъ Лохвицкій уѣхалъ въ Парижъ и черезъ день-два вернулся въ Ля-Куртинъ вмѣстѣ съ представителемъ Временнаго Правительства генераломъ Занкевичемъ и комиссаромъ Раппомъ.

Цѣлыхъ два дня велись переговоры между представителями комитетовъ и显 командымъ составомъ, во главѣ котораго стояли Занкевичъ и Раппъ. Но ни первый, ни второй не могли ни въ чемъ убѣдить солдатскихъ представителей, во главѣ коихъ стоялъ сдѣлавшійся настоящимъ мѣстнымъ солдатскимъ диктаторомъ уже извѣстный читателю рядовой Болтайсъ.

— *Отрядъ не хочетъ оставаться на французскомъ фронтѣ и требуетъ отправленія въ Россію,* — заявили солдатскіе делегаты: — *Потрудитесь насъ отправить на Родину! Тамъ мы готовы исполнять свой долгъ, гдѣ угодно и какъ угодно! А на французскомъ фронтѣ воевать больше не станемъ. На занятія выходить также не станемъ, такъ какъ намъ больше нечему учиться!*

Не только Занкевичъ и Раппъ, но и пріѣхавшіе на эти переговоры старые русскіе эмигранты, совершенно терялись во время диспутовъ съ солдатскими делегатами. Среди этихъ эмигрантовъ былъ привезенъ въ Ля-Куртинъ пятидесятилѣтній Ивановъ, двадцать лѣтъ просидѣвшій въ Шлиссельбургѣ, причемъ на его революціонный авторитетъ сильно расчитывалъ и представитель Временнаго Правительства, Раппъ, и остальные эмигранты. Но солдаты даже не обратили вниманія на слова стараго Шлиссельбуржца.

— Ну, что-же, мы вѣримъ, что вы двадцать лѣтъ сидѣли при Николаѣ!—замѣтилъ одинъ изъ делегатовъ. — Вы сидѣли въ Шлиссельбургѣ, а мы во французскихъ окопахъ... Больше и мы не хотимъ сидѣть!.. Пусть насъ отправляютъ! Свобода, такъ свобода!..

И опять говорились рѣчи, собирались митинги. Во время одного изъ такихъ митинговъ, въ которомъ принимали участіе офицеры, въ толпѣ неожиданно появились три русскихъ матроса, самыхъ настоящихъ матроса, тотчасъ же выступившихъ съ предложеніемъ немедленно расправиться съ офицерами, т. к. «всѣ они враги народа и солдатъ». До расправы дѣло не дошло, но атмосфера еще больше сгустилась.

Оказалось, что матросы пріѣхали въ Ля-Куртинъ изъ Бреста, гдѣ остановился русскій миноносецъ, и цѣлью ихъ пріѣзда было *полученіе сапогъ...*

Послѣ этого случая офицерство 1-ой бригады уже окончательно отошло отъ своихъ солдатъ и не пытались съ ними сближаться.

Полковой священникъ одного изъ полковъ, нѣсколько экспансивный, ученый іеромонахъ - академикъ постригшійся въ монахи по убѣжденію изъ помѣщиковъ, чуть-было не поплатился жизнью послѣ одного своего неудачнаго пастырскаго выступленія.

Выступивъ передъ толпой солдатъ съ проповѣдью о необходимости исполненія воинскаго долга и получивъ въ отвѣтъ дерзкіе выкрики и шутки, онъ неожиданно поднялъ надъ ними крестъ и громкимъ голосомъ заявилъ, что предаетъ всѣхъ непокорныхъ солдатъ анафемѣ и отлучаетъ ихъ отъ церкви.

Только счастливый случай помогъ священнику избѣгнуть расправы и не быть избитымъ толпой.

VIII

Въ ночь на 25 іюня состоялось окончательное рѣшеніе генерала Занкевича, которому предшествовали долгіе переговоры и дебаты: было рѣшено просить Временное Правительство «установить точку зрѣнія на войска первой бригады, отказавшейся категорически сражаться на французскомъ фронтѣ и изъявившей желаніе сражаться съ нѣмцами только въ Россіи, куда они и требовали своего возвращенія».

Для того же, чтобы не обострять отношенія между двумя бригадами, изъ которыхъ вторая изъявила полную покорность Временному Правительству и готова была сражаться гдѣ угодно, былъ отданъ приказъ о «раздѣлѣ бригадъ», совершившемся утромъ 25-го іюня.

Наспѣхъ собравшись и не захвативъ съ собой никакого имущества, два «вѣрныхъ» полка, во главѣ со всѣми офицерами, вышли изъ Ля-Куртинъ и направились походнымъ порядкомъ къ городу Фельтену, находящемуся въ 20-ти километрахъ отъ лагеря. Высыпавшіе на дорогу «невѣрные» провожали «вѣрныхъ» свистками, и съ этой минуты между первыми и вторыми выросла на долгое время высокая стѣна настоящей ненависти.

Съ этого же момента начинается цѣлая эпоха такъ называемаго «Куртинскаго сидѣнія».

Въ центрѣ Франціи, среди тихихъ буржуазныхъ селеній въ громадномъ лагерѣ зажили совершенно особою, необычною жизнью около десяти тысячъ мятежныхъ вооруженныхъ русскихъ солдатъ, не имѣвшихъ при себѣ офицеровъ и не желавшихъ подчиняться никому рѣшительно. Образовалась своего рода настоящая русская вольница во Франціи, главную роль въ управленіи коей игралъ тотъ же Болтайсъ. Вольница ни въ чемъ не нуждалась, т. к. французское правительство не рѣшалось ни на какія рѣзкія мѣры въ отношеніи прекращенія довольствія, ибо вмѣшиваться «во внутреннія» русскія дѣла ему не было предоставлено право.

«Вѣрные» или, какъ ихъ теперь называли, «Фельтенцы» — сидѣли около Фельтена въ палаткахъ, страдали отъ дождя и сырости и озлоблялись противъ Куртинцевъ еще больше.

Нѣкоторые изъ Фельтенцевъ пробовали ѣздить и ходить въ Куртинъ за оставленными тамъ вещами, но при появленіи такого смѣльчака среди Куртинцевъ — послѣдніе немедленно подвергали его аресту, какъ «провокатора» и, выдержавъ подъ арестомъ изрядный срокъ, отправляли обратно во-свояси.

Фельтенцы неистовствовали—и... стали роптать на начальство, которое «миндальничаетъ» съ такими негодяями, какъ Куртинцы...

Начальство же ничего не могло сдѣлать, т. к. выжидало отъ Керенскаго телеграммы съ «установленіемъ »точки зрѣнія...

Наконецъ, точка зрѣнія была установлена. Къ 20-му числу іюля отъ Керенскаго пришла на имя Занкевича телеграмма, въ коей сообщалось, что никакого возвращенія русскихъ войскъ въ Россію быть не можетъ, а всѣ должны подчиняться безпрекословно приказу Временнаго Правительства. Непокорныхъ же Керенскій приказывалъ привести къ повиновенію силою оружія «вѣрныхъ» частей. «*Вмѣшательство же въ это дѣло французовъ* — телеграфировалъ Керенскій — *считаю недопустимымъ и неприличнымъ*».

Тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ этихъ распоряженій генералъ Занкевичъ пріѣхалъ въ Фельтенъ и послалъ въ Ля-Куртинъ особую миссію для того, чтобы объявить солдатамъ волю Временнаго Правительства. Тогда же всѣмъ было объявлено приказаніе выйти изъ Ля-Куртинъ и къ извѣстному часу присоединиться къ «вѣрнымъ» Фельтенцамъ чѣмъ, такъ сказать, выразить свою покорность законному русскому правительству.

Болтайсъ, комитетъ 1-го полка, а съ нимъ еще около восьмисотъ человѣкъ вышли на присоединеніе, но вся остальная масса Куртинцевъ послѣ всевозмож-

ныхъ недоразумѣній опять вернулась въ Ля-Куртинъ. Эта масса уже отвергала Болтайса.

Болтайсъ и члены «совѣта» перваго полка были арестованы, началось разслѣдованіе ихъ дѣятельности и т. д. А Куртинцы продолжали сидѣть въ Куртинъ, проявляя уже чисто русское упрямство, и никуда не хотѣли выходить изъ лагеря.

Фельтенцы волновались и злобствовали, ругая начальство за слабость, заливая горе и злобу не перестававшимъ подвозиться французами виномъ...

Въ Куртинъ началось настоящее паломничество всевозможныхъ делегатовъ, комиссаровъ и любителей политиковъ... Пріѣхали изъ Петрограда члены совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ во главѣ со Смирновымъ — и ничѣмъ не отличились, кромѣ произнесенія рѣчей, на которыя солдаты отвѣчали смѣхомъ. Пріѣхалъ комиссаръ Временнаго Правительства Сватиковъ, также произносилъ горячія рѣчи, но во время одной изъ таковыхъ былъ названъ кѣмъ-то изъ солдатъ «парикмахеромъ изъ Парижа» и рѣшительно ни въ чемъ не убѣдилъ своихъ слушателей...

Занкевичъ терялся все больше и больше, не зная съ кѣмъ посовѣтоваться и на кого опереться. Совѣты Раппа не помогали, генералъ Лохвицкій производилъ на всѣхъ впечатлѣніе совершенно больного человѣка, до того его извели всѣ эти событія; военный же агентъ графъ Игнатьевъ соблюдалъ строгую дипломатію, ни во что «строевое» не вмѣшивался и дѣлалъ видъ, что онъ вообще ничего не знаетъ о Ля-Куртинъ.

Офицеры бездѣйствовали, деморализовались, ѣздили въ Парижъ и безсмысленно тратили деньги. Французы смущенно смотрѣли на всю эту печальную исторію и въ то же время въ ихъ министерствахъ уже начинали серьезно безпокоиться, т. к. дѣло Ля-Куртинъ не могло не волновать общественнаго мнѣнія страны.

Начался августъ, «Куртинское сидѣніе» продолжалось. Фельтенцевъ, наконецъ, рѣшили «отдалить отъ зла» и перевели въ лагерь Курно близъ Бордо, въ условія хорошаго курортнаго климата. Куртинъ остался уже совсѣмъ одинъ со своею вооруженною русской вольницей. Положеніе было труднымъ. Необходимо было что либо сдѣлать съ Куртинцами, т. к. оставлять въ центрѣ Франціи до скончанія вѣковъ русскую вольницу — представлялось мало раціональнымъ.

О Куртинцахъ зналъ уже хорошо и Корниловъ, занимавшій въ то время въ Россіи постъ Верховнаго Главнокомандующаго. Пришла телеграмма, въ которой онъ приказывалъ привести Куртинцевъ «къ повиновенію» и отправить въ Салоники...

Но какимъ образомъ привести къ повиновенію? Куртинцы были вооружены не только винтовками, но и пулеметами, у нихъ же находились цѣлые склады ручныхъ гранатъ — а отдать свое оружіе они категорически отказывались. Ружейный и пулеметный огонь «вѣрныхъ» войскъ на нихъ врядъ-ли могъ воздѣйствовать, такъ какъ имъ никто бы не мѣшалъ, сколько угодно, сидѣть въ каменныхъ казармахъ, защищенныхъ отъ пуль. Нужна была артиллерія — а ея у русскихъ не было, французамъ вмѣшиваться въ наши дѣла было нельзя.

* * *

Проходилъ и августъ. И вдругъ общее напряженіе разрядилось благодаря новому обстоятельству.

Изъ Архангельска черезъ Францію слѣдовала въ Салоники артиллерійская бригада подъ командой генерала Бѣляева; слѣдовали, какъ и всегда, одни только люди, безъ пушекъ; но люди эти были уже настоящими солдатами-патріотами революціонной арміи, т. к. пережили революцію въ Россіи и по собственному желанію ѣхали на Салоникскій фронтъ.

Къ этимъ то артиллеристамъ и рѣшили обратиться за содѣйствіемъ русскія военныя власти во Франціи. Представлялась возможность ликвидировать все дѣло безъ помощи французовъ.

Весь вопросъ Куртина былъ переданъ на подробное обсужденіе артиллерійскаго солдатскаго комитета. Послѣдній вынесъ резолюцію «предварительно переговорить» съ Куртинцами, будучи увѣренъ, что такіе переговоры кончатъ дѣло миромъ.

Но увы, и артиллеристы потерпѣли «фіаско», несмотря на всѣ свои старанія внушить Куртинцамъ идеи истинной демократіи и свободы....

Ихъ паломничества въ Ля-Куртинъ повторялись нѣсколько разъ, и въ результатѣ привели уже и артиллерійскій комитетъ къ убѣжденію, что самымъ лучшимъ средствомъ для приведенія Куртинцевъ къ повиновенію явится возможно скорое полученіе отъ французовъ артиллерійскихъ орудій...

Послѣднее было выполнено очень скоро и къ 1-му сентября 1917 года вооруженная артиллерія прибыла въ Ля-Куртинъ.

Генералъ Занкевичъ и комиссаръ Раппъ пробовали еще разъ образумить упорныхъ Куртинцевъ. Въ лагерь были командированы особые делегаты съ порученіемъ расклеить повсюду копію телеграммы генерала Корнилова съ приказаніемъ приведенія мятежниковъ къ повиновенію силою оружія.

Но прошло два-три дня и во французскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что самъ Корниловъ объявленъ Керенскимъ измѣнникомъ и контръ-революціонеромъ... Получилась невообразимая, тяжелая путаница, изъ которой выбраться на вѣрный путь было окончательно невозможно.

Солдаты-мятежники не желали больше ни съ кѣмъ разговаривать, замкнулись въ своемъ Куртинѣ и главарями ихъ было отдано строгое приказаніе никуда не выходить изъ лагеря подъ страхомъ самыхъ строгихъ товарищескихъ наказаній.

И всѣ девять тысячъ вполнѣ подчинились этому приказу и уже ни одинъ человѣкъ не выходилъ изъ злополучнаго лагеря.

IX

Къ Куртину подошла не только артиллерія, но пріѣхали изъ Курно и батальоны «волонтеровъ» изъ «вѣрныхъ» подъ командою боевого полковника Готтуа.

Артиллерія заняла позиціи на ближайшихъ горныхъ склонахъ, пѣхота начала рыть окопы, устраивая по всѣмъ правиламъ подступы къ Ля-Куртинъ...

А окрестности этого рокового для русскихъ мѣста во Франціи были оцѣплены кольцомъ французовъ альпійцевъ, зорко слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы на театръ новой русско-русской войны не проскользнула ни одна чужая человѣческая душа...

Село Ля-Куртинъ опустѣло до единаго человѣка, т. к. всѣ его обитатели были выселены въ сосѣдніе города...

1-го сентября въ Куртинъ былъ посланъ генераломъ Занкевичемъ ультиматумъ, коимъ мятежники предупреждались о томъ, что въ случаѣ ихъ отказа выйти изъ лагеря и сдать оружіе къ 9-ти часамъ утра 2-го сентября — стоящей на позиціи артиллеріей будетъ открытъ огонь.

Ночь прошла напряженно, но безмолвно.

Утромъ, часовъ въ 8, стоявшіе на возвышенностяхъ вокругъ Куртина офицеры и другіе наблюдатели увидѣли, что на большой площади среди бараковъ лагеря стали толпою собираться солдаты, группируясь около оркестра военной музыки, сверкавшаго на солнцѣ своими трубами.

Въ скоромъ времени грянула музыка. Оркестръ сыгралъ «Марсельезу», за которой слѣдовалъ «похоронный маршъ».

Когда впослѣдствіи я спрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ вожаковъ, какое значеніе придавалось ими исполненію этихъ двухъ вещей, мнѣ отвѣчали, что «марсельеза» съ «похороннымъ маршемъ»—означали готовность умереть за свободу...

Вслѣдъ за похороннымъ маршемъ оркестръ заигралъ уже какую-то веселую русскую пѣсню — чуть ли не «по напрасну мальчикъ ходишь».

Но пѣсню эту докончить не удалось.

Почти одновременно съ ея началомъ былъ данъ приказъ артиллеріи и первый выстрѣлъ ея прогремѣлъ на Куртинскихъ высотахъ.

Выстрѣлъ оказался мѣткимъ — выпущенная шрапнель разорвалась какъ разъ надъ оркестромъ. Наблюдавшіе съ горы видѣли, какъ всѣ находившіеся на площади неистово бросились въ разныя стороны, поспѣшно стремясь къ казармамъ и каменнымъ сараямъ. Черезъ минуту на плацу не осталось ни одной живой души.

Какъ удалось впослѣдствіи выяснить, среди большинства солдатъ Ля-Куртина держалась твердая увѣренность, что стрѣлять по нимъ никогда не будутъ, и что всѣ предупрежденія объ открытіи огня представляли собою одни хитрости начальства.

Нѣкоторыми главарями солдатамъ сообщалось, что на позиціяхъ, дѣйствительно, поставлены пушки, но пушки деревянныя, сдѣланныя по приказу генераловъ изъ простыхъ бревенъ.

За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй — и правильный, методичный обстрѣлъ лагеря начался. Къ полдню стрѣльба стихла, и къ этому же времени начали сказываться результаты ея моральнаго воздѣйствія.

Явился «перебѣжчикъ-парламентеръ» и заявилъ, что часть солдатъ желаетъ изъявить покорность и сдаться.

Предложеніе «парламентера» было принято, и спустя полчаса изъ лагеря вышло и отдало себя въ распоряженіе «вѣрныхъ» нѣсколько сотенъ солдатъ.

Опять возобновила свой огонь артиллерія — и опять послѣдовала сдача новой партіи людей.

Прошла ночь, наступило слѣдующее утро. Обстрѣлъ Ля-Куртинъ не прекращался.

3-го, 4-го и 5-го сентября до слуха жителей Абюссона и Фельтена продолжалъ доноситься гулъ орудій, причемъ каждый французъ зналъ, что въ Куртинъ идетъ бой русскихъ съ русскими.

Къ утру 6-го сентября изъ лагеря уже вышли почти всѣ Куртинцы въ количествѣ, превышавшемъ 8 тысячъ. Но отъ нихъ уже знали, что человѣкъ двѣсти рѣшили упорствовать до конца и, будучи вооружены винтовками и ручными гранатами, засѣли въ большомъ зданіи офицерскаго собранія.

Началась настоящая подготовка къ штурму этого собранія. Артиллерія сосредоточила свой огонь на его стѣнахъ, а пѣхота подъ командой Готтуа шагъ за шагомъ шла на приступъ.

Орудійная, пулеметная и ружейная стрѣльба слились въ одинъ общій гулъ. Къ собранію подходили съ разныхъ сторонъ, огонь перекрещивался, и по всему было видно, что и окна громаднаго собранія не остаются безотвѣтными, что и изъ нихъ летятъ пули.

Одной изъ «вѣрныхъ» ротъ удалось вплотную подойти къ главному входу собранія, и около этого входа завязался настоящій рукопашный бой... Выскочившій изъ дверей солдатъ-куртинецъ убилъ наповалъ «вѣрнаго» — и въ ту же минуту былъ поднятъ на штыки товарищами послѣдняго.

Видя окончательный проигрышъ своего дѣла, наиболѣе разумные и хитрые защитники собранія воспользовались близостью его къ лѣсу, начинавшемуся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ задняго фасада, и успѣли скрыться.

Между прочимъ, убѣжавшіе въ лѣсъ солдаты скрывались тамъ весьма продолжительное время, не рѣшаясь изъ опасенія за свою судьбу выходить и сдаваться русскому командованію. Уже спустя два-три дня послѣ «взятія» Куртинъ, французскіе жандармы приводили по одиночкѣ такихъ Куртинцевъ, сдавшихся отъ голода и холода.

Этотъ фактъ сидѣнія нашихъ солдатъ въ лѣсахъ породилъ у окрестныхъ французовъ, въ особенности среди дѣтей, любопытную легенду. Пріѣхавшій изъ департамента Крезъ французъ, встрѣченный мною въ Парижѣ спустя годъ послѣ Куртинскаго дѣла, разсказалъ мнѣ, что многія женщины и дѣти департамента и по сейчасъ вѣрятъ въ существованіе «дикихъ русскихъ солдатъ», живущихъ въ лѣсахъ Креза и никуда не желающихъ выходить изъ своихъ берлогъ и убѣжищъ. – «Лѣса Креза раньше изобиловали дикими котами...»—пошутилъ французъ. — «Теперь, послѣ Ля-Куртинъ въ нихъ появились и дикіе русскіе»...

Нѣсколько человѣкъ было задержано, арестовано и направлено къ другимъ «плѣннымъ».

«Вѣрные» заняли собраніе, разошлись патрулями по всему Куртинъ...

Зіяли громадныя бреши въ каменныхъ стѣнахъ, валялась разбросанная утварь, хрустѣли подъ ногами разбитыя стекла.

Девять мертвыхъ тѣлъ валялись на мѣстѣ, около сорока пяти раненыхъ отправили въ госпиталь...

Раненые и убитые были съ обѣихъ сторонъ — и какъ тѣ, такъ и другіе были одними и тѣми же русскими солдатами, поставленными русской революціей и разрухой въ условія небывалой междуусобной войны на французской землѣ...

Батальоны французовъ въ боевыхъ каскахъ и съ примкнутыми штыками разводили въ разныя стороны двигавшіяся въ полномъ порядкѣ партіи русскихъ плѣнныхъ, располагавшихся бивуаками на ближайшихъ полянахъ...

Команды русскихъ «вѣрныхъ» унтеръ-офицеровъ и французскихъ сержантовъ пересчитывали и принимали оружіе оставленное сдавшимися Куртинцами.

Говорятъ, недосчитались многихъ пулеметовъ — ихъ Куртинцы, будто бы, утопили въ озерѣ...

Черезъ два дня бывшіе повстанцы, уже безоружными, были вновь введены въ Куртинскія казармы. Ихъ всѣхъ перевели на положеніе арестованныхъ и окружили спеціальными французскими строевыми батальонами.

X

Передъ размѣщеніемъ обезоруженныхъ Куртинцевъ по казармамъ имъ было произведено нѣчто вродѣ смотра, на которомъ присутствовали всѣ высшіе русскіе начальники и множество офицеровъ.

Изъ Абюссона и Лиможа пріѣхали французы-генералы, пожелавшіе своими глазами убѣдиться въ подавленіи русскаго мятежа.

Девять тысячъ солдатъ были выстроены по-ротно на плацу передъ казармами, на томъ самомъ плацу, гдѣ недѣлю назадъ оркестръ игралъ марсельезу и похоронный маршъ, означавшій готовность умереть за революцію...

Солдаты стояли рядами, вытянувшись въ струнку, совершенно не напоминая своимъ видомъ вчерашнихъ мятежниковъ и покорно слушая рѣчи, которыя произносилъ передъ ихъ шеренгами комиссаръ Е. И. Раппъ.

Послѣдній повторялъ эту рѣчь нѣсколько разъ, по очереди останавливаясь передъ ротами. Говорилъ солдатамъ о томъ, что ему, какъ старику революціонеру, тяжко видѣть такое поруганіе революціи, какое допустили солдаты-Куртинцы, не доросшіе до гражданъ, и показавшіе передъ французами свою темноту.

Генералъ Лохвицкій не вступалъ ни въ какіе разговоры съ солдатами и только молча пропускалъ мимо себя уводимыя въ казармы роты.

Ротами теперь командовали офицеры французы, знавшіе русскіе языкъ и вновь прибывшіе изъ Россіи офицеры, совершенно незнакомые солдатамъ. Солдаты остались весьма довольны.

— Вотъ это офицеры, не то что прежніе! — говорили нѣкоторые изъ нихъ.— Сразу видно, что изъ настоящей революціонной Россіи... съ ними можно ладить!..

Вновь назначенные же офицеры были никто иные, какъ уѣхавшіе послѣ переворота во Францію стрѣлки-гвардейцы, не подошедшіе даже къ режиму Временнаго Правительства.

Душою «Куртинскаго сидѣнія» былъ нѣкто Глоба, унтеръ-офицеръ южанинъ, по религіи баптистъ. Я не могу отрицать, что человѣкъ этотъ производилъ на меня впечатлѣніе настоящаго фанатика. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ имѣлъ сильное вліяніе на многочисленныя и въ большинствѣ темныя массы солдатъ, видѣвшихъ въ немъ настоящаго учтеля и апостола Свободы.

— Мы должны были спасать революцію... — говорилъ Глоба. — Мы спасали свободу, мы не могли иначе поступать!..

Большинство же Куртинцевъ впослѣдствіи не могло объяснить точно, для чего и въ какихъ цѣляхъ они упорно не желали выходить изъ лагеря, доведя дѣло до такихъ печальныхъ результатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ объясняли свое упорство стаднымъ чувствомъ, мѣшавшимъ имъ оставить товарищей, стыдомъ передъ послѣдними, а также и своею темнотою, не позволявшею разобраться въ сложныхъ событіяхъ.

И только однажды мнѣ удалось услышать отвѣтъ, показавшійся мнѣ необыкновенно правдивымъ и пояснявшимъ многое.

— Когда услышали мы, что царь отрекся, — заявилъ мнѣ пожилой солдатъ изъ безграмотныхъ крестьянъ Пермской губ. — когда услышали, то здѣсь же и подумали, что, значитъ, и война кончится... Вѣдь царь насъ на войну посылалъ... А тутъ еще и свобода дана, говорятъ... А зачѣмъ мнѣ свобода, ежели я опять въ окопахъ гнить долженъ... Три года гнилъ, при царѣ-то... А Керенскій опять о войнѣ говоритъ, что воевать опять нужно... Вотъ и показалось намъ, что здѣсь что-то не такъ, какъ будто обманъ какой-то... Мы народъ темный...

Глоба, Болтайсъ и другіе наиболѣе замѣтные дѣятели Ля-Куртинскаго дѣла были выдѣлены и направлены въ тюрьмы Бордо, гдѣ содержались нѣкоторое время, послѣ чего распоряженіемъ французскаго правительства всѣ они были переведены на островъ Эксъ, расположенный въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ля-Рошель и Рошфора.

Куртинцы, охраняемые французами, продолжали жить въ Куртинъ, а «вѣрные» занимали лагерь Курно близъ Аркашона.

Производилось разслѣдованіе, выяснялись факты и данныя.

Опять началась осень — вторая осень пребыванія русскихъ войскъ во Франціи...

Къ концу ноября пришли въ Парижъ вѣсти о большевистскомъ переворотѣ въ Петроградѣ, о полнѣйшемъ развалѣ арміи, объ отдѣленіи окраинъ и Украйны, о бѣгствѣ Керенскаго и т. д.

И вѣсти эти сдѣлали свое дѣло и въ отрядѣ «вѣрныхъ», точно также превратившемся къ этому времени въ деморализованную толпу, въ общемъ, вполнѣ безвредную, но рѣшительно никуда непригодную въ смыслѣ военномъ и боевомъ...

— «Вѣрные» бродили по Курно и Аркашону, какъ сонныя мухи, уничтожали вино, спивались и нагоняли уныніе на всѣхъ, кому приходилось наблюдать эти грустные остатки когда-то славнаго и любимаго русскаго экспедиціоннаго отряда во Франціи.

Въ началѣ января 1918 года французское правительство рѣшило ликвидировать весь русскій отрядъ особымъ приказомъ и, уничтоживъ его прежнюю «авто-

номность», всецѣло подчинило себѣ русскихъ военныхъ во Франціи во всѣхъ отношеніяхъ.

Во главѣ командованія русскими стали французскіе офицеры. Солдатъ, какъ Куртинцевъ, такъ и «вѣрныхъ», разбили на рабочіе команды и разослали для работъ по разнымъ департаментамъ; часть изъ нихъ отмѣченныхъ, какъ болѣе непокорные и деморализованные, въ количествѣ около 3000 отправили въ Африку...

Ленинъ и Троцкій заключили въ это время Брестъ-Литовскій миръ, и на русскихъ во Франціи смотрѣли теперь, какъ на предателей и измѣнниковъ, не разбираясь въ политическихъ убѣжденіяхъ отдѣльныхъ лицъ.

Русскимъ офицерамъ уже давно было рекомендовано переодѣться въ штатское платье и не показываться въ формѣ на улицахъ Парижа во избѣжаніе печальныхъ недоразумѣній.

* * *

Такъ началась, прошла и окончилась печальной памяти исторія Ля-Куртина, и такъ прошли русскіе экспедиціонные отряды во Франціи пестрый путь отъ цвѣтовъ Марселя до междуусобной войны средь холмовъ Креза, разоруженія и полнаго развала въ баракахъ Курно и на океанскихъ островахъ близъ ля-Рошель и Рошфора.

Искать виновныхъ, судить и осуждать — не моя задача, тѣмъ болѣе, что при всемъ стремленіи быть объективнымъ я могъ бы все-же впасть въ невольныя ошибки.

И если кто-нибудь стремясь къ той же объективности, найдетъ подобную ошибку въ моемъ разсказѣ и спокойно ее исправитъ — я ему буду только благодаренъ.

Попытка освобожденія Царской Семьи

(Декабрь 1917 г. — Февраль 1918 г.)

К. Соколова

Большевистскій переворотъ засталъ меня въ Стрѣлковомъ полку 1-ой кавалерійской дивизіи*), командиромъ 2-го Сумскаго гусарскаго эскадрона.

Черезъ мѣсяцъ, увидѣвши никчемность сидѣнія на такъ называемомъ «фронтѣ», я уѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ собралось много офицеровъ-однополчанъ, такъ или иначе связанныхъ съ ней, какъ съ мирной стоянкой полка.

На новое амплуа свободныхъ гражданъ всѣ мы смотрѣли, какъ на обычный кратковременный отпускъ, за которымъ надо было что то дѣлать. Что дѣлать?—было ясно—бороться съ большевиками, но какъ?—вопросъ этотъ былъ для насъ сложный. Рѣшеніемъ этого вопроса явилось поступленіе почти всѣхъ однополчанъ въ одну изъ растущихъ какъ грибы «гидру контръ революціи». Итакъ въ началѣ декабря нѣсколько офицеровъ моего полка и я вошли въ организацію, возглавляемую однимъ генераломъ.

Дѣятельность организаціи въ первые дни сводилась къ регистраціи желающихъ.

Въ серединѣ декабря ес. А. вызвалъ меня и, давъ адресъ П., приказалъ явиться къ нему къ 8 ч. вечера для полученія важной задачи. Бездѣліе давно ужъ томило меня и офицеровъ моего эскадрона, такъ что предстоящая, да еще «важная» задача несказанно обрадовала насъ и даже породила въ нихъ небольшую зависть, что выборъ палъ на меня. А произошло это вѣроятно потому, что я былъ старше и А. зналъ меня еще раньше.

Кто и что былъ П., я и не спрашивалъ, т. к. достаточно было приказанія явиться, а распрашивать да еще о верхахъ по условіямъ незнакомой намъ конспираціи считалось преступленіемъ. По слухамъ онъ былъ присяжный повѣренный; одно несомнѣнно, что онъ былъ близокъ къ духовному міру, въ чемъ я убѣдился впослѣдствіи.

Въ назначенный часъ я звонилъ въ квартиру П. Впустилъ меня самъ хозяинъ и просилъ обождать въ кабинетѣ. Съ любопытствомъ разсматривалъ я кабинетъ, заставленный громадными полками съ книгами церковнаго содержанія, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ хозяина, котораго не успѣлъ разсмотрѣть въ темной передней. Изъ-за закрытой двери слышались голоса. Минутъ черезъ 15 дверь

---

*) Стрѣлковые полки при кав. див. были образованы выдѣленіемъ изъ конныхъ полковъ дивизіи 2-хъ спѣшенныхъ эскадроновъ, сохранявшихъ наименованіе коннаго полка.

отворилась и я увидѣлъ высокаго красиваго священника и за нимъ П. Священникъ оказался епископомъ Камчатскимъ Несторомъ. Благословивъ меня, онъ вышелъ. Мы сѣли. Задавъ нѣсколько вопросовъ о моей біографіи, П. замолчалъ. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Затѣмъ онъ поднялся и сказалъ: «Надо спасти Царя, медлить нельзя; онъ въ опасности». Такъ вотъ она, важная задача.

Признаюсь, что его слова ошеломили меня. Много мыслей промелькнуло у меня въ головѣ. Кто этотъ П.?, присутствіе у него Нестора! я, исполняющій эту задачу! Дальнѣйшее! Думать было некогда. П. вопросительно смотрѣлъ на меня. Я отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать все, что отъ меня потребуется.

П. волнуясь началъ говорить, перескакивая съ одного предмета на другой: объ опасности угрожающей Государю, о необходимости возстановленія монархіи, о войнѣ, о подборѣ для выполненія задачи надежныхъ людей.

На послѣднее я ему замѣтилъ, что за своихъ офицеровъ ручаюсь, какъ за себя, но онъ отвѣчалъ, что мѣняются времена, мѣняются и нравы. Затѣмъ онъ далъ понять, что визитъ оконченъ и я хотѣлъ уже уходить, какъ онъ сказалъ, что ему нуженъ человѣкъ для отвоза въ одинъ монастырь прокламацій и передачи ихъ тамъ союзу хоругвеносцевъ. Мнѣ стало понятно, что онъ хочетъ испытать меня, и я предложилъ свои услуги. Условившись зайти на слѣдующій день за полученіемъ инструкціи, мы разстались. Вторичное свиданіе было продолжительнѣй. О вчерашнихъ словахъ и не упоминалось. Мнѣ объяснялась задача, гдѣ и кому передать прокламаціи; кромѣ того было поручено войти въ связь съ жившими тамъ офицерами и командой выздоровливающихъ. Для отысканія ночлега надлежало обратиться къ такому то монаху, но не подавать ему виду, что я съ прокламаціями. Затѣмъ, вытащивъ изъ подъ книгъ увѣсистый тюкъ прокламацій, онъ вручилъ его мнѣ и потребовалъ, чтобы я ѣхалъ въ штатскомъ, а т. к. таковаго костюма у меня не было, онъ далъ свой.

Промучившись дома съ непривычнымъ мнѣ одѣяніемъ, особенно же съ галстухомъ, вечеромъ того же дня я отправился въ монастырь. Еще дома я прочелъ прокламаціи. Призывали они сорганизоваться въ ячейки для созыва въ ближайшемъ будущемъ Всероссійскаго Земскаго Собора.

Врученіе прокламацій и завязываніе связи не представили большого труда. Предсѣдатель союза хоругвеносцевъ, услышавъ имя П. и увидя тюкъ прокламацій, чуть ли не со слезами начали гоорвить: «Ахъ, оставилъ бы ты насъ въ покоѣ, что я буду дѣлать съ этими бумажками». Я поспѣшилъ положить ему на прилавокъ свою ношу и поспѣшно вышелъ.

Офицеровъ тамъ совсѣмъ не оказалось, а выздоравливающихъ всего было 7 человѣкъ, причемъ наиболѣе боеспособный былъ безъ руки.

Миссія моя была окончена и я отправился въ монастырскую гостиницу искать ночлега. Номеровъ свободныхъ не оказалось, но имя П. отворило всѣ двери, нашлась комната и монахи всячески ухаживали за мной. Даже отказались отъ платы, не желая брать съ знакомаго П.

Такимъ образомъ вмѣсто 300 офицеровъ и 100 выздоравливающихъ (по словамъ П.) оказалось 7 калѣкъ; чуть ли не насильное врученіе прокламаціи показывало полную неосвѣдомленность, выводы слагались у меня не въ его пользу.

Вернувшись въ Москву, я переговорилъ со своими офицерами о предстоящей задачѣ и они изъявили полное согласіе. Я же направился къ П. съ докладомъ о своей поѣздкѣ. Указалъ ему на его неосвѣдомленность, — онъ не обратилъ на это вниманіе и разсказалъ, что онъ познакомился за это время съ нашимъ офицеромъ М. С. Л. и что тотъ произвелъ на него невыгодное впечатлѣніе, какъ очень нервный. Это меня удивило, т. к. Л. былъ выдающимся офицеромъ, на рѣдкость хладнокровнымъ, смѣлымъ и энергичнымъ. Объ его нервности говорилъ П., самъ буквально сотканный изъ нервовъ. Дальнѣйшія частыя свиданія позволили мнѣ ближе познакомиться съ П. Нервный, большой фантазеръ, но искренній и фанатикъ. Особенно меня поразило то, что онъ вѣрилъ въ успѣхъ нашего предпріятія, потому что ему предсказалъ, что все удастся старецъ Зосима. На меня

предсказанія неизвѣстнаго Зосимы не произвели никакого впечатлѣнія, и я бы совсѣмъ пересталъ вѣрить П. и въ возможность нашей задачи, если бы не епископъ Несторъ, который часто присутствовалъ при нашихъ бесѣдахъ и своими рѣдкими, всегда дѣльными замѣчаніями показывалъ себя, какъ человѣкъ большого ума. Онъ былъ съ нами и я былъ спокоенъ.

Прошло Рождество. М. и Г. постоянно спрашивали, долго ли мы будемъ сидѣть, сложа руки. Я не зналъ больше ихъ.

Наконецъ, 31-го декабря П. объявилъ, чтобы мы были готовы: прибылъ курьеръ изъ Тобольска для доклада о положеніи на мѣстѣ, назначенъ начальникъ. Наше знакомство съ тѣмъ и другимъ должно состояться 2-го января. Для чего М., Г. и мнѣ должно прибыть въ одинъ изъ лазаретовъ на Яузскомъ бульварѣ.

Курьеръ изъ Тобольска, начальникъ, начало дѣйствій — было изъ-за чего сердиться на долго тянущееся 1-ое января.

2-го января въ назначенный срокъ мы были на мѣстѣ. Въ пустой палатѣ кромѣ П. и еп. Нестора мы увидѣли полковника съ Георгіемъ и орденомъ Почетнаго легіона. Это былъ нашъ начальникъ, командиръ пѣхотнаго полка, полковникъ Н. Вскорѣ прибылъ курьеръ. Онъ назвался поручикомъ Л. Гв. Московскаго полка Р. (совсѣмъ мальчикъ).

Докладъ его сводился къ слѣдующему: онъ и его братъ были отправлены въ Тобольскъ Пуришкевичемъ еще за два-три мѣсяца до большевиковъ. Въ настоящее время въ Тобольскѣ, за исключеніемъ охраны Государя, поголовно монархическое настроеніе; есть мѣстныя организаціи, готовыя помочь намъ; перевозочныя средства также подготовлены. Наиболѣе удобнымъ временемъ освобожденія Царя Р. считаетъ воскресенье, когда Царь и Семья выходятъ молиться въ городскую церковь въ сопровожденіи караула. человѣкъ въ двадцать. Освобождающимъ надо собраться въ алтарѣ и ужъ оттуда броситься на караулъ.

Меня удивило такой планъ; пахло романами Дюма. Я не могъ понять, почему это надо продѣлывать днемъ, когда вся охрана на ногахъ, а не ночью, когда навѣрно большая часть ея спитъ. Какъ можно незамѣченнымъ пробраться въ алтарь? Я уже хотѣлъ высказать свои сомнѣнія, какъ началъ говорить полковникъ Н. Въ краткихъ ясныхъ словахъ онъ изложилъ заданіе: заранѣе предрѣшать нельзя, планъ составится на мѣстѣ. Въ первую голову въ Тобольскъ должны отправиться шт. р. Соколовъ и поручики М., Г. и съ ними Р. Общая задача: наблюденіе, вхожденіе въ связь съ мѣстными монархическими организаціями, выясненіе ихъ численности и боеспособности. Въ отдѣльности: шт. р. Соколову — развѣдка дома Государя, численность охраны, расположеніе ея и постовъ. Поручику М. — свѣдѣнія о перевозочныхъ средствахъ, мѣста подставъ. Поручику Г. — развѣдка на случай захвата телеграфа.

Предполагается вывезти Семью въ Троицкъ, занятый оренбуржцами Дутова. Въ окрестности для развѣдки (настроеніе, подставы) будутъ командированы въ районъ Екатеринбургъ-Тюмень-Троицъ-Омскъ — 30 человѣкъ подъ командою ротм. Л. Для окончательнаго выполненія задачи прибудутъ 100 гардемариновъ съ полковникомъ Н. Отъѣздъ изъ Москвы 1-ой партіи 6-го января.

Спокойныя, ясныя заданія подбодрили насъ послѣ расплывчатыхъ плановъ П. — П., назначивъ часъ 6-го января, когда мы должны явиться въ этотъ же лазаретъ за полученіемъ денегъ и солдатскаго обмундированія, простился съ нами. Мы разошлись, обсуждая дальнѣйшіе шаги и строя всяческіе планы. Рѣшили для приданія себѣ демократическаго вида не бриться и позаботиться о заготовленіи документовъ. На наше счастье, убѣгая изъ полка, мы захватили пустые бланки съ печатями—полковой и комитетской. Документы — отпускные билеты въ Тобольскъ на солдатъ Стрѣлковаго полка 1-ой кав. дивизіи Соколова, М. и Г. — были готовы.

6-го января мы явились въ лазаретъ, гдѣ уже были П., еп. Несторъ и Р. Намъ выдали полный комплектъ солдатскаго обмундированія, начиная отъ бѣлья изъ бязи, кончая сѣрой папахой, и по двѣ тысячи рублей на каждаго. Мы тутъ же

переодѣлись. Еп. Несторъ благословилъ насъ иконами Божіей Матери: «Утоли моя печали», и мы простились. Условившись собраться къ 10 час. вечера на Ярославскомъ вокзалѣ къ отходу поѣзда на Екатеринбургъ, мы разъѣхались по домамъ.

Въ Москвѣ было неспокойно; еще съ 5-го начали ходить процессіи въ защиту Учредительнаго Собранія. Всюду были патрули, но нашъ «товарищескій» видъ былъ лучшимъ пропускомъ. На вокзалѣ, съ мѣшками за спиной, мы мало отличались отъ наполнявшей его толпы демобилизованныхъ. Поѣздъ былъ взятъ штурмомъ. Благодаря тому, что мы держались вмѣстѣ и дружно работали локтями, намъ удалось на трехъ занять боковую полку. Р. помѣстился въ ногахъ. Вагонъ былъ набитъ биткомъ. Въ одномъ нашемъ отдѣленіи помѣщался 31 человѣкъ. Наконецъ, послѣ 2-хъ часоваго стоянія, опаздывая съ мѣста, подъ крики «крути Гаврила!» и свистъ мы тронулись. Тащились еле, еле. До Ярославля сутки, до Вологды тоже. Воздухъ невыносимый и я, несмотря на протесты, выбилъ окно. Дышать стало легче, но выбитое окно сдѣлалось дверью для нашего отдѣленія и черезъ наши головы на всѣхъ остановкахъ, то и дѣло, сновали наши сосѣди.

Полѣ Вятки стало свободнѣе и мы завладѣли уже двумя верхними полками Разговоровъ о цѣли нашей поѣздки мы избѣгали. И лишь при пересадкѣ въ Екатеринбургѣ во время ожиданія поѣзда мы начали распрашивать Р. о нашихъ первыхъ шагахъ въ Тобольскѣ. О квартирѣ — вопросъ этотъ былъ важенъ, т. к. квартира должна была быть глухая, къ намъ могутъ пріѣзжать и т. п. Р., какъ оказалось, жили въ гостиницѣ, притомъ подъ чужой фамиліей. Я сказалъ, что гостиница намъ не подойдетъ, тамъ ни что не пройдетъ незамѣченнымъ. Наиболѣе удобнымъ казалось найти квартиру у одного изъ членовъ монархической организаціи. Распрашивали, у кого имѣются лошади. Р. всѣ эти распросы видимо удручали. Съ приближеніемъ къ Тобольску онъ сталъ менѣе самоувѣренъ. Обѣщалъ, что всѐ разскажетъ братъ, а онъ многаго не знаетъ, да и многое могло измѣниться за его поѣздку и, желая перемѣнить разговоръ, начиналъ разсказывать, какъ имъ весело жилось въ Тобольскѣ, о балахъ, о своихъ сердечныхъ побѣдахъ. Встрѣтивъ наше неодобреніе и отвѣтъ, что мы не затѣмъ ѣдемъ, онъ замолкъ почти до самого Тобольска, предоставивъ дальнѣйшую иниціативу намъ, и покорно слушался насъ.

Въ Тюмень мы прибыли поздно вечеромъ. Лошадей рѣшили найти утромъ и отправились искать гостиницу похуже. Расположились вчетверомъ въ одномъ номерѣ. Хозяинъ, подозрительно осмотрѣвъ насъ, заявилъ: «А вы не солдаты». Разочарованіе; — не помогло, что мы не брились 10 дней. Слѣдующее утро прошло въ поискахъ лошадей и часа въ два мы катили на тройкѣ къ Тобольску. Отъ Тюмени до Тобольска 269 верстъ — 8 перегоновъ. М. приступилъ къ выполненію своей задачи. Сначала распрашивалъ Р., оказалось, что всѣ его разсказы въ Москвѣ о готовыхъ лошадяхъ — сплошной вымыселъ; онъ даже не зналъ мѣста перемѣны лошадей. М. обратился къ ямщикамъ. Сообщеніе съ Тобольскомъ держатъ ямщики, ихъ нѣсколько компаній — «веревочки», какъ они называются. Ямщикъ изъ Тюмени такъ и передаетъ своего пассажира по своей «веревочкѣ» изъ руки въ руки. Мѣста передачъ—перемѣны лошадей у всѣхъ «веревочекъ» одни и тѣ же; тамъ и скопленіе отлично тренированыхъ, выносливыхъ лошадей. «Веревочекъ» до 10, въ среднемъ, лошадей по 60 у каждой.

Ѣхать было холодно, шинели и коротенькіе полушубки согрѣвали мало, но все же ночью мы задремали. Насъ разбудилъ ямщикъ—проѣзжали Покровское, родину Распутина, и онъ счелъ долгомъ указать его домъ. Въ темнотѣ разсмотрѣли его плохо.

Вечеромъ, часовъ около 8-ми, 14 января мы пріѣхали въ Тобольскъ.

Р. отправился къ брату въ гостиницу, а насъ ямщикъ отвезъ на знакомый постоялый дворъ на окрайнѣ города.

Слѣдующій день начался съ поисковъ квартиры. Намъ посчастливилось. Мы нашли отдѣльный флигелекъ у почтеннаго старца. Сначала онъ, видимо, не довѣряя намъ, не сдавалъ его, но плата за три мѣсяца впередъ — 55 руб. и объясненіе, что мы хотимъ поселиться въ Тобольскѣ изъ за дешевизны, побѣдили его и флигелекъ остался за нами. За позднимъ временемъ переѣздъ на квартиру отложили на завтра. Столоваться, по совѣту Р., рѣшили въ лучшей столовой, «Россія», очень дешевой сравнительно съ Москвой. Вечеромъ за ужиномъ мы познакомились со старшимъ Р. Его разсказы были совсѣмъ противоположны разсказамъ младшаго брата въ Москвѣ. Монархически настроенное населеніе-небольшой кружокъ интеллигентныхъ знакомыхъ, организація, готовая намъ помочь, бойскауты, готовыя перевозочныя средства—лошадей въ городѣ много. Со старшимъ бойскаутомъ обѣщалъ меня познакомить завтра. Въ разговорахъ засидѣлись до закрытія столовой въ 11 час.

За время поисковъ квартиры мы успѣли хорошо ознакомиться съ маленькимъ городомъ и, зная, что если сдѣлать небольшой крюкъ по пути къ нашему постоялому двору, можно пройти мимо дома Государя, мы рѣшили это сдѣлать, дабы ознакомиться съ ночной охраной дома.

Подойдя къ дому и замѣтивъ посты, мы хотѣли пойти по узкому переулку вдоль боковой ограды, какъ замѣтили выходящій оттуда навстрѣчу намъ патруль. Пришлось повернуть по улицѣ «Свободы» и прибавить шагу. Патруль слѣдовалъ за нами. Выйдя на базаръ, мы потеряли патруль изъ виду—должно быть, онъ повернулъ обратно. Обогнувъ кварталъ, мы подошли съ тыловой стороны двора дома, гдѣ были казармы охраны. Подошли къ полу-освѣщеннымъ окнамъ и заглянули. Всѣ, за исключеніемъ дневальныхъ, спали. Около винтовочной пирамиды стояло два пулемета.

На другой день перебрались на квартиру и устроили совѣщаніе. Рѣшено каждому выполнять свою задачу отдѣльно, попутно узнавая настроеніе населенія. По вечерамъ же докладывать другъ другу видѣнное для составленія сводки.

М., окончившій свою задачу въ пути, присоединился ко мнѣ. Хозяйственная жизнь распредѣлилась по способностямъ. Первымъ вставалъ я, приносилъ воды,

открывалъ ставни, подметалъ комнаты. М. топилъ печку, Г. ставилъ самоваръ. Тутъ же приступили къ вязкѣ соломенныхъ матовъ, т. к. матрацовъ не было; подушки замѣняли вещевые мѣшки.

Сводка за первые три дня: Большевистскаго переворота въ городѣ не было, комиссаръ Временнаго Правительства, по паденіи его, по собственному почину передалъ власть С. Р. и С. Д., состоящему изъ с.-д. меньшевиковъ, враждебно настроенныхъ противъ большевиковъ, и призывающему защищать Учр. Собраніе. Погоны гарнизонъ и милиція сняли на третій день нашего пріѣзда. Гарнизонъ —охрана Государя—300-350 ч. изъ Гвард. Стрѣлковой дивизіи, хорошо одѣтыхъ, выправленныхъ, представляющихъ собою серьезную силу. Мѣстная команда — постепенно разбѣгающаяся, грязная и оборванная — человѣкъ около 50.

Милиція—изъ старыхъ (частью) городовыхъ съ комиссарами изъ бывшихъ околоточныхъ — несущая отлично службу. Это наши враги. Въ городѣ нарождался «Союзъ фронтовиковъ», «проливавшихъ кровь» и «мерзшихъ въ окопахъ» и поэтому настроенныхъ большевистски и точащихъ зубы на охрану, «отожравшую морду на народномъ хлѣбѣ» и милицію, занявшую теплыя мѣста въ ущербъ фронтовикамъ, и на С. Р. и С. Д., идущихъ рука объ руку съ первыми. Подлаживаясь подъ ихъ настроеніе, мы скоро стали у нихъ на хорошемъ счету, чего нельзя сказать про охрану и приходилось даже избѣгать разговоровъ съ нею, т. к. она задавала вопросы съ цѣлью раскусить насъ. Настроеніе населенія по отношенію къ Царю скорѣе равнодушное, но во всякомъ случаѣ не злобное. Представленный мнѣ Р. глава монархической организаціи, старшій бойскаутъ, юноша 16-17 лѣтъ, смотрѣвшій на меня съ восторгомъ, познакомилъ меня со своими силами. Всѣхъ около 30 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ.

Отдѣльныя наши задачи: 1. Перевозочныя средства, изученіе курса всѣхъ ямщиковъ, количество лошадей у каждаго въ Тобольскѣ и далѣе по пути до Тюмени и Ялотурска. 2. Телеграфъ — трудности для захвата не представляетъ; достаточно 5-6 чел., т. к. выходъ одинъ. 3. Домъ Государя, помѣщеніе охраны, офицеровъ, постовъ, ихъ жизнь.

Послѣ 6-го декабря, когда на молебствіи дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе Царствующему дому, Царю и Семьѣ запрещено ходить въ церковь. Богослуженія совершались на дому.

Домъ двухъ-этажный, фасадомъ на ул. Свободы. Къ нему, по ул. Свободы, примыкаетъ ограда, деревянная, окружающая дворъ. Справа ограда упирается въ дома, слѣва идетъ до угла, затѣмъ заворачиваетъ, преграждая вдоль улицу, перпендикулярную къ ул. Свободы, и дѣлая изъ нея узкій переулокъ, и заканчивается у воротъ около входа въ казармы. Офицеры помѣщаются наискось, на противоположной сторонѣ ул. Свободы въ особнякѣ. Постовъ наружныхъ—I и II—у воротъ по бокамъ дома, III — по середине узкой улицы у ограды, IV—сзади у воротъ, у входа въ казарму. Днемъ проходъ свободный по тротуару близъ дома, ночью—по противоположной сторонѣ или по улицѣ. Къ узкой улицѣ примыкаетъ городской садъ. Хожденіе по узкой улицѣ и днемъ, и ночью.

Исполненіе плана удобнѣе было ночью. Темнота, позволяющая подобраться къ постамъ, сонъ большинства охраны, морозъ, не позволяющій людямъ выйти полураздѣтыми — давали намъ большія преимущества.

Нашъ минусъ—условія жизни маленькаго города: не можетъ пройти незамѣченнымъ появленіе новаго лица; за короткое время мы изучили почти всѣхъ мѣстныхъ. А т. к. мы ждали со дня на день прибытія гардемариновъ, вопросъ объ ихъ размѣщеніи становился наиболѣе острымъ. О Тобольскѣ и думать было нечего, надо было обратиться къ окрестностямъ.

Думая, что въ этомъ намъ могутъ помочь братья Р., мы рѣшили обратиться къ нимъ. Они въ этотъ день переѣзжали изъ гостиницы въ снятую ими комнату и просили зайти въ слѣдующій вечеръ. Отъ Р. мы отправились на базаръ за хозяйственными покупками. Возвращались обычнымъ путемъ, по узкой улицѣ

между городскимъ садомъ и дворомъ Государя. Надо сказать, что за оградой, почти вплотную къ ней находилась снѣжная горка, какъ разъ позади часового. Подходя къ посту, мы увидѣли на горкѣ стоящую женскую фигуру. Въ ней мы узнали Великую Княжну Татьяну Николаевну. При нашемъ приближенiи она быстро побѣжала внизъ и вернулась снова въ сопровожденiи Наслѣдника и трехъ сестеръ. Одѣты онѣ были въ сѣрыя спортивныя фуфайки, Наслѣдникъ—въ шинели съ погонами и медалями. Раньше мнѣ приходилось видѣть всю Семью. Впечатлѣнiе теперешней неожиданной встрѣчи съ часовымъ было и сильное, и иное. Трудно сказать, какiя чувства овладѣли мной да и моими друзьями. Молча дошли мы до дому и до самаго вечера не обмѣнялись ни словомъ. Передъ сномъ М., не одѣваясь, вышелъ и, несмотря на морозъ, пробылъ на дворѣ болѣе часу. Заснули мы лишь подъ утро, проворочавшись всю ночь.

Много спустя, мы всегда какъ то избѣгали говорить про наше святая святыхъ.

Придя на другой день къ Р., я засталъ ихъ сидящими у стола и что то рисующими. Не открылъ я еще рта, какъ они показали свои рисунки, изображавшiе людей въ одеждахъ временъ Iоанна Грознаго, и объяснили, что это будущая форма конвоя Государя, спасшаго Его, т. е. насъ. Тутъ же добавили, что они рѣшили везти Семью не въ Троицкъ, а на сѣверъ въ Обдорскъ, лежащiй на Обской губѣ. Я вышелъ изъ себя, наговорилъ имъ дерзостей. Указалъ, что до прiѣзда Начальника никто не вправѣ рѣшать, куда везти Государя, требовалъ отъ нихъ серьезнаго отношенiя къ дѣлу и т. д.

Вѣроятно, чтобы сгладить впечатлѣнiе, произведенное ихъ рисунками, они сказали, что удалось войти въ сношенiе съ Государемъ черезъ духовника, что Государь знаетъ о нашемъ прибытiи и цѣли и согласенъ, но при условiи вывоза всѣхъ состоящихъ при немъ, не желая бросать ихъ и боясь за печальныя для нихъ послѣдствiя. Послѣ мальчишества я бы не повѣрилъ Р., еслибы не правдоподобность ихъ разсказа объ условiяхъ Государя, бывшихъ въ его характерѣ, а также внимательное разсматриванiе насъ дѣтьми вчера со снѣжной горки.

Я напомнилъ Р. о цѣли своего прихода — о размѣщенiи гардемариновъ. они сказали, что были сегодня у Тобольскаго архiерея Гермогена и онъ посовѣтовалъ обратиться въ женскiй монастырь въ 7 вер. отъ города. Другихъ подходящихъ мѣстъ они не знали. Страннымъ показалось мнѣ мѣсто для гардемариновъ и я опять мало повѣрилъ, что такой совѣтъ исходитъ отъ Гермогена. Но дѣлать было нечего, надо было осмотрѣть монастырь. Я подѣлился своими впечатлѣнiями о Р. со своими друзьями, чѣмъ и привелъ ихъ въ удрученное настроенiе. Г. даже спросилъ меня, что «неужели не нашли послать поумнѣе». Послѣ обѣда на слѣдующiй день, захвативъ съ собой револьверы, не желая оставлять ихъ дома, мы шагали по дорогѣ къ монастырю. Я забылъ упомянуть, что уходя отъ Р., я спросилъ ихъ узнать черезъ духовника Государя, имѣются ли внутреннiя охраны и служба и расположеiне ихъ.

Монашки встрѣтили насъ болѣе, чѣмъ радушно, угощали чуднымъ монастырскимъ хлѣбомъ, квасомъ, отвели чистенькiй номеръ, принесли просфоръ. Радушiе это объяснилось за ужиномъ изъ разговора съ прислуживавшей монашкой. Дня два до насъ была попытка ограбить монастырь. И въ насъ, въ нашемъ разболтанномъ «товарищескомъ» видѣ они видѣли не молящихся, а грабителей и своимъ отношенiемъ хотѣли задобрить.

Передъ самымъ сномъ въ нашъ номеръ безъ стука ввалился полупьяный на видъ солдатъ. Начали насъ распрашивать, кто мы, откуда, говорилъ, что онъ тоже съ фронта. И солдатъ, и его хмель показались намъ подозрительными и намъ съ большимъ трудомъ удалось его выпроводить. Утромъ монашка разбудила насъ къ ранней обѣднѣ. М. и Г. пошли, а я остался, несмотря на усиленные уговоры монашки. По окончанiи обѣдни монашка заявила, что ей нужно мыть полъ и просила насъ пойти гулять. Мы и пошли искать помѣщенiе для

гардемариновъ. Какъ и слѣдовало ожидать, монастырь для этой цѣли не подходилъ. Мы думали, быть можетъ, что нибудь будетъ подходящее вблизи. На дѣлѣ же, внѣ ограды былъ одинъ жилой домъ. Не размѣщать же гардемариновъ въ монастырѣ!

Вернулись въ Тобольскъ вечеромъ и, не заходя домой, я направился къ Р. сообщить о неудачѣ.

Какъ было условлено, я постучалъ въ окно. Но стукъ изъ за окна выглянулъ младшій братъ и, быстро проговоривъ, «мы арестованы, на кухнѣ сидитъ милиціонеръ», — скрылся. Дѣло начинало принимать скверный ообротъ. Хотя мы еще за собой ничего не чувствовалъ, за что къ намъ можно прицѣпиться, но на всякій случай сговорились въ отвѣтахъ, на случай ареста, и рѣшили, что въ случаѣ ареста одного изъ насъ, другіе немедленно покидаютъ Тобольскъ. На другой день въ понедѣльникъ было 33° мороза и вѣтеръ. Г., плохо переносящій холодъ, не пошелъ на обычную прогулку на базаръ, а пошли М. и я. Возвращаясь, уже близко отъ дома мы увидѣли Г., идущаго намъ на встрѣчу въ сопровожденіи милиціонера, несущаго наши револьверы. Г. теръ уши и, подходя къ намъ, сдѣлалъ, не отнимая ладони отъ уха, какой то жестъ, понятый нами, что надо поговорить, на самомъ дѣлѣ, оказавшійся знакомъ, чтобы мы проходили. Мы же осатновились: «Митя, куда?». «Я арестованъ», отвѣтилъ онъ и прошелъ дальше. Не утихавшій вѣтеръ и морозъ не давали намъ собраться съ мыслями. Идти на квартиру — тамъ навѣрняка насъ ждетъ засада. Пришлось безцѣльно блуждать полъ часа до открытія столовой. Пойти въ другую—лишній шансъ для подозрѣнія, т. к. мы ежедневно обѣдали въ «Россіи». По принятому рѣшенію мы должны были уѣхать. Но арестованъ былъ Г., по природѣ смѣлый, но не изоворотливый, и нашъ отъѣздъ усугубилъ бы его положеніе.

Черезъ полчаса мы сидѣли въ столовой «Россія» и совѣщались. Отъѣздъ отложили и спрятали деньги въ мягкую мебель. Видно, что дѣло проиграно; изъ Москвы вотъ уже недѣля, какъ никакихъ вѣстей; Р. и Г. арестованы, очередь за нами. Передали все судьбѣ и принялись за обѣдъ. Насъ не заставили долго ждать. Только успѣли мы съѣсть первое, какъ вошли 5-6 милиціонеровъ въ сопровожденіи солдата. Солдатъ назвался членомъ С. Р. и С. Д., и объявилъ насъ арестованными. Насъ повели въ участокъ № 3, въ которомъ мы жили и прописались Тамъ уже былъ Г. Насъ разсадили по угламъ и по одиночкѣ стали вызывать для допроса. Допрашивалъ комиссаръ участка и арестовавшій насъ депутатъ. Допросъ и отвѣты на него сводились къ слѣдующему:

«Мы не офицеры, т. к. таковыхъ теперь нѣтъ, если хотите «бывшіе». Пріѣхали въ Тобольскъ изъ за дешевизны и спокойной жизни, какъ пунктъ, удаленный отъ жел. дороги. Хотимъ здѣсь остаться и искать работы. Съ Р. знакомы. Съ однимъ познакомились въ пути, съ другимъ здѣсь. Больше знакомыхъ нѣтъ. О пребываніи Государя знали, но не придавали этому значенія, думая, что это не можетъ нарушить жизнь». Отвѣты всѣхъ были аналогичны.

Отобравъ документы и подписку о невыѣздѣ, насъ отпустили. Дома нашли страшно напуганнаго нашимъ арестомъ старика-хозяина. Г. такъ разсказалъ о своемъ арестѣ: почти вслѣдъ за нашимъ уподомъ пришли 10 милиціонеровъ въ сопровожденіи солдата съ Георгіемъ — евреемъ. Первый вопросъ: «Есть ли револьверы?» Г. показалъ на мѣшки и револьверы были моментально взяты. Затѣмъ перетрусили вещи и, не найдя ничего, солдатъ, онъ же членъ С. Р. и С. Д., объявилъ Г. объ арестѣ. «За что?»—«Вы подозрѣваетесь въ ограбленіи монастыря». Такъ прошли мы первое испытаніе, но ясно, что впереди еще много.

Во вторникъ насъ вызвали въ сыскное отдѣленіе. Начальникъ отдѣленія и служащіе—еще дореволюціоннаго времени. Начальникъ отдѣленія повторилъ тотъ же допросъ и затѣмъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ всѣхъ трехъ и началъ неоффиціальную бесѣду. Сказалъ намъ, что подозрѣніе въ ограбленіи монастыря это лишь ширма, а насъ подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ Государемъ

и слѣдятъ за нами почти съ самаго пріѣзда или вѣрнѣе съ нашего ночного обхода дома Государя. Дѣлается это по приказанію Совѣта. Пьяный солдатъ въ монастырѣ — агентъ сыскного отдѣленія, произведшій обыскъ во время фиктивнаго мытья пола; похвалилъ, что Г. не скрылъ револьвера и что мы не скрывали то, что мы офицеры, т. к. у насъ нашли зубныя щетки и пасту. Арестъ Р. былъ вызванъ тѣмъ, что они при перемѣнѣ квартиры прописались въ томъ же участкѣ своей настоящей фамиліей, живя 4 мѣсяца подъ чужой. При допросѣ показали, что не знакомы съ нами, хотя насъ видѣли постоянно обѣдающими и гуляющими вмѣстѣ съ Р. Все это еще болѣе усиливало подозрѣнія противъ насъ. Сказалъ, что все наше дѣло находится въ Совѣтѣ и, пожелавъ благополучно выбраться изъ этой исторіи, сердечно пожавъ намъ руки, отпустилъ насъ.

Выходя, мы замѣтили отдѣлившуюся отъ угла фигуру, послѣдовавшую за нами въ почтительномъ отдаленіи. Итакъ, за нами слѣдили.

Послѣ обѣда допрашивали то же самое въ С. Р. и С. Д. предсѣдатель совѣта; арестовали насъ, какъ оказалось, члены слѣдственной комиссіи и солдаты охраны Государя. Ободренные пріемомъ н-ка сыскного отдѣленія, мы перешли въ наступленіе. Протестовали противъ обыска безъ ордера, возмущались подозрѣніемъ о связи съ Государемъ. Членъ слѣдственной комиссіи даже началъ извиняться за причиненное намъ безпокойство, объясняя все особенными условіями жизни въ Тобольскѣ изъ-за пребыванія Государя. Упорнѣе всѣхъ былъ солдатъ охраны, напиравшій на самое уязвимое мѣсто — ночной обходъ. Онъ зналъ и нашъ постоялый дворъ, и «Россію» и иронически спрашивалъ, почему мы выбрали такой кружной путь. Наши объясненія, что мы еще мало знали городъ и шли той же дорогой, что и днемъ, мало его убѣждали. Да еще перемѣна фамиліи Р. и ихъ отказъ отъ знакомства съ нами. Пришли домой въ сопровожденіи шествующей вдали благопріобрѣтенной тѣни. Исчезла она лишь съ наступленіемъ темноты. Немудрено, крѣпкій морозъ былъ нашимъ союзникомъ . На четвертый день, когда мы обѣдали, а нашъ неизвѣстный спутникъ тянулъ стаканъ чая, мы замѣтили обѣдающимъ новое лицо. Такого въ Тобольскѣ не было. Онъ насъ внимательно разглядывалъ. Когда мы вышли и пошли по одной сторонѣ улицы, а наблюдающій по другой, незнакомецъ догналъ насъ и попросилъ закурить. Во время закуриванія онъ спросилъ: «Вы не изъ Москвы?» «Да!» «Знаете Мишу (ротм. Л.)?» «Знаемъ». «Я отъ него къ Вамъ». Я указалъ на нашъ тылъ и добавилъ, что за нами слѣдятъ и сказалъ, чтобы онъ пришелъ вечеромъ въ «Россію». Онъ быстро завернулъ за уголъ и скрылся.

Вечеромъ мы и незнакомецъ сидѣли въ «Россіи» и ужинали, а за сосѣднимъ столомъ снова за стаканомъ сидѣлъ сыщикъ. Мы ломали голову, какъ переговорить съ посланнымъ. Сколько можно затягивали ѣду въ надеждѣ, что сыщикъ уйдетъ, но онъ потребовалъ второй стаканъ. Тогда я шепнулъ М.: «сидите на мѣстѣ», а посланному: «слѣдуйте за мной», и вышелъ. Расчетъ удался. Сыщикъ сначала поднялся, но увидя оставшихся М. и Г., растерялся и остался съ ними. Въ передней я сказалъ, чтобы посланный зашелъ къ намъ въ 10 час. вечера, когда все спитъ, далъ нашъ адресъ и вернулся въ столовую. Около 10 часовъ, убѣдившись, что слѣдившій ушелъ, я разставилъ на углахъ нашего квартала М. и Г. для наблюденія и сталъ ожидать посланца.

Онъ пришелъ аккуратно въ 10 и сообщилъ намъ, что 30 чел. во главѣ съ Л. прибыли недѣлю назадъ въ раіонъ Екатеринбургъ—Омскъ.

Но Троицкъ взятъ большевиками, изъ Москвы сообщили, что изъ-за отсутствія денегъ предпріятіе невыполнимо и что можно возвращаться. Его же съ этимъ послалъ Л. Я ему разсказалъ про насъ и посовѣтовалъ немедля уѣзжать.

Задача была признана невыполнимой, такъ сказать, оффиціально.

Утромъ насъ ждалъ пріятный сюрпризъ, милиціонеръ принесъ предписаніе покинуть Тобольскъ въ 24 часа. Срокъ былъ для нашихъ сборовъ слишкомъ

великъ и мы сказали, что сейчасъ же пойдемъ за лошадьми. Милиціонеръ обѣщалъ къ 12 часамъ доставить наши документы.

Заказали къ 12-ти тройку, сложились и ждали. Второй сюрпризъ былъ менѣе пріятенъ, вмѣсто миллиціонера явились въ нашу небольшую квартиру до 20 солдатъ охраны Государя, съ офицеромъ и со знакомымъ по первому аресту членомъ слѣдственной комиссіи.

На этотъ разъ предъявили ордеръ С. Р. и С. Д. на обыскъ и, въ случаѣ надобности, арестъ. Ордеръ предвѣщалъ мало хорошаго. Начиная обыскъ, вытрясли вещи, перетрусили соломенные маты, заглянули даже въ печку — ничего. Офицеръ приступилъ къ допросу, кто мы? какого полка? кто были начальники за время войны? гдѣ были на фронтѣ? гдѣ теперь стоитъ полкъ? Счастливая мысль поѣхать со своими фамиліями и съ документами своего полка давала намъ возможность отвѣчать безъ заминки. Это, видно, было не по сердцу допрашиваемому офицеру; онъ перечелъ наши отпускные билеты и заявилъ, что они неправильны, т. к., хотя и печати есть, но нѣтъ бланка полка въ верхнемъ правомъ углу. Я его ехидно спросилъ: «Вы производства военнаго времени? — «Да» — «Понятно, почему Вы плохо знакомы съ администраціей. На удостовѣреніяхъ и отпускныхъ билетахъ бланка не полагается». Онъ смутился, что можетъ быть это и такъ, но онъ все таки хочетъ быть увѣреннымъ въ подлинности нашихъ документовъ и предлагаетъ намъ составить телеграмму въ полкъ съ просьбой подтвердить документы и отослать черезъ С. Р. и С. Д. Такого хода мы не ожидали и растерялись. При отправкѣ телеграммы въ полкъ, изъ котораго всѣ три бѣжали — отвѣта утѣшительнаго ждать не приходилось. Наше замѣшательство не прошло незамѣченнымъ и, хотя мы, спохватившись, согласились послать телеграмму, попросивъ намъ время на обдумываніе ея, офицеръ объявилъ насъ арестованными пока на дому.

Оставивъ пять милиціонеровъ, всѣ ушли. А мы рѣшили, будь что будетъ, составили телеграмму и послали ее въ совѣтъ. Вечеромъ же принесли квитанцію.

Во время обыска мы услышали звонъ бубенчиковъ заказанной тройки, но не радостнымъ былъ онъ для насъ. Изъ разговора съ нашими тѣлохранителями узнали, что утромъ, еще до нашего обыска, Р. выслали. Такъ что они отдѣлались недѣлей ареста у себя на квартирѣ и высылкой. Г. скептически замѣтилъ: «дуракамъ счастье».

Утромъ насъ перевели въ участокъ номеръ 2 на улицѣ «Декабристовъ». Здѣсь мы устроились съ комфортомъ. Всего было три камеры. Первая—для пьяныхъ: темная и холодная, средняя—съ печкой и электричествомъ и третья—хотя и теплая, но безъ свѣта. Мы заняли среднюю. Холодная наполнялась обычно по праздникамъ. Правая камера почти ежедневно мѣняла своихъ обитателей. Многіе изъ нихъ сидѣли, по ихъ словамъ, ни за что, вродѣ одного, который «только татарина прирѣзалъ».

Заплативъ старшему милиціонеру, жившему съ семьей при участкѣ 25 руб. за мѣсяцъ, мы пользовались отъ него два раза въ день самоваромъ; онъ же ходилъ за обѣдомъ въ ближайшую харчевню. Разрѣшены были книги, газеты. Въ общемъ, если не какъ «дома», то сносно.

Изъ газетъ узнали о взятіи Двинска, причемъ нѣмцы обошли его съ сѣвера (т. е. возможно на участкѣ или близъ нашего полка, что должно было вызвать въ немъ панику). Эти новости были намъ на руку. Много было вѣроятія, что телеграмма не дойдетъ по адресу. Изъ газетъ же узнали, что въ Тюмень прибылъ карательный отрядъ для углубленія революціи и что онъ расправляется какъ съ «буржуями», такъ и съ меньшевиками. «Извѣстія тобольскаго С. Р. и С. Д.» были наполнены статьями возмущенія и протеста противъ дѣйствій карательнаго отряда.

Насъ начали часто посѣщать, узнавъ о нашемъ арестѣ, солдаты «Союза фронтовиковъ», выражая намъ свое сочувствіе по поводу ареста и обѣщая въ недолгомъ времени освободить.

Просидѣвъ недѣлю, мы вызвали чина слѣдственной комиссіи, указали ему на возможный разгромъ полка, вслѣдствіе чего телеграмма можетъ не дойти, и предложили послать новую въ штабъ дивизіи. Дѣлали это потому, что телеграмма, адресованная на штабъ, а не на комитетъ, попадетъ въ руки офицеровъ и тѣ дадутъ благопріятный отвѣтъ.

Потребовали также разрѣшенія прогулки и попутно снова стали возмущаться нашимъ арестомъ безъ опредѣленной вины. Въ особенности насѣдалъ М., съ огромной отросшей рыжей бородой, онъ внушалъ застѣнчивому нашему слѣдователю большое уваженіе. Онъ требовалъ суда и даже самосуда, къ которому мы де привыкли за время свободъ. Бѣдный слѣдователь успокаивалъ его, говорилъ, что онъ не большевикъ, самосуда не допуститъ, исполнилъ всѣ наши требованія и даже отъ себя разрѣшилъ ходить съ конвоемъ въ баню. Прогулки по двору участка и въ баню черезъ весь городъ разнообразили монотонную жизнь. Въ одну изъ такихъ прогулокъ по городу я встрѣтился съ генераломъ Татищевымъ (состоявшимъ при Государѣ), также съ конвойнымъ. Генералъ Татищева я встрѣчалъ еще въ 1915 году въ штабѣ 5 арміи въ Двинскѣ. Узналъ ли онъ меня или нѣтъ, но мы обмѣнялись взглядами.

Какъ то пришли фронтовики и разсказали, что вернувшіеся Члены Учредительнаго Собранія отъ Тобольска устроили въ кинематографѣ докладъ-митингъ. Присутствующіе вынесли резолюцію протеста противъ дѣйствій большевиковъ. Фронтовики, считая насъ своими, сожалѣли, что не было насъ, т. к. никто изъ нихъ не умѣетъ говорить и, несмотря на ихъ старанія, они успѣха не имѣли. Снова обѣщали насъ скоро освободить. Фронтовики натолкнули насъ на новую мысль для осуществленія нашего плана, т. е. устроить большевистскій переворотъ въ Тобольскѣ и стать во главѣ его. Удастся это, тогда всѣ препятствія будутъ устранены, изъ гардемариновъ или имъ подобныхъ можно создать красную гвардію или армію, какъ ее тамъ ни называть. Лошади, оружіе, деньги все можно будетъ добыть легальнымъ путемъ и ужъ не просьбами, а требованіями. И тогда уже легко повести борьбу съ отрядомъ охраны, замѣщая ее своими людьми. Шансовъ на успѣхъ было много. По ж. д. всюду большевики захватили власть; мѣстные совѣты небольшевистскіе очень робки. Если изъ Москвы прибудутъ наши, то стать во главѣ не трудно, а фронтовики считали насъ лучшими друзьями.

Въ связи съ нашими перспективами мы и начали дѣйствовать. Во время прогулокъ свели дружбу съ пожарными и все время проводили на каланчѣ въ соотвѣтствующихъ бесѣдахъ. Особенно сдружились съ однимъ, точившимъ зубы на судей, засудившихъ въ свое время его брата за убійство, и вмѣстѣ и съ судьями и на всѣхъ буржуевъ. Въ такой дѣятельности протекалъ уже скоро мѣсяцъ. Можно предполагать, что наши разговоры стали извѣстны С. Р. и С. Д., и они уже не знали кого видѣть въ насъ, монархистовъ или большевиковъ. А отвѣтной телеграммы ни на первую, ни на вторую все не было.

Наконецъ появился нашъ слѣдователь и поздравилъ насъ со свободой, т. е. съ высылкой изъ Тобольска. Отъѣздъ долженъ былъ состояться на другой день, пока же мы оставались въ участкѣ и ходили по городу съ конвоемъ. Въ городѣ, повидимому, о нашемъ арестѣ и освобожденіи знали, т. к. мы встрѣчали массу сочувственныхъ взглядовъ, главнымъ образомъ со стороны учащейся молодежи. Бойскауты постарались.

Предполагая новый трюкъ со стороны Совѣта, мы отправились туда; тамъ потребовали бумаги, и изложивъ все, сдѣланное съ нами, т. е. первый обыскъ безъ ордера, незаконный арестъ, мы апеллировали къ комитету стрѣлковаго полка, прося насъ, такихъ «передовыхъ людей», морально поддержать въ нашей обидѣ. Писали для того, чтобы окончательно убѣдить совѣтъ въ нашей не-

вииности, и потребовали, чтобы предсѣдатель совѣта подтвердилъ все своей подписью и печатью. Такъ какъ въѣздъ въ Москву былъ разрѣшенъ только по разрѣшеніямъ Совѣтовъ, то мы и потребовали таковыя. Требованія были исполнены и мы рѣшили провести послѣднюю ночь въ участкѣ.

Раннимъ утромъ мы уѣхали изъ Тобольска, оставляя тамъ свои надежды и отобранные револьверы.

Апелляція къ полковому комитету сейчасъ же при выѣздѣ была разорвана на клочки.

Часовъ въ 11 утра слѣдующаго дня мы подъѣзжали къ станціи Тюмень. Стоялъ поѣздъ, о радость, прямо до Москвы!.. Купивъ, при помощи разрѣшенія Тобольскаго совѣта, билеты, наполнивъ чайникъ кипяткомъ, запасшись огромной связкой баранокъ, мы, продрогшіе, ожидали, сидя въ вагонѣ, когда заварится чай. Но насъ неожиданно прервали. Въ вагонъ вошли обвѣшанные оружіемъ и пулеметными лентами матросы и, узнавъ, что мы изъ Тобольска и въ Москву, приказали слѣдовать за собой. Насъ привели къ поѣзду, стоящему на запасныхъ путяхъ. Ввели въ салонъ вагонъ — штабъ отряда. Отрядъ назывался 1-й Сѣверно-Карательный и состоялъ изъ матросовъ броненосца «Гангутъ». Почти ужъ мѣсяцъ онъ насаждалъ совѣтскую власть въ Тюмени, Омскѣ и воевалъ противъ Дутова у Троицка. Раздѣли до-гола, обыскали, отобрали деньги, очень кратко опросили и сказали, что участь наша рѣшится съ приходомъ комиссара, т. е. часа черезъ два. По тону и обращенію атмосфера была совсѣмъ иная, чѣмъ въ Тобольскѣ, ужъ по одному тому, какъ было сказано «а! офицеры», было видно, что этой вины было для нихъ достаточно. Да и новыя для насъ тогда выраженія, вродѣ «къ стѣнкѣ», не предвѣщали хорошаго. Отозвалось это и на настроеніи моихъ друзей. М. угрюмо молчалъ, смотря въ полъ. Г., сильно контуженный въ голову на войнѣ, нервничалъ, лицо его передергивало. Надо выворачиваться — думалъ я. Собравъ все спокойствіе, я завелъ разговоръ съ матросами. Начали съ разговоровъ о созданіи красной арміи. Когда мнѣ отвѣтили, что она успѣшно растетъ, я пустился въ критику. Говорилъ, что изъ нея ничего не выйдетъ, въ виду того, что пріемъ туда офицеровъ затруднителенъ, т. к. надо получить атестацію комитета прежняго полка. А вотъ, напр., мы, мы не большевики и въ политикѣ ничего не понимаемъ—профессіоналы и будемъ служить въ какой угодно арміи, лишь бы платили, другого труда мы не знаемъ, а гдѣ мы достанемъ атестацію, если нашъ полкъ разогнанъ нѣмцами. Напрасно они видятъ въ офицерахъ контръ-революціонеровъ, за нами народъ не пойдетъ, это ужъ достаточно видно изъ всей революціи. И такъ далѣе говорилъ въ этомъ родѣ. Намъ принесли наши чайники, баранки и предложили папиросъ. Стало легче на душѣ, клюнуло, думалъ я, и поднялась надежда на благополучный исходъ. Матросы разговорились, про свои бои съ Дутовымъ и другіе, разсказали, что сегодня ночью въ Тюмени ими арестованы бывшій премьеръ Временнаго Правительства кн. Львовъ, кн. Голицынъ и Лопухинъ, а насъ вѣроятно задержали какъ подозрительныхъ.

Сказали, что и у нихъ помощникъ комиссара офицеръ - мичманъ Павловъ. Въ этихъ разговорахъ не скажу, чтобы пролетало время, наоборотъ, оно тянулось убійственно и много надо было усилій, чтобы спокойно поддерживать бесѣду. Наконецъ, черезъ вагонъ прошелъ комиссаръ, юноша лѣтъ 19—20, за нимъ мичманъ Павловъ. Мы замолкли; не до разговоровъ, когда рѣшалась наша судьба. Вернулся мичманъ Павловъ и объявилъ, что мы свободны и вручилъ наши деньги и документы, кромѣ одного, не найденнаго тобольцами и давнымъ давно, еще съ 15-го года, застрявшаго въ обшлагѣ рукава удостовѣренія Г. на чинъ прапорщика. Г. и самъ о немъ забылъ и былъ очень удивленъ, когда при обыскѣ его извлекъ матросъ. Шопотомъ Павловъ сказалъ: «а этотъ я лучше порву».

Матросы окружили насъ, предлагали остаться у нихъ ночевать въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда и даже поступить въ ихъ отрядъ. Но мы отклонили

ихъ предложенія подъ предлогомъ, что намъ надо спѣшно въ полкъ, который, быть можетъ, бьется на фронтѣ.

Съ первымъ поѣздомъ, шедшимъ до Екатеринбурга, мы выѣхали.

Опасности пройдены, а на душѣ было скверно. Теперь невольно подводились итоги видѣннаго и пережитаго. Намъ, бывшимъ на мѣстѣ, было видно, что наша цѣль была вполнѣ осуществима, что не хватало организатора и средствъ. Такихъ людей, какъ мы, для развѣдки, информаціи и боя нашлись бы сотни.

Неужели же не могъ найтись организаторъ и деньги, деньги и деньги?

29 іюля 1922 года.

Въ Екатеринбургѣ

(Поѣздка за царскими бумагами)

Э. Диля

Въ концѣ мая 1918 г. западная Сибирь освободилась отъ власти большевиковъ при очень существенномъ содѣйствіи чеховъ. Сперва только полоса Сибирской желѣзной дороги отъ Челябинска и за Красноярскъ, а затѣмъ и вся область къ югу и сѣверу отъ магистрали сбросили иго. Образовалось Временное Сибирское Правительство; военныя дѣйствія русскихъ отрядовъ велись первоначально подъ руководствомъ полковника Гришина-Алмазова, вскорѣ произведеннаго въ генералы. Въ іюлѣ и августѣ 1918 г. Томскъ и Омскъ находились въ распоряженіи именно его. Когда, въ концѣ іюля, бѣлыя войска, распространяясь на западъ, взяли Екатеринбургъ, генералъ Гришинъ-Алмазовъ обратился къ Томскому Университету съ предложеніемъ командировать своего представителя въ Екатеринбургъ, чтобы онъ на мѣстѣ собралъ весь архивный матеріалъ, имѣющій отношеніе къ исторіи и судьбѣ бывшей царской семьи, и озаботился перевозомъ этихъ документовъ въ Томскъ, для наиболѣе безопаснаго храненія и сохраненія цѣнныхъ историческихъ памятниковъ (Томскій Университетъ былъ тогда единственный на всей территоріи Сибири).

Такъ какъ наши историки, которымъ естественнѣе всего было дать это порученіе, практически были внѣ предѣловъ досягаемости (они отправились на Алтай), а другіе члены ист.-фил. факультета, которые по смежности научныхъ интересовъ могли бы взяться за это дѣло, какъ близкое кругу ихъ занятій, не имѣли возможности выѣхать въ Екатеринбургъ — порученіе было дано мнѣ. Я тогда находился въ Омскѣ и по полученіи телеграммы отъ Томскаго Университета на другой день выѣхалъ по назначенію. Такъ какъ день отъѣзда какъ-разъ пришелся на праздникъ, я не смогъ получить открытый листъ подлежащихъ военныхъ властей и двинулся въ путь, вооружившись только письмомъ, телеграммой изъ Университета, завѣренными въ Омскѣ въ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, и телеграммой ген. Гришина-Алмазова на имя Университета съ просьбой командировать представителя въ Екатеринбургъ.

Еще въ Томскѣ мнѣ пришлось замѣтить, что контръ-развѣдка какъ будто не совсѣмъ на высотѣ; лица высшаго штабнаго командного состава говорили мнѣ, что сотрудники контръ-развѣдки не знаютъ нѣмецкаго языка, и разъ или два обращались съ просьбой перевести перехваченныя письма, писанныя по нѣмецки. Въ поѣздѣ я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ генераломъ инженерныхъ войскъ; мы разговорились, и, между прочимъ, я указалъ ему на эти недочеты въ организаціи

контръ-развѣдки. Въ Челябинскѣ генералъ исчезъ на нѣсколько минутъ въ помѣщеніи коменданта станціи; за пять минутъ до отхода поѣзда въ нашъ вагонъ зашелъ чешскій патруль провѣрить документы. У меня, ѣдущаго въ служебномъ вагонѣ, не оказалось открытаго предписанія; предъявленіе телеграммъ и письма (и паспорта, конечно) не помогло; какъ подозрительную личность меня сняли съ поѣзда и подъ конвоемъ отправили въ вагонъ чешскаго коменданта. Онъ принялъ меня очень сурово, но послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, во время котораго чешскій офицеръ просмотрѣлъ все содержаніе моего бумажника (въ немъ были м. пр. замѣтки по греческой нумизатикѣ и списки античныхъ монетъ, найденныхъ въ Сибири), — онъ убѣдился въ полной моей непричастности къ враждебному бѣлымъ или чехамъ шпіонажу и распорядился о немедленномъ моемъ освобожденіи. Оказалось кромѣ того, что у насъ съ нимъ были общіе нумизатическіе интересы.

Когда я вернулся на станцію, я долженъ былъ убѣдиться, что отсталъ отъ поѣзда. Всѣ гостиницы въ городѣ были переполнены; проведя ночь на вокзалѣ, я только на слѣдующій день могъ продолжать поѣздку.

Комендантомъ Екатеринбурга былъ генералъ Голицынъ; къ нему я отправился по прибытіи на мѣсто съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе при исполненіи порученія Томскаго Университета.

Генералъ встрѣтилъ меня весьма предупредительно, но оставилъ за собой право снестись съ Омскомъ для провѣрки моихъ полномочій. На другой день, получивъ подтвержденіе, онъ сообщилъ мнѣ, что вся царская семья, содержавшаяся подъ стражей въ домѣ Ипатьева, по взятіи Екатеринбурга бѣлыми, оказалась безслѣдно исчезнувшей, что наряду со слухами объ ея убійствѣ есть слухъ о бѣгствѣ членовъ семьи, и что члену суда И. А. Сергѣеву дано порученіе произвести слѣдствіе по этому дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ полную готовность предоставить мнѣ возможность ознакомиться съ вещами царской семьи, оставшимися въ распоряженіи властей, и распорядился познакомить меня съ членомъ суда Сергѣевымъ. Кромѣ того, меня познакомили съ мичманомъ Х., однимъ изъ главныхъ агентовъ екатеринбургской русской контръ-развѣдки (у чеховъ, охранявшихъ желѣзную дорогу, была кромѣ того своя организація), который параллельно съ дѣятельностью И. А. Сергѣева долженъ былъ производить самостоятельные розыски.

Мичманъ, молодой еще человѣкъ, охотно дѣлившійся своими наблюденіями, по существу ничего сказать не могъ. Повторныя бесѣды съ нимъ показали мнѣ однако кое-что другое, тоже не лишенное интереса. Прежде всего оказалось, что онъ — убѣжденный с.-р. и гораздо больше интересовался перипетіями образованія власти Сибирскаго Правительства, чѣмъ розысками по дѣлу объ убійствѣ. Затѣмъ, несомнѣнно, противъ или, вѣрнѣе, безъ намѣренія посвятить штатскаго въ закулисныя дѣла военной развѣдки, онъ назначалъ мнѣ свиданія въ помѣщеніяхъ контръ-развѣдки. И я долженъ сказать, что дѣло показалось мнѣ поставленнымъ не такъ, какъ, казалось бы, оно должно было быть поставлено. Чья-то оставленная контора, двери настежь, всякій желающій могъ приходить и видѣть или слышать все, что тамъ происходило. Охраны, тайны или конспиративности я не замѣтилъ. Съ другой стороны, онъ-же говорилъ мнѣ о томъ, что чья-то рука систематически вмѣшивается въ дѣла контръ-развѣдки. «Не проходитъ сутокъ, чтобы мы не находили кого-либо изъ нашихъ убитымъ предательской пулей изъ-за угла». Только цѣной большихъ жертвъ и усилій удалось наконецъ чехамъ ликвидировать организацію, обладавшую списками всѣхъ контръ-развѣдчиковъ и систематически «снимавшую» ихъ по-одиночкѣ въ пригодныхъ для тайной расправы мѣстахъ города.

Членъ суда И. А. Сергѣевъ согласился показать мнѣ домъ Ипатьева и не возражалъ, чтобы для меня были вскрыты кладовыя одного изъ банковъ, гдѣ хранился багажъ царской семьи, посланный ей вслѣдъ по ея выѣздѣ изъ Тобольска, не врученный ей въ Екатеринбургѣ и, до того дня, какъ я въ присутствіи члена суда Сергѣева и представителей коменданта города съ нимъ не ознакомился, никѣмъ изъ представителей власти не просмотрѣнный.

Наряду съ полной готовностью показать мнѣ домъ и вещи, хранящіяся въ банкѣ, И. А. Сергѣевъ заявилъ мнѣ, что онъ, ведя слѣдствіе по суд. уставамъ Александра II, не можетъ сообщить мнѣ результатовъ своего слѣдствія и долженъ отказать мнѣ въ просьбѣ ознакомиться съ вещественными доказательствами, пріобщенными уже къ дѣлу. На этой почвѣ я велъ съ нимъ упорную борьбу, но ничего не могъ добиться; даже вещи, хранившіяся въ кладовыхъ банка и не находившіяся ни въ какой связи съ Екатеринбургской судьбой царской семьи, онъ отказался передать на храненіе въ Томскій Университетъ. Существуетъ версія, что всѣ эти вещи впослѣдствіи были отправлены генераломъ Ноксомъ, членомъ англійской миссіи при Сибирскомъ Правительствѣ, въ Англію, въ распоряженіе королевскаго двора.

Осмотръ дома Ипатьева оставилъ во мнѣ очень непріятный осадокъ. Охрана дома была далеко не на высотѣ. Часовые гуляли по всѣмъ комнатамъ; бывали случаи проникновенія постороннихъ лицъ въ садъ, расположенный около дома.

При мнѣ усилили охрану; никто однако не можетъ поручиться, что домъ со времени взятія Екатеринбурга бѣлыми остался въ документальной неприкосновенности; по меньшей мѣрѣ я замѣтилъ нѣсколько надписей на стѣнахъ въ разныхъ помѣщеніяхъ, очень недавняго происхожденія.

Домъ Ипатьева примыкаетъ къ довольно большой площади. За домомъ расположенъ садъ; домъ-особнякъ стоитъ на покатомъ мѣстѣ; комнаты нижняго этажа, выходя окнами въ садъ, со стороны фасада (улицы) находятся подъ землей. Наверху расположены комнаты, въ которыхъ жила семья б. царя; внизу были кухня, людская и т. д. На мой вопросъ, насколько подробно зафотографированы домъ, садъ и комнаты немедленно по овладѣніи имъ бѣлыми и въ началѣ слѣдствія, членъ суда Сергѣевъ сообщилъ, что онъ не дѣлалъ снимковъ, но точнѣйшимъ образомъ описалъ весь домъ при составленіи акта судебнаго слѣдствія – мы были въ домѣ примѣрно черезъ двѣ недѣли послѣ взятія Екатеринбурга.

Первое, что мнѣ показали, когда мы вошли въ домъ, была челюсть (искусственные зубы), какъ утверждали всѣ — лейбъ-медика Боткина, найденная въ выгребной ямѣ. Комнаты были не очень высокія, но довольно просторныя. Повидимому, вся обстановка осталась въ томъ видѣ, какой она имѣла при исчезновеніи царской семьи. Въ залѣ на столѣ еще лежали тетради и учебныя книги наслѣдника — обыкновенныя, трепанныя, затасканныя и исчерканныя книги, ничѣмъ не отличавшіяся отъ имущества средняго, порядкомъ неряшливаго школьника. Въ одной изъ тетрадей — письменное упражненіе наслѣдника по французскому языку, со многими ошибками, отмѣченными синимъ карандашомъ. Какъ человѣку, причастному къ педагогическому дѣлу, мнѣ особенно бросилось въ глаза, что учебники далеко не принадлежали къ признаннымъ образцовымъ руководствамъ, составленнымъ передовыми педагогами, а являлись скромными учебничками скромнаго средняго достоинства.

Во всѣхъ печахъ было множество золы; наоборотъ, писемъ или дневниковъ не было видно. Нѣсколько иконъ, одна съ надписью Распутина на оборотной сторонѣ. Какого- либо безпорядка въ комнатахъ верхняго этажа не было замѣтно.

Внизу, въ просторной людской, на скамейкѣ подъ окномъ — большой нечищенный самоваръ. И здѣсь ничего особеннаго. Рядомъ, за небольшимъ проходомъ, комната среднихъ размѣровъ. И. А. Сергѣевъ, ничего о результатахъ своего слѣдствія не сообщавшій, здѣсь какъ-то проговорился и сказалъ, больше про себя, чѣмъ обращаясь ко мнѣ: «здѣсь вотъ произошла трагедія». Въ стѣнахъ противъ входной и единственной двери — цѣлый рядъ углубленій, получив-

шихся отъ вырѣзыванія пуль изъ бревенъ, образующихъ стѣны; слѣды и гнѣзда глубоко вонзившихся пуль хорошо видны, несмотря на то, что ихъ ножомъ выдолбили изъ стѣны. На полу — нѣсколько прямоугольныхъ отверстій; части пола выпилены, очевидно, чтобы пріобщить пятна крови къ дѣлу. Кое-гдѣ еще можно было замѣтить брызги крови на полу и на стѣнѣ. Слѣды пуль сидятъ въ стѣнѣ на различной высотѣ, выше и ниже уровня плечъ человѣка средняго роста; я насчиталъ больше восьми слѣдовъ.

Чемоданы съ вещами находились въ кладовыхъ, но, несмотря на внѣшне хорошую охрану, все же не во всѣхъ отношеніяхъ были въ полной безопасности. Кромѣ чемодановъ тамъ хранились иконы въ очень значительномъ числѣ, а также бумаги разнаго рода. Бумаги были сложены въ большія корзины изъ рѣдкаго плетенія; при мнѣ, во время перестановки нѣсколькихъ корзинъ, изъ нихъ выскользнули на полъ кое-какія бумаги, и никто этого не замѣтилъ; если бы я не обратилъ на это вниманія служащихъ, документы такъ бы и пропали.

Среди общей массы предметовъ выдѣлялись три группы: иконы, дневники и одежда. Одежда, бѣлье и обувь находились въ чемоданахъ. Ихъ при мнѣ вскрыли (впервые послѣ Тобольска, какъ очевидно было изъ состоянія уложенныхъ въ нихъ вещей) — и выяснили, что они содержатъ вещи не только членовъ царской семьи, но также придворныхъ и прислуги. Видно было, какъ первые чемоданы были уложены спокойно, съ большой тщательностью, какъ затѣмъ укладывавшіе стали торопиться все больше и больше, пока наконецъ дѣло не дошло до запихиванія самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ вещей въ полномъ безпорядкѣ. Книги чередовались съ сапогами, грязнымъ бѣльемъ, шляпами и т. д. Психологически интересно было выяснять владѣльца вещей по стилю ихъ; особенно рѣзко выдѣлялись вещи лакеевъ и горничныхъ среди благородныхъ и сдержанныхъ въ своемъ внѣшнемъ обликѣ вещей, принадлежащихъ членамъ царской семьи или представителямъ высшей придворной знати. Въ нѣкоторыхъ чемоданахъ встрѣчались вмѣстѣ тонкое кружевое бѣлье и характерные смокинги, перчатки и сапоги камердинера.

Книгъ было въ общемъ немного, если не считать изряднаго количества молитвенниковъ, дешевенькихъ брошюръ (напр. о св. Серафимѣ Саровскомъ), десятка учебниковъ и нѣсколькихъ книгъ литературнаго содержанія. На внутренней сторонѣ крышки одной изъ нихъ — «На горахъ» Мельникова-Печерскаго — характернымъ крупнымъ размашистымъ почеркомъ написано: *Читалъ въ Тобольскѣ Николай. 1918 годъ.*

Иконами былъ почти совершенно покрытъ большой столъ, метра въ три длиной. Здѣсь были и роскошныя иконы современнаго трафаретнаго письма въ богатыхъ окладахъ, и простенькія иконки, и доски довольно стариннаго облика (м. б. XVIII в.); цѣлый рядъ изъ нихъ съ посвятительными надписями.

Наибольшій интересъ, пожалуй, все-же представляли дневники. Ихъ было очень много. Прочитать цѣликомъ я успѣлъ только два изъ нихъ; въ остальныхъ могъ только бѣгло листать, а то и это не успѣвалъ дѣлать. Всѣ члены царской семьи и всѣ приближенные очевидно вели дневники. Б. Императрица дарила къ каждому новому году дочерямъ и придворнымъ дамамъ по дневнику. Это — книги изъ прекрасной плотной бумаги, съ золотымъ обрѣзомъ, въ красныхъ тисненыхъ золотомъ переплетахъ. Почти на всѣхъ — посвятительныя надписи; всѣ надписи безъ исключенія — англійскія. **To my dear Tanja, To my dear Mary** и т. д.; подпись **Alexandra.** Обстоятельства, при которыхъ я видѣлъ все это, не оставляли досуга для подробнаго ознакомленія съ содержаніемъ дневниковъ. Дневникъ наслѣдника, который за него вели попеременно его гувернеры, **Mr. Gibbs** и **Mr. Gilliard** — единственный изъ принадлежащихъ членамъ царской семьи, который я могъ прочитать цѣликомъ. Мѣняясь день за днемъ, французскій (г. Жильяръ) и англійскій (г. Джибсъ) наставники наслѣдника записывали,

каждый на своемъ родномъ языкѣ, внѣшнія событія жизни своего питомца за данный день.

«Всталъ рано. Завтракъ наверху. Въ часъ представлялся Государю. Въ четыре гулялъ въ паркѣ. Легъ въ 9 часовъ» — такъ примѣрно, съ варіантами, конечно, повѣствуютъ страницы книжки день за днемъ. Такъ какъ я прочиталъ дневникъ только одинъ разъ и по внѣшнимъ причинамъ не имѣлъ возможности списывать интересныя мѣста, я могу цитировать только приблизительно, безъ гарантіи за документальность, но думаю, что приведенный образчикъ вѣрно передаетъ характерный обликъ дневника. Прочнѣе другихъ запомнились такія характерныя фразы, часто встрѣчающіяся, какъ **Up late, levé de bonne heure, couché à 9 heures** и т. д. Состояніе здоровья отмѣчается очень тщательно, но я не помню, чтобы тамъ встрѣчались детали медицинскаго ухода.

Вещи въ кладовыхъ я видѣлъ два раза. Пользуясь тѣмъ, что мои спутники не меньше моего заинтересовались вещами, особенно книгами (писемъ я почти не видѣлъ — впрочемъ, нѣкоторыхъ шкатулокъ не вскрывали), я тайкомъ спряталъ въ карманъ дневникъ въ видѣ скромненькой записной книжки въ восьмую долю листа, въ клеенчатой обложкѣ. Вечеромъ я скопировалъ его въ своемъ номерѣ гостиницы и на другой день, при повторномъ посѣщеніи кладовыхъ, столь же незамѣтно водворилъ дневникъ на старое мѣсто. Дневникъ обнимаетъ собой время отъ 1 января по 4 мая 1918 года. Онъ написанъ дамой, не вполнѣ корректно владѣющей русскимъ языкомъ (напр. «перевезти» вмѣсто перевести), прожившей съ царской семьѣ все время тобольскаго заключенія подъ одной крышей.

Повидимому, дневникъ этотъ писала гофъ-лектрисса Э. Шнейдеръ.

Среди вещей можно было замѣтить нѣсколько обрывковъ бумаги съ текстомъ, писаннымъ на машинкѣ. Это — остатки приказовъ по царскосельскому дворцу эпохи первыхъ мѣсяцевъ послѣ февральскаго переворота. Помню кусочекъ регламента, что въ будни должны подаваться къ обѣду пять блюдъ, а въ праздники – семь, со спецификаціей или какимъ-то подобіемъ табели о рангахъ (для кушаній); въ одной изъ корзинъ оказалась, между прочимъ, екатеринбургская газета, изданная еще до взятія города и повѣствующая объ убійствѣ всей царской семьи. Помню также нѣсколько писемъ, адресованныхъ Императрицѣ; въ одномъ изъ нихъ пишущая благодаритъ ее за высокую милость, оказанную ея дочери . Письмо это я читалъ; въ немъ, однако, не говорится, какую же, собственно, милость оказала Императрица.

Судьбой б. царской семьи интересовались не только представитель судебнаго вѣдомства и контръ-развѣдка. Въ одно изъ своихъ посѣщеній коменданта города, съ которымъ я велъ переговоры о выдачѣ дневниковъ и другихъ документовъ Томскому Университету, я узналъ отъ сына генерала, съ которымъ я бесѣдовалъ въ ожиданіи пріема, что ведется еще особое слѣдствіе, приведшее къ выводу о несомнѣнной смерти членовъ царской семьи. «Мы ведемъ *свое* разслѣдованіе, сказалъ онъ мнѣ, и выяснили, что Государь и его семья убиты».

Состояніе подвальной комнаты, въ домѣ Ипатьева, слова, которыя нечаянно проронилъ И. А. Сергѣевъ, наконецъ—конфиденціальное сообщеніе генерала Голицына, — все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что вся царская семья дѣйствительно убита.

ДОКУМЕНТЫ

Тобольскій дневникъ

одной изъ приближенныхъ къ Царской Семьѣ[1])

(Клеенчатая записная приходо-расходная книжка; страницы не просчитаны; новая страница обозначается *)

1918 г.

* Январь

1-го Янв. Были у обѣдни въ 8 час. утра всѣ кромѣ О. Н. и Т. Н. (у нихъ краснуха). Служилъ другой священникъ. (Настоятель Собора О. Владиміръ Хлыновъ).

3-го Янв. Изу все не пускаютъ въ домъ I; солдаты даже поднимали вопросъ о ея выселеніи изъ дома Корнилова. Она ищетъ квартиру.

5-го Янв. Въ 3 часа была вечерня съ водосвятіемъ. У М. Н. тоже краснуха. У Алексѣя Ник. была очень легкая; уже прошла.

6-го Янв. Были утромъ въ церкви. Государь былъ въ пальто безъ погонъ. Солдаты всѣ эти дни скандалятъ по этому поводу, требуя, чтобы всѣ снимали ихъ. Служилъ тотъ же священникъ. О. Алексѣй вернулся изъ Абалапа, но служить еще не можетъ (!).

* Январь

11-го. По требованію солдатскаго комитета Иза должна была выѣхать изъ дома Корнилова и переѣхать въ двѣ комнаты на Рождественской улицѣ.

14-го. Въ церкви не были. Солдаты постановили пускать въ церковь только по двунадесятымъ праздникамъ. Была обѣдница дома въ 11½. Вечеромъ „Les deux timides".

18-го. На дняхъ пріѣхала первая партія солдатъ (11 человѣкъ въ 4-ый полкъ) на смѣну. Послѣдніе дни много разговоровъ относительно постановленія охраны спирта (обѣщано до 400 руб. каждому солдату).

21-го. Вчера и сегодня служба дома. Вечеромъ A la porte (Т. Н. и Mr. Giliard)

27-го. По постановленію солдатскаго комитета Панкратову и Никольскому предложено покинуть домъ Корнилова и сдать должность. Комендантъ и офицеры утверждены. Относительно охраны спирта ничего еще не рѣшено, повидимому ничего не будетъ.

---

[1]) Вѣроятно, гофъ-лектриссы Шнейдеръ. (См. стр. 297).

28-го. Была утромъ въ церкви (съ солдатомъ, конечно). Всенощная и обѣдница были дома. О. Алексѣю все еще не разрѣшено служить (солдатскимъ комитетомъ?!) даже въ его церкви. Вечеромъ LaBêteNoire (Татищевъ, О. Н., Т. Н., М. Н. и я). Въ Корниловскомъ домѣ, послѣ отъѣзда Панкратова и Никольскаго поселены (внизу) Матвѣевъ (новоиспеченный офицеръ 2-го полка, большевикъ) и Кирѣевъ (предсѣдатель солдатск. комитета).

* Январь

Третьяго дня комитетъ послалъ телеграмму, прося прислать сюда комиссара большевистскаго правительства. Вчера въ мѣстныхъ телеграммахъ было извѣстіе о прекращеніи войны съ Германіей, Австріей и Болгаріей, и распущеніи арміи, но одновременно съ этимъ мирныя условія Троцкимъ не подписаны (?!). Тутъ же напечатанъ приказъ Крыленко погромнаго характера, о распущеніи арміи и проч.

* Февраль

1-го. (Установленъ новый стиль, но продолжаю по старому). Вчера и сегодня уѣхала партія солдатъ изъ самыхъ хорошихъ 4-го полка. Нѣсколько человѣкъ, тоже изъ хорошихъ, уѣхали нѣсколько дней тому назадъ (вслѣдствіе роспуска годовъ ихъ призыва). Изъ Петрограда отказались прислать сюда комиссара.

2-го. Солдатскій комитетъ не позволилъ Имъ и сегодня пойти въ церковь. Обѣдница была въ залѣ. Вчера дома всенощная. Ал. Ник. три дня лежалъ: подбилъ ногу. Сегодня всталъ.

* Февраль

4-го. Вчера и сегодня служба дома. Вечеромъ „A la porte" (Т. Н. и Mr. Giliard) и „Packing up" (М. Н., А. Н. и Ал. Н.).

7-го. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Объявлена всеобщая мобилизація (!). По слухамъ нѣмцы взяли Ревель, Рѣжицу, Луцкъ и Ровно. Говорятъ въ Иркутскѣ японцы, и тамъ полный порядокъ.

10-го. Комендантъ получилъ телеграмму, отъ комиссара надъ имуществами Карелина, что изъ упраздненнаго министерства двора больше никакихъ суммъ на жизнь Царской Семьи выдавться не будетъ и постановлено, изъ числа ихъ личныхъ суммъ выдавать имъ (по установленному для всѣхъ положенію) по 150 р. въ недѣлю или

* Февраль

600 р. въ мѣсяцъ на человѣка. Государство даетъ только квартиру (губернаторскій и Корниловскій дома), освѣщеніе и отопленіе и солдатскій паекъ (!).

11-го. Вчера и сегодня службы дома. Вечеромъ „Fluide de John" (2-й разъ) и „In and out of a punt" (Т. Н. и Mr. Gibbs).

12-го. По агентскимъ телеграммамъ приняты совнаркомомъ мирныя условія (унизительныя) тѣмъ не менѣе военныя дѣйствія нѣмцами продолжаются. Вчера и сегодня уѣхали три большія партіи солдатъ нашего отряда. Изъ 350 чел. пріѣхавшихъ съ нами останется всего приблизительно человѣкъ 150. Жаль, что уѣхали лучшіе.

* Февраль

14-го. Взятъ Псковъ. Вчера говорили упорно о взятіи Петрограда.

16-го. Новыя условія хозяйства (уволено 11 человѣкъ служащихъ, большія сокращенія во всемъ).

18-го. Служба дома вчера и сегодня. Вечеромъ The royal Gazer (Mr. Gibbs и М. Н.) и «Медвѣдь» Чехова.

20-го. Вчера вечеромъ солдаты срыли ледяную гору (постановленіе комитета). По слухамъ большія безпорядки въ Тюмени.

26-го. Служба дома вчера и сегодня. Священникъ и пѣвчіе предложили даромъ служить. Въ Тюмени восе успокоилось. Вечеромъ „Packing up“ (М. Н. и А. Н.).

* Мартъ

3-го. Солдатскій комитетъ (послѣ долгихъ обсужденій) постановилъ разрѣшить Царской Семьѣ пойти въ среду, пятницу и субботу утромъ въ церковь. Въ отрядѣ всего осталось приблизительно 150 человѣкъ. Уѣхалъ тоже нѣкоторое время тому назадъ, офицеръ 1-го полка Мяснянкинъ (его замѣняетъ солдатъ) и пріѣхавшій съ нами членъ Ц. С. совдепа Пурнякъ. Солдатамъ надоѣло насъ сопровождать на прогулкахъ (я почти не выходила, Татищевъ только ходилъ къ дантисткѣ, гулялъ больше Долгорукій и Жильяръ); они

* Мартъ

хотѣли лишить насъ вовсе прогулокъ, но потомъ разрѣшили намъ выходить на 2 часа разъ въ недѣлю безъ солдата (!).

10-го. Всѣ вмѣстѣ сегодня Пріобщались. Три раза были въ церкви на недѣли: остальныя службы были дома безъ пѣвчихъ. Пѣли Императрица и Дочки, подъ управленіемъ діакона.

12-го. Пріѣхалъ изъ Омска большевистскій комиссаръ (Дутманъ).

13-го. Пріѣхали изъ Омска сто красногвардайцевъ для охраны города. Комиссаръ переѣхалъ въ Корниловскій домъ.

15-го. Изъ Тюмени прибыли 50 красногвардейцевъ.

22-го. Тюменскіе красногвардейцы

* Мартъ

по требованію Омскихъ уѣхали. Послѣдніе пока, себя держатъ хорошо; отрядъ тоже. Весна въ разгарѣ (на солнцѣ вчера дошло до 21°).

25-го. Вчера всенощная дома. Сегодня въ 8 ч. утра обѣдница (въ церковь не пустили) безъ пѣвчихъ; пѣли Императрица и дочки подъ управленіемъ діакона.

26-го. 3 члена совдепа приходили осматривать Корниловскій домъ (все хотятъ его занять).

28-го. Вчера вечеромъ былъ большой переполохъ, по поводу того

* Мартъ

солдаты отказались пустить въ домъ № 1 чрезвычайнаго комиссара (недавно тоже прибывшаго изъ Омска) Дементьева. Вслѣдствіе выраженной послѣднимъ угрозы можно было ожидать столкновенія красногвардейцевъ съ нашимъ отрядомъ. Нашъ отрядъ вооружился и принялъ всѣ мѣры для защиты. Слава Богу, обошлось мирно, послѣ разговора Дементьева съ солдатами (выяснилось, что угрозы даже не было, а была вызвана что-то вродѣ тревоги для провѣрки охраны). Говорятъ о нашемъ переводѣ или въ архіерейскій домъ

* Мартъ

или въ Іоанновскій мон. (для безопасноси, когда начнется навигація).

29-го. Сегодня утромъ Дементьева допустили осмотрѣть дворъ и караулы (въ домъ онъ не входилъ).

30-го. Пришла изъ Москвы бумага (привезъ посланный отсюда солдатъ) съ приказомъ перевезти насъ изъ Корниловскаго дома въ Губернаторскій. Съ трудомъ и потѣснившись, нашли мѣсто въ нижнемъ этажѣ. Получила разрѣшеніе вмѣсто Паулины, взять съ собой въ одну комнату Виночку. Вечеромъ мы переѣхали. Алексѣй Ник. заболѣлъ.

* Мартъ

31-го. Солдатскій комитетъ осматривалъ людскія комнаты, съ тѣмъ, чтобы перевезти въ домъ и всѣхъ людей, которые жили на сторонѣ. Прислугѣ запрещенъ тоже выходъ изъ дома. Вообще приказано завести Царскосельскій режимъ. Вчера простилась съ Изой, которую не могу больше видѣть. Только докторовъ, пока свободно впускаютъ и выпускаютъ изъ дома. Прибыли 60—70 красногвар-

дейцевъ въ городъ. Говорятъ идутъ около 300 чел. для пополненія нашего отряда изъ Москвы.

* Апрѣль.

1-го. Комиссія осматривала домъ.

8-го. Пришла телеграмма изъ Москвы, одобряющая рѣшеніе отряднаго солдатскаго комитета о снятіи Государемъ погонъ.

10-го. Пріѣхавшій вчера комиссаръ Яковлевъ былъ сегодня утромъ въ домѣ. Съ нимъ прибылъ отрядъ въ 150 чел., набранный по дорогѣ. Никакого Московскаго отряда говорятъ не будетъ. Чрезвычайный комиссаръ (по Тобольской губ.) Дементьевъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ.

12-го. Комиссаръ Яковлевъ пришелъ въ 2 ч. объявить, что Государь долженъ уѣхать съ нимъ въ 4 часа утра; онъ не можетъ сказать куда.

* Апрѣль

12-го. (Вѣроятно по догадкамъ въ Москву и потомъ м. б. заграницу). Предполагалось ѣхать всѣмъ, но изъ-за болѣзни Алексѣя Николаевича этого нельзя. Императрица рѣшила ѣхать съ Нимъ; Марія Ник. тоже ѣдетъ съ Ними. Остальные остаются здѣсь до поправленія Ал. Ник. и до перваго парохода. Богъ дастъ недѣли черезъ три поѣдемъ вслѣдъ. Комиссаръ Яковлевъ вернется за ними сюда. Татищевъ остается здѣсь. Долгорукій и Папкинъ ѣдутъ съ Государемъ. Изъ прислуги ѣдутъ только Чемадуровъ, Сѣдневъ и Демидова. Для охраны 5 стрѣлковъ и офицеры Набоковъ и Матвѣевъ. Остальные стрѣлки и Пом. Кобылинскій остаются здѣсь. Ужасная ночь. Въ 4 часа Они уѣхали. Экипажи ужасные (до Тюмени 285 верстъ).

* Апрѣль

15-го. Были два раза извѣстія съ пути. Сегодня утромъ — о благополучномъ прибытіи въ Тюмень (вчера въ 9 час. вечера). Поставили въ залѣ походную церковь и была отслужена обѣдня (пѣли 5 монашекъ). Днемъ былъ крестный ходъ по городу. Епископъ Гермогенъ арестованъ.

16-го. Были утромъ извѣстія о благополучномъ слѣдованіи въ поѣздѣ, но неизвѣстно куда и неизвѣстно откуда.

20-го. Три дня нѣтъ извѣстій. Алексѣй Ник., слава Богу, лучше; третьяго дня вставалъ.

* Апрѣль

Два раза въ день службы въ походной церкви. Вчера съ дѣтьми Пріобщались. Вечеромъ пришло извѣстіе (телегр. Матвѣева), что застряли въ Екатеринбургѣ. Никакихъ подробностей.

22-го. Заутреня и обѣдня въ залѣ (въ походной церкви) потомъ разгавливаніе (О. Н., Т. Н., А. Н. Татищевъ, Трина, В. Н. Деревенько, я, Кобылинскій, Аксюта (пом. коменданта) и Кл. Мих. Битнеръ). Никакихъ извѣстіи.

23-го. Въ 11 час. обѣдня.

24-го. Пришли письма изъ Екатеринбурга. Днемъ (съ первымъ пароходомъ) пріѣхали изъ Екатеринбурга Набоковъ, Матвѣевъ.

* Апрѣль

и 5 стрѣлковъ сопровождавшихъ.

27-го. Были письма изъ Екатеринбурга. Пріѣзжалъ Хохряковъ — предсѣдатель здѣшняго совдепа (переходимъ въ вѣдѣніе совдепа).

23-го Обѣдня и всенощная. За всенощной присутствовалъ Хохряковъ.

* Май

3-го. Хохряковъ приходитъ по нѣсколько разъ въ день, видимо, очень торопится съ отъѣздомъ. Приходилось ждать, изъ за здоровье Ал. Ник., который медленно поправляется, но, слава Богу теперь лучше; второй день выходитъ.

4-го. «Отрядъ» замѣненъ красногвардейцами.

Последние дни последнего царя *)

Уральские рабочие горды не только своими активным участием в пролетарской революции, но и тем, что на горах Урала, в глубоких его недрах лежат ничтожные остатки тирана, заплатившего жизнью за вековой гнет и произвол своих предков над русским народом, над рабочими и крестьянами обнищавшей и окровавленной страны.

Казнь Николая Романова и его семьи, совершенная рабочими Урала в Екатеринбурге, для широких масс трудящихся прошла мало заметно. Уральские пролетарии в дни казни бывшего царя были заняты организацией обороны родного Урала.

В беспрерывном грохоте битв, в течение лет потрясавших еще не окрепший организм Советской России, не было времени остановиться на этом эпизоде рабочей революции.

Теперь же, подводя четырехлетние итоги борьбы уральских рабочих за коммунистическую революцию, своевременно будет вспомнить о тех обстоятельствах, которые сопровождали послѣдние дни последнего царя.

I

Арестованный Временным Правительством Николай Романов и его семья были заключены первоначально под домашний арест в одном из дворцов Царского Села. Под влиянием растущего возмущения рабочих, солдат и матросов по отношению к семье Романовых, как олицетворению старого самодержавного строя,

---

*) Печатаемый ниже документъ является перепечаткой стр. 3-29 сборника, вышедшаго въ Екатеринбургѣ подъ заглавіемъ «Рабочая революція на Уралѣ». Сборникъ этотъ вышелъ въ концѣ 1921 года въ количествѣ 10000 экз., но вскорѣ послѣ выхода былъ конфискованъ и уничтоженъ.

Въ предисловіи къ указанному сборнику говорится, что статья «Послѣдніе дни послѣдняго царя» написаны П. М. Быковымъ, предсѣдателемъ Екатеринбургскаго Совѣта и что она является сводкой «бесѣдъ съ товарищами, принимавшими то или иное участіе въ событіяхъ, связанныхъ съ переводомъ Романовыхъ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ и ихъ разстрѣломъ».

Несмотря на свою грубую тенденціозность, настоящая сводка является цѣннѣйшимъ историческимъ документомъ ввиду того, что она служитъ единственнымъ показаніемъ лицъ, принимавшихъ непосредственно участіе въ подготовкѣ и разстрѣлѣ Царской семьи, какъ и единственнымъ печатнымъ свидѣтельствомъ большевиковъ о разстрѣлѣ всей Царской Семьи.

Временное Правительство решило отправить «царственного узника» подальше, в глубь страны. Таким местом избран был Тобольск, родина старого друга и «молитвенника» семьи Романовых — Распутина, вотчина его ставленников и сподвижников.

Здесь враги народа пытались сохранить последыша самодержавия. Они надеялись с помощью соглашателей влезть вновь на спину трудящихся, реставрировать-подновить трон самодержавия и посадить на него Николая Романова, как своего ставленника, как верного защитника буржуазии и помещиков.

4 августа 1917 года специальный поезд, сопровождаемый двумя членами Временного Правительства, с особым отрядом охраны, привез царскую семью и всю его челядь в Тюмень, откуда пароход доставил их в Тобольск.

II

В октябрьские дни 1917 года низвержение еще одного самодержавия, самодержавия буржуазии, естественно отвлекло внимание от личности самодержца, низвергнутого в февральские дни. В тобольской глуши жил он со своей семьей, тая чувство мести к рабочим и крестьянам России, разрушившим старый строй произвола и рабства, лелея надежду вновь его восстановить.

Но уже вначале зимы 1917 года в столичной, преимущественно буржуазной печати начали появляться материалы о жизни Романовых в Тобольске и о концентрации вокруг них контр-революционных элементов.

Ряд провокационных сообщений о бегстве и о похищении бывшего царя заставил насторожиться Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, местные советы и особенно Уральский Областной Совет. Отрывочные сведения, доходившие из глуши Тобольска, невольно заставляли думать, что как русские, так и, главным образом, заграничные контр-революционные круги подготовляют бегство Николая Романова и его семьи, и реставрацию его кровавой власти с помощью европейских коронованных родственников и сторонников старого режима.

Между прочим, ко времени перевода семьи Романовых в Тобольске оказался известный черносотенец — епископ Гермоген. И он начал здесь работу по подготовке новой смуты вокруг бывшего царя.

«Известия В. Ц. И. К.» в свое время сообщали о работе епископа Гермогена следующее:

«Притихший было в первые месяцы революции, этот иезуит вновь принялся за свою черную работу. Гермоген устроился в Тобольске, где он поставил себе целью очистить город от распутинско-варнавинского духа».

Однако, он и не думал этой очисткой заниматься, а все время вел с Петроградом какие-то переговоры. Вполне возможно, что в результате этих переговоров царская семья была водворена именно в Тобольск.

Тобольскому совету совместное жительство таких двух особ, как Николай и Гермоген, казалось недопустимым и им были предприняты меры к переводу последнего из Тобольска. Это ни к чему не привело. На все запросы получался категорический ответ: «нельзя». Тогда был установлен надзор за сношениями между домом «Свободы», где сидели Романовы, и архиерейским. Но паутина была так тонка, что обнаружить ее не представлялось возможным. А тем временем шла какая-то игра. Неизвестными корреспондентами посылались в столичные газеты ложные сообщения о положении семьи Романовых, о побеге Николая и т. д.

Вообще, пускались пробные шары: отыскивался тот общественный слой или та группа, на которую можно было бы положиться в деле, если не освобождения Николая, то создания около его имени смуты.

Первый, видимый для Тобольска, шар был пущен в ноябре в виде раздававшихся в соборе и распространявшихся среди солдат листков с призывом: «помочь царю-батюшке постоять за веру русскую, православную».

Вторым шаром было произнесенное в Благовещенской церкви, в присутствии Николая и его семьи, величание «его величества». Величал дьякон Евдокимов, по его словам, по приказу священника Васильева.

По этому поводу был запрошен Гермоген, который об'яснил: «так как, по данным священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страны бывшие короли, цари, императоры и т. п., не лишаются своего сана, как такового, и соответственных ему титулов, то поступок о. Алексея Васильева я не могу считать и не считаю преступным».

Тем временем в Тобольск, под видом «отдыха», стали с'езжаться неизвестные офицеры, жившие под чужими паспортами. Один из них, Раевский, был у Гермогена и передал ему письмо бывшей императрицы Марии, которая, между прочим, писала: «Владыка, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь, - это предзнаменование. Теперь настал черед тебе спасать родину: тебя знает вся Россия, — призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое во спасение многострадальной России».

И Гермоген, действительно, начинает снова «прославляться».

III

На одном из февральских заседаний Уральского Областного Совета поднят был вопрос о переводе Романовых из Тобольска в более надежное место и о немедленном принятии мер для предупреждения возможности побега Николая Романова.

Тобольск входил в район ведения Западно-Сибирского Совдепа и Уралсовет предполагал первоначально с ним выяснить вопрос о переводе Романовых в Екатеринбург.

Для ведения этого дела выделена была специальная «тройка», в составе товарищей: Дидковского (заместитель председателя Уралсовета), Войкова и и Хотимского.

В целях предупреждения побега Романовых из Тобольска решено было в первую очередь поставить заставы на возможных путях бегства Романовых на север. Из Надеждинска прямым путем в Березов отправлена была группа в 5 человек надежных рабочих, с тов. Сапожниковым во главе. Заставы были поставлены также и в пунктах — в Голышманове и затем севернее Тобольска, на путях к Омску. Всем отрядам были даны инструкции следить за проезжающими из Тобольска, а в случае, если приметы подозрительных лиц будут подходить под приметы Романова, таковых задерживать, при сопротивлении убивать.

Однако, надежда на эти отряды, как выяснилось впоследствии, не оправдалась: Березовский отряд, наиболее надежный, вскоре был арестован и освободился только тогда, когда надобность в нем миновала; голышмановская группа оказалась недостойной возложенной на нее задачи, а один из ее членов расхвастался даже о том, что они посланы «царя убивать». Реакционное купечество арестовало отрядников и двое из них были убиты.

О мерах, принимаемых Уралсоветом для предупреждения бегства Романовых, узнал Запсибсовдеп: начались переговоры с ним о вывозе Романовых из Тобольска. Запсибсовдеп, учитывая ненадежность пребывания Романовых в Тобольске, склонялся к переводу их в Омск.

Одновременно велись переговоры с В. Ц. И. К. и персонально с председателем его, Я. М. Свердловым. Уралсовет указывал на необходимость перевода Николая Романова в Екатеринбург.

В то же время для более надежного осведомления о положении дел на месте в Тобольске и подготовке почвы для перевода семьи бывшего царя в Екатеринбург, Уралсоветом были командированы туда товарищи: Авдеев (рабочий Злоказовского завода), Хохряков (матрос) и Заславский (рабочий Надежинского за-

вода). Задача заключалась в ознакомлении с обстановкой, окружавшей Романовых, коммунистической пропаганде и влиянии на местный совдеп.

Эти товарищи в начале марта выехали в Тобольск с подложными документами, без обозначения прямой задачи поездки, так как имелись сведения о ненадежности как Тобольского Совета, так и охраны семьи Романовых, все еще состоявшей из гвардейцев Керенского, не желающих принципиально иметь с большевиками никакого дела.

IV

Уполномоченные Уралсовета добрались до Тобольска быстро. Развернули там свою работу и через специальных курьеров связались с Екатеринбургом.

В Тобольске Совет состоял из меньшевиков и эсеров. Организации коммунистической партии не было.

Семья Романовых, помещавшаяся в бывшем губернаторском доме, жила довольно свободно: имели возможность безпрепятственной переписки, получения продуктов и т. д. Живший в Тобольское бывший гвардейский офицер, князь Долгоруков, имел свободный вход к Романовым. Сравнительно свободно допускались и другие лица.

Дальнейшее ознакомление подтвердило прежние сведения Уралсовета о наличии здесь большого количества контр-революционных элементов и деятельности епископа Гермогена. Кроме того, вскоре в Тюмени арестован был бывший глава Временного Правительства, князь Львов, приехавший сюда по «лесопромышленным делам»...

Екатеринбургские товарищи быстро развили среди гарнизона, отряда особого назначения, охранявшего Романовых и рабочих, имевшихся в городе предприятий, коммунистическую агитацию. Хохряков через полторы недели занял уже пост товарища председателя, а затем и председателя местного совета. Это дало возможность Уралсовету закрепить связь с Тобольском, т. к. до сих пор телеграф не мог быть надлежаще использован и важные телеграммы обычно задерживались или извращались.

Между тем из Омска прибыл в Тобольск отряд под начальством уполномоченного Запсибсовдепа Демьянова, а из Екатеринбурга выдвинуты были отряды в разные пункты вокруг Тобольска в Тюмень, в Голышманово и т. д. В самый Тобольск с разных сторон постепенно направлялись Уралсоветом преданные Советской власти красноармейцы, скоро составившие значительный отряд, находившийся в распоряжении Хохрякова.

Скопление в Тобольске отрядов, скрывших свои прямые задачи, вызвало определенный ажиотаж среди старой охраны Романовых, в отрядах екатеринбургском, омском и особенно, конечно, среди контр-революционных элементов Тобольска. Епископ Гермоген сделал попытку активно выступить и организовал патриотическую манифестацию — крестный ход, который никаких результатов не дал, так как значительные силы отрядов, вышедшие для охраны порядка на улицах, расхолодили чувства контр-революционеров.

Обостренные отношения между омским и екатеринбургским отрядом закончились в конце концов арестом Хохрякова, заподозренного в провокации и только переговоры по прямому проводу с Уралсоветом, подтвердившим особые полномочия Хохрякова спасли последнего от расстрела.

V

В Екатеринбурге в это время велись усиленные переговоры с В. Ц. И. К. о переводе Романовых. Комиссия, работавшая по переводу была усилена Голощекиным, военным комиссаром Уральского округа, что дало возможность располагать военными отрядами для организации перевозки Романовых.

На неоднократные предложения Уралсовета о вывозе Романовых из Тобольска, поддержанные и Запсибсоветом, В. Ц. И. К., наконец, сообщил, что бывший царь с семьей будут перевезены на Урал, для чего В. Ц. И. К. командируют своего уполномоченного Яковлева.

Несмотря на явную необходимость согласованных действий с Уралсоветом, Яковлев в Екатеринбург не заехал и вскоре выяснилось, что с отрядом из рабочих Симского и Миньярского заводов он через Челябинск и Омск проехал в Тобольск.

Наступила весенняя распутица и с вывозом семьи Романовых из Тобольска надо было спешить. Решено было немедленно вывезти Николая Романова, его жену Александру, дочь Марию и доктора Боткина. С ними же взят был из Тобольска и бывший князь Долгоруков. Остальные члены семьи и штат фрейлин и слуг остались до первых пароходов.

Из тех предварительных приготовлений к переводу семьи, которые имели место еще до приезда отряда Яковлева, Романовы поняли, что положение их резко меняется и с большим недовольством и протестами покидали Тобольск.

Путь от Тобольска до Тюмени совершен был благополучно, если не считать того, что уральцы сразу почувствовали недоверие к комиссару Яковлеву, взявшему в свои руки охрану Николая, окружив его особым почетом, никого к нему не допуская и т. д.

Уральцы на свой страх и риск устроили при переправе через Тобол у с. Иовлева засаду, предполагая при малейшей измене со стороны Яковлева устроить нападение на экспедицию.

VI

В Тюмени Романовы были посажены в специальный поезд. Яковлев, пользуясь особыми полномочиями, предоставленными ему В. Ц. И. К., занял телеграф и вел переговоры по прямому проводу с Кремлем. Результаты этих переговоров скоро выяснились.

Уралсовет получил телеграмму о том, что поезд выехал в Екатеринбург. Вслед затем получилась новая телеграмма, что поезд комиссара Яковлева с семьей Романова, не останавливаясь на ст. Тюмень, полным ходом прошел по направлению на Омск.

Немедленно был выслан из Екатеринбурга специальный поезд с отрядом, для задержания Яковлева и возвращения его в Екатеринбург. Одновременно велись по прямому проводу переговоры с надежными партийными товарищами в Омске и в результате переговоров решено было поезд на Сибирь не пускать, а в случае надобности, даже взорвать его.

На происходившей в эти дни в Екатеринбурге областной конференции Р. К. П. в закрытом заседании Голощекиным сделан был доклад о событиях, связанных с вывозом бывшего царя и его семьи из Тобольска. Конференция постановила настаивать на переводе Романовых в красный Екатеринбург. Резолюция конференции немедленно сообщена был В. Ц. И. К. и центральному комитету партии.

Не доезжая до Ишима, Яковлев остановил поезд в поле и разрешил Романовым прогулку «на солнышке», после чего двинулся дальше к Омску. Доехать до Омска ему не удалось, т. к., узнав о готовившейся для него «встрече», он возвратился в Екатеринбург.

Уралсовет перевод Романовых в Екатеринбург держал в тайне. Однако, сведения о приезде Романовых распространились по городу и на станции «Екатеринбург I», где остановился поезд, и к дому, куда должны были поместить бывшего царя, начали стекаться любопытные.

Тогда поезд был передвинут вновь на ст. «Екатеринбург II», куда подано было два автомобиля.

Приехавшие за Романовым уполномоченные Уралсовета Белобородов, Дидковский и Авдеев встретили вновь недоверие со стороны Яковлева, не желавшего выдать заключенных без охраны и недопустившего уполномоченных к Романовым, мотивируя тем, что «они готовятся к выходу и не стоит их беспокоить».

Решено было взять немедленно из поезда только Романова с женой и дочерью, оставив спутников и весь багаж в поезде.

Романовы были посажены в автомобиль, вместе с ними на переднем сидении с шоффером сел Дидковский, а на втором автомобиле позади поехали Белобородов и Авдеев. Оба автомобиля безо всякой охраны двинулись в город, к дому Ипатьева, на углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта, где приготовлено было помещение для заключения Романовых.

VII

Для разрешения ряда вопросов, связанных с переводом в Екатеринбург Романовых, было назначено экстренное заседание Областного Совета, на которое комиссар Яковлев явился с некоторыми своими товарищами и 8 гвардейцами бывшей охраны Николая в полном вооружении.

На заседании поставлен был вопрос о недоверии к Яковлеву, т. к. поведение его при перевозке Романова и попытка проезда в Сибирь показались подозрительными.

Комиссар Яковлев на запрос Совета рассказал следующее:

Получив от председателя В. Ц. И. К., тов. Я. М. Свердлова, мандат и личное поручение на доставку Николая Романова в Екатеринбург живым, он, видя настроение уральцев в Тобольске, чувствуя по дороге на Тобольск и в Тюмень постоянный надзор с их стороны, и имея словесное указание Я. М. Свердлова «охранять всеми мерами» бывшего царя, решил донести В. Ц. И. К. о своих опасениях на счет перевода Романова в Екатеринбург.

Разговоры с В. Ц. И. К. велись по прямому проводу, и Яковлев представил Уралсовету ленты аппарата. Из разговоров видно было, что комиссар Яковлев, стремясь охранить «особу», предложил В. Ц. И. К. разрешить ему увезти Романова к себе на родину в Уфимскую губернию и скрыть там в надежном месте «в горах». Это курьезное предложение В. Ц. И. К., конечно отвергнул, но согласился на перевоз Романовых в Омск. Меры, принятые Уралсоветом, помешали выполнению этого предприятия и Романовы привезены были в Екатеринбург.

Комиссару Яковлеву было об'явлено, что миссия его закончена. Сдав бывшего царя и привезенных с ним под роспиську и ответственность Областного Совета, Яковлев со своим отрядом из Екатеринбурга уехал, а гвардейцы были разоружены, снабжены деньгами и распущены по домам.

Приехавшего с Романовым Долгорукова, в виду подозрительного его поведения, решено было арестовать и заключить в тюрьму. Произведенным у него обыском обнаружена была значительная сумма денег, главным образом, мелочью, 2 карты Сибири с обзначением водных путей и какими-то специальными пометками. Сбивчивые показания Долгорукова не оставляли сомнения в том, что у него была определенная цель организовать побег Романовых из Тобольска.

VIII

Местом заключения Романовых Екатеринбургским Советом был избран дом Ипатьева. Владелец дома был выселен, а вокруг дома, впоследствии, устроен был легкий забор, защищающий дом от любопытных взглядов.

Доставленная в «дом особого назначения», как именовался в советских кругах дом Ипатьева, семья Романовых была принята комендантом дома, тов. Авдеевым,

Выяснилось, что вещи Романовых ни при аресте в Царском Селе, ни в Тобольске не просматривались. Предложено было немедленно открыть привезенные ими с собой ручные чемоданы.

Николай сделал это беспрекословно.

Александра заявила, что своих вещей она осматривать не даст. Начались пререкания с комендантом.

Николай в волнении зашагал по комнате и довольно громко заявил — «Чорт знает что такое, до сих пор всюду было вежливое обращение и порядочные люди, а теперь...»

Романову было заявлено, что нужно помнить, что он не в Царском Селе, а в Екатеринбурге, и что, если он будет вести себя вызывающе, его изолируют от семьи, а при повторении привлекут к принудительным работам.

И Александра и Николай почувствовали, что с ними шутить не станут и подчинились требованиям коменданта дома.

IX

Дом Ипатьева двух-этажный, причем нижний этаж, полуподвальный, благодаря сильному уклону почвы с Вознесенского проспекта, был занят, главным образом, помещениями, приспособленными под канцелярию, кухни, кладовые. В верхнем этаже Романовым было отведено пять комнат, в которых они и содержались в условиях полутюремного режима.

Привезенные в мае из Тобольска сын и остальные дочери Романова были также заключены в доме Ипатьева.

Не применяя к заключенным особо репрессивных мер и строгого тюремного режима, Областной Совет в то же время ввел строгую охрану дома и заключенные находились в нем всегда под неусыпным надзором красной гвардии, отряд которой помещен был в одном из зданий напротив «дома специального назначения».

Николай Романов, вообще идиотски безразлично относившийся к событиям, происходившим вокруг него, довольно спокойно относился и к режиму дома. Пытался первоначально заговорить с часовыми, а когда это ему запретили — прекратил.

Не так держала себя Александра. При каждом удобном случае она пыталась протестовать против условий введенного для нее режима, оскорблялла охрану и бывших в доме представителей Областного Совета.

Обед семья получала из советской столовой, лучшей в городе; ежедневно отпускалось по два обеда на каждого заключенного. В распоряжении семьи имелся «примус» для подогревания обеда.

Ежедневно заключенных выводили гулять в садик при доме, где в их распоряжение предоставлены были приспособления и инструменты для физической работы. Часы прогулки они назначали сами.

Во внутреннюю жизнь заключенных комендантура дома не вмешивалась, предоставляя семье возможность распределять день по своему усмотрению.

В праздники Пасхи Романовы заявили о желании пойти в церковь. В этом им было отказано, но разрешен был доступ священнику, который и произвел в доме богослужение. К Пасхе Романовым заказаны были куличи, пасхи, яйца.

(Интересно отметить следующий факт. Советская столовая в дни Пасхи не работала, и праздничный обед Романовым дан был из квартиры коммуны партийных работников. Обед этот для Романовых готовила жена одного советского работника, которая в дни власти Колчака была арестована. Ей, очевидно, поставили в вину изготовление обедов Романовым и расстреляли).

Всякие «передачи» заключенным не разрешались.

Особенно настаивали на передачах продуктов монахини местного монастыря, почти ежедневно доставлявшие для Романовых корзины всевозможного печенья, которое неизменно передавалось комендантом в распоряжение караула.

X

В первые же дни после перевода Николая в Екатеринбург сюда стали стекаться монархисты всех мастей. Начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс, монахинь, духовенства, кончая представителями иностранных держав.

Доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом лиц и членов Областного Совета Урала. Вообще же разрешения на свидания с Николаем давались В. Ц. И. К'ом.

Поэтому бесконечные попытки проникнуть на свидание с Николаем тех или иных лиц всегда кончались неудачей. Но монархическое охвостье продолжало загружать номера гостиниц и между прочим усиленно писало бесчисленные письма в дни царских праздников.

Корреспонденции поступало на имя Николая вообще очень мало: по преимуществу поздравительные письма и соболезнования, нередко проскальзывали письма явно ненормальных людей, с описанием снов, видений и другой ерунды.

Просьбы о свидании как с Николаем, а также и с другими представителями дома Романовых были довольно часты. Мотивировки были самые разнообразные: «повидаться, так как состоят в родстве», «услужить, что надо будет» и т. д. Являлись представители Красного Креста от разных дипломатических миссий. Однажды явился даже член генерального штаба сербских войск, Мигич, для получения личной информации от Николая о мировой войне.

Вся эта свора получала должный отпор от Областного Совета и злобно поглядывала на зоркий караул и сысертских рабочих-красноармейцев, расположенных вокруг дома.

Становилось совершенно очевидным даже для широких кругов населения, что монархисты свивали в Екатеринбурге организацию для освобождения Николая, так что Областной Совет был однажды поставлен перед фактом возможности неорганизованного, стихийного выступления рабочих с целью расправы над царем и собиравшейся вокруг него кликой. Возмущение рабочих масс очевидной организацией контр-революции было настолько велико, что в рабочих кругах Верх-Исетского завода определенно назначался день расправы — праздник 1-го мая. Областной Совет, не желая допустить этого неорганизованного выступления, принужден был в этот день организовать бессменное дежурство членов Совета. Впоследствии действительно была установлена связь отдельных представителей Красного Креста с чехо-словаками.

XI

Рост контр-революционного движения оренбургского казачества и бунт чехословацких эшелонов, использованных в целях контр-революции, создал угрозу падения Екатеринбурга, а особенно в связи с приближением фронта и активной работы местных контр-революционных сил.

К этому времени романовская семья в Екатеринбурге увеличивается. Из Вятки, по постановлению Губернского С'езда Советов, были высланы в Екатеринбург бывшие великие князья: Сергей Михайлович, Игорь, Константин, Иван Константиновичи и князь Палей. Сюда же, по постановлению В. Ч. К., привезена была из Москвы и вдова князя Сергея Александровича — Елизавета Федоровна.

Опасность сосредоточения массы таких «высоких» гостей в Екатеринбурге в дни напряженной борьбе с контр-революцией вблизи фронта была очевидна, и Областной Совет выслал перечисленных выше лиц в Алапаевск, под надзор алапаевского исполкома.

В Екатеринбург, как раньше в Тобольск, продолжают стекаться видные деятели контр-революции и темные личности, в задачи которых по прежнему входит организация заговоров и освобождение Романова и всех его родственников.

Среди других лиц, имеющих близкое касательство к семье Романовых, арестовывается указанный выше майор сербской службы Мигич, а вместе с ним фельдфебель Вожечич и некто Смирнов — управляющий делами сербской королевы, жены отправленного в Алапаевск бывшего князя Ивана Константиновича — Елены Петровны.

Эти лица явились в Областной Совет, как делегаты сербского посланника Сполайковича, первоначально для переговоров с Николаем Романовым о войне, а затем якобы для отправки Елены Петровны в Петроград, заявив, что на это получено разрешение от центральной советской власти. По справкам, наведенным Областным Советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу Сполайковича о разрешении Елены Петровне переехать в Петроград В. Ц. И. К. отклонил.

Цели Мигича и Вожечича были ясны, но выполнить их им не удалось.

С приближением фронта к Екатеринбургу и местное контр-революционное, «верное престолу», офицерство пытается завязать связи с царской семьей, усиливает переписку с Николаем Романовым и, главным образом, с его женой, проявляющей большую активность и непримиримость.

Вот одно из писем, которыми обменивались заключенные с заговорщиками, пытавшимися устроить в Екатеринбурге восстание еще в июне с целью освобождения Романовых.

«Час освобождения приближается и дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим и теперь надо бояться кровопролития. Этот момент наступил. Надо действовать».

«Друзья, читаем в другом письме, более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал».

Кто же они, пытавшиеся вырвать из рук народа преступников, лишенных короны, так заботящиеся о царской семье?

Перехваченные с «воли» от Романовских доброжелателей письма все подписаны большей частью словом: «Офицер», а одно даже так—«один из тех, которые готовы умереть за вас — офицер русской армии».

Ряд других данных, полученных Областным Советом, обнаруживал организацию, поставившую целью освободить Романовых, готовую в виду близости фронта исполнить свое намерение.

На заседаниях Областного Совета вопрос о расстреле Романовых ставился еще в конце июня. Входившие в состав Совета эс-эры — Хотимский, Сакович (оставшийся в Екатеринбурге при белых и расстрелянный ими) и другие были, по обыкновению, бесконечно «левыми» и настаивали на скорейшем расстреле Романовых, обвиняя большевиков в непоследовательности.

Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля.

Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета.

Приговор был приведен в ночь с 16 на 17 июля.

В заседании президиума В. Ц. И. К., состоявшемся 18 июля, председатель Я. М. Свердлов сообщил о расстреле бывшего царя.

Президиум В. Ц. И. К., обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановление Уралсовета признал правильным.

XII

Когда президиум Областного Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехо-словацкий фронт был уже близко и контр-революци-

онные банды с двух сторон — от Челябинска и по Западно-Уральской железной дороге двигались на Екатеринбург.

С расстрелом Романовых надо было спешить.

Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода — Петру Захаровичу Ермакову.

Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было об'явлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они находились, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых — бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, «дядька» наследника и бывшая принцесса фрейлина, оставшиеся при семье — около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, т. к. спать всегда ложились позже.

Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны — все они должны умереть.

Неожиданное известие ошеломило осужденных и лишь бывший царь успел сказать вопросительно — «так нас никуда не повезут?»

Выстрелами из револьвера с осужденными было покончено...

При выстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около насу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, в район Верх-Исетского завода и дер. Палкиной, где и были на другой день сожжены.

XIII

Самый расстрел прошел незамѣтно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах.

О самом факте расстрела опубликовано было в местных газетах 23 июля.

В передовой статье «Уральского Рабочего» за этот день, тов. Сафаров, один из членов президиума Областного Совета, подписавшего приговор Романовым, писал:

«Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца.

Рабочие и крестьяне, поглощенные гигантской творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли жить до народного суда.

Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, растреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. Расстреливал он бедняков и тогда, когда они просто поднимались против своих хозяев, и тогда, когда они шли к нему за помощью.

Вокруг сидевшего в тюрьме бывшего царя все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехо-словацкими белогвардейскими погромщиками.

Народный суд над всероссийским убийцей опередил замыслы контр-революционеров.

Воля революции была исполнена, хотя при этом были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни «коронованных особ». Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником.

Нет больше Николая Кровавого, и рабочие, и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону.

Ваша карта бита...

Получите сдачи — одну пустую коронованную голову»...

XIV

Белые генералы, пришедшие в Екатеринбург летом 1918 года, прежде всего занялись розысками трупов расстрелянных членов семьи Романовых.

Судебный следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде, Соколов, получил приказ вести следствие и, благодаря его работе, создано было дело «об убийстве отрекшагося от престола Государя Императора Николая Александровича и его семьи».

Причастных к этому «злодеянию», по выражению следователя, лиц он насчитывает около двухсот. Большинство из них никакого, конечно, отношения к расстрелу семьи Романовых не имели и «причислены» следователем только для полноты дела.

Белогвардейские газеты и всевозможные аферисты печатали и выпускали для обывателя самые фантастические сведения о жизни семьи Романовых в Екатеринбурге и о расстреле их.

Находились даже фантазеры, которые пытались внушить населению, что семья Романовых вместе с Николаем из Екатеринбурга вывезена.

Предпринятое военными властями обследование того района, куда вывезены были трупы казненных, ничего не дало.

Кроме находки нескольких драгоценных камней и золотых вещей.

Происхождение этих вещей следующее. Романовы были расстреляны в обычном платье. Когда же трупы решили сжечь, то их предварительно раздели. В некоторых частях одежды, потом сожженной, оказались зашитыми драгоценности. Возможно, что часть из них обронена или вместе с вещами попала в костер.

Вот все, что могли найти белогвардейские сыщики, несмотря на то, что ими мобилизованы были для работы и пленные красноармейцы и крестьяне дер. Коптяки. Для откачивания воды из «подозрительных» шахт была привезена даже паровая машина из Верх-Исетского завода.

Генерал Дидерихс, которому Колчак поручил общее руководство следствием по делу расстрела Романовых, оффициально заявил, что вся семья Романовых расстреляна и трупы уничтожены без остатка.

Вот выдержка из оффициальной беседы генерала Дидерихса, помещенной во всех белогвардейских газетах колчаковского времени:

Владивосток 27. II. (Р. Т. А.).

В беседе с сотрудником местных газет, находящийся во Владивостоке генерал Дидерихс на вопрос о целях приезда во Владивосток сообщил следующее:

«Находясь на фронте, руководя фронтовыми действиями, я параллельно изучал причины убийства царской семьи.

На меня Верховным Правителем была возложена задача обследования убийства царской семьи, а также собирание материалов фактического подтверждения этого убийства. Вся царская семья и великие князья убиты. Первые в Екатерин-

бурге, вторые в Алапаевске в 60 верстах от Екатеринбурга. Царская семья убита по постановлению Уральского Областного Совета в ночь с 16-го на 17-ое июля.

Урал стал могилой не только бывшему царю и его семье. В средних числах июля в Перми был расстрелян и брат Николая Романова — Михаил Александрович, с помощью которого в феврале 1917 года буржуазия пыталась спасти монархию, передав ему императорскую корону.

В этих же числах уничтожены были в Алапаевске и великие князья Сергей Михайлович, Игорь Константнович, Костантин Константинович и Иван Константинович. Трупы этих последних были разысканы белогвардейской контр-разведкой и торжественно похоронены в склепе алапаевского собора.

Следует отметить то обстоятельство, что в оффициальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Было сообщено о расстреле лишь бывшего царя, а великие князья по нашим сообщениям или бежали, или увезены-похищены неизвестно кем. То же самое было сообщено и о жене, сыне и дочерях Николая, которые будто бы были увезены в «надежное место».

Это не было результатом нерешительности местных советов. Исторические факты говорят, что наши Советы и областной, и пермский, и алапаевский действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу.

Кроме того, рассматривая теперь эти события уже как факты истории рабочей революции, следует признать, что Советы Урала, расстреливая бывшего царя и действуя в отношении всех остальных Романовых на свой страх и риск, естественно пытались отнести на второй план расстрел семьи и бывших великих князей Романовых.

Это дало возможность сторонникам монархии говорить о побегах некоторых членов семьи.

Чтобы рассеять этот туман, уже зимой 1918 года Областной Совет опубликовал оффициально сообщение о расстреле и Михаила Романова.

Заканчивая настоящий очерк, являющийся сводкой бесед с отдельными товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с семьей бывшего царя, а также принимавшими активное участие в ее расстреле и уничтожении трупов, мы уверены, что товарищи, у которых имеются более обширные сведения о пребывании в Тобольске и на Урале Романовых и о той контр-революционной работе, которая велась вокруг них, дадут нам возможность эти материалы использовать и тем самым еще глубже загнать осиновый кол в могилу русского самодержавия.

П. Быков.